1892 годъ. Февраль.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

и

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ.“

Годъ 4. Книга 2. № 20. Сезонъ 3. Книга 6.

1892

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовск. ул., соб. домъ.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія **В. Шекспира**, переводъ **П. П. Гнѣдича**. Актъ 2-й (съ рисунками). 1
II. ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКАГО къ Ѳ. А. Бурдину 11
III. ИКОНОПИСЕЦЪ (изъ былого Москвы), разсказъ **С—ка** 19
IV. ЛЕКЦІИ О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ Театральномъ училищѣ. (Лекція 5-я). **П. Д. Боборыкина**. 34
V. ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. А. А. КИСЕЛЕВЪ (съ снимками съ картинъ и портретомъ), ст. **Глаголя** 40
VI. ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА, ст. **Е. С. Некрасовой** (окончаніе). 49
VII. ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ, разсказъ **Н. И. Тимковскаго** 55
VIII. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГОГОЛЯ (замѣтки и наблюденія)—**В. И. Шенрока**. 72
IX. Г. Н. ѲЕДОТОВА и Н. А. НИКУЛИНА (по поводу тридцатилѣтія ихъ сценической дѣятельности) 90
X. „***" стихотвореніе **К. Д. Бальмонта** 94
XI. НОЧЬ, дуэтъ для пѣнія **А. А. Ильинскаго** 95
XII. О, ЕСЛИ-БЪ ТЫ МОГЛА, романсъ **А. А. Симона** 101
XIII. БИБЛІОГРАФІЯ. (*В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія*, изд. Д. А. Ровинскаго.—*Русскій Художественный Архивъ*. № 1.—*Художественный альбомъ типовъ изъ „Мертвыхъ душъ"*, рис. П. П. Соколова.—*Альбомъ рисунковъ* г. Перепелчикова.—*Мотивы русскаго пейзажа*, г. В. Соколова.—*Міръ Божій*, журн. для юношества, № 1.—*Перомъ и карандашомъ*, альбомъ автографовъ, изд. журн. „Осколки".—*Природа и люди Россіи*.—*Заря*, украинскій журналъ.—Кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ). *Судъ идетъ*, *Иванъ*, *Вальсъ*, *Холодовъ*.—М. Аютинъ (М. Н. Ремезовъ). *Нашихъ полей ягоды*, романъ.—И. Бунинъ. *Стихотворенія*.—Наши иллюстрир. журналы: *Всемірная иллюстрація*, *Живописное обозрѣніе*.—**Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, безусловно дозволеннымъ къ представленію въ декабрѣ 1891 г.** Пьесы: „*Второгодникъ остепенился*", „*Наполеонъ 1-й въ Россіи*", „*Пародница*", „*По щучьему велѣнью*", „*Чаша жизни*"). 103
XIV. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ (Москва. Малый театръ: *Сѣверные богатыри*, Ибсена, ст. **И. И. Иванова**. *Женскій вопросъ*, фарсъ Фульда, ст. **V.** Большой театръ: *Русланъ*, ст. **Л. Д—скаго**. Театръ г. Корша: *Не лги!*—*Щекотливое порученіе*.—*Кайсаровы*.—*Быть или не быть*, ст. **Р. С. Т.** Театръ „XIX столѣтія": Оперныя спектакли, ст. **С. Н. Кругликова**. Спектакли малороссовъ, ст. **В. Е. Ермилова**. Наша сцена съ точки зрѣнія художника: „Сѣверные богатыри", ст. **Глаголя**. Концертъ А. Г. Рубинштейна. Русское Музыкальное Общество: 4-е квартети. собр.—1-й общедоступн. концертъ. Московское Филармоническое Общество: 5, 6 и 7 концерты. Музыкальное утро *дѣтскаго оркестра г. Эрарскаго*, статьи **С. Н. Кругликова**. **С.-Петербургъ**. *Лѣтнія гулянья*.—*Перчатка*.—Итоги прошлаго полугодія, ст. **Г. Эсклармонда**. Г-жа Сибиль Сандерсонъ и г. Крушевскій. Возвращеніе г. Направника. Итальянская опера. Консерваторскій оперный спектакль. Концертъ А. Г. Рубинштейна. Симфоническія собранія. Квартетныя собранія. 5-е собр. Общ. Камерной музыки, ст. **Леля**.—**Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ**. *Корреспонденціи* изъ Бердянска, Воронежа, Екатеринославля, Златоуста, Иваново-Вознесенска, Кіева, Коломны, Костромы, Красноярска, Кременчуга, Ливенъ, Маріуполя, Нижняго-Новгорода, Николаева, Новгорода, Ново Трокъ, Одессы, Орла, Оренбурга, Риги, Самары, Саратова, Семипалатинска, Симферополя, Средней Азіи, Таганрога, Тифлиса, Томска, Урюпина и Харькова. Иностранное обозрѣніе) 109
XV. ХРОНИКА 167

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XVI. СѢВЕРНЫЕ БОГАТЫРИ, др. въ 4-хъ дѣйств. **Г. Ибсена**, перев. **Н. Мировичъ**. 1
XVII. ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ, фарсъ въ 2-хъ дѣйств. **Л. Фульда**, переводъ **Н. Ѳ. Арбенина** 24
Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей (стр. 26—28).

XVIII. ВДОВА (КЪ РОДНЫМЪ), картина **Л. О. Пастернака** (фототипія К. А. Фишеръ въ Москвѣ).
XIX. ДЕРЕВУШКА, картина **А. А. Киселева** (автотипія г. Демчинскаго въ С.-Петербургѣ).
XX. ПОРТРЕТЪ А. А. КИСЕЛЕВА (фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ).

Клише заставокъ и виньетокъ исполнены фирмами: Ангереръ и Гешль въ Вѣнѣ, Баше въ Парижѣ, Риффарта въ Берлинѣ, П. О. Яблонскаго въ С.-Петербургѣ и др.

Дозволено цензурою. Москва, февраль 1892 года.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,

МУЗЫКАЛЬНЫЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ“.

1892 годъ. Февраль.

№ 20.

Годъ 4-й. Сезонъ 3-й.

Книга 2-я. Книга 6-я.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименов. ул., соб. д.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія **В. Шекспира**, переводъ **П. П. Гнѣдича**. Актъ 2 й (съ рисунками) 1

II. ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКАГО къ Ѳ. А. Бурдину 11

III. ИКОНОПИСЕЦЪ (изъ былого Москвы), разсказъ **С—ка** 19

IV. ЛЕКЦІИ О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ Театральномъ училищѣ. (Лекція 5-я). **П. Д. Боборыкина**. 34

V. ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. А. А. КИСЕЛЕВЪ (съ снимками съ картинъ и портретомъ), ст. **Глаголя** 40

VI. ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА, ст. **Е. С. Некрасовой** (окончаніе). 49

VII. ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ, разсказъ **Н. И. Тимковскаго** 55

VIII. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГОГОЛЯ (замѣтки и наблюденія)—**В. И. Шенрока** 72

IX. Г. Н. ѲЕДОТОВА и Н. А. НИКУЛИНА (по поводу тридцатилѣтія ихъ сценической дѣятельности) 90

X. * * * стихотвореніе **К. Д. Бальмонта** 94

XI. НОЧЬ, дуэтъ для пѣнія **А. А. Ильинскаго** 95

XII. О, ЕСЛИ-БЪ ТЫ МОГЛА, романсъ **А. А. Симона** 101

XIII. БИБЛІОГРАФІЯ. *(В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія*, изд. Д. А. Ровинскаго.—*Русскій Художественный Архивъ. № 1.—Художественный альбомъ типовъ изъ „Мертвыхъ душъ“*, рис. П. П. Соколова.—*Альбомъ рисунковъ* г. Переплетчикова.—*Мотивы русскаго пейзажа*, г. В. Соколова.—*Міръ Божій*, журн. для юношества, № 1.—*Игрушка и карандашомъ*, альбомъ автографовъ, изд. журн. „Осколки“.—*Природа и люди Россіи.—Заря*, украинскій журналъ.—Кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ). *Судъ чести, Иванъ, Вальсъ, Холодовъ.*—М. Анютинъ (М. Н. Ремезовъ). *Нашихъ полей ягоды*, романъ.—И. Бунинъ. *Стихотворенія.*—Наши иллюстрир. журналы: *Всемірная иллюстрація, Живописное обозрѣніе.*—**Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, безусловно дозволеннымъ къ представленію въ декабрѣ 1891 г.** Новыя пьесы: *„Вытрогоны остепенились“*, *„Наполеонъ 1-й въ Россіи“*, *„Наѣздница“*, *„По щучьему велѣнью“*, *„Чаша жизни“*) 103

XIV. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ (**Москва**. Малый театръ: *Сѣверные богатыри*, Ибсена, ст. **И. И. Иванова**. *Женскій вопросъ*, фарсъ Фульда, ст. **V.** Большой театръ: *Русланъ*, ст. **Л. Д—скаго**. Театръ г. Корша: *Не ми!—Щекотливое порученіе.—Кайсаровы.—Быть или не быть*, ст. **Р. С. Т.** Театръ „XIX столѣтія“: Оперныя спектакли, ст. **С. Н. Кругликова**. Спектакли малороссовъ, ст. **В. Е. Ермилова**. Наша сцена съ точки зрѣнія художника: „Сѣверные богатыри“, ст. **Глаголя**. Концертъ А. Г. Рубинштейна. Русское Музыкальное Общество: 4-е квартетн. собр.—1-й общедоступн. концертъ. Московское Филармоническое Общество: 5, 6 и 7 концерты. Музыкальное утро *дѣтскаго оркестра* г. *Эрарскаго*, статьи **С. Н. Круглинова. С.-Петербургъ**. *Лѣтнія грезы.—Перчатка.*— Итоги прошлаго полугодія, ст. **Г. Эсклармонда**. Т-жа Сибиль Сандерсонъ и г. Крушевскій. Возвращеніе г. Направника. Итальянская опера. Консерваторскій оперный спектакль. Концертъ А. Г. Рубинштейна. Симфоническія собранія. Квартетныя собранія. 5-е собр. Общ. Камерной музыки, ст. **Леля**.—**Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ**. *Корреспонденціи* изъ Бердянска, Воронежа, Екатеринослава, Златоуста, Иваново-Вознесенска, Кіева, Коломны, Костромы, Красноярска, Кременчуга, Ливенъ, Маріуполя, Нижняго-Новгорода, Николаева, Новгорода, Ново Трокъ, Одессы, Орла, Оренбурга, Риги, Самары, Саратова, Семипалатинска, Симферополя, Средней Азіи, Таганрога, Тифлиса, Томска, Урюпина и Харькова. Иностранное обозрѣніе) 109

XV. ХРОНИКА 167

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XVI. СѢВЕРНЫЕ БОГАТЫРИ, др. въ 4-хъ дѣйств. **Г. Ибсена**, перев. **Н. Мировичъ** 1

XVII. ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ, фарсъ въ 2-хъ дѣйств. **Л. Фульда**, переводъ **Н. Ѳ. Арбенина** 24

Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей (стр. 26—28).

XVIII. ВДОВА (КЪ РОДНЫМЪ), картина **Л. О. Пастернака** (фототипія К. А. Фишеръ въ Москвѣ).

XIX. ДЕРЕВУШКА, картина **А. А. Киселева** (автотипія г. Демчинскаго въ С.-Петербургѣ).

XX. ПОРТРЕТЪ А. А. КИСЕЛЕВА (фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ).

Клише заставокъ и виньетокъ исполнены фирмами: Ангереръ и Гешль въ Вѣнѣ, Баше въ Парижѣ, Риффарта въ Берлинѣ, П. О. Яблонскаго въ С.-Петербургѣ и др.

Дозволено цензурою. Москва, февраль 1892 года.

СЪ ЯНВАРЯ 1892 ГОДА

„АРТИСТЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ДНЕВНИКА АРТИСТА“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНО

двѣнадцать разъ въ годъ.

Съ сентября по апрѣль будутъ выходить, по прежнему, книжки *„Артиста“*, а съ апрѣля по сентябрь **въ томъ же форматѣ и по той же программѣ** – *„Дневникъ Артиста“*, книжками отъ 5 до 8 листовъ.

Подписная цѣна **на годъ** (на „Артистъ“ вмѣстѣ съ „Дневникомъ Артиста“)—**10 р.**, съ доставкой и пересылкой **12 р.**

Гг. подписчики на сезонъ 189½ г., желающіе перейти въ годовые и дополучить 5 №№ *„Дневника Артиста“* и 4 книги *„Артиста“*—по 1-е января 1893 г.,—доплачиваютъ 6 р. 20 к. безъ доставки и 7 р. 70 к. *) съ доставкой и пересылкой.

Подписка на сезонъ (7 книгъ „Артиста“) остается на прежнихъ условіяхъ и по той же цѣнѣ—безъ доставки 9 р., съ доставкой и пересылкой 10 р.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается **разсрочка:** при подпискѣ **4** руб., и затѣмъ ежемѣсячно по **2** руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ книгъ, **высылать слѣдуемые взносы своевременно, согласно означеннымъ условіямъ.** Другихъ условій разсрочки не допускается.

---

*) Почтовыя и гербовыя марки въ уплату не принимаются.

Подписка на сезонъ 189½ года продолжается.

Новые подписчики на сезонъ 189½ г. получатъ всѣ №№ вышедшіе съ сентября 1891 года.

Подписная цѣна на „Артистъ“ на сезонъ,—на веленевой бумагѣ (сто особыхъ нумерованныхъ экземпляровъ) 16 руб., съ пересылкой 18 руб.; въ изящныхъ переплетахъ 25 руб., съ пересылкой 30 руб.

Для учащихся въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на «Артистъ» на сезонъ 7 руб., съ пересылкой 8 рублей и на годъ 9 руб., съ пересылкой 10 руб.

Отдѣльные нумера „Артиста“ по 2 рубля.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ продаются въ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ наложеннымъ платежомъ.
6 книгъ 1-го сезона 18⁸⁹/₉₀ г. (№№ 1—3 и 5—7) (*Экземпляры № 4 всѣ распроданы*)	7 р. 75 к.	10 р. — к.	10 р. 25 к.
7 книгъ 1890 г. (№№ 5—11)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 2-го сезона 189⁰/₁ (№№ 8—14)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 1891 г. (№№ 12—18)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
10 „ 1890 г. и 189⁰/₁ г. (№№ 5—14)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11 „ 189⁰/₁ и 1891 г. (№№ 8—18)	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
14 „ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18)	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
17 „ (№№ 1—3 и 5—18)	22 „ — „	28 „ — „	28 „ 60 „

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА:

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), **одобренныя** драматическою цензурою **для представленія безусловно**; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренные драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные нумера—1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 8 мѣс.	На 4 мѣсяца
Безъ доставки	3 р.	2 р.	1 р. 50 к.
Съ доставкой	4 »	3 »	2 » — »

Подписка принимается **только** отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“.

Гамлетъ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Вильяма Шекспира.

(Съ сокращеніями, согласно требованіямъ сцены).

Переводъ **П. П. Гнѣдича.**

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ домѣ Полонія *). Полоній и Рейнальдо.

Полоній.

Ты передашь ему вотъ эти деньги
И письма...

Рейнальдо.

Слушаю-съ.—

Полоній.

Ты очень хорошо
Поступишь, добрый мой Рейнальдо, если
До встрѣчи съ нимъ развѣдаешь, какъ онъ
Ведетъ себя...

Рейнальдо.

Я такъ и думалъ.

Полоній.

Да,
Да, пожалуйста... Ты разузнай сперва,
Кто изъ датчанъ живетъ теперь въ Парижѣ,—
И кто, и какъ, и на какія средства,

*) Можно соединить первую сцену со второй, начавъ ее съ выхода Офеліи.

И гдѣ проводятъ время, съ кѣмъ, и сколько
Кто тратитъ денегъ. Разузнавъ обходомъ,
Случайными разспросами, что знаютъ
Они Лаэрта,—подойди поближе,
Вдавайся въ частности,—ну, намекни,
На нѣкоторое знакомство,—напримѣръ,
Скажи: «его отца, друзей я знаю,
Да и его отчасти»... Понимаешь?

Рейнальдо.

Да-съ, понимаю.

Полоній.

«И его отчасти,—
«Но (можешь ты прибавить) очень мало,
«И если это тотъ—онъ очень вѣтренъ,
«Онъ преданъ вотъ тому-то и тому-то»...
И тутъ ты что-нибудь соври,—но только
Не что-нибудь позорное, такое
Чтобы безчестило его,—о, нѣтъ!
Такъ что-нибудь, обычные грѣшки,
Интрижки, что-ли, вѣтренность—все то,
Съ чѣмъ юность неразлучна.

Рейнальдо.

Иль игра
Азартная?...

Полоній.

Да!—Ну—дуэль, попойка,
Ругательство, пожалуй, волокитство,—
Все это можно....

Рейнальдо.

Но, быть можетъ, это
Его и обезчеститъ?...

Полоній.

О, нисколько!
Все это въ слабой степени ты можешь
Представить, не трубить на перекресткахъ,
Что онъ—распутникъ,—я тебѣ не это
Хочу сказать; ты долженъ ловко такъ
Его ошибки выставить, какъ будто
Онѣ—лишь пятна на его свободѣ....

Рейнальдо.

Но...

Полоній.

Зачѣмъ тебѣ все это дѣлать?

Рейнальдо.

Да,
Хотѣлось-бы мнѣ это знать.

Полоній.

А вотъ
Какая мысль моя,—уловка эта
Мнѣ кажется практичной. На Лаэрта
Ты легкую набросишь тѣнь, какъ будто
Немного онъ запятненъ: понимаешь?
Твой собесѣдникъ (у кого ты хочешь
Все вывѣдать) онъ—если замѣчалъ
Грѣшки въ томъ юношѣ, который служитъ
Предметомъ разговора, онъ, повѣрь,
Рѣчь заключитъ подобнымъ заключеньемъ:
«Да, сударь мой»,—или «почтенный другъ мой»,
Или «любезнѣйшій»—ну, словомъ, такъ,
Какъ говорить привыкъ онъ, какъ у нихъ
Въ странѣ ведется....

Рейнальдо.

Хорошо-съ.

Полоній.

Да.... Ну, такъ
Онъ вотъ что сдѣлаетъ... Онъ... что хотѣлъ я
Сказать? Вѣдь что-то я хотѣлъ сказать....
На чемъ остановился я?

Рейнальдо.

На томъ,
Какъ рѣчь онъ «заключеньемъ заключитъ».

Полоній.

Какъ «заключеньемъ заключитъ»? Ахъ, да!
Онъ заключитъ съ тобою такъ: «да, знаю,—
«Я съ этимъ молодцомъ знакомъ. Его
«Вчера я видѣлъ, или, тамъ, на дняхъ,
«Или тогда-то и тогда-то, съ тѣмъ-то
«И тѣмъ-то... Это правда: онъ какъ разъ
«Игралъ тогда въ азартную игру,
«Иль пьянствовалъ, иль ссорился съ друзьями,
«Иль заходилъ куда, иль въ этомъ родѣ
Тамъ что-нибудь... Ну, видишь ты теперь—
Твоя приманка лжи тебѣ поймаетъ
Добычу истины?... Мы осторожно,
Какъ умные, практическіе люди,
Путемъ окольнымъ истину отыщемъ,
И ты, моимъ совѣтамъ и урокамъ
Благодаря, узнаешь о Лаэртѣ
Все, что намъ нужно... Понялъ ты? Все понялъ?

Рейнальдо.

Все понялъ.

Полоній.

Ну, храни тебя Господь,—
Прощай...

Рейнальдо.

Я, сударь....

Полоній.

Да и самъ за нимъ
Присматривай,—что онъ и какъ...

Рейнальдо.

Замѣчу...

Полоній.

Пусть самъ свою онъ музыку покажетъ...

Рейнальдо.

Исполню все....

Полоній.

Ну, будь здоровъ, мой другъ.—
(*Входитъ* **Офелія**, **Рейнальдо** *уходитъ*).
Что ты, Офелія? что, что случилось?

Офелія.

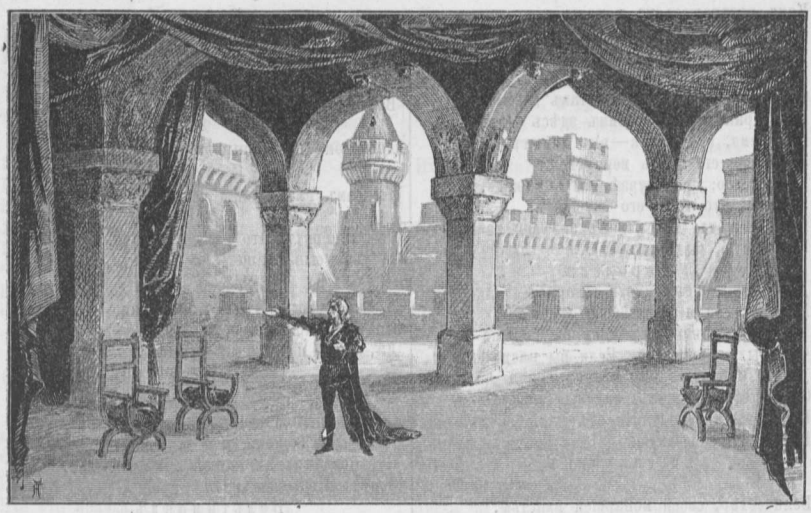
Ахъ, мой отецъ,—я такъ перепугалась....

Полоній.

Что ты, Господь съ тобой!

Офелія.

Я у себя
Сидѣла въ комнатѣ и шила... Вдругъ
Вошелъ Гамлетъ... Камзолъ его разстегнутъ,



Безъ шляпы самъ, чулки его спустились
До щиколокъ, подвязокъ нѣтъ,—онъ блѣденъ
Какъ полотно, колѣни другъ о друга
Стучатъ,—такъ жалобно, печально смотритъ,—
Сталъ предо-мною....

Полоній.

Отъ любви къ тебѣ
Онъ помѣшался?

Офелія.

Я не знаю, право,—
Боюсь, что такъ.

Полоній.

Ну, что-жь онъ говорилъ?

Офелія.

Онъ взялъ мнѣ руку, крѣпко-крѣпко стиснулъ,
Потомъ на всю длину своей руки
Онъ отступилъ, держа другую руку
Такъ, надъ глазами, и лицо мнѣ началъ
Разсматривать, какъ будто собирался
Писать портретъ съ меня... И долго-долго
Онъ такъ стоялъ,— потомъ, пожавъ мнѣ руку,
И головою трижды покачавъ,
Вздохнулъ такъ жалостно и такъ глубоко,
Что мнѣ казалось, этотъ вздохъ разрушитъ
Все существо его,—послѣднимъ будетъ,
Предсмертнымъ вздохомъ... Отпустивъ меня,
Онъ обернулся, сталъ черезъ плечо
Смотрѣть, дошелъ до двери, вышелъ,—все
Не глядя подъ ноги,—но не спуская
Лучистый взоръ съ меня...

Полоній.

Пойдемъ со мной!
Я къ королю иду,—да, это бредъ
Любви! Ея порывы ей самой
Смертельны,—и они приводятъ волю
Къ отчаяннымъ поступкамъ,—на землѣ
Любовь— ужаснѣйшая страсть... Да, очень
Его мнѣ жаль... Не говорила-ль ты
Съ нимъ слишкомъ рѣзко эти дни?...

Офелія.

О, нѣтъ,
Я вашу волю только исполняла:
Не принимала писемъ, и его
Къ себѣ не допускала...

Полоній.

Ну, вотъ это
Его съ ума, конечно, и свело.
Жаль, очень жаль, что я не наблюдалъ
За нимъ серьезнѣе: я все боялся,
Что шутитъ онъ, что онъ тебя намѣренъ
Лишь погубить... О, это подозрѣнье
Проклятое! У стариковъ, ей Богу,
Заходитъ умъ за разумъ,—это такъ же
Намъ свойственно, какъ людямъ молодымъ—
Отсутствіе разсудка... Ну, пойдемъ,
Однако, къ королю... Необходимо
Все сообщить,—все о любви сказать,—
Скрывать гораздо хуже...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ замкѣ.

Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденстернъ, придворные.

Король.

Добро пожаловать, любезный Розенкранцъ
И Гильденстернъ... Мы такъ желали васъ
Скорѣе видѣть: дѣло очень важно,—
А потому мы васъ сюда поспѣшно
И вызвали. Вы слышали, конечно,
О превращеньи съ принцемъ,—мы иначе

Какъ превращеньемъ и назвать не можемъ
Случившееся съ нимъ... Мы просимъ васъ,—
(Гамлету вы товарищами были,
И въ раннемъ дѣтствѣ, и потомъ, когда
Онъ юношею былъ, вамъ такъ извѣстенъ
Его характеръ),—просимъ здѣсь остаться
На время, при дворѣ—вы, можетъ быть,
Заставите его опять вернуться
Къ веселію; при случаѣ, быть можетъ,
Узнаете, что такъ его смущаетъ;
Быть можетъ, мы, узнавъ болѣзни тайну
Невѣдомую, вылѣчимъ его...

Королева.

Да, господа, онъ много говорилъ
Про васъ, и я увѣрена, что нѣтъ
На свѣтѣ никого, къ кому бы больше
Онъ былъ привязанъ. Если вы настолько
Добры и благородны, что на время
Останетесь при немъ, надежду нашу
Поддержите,—получите отъ насъ
Награду королевскую.

Розенкранцъ.

О, ваше
Величество, своей монаршей властью,
Вы волю августѣйшую свою
Скорѣй приказомъ выразить могли-бы
Чѣмъ просьбою.

Гильденстернъ.

Повиноваться мы
Во всемъ готовы, сколько хватитъ силъ;
Мы приказанья ждемъ...

Король.

Благодаримъ
Васъ, Розенкранцъ и добрый Гильденстернъ.

Королева.

Да, Гильденстернъ и добрый Розенкранцъ,
Благодаримъ васъ... Я бы попросила
Васъ тотчасъ къ бѣдному пойти Гамлету...
Какъ онъ перемѣнился!.. Кто-нибудь!..
Къ его высочеству сведите этихъ
Господъ.

Гильденстернъ.

Пусть нашъ пріѣздъ Всевышній
Благословитъ, и сдѣлаетъ его
Пріятнымъ и полезнымъ...

Розенкранцъ, Гильденстернъ и нѣкоторые придворные *уходятъ. Входитъ* **Полоній.**

Полоній.

Мой государь, съ пріятными вѣстями
Вернулись изъ Норвегіи послы.

Король.

Ты былъ всегда посломъ вѣстей пріятныхъ.

Полоній.

Да, государь,—могу сказать я смѣло,
Что соблюдаю долгъ свой такъ же свято,
Какъ собственную душу: я и Богу,
И королю—равно служу. И если
Мой мозгъ не утерялъ еще способность
Соображать, то я нашелъ, быть можетъ,
Причину помѣшательства Гамлета.

Король.

О, разскажи скорѣй, я жажду знать...

Полоній.

Сперва аудіенцію посламъ
Вамъ должно дать... И мой разсказъ вамъ будетъ
Десертомъ послѣ пышнаго обѣда.

Король.

Ты самъ имъ сдѣлай честь,—введи сюда.
(**Полоній** *уходитъ.*)
Онъ говоритъ, что найдена причина
Безумья сына нашего, мой другъ...

Королева.

Я сомнѣваюсь, чтобъ была иная
Причина, кромѣ смерти короля,—
Да, нашъ поспѣшный бракъ...

Король.

А вотъ узнаемъ.—
(*Входятъ* **Полоній, Вольтимандъ и Корнеліусъ.**)
Добро пожаловать, мои друзья.
Ну, Вольтимандъ, какой намъ посылаетъ
Отвѣтъ Норвежецъ?

Вольтимандъ.

Онъ на вашъ привѣтъ
Вамъ шлетъ привѣтъ и пожеланья дружбы.
Тотчасъ-же по пріѣздѣ нашемъ, онъ
Остановилъ наборы Фортинбраса.
Ему казалось, будто противъ Польши
Идутъ приготовленья. Убѣдившись,
Что противъ васъ задуманы походы,
Онъ, возмущенный тѣмъ, что такъ сумѣли
Воспользоваться старостью, болѣзнью,
Безсиліемъ его,—арестовалъ
Племянника; онъ долженъ былъ отъ дяди
Нравоученье выслушать и клятву
Дать въ томъ, что никогда не будетъ болѣ
На Данію оружья поднимать.
Старикъ-король обрадовался очень
Такому обороту дѣлъ, назначилъ
Три тысячи дукатовъ годового
Ему дохода, а солдатъ, которыхъ
Собралъ онъ, приказалъ вести походомъ
Противу Польши,—здѣсь въ бумагахъ этихъ,
(*Подаетъ свитокъ.*)
Онъ проситъ вашего благоволенья,—
Перевести чрезъ Данію войска,
На тѣхъ условіяхъ вознагражденья
И гарантіи, о которыхъ здѣсь
Изложено...

Король.

Исходъ благопріятный!
Мы во время прочтемъ его посланье,
Отвѣтимъ и подумаемъ о дѣлѣ.
Пока мы очень васъ благодаримъ
За ваше, столь удачное, посольство,—
Подите, отдохните: нынѣче ночью
Мы вмѣстѣ попируемъ... Очень рады,
Мы снова видѣть васъ въ владѣньяхъ нашихъ.
(**Вольтимандъ и Корнеліусъ** *уходятъ.*)

Полоній.
Ну-съ, это дѣло кончено. Теперь,—
Король и королева! Объяснять
Чѣмъ власть монарха быть должна, что̀—
долгъ,—
Что день—есть день, ночь—ночь, и время—
время,—
Вѣдь это убивать и ночь, и день,
И время. Краткость есть душа ума,
Растянутость—лишь внѣшнія прикрасы.
Я буду кратокъ. Благородный сынъ вашъ
Помѣшанъ. Говорю «помѣшанъ», ибо
Что̀ помѣшательство такое, если
Не помѣшательство?... Но это мы
Оставимъ...

Королева.
Да,—нельзя-ли безъ прикрасъ,
Скорѣе къ дѣлу...

Полоній.
Я готовъ поклясться,
Что отъ прикрасъ далекъ въ своемъ разсказѣ...
Что онъ помѣшанъ—это правда; правда
И то, что это жалко,—да, и жалко,
Что это правда... Глупый оборотъ!
Но Богъ съ нимъ; эти всѣ прикрасы я
Отброшу въ сторону... Положимъ, принцъ
Ума лишился... Что-жь намъ остается,—
Намъ остается отыскать причину
Присутствія подобной вещи въ принцѣ,—
Или вѣрнѣй—отсутствія... Вѣдь это
Отсутствіе присутствія имѣетъ
Причину несомнѣнно... Что же намъ
Теперь осталось? Вотъ извольте видѣть:
Я дочь имѣю,—я имѣю дочь,
Пока она при мнѣ. И вотъ она,
По долгу дочери и послушанью,
Передала, замѣтьте,—вотъ что... Ну-съ,
Теперь внимайте и судите...
(Читаетъ) «Небесной, божеству души моей,
наивосхитительнѣйшей Офеліи». Скверное выраженіе, неудачное выраженіе! «Наивосхитительнѣйшей»—неудачное выраженіе! Но дальше послушайте: «На чудную, нѣжную грудь, на эти... Ну, и прочее»...

Королева.
И это ей писалъ Гамлетъ?

Полоній.
Позвольте
Немного, королева,—объяснится
Все очень скоро *(Читаетъ)*

«Не вѣрь тому, что звѣзды изъ огня,
«Не вѣрь, что солнце по небу идетъ,
«Не вѣрь, что истина всечасно лжетъ,
«Но вѣрь тому, что я люблю тебя!

«Дорогая Офелія,—меня такъ затрудняютъ «эти стихи: не слагаются въ нихъ мои вздо-«хи,—но что я люблю тебя больше всего, до-«рогая моя,—повѣрь мнѣ! Прощай. Твой на-«всегда, моя радость, пока бьется сердце.—«Гамлетъ».

Изъ послушанья дочь моя мнѣ это
Письмо вручила. Болѣе того:
Она передала мнѣ всѣ его
Признанія, которыя онъ дѣлалъ,—
Когда, и какъ, и гдѣ...

Король.
Но какъ она
Ихъ приняла?

Полоній.
А за кого меня
Вы принимаете?

Король.
За честнаго,—
И вѣрнаго слугу.

Полоній.
Такимъ на дѣлѣ,
Всегда я быть хочу. Но что̀ бы вы
Подумали, когда, замѣтивъ этотъ
Полетъ любви горячей и безумной,
(Ее замѣтилъ, надо вамъ сказать,
Я прежде, чѣмъ мнѣ дочь о ней сказала)
Что-бъ вы могли, иль вотъ супруга ваша,
Ея величество, могли подумать,
Когда бы я сыгралъ лишь роль конторки
Иль папки для записокъ, самъ себѣ
Подмигивалъ, не говорилъ ни слова,
Или смотрѣлъ сквозь пальцы? Что бы вы
Подумали? Нѣтъ,—я взялся за дѣло!
Красавицѣ своей я объявилъ:
«Принцъ—это принцъ,—онъ не изъ нашей
сферы!
«Не нужно этого!» И наставленье
Ей далъ: отнюдь не допускать къ себѣ,—
Его, его пословъ, его подарковъ.
Я такъ сказалъ,—совѣтъ мой плодотворный
Она исполнила,—и принцъ Гамлетъ,
Отверженный (я сокращаю повѣсть
Мою), впалъ въ грусть; потомъ утратилъ онъ
Свой аппетитъ, потомъ—лишился сна,
Потомъ ослабъ, потомъ его разсудокъ
Сталъ путаться, и такъ—за шагомъ—шагъ
Все понижаясь, онъ достигъ того
Безумія, которое такъ страшно
Перемѣнивъ его, повергло насъ
Въ жестокую печаль.

Король.
Какъ ваше мнѣнье?
Возможно это?

Королева.
Очень можетъ быть,
Все это вѣроятно.

Полоній.
Я бы сильно
Желалъ узнать, случалось-ли когда,
Чтобъ я сказалъ: да,—это такъ, а вышло
Потомъ не такъ?..

Король.
Нѣтъ, не случалось...
Полоній *(показывая на голову и шею.)*
— Ну,

Снимите-жь это съ этого, когда
Невѣрно это... Если надо что
Открыть, такъ я до правды доберусь,
Хоть будь она въ землѣ...

Король.

Но какъ бы намъ
Продолжить наблюденія твои?

Полоній.

Вы знаете, онъ бродитъ иногда
По галлереѣ цѣлыми часами?

Королева.

Да, правда.

Полоній.

Ну-съ,—вотъ въ это время, я
Устрою встрѣчу между нимъ и ею,
А вы, со мною ставши за ковры,
Увидите ихъ встрѣчу: если онъ
Ее не любитъ, если не любовь
Заставила его сойти съ ума,—
То пусть не въ государственномъ совѣтѣ
Мнѣ мѣсто,—а среди коровъ, на скотномъ
Дворѣ, межь водовозовъ...

Король.

Хорошо,
Мы испытаемъ...

(*Входитъ* **Гамлетъ** *съ книгой.*)

Королева.

Посмотрите:—онъ
Идетъ сюда, какъ грустно, какъ печально
Его лицо!.. Читаетъ онъ...

Полоній.

Уйдите,
Уйдите оба, умоляю васъ—
Я тотчасъ приступлю къ нему.
(*Король, Королева, придворные уходятъ.*)
Какъ ваше здоровье, мой добрый принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Слава Богу, хорошо.

Полоній. Знаете вы меня, ваше высочество?

Гамлетъ. Отлично: ты торгуешь живою рыбой.

Полоній. Я?.. Помилуйте, принцъ.

Гамлетъ. Ну, такъ я бы желалъ, чтобы ты былъ такъ-же честенъ...

Полоній. Честенъ, ваше высочество?

Гамлетъ. Да,—государь мой,—вѣдь отъ сотворенія міра такъ ведется: быть честнымъ, значитъ быть выбраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній. О, это правда, принцъ!

Гамлетъ. Вѣдь, если солнце зарождаетъ червей въ дохлой собакѣ, если могучее свѣтило міра оплодотворяетъ падаль... Есть у тебя дочь?

Полоній. Есть, ваше высочество.

Гамлетъ. Пусть она не подходитъ близко къ свѣтилу. Плодородіе—благодать... Но если твоя дочь... будь осмотрительнѣй!...

Полоній. Что вы этимъ хотите сказать? (*Про себя.*) Все бредитъ о моей дочери. Однако, онъ меня сперва не узналъ: сказалъ, что я торгую живностью... Онъ совсѣмъ, совсѣмъ спятилъ... Сказать правду, я самъ во дни моей молодости страстно любилъ,—былъ очень близокъ къ такому помѣшательству... Заговорю съ нимъ опять.—(*Вслухъ.*) Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова.

Полоній. А гдѣ же смыслъ?

Гамлетъ. У кого?

Полоній. Я хочу сказать—какой смыслъ въ этой книгѣ?

Гамлетъ. Злословіе! Этотъ плутъ-сатирикъ говоритъ здѣсь, что у стариковъ сѣдыя бороды, что ихъ лица морщинисты,—изъ глазъ течетъ густой янтарь и вишневый клей, что у нихъ обильное... отсутствіе разсудка и весьма жидкія икры. Все это, государь мой, я считаю совершенно справедливымъ, вѣрнымъ,— но развѣ честно — такъ-таки прямо все это и выставлять?... Вѣдь ты самъ могъ бы быть такъ же старъ какъ, и я, если-бы... могъ, какъ ракъ, пятиться назадъ...

Полоній. Хоть это и безуміе, но въ немъ есть что-то методическое... Принцъ, не довольно-ли вы были на воздухѣ? Не пора-ли вамъ?..

Гамлетъ. Въ могилу?

Полоній. Да... дѣйствительно, это значитъ: «довольно быть на воздухѣ»... (*Про себя.*) Какъ иногда остроумны бываютъ его замѣчанія,—часто безумные даютъ такіе отвѣты, что здравомыслящимъ за ними не угнаться. Я, однако, пойду и устрою встрѣчу между нимъ и дочерью... (*Вслухъ.*) Ваше высочество, позвольте получить отъ васъ разрѣшеніе удалиться.

Гамлетъ. Вы ничего не можете получить отъ меня, съ чѣмъ бы я охотнѣе разстался. Еще охотнѣе я разстанусь съ моей жизнью, съ моей жизнью, жизнью.

Полоній. Будьте здоровы, принцъ.

Гамлетъ. Несносные, старые дураки!

(*Входятъ* **Розенкранцъ и Гильденстернъ.**)

Полоній. Вы ищете принца Гамлета?—онъ здѣсь.

Розенкранцъ. Благодаримъ васъ...

(*Полоній уходитъ.*)

Гильденстернъ. Многоуважаемый принцъ...

Розенкранцъ. Дорогой нашъ принцъ...

Гамлетъ. Добрѣйшіе мои друзья! Какъ поживаете? Гильденстернъ, Розенкранцъ! Дорогіе мои,—ну, какъ вы оба живете?

Розенкранцъ. Такъ себѣ, посредственно.

Гильденстернъ. Счастливы тѣмъ, что не очень счастливы,—не на макушкѣ у Фортуны.

Гамлетъ. Но и не на пяткѣ у нея?...

Розенкранцъ. Тоже нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Значитъ, вы обитаете въ центрѣ ея благосклонности. Ну, господа, что же новаго?

Розенкранцъ. Ничего. Развѣ только то, что люди все болѣе и болѣе совершенствуются...

Гамлетъ. Значитъ, скоро свѣтопредставленье будетъ! Но ваши новости что-то сомнительны,—васъ надо пощупать хорошенько... Чѣмъ это вы, добрые мои друзья, прогнѣвили вашу Фортуну, что она васъ послала сюда, въ тюрьму?

Гильденстернъ. Въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Данія—тюрьма.

Розенкранцъ. Такъ и весь свѣтъ тюрьма?

Гамлетъ. Вполнѣ отвѣчающая своему назначенію. Въ ней много камеръ, застѣнковъ, казематовъ. Данія — одно изъ самыхъ погаными отдѣленій...

Розенкранцъ. Мы думаемъ иначе, принцъ.

Гамлетъ. Ну, значитъ, для васъ свѣтъ—не тюрьма. Вѣдь, въ сущности, нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурного,—все зависитъ отъ взгляда: для меня—это тюрьма.

Розенкранцъ. Значитъ, ваше властолюбіе сдѣлало ее такою,—она слишкомъ тѣсна для вашей души...

Гамлетъ. О, Боже,— я бы могъ помѣститься въ орѣховую скорлупу и считать себя владыкой безпредѣльнаго пространства...если-бъ только мнѣ не снились дурные сны.

Гильденстернъ. Вотъ эти-то сны и есть властолюбіе. Властолюбіе само по себѣ не больше, какъ греза сновидѣнія.

Гамлетъ. Но вѣдь и сонъ, что такое, какъ не греза?

Розенкранцъ. Да,—но властолюбіе есть нѣчто столь легкое и эфирное, что это только тѣнь грезы.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ,—наши нищіе—настоящіе люди, а монархи и завоеватели—тѣни этихъ нищихъ. Не пойти ли намъ къ королю? я сегодня не могу здраво разсуждать.

Розенкранцъ и Гильденстернъ. Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, не надо: я не хочу васъ смѣшивать съ остальными прихвостнями... Говоря по совѣсти, они мнѣ ужасно прислуживаютъ... Скажите мнѣ, въ память старой дружбы, что у васъ за дѣла въ Эльсинорѣ?

Розенкранцъ. Мы пріѣхали повидать васъ,—и только.

Гамлетъ. До чего я бѣденъ! Я даже бѣденъ благодарностью... Но я васъ благодарю, и повѣрьте, милые друзья, что благодарность моя—гроша не стоитъ. За вами посылали? Вы по собственному желанію пріѣхали? Это добровольный визитъ? Ну, по совѣсти! Ну, ну!—нѣтъ, скажите...

Гильденстернъ. Что именно сказать, принцъ?

Гамлетъ. Все, что хотите—только относящееся къ дѣлу. За вами посылали,—въ вашихъ взглядахъ есть что-то похожее на признаніе, это «что-то» побѣждаетъ вашу скромность... Я знаю: добрые король и королева посылали за вами.

Розенкранцъ. Съ какою цѣлью, принцъ?

Гамлетъ. А, это ужь вы мнѣ должны разсказать... Заклинаю васъ всѣми правами нашего товарищества, взаимными юношескими отношеніями, обязанностью вѣчнаго союза любви,—всѣмъ, чѣмъ могъ бы заклинать лучшій ораторъ—будьте правдивы и откровенны:—посылали за вами, или нѣтъ?

Розенкранцъ. Что сказать?

Гамлетъ *(про себя)*. А... надо быть съ вами насторожѣ. *(Вслухъ.)* Если любите меня,—не ломайтесь, скажите...

Розенкранцъ. Принцъ... за нами посылали.

Гамлетъ. А теперь я вамъ скажу съ какою цѣлью,—этимъ предупрежу ваше признаніе и тайна короля и королевы останется во всей ея дѣвственной неприкосновенности... Я за послѣднее время (почему,—право не знаю!) потерялъ всю мою веселость,—оставилъ всѣ мои обычныя занятія. У меня на душѣ такъ тяжело, что это божественное созданіе—земля—кажется мнѣ безплодной скалою; этотъ прекраснѣйшій наметъ, этотъ воздухъ,—смѣло опрокинувшій надъ нами небесный сводъ, этотъ величественный куполъ, сверкающій золотымъ огнемъ,—все это мнѣ кажется гнилымъ, заразительнымъ скопищемъ паровъ. Какое образцовое созданье чѣловѣкъ, какъ благороденъ разумомъ, безграниченъ талантомъ, какъ онъ, подобно ангелу, можетъ постигать существо самого Бога! Краса міра! Совершенство всѣхъ твореній!... А для меня—это квинтъ-эссенція мусора! Человѣка я не люблю... нѣтъ, и женщины тоже... хотя по вашей улыбкѣ видно, что вы этому не вѣрите...

Розенкранцъ. Ваше высочество, у меня такого вздора не было въ мысляхъ.

Гамлетъ. Чему же вы смѣялись, когда я сказалъ, что не люблю человѣка?

Розенкранцъ. Я думалъ, принцъ, если васъ не занимаютъ люди, то какой сухой пріемъ получатъ комедіанты. Мы ихъ обогнали на дорогѣ, они ѣдутъ сюда—предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Напротивъ!—я очень радъ королю—комедіанту: я готовъ заплатить его величеству должную дань; странствующій рыцарь станетъ махать своимъ тупымъ мечемъ и щитомъ, любовникъ не будетъ вздыхать даромъ, шутъ заставитъ хохотать, кому охота смѣяться. Какіе же это комедіанты?

Розенкранцъ. А тѣ самые, которыми вы такъ, бывало, восхищались, — столичные трагики.

Гамлетъ. Зачѣмъ-же они путешествуютъ? И репутація, и сборы лучше на постоянномъ мѣстожительствѣ?

Розенкранцъ. Имъ помѣшали нововведенія.

Гамлетъ. Ничего нѣтъ удивительнаго. Нововведеній у насъ много. Вѣдь и мой дядя— король Даніи. Тѣ, которые при жизни моего отца бывало строили ему рожи, даютъ теперь 20, 40, 50 и 100 дукатовъ за его миніатюру... Чортъ возьми! Въ этомъ есть что-то сверхъестественное... Если-бъ только философія могла это разрѣшить... (*Звуки трубъ.*)

Гильденстернъ. Вотъ и комедіанты!

Гамлетъ. Очень радъ, господа, видѣть васъ въ Эльсинорѣ,—дайте ваши руки. Спутники привѣтствія—этикетъ и церемоніи. Совершенно вѣрно!—и потому, чтобы мой пріемъ комедіантовъ,—который, я долженъ вамъ сказать,—будетъ очень хорошъ,—чтобы онъ не показался вамъ болѣе любезнымъ, чѣмъ тотъ пріемъ, что я вамъ сдѣлалъ:—очень радъ господа васъ видѣть, очень радъ! Но мой дядюшка-отецъ, и тетушка-мать заблуждаются.

Гильденстернъ. Въ чемъ, принцъ?

Гамлетъ. Я безуменъ только при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ... Когда-же дуетъ съ юга, то я отличаю сокола отъ цапли.

(*Входитъ* **Полоній.**)

Полоній. Господа!

Гамлетъ. Слушай, Гильденстернъ, — и ты—тоже: при каждомъ ухѣ слушатель. Этотъ большой ребенокъ, котораго вы видите, еще до сихъ поръ въ пеленкахъ.

Розенкранцъ. Чего добраго, онъ снова въ нихъ попалъ, вѣдь, говорятъ, старость— второе дѣтство.

Гамлетъ. Я вамъ предсказываю, онъ пришелъ сообщить мнѣ о комедіантахъ. Увидите!... Да, вы правы, государь мой,—въ понедѣльникъ утромъ,—дѣйствительно это было тогда.

Полоній. Мой государь, у меня есть новости для васъ!

Гамлетъ. Государь мой, у меня есть новости для васъ! (*Поетъ*) «Когда въ Римѣ былъ Росцій актеромъ»...

Полоній. Актеры пріѣхали, ваше высочество.

Гамлетъ. Да неужели?!

Полоній. Докладываю вамъ по чести— пріѣхали.

Гамлетъ. По твоей чести пріѣхали? скверная дорога: развѣ на ослѣ проѣдешь...

Полоній. Самые лучшіе актеры въ мірѣ! Все играютъ: трагедіи, комедіи, драмы историческія, идилліи, идилліи комическія, идилліи историческія, трагедіи историческія, идилліи трагико-комико-историческія. Сенека для нихъ не слишкомъ тяжелъ, Плавтъ не слишкомъ легокъ,—и для готовыхъ пьесъ, и для импровизацій—это единственные люди.

Гамлетъ. О, Іеоай, Судья Израильскій, какое у тебя было сокровище!

Полоній. Какое у него было сокровище, принцъ?

Гамлетъ. А какъ-же! (*Поетъ*).

Ты дочь прекрасную взростилъ,
Ее лелѣялъ и любилъ...

Полоній. Все про мою дочь!

Гамлетъ. Ну что, развѣ я не правъ, старый Іеоай?

Полоній. Если вы меня называете Іеоаемъ, принцъ, то, конечно, у меня есть дѣйствительно дочь, которую я очень люблю...

Гамлетъ. Нѣтъ, вовсе не это слѣдуетъ...

Полоній. Такъ что же слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. Да—

Самъ Богъ велѣлъ...
Вы знаете дальше?

Случился вдругъ у ней недугъ...

Въ первой строфѣ рождественской пѣсни можешь найти подробности. А! вотъ идетъ мой перерывъ.

(*Входятъ четыре или пять* **комедіантовъ.**)

Добро пожаловать, любезные мои, — всѣ, всѣ добро пожаловать. Очень радъ видѣть тебя здоровымъ... Очень радъ, господа... О, старый другъ, какъ твое лицо измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видѣлъ,—ты явился въ Данію кичиться предо мной своей бородкой!... Добро пожаловать... Ну-съ, приступимъ къ дѣлу сразу, какъ французскіе сокольники: налетимъ на все, что ни увидимъ. Возьмемся прямо за монологи.—Ну, давайте-ка образчикъ вашего дарованія. Ну! прочувствованную тираду!

1-й комедіантъ. Какую тираду, ваше высочество?

Гамлетъ. Помню, разъ ты декламировалъ ее... Это разсказъ Энея Дидонѣ,—и особенно то мѣсто, гдѣ онъ разсказываетъ объ убійствѣ Пріама. Если ты его еще не забылъ... начни съ этого стиха... Постой... Позволь...

«Суровый Пирръ, какъ левъ гирканскій...»

«Нѣтъ не такъ, но начинается съ Пирра...»

Суровый Пирръ, котораго черны,
Какъ замыслы, какъ ночь, доспѣхи были,—
Когда лежалъ въ утробѣ онъ коня,
Теперь смѣнилъ ихъ черный цвѣтъ на новый,
Ужаснѣйшій стократъ: онъ залитъ весь
Отъ темени до пятъ троянской кровью
Отцовъ и матерей, сыновъ и женъ,
Сгустившейся, запекшейся на немъ
Отъ жгучаго огня пылавшихъ улицъ.
Разгоряченный гнѣвомъ и пожаромъ,
Съ горящими глазами, словно демонъ,

Пирръ всюду ищетъ стараго Пріама!...
Продолжай!...

Полоній. Честное слово, принцъ, отлично прочитано! выразительно, толково...

1-й Комедіантъ.

И вотъ—находитъ. Жалкое стараньѣ
Отбить аргивянъ! Непослушный мечъ
Скользнулъ изъ рукъ—упалъ, и на землѣ
Въ пыли лежитъ... Неравный врагъ Пріама,
Пирръ, свой тяжелый безпощадный мечъ
Занесъ высоко, и отъ свиста только,
Отъ вѣтра розмаха его—упалъ
Старикъ безсильный... И въ мгновенье это
Самъ Иліонъ безчувственный, казалось,
Почувствовавъ ударъ, внезапно рухнулъ
Къ подножію горящею вершиной...
И трескъ, и гулъ слухъ Пирра поразилъ,
И мечъ его, грозившій бѣлоснѣжной
Главѣ Пріама, въ воздухѣ застылъ...
Недвиженъ Пирръ, какъ будто на картинѣ
Изображенъ злодѣй—между раздумьемъ
И дѣломъ онъ колеблется. Предъ бурей
Бываетъ такъ: все тихо, въ небѣ тучи
Недвижны, вѣтра нѣтъ и вся земля
Какъ будто замерла,—и вдругъ ужасный
Громъ поразитъ природу рядомъ взрывовъ...
Вотъ такъ и тутъ—мгновенное раздумье,—
И снова Пирръ покоренъ мести ярой,
И никогда циклоповъ страшный молотъ,
Ковавшій Марсу грозные доспѣхи,
Не наносилъ ударовъ тѣхъ, какими
Обрушился мечъ Пирра на Пріама!...
Прочь, тварь позорная, прочь, прочь Фортуна!
О, Боги! Всѣ, Олимпомъ всѣмъ—лишите
Ее могущества, переломайте
Ей колесо, и ободы, и спицы,—
И ступицу скатите съ высоты
Святыхъ небесъ въ суровый мракъ Аида...

Полоній

Это слишкомъ длинно...

Гамлетъ. Да, нужно-бы снести къ парикмахеру подрѣзать, вмѣстѣ съ твоей бородой... Сдѣлай одолженіе—продолжай. Ему-бы, вѣдь, только уличную пѣсню, да что-нибудь сальное, иначе онъ заснетъ. Продолжай,—теперь про Гекубу...

1-й комедіантъ

О, если-бы увидѣлъ кто царицу
Растерзанную...

Гамлетъ

Растерзанную царицу?

Полоній.

Это хорошо!... «Растерзанную царицу!»... Это хорошо!...

1-й комедіантъ

Растерзанную, босикомъ, тряпицей
Повязана глава, еще недавно
Короною увѣнчанная, вмѣсто
Одежды—покрывало обвиваетъ
Худыя чресла,—и она въ испугѣ
По стогнамъ мечется, грозитъ слезами
Залить пожаръ... О, если-бъ кто увидѣлъ
Ее—онъ противъ безпощадной власти
Фортуны возмутился... Если-бъ—боги
(Когда они не чужды нашимъ скорбямъ)
Услышали тотъ вопль, съ какимъ она
Увидѣла, какъ Пирръ, смѣясь, рубитъ
Ея супруга,—вѣрно, этотъ крикъ
Исторгъ-бы слезы изъ очей небесныхъ,
И зарыдали-бъ жители Олимпа...

Полоній. Посмотрите: онъ поблѣднѣлъ, слезы катятся градомъ... Довольно... Довольно!

Гамлетъ. Хорошо... Ты мнѣ это докончишь потомъ... Вы, государь мой, потрудитесь озаботиться объ актерахъ. Слышите? Я хочу, чтобы съ ними хорошо обращались: вѣдь они—портреты, краткія лѣтописи насъ самихъ... Послѣ вашей смерти вамъ лучше имѣть плохую эпитафію на могилѣ, чѣмъ при жизни заслужить ихъ худое мнѣніе...

Полоній. Ваше высочество, я буду обращаться съ ними по ихъ заслугамъ.

Гамлетъ. О, нѣтъ, нѣтъ—гораздо лучше! Если съ каждымъ обращаться по заслугамъ, то кому же избѣжать хорошей порки? Обращайтесь съ ними сообразно своему собственному достоинству и чести; чѣмъ менѣе они заслуживаютъ, тѣмъ болѣе чести вашей щедрости. Проводите ихъ!

Полоній. Пожалуйте!

Гамлетъ. Отправляйтесь, господа, за нимъ. Завтра вы для насъ сыграете.

(Полоній *со всѣми комедіантами, кромѣ перваго, уходитъ.*)

Послушай, пріятель, можешь-ли ты мнѣ сыграть убійство Гонзаго?

1-й комедіантъ. Извольте, ваше высочество.

Гамлетъ. Такъ завтра мы его и поставимъ... А вы можете для меня, если будетъ нужно, выучить 12—16 строкъ, которыя я напишу и вставлю? Да?

1-й комедіантъ. Извольте, ваше высочество.

Гамлетъ. Прекрасно.—Отправляйтесь за этимъ старикомъ, да смотрите, не издѣвайтесь надъ нимъ.

(Первый комедіантъ *уходитъ.*)

Добрые мои друзья — покидаю васъ до вечера. Очень радъ видѣть васъ въ Эльсинорѣ.

Розенкранцъ. Ваше высочество...

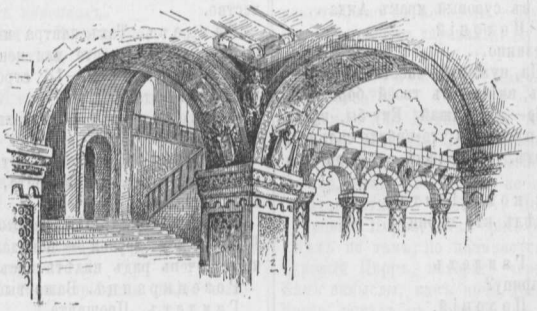
Гамлетъ. Прощайте.

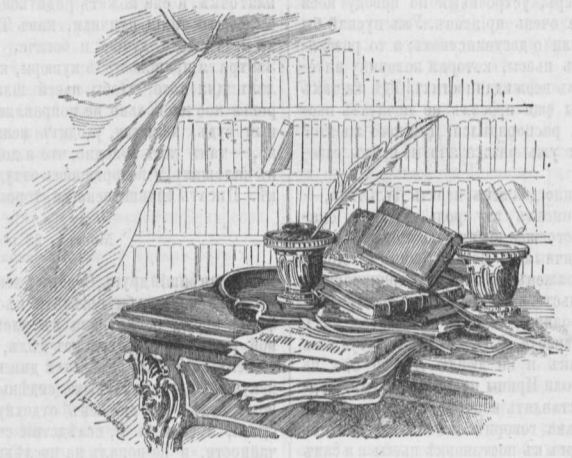
(Розенкранцъ и Гильденстернъ *уходятъ.*)

Вотъ я одинъ теперь... какой я жалкій,
Ничтожный человѣкъ, презрѣнный рабъ!
Подумать страшно! какъ? комедіантъ,
Охваченный порывомъ страсти ложной,
Мечтою, грезой выдуманной,—весь
Имъ отдается: онъ дрожитъ, блѣднѣетъ,
Глаза слезами блещутъ, вдохновеньемъ

Горятъ,—въ груди спирается дыханье,
Онъ весь подъ властью жгучаго порыва...
И все изъ за чего? Изъ за Гекубы!
Ну, что ему Гекуба? Что такое
Онъ для Гекубы?... Что о ней онъ плачетъ?...
О, что же сдѣлать могъ-бы онъ, когда
Имѣлъ такой призывъ могучій къ страсти,
Какъ я имѣю?—онъ театръ-бы залилъ
Моремъ слезъ,—онъ растерзалъ-бы слухъ
У зрителей, виновныхъ свелъ съ ума,
Сердца невинныхъ трепетать заставилъ,
Всѣхъ поразилъ-бы и увлекъ... А я?
Несчастный, вялый негодяй, бездѣльникъ,—
Я изнываю, неспособный къ дѣлу,—
Нѣтъ силъ, чтобы возвысить голосъ смѣло
За короля, лишеннаго такъ гнусно
Вѣнца, державы, жизни драгоцѣнной!
О, я не трусъ, вѣдь, нѣтъ! Кто оскорбить
Меня рѣшится,—раскроить мнѣ черепъ,
Рвануть за бороду, въ лицо ударить?
Кто смѣетъ кинуть мнѣ въ глаза названье
Лжеца?.. кто?.. О, проклятье!...
Да нѣтъ,—я все, все снесъ-бы... я, какъ голубь,
Незлобивъ,—гдѣ же мнѣ обиды горечь
Почувствовать?—во мнѣ нѣтъ желчи!—
Не то—давно бы датскія вороны
Клевали тѣло этого мерзавца....
О, кровожадный, подлый проходимецъ,
Безсовѣстный, коварный и распутный
Мерзавецъ!...

Однако, что-же я! Оселъ! глупецъ!
Какая храбрость!—Я—сынъ дорогого,
Убитаго отца,—когда и адъ
И небо призываютъ громко къ мести,—
Какъ дѣвка старая, я облегчаю
Весь наболѣвшій грузъ души словами,
Ругаюсь, какъ базарная торговка.—
Какъ это мерзко.... Фа!
Ну, къ дѣлу, къ дѣлу,
Мои мозги... Слыхалъ я, что порою
Преступники въ театрѣ такъ бывали
Поражены, искуснымъ представленьемъ,
Что тутъ же сознавались въ преступленьяхъ
Своихъ. Хотя убійство, правда, нѣмо,—
Но говоритъ оно безъ языка
Чудеснымъ органомъ... Да, я велю
Сыграть актерамъ передъ дядей сцену,
Подобную убійству моего
Отца,—а самъ вопьюсь въ него глазами,—
Проникну въ глубь его души,—и если
Смутится онъ,—я знаю, что мнѣ дѣлать!...
Быть можетъ, духъ, являвшійся тогда,
Былъ демонъ злой.... онъ можетъ принимать
Такія обольстительныя формы....
Быть можетъ, онъ, воспользовавшись тѣмъ,
Что я такъ слабъ, такъ горемъ удрученъ,
Стремится погубить меня.... Нѣтъ,—скоро
На твердой почвѣ буду я стоять....
Театръ ловушкой будетъ, западней:
Она захлопнетъ совѣсть короля.—





Письма А. Н. Островскаго

къ Ѳ. А. Бурдину.

Щелыково, 27 августа 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Что это значитъ, что ты ничего не пишешь? Послѣ твоего отъѣзда, я принялся за пьесу, и отъ умственнаго напряженія такъ разстроилъ нервы, что потерялъ сонъ и аппетитъ и дошелъ до отчаянія. Поѣздка въ Москву съ дѣтьми, которыхъ я отвозилъ въ гимназію, еще болѣе разстроила меня; что будетъ дальше, не знаю, а пока мнѣ очень плохо.

—

Щелыково, 3 сентября 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Надъ своей пьесой я работаю день и ночь, до истощенія силъ, и скоро ее кончу. Когда я допишу послѣднее слово, я тебѣ сообщу, что это за вещь и какъ она называется. Все, что печатаютъ обо мнѣ въ газетахъ, есть *совершеннѣйшая ложь*. За «La village» я примусь; я могу приняться не ранѣе декабря; мнѣ надо продолженіе осени кончить другую оригинальную пьесу, такъ какъ финансы мои плохи, а расходу прибыло 1000 руб. за квартиру. Здоровье мое отвратительно, нервы разбиты, не знаю, какъ дотянуть до Москвы, чтобы лѣчиться серьезно.

—

Щелыково, 6 сентября 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Посылаю распредѣленіе ролей. Нервы разбиты, пишу пьесу, собираю послѣднія силы, чтобъ ее кончить. Трогательно-драматическій сюжетъ пьесы, въ который я погружаюсь всей душей, еще болѣе разстраиваетъ меня. У насъ холода, а по ночамъ морозы; я, по пріѣздѣ изъ Москвы, сижу безвыходно дома въ жарко натопленной комнатѣ; а, бывало, я въ сентябрѣ ловилъ рыбу и ѣздилъ съ острогой! Видно, прошло это время безвозвратно. Пиши, сдѣлай милость, хоть что-нибудь,—все-таки отрада.

—

Москва, 12 октября 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! У меня былъ Кр. и просилъ меня хлопотать, чтобы твой бенефисъ подвинуть поближе (на 21 ноября). Для чего это ему нужно, я хорошенько не понялъ. Къ тебѣ онъ обращаться почему-то не хочетъ. Дѣлай, какъ знаешь; но прежде разсмотри хорошенько, нѣтъ-ли тутъ какой штуки?

—

Москва, 29 октября 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Благодарю тебя за хлопоты. Не скрою, что лите-

ратурный вечеръ, устроенный по поводу моей пьесы, мнѣ не очень пріятенъ. Ужь пускай бы только судачили о достоинствахъ; а то разсказывать сюжетъ пьесы, которая половину интереса имѣетъ въ неожиданностяхъ! Гдѣ же такъ водится? А ты еще просилъ не печатать пьесу! Я такъ и распорядился. Для чего же это? Содержаніе ея ужь разсказано во всѣхъ газетахъ!

С. непремѣнно долженъ играть Дульчина,— я для него писалъ эту роль, такъ и скажи ему! Въ настоящее время стыдно дѣлить роли на симпатичныя и несимпатичныя! Хорошій актеръ долженъ работать и примировать, а не продовольствоваться только легкими аксессуарными ролями. Если С. откажется, такъ дѣлайте какъ знаете,—я ужь тогда отступлюсь отъ всего. Какъ я ни люблю Л., но она не годится для роли Ирины по своей фигурѣ. Ирина должна составлять контрастъ Пивокуровой, о чемъ она сама говоритъ во 2-мъ дѣйствіи.

Въ Петербургъ къ постановкѣ пьесы я и самъ собираюсь: но боюсь, не задержалъ бы меня окружный судъ, куда я назначенъ присяжнымъ. Мнѣ прислана повѣстка: я отлучиться не могу; я долженъ быть готовъ каждую минуту, а когда отдѣлаюсь—неизвѣстно.

К—у я передалъ слово въ слово то, что ты мнѣ писалъ. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, и вчера приходилъ ко мнѣ прощаться; очень жаль, что твое письмо я получилъ ужь послѣ, а то я бы показалъ ему.

Если у британаго Прибыткова будетъ русская прическа, то выйдетъ хлыстъ, чего совсѣмъ не требуется.

—

Москва, 4 ноября 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Бенефисъ Музиля отложенъ до 8-го числа,—теперь есть возможность поставить пьесу; а въ 5 дней, которые оставались отъ бенефиса Дурново до 3-го числа, было бы довольно хитро. Впрочемъ, и тутъ дѣло обошлось не безъ гадостей, о которыхъ я тебѣ разскажу послѣ. Сцены «Счастливый день» имѣли очень большой успѣхъ. Прическа у Краевскаго хороша, да что же въ ней русскаго! Русской называется прическа съ проборомъ посрединѣ,—и британу она нейдетъ. Для роли Ирины, по моему, лучше Стремлянова. «Le Centenaire» для передѣлки не годится.

—

Москва, 16 ноября 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Отвѣчать тебѣ такъ скоро, какъ ты желалъ, я не могъ; во 1-хъ я возвращаюсь изъ окружнаго суда очень поздно, а во 2-хъ письмо твое я получилъ вчера въ 10-мъ часу вечера. Отъ С. я уже получилъ письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что эта роль—не его амплуа и ему не по силамъ. Скажи Савиной, что Тугина не въ платочкѣ, и она можетъ рядиться, какъ ей угодно,—что такія купчихи, какъ Тугина, одѣваются гораздо лучше и богаче, чѣмъ барыни. Завтра я пришлю тебѣ куюоры, которыя я сдѣлалъ для того, чтобы пьеса шла скорѣе. Здоровье мое нисколько не поправляется; а окружный судъ, кажется, уходитъ меня окончательно,—тамъ такъ холодно, что я долженъ сидѣть въ калошахъ, и возвращаюсь оттуда въ лихорадкѣ. Писать больше некогда, тороплюсь въ судъ.

—

Москва, 25 ноября (1877 г.) 10 часовъ вечера.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ. Видно, мнѣ не судьба пріѣхать къ твоему бенефису: кромѣ ревматизма въ плечѣ и въ правой рукѣ,—послѣднее изъ дѣлъ, подлежащихъ нашему вердикту, затянется дня на три. Я такъ измученъ двухнедѣльнымъ сидѣньемъ въ окружномъ судѣ, что долженъ отдохнуть дома хоть сутки, и если бъ я, вслѣдствіе счастливой случайности, и не попалъ на послѣднее дѣло, все-таки могу пріѣхать только наканунѣ твоего бенефиса. Измучу себя, а пользы не принесу; читать пьесу наканунѣ представленія,—только сбивать съ толку артистовъ. Здоровья у меня немного, и оно очень нужно и для меня, и для моей семьи; но если-бъ я кончилъ 25-го числа, я, несмотря на докторское запрещеніе, поѣхалъ бы въ Петербургъ. Значитъ, играйте безъ меня,—дай вамъ Богъ всякаго успѣха! Попроси отъ моего имени П. посерьезнѣе отнестись къ роли, а Ч.—не шаржировать: ея роль говоритъ сама за себя. Сегодня пріѣхалъ изъ Петербурга Пл—ко и зашелъ къ намъ въ окружный судъ; онъ говорилъ мнѣ, что Ч. очень шаржируетъ въ «Счастливомъ днѣ». Онъ же говорилъ, что Левкѣева играетъ прекрасно; правда-ли это? Отдохнувъ съ недѣльку, я все-таки пріѣду въ Петербургъ и остановлюсь у тебя. Объ успѣхѣ пьесы извѣсти!

Едва дописалъ письмо, рука болитъ и пальцы нѣмѣютъ.

—

7 декабря 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Сходи къ П. С. и попроси его отъ моего имени, чтобы въ субботу прочитали въ комитетѣ пьесу „Женитьбы Бѣлугина“, которую я привезу съ собой. Я принимаю въ этой пьесѣ очень большое участіе. Она должна пойти въ бенефисъ Никулиной, 26 декабря, потому нужно торопиться.

—

Москва, 29 декабря 1877 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Доѣхалъ я благополучно и сейчасъ-же принялся горячо за постановку „Женитьбы Бѣлугина“— сдѣлалъ считку, бывалъ на репетиціяхъ, и, кромѣ того, читалъ отдѣльно роли артистамъ, что

и отняло у меня все время до 26 числа. Зато хлопоты мои вознаградились, пьеса прошла съ огромнымъ успѣхомъ: Садовскаго вызывали не только послѣ каждаго дѣйствія, но и послѣ каждой сцены. Теперь это дѣло кончено, пьеса утвердилась на сценѣ надолго. Усталъ я сильно, а отдохнуть мнѣ и до сихъ поръ не пришлось. Сдѣлай милость, пиши мнѣ, что у васъ дѣлается? Розданы-ли роли изъ „Женитьбы Бѣлугина“ и когда будутъ репетиціи?

Сейчасъ получилъ извѣстіе о смерти Некрасова.

—

Москва, 7 января 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Для меня новый годъ начался очень дурно: въ первый-же день я захворалъ и провалялся до вчерашняго дня; теперь едва въ состояніи написать тебѣ письмо. Болѣзнь за болѣзнью: организмъ, видимо, разрушается. Придется просидѣть дома недѣли двѣ, если не болѣе. Желаю вамъ всѣмъ успѣха въ новой комедіи. Скажи Горбунову, чтобы онъ одѣлся, какъ можно чище и щеголеватѣе.

—

Москва, 30 января 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Здоровье мое плохо: я расхворался совсѣмъ,—то одно, то другое. Хотя серьезнаго ничего нѣтъ, но все-таки я осужденъ сидѣть дома, что ужасно скучно; если-же я выѣду хоть только прокатиться, такъ непремѣнно—либо катарръ, либо флюсъ.

На дняхъ я кончилъ одноактную пьесу; я думаю отдать ее въ дирекцію за единовременное вознагражденіе. Нельзя-ли получить за нее сколько-нибудь сносную плату, напр., рублей 150? Поговори объ этомъ съ С.: онъ это дѣло знаетъ лучше. О томъ же я буду просить П. С., когда пошлю ему пьесу.

И у насъ „Женитьба Бѣлугина“ имѣетъ громадный успѣхъ; но ее не даютъ, также какъ и „Послѣднюю жертву“,— объ онѣ мѣшаютъ пьесамъ Т. „Послѣдняя жертва“ дана была 10 января въ бенефисъ Шумскаго и дала полный сборъ (3000 р.), съ тѣхъ поръ ее и сняли съ репертуара.

—

Москва, 3 февраля 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Переводъ пьесы „En attendant“ называется „Пока“. Если Л. хочетъ взять эту пьесу, такъ я ее передѣлаю, оставлю только сюжетъ, выйдетъ вещь очень сценичная. Для меня это дѣло одной недѣли. Я сегодня же примусь за передѣлку, скажи ему это и попроси подержать въ секретѣ. Одноактная пьеса моя не оригинальная и не переводъ, а заимствованная. О томъ, какъ пристроить ее къ театру, я говорилъ съ Родиславскимъ; онъ мнѣ сказалъ, что за такія вещи даютъ 25 руб., но что Кр. умѣетъ сбывать ихъ за 150 руб.; а такъ какъ С. есть, или былъ пріятель Кр., то я и думалъ, что ему извѣстны основанія, которыми руководился Кр. Новаго у меня ничего нѣтъ, я теперь занятъ большой оригинальной пьесой; я желаю ее кончить зимой къ будущему сезону, для того, чтобы быть свободнѣе лѣтомъ. Въ деревнѣ же я предполагаю заниматься только легкой работой, не представляющей никакого умственнаго труда. Есть кой-что начатое, есть намѣченныя передѣлки; между гуляньемъ, хоть по часу въ день, можно будетъ посвятить имъ, это меня нисколько не утомитъ.

Съ клубомъ Худ. дѣлай, какъ хочешь, но только не доводи до скандала.

—

Москва, 28 февраля 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Въ послѣднемъ письмѣ я забылъ тебя спросить, ѣдешь-ли ты за границу, и, если ѣдешь, то когда? Коли поѣдешь, такъ увѣдомь меня поскорѣе, я-бы попросилъ тебя передать небольшую рукопись Тургеневу, ты вѣдь, вѣроятно, будешь въ Парижѣ. Я теперь занятъ большой пьесой; хочется кончить до отъѣзда въ деревню, чтобы лѣтомъ погулять безъ заботы и поправить хоть сколько-нибудь свое совершенно разбитое здоровье. Одноактную передѣлку думаю не посылать теперь, а отложить до начала будущаго сезона; тогда, можетъ быть, самъ пріѣду и устрою дѣло.

—

Москва, 28 марта 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Теперь вотъ моя великая просьба. У меня торгуютъ 9-й томъ моихъ сочиненій; но въ условіи, которое я заключилъ съ Краевскимъ и Некрасовымъ сказано: «Я, Островскій, предоставляю Краевскому и Некрасову преимущественно передъ другими право издавать и будущія мои сочиненія съ платою мнѣ, по особому условію, за каждый томъ, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ, двухъ тысячъ рублей серебромъ“. Краевскій, безъ всякаго сомнѣнія, отъ этого права откажется; но дѣло въ томъ, что я долженъ имѣть отъ него формальное увѣдомленіе объ этомъ. Конечно, я могъ-бы спросить его объ этомъ черезъ нотаріуса; но это выйдетъ ужь очень торжественно; поэтому я прошу тебя взять у него простую записку, что онъ отъ изданія 9-го т. моихъ сочиненій отказывается. Только, ради Бога, хлопочи поскорѣй, а то я могу упустить покупателя. Да ужь кстати спроси, имѣю-ли я право печатать полное собраніе моихъ сочиненій, т.-е., все-ли они распродали?

Не знаешь-ли ты, какъ здоровье Салтыкова?

—

4 апрѣля 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Благодарю тебя за хлопоты. Но что-же такъ

мало денегъ! Такого дурного сезона я и не запомню; нѣтъ-ли тутъ ошибки? Недобору около 400 руб. противъ обыкновеннаго моего полученія. Эта сумма для меня значительная.

—

Москва, 12 апрѣля 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Праздникъ подходитъ, а я безъ денегъ; но каково теперь бѣдному С., который такъ разсчитывалъ на полученіе къ празднику! Сейчасъ ѣду занимать для него и для себя; хорошо, если найду у кого-нибудь хоть неважную сумму.

—

Щелыково, 26 августа 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Въ какое ты меня ставишь положеніе! Съ чего это тебѣ пришло въ голову сказать Ч., что я новую пьесу Соловьева обѣщаю ей въ бенефисъ! И зачѣмъ ты увѣрялъ ее, что пьеса будетъ кончена въ этомъ мѣсяцѣ? Ну, вотъ я и получаю отъ нея письмо, въ которомъ она проситъ увѣдомить ее, желаю-ли я *сдержать свое слово*. Соловьевъ пріѣхалъ и привезъ только зародышъ пьесы, только матеріалъ, надъ которымъ надо долго и прилежно работать, а, можетъ быть, и бросить—и взять другой сюжетъ. Соловьеву торопиться и неглижировать теперь невозможно: надо написать что-нибудь очень хорошее (а это не легко), потому что провалиться послѣ огромнаго успѣха «Бѣлугина», значитъ, погубить всю свою будущность. Теперь ужъ не до бенефисовъ, теперь надо работать во всѣ лопатки; будетъ дѣло сдѣлано, ну, тогда можно подумать и о постановкѣ. При томъ же ему въ работѣ нужна моя помощь; а я занятъ, какъ каторжный, надъ своей пьесой. О новой пьесѣ Соловьева я еще ничего сказать не могу, когда дѣло выяснится, тогда я тебя увѣдомлю.

—

Москва, 25 октября 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Пьеса посылается сегодня, или завтра, справляйся въ конторѣ. Постарайся, ради Бога, чтобы, кромѣ комитета, ее никто не зналъ, чтобы сплетенъ не было. Нужна декорація для 1-го дѣйствія (она же и въ 4-мъ); сдѣлай милость, похлопочи; эскизъ я пришлю. Къ постановкѣ пріѣду и самъ прочитаю пьесу артистамъ. По полученіи пьесы, свези ее къ цензору и попроси его прочесть поскорѣе, такъ чтобы она одновременно прошла и цензуру и комитетъ, и въ воскресенье, или понедѣльникъ была отправлена въ Москву. Къ Ѳ. я буду писать и просить, чтобы прочли пьесу въ субботу.

Савина, при ея средствахъ, должна свести съ ума публику.

—

3 ноября 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Если С. услышитъ пьесу въ моемъ чтеніи, онъ ни за что не откажется отъ роли Карандышева. Если онъ заломается при раздачѣ ролей, такъ ты попроси его подождать моего пріѣзда. Пьесу свою я уже читалъ въ Москвѣ пять разъ; въ числѣ слушателей были лица, и враждебно расположенныя ко мнѣ, и всѣ единогласно признали «Безприданницу» лучшимъ изъ всѣхъ моихъ произведеній. Я болѣе года думалъ, чтобы написать для тебя роль спокойную и типичную, т.-е. живую; я тебѣ впередъ говорилъ о ней; въ Москвѣ эту роль исполняетъ Самаринъ,—онъ горячо благодарилъ меня, что я даю ему возможность представить живой, современный типъ, а ты находишь Кнурова жалкимъ, неблагодарнымъ аксессуаромъ, не представляющимъ ничего живого, т.-е. никакой роли. Да что тебѣ за неволя брать эту роль, если ты къ ней такъ презрительно относишься? Моя пьеса невелика, при ней ты можешь дать еще такую пьесу, въ которой есть эффектная для тебя роль. Здѣсь ни на считкѣ, ни на репетиціяхъ, ни мнѣ, ни артистамъ и въ голову не приходило ни о какихъ сокращеніяхъ, а вы, если найдете нужнымъ, дѣлайте какія угодно,—я спорить не буду. «Добраго барина» я вовсе ставить не желаю; его у меня украли и ужь даютъ въ провинціи. Узнай, одобренъ-ли онъ цензурой и кто его представилъ. Если здоровье позволитъ, выѣду въ Петербургъ 11 или 12 числа.

—

8 декабря 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! По возвращеніи изъ Петербурга я немного прихворнулъ. Напиши, какъ твое здоровье и какъ идетъ «Безприданница». Марьѣ Гавриловнѣ я одноактную пьесу сдѣлаю и вышлю ее скоро, т.-е., до праздника; такъ ты ей и скажи, но чтобъ пока она никому объ этомъ не говорила.

—

Москва, 20 декабря 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Сегодня или завтра будетъ отправлена на твое имя черезъ московскую контору моя пьеска «Добрый баринъ». Получи ее и сейчасъ же отдай прочесть Савиной. Въ комитетъ и цензуру ты отдай пьесу только въ томъ случаѣ, если Савина беретъ ее для бенефиса, а въ противномъ—побереги у себя. Сколько бы дирекція мнѣ ни заплатила за «Добраго барина» я возьму, а съ Савиной ни копѣйки: я не имѣю обыкновенія брать съ артистовъ, а тѣмъ болѣе съ артистокъ. Во всякомъ случаѣ, увѣдомь меня поскорѣй. Здоровье мое очень плохо. Сижу дома и кой-что работаю.

—

Москва, 27 декабря 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Хотя я хвораю довольно серьезно, но записку напишу тебѣ скоро, если не слягу. Одно только

невозможно: это просить разрѣшеніе на мое имя. За это дѣло честнымъ образомъ можетъ взяться только человѣкъ съ большимъ капиталомъ, а если возьмусь я, то всякій будетъ имѣть право сказать, что это—афера; т.-е. что я хочу выпросить разрѣшеніе и сейчасъ же передать его съ барышемъ, или путаться въ долгахъ и обманывать артистовъ и публику, какъ О. или Т.

Ни того, ни другого мнѣнія я о себѣ не хочу. Да и притомъ же скорѣе разрѣшатъ всякому другому, чѣмъ мнѣ: побоятся, что я, какъ человѣкъ, понимающій дѣло, буду сильнымъ конкуррентомъ. Я могу пристать къ дѣлу только впослѣдствіи, когда разрѣшеніе будетъ ужь получено. Если ты подумаешь обо всемъ этомъ хорошенько, то самъ убѣдишься, что просить разрѣшеніе на мое имя невозможно. Сдѣлай одолженіе, вышли поскорѣй черезъ контору на имя Никулиной комедію «Не знаешь, гдѣ найдешь». Что за билеты на «Маіоршу» дерутся, для меня мало утѣшительнаго, равно какъ и въ томъ, что «Безприданницу» даютъ подъ праздникъ, а на праздникѣ ни разу. У насъ за билеты на «Безприданницу» потому не дерутся, что ихъ нѣтъ на три представленія впередъ, а кому нужно, тотъ плати за ложу 25 руб., а за кресла 5 руб.—Неудача мнѣ въ Петербургѣ. Что-жь дѣлать, учусь, учусь, а никакъ не выучусь писать такихъ пьесъ, какъ «Маіорша», «За монастырской стѣной» и «Петербургскіе когти».

—

Москва, 2 января 1878 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Надъ запиской я работаю; началъ я широко и убѣдительно, но признаюсь тебѣ, при моемъ болѣзненномъ состояніи, работа эта для меня нелегка. Часъ, много полтора, труда меня ужь утомляетъ,—и я совершенно ослабѣваю. Если я взялся за дѣло, такъ сдѣлаю, только не торопите меня.

—

Москва, 6 января 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Пьесу «Не знаешь, гдѣ найдешь» мы получили, но этого намъ мало. Нѣтъ-ли изъ переводныхъ чего-нибудь новенькаго, актахъ въ 2-хъ, или 3-хъ, съ эффектной женской ролью и съ богатымъ туалетомъ? Если нѣтъ новаго, то не припомнишь-ли чего изъ стараго, сообщи поскорѣе!

У насъ морозы лютые, носу показать нельзя; да я и безъ того не выѣзжаю. Сижу надъ запиской, ужь перемаралъ листовъ двадцать; а всего нужно-то не болѣе двухъ, потому что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ.

—

Москва, 12 января 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Что же ты мнѣ ни слова о «Добромъ баринѣ?» Пропущенъ-ли онъ? Если пропущенъ, то отчего не высылаешь? Эта пьеска нужна для бенефиса Никулиной. Жулева даетъ «Самозванца». Сдѣлай милость, попроси Натарова отъ моего имени постаратьнѣе заняться постановкой, особенно народной сцены, гдѣ драка съ поляками и нѣмцами.

—

Москва, 23 января 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Письмо твое я получилъ, и, кромѣ того, нѣкоторыя театральныя новости сообщилъ мнѣ В. И. Родиславскій, возвратившійся изъ Петербурга. Ты пишешь, что за пьесу «Добрый баринъ», мнѣ придется только 30 руб.,—и то деньги, и за то спасибо; петербургскій театръ такъ меня подрѣзалъ, что я не знаю, какъ свести концы съ концами. Что у Жулевой не пойдетъ «Дм. Самозванецъ», я такъ и ожидалъ; и въ Москвѣ онъ долженъ-бы идти тоже въ бенефисъ, и отказали по той-же причинѣ: нѣтъ ни декорацій, ни костюмовъ. Каково положеніе! Двѣ столицы и ни въ одной изъ нихъ нельзя поставить русскую историческую, или патріотическую пьесу, за недостаткомъ костюмовъ и декорацій! Въ русскихъ казенныхъ театрахъ русскихъ костюмовъ нѣтъ! Зато А. для пьесы «Смерть Мессалины» разрѣшенъ расходъ въ 4.000 руб. Пьеса пройдетъ не болѣе 3-хъ, 4-хъ разъ, а потомъ всю постановку бросъ! Хороша экономія!

Пьесу «На порогѣ къ дѣлу» Соловьевъ написалъ всю самъ и писалъ ее у меня въ деревнѣ; исторія о сотрудничествѣ есть выдумка, даже неправдоподобная. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю тебѣ (въ другомъ конвертѣ) печатное «Положеніе о преміи...» попроси Суворина перепечатать его поскорѣе въ своей газетѣ.

Здоровье мое нисколько не поправляется, бываютъ дни, когда я не только писать, а и читать не могу.

—

12 марта 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Не писалъ я тебѣ по причинѣ нездоровья. Странное дѣло: особеннаго ничего не чувствую, а, между тѣмъ,—упадокъ всѣхъ силъ, который доходитъ до того, что, напримѣръ, вдругъ исчезаетъ голосъ, никакихъ звуковъ нѣтъ, хотя горло не болитъ, и притомъ страшная апатія: ни думать, ни дѣлать ничего не могу. А работать нужно, чтобы хоть лѣтомъ безъ работы пожить и поправиться. Моихъ пьесъ въ Петербургѣ почти совсѣмъ не даютъ; теперь хуже, чѣмъ было при Я. Узнай, пожалуйста, у Натарова что это значитъ? Поступокъ Кр. возмутилъ въ Москвѣ всѣхъ порядочныхъ людей, не говоря уже о писателяхъ и артистахъ. Безстыдная статья К. разстроила меня чуть не

до слезъ: сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ, я долгое время не зналъ, куда дѣться отъ стыда,—что между драматическими писателями нашелся человѣкъ, способный на подобное дѣло. Передай М. Г, что это происшествіе не только не повредило ей въ Москвѣ, а еще болѣе усилило всеобщую къ ней симпатію. Да шепни ей при случаѣ, что нелишнее было-бы съ ея стороны—прислать мнѣ свой кабинетный портретъ, хоть вмѣсто «mercі» за пьеску, которую я, не жалѣя себя, изъ одного только желанія сдѣлать ей любезность, отдалъ ей въ бенефисъ.

PS. На обѣдѣ Тургенева превосходная рѣчь Николая Саввича произвела общее глубокое впечатлѣніе.

—

Москва, 19 марта 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Я просилъ тебя о поспектакльныхъ деньгахъ, нельзя-ли это ускорить. Я до сихъ поръ не получаю отъ тебя извѣстій о томъ, какія перемѣны произошли или ожидаются въ управленіи петербургскими театрами послѣ смерти Ѳ. Неужели пойдетъ по старому? Устранится-ли, по крайней мѣрѣ, вредное для искусства вліяніе разныхъ любимцевъ? Неужели въ томъ же видѣ и порядкѣ останется режиссерская часть? Что у васъ дѣлается въ Собраніяхъ Общ. Рус. драматическихъ писателей? Мы только удивляемся. Какимъ образомъ нашлось пять голосовъ противъ предложенія комитета о медальонѣ, который стоитъ всего 50 руб. Расходовать до 1000 руб. безъ спросу Общихъ собраній разрѣшается, а расходъ въ 50 руб. нѣтъ! Чудеса! Нельзя-ли тебѣ постараться, чтобы комитетъ остался въ томъ же полномъ составѣ; иначе, предупреждаю тебя, дѣло будетъ плохо: выйду первый я, а за мной и всѣ,—и тогда драматическіе писатели, вмѣсто 33 т. въ годъ, получатъ 300 рублей.

Не знаешь-ли ты, какъ здоровье Салтыкова и пріѣдетъ-ли Суворинъ въ Москву?

—

Москва, 4 мая 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Относительно Коцебу я говорилъ съ В. И. Родиславскимъ; чтобы не нарушать только что установленныхъ нами самими библіотечныхъ правилъ, я высылаю тебѣ «Театръ Коцебу» изъ своей библіотеки. Не знаю только, зачѣмъ понадобилась тебѣ эта сентиментальная кислятина, въ которой ни комизма, ни драматизма ни на грошъ нѣтъ, и которую читать человѣку, понимающему драматическое искусство, противно. Я уѣзжаю въ деревню 9-го или 10-го мая. Я очень ослабъ въ послѣднее время; едва брожу; если лѣто не поможетъ, то плохо дѣло.

PS. С. портрета не прислала, ты не вѣрь ей, а возьми у нея и пришли самъ.

—

Щелыково, 9 іюня 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Я замедлилъ отвѣчать тебѣ по двумъ причинамъ: 1-я) нашъ посланный, по случаю праздника, не довольно отчетливо исполнилъ возложенное на него порученіе, утративъ всю корреспонденцію вмѣстѣ съ собственными сапогами и кафтаномъ; 2-я) мы должны были пропустить двѣ почты, по случаю двухдневной бури, уничтожившей мостки и поломавшей паромы на Волгѣ. Силы мои какъ будто поправляются, это я приписываю отличной погодѣ: послѣ ранней теплой весны наступило жаркое лѣто; мы ужь купаемся, а что всего удивительнѣе, поспѣла земляника, которая никогда ранѣе 18-го числа не поспѣвала. Къ несчастію въ такую погоду я осужденъ работать,—зимой, при крайнемъ упадкѣ силъ, я не могъ заняться рѣшительно ничѣмъ. Рыбная ловля хороша; я въ маѣ поймалъ много щукъ, головлей и окуней. Петръ разсчитываетъ, что и охота будетъ хорошая, потому что дичь хорошо вывелась. Въ началѣ іюля буду тебя ждать.

—

Щелыково, 29 августа 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Скажи Марьѣ Гавриловнѣ, что «Дикарка» будетъ готова къ октябрю непремѣнно. Она будетъ готова къ половинѣ и даже въ началѣ сентября, но мнѣ надобно пріѣхать въ Москву, переписать пьесу и, кромѣ того, мнѣ хочется самому прочесть ее артистамъ и присутствовать при постановкѣ, а для этого мнѣ нужно кончить также и свою пьесу, что случится не ранѣе самыхъ послѣднихъ дней сентября. Тогда ужь я буду свободенъ и могу пробыть въ Петербургѣ довольно долго. Если же пьеса нужна ранѣе, то я велю переписать ее и пришлю въ концѣ сентября. Свою вещь я кончу живо, она ужь вся готова въ головѣ и частью набросана. Хорошо, если слухъ объ Апраксинскомъ театрѣ оправдается. Тогда я совѣтовалъ бы тебѣ хлопотать объ режиссерствѣ. На поддержку со стороны литературы можешь разсчитывать.

—

Щелыково, 7 сентября 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Передвиженіе бенефисовъ, по моему, дѣло хлопотливое и непріятное; но пьеса—не моя, и пусть Соловьевъ распоряжается, какъ знаетъ. Если онъ отдаетъ пьесу Савиной, то и ставить пьесу надо въ январѣ, если же онъ непремѣнно желаетъ, чтобы пьеса шла въ октябрѣ, то надо было отдать ее кому нибудь другому. Къ октябрю «Дикарка» будетъ готова и будетъ доставлена въ Петербургъ такъ или иначе, какъ найду удобнѣе.

Тому, что ты пишешь объ очень выгодномъ дѣлѣ, я, извини меня, не очень вѣрю; честныя и благородныя предпріятія никогда очень

выгодными не бываютъ. Надѣяться получить такое дѣло все равно, что надѣяться выиграть 200 т.,—шансовъ столько же, если не меньше. Работать безъ отдыха и собирать за свою работу гроши, вотъ это наше дѣло, и дѣло вѣрное, и притомъ честное и благородное.

Я теперь такъ работаю, что не разгибаю спины, и не вижу, что вокругъ меня дѣлается.

—

Москва, 5 октября 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Со мной случилось то, чего не бывало 30 лѣтъ, а именно: я пріѣхалъ въ Москву въ пятницу 28 числа; въ субботу, 29-го, отдалъ въ театръ «Дикарку» переписывать съ тѣмъ, чтобы она была готова въ два дня и чтобъ во вторникъ послать ее съ казеннымъ портфелемъ черезъ контору въ Петербургъ на твое имя; но во вторникъ я тщетно прождалъ до вечера, (самъ я не выхожу) оказалось, что переписано, по случаю двухъ праздниковъ, только два листа. Въ середу я забралъ къ себѣ на домъ писцовъ и велѣлъ переписывать въ три руки (съ помощью четвертой); вчера пьеса была готова и сегодня уже отправляется, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, черезъ московскую контору на твое имя. Теперь вотъ что мнѣ нужно: 1-е) чтобъ пьеса была переписана, прочтена въ комитетѣ и цензурѣ—и въ самомъ скорѣйшемъ времени (мой экземпляръ побереги для печати); 2) чтобы «Дикарка» шла въ Петербургѣ по возможности одновременно съ Москвой (2 ноября); 3) знать, когда именно пойдетъ пьеса, чтобы явиться къ постановкѣ. Одновременно пишу къ Соловьеву: прежде всего прочитай пьесу съ нимъ вмѣстѣ, и увѣдоми меня, какое она на васъ произвела впечатлѣніе. Постарайся чтобы не было рекламъ и газетныхъ сплетенъ, какъ противъ, такъ и въ пользу пьесы. Теперь работаю надъ своей пьесой, утомленъ физически и нравственно, дѣло идетъ не ходко. Сдѣлай милость, хлопочи и пиши мнѣ о всемъ, что касается «Дикарки», чаще.

—

Москва, 12 октября 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Очень жалѣю, что ты не понялъ «Дикарку»; твои замѣчанія о 3-мъ и 4-мъ актахъ, извини, заставили меня улыбнуться. Но это ничего, послѣ моего чтенія, ты совершенно поймешь пьесу и самъ внутренно посмѣешься надъ своей критикой. При моемъ чтеніи, въ прошлую субботу, именно послѣдніе акты и произвели самый большой эффектъ, и особенно—3-й.

Необходимо, чтобы «Дикарка» шла 11-го ноября, или ужь, въ противномъ случаѣ, отложить ее до бенефиса Савиной.

Хотя я тебѣ не обѣщалъ, да по состоянію своего здоровья и не могъ обѣщать, что моя пьеса поспѣетъ непремѣнно къ ноябрю, но, кажется, она будетъ готова. Я пріѣду въ Петербургъ въ самомъ началѣ ноября и, надѣюсь, не съ пустыми руками. Съ пріѣздомъ въ Москву здоровье мое значительно ухудшилось, да и немудрено, я безвыходно сижу день и ночь за работой.

—

Москва, 16 октября 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Торопить меня кончить пьесу будешь не ты, а нужда, и мнѣ, хоть умереть, а въ концѣ октября надо пьесу кончить. Суть пьесы и главныя сцены давно готовы, остается только отдѣлка; но то, на что прежде требовалось дней 5 или 6, теперь дай Богъ сдѣлать въ двѣ недѣли. Бываютъ дни, когда я не въ состояніи работать болѣе часу.

С. я написалъ только то, что нужно было написать. Сотрудничество съ такимъ писателемъ, какъ я, это не то, что простое покровительство, которое оказываетъ опытный писатель начинающему: это положеніе возлагаетъ нѣкоторыя обязанности, которыя я ему и объяснилъ. Сердиться на него я и не думалъ, а подать нѣсколько совѣтовъ считалъ себя обязаннымъ.

О ходѣ моей работы я тебя буду извѣщать.

О «Дикаркѣ» поговоримъ при свиданіи, это дѣло не такъ просто, какъ сразу кажется.

—

Москва, 17 октября 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! До насъ уже доходили слухи, что Л. недоволенъ *слабостію* цензуры, и потому я твоимъ извѣстіемъ только огорченъ, а не удивленъ. Съ твоимъ распредѣленіемъ ролей я ни подъ *какимъ видомъ* согласиться не могу. Вершинскаго надо играть, а П.—совсѣмъ не актеръ и ровно ничего представить не можетъ. Ты пишешь, что П. будетъ похожъ на птицу. Да развѣ въ этомъ главное? Вершинскій—значительный губернскій чиновникъ изъ Петербурга, т. е. вице-губернаторъ, значитъ, человѣкъ съ извѣстнымъ тономъ и съ извѣстными манерами. Какъ-же возможенъ тутъ П.? У него тонъ постоянно фальшивъ, неловкость и неуклюжесть рѣжетъ глаза, и манеры непозволительныя. Да и зачѣмъ прибѣгать къ этому невозможному актеру, когда всякій сыграетъ лучше его, не говоря уже о Петипа, которому эта роль прямо подходитъ. Что онъ хорошъ собой, это не бѣда, для этого есть гримировка. Гладко стриженный парикъ, широкія бакенбарды, носъ кверху, золотыя очки,—вотъ и непріятная физіономія, а только то и нужно. Вершинскій—не уродъ, а только непріятенъ своими гордыми манерами и презрительнымъ тономъ. Безъ совершенно приличныхъ манеръ и строго выдержаннаго тона Вершинскаго играть нельзя; а именно ничего этого у П. и нѣтъ.

Ѣхать сейчасъ въ Петербургъ уговаривать

Н. я не могу: во 1-хъ нездоровъ, а во 2-хъ, въ такомъ случаѣ я не успѣю кончить пьесу къ ноябрю. Подумай, что̀ для меня дороже! Написать Н. я могу. Если-же онъ не согласится играть, то, по моему, долженъ играть за него опять-таки не С., а М., который, пожалуй, будетъ лучше и Н.

Л—ва, если хочетъ, можетъ играть няньку, а ужь никакъ не Ашметьеву.

Пиши мнѣ обо всемъ, даже объ мелочахъ.

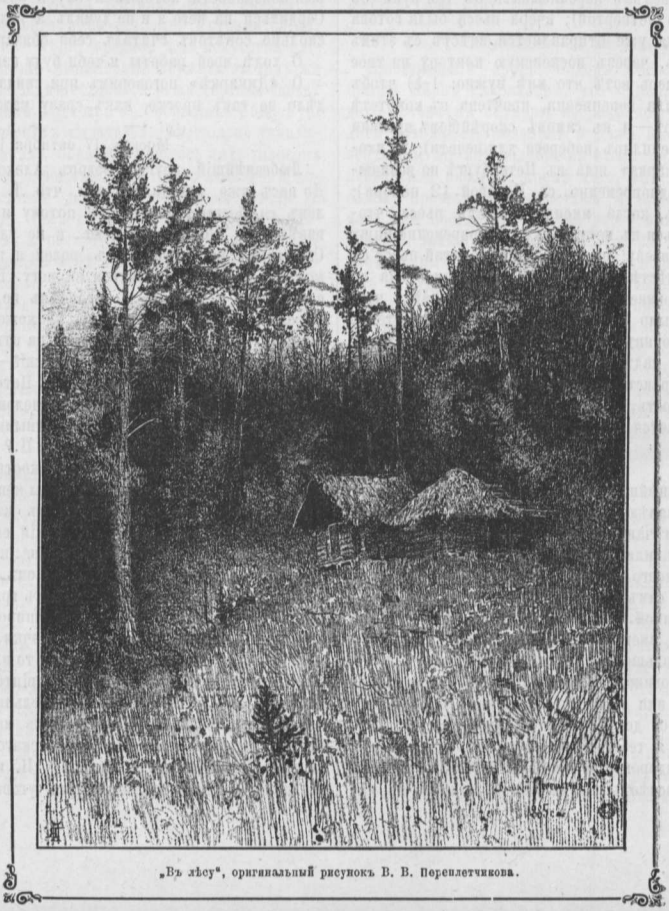
Москва, 18 октября 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Отдать роль Ашметьева Ки—му я согласенъ; только, какъ говорятъ, за нимъ есть маленькій недостатокъ: онъ никогда и никакихъ ролей не учитъ, и безъ суфлера не разговариваетъ!

Теперь вотъ что я считаю себя обязаннымъ сказать тебѣ: я боюсь, чтобы роль Боева не повредила тебѣ въ глазахъ начальства. Боевъ—человѣкъ сильный, живой и до того цвѣтущій здоровьемъ, что самъ себя называетъ «красной дѣвкой». Въ этой роли ярче всего выкажется недостаточность твоихъ физическихъ средствъ. Найдутся пріятели (у тебя ихъ довольно), которые укажутъ на это начальству. А газетчики ужь непремѣнно будутъ ругать тебя и меня; для меня это ровно ничего не значитъ и послѣдствій никакихъ имѣть не будетъ; а для тебя послѣдствія неудачи могутъ быть роковыми. Тебѣ, чтобы упрочить себя на сценѣ, надо совершенно отказаться отъ ролей, требующихъ живости и большого движенія и комизма, и остаться исключительно при роляхъ покойныхъ, резонерскихъ. Вспомни о контрактѣ и подумай объ этомъ. Это говоритъ тебѣ любовь моя.

Москва, 22 октября 1879 г.

Любезнѣйшій другъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! Я очень радъ, что ты чувствуешь себя въ силахъ играть роль Боева,—въ такомъ случаѣ, эта роль безспорно принадлежитъ тебѣ. Послѣднее письмо я написалъ тебѣ потому, что получилъ извѣстіе (къ счастью невѣрное) будто здоровье твое значительно ухудшилось.



„Въ лѣсу", оригинальный рисунокъ В. В. Переплетчикова.

Иконописецъ.

(Изъ былого Москвы).

I.

Переулокъ.

Занимается день. Фонари, въ четыре рожка, съ конопляным масломъ, догораютъ. Зимній, утренній свѣтъ туманно освѣщаетъ узкій переулокъ,—онъ вползаетъ вверхъ, по холму горбылями отъ снѣжныхъ сугробовъ и ухабовъ. Въ началѣ переулка, по его обѣимъ сторонамъ, осѣли, вросли въ землю старые, деревянные домики въ пять, въ три, въ семь оконъ. Когда-то выкрашенные въ желтый, красный, сѣрый цвѣта—они смотрятъ теперь бурыми, пятнистыми—придавленные крышами, сплошь занесенными снѣгомъ. Изъза заборовъ, тоже вросшихъ и покачнувшихся, вязы, березы, липы, тополя широко простираютъ вѣтви въ пушистомъ иней; но чѣмъ выше по холму, тѣмъ постройки переулка становятся новѣе, больше, выше, веселѣе. Видно, что тутъ селились снизу вверхъ:—изъ тихой котловины къ торговой улицѣ. Въ этой части переулка попадаются уже и дома на каменномъ фундаментѣ, съ крыльцами на улицу. Ихъ фасады пестрѣютъ свѣжими колерами; заборы тоже безъ подпорокъ, и деревья не раскидываютъ такъ привольно своихъ вѣтвей. На нѣкоторыхъ воротахъ обозначены даже имена домовладѣльцевъ. Самымъ зажиточнымъ изъ всего переулка смотритъ розовый домъ. Онъ стоитъ на подъемѣ холма, на каменномъ фундаментѣ. По улицѣ, домъ всего въ пять окошекъ; но черезъ обнаженныя деревья его сада, видно, какъ онъ длинно тянется по двору и какъ тамъ образуетъ три этажа: нижній, бельэтажъ и антресоль. Его окружаютъ флигеля, сараи, обширный дворъ, примыкающій къ еще болѣе обширному огороду. И самъ домъ, и его постройки хоть и не новы, но видно, что поддерживаются старательно. Съ крыши крыльца, на улицу, снѣгъ сметенъ, и ея зеленая краска дѣлаетъ домъ еще солиднѣе. На правомъ столбѣ воротъ, между домомъ и флигелемъ, на доскѣ, по желтому полю явственно выведено черной краской: „Домъ Ивана Лукьяновича Киргизова, № 368, такой-то части, такого-то квартала“. А на лѣвомъ столбѣ, такъ-же, явственно написано: „Свободенъ отъ постоя“.

У флигеля дома, тоже просторнаго и съ аккуратно замкнутыми ставнями, пріютилась будка. Въ этотъ ранній часъ дежурный будочникъ въ сѣромъ буракѣ—киверѣ, въ сѣрой солдатской шинели, прислонясь къ алебардѣ, еще сладко спитъ...

Калитка заскрипѣла, тяжело отворилась, и въ ней сперва показалась длинная лѣстница, а потомъ фигура маленькаго, ссохшагося старика-дворника. Въ рваномъ тулупѣ, съ непокрытой сѣдой, плѣшивой головой, онъ зашмыгалъ по занесенному снѣгомъ тротуару, приставилъ лѣстницу къ розовому дому и, взобравшись на нее, неловко хлопая ставнями, сталъ поочередно отворять ихъ у всѣхъ пяти окопъ.

Будочникъ проснулся, и когда старикъ-дворникъ возвращался къ калиткѣ, онъ окликнулъ его, все еще опираясь сонным лицомъ на алебарду.

— Экую ты рань, Дементьичъ!

— Не моя воля. Иванъ Лукьянычъ приказываетъ, чтобъ въ семь безпременно отпирать ставни, отвѣчалъ дворникъ, волоча за собой лѣстницу.

— Дементьичъ, а Дементьичъ, другъ! —окликнулъ его второй будочникъ, показавшійся изъ-за спины дремавшаго.

Въ отворенную дверь, изъ глубины душной будки — помѣщенія троихъ будочниковъ—повалилъ клубами паръ на улицу... Вся фигура дремавшаго дежурнаго и го-

лова его товарища были точно въ облакахъ.

Дворникъ остановился на зовъ.

— Чего тебѣ?

— Когда-жь капустки-то пришлютъ хозяева?

— Экъ загодя захотѣлъ!..

Дементьичъ даже засмѣялся и направился, было, опять къ калиткѣ.

— Постой, другъ любезный, вотъ что еще,—продолжалъ свободный будочникъ, безъ формы, въ ситцевой рубашкѣ, коренастый и здоровенный малый,—скажи тамъ кому изъ молодцовъ вашихъ, али нянькѣ, а то и самой хозяйкѣ, Аннѣ Никаноровнѣ, что, молъ, изготовили будочники нюхательный табакъ, какого еще не бывало по всей Устрѣтенкѣ!...

Морщинистое лицо дворника осклабилось.

— Ишь-ты!... А почемъ продавать будете?

— Да копѣекъ по семи...

Лицо Дементьича мгновенно вытянулось.

— Семь копѣекъ? Не жирно-ли?

Изъ глубины будки показался третій солдатъ, на одинъ глазъ кривой, родомъ черемисъ.

Дементьичъ вспылилъ.

— Тумáна! Это твои выдумки: семь копѣекъ! Да слыханная-ли это цѣна!

— Хорошій табакъ,—отвѣтилъ цокавшій Тумáна,—носъ цыпко дзеретъ.

— Да, вѣдь, и цѣна-то тоже деретъ, разсердился Дементьичъ.

— Ну тебѣ, старина, отдадимъ и по грошику за осьмушку. Отвѣдай!—И будочникъ въ ситцевой рубахѣ протянулъ дворнику берестовую тавлинку.

— „Въ тавлиночкѣ-то мокнетъ, въ бумажечкѣ-то сохнетъ...“ сказалъ дежурный соннымъ голосомъ старую прибаутку.

Дементьичъ осторожно взялъ свободной рукой щепотку табаку, забилъ въ носъ, глубоко вдохнулъ ее, прищурилъ маленькіе, слезившіеся глаза и тотчасъ-же расчихался.

— Забираетъ... Крѣпко... табакъ здоровый,—говорилъ онъ между чиханьемъ.

Будочники смѣялись. Дементьичъ отъ чиханья такъ ослабъ, что оставилъ лѣстницу и сѣлъ на деревянную тротуарную тумбу.

— Въ богадѣльню тебѣ, старицекъ,—сказалъ кривой Тумáна, добродушно глядя на Дементьича.

Старикъ отдышался и сталъ протирать слезившіеся глаза рукавомъ затрапезной рубахи.

— Да и то приписали меня къ кандитерскому цеху, отвѣтилъ онъ. Такъ-то не принимаютъ въ богадѣльню, вѣдь—я не московскій, а тульской губерніи, епифанскаго уѣзда. Теперь записали. Въ богадѣльню! Чего я тамъ не видалъ—вѣдь я въ силѣ еще: дрова колю, воду таскаю, всѣ работы по дому справляю... а въ богадѣльнѣто что? Знай, лежи только... Нѣ-ѣтъ!

Дементьичъ подхватилъ лѣстницу и бодро зашмыгалъ съ ней къ калиткѣ.

Будочники опять засмѣялись.

— Ну, ну, шесть копѣекъ фунтъ: вамъ по сосѣдству сбавимъ!—крикнули они ему въ слѣдъ.

II.

Мастерская.

Иванъ Лукьяновичъ давно ужь проснулся и раздумываетъ, по обыкновенію, сколько зимой приходится ему терять времени изъ-за утренняго сумрака: раньше девяти нечего и садиться за мольбертъ. Молодцы тоже шатаются дольше безъ дѣла. Пробовалъ онъ ихъ засаживать за черченіе съ гипсовъ при лампахъ, да дневной свѣтъ мѣшаетъ. Такъ вотъ безъ дѣла и лежи въ постели часа три. Иванъ Лукьянычъ осторожно повернулся на спину. Рядомъ съ нимъ крѣпкимъ сномъ спала его жена, Анна Никаноровна. Голова у Ивана Лукьяныча совсѣмъ свѣжая, ясная.

— Работать бы теперь только, раздумываетъ онъ. Заказовъ много набралось: для княгини Муратовой въ деревню, для новой церкви, весь иконостасъ писать; для купца Веселкина семейный образъ надо оканчивать; въ Рождественскій монастырь двѣ мѣстныя иконы написать. Вездѣ сроки, все къ приходскимъ праздникамъ... Ну, да Богъ милостивъ! Управлюсь!—старался остановить свои свѣтованія на мглу Иванъ Лукьянычъ. Чего роптать?... Въ шестьдесятъ восемь лѣтъ работаю, заказщики приходятъ, всѣ дѣти имѣютъ кусокъ хлѣба—благодареніе Всевышнему“!..

Иванъ Лукьянычъ набожно перекрестился. Чтобъ разогнать докучливыя мысли, онъ сталъ слѣдить за постепенно пробивающимся свѣтомъ. Сумракъ сползалъ со стѣнъ просторной спальни. Картины, мебель намѣчивались, выплывали. Тридцать лѣтъ спитъ Иванъ Лукьянычъ въ этой спальнѣ, на этой кровати. И вотъ каждое утро видитъ онъ, напротивъ, въ ногахъ, прибитый по стѣнѣ коверъ—картину „Іудеи на рѣкахъ вавилонскихъ“, вышиваніе одной его ученицы-монашки. Группировка женскихъ и мужскихъ фигуръ невольно наводитъ его на мысли о компановкѣ святыхъ на его „семейныхъ“ иконахъ. Лѣ-

вѣе, какъ разъ надъ спящей Анной Никаноровной, чернѣетъ темный портретъ мужчины съ кошелькомъ. Иванъ Лукьянычъ купилъ портретъ у Сухаревой; глаза ему очень понравились, и на оборотной сторонѣ холста была надпись: „портретъ знаменитаго богача Ротшильда“. Какъ разъ стѣна стояла пустая, непріятная, тутъ его и повѣсили. Точно живые, смотрятъ маленькіе, острые глаза, и кошелекъ такъ хорошо держитъ рука. Пальцы, всѣ жилочки вѣрно выписаны.

— „Надо сегодня Юленьку посадить на натуру для ручки Смоленской Божіей Матери. Не выписывается изъ головы, вотъ что ты хочешь!“ досадливо подумалъ Иванъ Лукьянычъ.

Еще далѣе, по стѣнѣ, бѣлѣетъ гравюра съ картона Рафаэля: „Апполонъ и девять музъ“. Не различишь рисунка въ раннемъ сумракѣ, да Иванъ Лукьянычъ и такъ можетъ разсказать группировку музъ, ихъ позы. Много у него навѣшано по дому картинъ, гравюръ. Всѣ онъ ихъ отлично изучилъ; иногда онѣ ему служили подспорьемъ въ его работахъ. Дороги онѣ ему, какъ все, что есть въ домѣ, какъ и самый домъ, построенный имъ вскорѣ послѣ француза. Сколько надо было написать иконъ, запрестольныхъ картинъ, мѣстныхъ образовъ, расписать монастырскихъ воротъ, чтобъ сколотить этотъ розовый домъ съ мезониномъ и молодцовской, чтобъ пріобрѣсти гравюры, картины, составить себѣ имя, привлечь учениковъ... и добиться всего этого сиротѣ, однодворческому сыну изъ подмосковной деревни.....Тамъ, дальше, въ глубинѣ кабинета Ивана Лукьяныча, на большой масляной картинѣ, его же собственной работы, среди деревенскаго пейзажа, на дворѣ, въ убогой обстановкѣ, былъ изображенъ мальчикъ, лѣтъ восьми. Онъ что-то чертитъ на заборѣ угольком. Мать его тутъ же развѣшиваетъ горшки. На заднемъ планѣ, на холмѣ, раскинулась усадьба вельможи-помѣщика, который, прослышавъ про талантливаго мальчика, заинтересовался имъ и позднѣе далъ ему возможность дослужиться до оберъ-офицерскаго чина. У Ивана Лукьяныча, въ бюро, хранится табакерка этого вельможи-мецената.

— Никто, какъ Богъ! заканчивалъ свои думы по утрамъ Иванъ Лукьянычъ, если случалось ему по поводу-ли гравюры или пронесшагося вдругъ воспоминанія, мысленно прослѣдить свою жизнь.

Въ домѣ уже началось движеніе: дворникъ Дементьичъ пришелъ печки затапливать, сынъ Афанасій прошелъ къ обѣднѣ.

— Анна Никаноровна, вставай, вставай!—окликнулъ Иванъ Лукьянычъ жену, слегка тряся ее за плечо.

— Сейчасъ,—сквозь сонъ отозвалась Анна Никаноровна.

Иванъ Лукьянычъ накинулъ старый бараній тулупчикъ, надвинулъ на голову канатный колпакъ, который онъ постоянно носилъ зимой отъ ревматизмовъ въ головѣ, и направился черезъ столовую въ переднюю задняго крыльца; тамъ, подъ лѣстницей въ кухню и въ молодцовскую привѣшенъ былъ мѣдный рукомойникъ.

Иванъ Лукьянычъ началъ умываться.

Крупными хлопьями падалъ снѣгъ и, точно ватой, устилалъ огородъ, аллеи палисадника, крыши сараевъ и флигелей. Иванъ Лукьянычъ сидѣлъ за утреннимъ чаемъ въ столовой, въ томъ же своемъ тулупчикѣ и въ канатномъ колпакѣ, и грустно глядѣлъ на пасмурный свѣтъ дня.

Стѣны столовой, выкрашенныя сѣрымъ колеромъ, старые кожанные стулья, съ полукруглыми дубовыми спинками, дѣлали еще пасмурнѣе комнату. Одинъ самоваръ ведерный блестѣлъ и кипѣлъ. Анна Никаноровна сейчасъ посыпала мелкаго сахару въ трубу, изъ него и духъ шелъ пріятный. Съ антресоли доносился смѣхъ, говоръ нѣсколькихъ дѣтскихъ голосовъ, увѣщеванія няньки. По лѣстницѣ изъ столовой наверхъ и мимо на заднюю переднюю, въ кухню, безпрестанно сновали двѣ горничныхъ. Анна Никаноровна нѣсколько разъ приказывала имъ:

— Уймите тамъ дѣтей: Иванъ Лукьянычъ чай кушаетъ. Шумъ смолкалъ, но черезъ минуту опять поднимался. Одинъ за другимъ сошли старшія дѣти Ивана Лукьяныча. Каждый подходилъ къ рукѣ отца со словами:

— „Съ добрымъ утромъ папенька“,— потомъ шелъ къ матери, цѣловалъ ее въ щеку и говорилъ: „съ добрымъ утромъ, маменька“, на что Анна Никаноровна суетливо отвѣчала: — здравствуй, батюшка, здравствуй,— затѣмъ каждый садился къ столу.

Иванъ Лукьянычъ молча рѣзалъ на маленькіе кусочки хлѣбъ и прихлебывалъ ихъ чаемъ. Онъ не любилъ разговаривать, находилъ даже непристойнымъ человѣку его лѣтъ и съ такой большой семьей разговаривать. Это идетъ Аннѣ Никаноровнѣ, матери, болтать; а онъ, такъ когда, спроситъ что, сдѣлаетъ замѣчаніе или пытливо взглянетъ.

Два взрослыхъ сына, еще подростокъ и двѣ дочери-невѣсты тоже молча пили чай. Манера отца, его лѣта, заработокъ, неустанный трудъ и суетливое преклоненіе передъ нимъ матери вселяли въ нихъ глубокое уваженіе къ отцу. Его молчаливость казалась имъ думой,—и они въ его присутствіи держали себя очень чинно.

Иванъ Лукьянычъ кушалъ чай медленно и много; но съ первымъ ударомъ девяти (часы висѣли тутъ же въ столовой, большіе, въ глубокомъ футлярѣ изъ краснаго дерева; звукъ ихъ ударовъ былъ гулкій, стройный) онъ опрокидывалъ чашку на блюдечко, недопитый кусочекъ сахара клалъ на донышко и сгорбленной, старческой походкой спѣшилъ черезъ коридорчикъ въ свой кабинетъ, и оттуда въ мастерскую.

Тутъ въ большой, многооконной, свѣтло-желтой комнатѣ собрались за работу всѣ ученики Ивана Лукьяныча. У каждаго окна, за мольбертомъ, сидѣло по „молодцу“, а гдѣ и по двое; кто собирался копировать икону, а кто и писать оригиналъ. Посерединѣ мастерской, за большимъ столомъ размѣстились мальчики рисовать съ рисунковъ, разложенныхъ передъ ними. Видомъ и одеждой молодцы Ивана Лукьяныча смотрѣли скорѣе дворовыми, чѣмъ мастеровыми: поношенные сюртуки, шейные платки, панталоны поверхъ сапогъ... Мальчики всѣ были въ халатикахъ изъ синей китайки—и съ коротко остриженными головами.

При появленіи хозяина молодцы и мальчики встали.

— Съ добрымъ утромъ, Иванъ Лукьянычъ!—разомъ сказали они.

Иванъ Лукьянычъ отвѣтилъ имъ кивкомъ головы и сталъ обходить молодцовъ.

Онъ внимательно осматривалъ ихъ работу, проводилъ по иконѣ или въ воздухѣ пальцемъ, намѣчалъ блики. По части нѣжности красокъ и выразительности ликовъ Иванъ Лукьянычъ считался въ Москвѣ первымъ иконописцемъ въ итальянскомъ родѣ, а главное, онъ удивительно божественно умѣлъ изображать Бога-Саваоа и мучениковъ.

Кончивъ обходъ молодцовъ, Иванъ Лукьянычъ подошелъ къ круглому, большому столу мальчиковъ. Стриженныя головы и согнутыя спины въ халатикахъ усердно копошились надъ бумагой. Одинъ изъ старшихъ молодцовъ исправлялъ рисунки мальчиковъ. Тутъ Иванъ Лукьянычъ тоже сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, хотя въ рисункѣ онъ самъ себя считалъ слабѣе, нежели въ письмѣ красками, поэтому, можетъ быть, еще строже обращалъ вниманіе на рисованіе. Даже молодцы обязаны были каждый вечеръ рисовать съ гипсовыхъ фигуръ. Съ учениками Иванъ Лукьянычъ обращался мягко, развѣ ужь когда дастъ подзатыльника, и то самому шустрому. Большинство ихъ были крѣпостные; ихъ господа предоставляли Ивану Лукьянычу полную власть, но Иванъ Лукьянычъ не любилъ ею пользоваться и держалъ своихъ учениковъ, какъ художниковъ, а не какъ мастеровыхъ. Такъ, онъ не допускалъ взрослыхъ ни до какихъ работъ по дому: ни таскать воду, ни дрова колоть, ни капусту рубить... Въ случаѣ крупной провинности ученика, онъ писалъ барину, чтобъ брали назадъ провинившагося. Мѣръ исправленія въ молодцовской у себя не принималъ. Общій тонъ, при хозяинѣ, былъ почтительный и исправный. Въ концѣ мастерской, у выхода на заднюю переднюю, двое „новенькихъ“ растирали краски. Иванъ Лукьянычъ и передъ ихъ работой остановился. Онъ находилъ, что вездѣ нуженъ хозяйскій глазъ. Продѣлавъ самъ всю школу выучки иконописца, онъ во всемъ смыслилъ, во всемъ могъ дать указаніе. Послѣ подробнаго обхода мастерской, онъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ и самъ засѣлъ за работу.

Узенькая комната съ однимъ широкимъ окномъ, сверху до низу увѣшана иконами, гипсовыми ручками, ножками, головками, кое-какими масляными картинками. По угламъ прислонены папки съ гравюрами. У окна, около мольберта, на постаментѣ, улаженъ маленькій манекенъ, въ красной рубашкѣ, въ позѣ благословляющаго Спасителя. На мольбертѣ стоитъ загрунтованная кипарисная доска, съ набросанной на ней мѣлкомъ фигурой Спасителя.

Иванъ Лукьянычъ оправилъ очки, придвинулъ къ мольберту просиженное кресло, перекрестился, взялъ палитру, кисти-мушгабель и сѣлъ писать.

Изъ мастерской рядомъ слышался сдержанный говоръ учениковъ и молодцовъ. Въ залѣ — черезъ переднюю отъ Ивана Лукьяныча—дочери упражнялись на фортопьянахъ. Часто раздавался голосъ Анны Никаноровны „по хозяйству“. Наверху возились дѣти. Онъ ни на что на это не обращалъ вниманія и писалъ икону, не вставая съ мѣста, вплоть до обѣда. Его сгорбленная фигура въ тулупчикѣ, запачканномъ разными красками, казалась ввинченной въ жесткое, старое кресло. Длинный конецъ пестраго фуляра висѣлъ изъ кармана тулупчика; но Иванъ Лукьянычъ забывалъ о немъ и безпрестанно вдыхалъ

носомъ: канатная шапка сползла назадъ, и сѣдые, мягкіе волосы, какъ бы прилипли къ крупному черепу. Мелкія черты собрались въ складки на широкомъ лицѣ съ нѣсколькими бородавками; выцвѣтшіе глаза старика художника безпрестанно перебѣгали отъ иконы къ палитрѣ и отъ палитры къ иконѣ. Привычной рукой выписывалъ художникъ стоявшую передъ нимъ икону. Овалъ лика Спасителя выходилъ изъ-подъ его кисти молодымъ, мягкимъ, красивымъ; борода спадала шелковистыми локонами, взоръ—скорбящій, всепрощающій; не тотъ суровый, таинственный взоръ Спасителя, какой изображали на иконахъ стараго письма. Спаситель, въ изображеніи Ивана Лукьяныча, былъ божественно-добръ. Эта божественность выражалась въ особенно нѣжномъ, прозрачномъ колоритѣ молодого лица. Закащики-знатоки говорили: „воздухъ есть, масса воздуху-съ!“ И какъ выходилъ у него этотъ воздухъ на иконахъ—онъ и самъ-бы затруднился объяснить. Такъ ужь выходило... само собой. Только въ разгаръ работы брови его высоко, высоко поднимались, будто онъ самъ, въ воображеніи, старался унестись въ высь съ Богочеловѣкомъ, съ мучениками, мученицами, серафимами и архангелами...

— Иванъ Лукьянычъ, пожалуй кушать!—звала Анна Никаноровна черезъ дверь,—двѣнадцать пробило.

Въ мастерской уже было сильное движеніе, и десятки ногъ торопливо бѣжали по лѣстницѣ въ кухню.

Иванъ Лукьянычъ обѣдалъ съ аппетитомъ и любилъ ѣду, ѣлъ медленно, долго. Обѣдъ подавали сытный, въ три блюда, а постомъ и больше: толокно съ квасомъ, горячую похлебку, кавардакъ (соусъ изъ свеклы, картофеля, грибовъ и луку), рисовыя котлеты съ черносливомъ, кисели или «*бѣдный офицеръ*»—булка, смоченная въ миндальномъ молокѣ.

За обѣдомъ его первенецъ, Афанасій, разсказывалъ разныя новости. Онъ къ утреннему чаю не являлся: бывалъ у обѣдни, или больной оставался у себя въ комнатѣ. Два старшихъ сына обѣдали поздпѣе. Одинъ уже служилъ, другой кончалъ курсъ въ университетѣ. Афанасій—худой, болѣзненный, такой-же сгорбленный, какъ отецъ, но съ крупными, правильными чертами лица въ линію, съ темной кожей, съ большими темными глазами смотрѣлъ живой иконой стараго письма. Онъ былъ очень набоженъ, въ ранней молодости обучался архитекторскому черченію; но нервная болѣзнь запрещала ему продолжительныя занятія, и онъ ходилъ по монастырямъ, церквамъ, кладбищамъ, а вечеромъ—въ Большой театръ, въ раекъ. Онъ до страсти любилъ оперу. Тихимъ голосомъ передавалъ онъ отцу свои впечатлѣнія. Дочери и сынъ-подростокъ сидѣли чинно, разсѣянно слушали брата. Маленькія дѣти украдкой строили другъ другу рожи, просили. Анна Никаноровна прикрикивала на нихъ. Иванъ Лукьянычъ жевалъ пищу на единственныхъ переднихъ зубахъ, устремивъ глаза вдаль, будто что обдумывалъ. Но лишь Афанасій смолкалъ—Иванъ Лукьянычъ вскользь взглянетъ на него:

— Ну, что-жь?—продолжай,—говорилъ онъ сыну.

Разсказы Афанасія, большей частью, касались духовенства. Иванъ Лукьянычъ имѣлъ часто дѣла съ духовенствомъ, но не любилъ монаховъ и монашекъ, находилъ ихъ „выжигами“ и „попрошайками“. Слушая разсказы сына про какую парадную службу или посѣщеніе какого монастыря и льстивое ухаживаніе ловкаго игумена,—онъ вдругъ сдѣлаетъ такое мѣткое, но рѣзкое опредѣленіе для человѣка набожнаго, что Анна Никаноровна такъ и заахаетъ:

— Ахъ, ахъ, Иванъ Лукьянычъ, что ты! Господь съ тобой!..

Онъ будто не слышитъ восклицанія жены и опять устремляетъ глаза вдаль.

Взрослые только улыбнутся въ тарелки. Маленькіе обернутся на возгласъ матери, взглянутъ на отца, ничего не поймутъ и вернутся къ своимъ гримасамъ.

Афанасій такимъ же мѣрнымъ голосомъ разсказываетъ и о постановкѣ „Волшебнаго стрѣлка“, „Аскольдовой могилы“, „Цампы“, которыми онъ любовался наканунѣ, изъ райка. Если случалось, что Афанасій задумается, остановится—Иванъ Лукьянычъ опять повторитъ: „продолжай“. Самъ Иванъ Лукьянычъ уже лѣтъ двадцать не бывалъ въ театрѣ; но ложа аккуратно бралась разъ въ годъ: на Рождествѣ, утромъ, для Анны Никаноровны и дѣтей. Афанасію отецъ, безъ его просьбъ, давалъ денегъ на театръ. Вообще Иванъ Лукьянычъ скупъ не былъ ни на удовольствія, ни на воспитаніе дѣтей. Афанасія должны были рано лишить ученія; онъ съ молодыхъ лѣтъ болѣлъ нервами; но два другихъ брата кончили курсъ въ Николаевскомъ институтѣ при Воспитательномъ домѣ, поступили потомъ въ университетъ, чему ни минуты не препятствовалъ Иванъ Лукьянычъ; одинъ вышелъ кандидатомъ и опредѣлился къ губернатору на службу, другой былъ на послѣднемъ курсѣ. Дочери—одна воспитывалась во французскомъ пансіонѣ дѣвицъ Баль-

тюсь, но по пятнадцатому году ее взяли домой: Анна Никаноровна чтила трудъ и заработокъ мужа и избѣгала неокупавшихся тратъ; близкіе упрекали ее даже въ скупости. Вторая дочь училась въ недорогомъ Ермоло-Маріинскомъ заведеніи и, благодаря вліянію братьевъ-студентовъ на мать, прошла всѣ четыре класса и выдержала экзаменъ въ университетъ. Сынъ-подростокъ учился въ Школѣ Живописи—на Мясницкой. Остальныя дѣти—мелкота—до поступленія въ гимназіи и пансіоны обучались у сестры „кандидатки“ и у брата—студента. Расходами на воспитаніе дѣтей, ихъ содержаніемъ—Иванъ Лукьянычъ нисколько не тяготился; но вѣдать, что имъ надо, надзирать за ихъ поведеніемъ предоставлялъ женѣ, Аннѣ Никаноровнѣ.

Кончивъ обѣдъ, онъ немножко прохаживался по залѣ, составлявшей, вмѣстѣ съ гостиной, весь передній фасадъ пятиоконнаго розоваго дома. Зала отдѣлялась отъ гостиной двумя колоннами подъ мраморъ. И въ гостиной, и въ залѣ развѣшаны были гравюры съ картоновъ Рафаэля; а надъ фортепьяно, всю стѣну до потолка, занимала масляная картина: «Распятіе Петра». Мебель въ обѣихъ половинахъ стояла изъ краснаго дерева. Въ отдѣленіи гостиной: съ голубой шерстяной обивкой и передъ диваномъ—коверъ блѣдными букетами. Фортепьяно помѣщалось въ залѣ; оно было старинной формы; звукъ клавишей жиденькій. Афанасію фортепьяно нравилось, и онъ способенъ былъ цѣлыми часами подбирать на немъ аккорды церковнаго пѣнія.

Иванъ Лукьянычъ, прохаживаясь по залѣ, подпѣвалъ сыну, а то садился къ окошку и постукивалъ по подоконнику пальцами. Онъ любилъ сидѣть подъ окошкомъ въ часы отдыха. Видъ узкаго переулка съ разноцвѣтными домами—кое-гдѣ еще изъ чердаковъ гоняли голубей—развлекалъ и занималъ его. Напротивъ жили хлыстовки, никто навѣрно не зналъ что онѣ—хлыстовки, но такова была молва—имъ не разъ оказывалъ протекцію Иванъ Лукьянычъ—не изъ-за сочувствія къ этой сектѣ, а изъ-за непріязни къ „взяточникамъ кварташкамъ“. Смотрѣть на домъ „хлыстовокъ“ не очень было занятно: ворота, крыльца на запорѣ; на окнахъ такъ густо наставлены герани и бальзамины, что изъ-за нихъ души живой не видно... Но, какъ разъ напротивъ оконъ гостиной, тянулся флигелекъ: тамъ жилъ актеръ Малаго театра и современникъ Мочалова, давнишній знакомый Ивана Лукьяныча. Прежде онъ тоже нанималъ у него флигелекъ (оттуда и знакомство пошло), да единственный сынъ умеръ, тяжко было оставаться на квартирѣ. Въ виду такого печальнаго обстоятельства, хозяинъ и бывшій жилецъ оставались въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Часто во флигелькѣ напротивъ, у окошка, виднѣлась круглая, красная голова со щеткой сѣдыхъ волосъ. Иванъ Лукьянычъ и Василій Ѳедотычъ переглядывались, манили другъ друга рукой, кланялись. Еще занятнѣе бывало, когда пріѣзжалъ за Василіемъ Ѳедотычемъ театральный рыдванъ. Актеръ—высокій, тучный, выходилъ на крылечко. За нимъ „дѣвка“ выносила узелъ. Онъ не сразу усаживался, ворчалъ на кучера, что-то разговаривалъ съ товарищами, уже сидѣвшими въ рыдванѣ, усылалъ опять дѣвку, та еще приносила узелочки, наконецъ, онъ медленно усаживался, дверца хлопала, онъ отдавалъ послѣднія приказанія въ окно, и рыдванъ трогался.

Походивъ или посидѣвъ съ часокъ въ залѣ, насмотрѣвшись вдоволь на отъѣздъ Василія Ѳедотыча въ театръ или просто переглянувшись съ нимъ нѣсколько разъ въ окошко, Иванъ Лукьянычъ снова отправлялся въ свой кабинетъ за работу. Призывалась одна изъ дочерей и онъ начиналъ писать съ натуры ручку, безпокоившую его утромъ. Если для Божіей Матери—то съ младшей: у нея были длинныя, полныя руки; для мученицы—со старшей: у старшей руки были маленькія, нервныя. Писать съ натуры онъ ужасно не любилъ, находилъ это нехорошимъ для иконъ; позволительнымъ развѣ въ самой „крайней крайности“... Начиная писать съ натуры, онъ безпокойно двигался на стулѣ, безпрестанно подтиралъ тряпочкой краски на палитрѣ и на иконѣ, стиралъ ихъ, кисти вымазывалъ о тулупчикъ, дѣлался чрезвычайно тревожнымъ. Недовольство, что ему не удается написать изъ головы, все сильнѣе и сильнѣе раздражало его, и онъ, незамѣтно для себя, начиналъ думать вслухъ:

— А все кто? Анна Никаноровна! Все ея ахи... Боялась Петербурга!.. Загубятъ, затрутъ!.. Чѣмъ будемъ дѣтей кормить?.. Глупъ былъ. Надо бы въ Петербургъ ѣхать, учиться, въ Академію, а я тутъ, въ Москвѣ, пятьдесятъ лѣтъ сидмя высидѣлъ!.. Что видѣлъ? У кого учился?... Вотъ теперь и майся. Икону писать съ натуры—кощунство!...

Если на натурѣ была младшая дочь, „кандидатка“, она и виду не подавала, что слышитъ отца. Очень похожая лицомъ съ братомъ Афанасіемъ, она и манерами бы-

ла, какъ на иконахъ, значительная, взглядъ у ней былъ долгій и характеръ скрытный.

Коли сидитъ старшая — она не выдержитъ сѣтованій отца и откликнется:

— Папенька, миленькій, мы сейчасъ кончимъ, хорошо выйдетъ.

Отецъ не пойметъ ее и на нее же прикрикнетъ:

— Молчи, егоза! Часу не можешь посидѣть смирно!

Но послѣ сеанса непремѣнно дастъ ей *берговскаго* сахару, до котораго самъ былъ лакомка.

„Егозѣ“ минуло двадцать лѣтъ; она на два года была старше сестры, но смотрѣла гораздо моложе. Живая, съ веселыми чертами — она, будто, заимствовала все, что было миловиднаго въ лицахъ отца и матери. Иванъ Лукьянычъ, относившійся одинаково равнодушно ко всѣмъ дѣтямъ, къ ней имѣлъ слабость, но старался скрыть это прозвищемъ — „егоза“.

Не каждый день мучился Иванъ Лукьянычъ съ натурой. Большей частью, послѣобѣденные часы работы онъ посвящалъ на компановку образовъ, сохраняя зимнія утра исключительно для писанія красками.

Компановка тоже не сразу давалась. Онъ раскрывалъ папки, доставалъ одну за другой гравюры съ картинъ старыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ, по-долгу смотрѣлъ на нихъ, сличалъ, соображалъ, набрасывалъ мѣлкомъ эскизы на кусочкахъ загрунтованнаго холста, прибитыхъ гвоздиками къ доскамъ, искалъ, обдумывалъ... Ударяли къ вечернѣ,—если подъ большой праздникъ, то рядомъ, въ мастерской, раздавалось вполголоса духовное пѣніе молодцовъ за работой. Онъ крестился и опять рисовалъ, компановалъ, намѣчалъ до тѣхъ поръ—„сколь глаза видѣли“, потомъ, утомленный, шелъ въ спальню „отдохнуть маленько“.

Въ шесть часовъ, передъ вечернимъ чаемъ, Иванъ Лукьянычъ выходилъ изъ спальни освѣженный, приглаженный, въ темномъ, чистомъ халатѣ и направлялся въ мастерскую для обзора вечернихъ занятій молодцовъ. Въ мастерской, большія окна, безъ сторъ, смотрѣли на фонѣ зимней ночи, какъ слѣпые глаза.

Посрединѣ комнаты надъ круглымъ столомъ, спускалась мѣдная лампа съ абажуромъ и освѣщала гипсовую фигуру. Всѣ ученики и молодцы сидѣли вокругъ и рисовали, иногда среди нихъ, и сынъ подростокъ, учившійся въ Школѣ Живописи, тоже рисовалъ. Иванъ Лукьянычъ не бралъ карандаша въ руки, не исправлялъ рисунковъ учениковъ; но глазъ у него былъ такой вѣрный, онъ такъ подробно, такъ тонко видѣлъ промахи рисунковъ, переходы свѣта въ тѣнь на гипсѣ, что ученики понимали его и сами исправляли свои работы. Маленькіе тоже сидѣли и срисовывали изъ тетрадей носы, уши, рты; новенькіе чертили квадраты. Вечерній классъ продолжался два часа. Иванъ Лукьянычъ только разъ обходилъ его.

Побывавъ въ мастерской, онъ садился за вечерній чай. Тутъ онъ желалъ, чтобъ вся семья была въ сборѣ. Изъ спальни въ столовую отворялись двери. Иванъ Лукьянычъ, послѣ многихъ чашекъ чаю, удалялся въ спальню, гдѣ садился въ покойное кресло подъ кіотомъ,—смотрѣлъ, слушалъ, что дѣлается въ столовой и дремалъ...

Кромѣ всѣхъ своихъ, приходили жильцы: двѣ старушки изъ задняго флигеля, офицеръ, съ повязкой, изъ пристройки къ сараю—и поэтому называвшійся „сарайнымъ жильцомъ“, неизмѣнный сосѣдъ —актеръ Малаго театра, если не былъ занятъ, товарищъ юности Ивана Лукьяныча —неудачникъ иконописецъ Матвѣй Данилычъ... Всѣ эти гости знали, что Иванъ Лукьянычъ любитъ, чтобъ его провѣдывали по вечерамъ, сидѣли съ нимъ, когда работа кончется. И они всѣ шли, несмотря на метель, сугробы снѣга и на дворѣ, и на улицѣ.

Время это было бурное — Крымская кампанія. Каждый приходилъ съ своими извѣстіями. Актеръ приносилъ листы, называвшіеся *Даніиловы Седьмины*. Тамъ заранѣе стояли предсказанія о войнахъ и разныхъ народныхъ бѣдствіяхъ, поэтому никакія извѣстія не смущали Василія Ѳедотыча.

— Да-съ, а вѣдь у насъ теперь тысяча-то какая? Седьмая-съ!—громкимъ голосомъ возглашалъ онъ и при этомъ значительно вскидывалъ своей красной головой со щеткой сѣдыхъ волосъ.

Газетъ Иванъ Лукьянычъ, кромѣ *Полицейскихъ*, не читалъ; но сыновья читали въ канцеляріи, въ университетѣ, разсказывали. Одинъ изъ нихъ, студентъ, давалъ уроки русскаго языка въ модномъ домѣ, откуда приносилъ политическія карикатуры. Много доставила удовольствія и семьѣ, и гостямъ, извѣстная тогда карикатура — тройка. Всѣмъ было лестно видѣть, какъ русскій мужикъ хлещетъ по Наполеону въ корню, по Англіи и Италіи на пристяжкѣ. Въ домѣ Ивана Лукьяныча одни вѣрили въ успѣхъ, другіе—нѣтъ.

Завязывались горячіе споры между актеромъ и офицеромъ-очевидцемъ, вернувшимся съ поля сраженія, раненнымъ въ голову. Иванъ Лукьянычъ любилъ разговоры, извѣстія о войнѣ; но самъ не волновался. Все, что не было его работа, шло какъ бы мимо: война—не нашего ума дѣло: и безъ насъ справятся; холера, эпидеміи—пустяки: и безъ того всѣ помремъ; пожары—вынеси Неопалимую Купину... Шумъ, споры говоръ постепенно навѣвали на Ивана Лукьяныча пріятный сонъ, и онъ скоро начиналъ дремать въ своемъ глубокомъ креслѣ. Лишь говоръ прекратится—онъ встрепенется. Безъ актера меньше шумѣли; тогда онъ говорилъ товарищу:

— Матвѣй Данилычъ, поди-ка, братецъ, попой. Давно я тебя что-то не слыхалъ.

Старшія дѣти переглядывались.

— Не въ голосѣ я какъ-то нынче,—отговаривался Матвѣй Данилычъ и откашливался. А, впрочемъ, попробую. Не осудите.

Онъ шелъ въ неосвѣщенную залу и, прохаживаясь тамъ въ темнотѣ, пѣлъ высокимъ теноркомъ: „Среди долины ровныя“, „Сердце ноетъ, ноетъ“, „Выгоню-ль мою коровушку“.

— Ну, теперь не уймешь его!—говорила Анна Никаноровна и уходила по хозяйству.

Офицеръ, дочери, сыновья продолжали разговоры. Иванъ Лукьянычъ дремалъ. А мелкота незамѣтно пробиралась корридоромъ къ широкой постели родителей и въ повалку, поперекъ, сладко, сладко засыпала на ней, подъ пѣніе Матвѣя Данилыча и разсказы офицера-очевидца. Старушки-жилицы тоже дремали за щипаніемъ корпіи, пока Анна Никаноровна не звала: „ужинать! Иванъ Лукьянычъ, дѣти!“

Ужинать подавали въ девять. Если тутъ случался актеръ, онъ, при ударѣ девяти, говорилъ: „часъ воли Божьей!“—вынималъ изо рта трубку, которую неизмѣнно курилъ съ Жуковымъ табакомъ, шелъ выбивать чубукъ къ рукомойнику около лѣстницы въ кухню, оставлялъ тамъ трубку въ „своемъ уголку“ и уходилъ домой, ни съ кѣмъ не прощаясь. Онъ и всѣ гости такъ часто ходили, что, несмотря на приглашеніе Анны Никаноровны—откушать, нашли бы это неделикатнымъ. Одинъ Матвѣй Данилычъ принималъ приглашеніе. Онъ пріѣзжалъ изъ-подъ Симонова монастыря, и пріѣзжалъ въ ночевку; да старушки когда соблазнятся квасным кисельком... Иванъ Лукьянычъ оживлялся и съ аппетитомъ садился за ужинъ „съ горячимъ“. Дѣти не ужинали—больше изъ моды—но оставались въ столовой. Изъ мелкоты—однихъ, очень разоспавшихся, нянька уносила на верхъ; другіе—размѣщались на ступенькахъ лѣстницы въ антресоли,—какъ звѣрьки, выглядывали они между перилъ и просили у матери что повкуснѣе.

Въ десять часовъ Иванъ Лукьянычъ удалялся на покой, предоставляя женѣ и дѣтямъ сидѣть, сколько они хотятъ; но съ уходомъ отца, дѣти отправлялись къ себѣ на верхъ. Тамъ Анна Никаноровна оставалась еще долго, но случалось, что она, вернувшись въ спальню, находила мужа не заснувшимъ.

— Эхе-хе-хехе!—кряхтитъ Иванъ Лукьянычъ.

— Что ты? болитъ у тебя что?—тревожно спрашивала Анна Никоноровна.

Молчитъ и кряхтитъ. Анна Никаноровна настойчивѣе спрашиваетъ.

— Ничего! Пристала, какъ банный листъ, прости Господи!—разсердится онъ. Покряхтитъ, покряхтитъ и заснетъ; а то вдругъ спроситъ:

— Отчего это сына Владиміра второй вечеръ дома нѣтъ?

— Вчерась урокъ у него былъ; а нынче въ гости пошелъ.

— Гости! Чего ему дома не сидится? Смотри ты, скрутитъ его какая... Мальчишка красивенькій. Я говорю тебѣ: надзирай за дѣтьми.

— Ну, пошелъ!—отвѣтитъ Анна Никаноровна.

— Чего пошелъ? Это, видно, не твои любезныя баночки, склянки да трясочки; тамъ ты тревогу подымешь на весь домъ...

— Да вѣдь вы-жь ко мнѣ пристаете съ трясочками, да съ пузырьками для вашихъ вонючихъ красокъ!—обидится Анна Никаноровна.

— То-то вотъ! Надъ грошами дрожишь, ворчитъ Иванъ Лукьянычъ,—а рубль у тебя изъ-подъ носу унеси,—не увидишь!..

Анна Никаноровна, не желая продолжать ссоры, станетъ на ночную молитву передъ кіотомъ. И долго молится, много кладетъ земныхъ поклоновъ, до тѣхъ поръ, пока Иванъ Лукьянычъ не перестанетъ кряхтѣть и ворочаться.

Анна Никоноровна, несмотря на большое количество дѣтей и пятьдесятъ пять лѣтъ, оставалась женщиной свѣжей, крѣпкой,—ни одного сѣдого волоса, зубы острые, бѣлые. Ея наливную шею и пышныя руки маленькія дѣти съ удовольствіемъ чмокаютъ, когда она по субботамъ возитъ ихъ въ баню.

Анна Никаноровна еще стоитъ на молитвѣ, на колѣнкахъ, прислушивается:

заснулъ-ли Иванъ Лукьянычъ. Потомъ быстро снимаетъ блузу, юбки, и, босикомъ, на цыпочкахъ, прокрадывается къ рабочему столику, достаетъ изъ ящика книжку, зажигаетъ свѣчку о лампадку въ кіотѣ и, улегшись въ постель, рядомъ съ Иваномъ Лукьянычемъ, принимается читать *Записки Зерцонини Абрантесъ*. Анна Никаноровна сама еще помнила 1812 годъ, бѣгство ея родителей изъ Москвы, зарываніе имущества.... Ей интересно читать описанія любовныхъ похожденій „тирана“, изображеніе празднествъ, баловъ при его дворѣ...

Кругомъ въ домѣ тишина. Маленькія дѣти давно угомонились, большія тоже улеглись. Сыновья вернулись. Сальная свѣчка коптитъ и оплываетъ. Анна Никаноровна забываетъ снимать нагаръ, увлекшись чтеніемъ записокъ пріятельницы Наполеона I.

На улицѣ густо, часто и тихо падаетъ снѣгъ на горбатые, кривые тротуары; еле мигаютъ масляные фонари. Будочникъ спитъ на посту въ будкѣ. Одни ночные сторожа зловѣще выкрикиваютъ: „Пос-ма-а-три-вай! По-гля-ды-ы-вай! По-слу-у-шивай!“

Гдѣ-то, тамъ, изъ низу, чуть слышно доносится до Анны Никаноровны перебираніе гитары. Это въ молодцовской, масторъ Евгеній Зубковъ «наяриваетъ»...

III.

Молодцовская.

И здѣсь, какъ въ спальнѣ Ивана Лукьяныча, горѣла лампадка въ переднемъ углу, передъ кіотомъ. Она чуть освѣщала большую, низкую, закоптѣлую комнату, жарко натопленную съ удушливымъ запахомъ масляныхъ красокъ и жилого... Больше десятка душъ помѣщалось тутъ. Одни уже спали на кроватяхъ; другіе, подложивъ только подушку, прикурнули на ларяхъ, въ которыхъ хранились сухія краски. „Китайчатые халатики“, свернувшись клубками, посапывали на войлокахъ... Цѣлая кучка забилась въ уголъ. Оттуда слышался жалобный голосокъ одного изъ мальчиковъ, сказывавшаго сказку: «Коти, коти, добро-коти, унесла меня лиса, за широкіе лѣса»—тянулъ онъ на распѣвъ.

Поодаль, на сундукѣ, сидѣлъ Евгеній Зубковъ и наигрывалъ на гитарѣ трепака; но никто изъ желающихъ плясать не выходилъ; хотя полъ посерединѣ молодцовской былъ протоптанъ глубокой ложбиной: видно было, что тутъ не мало отплясывали.

— Да перестаньте вы, ради Христа, Евгеній Семенычъ,— пропищалъ кто-то изъ кучки, Иванъ Лукьяныча разбудите, сойдутъ!

— Молчать, мразь египетская! — прикрикнулъ Евгеній, по-цыгански щипнулъ аккордъ, перекинулъ гитарой, гаркнулъ: „Крамбабули—отцовъ наслѣдство!“ и разсмѣялся своей выходкѣ.

Ему завторило нѣсколько голосовъ.

— Э-кь, оглашенный! —выругался одинъ изъ засыпавшихъ.

Нѣкоторые проснулись, завязались опять разговоры: и циническіе, и лихіе, и чувствительные; о проказахъ молодцовской, объ иногородныхъ поѣздкахъ, о покинутой деревнѣ...

Лампадка зажигалась на всю ночь, по приказанію Ивана Лукьяныча. Иногда, когда ему не спалось, онъ вдругъ спускался въ молодцовскую, взглянуть, что дѣлается. Случалась попойка. Иванъ Лукьянычъ писалъ господамъ, коли зачинщики—крѣпостные; а вольные—отказывалъ. Житье было въ теплѣ. Харчи сытные; жалованье не „усчитывалось“, обращеніе было „благороднос“. Молодцы клялись исправиться; если и уходили, то скоро возвращались съ повинной, но уже Иванъ Лукьянычъ не принималъ разъ провинившихся. Этой мѣрой хоть внѣшне, хоть на его глазахъ сдерживалась мастерская. Прежде, когда Иванъ Лукьянычъ былъ помоложе, онъ набиралъ много учениковъ. И тогда тоже, несмотря на его частыя, внезапныя появленія въ молодцовскую, цѣлыя сказанія складывались про тайные кутежи молодцовъ, про ихъ кулачные бои, про ихъ любовныя похожденія, когда они разъѣзжали съ Иваномъ Лукьянычемъ расписывать подмосковныя церкви. Особенно даровитыхъ молодцовъ не выдвинулось; составившихъ себѣ имя тоже не было. Большинство изъ нихъ, послѣ обученія, возвращались къ своимъ господамъ и дѣлались дворовыми живописцами. Болѣе счастливые селились въ провинціи. Можетъ быть, тромъ-четверымъ удалось выбраться. Одинъ даже получилъ званіе свободнаго художника за портретъ съ Ивана Лукьяныча. Другой пріѣзжалъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ енотовой шубѣ и на своей парѣ. Женился на богатой.

— Красивъ— шельма! — вспоминали о немъ въ молодцовской.

Теперь героями въ мастерской были: Александръ Суриковъ и Евгеній Зубковъ. Суриковъ спалъ на кровати съ одѣяломъ, съ подушкой, одѣвался въ суконную пару и носилъ крахмальную манишку. Александръ былъ сынъ московскаго мѣщани-

на, ему минуло двадцать два года, видомъ онъ былъ статный малый, но прыщавый, съ огромными красными руками. Къ рисованію вообще онъ имѣлъ хорошія способности, въ иконописи бралъ только кропотливостью. Иванъ Лукьянычъ совѣтовалъ ему поступить въ художественный классъ. Александръ упирался. Онъ находилъ, что писать иконы выгоднѣе. Кромѣ своего заработка мастера, онъ, по рекомендаціи Ивана Лукьяныча, давалъ уроки рисованія въ скромныхъ, господскихъ домахъ и, когда случалось, въ небогатыхъ, женскихъ монастыряхъ. Онъ былъ терпѣливъ, чистоплотенъ и ужасно конфузливъ. Хозяйскія барышни всегда къ нему обращались за составленіемъ узоровъ для ихъ вышиваній.

Къ Евгенію Зубкову весь домъ относился съ соболѣзнованіемъ: вѣрили, что у него чахотка. Кухарка Михайловна постоянно варила ему „шленскій мохъ“. Евгеній Зубковъ изъ себя тонкій, бѣлокурый, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ пріятными манерами, очень скромный на людяхъ и первый выдумщикъ въ молодцовской, часто ходилъ служить *за офиціанта*. Несмотря на нѣкоторую способность къ живописи, онъ не любилъ сидѣть на мѣстѣ. Онъ всегда раскашляется, разгорится; но „служить“ у него была страсть: приносить, уносить, подавать, разставлять... Всѣ праздники бывали у него заняты то свадьбами, то балами. Ивану Лукьянычу это очень не нравилось въ ученикѣ-художникѣ, но, изъ соболѣзнованія къ слабому здоровью, онъ отпускалъ его. Случалось, что Иванъ Лукьянычъ собирался ѣхать лѣтомъ расписывать церковь къ какимъ—нибудь господамъ—Евгеній уже ихъ зналъ: онъ всю зиму служилъ у нихъ добавочнымъ „метръ-д'отелемъ“; но мечта Зубкова была: получить мѣсто бутафора при Большомъ театрѣ. Благодаря сосѣду актеру, у котораго Евгенію доводилось служить на именинахъ, Зубковъ попалъ за кулисы и какъ-то подклеилъ, подмазалъ декорацію, свелъ знакомство съ служащимъ мелкимъ людомъ при театрѣ и сдѣлался скоро своимъ человѣкомъ. Бутафорство казалось ему должностью, какой лучше и не надо!... Смотри за мебелью, посудой, хоть и картонной, разставляй ее „декоративно“ въ оперныхъ или балетныхъ пирахъ. Самъ же онъ могъ ее и золотить, и раскрашивать. Ему и обѣщали мѣсто помощника бутафора въ Большомъ театрѣ.

Остальные ученики были такъ, „мазилки“, какъ выражался иногда про нихъ самъ Иванъ Лукьянычъ. Среди мальчиковъ задался одинъ съ замѣчательными способностями и собой прехорошенькій. Его звали въ молодцовской: „Илюнька лупоглазый“, въ отличіе отъ другаго „Илюньки-безносаго“, у котораго былъ, напротивъ, широкій носъ башмакомъ. Этого «Илюньку лупоглазаго» привезла его барыня, тверская помѣщица, обмундировала двумя китайчатыми халатиками, какой-то кацавейкой, двумя перемѣнами исподняго бѣлья, сунула ему нѣсколько мѣдяковъ, до красна ущипнула его за щеку и строго наказала слушаться Ивана Лукьяныча, какъ ее самое. Эта барыня была лѣтъ сорока, бойкая, веселая, когда пріѣзжала въ Москву, всегда ужь останавливалась у Киргизовыхъ, очень любила Анну Никаноровну, даже дѣвку ей подарила, которая впрочемъ, долго не нажила и вышла замужъ за сидѣльца на Срѣтенкѣ и постоянно восхваляла Ивана Лукьяныча и Анну Никаноровну, за то, что они „не воспрепятствовали ея судьбѣ“. Пріѣзжала барыня всегда съ кучеромъ, форейторомъ и лакеемъ; женской прислуги терпѣть не могла. Барыня, опредѣливъ Илюньку, уѣхала. Когда Илюнька въ чемъ-нибудь ослушивался своихъ новыхъ товарищей, они его стращали похожденіями его барыни. Онъ такъ начиналъ ревѣть, что даже Александръ Суриковъ, при всемъ своемъ равнодушіи къ міру молодцовской, прикрикивалъ на нихъ.

— Перестанете-ли вы, оглашенные!

А талантъ Илюньки-лупоглазаго быстро развивался. Иванъ Лукьянычъ во время вечернихъ классовъ, осматривая его работу, призадумывался и, ложась спать, говаривалъ женѣ:

— Вразуми ты Софью Андреевну, чтобъ она Илюньку въ Петербургъ отправила. Я старъ, не доведу его.

— Дожидайся, свезетъ!... и Анна Никаноровна невольно засмѣется.

— Экія вы срамницы! — разсердится Иванъ Лукьянычъ и сплюнетъ.

Евгеній же Зубковъ такъ утѣшалъ Илюньку-лупоглазаго, когда его ужь очень дразнили товарищи:

— Не слушай, глупый! къ тому-то времени ты вольный будешь, и ни единая-то душа тобой командовать не посмѣетъ.—И какъ бы въ доказательство будущей воли, Евгеній снималъ гитару съ гвоздя и молодцовато запѣвалъ: „Ты, Настасья, ты, Настасья отворяй-ка ворота!“ Хозяйской мелкотѣ строго воспрещалось знаться съ молодцовской; но какъ нянька Арина зорко ни смотрѣла за питомцами, они все-таки успѣвали проскользнуть и спуститься внизъ; только нужно было пройти черезъ

кухню, чтобъ проникнуть въ молодцовскую; и тутъ-то, въ кухнѣ, непремѣнно накроетъ либо Дементьичъ дворникъ, либо кухарка Михайловна,—отведетъ „за ручку“ на верхъ, къ хозяйкѣ, гдѣ Анна Никаноровна больно отшлепаетъ,—и нянькѣ Аринѣ достанется, что плохо смотритъ. Знакомство дѣтей съ отцовскими ученика—ми ограничивалось мастерской. Здѣсь ужь сами молодцы просили Христомъ Богомъ уходить:

— Безпремѣнно сшалите, напортите и сами запачкаетесь. Однѣ непріятности изъ-за васъ,—говорили Суриковъ или Зубковъ, „вѣжливенько“ выпроваживая.

И молодцовская оставалась для маленькихъ запретнымъ плодомъ,—тѣмъ заманчивѣе, тѣмъ интереснѣе казалась она.

Какъ нянька Арина на верху была приставлена наблюдать за дѣтьми по обязанности, такъ кухарка Михайловна внизу наблюдала за мальчиками изъ жалости. Вся молодцовская, безъ исключенія, боялась Михайловны. Она, пожалуй, сильнѣе самого Ивана Лукьяныча сдерживала учениковъ.

Михайловна сама про себя говорила, что она— „порченая“. Ее испортила изъ ревности одна баба въ деревнѣ. Когда она ѣхала отъ вѣнца, вдругъ явились черти на оглоблѣ... И съ тѣхъ поръ, лѣтъ двадцать, съ Михайловной раза четыре въ годъ дѣлались припадки истерики. Она предчувствовала, когда это съ ней случится и просила кого-либо изъ женской прислуги свести ее въ самый дальній сарай, молила, чтобъ ее оставили одну и крѣпко заперли. Тамъ она билась, дико кричала. Конечно, всѣ мальчишки неслись къ сараю подслушать, какъ изъ Михайловны выходятъ черти; но никто никогда не видалъ искаженнаго лица Михайловны, ея истерзаннаго платья... Накричавшись и отлежавшись въ запертомъ сараѣ, она—черезъ день, черезъ два, опять появлялась въ кухнѣ, такая же блѣдная, высокая, молчаливая и вздыхающая, какъ всегда. Она каждую ночь раньше трехъ часовъ не засыпала; и какъ-бы кто изъ молодцовъ ни воображалъ неслышно пробраться на улицу, онъ непремѣнно наталкивался въ кухнѣ на темную фигуру Михайловны, въ сарафанѣ, съ платкомъ на головѣ. Она тихо шагала по кухнѣ, шептала молитвы или стояла передъ иконой и молилась; но при малѣйшемъ шорохѣ оборачивалась, и не считала это за грѣхъ: она блюла хозяйское добро.

Нѣкоторымъ всегдашній дозоръ Михайловны дѣлался невыносимымъ, и они говорили, что если-бы не ея черти, они-бы сыграли съ ней штучку...

Но черти Михайловны пугали молодцовъ, даже самыхъ отважныхъ.

Обѣдали всѣ ученики въ кухнѣ, отдѣльно отъ прислуги. Михайловна кормила сытно и вкусно. Когда, наканунѣ праздниковъ, Анна Никаноровна отвѣшивала масло на пироги, говоря:

— Ну, довольно, чего тутъ еще...

Михайловна такъ значительно вздохнетъ, что Анна Никаноровна прибавитъ.

Къ маленькимъ ученикамъ Михайловна была жалостлива, почти нѣжна. Многіе изъ нихъ, поступая въ обученіе, очень тосковали, плакали. Она задерживала ихъ у себя, въ кухнѣ, спрашивала о семьѣ, подгорюнившись, вздыхала... Когда къ мальчикамъ пріѣзжалъ кто изъ дому, привозилъ какой снѣди — она хранила, чтобъ дольше было чѣмъ лакомиться. Она-же чинила имъ ихъ бѣлье и халатики. Михайловна причащалась, ходила къ Иверской. Это мирило съ ней и маленькихъ, и прислугу, хотя она сама разсказывала, что прежде, въ началѣ порчи, *онъ* не пускалъ ее, да одинъ схимникъ покорилъ *его*. И когда *онъ* выходилъ изъ нея, такъ пошелъ зеленый дымъ столбомъ и смрадъ.

На святкахъ и на масляной молодцы рядились въ козу, медвѣдя, турку, бабу, испанца и другіе самодѣльные костюмы; а маленькіе ученики разрисовывали картонныя маски страшными рожами и надѣвали ихъ, оставаясь въ китайчатыхъ халатикахъ. Начинали ряженые обходъ „честь-честью“ съ хозяйской мастерской. Кто-нибудь изъ прислуги докладывалъ: „Ряженые пришли-съ“ — къ великому неудовольствію Анны Никаноровны; она говорила, что и безъ того ужь полъ такъ истоптали, что хоть брось...

Иванъ Лукьянычъ выходилъ въ мастерскую со всей семьей и съ гостями, если они тутъ случались, садился въ дверяхъ темнаго кабинета; а ряженые конфузливо толпились въ мастерской, освѣщенной двумя сальными свѣчками—лампы на праздникахъ не зажигали. Стулья и мольберты заранѣе были сдвинуты къ сторонкѣ. Нерѣшительно наигрывали гармоника, балалайка и гитара; коза, медвѣдь пытались выдѣлывать разныя штуки; вожакъ приглашалъ—„показать честной компаніи, какъ бабы собираютъ ягоду“; но ничего не выходило... Ряженые сбивались въ кучку, между ними выглядывали маленькія фигуры съ страшными рожами. Хозяйская мелкота хлопала въ ладоши и взвизгивала

отъ удовольствія. Взрослые дѣлали вполголоса насмѣшливыя замѣчанія.

Посмотрѣвъ на ряженыхъ, Иванъ Лукьянычъ протягивалъ руку съ мелкой монетой.

— Вотъ вамъ на угощеніе,—говорилъ онъ.

Ряженые кланялись и поспѣшно, молча, кучкой удалялись. Анна Никаноровна отворяла заслонки въ голанкѣ, форточку въ окнѣ, махала платкомъ.

Маленькіе куксили, что скоро ушли ряженые. Большіе возвращались въ столовую допивать чай.

Какъ-то передъ святками сынъ-подростокъ затѣялъ устроить съ Зубковымъ и съ Суриковымъ діораму. Они стали запираться въ мастерской на ключъ, послѣ вечернихъ классовъ. Мелкота, мальчишки старались подсмотрѣть, что тамъ творится—ничего не могли узнать. Одно было извѣстно—театръ устраиваютъ. Просили у Анны Никаноровны—большой, старый ящикъ изъ подъ манной крупы, на что она нѣсколько разъ отвѣтила:

— Самой-бы, батюшка, надо, да—нѣтъ!

Просили у барышень кисеи, газа; онѣ понасмѣшничали, но дали. Насмѣшливые разговоры сестеръ и старшихъ братьевъ о „спектаклѣ“ въ мастерской велись во все время приготовленій.

Эффектъ вышелъ неожиданный, когда на третій день Рождества, сынъ—подростокъ объявилъ:

— Пожалуйте, папенька. Мы сегодня будемъ діораму показывать.

Вся семья, молодцы, мальчики, прислуга собрались въ мастерской—гдѣ рядами разставили стулья—и съ любопытствомъ смотрѣли на миніатюрную сцену, устроенную въ старомъ ящикѣ. Изображена была картина изъ „Аскольдовой могилы“: буря на Днѣпрѣ при лунномъ освѣщеніи. Евгеній Зубковъ блистательно доказалъ свое знаніе тайнъ декоративнаго міра Большого театра. Въ обрѣзки газа, что подарили барышни, продѣты серебряныя нити, они представляли отраженіе луны въ водѣ; волны, что поднимаетъ на сценѣ рота солдатъ, прыгающихъ подъ росписаннымъ холстомъ, были замѣнены движеніемъ палочекъ. Только появленіе „Неизвѣстнаго“ вызвало всеобщій хохотъ: маленькая движущаяся, картонная фигурка ужасно смѣшно выступала животомъ впередъ.

Сконфуженные декораторы поспѣшили спустить занавѣсъ.

И занавѣсъ тоже былъ, какъ въ настоящемъ театрѣ: пунцовый бархатный, съ золотыми кистями. Публика апплодировала, мелкота кричала:

— Еще, еще!..

— Покажите рѣку, одну, — сказалъ Иванъ Лукьянычъ.

Занавѣсъ медленно поднялся. И небо, и луна, и вода,—будто и „всамомдѣлешныя!..“

Діораму показывали на святкахъ нѣсколько разъ и воспоминаніе о (никогда не виданномъ) Днѣпрѣ живо сохранялось среди мелкоты долгіе годы.

Зимой, на дворѣ, молодцы устраивали горы. Съ нихъ же катались и хозяйская семья, и сосѣдская молодежь, у кого не было горъ; но это въ часы—занятій мастерской. Если Иванъ Лукьянычъ старался держать своихъ учениковъ, какъ художниковъ, то семья и знакомые все-таки смотрѣли на нихъ, какъ на мастеровыхъ. Они и сами считали для себя высшимъ почетомъ, когда сынъ—чиновникъ или сынъ-студентъ „разговариваютъ“ съ которымъ-либо изъ нихъ. Иванъ Лукьянычъ говорилъ всѣмъ своимъ молодцамъ „ты“. Анна Никаноровна также; а дѣти называли ихъ по фамиліи, избѣгая и *ты*, и *вы*. Разумѣется, это происходило отъ того, что мастера выходили изъ мальчиковъ, которыхъ привыкли звать: Евгеньками, Саньками, Митюньками. И какъ-то вдругъ они начинали называться: Волковыми, Суриковыми, Зубковыми...

Съ весной являлись игры маленькихъ учениковъ въ бабки, запусканія змѣя съ огорода. Огородъ примыкалъ къ дому Ивана Лукьяныча, но принадлежалъ богатому монастырю. Отъ дома отдѣляли его низкій заборъ и, никогда не запиравшаяся, калитка. Мародерство на немъ учениковъ было самое умѣренное: никогда не приходили жаловаться съ огорода.

Въ лѣтнія, теплыя ночи самой любимой забавой молодцовской было—пугать прохожихъ. Лѣтомъ Иванъ Лукьянычъ обыкновенно возвращался домой утомленный писаніемъ на лѣсахъ, по церквамъ или отсутствовалъ на нѣкоторое время,—уѣзжалъ съ молодцами уставлять въ дальнихъ, загородныхъ мѣстностяхъ образа, написанные за зиму. Оставшіеся ученики не боялись его появленія ночью въ молодцовской, и Михайловна, жалѣючи, тоже меньше надзирала лѣтомъ. Двое-трое изъ маленькихъ и кто-нибудь изъ большихъ учениковъ, притаившись, выжидали у воротъ прохожаго и вдругъ, съ неистовымъ лаемъ, начинали метаться за заборомъ, подражая злымъ собакамъ на волѣ. Прохожій невольно шарахнется на средину переулка. Ученики и молодцы, подобравши животы, хохотали за заборомъ. Будочникъ, на посту, въ будкѣ рядомъ съ воротами,

ночные сторожа, невдалекѣ, посмѣивались себѣ въ бороду. Иногда прохожій сообразилъ, что этотъ лай—мальчишескія проказы и начиналъ браниться. Тогда будочникъ, постукивая алебардой, усовѣщевалъ его:

— Ступай, ступай своимъ путемъ, чего шумишь съ пьяныхъ-то глазъ!..

Подходили ночные сторожа съ палками и задавали безсмѣнный вопросъ:

— Кто идетъ?

Взволнованный прохожій также неизмѣнно отвѣчалъ:

— Обыватель.

И все сново стихало въ переулкѣ...

Срока обученію иконописи не полагалось. Это было—смотря по способностямъ ученика. Бралъ за обученіе Иванъ Лукьянычъ и 100, и 200 р. въ годъ (тогда считали еще на ассигнаціи), бралъ и даромъ; а одного, Михайла Перфильева, выкупилъ у господъ за 1.000 р.; тотъ въ молодцахъ заслуживалъ выкупъ. Цѣну своей собственной работѣ Иванъ Лукьянычъ тоже назначалъ разно, смотря по закащику: за икону отъ 10 до 50 р., за сложный образъ-картину 2,000 руб. и меньше, за расписываніе собора 7,000 р.; но такая работа брала три года труда... Давалъ Иванъ Лукьянычъ и уроки иконописи богатымъ монахинямъ; но въ послѣднее время онъ отказывался отъ частныхъ уроковъ.

По окончаніи выучки, ученикъ былъ воленъ оставаться въ молодцахъ или отходить. Большая часть уѣзжала: господа требовали. Прощаніе происходило безъ всякой торжественности, въ столовой, попросту за чаемъ, при всей семьѣ. Иванъ Лукьянычъ, вообще несловоохотливый, напутствовалъ ученика двумя-тремя добрыми совѣтами. Отъѣзжающій благодарилъ, кланяясь въ поясъ. Такъ же кланялся онъ Аннѣ Никаноровнѣ, которая, занятая разливаніемъ чая или мытьемъ чашекъ, вскользь отвѣчала:

— Прощай, батюшка, прощай, будь счастливъ, живи хорошо...

Кланялся онъ и сыновьямъ, и дочерямъ. Сыновья, кромѣ пожеланій, дѣлали нѣсколько вопросовъ о предстоящей, новой жизни. Сынъ-подростокъ, коли дружилъ, —прослезится.

Если кончившій ученіе молодецъ оставался въ Москвѣ, то въ большіе праздники и въ именины Ивана Лукьяныча приходилъ съ поздравленіемъ. Если же уѣзжалъ куда въ провинцію, то первое время имѣли о немъ извѣстіе съ оказіей; а потомъ слухи о немъ становились рѣже и, наконецъ, совсѣмъ затихали...

IV.

Кончина.

Солнце сверкаетъ въ лужахъ, въ выбоинахъ разрыхленнаго снѣга. Красные, сѣрые, розовые дома, зеленыя крыши, какъ кучки красокъ на палитрѣ, блестятъ по холму переулка. Шумно бѣгутъ ручьи вдоль тротуаровъ. Воробьи взапуски щебечутъ. Куры не смолкаемо кудахчутъ; въ отворенныя форточки пахнетъ навозомъ, весной... Будочникъ Тумана стоитъ на посту. Маленькія сосѣдки-мучничихи разинули рты, любуются, какъ солнце играетъ на бляшкахъ его кивера и зубцахъ алебарды. У одной изъ маленькихъ мучничихъ—гармоника. Тумана приглашаетъ ее поиграть, а самъ, улыбаясь во все лицо, подплясываетъ съ алебардой, переваливаясь медвѣдемъ.

Все это видитъ актеръ, Василій Ѳедотовичъ, сидя, по привычкѣ, послѣ ранняго обѣда, подъ окошкомъ. Видитъ онъ также, какъ Пѣтинька, сынъ—послѣдышъ Ивана Лукьяныча, бѣжитъ изъ гимназіи; за нимъ труситъ дворникъ Дементьичъ, „пуртуфель“ несетъ. Мальчикъ тоже останавливается передъ будочникомъ. Дементьичъ сердится. Маленькія мучничихи поддразниваютъ Петиньку. Онъ грозитъ имъ кулакомъ, но повертываетъ домой за Дементьичемъ... А самого Ивана Лукьяныча уже которую недѣлю не видно, напротивъ, въ окошкѣ розоваго дома. И ужъ сколько вечеровъ прошло, какъ не собираются гости вокругъ его кресла.

— Семьдесятъ три года! Умирать пора!—мысленно восклицаетъ Василій Ѳедотовичъ; но все-таки ему нестерпимо скучно.

Черезъ полчаса онъ ужь натягиваетъ пальто, шапку, боты и идетъ провѣдать сосѣда, благо нынче репетиціи нѣтъ.

Дементьичъ скалываетъ ледъ на дворѣ;

— Батюшка, Василій Ѳедотовичъ! Позвольте подъ локотокъ поддержать, тутъ у насъ ямки, передъ крыльцомъ-то.

— Гдѣ тебѣ, муха!—отстраняетъ тотъ услуги дворника.

Несмотря на свою грузную, тучную фигуру Василій Ѳедотовичъ проходитъ черезъ кухню, поднимается по узенькой, темной лѣстницѣ, чтобы не звонить, не безпокоить.

Въ комнатахъ тихо; только слышно щелканье ножницъ Анны Никаноровны. Василій Ѳедотовичъ потихоньку раздѣвается на площадкѣ и входитъ въ столовую. Анна Никаноровна съ очками на носу вгоняетъ въ узоръ заплату на какой-то

тряпицѣ. Гость ужь и не спрашиваетъ: „что, какъ больной?..“

Съ антресоли тоже не слышно никакого шума. Старшіе на службѣ. Меньшіе за уроками—мелкота подросла. Василій Ѳедотовичъ достаетъ, по привычкѣ, изъ буфета графинъ воды и залпомъ выпиваетъ его. Обмѣнявшись съ хозяйкой нѣсколькими словами о погодѣ, онъ идетъ набить свою трубку, что неизмѣнно стоитъ у рукомойника на площадкѣ — да вотъ пропала охота курить, и онъ поворачиваетъ въ мастерскую.

Желтая комната полна свѣта, солнца, но совсѣмъ пустыня. Нѣтъ больше ни молодцовъ, ни мальчиковъ. Одинъ Суриковъ сидитъ въ уголкѣ за мольбертомъ и что-то кропотливо пописываетъ. Знаетъ хорошо Василій Ѳедотовичъ, что самъ Иванъ Лукьянычъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ уже распустилъ и учениковъ, и мастеровъ, а все-таки обидно за пріятеля.

— Что, братъ, невесело у васъ тутъ! —восклицаетъ онъ, и его красная голова гнѣвно осматриваетъ пустую мастерскую.

— Ахъ, ужь такъ скучно-съ, такъ скучно-съ, Василій Ѳедотовичъ!—говоритъ Суриковъ, конфузливо привставъ съ мѣста.— Прежде Иванъ Лукьянычъ, хоть черезъ силу, да придутъ поглядѣть, скажутъ: «поживи, Александръ, пріятно мнѣ тебя видѣть. Работай!». А теперь вотъ ужь который день и не приходятъ.

Въ отворенную дверь изъ мастерской заглянулъ Василій Ѳедотовичъ въ кабинетъ.—И тамъ видно, что художникъ давно не работалъ за своимъ мольбертомъ. Маленькій манекенъ завернутъ въ газету; ящикъ съ красками прикрытъ; икона на мольбертѣ перевернута; палитра, муштабель, кожанное кресло—въ пыли и канатная шапка виситъ на гвоздикѣ.

Ни одинъ изъ этихъ аксессуровъ не ускользнулъ отъ опытнаго глаза актера. Его начинало щемить. Черезъ кабинетъ и парадную переднюю вошелъ онъ въ маленькую дверь спальни и сразу очутился противъ кровати, на которой доживалъ теперь Иванъ Лукьянычъ свои послѣдніе дни.

Лицо старика-художника будто помолодѣло за это время, кожа натянулась на мелкихъ чертахъ, заострила ихъ, мягкіе волосы разметались и красиво извивались вокругъ широкаго лба. Маленькіе глаза то потухали, то загорались, упорно смотря въ одну точку; а губы тревожно двигались, безъ устали произнося слова и цѣлыя фразы. Тѣло, въ темномъ халатѣ, не двигалось; но правая рука лежала на груди, и пальцы ея нервно щипали складку рубашки...

Въ глаза пріятеля бросилась, рядомъ съ кроватью, куча яркаго, синяго атласа, за которой сидѣла Марѳинька у изголовья умирающаго отца.

— Обнову, барышня, шьете себѣ? — злобнымъ шепотомъ спросилъ Василій Ѳедотовичъ.

— Папенька велѣлъ халатъ ему сшить, въ которомъ въ гробъ его положатъ, — отвѣтила Марѳинька кротко. — Это еще подарокъ игумена Клавдія, — добавила она, какъ бы стыдясь за роскошь матеріи.

— Пойдемъ, пойдемъ,—раздался вдругъ рѣзко и отрывисто голосъ умирающаго.

Марѳинька отбросила работу и наклонилась къ отцу.

— Сейчасъ, папенька, — прошептала она чуть слышно.

— Поводи меня... по мастерской—опять рѣзкимъ голосомъ повторилъ умирающій.

Марѳинька просунула руку подъ плечо отца и сдѣлала движеніе, будто приподняла его. Умирающій сталъ упирать одну ногу за другой въ спинку кровати, точно шагая по полу.

— Ну вотъ и хорошо... пойдемъ, посмотримъ, что работаютъ? Охра... желтитъ!.. Лазури, подпусти лазури!.. Ахъ, братецъ... облака—точно комки! Расширь небеса... Александръ-Невскій: въ лѣвой мечъ. Загляни въ Четьи-Минеи. Неопалимая Купина... Кусты... не та тѣнь!.. Гляди, здѣсь—просвѣтъ, здѣсь—бликъ...

Долго еще бредилъ художникъ о краскахъ, кампановкахъ, картинахъ, то рѣзкимъ голосомъ, то едва слышнымъ. Руки лежали безжизненно вдоль тѣла; но пальцы тревожно двигались, точно силясь что указать.

— Довольно, пойдемъ назадъ, усталъ, сказалъ онъ явственно. Взглядъ его потухающихъ глазъ обратился къ дочери и ноги зашагали по спинкѣ кровати...

Пріятель не могъ больше удерживать слезъ и, боясь разрыдаться, быстро вышелъ въ смежную комнату.

Тутъ опять свѣтъ, солнце, весна, запахъ желто-фіоли, разставленной на окнахъ и въ полномъ, дневномъ освѣщеніи—послѣдняя работа Ивана Лукьяныча: образъ— картина „Алексѣй-Божій Человѣкъ“ — должно быть, выставили ее въ залу для отправки къ закащику.

Василій Ѳедотовичъ мало интересовался произведеніями друга. Теперь онъ невольно остановился.

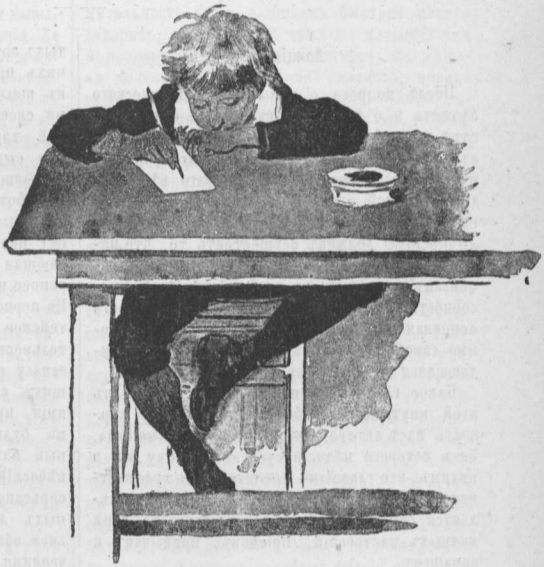
Образъ былъ длинный, какъ для дверей

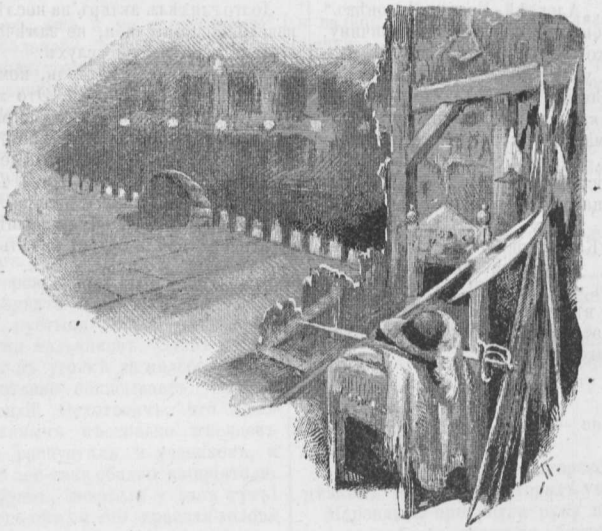
иконостаса. „Алексѣй-Божій Человѣкъ“ изображенъ былъ въ натуральную величину, въ какомъ-то подвалѣ, на колѣнахъ, молящимся, и у ногъ — кувшинъ съ водой („Алексѣй-Божій Человѣкъ—*съ горъ-ручьи*, или *пролей кувшинъ*“ по народнымъ святцамъ,—17 марта). Сколько кротости, покорности въ изнуренномъ лицѣ, когда-то отказавшагося отъ мірскихъ благъ и теперь живущаго, не узнаннымъ своими родителями, въ ихъ домѣ, Божьимъ человѣкомъ!.. Какая трепетность въ колѣнопреклонной, исхудалой фигурѣ отъ поста, молитвъ, странствій!.. Снопъ свѣта проникаетъ въ рѣшетчатое окно и будто отвѣчаетъ этой горячей, непоколебимой вѣрѣ Божьяго человѣка...

Долго глядѣлъ актеръ на послѣднее произведеніе пріятеля и, не замѣчая, высказывалъ свои мысли вслухъ:

— Художникъ, ваятель, композиторъ, писатель — не умираютъ. Это мы, грѣшные, сходимъ со всѣмъ добромъ въ могилу. Что остается послѣ насъ? Слава?— Пшикъ! Будь ты Мочаловъ, Щепкинъ или Василій Ѳедотовъ—все едино! Твоя игра, твоя экспрессія ушли съ тобой... А тутъ вотъ его не станетъ—будутъ жить его произведенія. Всякій будетъ видѣть ихъ, разбирать, судить, чувствовать. А кто онъ былъ—просто иконописецъ!

С—ка.





Лекціи о сценическомъ искусствѣ,

читанныя въ Императорскомъ московскомъ Театральномъ училищѣ.

Лекція V.

Послѣ вопроса о *призваніи* сценическаго артиста и о томъ, что важнѣе въ его искусствѣ—*умъ* или *чувствительность*, выступаетъ первенствующая задача: *созданіе* на сценѣ *живыхъ лицъ*, безъ котораго нѣтъ художественной игры. Драматическая поэзія даетъ артисту готовый матеріалъ, но онъ своею *личностью* долженъ осуществить то, что находитъ въ текстѣ пьесъ. Замыселъ писателя онъ обязанъ превращать въ свой собственный. Способность къ задумыванію живого лица есть основная творческая способность актера, менѣе самобытная, чѣмъ у автора, но зато нуждающаяся въ болѣе яркомъ олицетвореніи.

Какое главное мѣрило будетъ у актера въ этой внутренней работѣ? Разумѣется, вѣрность идеѣ автора, *творческій объективизмъ*, безъ котораго нѣтъ искусства. Потому мы и видимъ, что главнымъ препятствіемъ художественному творчеству сценическаго артиста является *субъективизмъ*, преобладаніе въ игрѣ личныхъ настроеній, пріемовъ, привычекъ и замашекъ.

Мы замѣчаемъ въ послѣдніе годы все большую и большую склонность, даже въ даровитыхъ артистахъ, къ усвоенію себѣ только внѣшнихъ признаковъ лица, къ отдѣлкѣ деталей, къ щегольству тѣми или иными особенностями своей игры. Я позволю себѣ назвать такой характеръ исполненія *портретностью* или *виртуозностью*, въ противоположность настоящему творчеству.

Работа артиста распадается на двѣ существенныя половины: усвоеніе того, что даетъ ему писатель, и правильная подготовка, дѣлающая его способнымъ на глубокое, всестороннее пониманіе литературныхъ произведеній. На первомъ планѣ стоятъ: теоретическое, и житейское изученіе *психологіи* человѣка, наблюдательность, которая помогаетъ своевременному запасу разныхъ чертъ и примѣтъ, проявляющихъ собою тѣ или другія душевныя состоянія, пригодныя для компановки даннаго лица, будь то отдѣльный *характеръ*, выхваченный изъ современнаго быта, или общечеловѣческій міровой *типъ*. Необходимо тутъ и серьезное знаніе исторіи, оцѣнка тѣхъ крупныхъ личностей, которыя двигали человѣческое общество, были въ разныя эпохи типическими представителями своей расы и культуры. Точно также и общелитературная начитанность актера, расширяющая его кругозоръ,

позволяетъ ему дѣлать сравненія между различными типами и характерами, созданными литературою и внѣ театра, въ другихъ ея областяхъ; изощряетъ вкусъ и наблюдательность, помогаетъ разобраться въ томъ матеріалѣ, который онъ черпаетъ изъ окружающей его среды, изъ современнаго ему общества.

Когда человѣкъ, долго изучавшій сценическое искусство въ различныхъ европейскихъ странахъ, ставитъ передъ собой вопросъ: въ чемъ заключается главный и общераспространенный недостатокъ актеровъ всѣхъ національностей—онъ, конечно, долженъ отвѣтить, что недостатокъ этотъ состоитъ въ *однообразномъ исполненіи*, происходящемъ прямо отъ преобладанія личнаго, субъективнаго характера игры. Этотъ личный отпечатокъ проникаетъ исполненіе большинства актеровъ, но едва-ли еще не больше замѣчается онъ у женщинъ. Онѣ не трудятся бороться съ своими индивидуальными свойствами, онѣ всегда и вездѣ уступаютъ мужчинамъ и въ способности на разнообразное творчество характеровъ, и въ общей начитанности, и въ чисто-жизненскомъ опытѣ.

Какую бы западно-европейскую знаменитость вы ни взяли, всѣ онѣ, за самыми малыми исключеніями, играютъ болѣе или менѣе самихъ себя. Французскіе актеры составляютъ себѣ всемірную репутацію на извѣстномъ амплуа, гдѣ имъ удобно десятки лѣтъ изображать все одни и тѣ же сценическія положенія и вызывать въ зрителѣ тѣ же самыя настроенія. Да и вообще (какъ я уже говорилъ въ двухъ моихъ первыхъ лекціяхъ), во Франціи разнообразное творчество характеровъ, мастерство въ отдѣлкѣ лицъ никогда не преобладали, и въ этомъ смыслѣ французы стоятъ ниже нѣмцевъ, англичанъ и итальянцевъ. Самые даровитые актеры въ драмѣ и комедіи очень рѣдко умѣютъ создавать ярко обозначенный типъ, или характеръ, вполнѣ преображаться, мѣнять свою дикцію, лицевую мимику и жесты. За цѣлую четверть вѣка, на парижскихъ сценахъ, я зналъ только одного (и притомъ далеко не первокласснаго) актера *Полэна Менье*, сдѣлавшаго себѣ спеціальность изъ созданія типичныхъ фигуръ. Такихъ актеровъ вы встрѣтите гораздо чаще въ Германіи, гдѣ это искусство переходитъ, то и дѣло, во внѣшнюю виртуозность, въ щегольяніе гримировкою и въ упражненія голосового органа, дающія иногда полную иллюзію слушателямъ.

Причины главнаго актерскаго недуга—однообразія, субъективизма—могутъ быть *частныя* и *общія*.

Прежде всего, голосъ, дикція, темпъ рѣчи накладываютъ на игру актеровъ и актрисъ печать субъективности. Потому и нельзя достаточно рекомендовать молодымъ артистамъ заботу о выработкѣ своихъ голосовыхъ средствъ. Если они, во-время, не обратятъ вниманіе на бѣдность своего голосового регистра, на однообразіе и привычное чередованіе извѣстныхъ звуковъ, они рискуютъ лишить себя впослѣдствіи возможности создавать цѣльныя, живыя лица, сообразовать голосъ съ ритмомъ рѣчи, различныя интонаціи со всей фигурою, съ обликомъ и съ психическими особенностями типа или характера; тѣ же препятствія могутъ встрѣтиться и въ жестахъ, если вовремя не наблюдать за ними, не воздерживаться отъ дурныхъ привычекъ, отъ жестикуляціи, неотвѣчающей тому, что произноситъ актеръ на сценѣ, что онъ долженъ переживать на глазахъ зрителей. На безчисленныхъ примѣрахъ можно было бы показать: до какой степени однообразіе, субъективность жестовъ или дикціи, препятствовали многимъ даровитымъ артистамъ быть настоящими творцами сценическихъ лицъ. Остановлюсь хоть на одномъ примѣрѣ. Недавно умершій въ Парижѣ, прекрасный актеръ для высокой комедіи, бывшій болѣе 10 лѣтъ и любимцемъ петербургской публики, Адольфъ Дюпюи, былъ способенъ на разнообразное творчество, въ смыслѣ общаго замысла, пониманія характеровъ, сообщенія своему внѣшнему облику необходимой типичности; но какъ только этотъ артистъ начиналъ увлекаться ролью, его выдавалъ одинъ главный и неисправимый недостатокъ: стремительность рѣчи, слишкомъ быстрая манера говорить, съ одними и тѣми же повышеніями и пониженіями тона. Это тотчасъ же мѣшало полнотѣ художественной иллюзіи: передъ зрителемъ являлось уже не конкретное лицо, выхваченное изъ жизни, а все тотъ же талантливый актеръ, Адольфъ Дюпюи, безсильный совладать съ своимъ личнымъ недостаткомъ, который онъ пріобрѣлъ не сразу, а постепенно, не обращая вниманія на необходимость бороться со склонностью къ слишкомъ быстрой рѣчи.

Общія причины актерскаго субъективизма такъ же важны, какъ и частныя. Одной изъ главныхъ является *слишкомъ малое знакомство актеровъ съ жизнью*. Сценическое дѣло, казалось бы,—самое близкое къ реальной дѣйствительности; въ современномъ репертуарѣ связь между жизнью и подмостками ежедневна, и никому больше, какъ актеру, не приходится пользоваться ею, если онъ желаетъ быть всегда на высотѣ своей задачи. Но на практикѣ выходитъ совсѣмъ не такъ. Откуда бы ни поступали молодые люди на сцену, изъ спеціальныхъ училищъ, или изъ простыхъ любителей, они дѣлаются актерами и актрисами съ весьма бѣднымъ запасомъ знанія общества, во всѣхъ его слояхъ; а разъ попавъ на подмостки, они болѣе, чѣмъ люди другихъ про-

фессій, замыкаются въ свой тѣсный мірокъ. Репетиціи и спектакли приковываютъ ихъ къ театру. И тѣ и другіе сопряжены, какъ извѣстно, съ громадной потерей времени, не позволяютъ имъ имѣть досугъ въ тѣ часы, когда всего удобнѣе предаваться общительности и, стало быть, расширять кругъ своихъ наблюденій. За исключеніемъ музыкантовъ—виртуозовъ, врядъ-ли найдется классъ артистовъ, на который профессія накладывала бы такой отпечатокъ. Жизнь общества доходитъ для актеровъ въ видѣ театральной залы. Ихъ отношеніе къ своимъ современникамъ, изъ различныхъ слоевъ общества, никогда не можетъ быть свободно отъ чисто-актерскаго чувства, не позволяющаго объективно уходить во что бы ни было. А, между тѣмъ, ни для кого нѣтъ большей необходимости жить на міру, расширять кругъ своихъ знаній, интересоваться всѣмъ, что волнуетъ современное общество, имѣть достаточно досуга и самостоятельности, чтобы наблюдать не одни только внѣшнія проявленія страстей, а коренныя особенности душевнаго склада всевозможныхъ натуръ.

Когда актеръ изучаетъ роль, онъ можетъ идти двумя путями: однимъ — серьезнымъ, единственно-правильнымъ, другимъ, часто выгоднымъ, ведущимъ къ успѣху, но лживымъ, недобросовѣстнымъ. Въ новѣйшее время, развилась у актеровъ манера ничего не знать, кромѣ *собственной роли*; да и прежде всегда водились, даже знаменитые, артисты, которые, придя на первую репетицію, не имѣли понятія о томъ, что такое пьеса въ цѣломъ. Если подобные случаи бывали на образцовыхъ сценахъ, то чтоже можетъ происходить въ провинціи, при безобразной спѣшности репетицій, при отсутствіи правильныхъ считокъ, безъ участія, въ разучиваніи пьесы автора?

Начинающіе очень склонны къ тому, чтобы ихъ *натаскивали* на извѣстную роль, заставляли ихъ разучивать чуть не съ голоса. Для большинства любое произведеніе (хотя-бы авторъ его былъ геніальный писатель), сводится къ той роли, въ которой они могутъ добиться «пріема» публики. А, между тѣмъ, единственное вѣрное средство глубже и шире создать извѣстный типъ или характеръ, это — серьезное изученіе *всей* пьесы, опредѣленіе того мѣста, которое данное лицо занимаетъ въ ея цѣломъ.

Послѣ внутренней работы надъ замысломъ сценическаго лица, когда артистъ войдетъ въ его душу, создастъ своимъ творческимъ воображеніемъ всѣ характерныя черты его нравственнаго склада, тогда только можетъ онъ приступить къ отдѣлкѣ внѣшняго облика.

Тутъ является чисто-актерскій вопросъ о такъ называемой *гримировкѣ* или *гримѣ*, какъ неправильно любятъ выражаться за кулисами.

Искусственная обработка лица и головы необходима при созданіи почти всѣхъ сценическихъ лицъ, кромѣ развѣ самыхъ молодыхъ, на амплуа, такъ называемыхъ, любовниковъ и любовницъ. Но и тутъ нужно бываетъ измѣнять прическу, наклеивать усы и бороду, придавать глазамъ и цвѣту лица извѣстный оттѣнокъ. Какъ бы ни одаренъ былъ исполнитель, какой бы удивительной лицевой мимикой онъ ни обладалъ, все-таки ему нельзя обойтись безъ гримировки, разъ онъ изображаетъ лицо другого возраста, имѣющее физіономическія черты бытового или историческаго характера.

Въ первыхъ двухъ моихъ бесѣдахъ я уже указывалъ на отличіе французскихъ исполнителей отъ нѣмецкихъ, въ смыслѣ внѣшняго, живописнаго воспроизведенія. Нѣмцы гораздо больше французовъ занимались всегда отдѣлкою головы и лица. Посредственные нѣмецкіе исполнители злоупотребляютъ гримировкою. Вообще, въ Германіи искусство гримироваться не только практикуется въ большей степени, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ, но и сдѣлалось предметомъ особаго изученія. Существуютъ въ нѣмецкой литературѣ цѣлыя руководства къ гримировкѣ. Въ самое послѣднее время, и у насъ стали, въ печати, въ спеціальныхъ журналахъ, заниматься этимъ вопросомъ. Есть безусловные защитники теоріи и практики *грима*, (какъ любятъ у насъ выражаться на театральномъ жаргонѣ); раздавались голоса и противъ выработки рецептовъ, помогающихъ актеру сдѣлать себѣ какое угодно лицо, изобразить на немъ любое душевное настроеніе и преобладающую страсть. Какъ и во многомъ другомъ — истина лежитъ посрединѣ. Самое искусное размазываніе своего лица, наведеніе всевозможныхъ морщинъ не помогутъ актеру, особенно начинающему, усвоить себѣ выразительную мимику въ тѣ моменты игры, которые преимущественно связаны съ мимическимъ выраженіемъ. Гримировка должна только помогать естественной подвижности лица, выраженію глазъ, быстрымъ и характернымъ чертамъ, заставляющимъ зрителя переживать, вмѣстѣ съ артистомъ, то или иное состояніе души. Извѣстенъ подлинный историческій случай изъ исторіи сценическаго искусства, когда знаменитый англійскій актеръ Гарривъ продѣвалъ одну голову въ полуотворенную дверь, и втеченіе двухъ, трехъ минутъ давалъ цѣлую гамму разнообразныхъ страстей, единственно подвижностью своей лицевой мимики, не прибѣгая ни къ какой гримировкѣ. Но не нужно забывать, что въ каждомъ лицѣ, будь то изъ современнаго быта или изъ разныхъ эпохъ исторіи, непремѣнно будутъ значиться, такъ называемыя, *физіономическія черты*. Къ извѣстному возрасту обликъ головы пріобрѣтаетъ типическую форму, лицо — свой колоритъ; на лбу, на щекахъ, около рта, въ глазахъ залегаютъ складки и чуть замѣтные штри-

хи, указывающіе и на ходъ годовъ, и на многія постоянныя характерныя особенности натуры, воспитанія, личной судьбы. Актеръ долженъ обдумать всякое такое отличіе, во всѣхъ деталяхъ.

Для лица изъ современнаго быта онъ выберетъ модель изъ запаса своей памяти и наблюдательности, помогающей ему скорѣе найти, при гримировкѣ, подходящія черты, и вѣрное окрашиваніе лица. При изображеніи историческихъ персонажей ему слѣдуетъ пользоваться подлинными портретами и гравюрами и стараться не о поразительномъ сходствѣ, а о томъ, чтобы схватить *главныя физіономическія черты*, въ которыхъ проявляются характеръ и положеніе лица.

Костюмъ бытовой и историческій находится въ тѣснѣйшей связи съ гримировкою. Это какъ бы продолженіе ея. И то, и другое представляютъ изъ себя главные элементы живописнаго изображенія, въ которомъ, выражаясь научнымъ терминомъ, надо видѣть *статику* театральнаго искусства, между тѣмъ какъ жестикуляція, мимика и декламація относятся къ его *динамикѣ*. Въ дѣлѣ выбора костюма актеръ долженъ руководиться тѣмъ, что я сейчасъ сказалъ о выборѣ и обработкѣ той или иной бытовой или исторической физіономіи. На благоустроенной сценѣ, тамъ, гдѣ имѣются сборники костюмовъ, гдѣ режиссерская часть находится подъ руководствомъ людей образованныхъ и опытныхъ, историческій костюмъ, въ смыслѣ выбора, не представляетъ большихъ трудностей. Но надо сказать, это искусство носить костюмъ дается далеко не сразу, далеко не всѣмъ. Въ каждую эпоху, мужчины и женщины разныхъ общественныхъ положеній вырабатывали себѣ особую посадку тѣла, зависящую, чаще всего, отъ особенностей костюма. Она сживалась съ ними. Историческіе портреты даютъ артисту возможность усвоить себѣ стоячую посадку, но надо, кромѣ того, умѣть и двигаться въ костюмѣ, драпироваться въ него. И тутъ однихъ портретовъ недостаточно: приходится прибѣгать къ разнымъ указаніямъ въ литературныхъ памятникахъ и къ талантливымъ историческимъ картинамъ, въ которыхъ художники умѣли схватить связь между костюмами и движеніями. Бытовой костюмъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. народный и полународный, изъ современной эпохи, можетъ быть изучаемъ на основаніи подлинниковъ. Но и выборъ его требуетъ пониманія и вкуса, серьезнаго знакомства съ бытомъ, иначе онъ выйдетъ только поддѣлкою.

Народъ вырабатываетъ свой костюмъ цѣлыми вѣками. Въ данную эпоху и въ данной мѣстности все въ немъ строго установлено, совершенно такъ, какъ и въ дѣлѣ историческаго костюма. Учиться носить мужицкій армякъ или паневу крестьянской бабы надо не менѣе, чѣмъ средневѣковый колетъ или кафтанъ и фижмы временъ Людовика XV. И самая придирчивая вѣрность моделямъ эпохи не избавляетъ артиста отъ обязанности добиваться гармоніи между костюмомъ лица и его физіономіей, не довольствоваться только однѣми общими типичными чертами, а влагать во внѣшнее изображеніе и черты индивидуальныя.

Современный свѣтскій костюмъ, казалось бы, не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей, но практика сценическаго дѣла привила актерамъ разныя дурныя привычки. Прежде всего, желаніе добиваться дешевыхъ эффектовъ, а потому замашку одѣваться не ко времени и не къ мѣсту, и часто совсѣмъ несообразно съ изображаемымъ лицомъ. Женщины всего болѣе злоупотребляютъ склонностью къ туалетамъ, которые въ пьесахъ современнаго репертуара замѣнили костюмъ, и дѣлаютъ то, что первыя актрисы превращаютъ свои роли въ выставки модныхъ туалетовъ, служащихъ часто рекламою для дорогихъ столичныхъ модистокъ. Излишества туалета наложили печать и на характеръ репертуара и на характеръ игры. Конечно, создавая роль свѣтской женщины, артистка обязана одѣваться такъ, какъ одѣваются въ ея кругу; но страсть къ театральному франтовству идетъ дальше цѣли. Весьма часто изображаемое лицо не можетъ и не должно такъ одѣваться въ жизни. Въ недавнее время, на провинціальныхъ сценахъ и у насъ, и въ особенности въ Германіи, водилась актерская замашка—являться въ условныхъ фракахъ и жилетахъ, какіе давно уже исчезли изъ дѣйствительной жизни. Такая повадка—не художественна, но она, по крайней мѣрѣ, не была связана со всѣмъ тѣмъ печальнымъ *паденіемъ нравовъ*, какое неизбѣжно при алчной погонѣ артистокъ за модными, разорительными туалетами и всякаго рода украшеніями.

Въ Россіи художественные костюмы изъ разныхъ эпохъ человѣческой культуры, начиная съ самыхъ отдаленныхъ, нуждаются въ усиленной заботливости со стороны артиста. У насъ въ послѣднюю четверть вѣка развитіе вкуса, въ этомъ отношеніи, было задержано увлеченіемъ типами народо-бытового характера. Рѣдко-рѣдко вы увидите актера или актрису, умѣющихъ носить костюмъ,—что на Западѣ совсѣмъ не рѣдкость, не только въ Германіи, но и въ другихъ культурныхъ странахъ.

Остаются еще двѣ области, требующія каждая особенной обработки: *жестикуляція и дикція*. Та и другая должны, у сценическаго артиста, находиться на самой высокой степени развитія. Это его художественный запасъ, изъ котораго онъ всю свою жизнь будетъ черпать, постоянно наблюдая, дополняя и переработывая, свои выразительные пріемы. Безъ

гримировки и безъ характернаго костюма можно играть, но безъ жестикуляціи и дикціи актеръ превращается въ манекена.

Недостатки, съ которыми артистъ принужденъ бываетъ бороться всю свою жизнь, если онъ не особенно одаренъ, или не прошелъ строго-систематической школы — это безпорядочность и невыразительность національной или личной жестикуляціи. Возьмемъ для примѣра итальянцевъ и русскихъ. Итальянцы жестикулируютъ много. И мы также. Если на насъ посмотрѣть со стороны, мы часто злоупотребляемъ движеніями головы, рукъ, плечъ и всего туловища; но разница между итальянцами и нами та, что у нихъ жестикуляція, при всемъ своемъ обиліи, даже при порывистыхъ движеніяхъ, всегда почти соотвѣтствуетъ тону рѣчи, выработала себѣ символическіе знаки, по которымъ издали, не слыша того, что говоритъ итальянецъ, можно догадаться, о чемъ онъ говоритъ. У насъ же обиліе жестовъ неосмысленно; оно происходитъ отъ нежелательной нервности, или же отъ дурной привычки вести разговоръ, отыскивая слова. Точно также и личные недостатки жестикуляціи могутъ быть черезвычайно упорны; иногда остаются на вѣки и портятъ игру даровитыхъ актеровъ, не обращавшихъ на это должнаго вниманія въ началѣ своей карьеры. У женщинъ замѣчается боязнь жестикуляціи и рано складывается привычка держать руки въ какомъ-либо совершенно невыразительномъ положеніи. У русскихъ сценическихъ артистокъ *смѣлый и живописный жестъ*—рѣдкое явленіе. Тутъ также повліялъ односторонній репертуаръ, слишкомъ частое исполненіе бытовыхъ ролей и лицъ изъ современной будничной жизни, гдѣ жестикуляція имѣетъ такой же будничный, если не безпорядочный характеръ.

Художественная *дикція*, какъ основа того, что въ хорошемъ смыслѣ надо называть *декламаціей*, должна быть подвергнута артистомъ, при вступленіи на сцену, такой же обработкѣ, какъ и жестикуляція. Она требуетъ еще болѣе тонкихъ оттѣнковъ. Жесты туловища и конечностей, даже лицевая мимика, держатся за нѣсколько основныхъ движеній, соотвѣтствующихъ главнымъ душевнымъ состояніямъ, аффектамъ и страстямъ. Тонъ же, какимъ выражается безконечное разнообразіе настроеній души, можетъ имѣть такое же количество оттѣнковъ. Онъ богаче любой, самой богатой красками, палитры; но чтобы пустить въ ходъ всѣ его краски, надо предварительно обладать выработкою звуковъ голоса, добиться обширнаго голосового регистра и умѣнія извлечь изъ каждой ноты своего регистра всевозможные оттѣнки. Что вредитъ большинству современныхъ актеровъ и актрисъ на нашихъ сценахъ въ дѣлѣ тона, что мѣшаетъ вѣрности звуковъ и ихъ красотѣ?—Плохая обработка голоса, недостаточная гибкость, бѣдность нотъ, которыми они пріучаются говорить, однообразный *тембръ*, а затѣмъ привычка къ слишкомъ замедленному или ускоренному *темпу* рѣчи, и отсутствіе вкуса въ усвоеніи себѣ основныхъ оттѣнковъ рѣчи. У насъ совсѣмъ почти разучились говорить *благородно*, т.-е. безъ всякихъ бытовыхъ примѣсей, безъ тѣхъ звуковъ и интонацій, въ которыхъ сказывается малая воспитанность, эстетическая неразвитость уха; потому у насъ такъ и рѣдко хорошо читаютъ стихи. И какъ бы ни были талантливы мимика и жестикуляція актеровъ и актрисъ, какъ бы ни была значительна ихъ творческая способность на замыселъ и общую постановку лица, они неминуемо будутъ разрушать иллюзію субъективными недостатками своей дикціи, мѣшающими имъ придавать лицу тотъ тонъ, какой оно должно было бы имѣть въ жизни.

Чтобы показать вамъ возможность вполнѣ художественнаго и реальнаго творчества, я приведу здѣсь два образцовыя исполненія сценическаго лица; одно изъ области общечеловѣческой поэзіи, изображающее, въ конкретномъ характерѣ, бурную разрушительную страсть, другое — чисто русское, бытовое, не поднимающееся до значенія типа, но знаменательное для цѣлой эпохи нашего театра.

Изъ сценическихъ созданій новѣйшаго западнаго искусства, я не знаю болѣе совершеннаго, какъ Отелло въ игрѣ Сальвини. Выбираю его потому, что нѣкоторые изъ васъ имѣли здѣсь, въ Москвѣ, случай видѣть великаго итальянскаго артиста въ его самой блистательной роли.

Природа и высокая артистическая культура одѣлили Сальвини всѣмъ нужнымъ для созданія лица венеціанскаго мавра: фигура, обликъ, поступь, жесты, голосъ, тонъ,—все это значилось въ немъ и ждало сліянія въ одно творческое цѣлое. Но природныя средства и даже высокое мастерство недостаточны въ дѣлѣ истиннаго художественнаго творчества характеровъ; нужно проникать и во всѣ основы душевной жизни своего героя, показать не одну страсть, которая захватываетъ его съ рѣшительнаго момента дѣйствія, а и то, что въ этой страсти кроется, какой человѣкъ, какая душа. Когда я, въ началѣ 70-хъ годовъ, во Флоренціи, на тамошнемъ театрѣ «Politeama Fiorentino», увидалъ впервые Сальвини, это было, какъ разъ, въ роли Отелло. Съ самой первой сцены онъ уже даетъ почувствовать, что за человѣкъ передъ нами. Ни раса, ни темпераментъ ревнивца не исчерпываютъ всего Отелло. Вы видите, что онъ—героическое дитя, наивная, довѣрчивая душа, что онъ фатально долженъ сдѣлаться игрушкою интриги,

если она съумѣетъ зажечь въ немъ пламя разрушительной страсти. Въ этомъ героическомъ младенцѣ теплится и религія совѣсти. Въ немъ чувствуется и царскій сынъ, и военачальникъ, способный на чудеса храбрости, но не жестокій, не грабитель, не безшабашный кондотьеръ.

Этому цѣльному внутреннему замыслу соотвѣтствовалъ въ Сальвини и обликъ его героя, выборъ костюма безъ театральства, съ нѣкоторымъ бытовымъ оттѣнкомъ, умѣренная гримировка, оставлявшая ему полную возможность выказывать свою богатѣйшую мимику. А рессурсы голосовыхъ средствъ, минутами поражающихъ насъ своимъ богатствомъ, блескомъ и силою, онъ вводитъ въ игру съ глубокою правдивостью, не позволяя себѣ никакой актерской выходки, не желая никогда блистать только совершенствами своего голоса. И все въ его существѣ, начиная съ головы и лицевой мимики,—поступь, движенія туловища, жесты рукъ, сливаются неразрывной органической связью съ переливами его рѣчи, въ которой страсть принимаетъ самыя типичныя свои интонаціи: подозрѣніе, тревога, сердечная тоска, гнѣвъ, ярость идутъ все возростая, до того момента, когда въ ревнивцѣ сказался и человѣкъ, воздающій правосудіе, убѣжденный въ правотѣ своей казни. Но эта изумительная гамма разрушающей страсти Отелло не затмѣваетъ другихъ звуковыхъ оттѣнковъ. Вы всегда будете помнить, какъ Сальвини умѣетъ въ этой роли выражать и нѣжность, и страстное желаніе, и добродушную довѣрчивость, и сознаніе своей силы.

Только такое сочетаніе анализа и синтеза въ сценическомъ творчествѣ и можетъ дать намъ лицо, подобное Отелло — въ игрѣ Сальвини.

Въ сферѣ, менѣе общечеловѣческой, въ области русской бытовой комедіи, художественно—совершеннымъ явилось, на моей памяти, лицо Любима Торцова, впервые созданное на московскомъ Маломъ театрѣ покойнымъ П. М. Садовскимъ. Новизна и смѣлая рельефность изображенія были такъ неожиданны, что петербургская публика 60-хъ годовъ, передъ которою Садовскій выступилъ въ этой роли, по отзыву его пріятеля, покойнаго критика Аполлона Григорьева — «присѣла». Она не видѣла еще ничего подобнаго, даже и у такихъ талантливыхъ артистовъ, какими были Сосницкій, Мартыновъ и Самойловъ. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ кружковыхъ взглядовъ, напр., того полуславянофильскаго романтизма, какого держался Аполлонъ Григорьевъ, Садовскій могъ впасть въ преувеличеніе, придать лицу русскаго неудачника изъ купеческихъ дѣтей слишкомъ много лиризма, освѣтить его произвольно, въ угоду критикѣ. Но онъ остался вѣренъ бытовой правдѣ. Его Любимъ Торцовъ былъ живой продуктъ купеческихъ нравовъ. Садовскій показывалъ, при самомъ появленіи Любима на сцену, во что его превратила жизнь пропойцы и шута, въ которомъ, однако, сохранилась еще нѣкоторая искра. Не прибѣгая ни къ какимъ излишествамъ въ гримировкѣ и въ костюмѣ, Садовскій бралъ необычайной характерностью всей посадки, тона, отдѣльныхъ интонацій; не измѣнялъ себѣ никогда въ угоду своему актерскому *я*, не подчинялся никогда какому-нибудь произвольному литературному толкованію лица. Впослѣдствіи покойный П. В. Васильевъ пріобрѣлъ въ этой роли большую извѣстность создавалъ также своеобразное лицо; онъ вкладывалъ въ него больше силы и страстности, старался вездѣ показать и неисправимаго пьяницу; въ лирическія минуты раскаянія трогалъ своими рыданіями; но не достигалъ и половины того художественно - бытового изображенія, какимъ Садовскій, въ роли Любима Торцова, восхищалъ неизмѣнно публику нашихъ столицъ.

Выбранные мною два примѣра не продуктъ моей фантазіи. Такая игра возможна, и въ ней, кромѣ природныхъ дарованій, мы видимъ истинное торжество самаго плодотворнаго художественнаго начала: вдумчивое изученіе жизни, упорный артистическій трудъ надъ сочетаніемъ всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для полнаго творческаго образа.

П. Боборыкинъ.

Галлерея русскихъ художниковъ *).

Александръ Александровичъ Киселевъ.

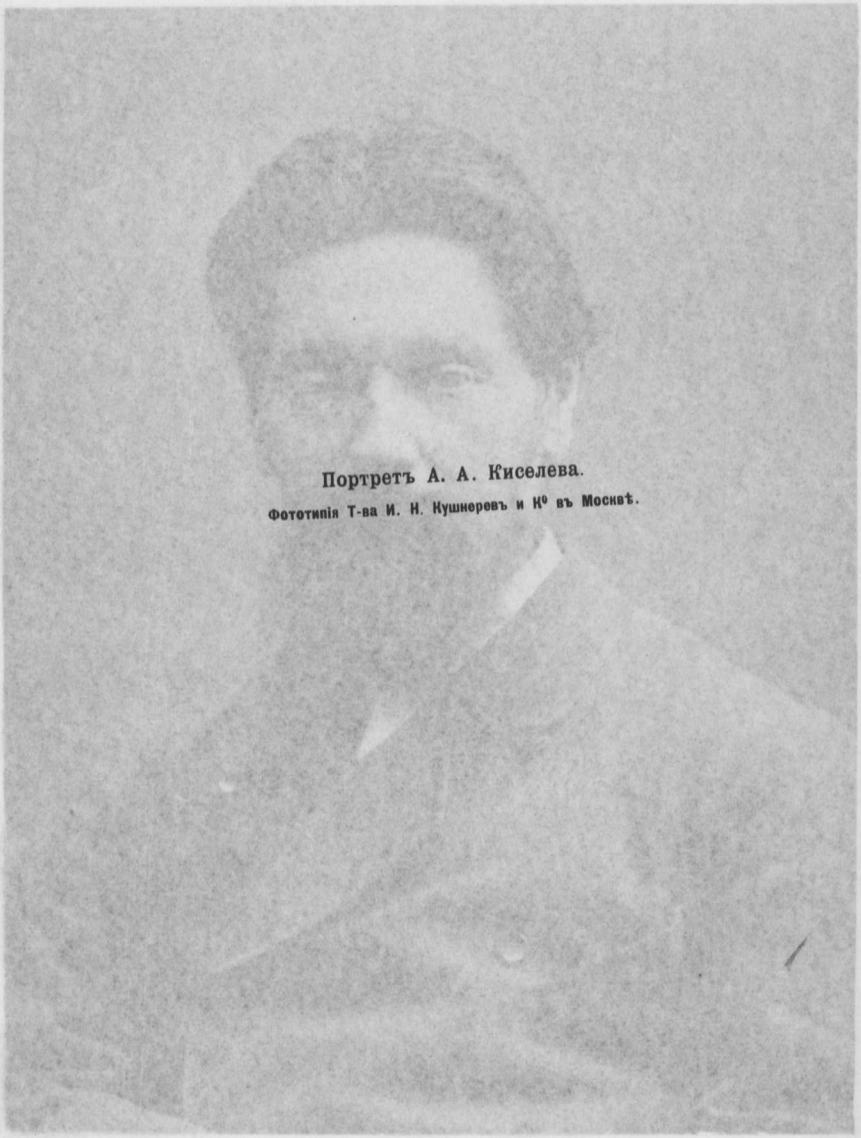
Если вы спросите перваго провинціала, попавшаго на передвижную выставку или обычнаго «средняго» посѣтителя ея о вынесенномъ впечатлѣніи, онъ всегда назоветъ вамъ нѣсколько именъ и между ними обыкновенно имя А. А. Киселева. Онъ останавливался передъ грандіозными полотнами и долго стоялъ передъ ними, пораженный силою драмы и мастерствомъ художника, но это—не то чувство, которое испытываетъ онъ, стоя передъ картинами Киселева. Онъ—русскій человѣкъ, любитъ свою русскую природу и, когда, среди зимы, передъ нимъ въ картинѣ развертывается русскій пейзажъ, когда *о*пять передъ глазами его зеленѣющіе перелѣски, желтѣющія нивы и деревушки, залитыя солнечнымъ свѣтомъ, у него становится какъ-то особенно отрадно на душѣ,—а изъ нашихъ пейзажистовъ немногіе умѣютъ такъ передать духъ нашего русскаго пейзажа, какъ Киселевъ, и оттого рѣдко чьи картины возбуждаютъ въ зрителѣ такое хорошее, теплое чувство. Публика не только любуется его картинами, но любитъ смотрѣть на нихъ, какъ на портреты и на виды своихъ родныхъ мѣстъ, полныхъ дорогихъ воспоминаній.

Картины Киселева часто не удовлетворяютъ знатоковъ и художественную критику, но это обусловливается извѣстнаго рода художественною gourmandise, до которой далеко «средней» публикѣ, и Киселевъ все-таки остается однимъ изъ очень популярныхъ художниковъ.

Трактуя русскій пейзажъ, Киселевъ беретъ его обыкновенно въ духѣ радостнаго, свѣтлаго мотива, и это дѣлаетъ его картины еще болѣе привлекательными для публики. Въ природѣ есть много моментовъ, поражающихъ художника своею красотою, но совершенно непонятныхъ для публики. Возьмите хотя-бы самую непріятную весеннюю слякоть на какомъ-нибудь степномъ большакѣ съ вереницами тянущихся и пропадающихъ въ туманѣ обозовъ.—Какая масса красоты въ этихъ мягкихъ, сѣрыхъ полутонахъ! Но для того, чтобы почувствовать ее, нужно извѣстное художественное развитіе, и «среднему» зрителю покажется страннымъ, что нашелъ художникъ интереснаго въ такомъ мотивѣ. Киселевъ не беретъ природы съ точки зрѣнія одной живописной красоты: она привлекаетъ его только тогда, когда самому ему хорошо въ этой природѣ, когда она радуетъ не только его глазъ, но и все его существо. Отъ этого въ картинахъ Киселева вы рѣдко увидите мрачный, холодный или грустный мотивъ. И это далеко не носитъ на себѣ характера чего-либо преднамѣреннаго. Это вытекаетъ изъ глубины души художника, изъ его взгляда на жизнь и отношенія къ природѣ...

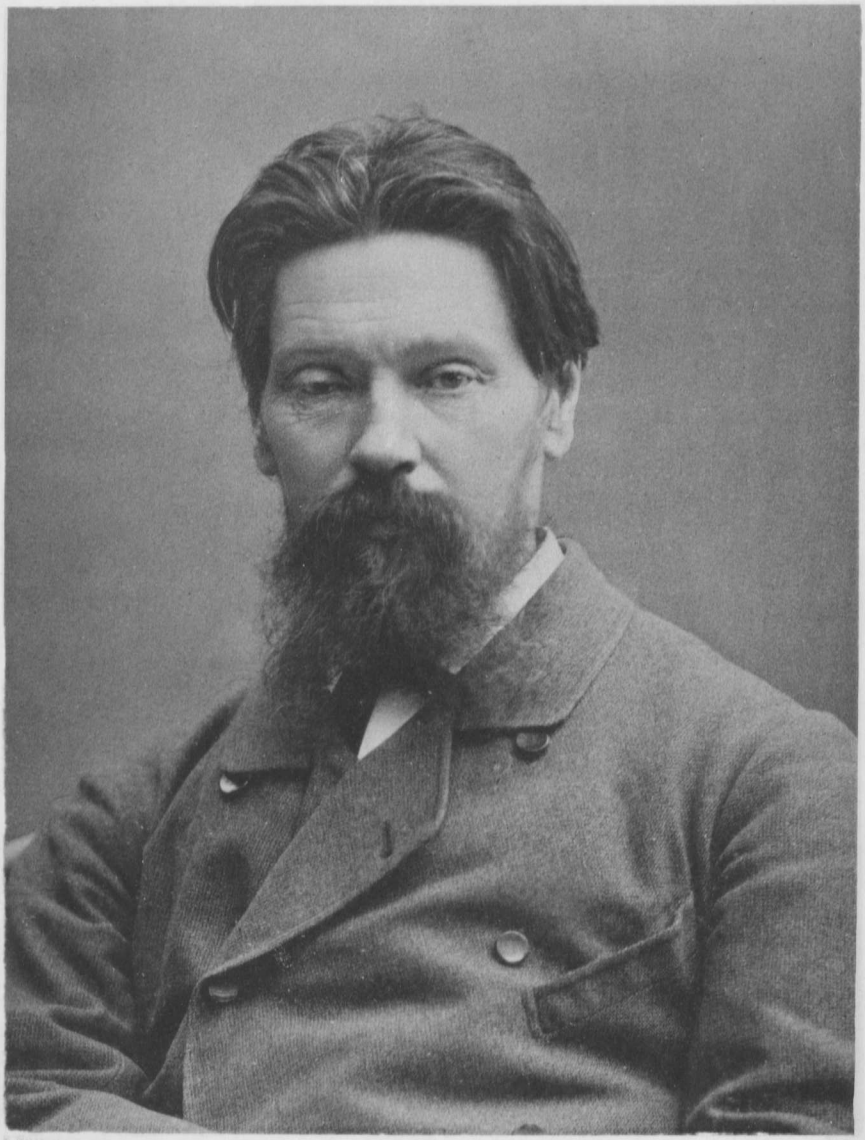
Одинъ юмористъ изобразилъ Киселева въ очень характерной каррикатурѣ: передъ большимъ

*) Предполагая дать на страницахъ нашего журнала рядъ характеристикъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, мы поставлены въ необходимость отказаться отъ всякой системы и будемъ давать наши очерки въ той послѣдовательности, которая будетъ обусловлена накопленіемъ матеріала: снимковъ съ картинъ и т. п.



Портретъ А. А. Киселева.

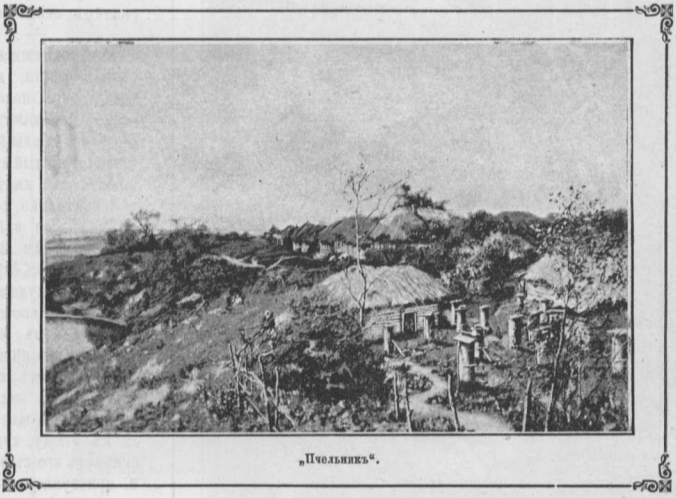
Фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.



мольбертомъ сидитъ художникъ и съ добродушной улыбкой смотритъ на только-что законченное полотно, а на немъ среди поля нѣсколько деревьевъ, у каждаго дерева большая, курчавая голова, съ улыбающейся рожицей, волосы завиты барашкомъ, а на шеѣ—воротнички и галстучекъ бантикомъ. Художникъ радуется на картину, а картина привѣтливо улыбается ему въ отвѣтъ. Понятно, что зрителю никоимъ образомъ не можетъ быть грустно.

Это жизнерадостное отношеніе къ натурѣ настолько тѣсно связано со всей природой художника, что вырывается въ его картинахъ даже наперекоръ его собственному желанію. Два года тому назадъ, художникъ задался мыслью написать ненастье. Случайно поразившій мотивъ глубоко запалъ въ душу и просился на полотно. нялся за картину. Картина вышла прекрасная, но помню, я не могъ удержаться отъ улыбки, когда ее увидалъ. Увы! Отъ эскиза не осталось и слѣда. Несмотря на всѣ старанія художника, ненастье вышло такое отрадное, какъ будто сама природа была ему рада и давно его ждала, а проглянувшее на горизонтѣ небо, такъ привѣтливо смотрѣло на зрителя, точно говорило: «ничего—завтра будетъ солнышко и все высушитъ». Даже воронье перепархивало по копнамъ совсѣмъ съ другимъ видомъ и точно привѣтствовало проглянувшее небо.

Въ самомъ письмѣ Киселева также есть особенность, которая дѣлаетъ его привлекательнымъ для публики: письмо его чрезвычайно просто и понятно. Новая школа, преслѣдующая въ картинѣ общее впечатлѣніе, часто предна-

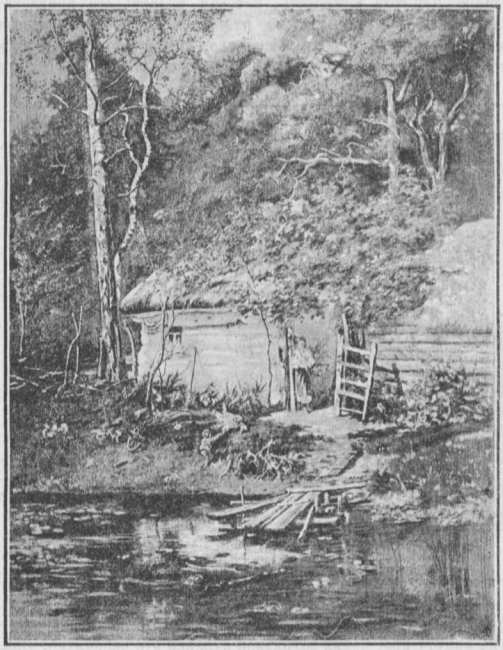


„Пчельникъ".

Художникъ набросалъ эскизъ глубокой дождливой осени: густыя, сизыя облака на минуту прорвались на горизонтѣ, но и оттуда выглянула такая холодная полоса свѣтлаго неба, точно оно хочетъ сказать: «нѣтъ, не ждите отъ меня пощады: я только хочу взглянуть на свое дѣло, и еще долго буду васъ поливать леденящимъ, мелкимъ дождемъ». А на землѣ, дѣйствительно, нѣтъ сухого мѣстечка: промокло все,—промокла земля на цѣлый аршинъ, промокли насквозь забытыя копны, промокли вороны, тяжело хлопающія крыльями и напрасно ищущія, гдѣ-бы просохнуть. Мотивъ былъ схваченъ удачно, въ немъ была такая цѣльность впечатлѣнія, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждали картины. Художникъ тоже лелѣялъ этотъ мотивъ. Онъ рисовалъ его и въ частныхъ письмахъ, и въ рисункѣ для «Сборника въ память Гаршина» и, наконецъ, примѣренно оставляетъ много незаконченнаго,—но для заурядной публики это непонятно. Она требуетъ, чтобы на деревѣ видны были листья и трава напоминала траву, а не замазанное краской полотно, а картины Киселева можно упрекнуть въ чемъ угодно, но не въ недостаткѣ законченности. Законченность даже ослабляетъ общее впечатлѣніе въ его картинахъ.

По манерѣ своего письма, Киселевъ—строгій натуралистъ; онъ принадлежитъ къ той школѣ, которая дала намъ Шишкина, Е. Волкова, Орловскаго и др. Преслѣдуя въ своихъ вещахъ прежде всего правду и полную передачу на полотнѣ натуры, онъ невольно впадаетъ въ нѣкоторую крайность и большую часть изъ его картинъ справедливо упрекаютъ въ томъ, что онѣ лишь повторяютъ въ большомъ видѣ написанные прямо съ натуры этюды. Въ карти-

нахъ его мало того, что называютъ художники *настроеніемъ*, *мотивомъ*. Но это происходитъ не отъ того, что фантазія художника бѣдна и въ ней не возникаютъ соотвѣтственныя представленія. Они живутъ въ его душѣ, но они не удовлетворяютъ его потому, что ихъ нельзя занести въ свой этюдъ съ натуры. Они остаются въ памяти художника какъ нѣчто общее, лишенное деталей, а на картинѣ онъ привыкъ писать только то, въ *натурности* чего онъ несомнѣнно увѣренъ. Въ этомъ убѣждаютъ картины Киселева за послѣднія 5—6 лѣтъ. По мѣрѣ того, какъ онъ крѣпнетъ въ своемъ изученіи натуры, онъ все больше и больше даетъ вещей, написанныхъ не съ этюда, но проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ мотива. Таковы его «Порывъ вѣтра», «Сейчасъ польетъ», «Ненастье», «Ледоходъ»*) и нѣтъ сомнѣнія, что въ слѣдующихъ картинахъ это преобладаніе мотива надъ этюдомъ будетъ сказываться все сильнѣе и сильнѣе, потому что художникъ, несмотря на свои годы, далекъ еще отъ того момента, гдѣ оканчивается поступательное движеніе таланта. Впрочемъ, одинъ мотивъ свѣтового эффекта давно былъ излюбленъ художникомъ, и надо сказать, что въ передачѣ его онъ достигъ значительнаго успѣха. Это мотивъ скользящей тѣни облаковъ, затемняющей дали въ то время, какъ на второмъ планѣ горитъ яркое солнечное пятно. Мотивъ этотъ былъ взятъ художникомъ еще въ его картинѣ «Передъ грозой» въ 81 году, и съ тѣхъ поръ онъ постоянно возвращается къ нему все съ большимъ и большимъ успѣхомъ, варьируя лишь время года или характеръ пейзажа.



„Хата".

—

Установившись на этой точкѣ зрѣнія, мы поймемъ теперь, почему такъ сильно нападаютъ рецензенты на этюды А. А. Киселева. Каждый этюдъ его кажется имъ картиной, и, дѣйствительно, онъ всегда такъ же законченъ, какъ была бы закончена картина. Какъ строгій натуралистъ, художникъ не оставляетъ своего этюда до тѣхъ поръ, пока онъ не передастъ на немъ всего, что видитъ, и только тогда, когда нельзя уже прибавить ни одного штриха къ этюду, художникъ снимаетъ его съ этюдника и приступаетъ къ другому.

Киселева часто упрекаютъ также въ извѣстной заученности тона, въ излишнемъ припомаживаніи картины и т. п., но въ основѣ этого лежитъ все-таки та глубокая добросовѣстность, которая красною нитью проходитъ чрезъ всѣ его произведенія. Просматривая его этюды, вы никогда не увидите безпорядочно-замазанныхъ красками полотенъ, (которыми — увы, такъ изобилуютъ папки многихъ нашихъ молодыхъ художниковъ). Если вы находите здѣсь клочекъ холста съ написаннымъ на одномъ уголкѣ облакомъ или камнемъ, то это облако всегда такъ написано, что хоть переноси его прямо въ картину. По числу написанныхъ картинъ, Киселевъ принадлежитъ

*) Наконецъ, двѣ прекрасныхъ картины послѣдней передвижной выставки, „Ущелье" и „Сурамскій перевалъ".

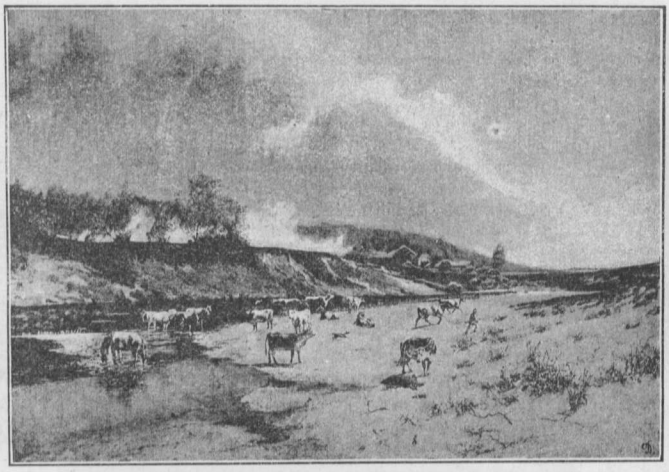
къ числу самыхъ плодовитыхъ нашихъ пейзажистовъ.

Если считать со времени появленія первой картины Киселева на 4-й передвижной выставкѣ въ 1875 году, то за 15 лѣтъ Киселевымъ написано громадное число произведеній. За это время было продано художникомъ свыше 300 картинъ и этюдовъ, что составитъ болѣе, чѣмъ 20 произведеній на годъ. Перечислять всѣ картины художника было бы излишне. Лучшія изъ нихъ всѣ видѣли на передвижныхъ выставкахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ можно всегда видѣть въ галлереѣ П. М. Третьякова. Снимки съ картинъ художника также помѣщались во всѣхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Желая иллюстрировать нашъ очеркъ, мы рѣшили остановиться на тѣхъ его произведеніяхъ, которыя не были еще нигдѣ помѣщены и даже не были въ иллюстрированныхъ каталогахъ передвижной выставки.

—

А. А. Киселевъ родился въ 1838 году въ Выборгѣ, но отецъ его, бѣдный, линейный офицеръ, скоро оставилъ службу и перебрался на мѣсто лѣсничаго въ Казань, гдѣ и протекли первые годы сознательнаго дѣтства художника. Отецъ Александра Александровича немножко рисовалъ,—и этого было достаточно, чтобы натолкнуть мальчика на то же занятіе. Однако, родные смотрѣли на рисованіе, какъ на простое баловство, никто не думалъ придавать ему серьезнаго значенія,—и на 12-мъ году мальчика свезли въ Новгородъ, въ Аракчеевскій корпусъ. Въ корпусѣ Киселевъ продолжалъ отдаваться своему любимому занятію и даже пробуетъ писать масляными красками, но затѣмъ рисованіе скоро было совершенно забыто, а въ началѣ 60 годовъ былъ брошенъ и самый корпусъ, и мы видимъ юношу студентомъ филологическаго факультета петербургскаго университета.

Киселевъ увлекается литературой,—печатаетъ свои стихотворенія въ журналѣ г. Станюковича и готовитъ себя къ литературной карьерѣ,—какъ вдругъ надъ университетомъ разражается гроза. Киселевъ, вмѣстѣ со многими другими, былъ исключенъ изъ университета—и ему пришлось серьезно задуматься о будущемъ.



„Передъ грозой".

Вспомнились прежнія увлеченія живописью—и юноша поступаетъ, наконецъ, въ Академію Художествъ.

Въ академіи также въ то время шло сильное броженіе, завершившееся выходомъ цѣлой серіи учениковъ и образованіемъ художественной артели. Киселевъ, увлеченный общимъ движеніемъ, также выходитъ изъ академіи, получивъ большую серебряную медаль, и отдается теченію, которое все еще продолжало увлекать молодежь. Кто не переживалъ этого времени и не унесъ изъ него яркихъ воспоминаній обо всѣхъ этихъ сходкахъ «коммунахъ» и горячихъ спорахъ, тянувшихся до бѣлаго утра?!

У художниковъ тоже была своя «коммуна», настоящая коммуна, гдѣ не было *моего* и *тво-*

его и гдѣ всѣ жили однимъ юнымъ порывомъ къ общему свѣту и счастью. Въ «коммунѣ» участвовали: Киселевъ, Бобровъ, Кошелевъ, Крестоносцевъ и Максимовъ. Работы было мало—и жить приходилось впроголодь, несмотря на то, что брались за все, что попадалось подъ руку: писали и пейзажи, и иконы, и портреты—и все-таки едва существовали.

Такъ прошло два года, и скоро одни изъ участниковъ стали зарабатывать много, другіе не были такъ счастливы—явилась неловкость, нежеланіе пользоваться заработкомъ другихъ и «коммуна» по-немногу распалась. Существовать въ одиночку не было возможности; бы и нашелъ на своемъ столѣ записку художника М—ва. Онъ извѣщалъ меня о пріѣздѣ 1-й передвижной выставки и просилъ заѣхать къ нему на другой день... Это было въ провинціи, въ Х., гдѣ я жилъ уже 8 лѣтъ, и гдѣ выставка картинъ была почти небывалымъ событіемъ. Съ М—вымъ я еще не былъ знакомъ лично. Записка его меня немало удивила. Зачѣмъ меня зовутъ? Неужели,—какъ художника? Стало быть, меня еще помнятъ? Нѣтъ, это что-то не то! Какой же я теперь художникъ?»

«А вѣдь было и мое время: я шелъ когда-то по этой счастливой... нѣтъ,—по этой несчастной дорогѣ. Я вѣдь и сюда пріѣхалъ лѣтъ

„Деревушка".

Киселеву подвернулся товарищъ по университету, и они уѣхали въ Харьковъ.

На 10 лѣтъ Киселевъ совершенно исчезаетъ съ художественнаго горизонта и только въ 1875 году мы снова видимъ его на 4-й передвижной выставкѣ. Вотъ какъ самъ художникъ описываетъ свое возвращеніе на тернистую стезю художества.*)

«Не могу забыть одного момента, исходной точки моего обновленія. Она такъ и свѣтится въ моей памяти».

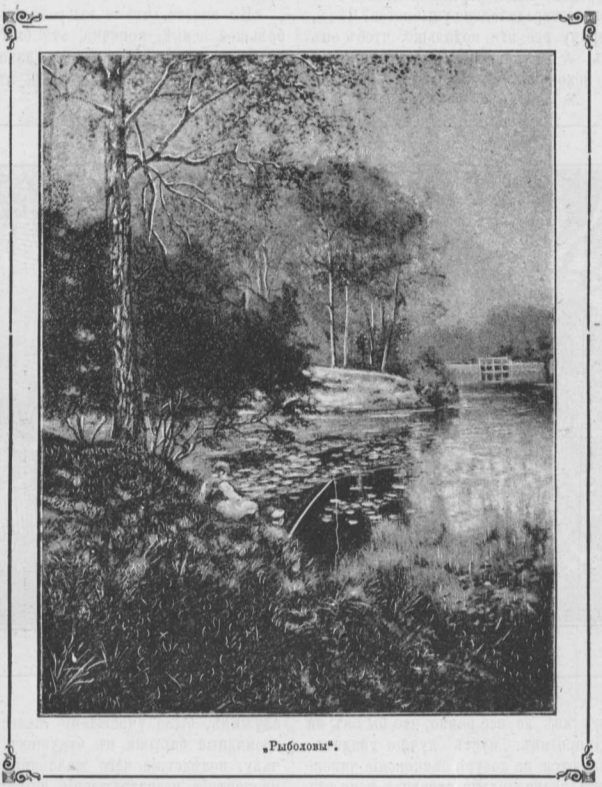
«Я пришелъ въ тотъ день вечеромъ со служ-

8 назадъ, только за тѣмъ, чтобъ, какъ пейзажистъ, познакомиться съ природой Малороссіи. Что меня здѣсь удержало тогда? Вѣдь въ Петербургѣ меня замѣчали и пророчили мнѣ кое-что въ будущемъ. Конференцъ-секретарь академіи, Ф. Ф. Львовъ, и на постоянной выставкѣ Д. В. Григоровичъ, хоть немножко свысока, но все-таки ухаживали за мной. Да и здѣсь я въ первое время какъ-будто понравился: пробовали меня приласкать мѣстные меценаты; пять, шесть картинокъ мнѣ даже удалось продать. Помню, какъ разъ я спрятался за пологъ-постели и выслалъ прислугу сказать, что меня дома нѣтъ, когда за мной прислали карету отъ князя Г., везти меня къ нему на

*) „Страничка изъ жизни художника" „Жив. Обозр." 85.

обѣдъ, гдѣ я обѣщалъ быть и гдѣ меня собирались познакомить съ мѣстной аристократіей. Все это давно прошло...»

«А потомъ что-же? Какое тяжелое, тяжелое было время! Уроки рисованія, недостатокъ въ средствахъ... потомъ проблески счастья другого рода; затѣмъ женитьба, больной ребенокъ и... голая нужда! Ахъ, какъ трудно было изъ нея выбраться! Чего, чего я не перепробовалъ? Помню попытки и въ литературѣ, и въ ихъ навязывать, расплачиваться ими и даже разыгрывать ихъ въ лотерею. Жутко вспомнить это мученичество нужды. Понятно почему люди такъ стыдятся ея! И я положительно радуюсь тому, что не спеціализировался въ художествѣ смолоду, и вотъ зато, хоть медленно и съ большимъ трудомъ, а все-таки выбрался, наконецъ, на дорогу. Теперь служу въ банкѣ вотъ уже три года, всѣ мной довольны, имѣю все необходимое, семья въ достаткѣ,—и



„Рыболовы".

нописи, и въ эротической живописи—даже въ адвокатурѣ. Куда же дѣлся во мнѣ пейзажистъ? Отчего мой талантъ не выручилъ меня изъ бѣды? Вѣдь я не лѣнился, и въ свободное время все-таки пописывалъ пейзажики. Но зато я помню, какъ очень неглупые люди и большіе мои пріятели, заставая меня за мольбертомъ, сострадательно подсмѣивались надъ моей страстью. Да, это была страсть, а не спекуляція, потому что никто уже не покупалъ моихъ произведеній; а, между тѣмъ, приходилось я счастливъ... Правда, что служба эта неособенно привлекательна, и не очень-то мнѣ понутру. Да вѣдь мало-ли что! Жертвы въ жизни необходимы, и я радъ, что побѣдилъ въ себѣ эту пагубную страсть къ искусству, и безповоротно. Теперь ужь никогда не поддамся ей, никогда! И зачѣмъ мнѣ ѣхать къ М—ву? Чего я тамъ не видалъ? Да я же не могу и отрываться отъ служебныхъ занятій».

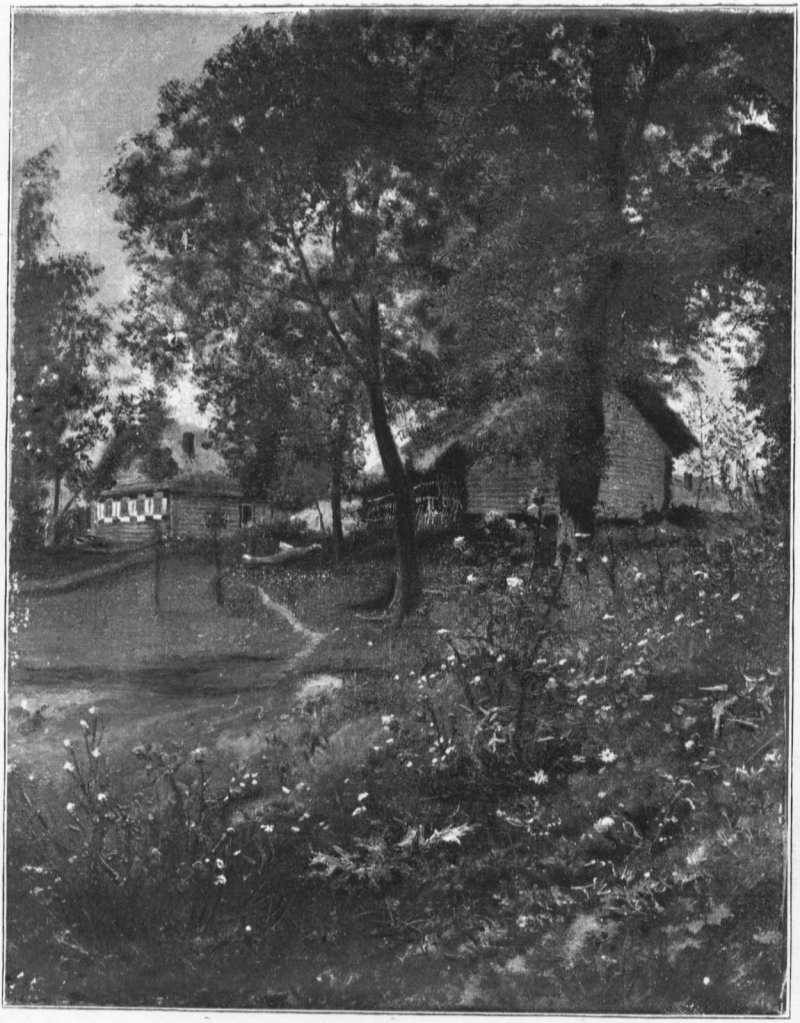
«Но я чувствовалъ въ то же время, что лгу. Слѣдующій день былъ праздничный, и я съ

нетерпѣніемъ ждалъ его, чтобы полетѣть на приглашеніе. Банковскія бумаги кучей лежали тутъ же на столѣ, и вы не можете себѣ представить, какъ онѣ казались ничтожны передъ этой драгоцѣнной записочкой! Нетерпѣливо шагая по комнатѣ, я сталъ невольно снимать со стѣнъ свои малеванья и, стирая съ нихъ пыль, внимательно разсматривалъ ихъ при лампѣ. Точно кто-то шепнулъ мнѣ, что это надо будетъ показать *ему — художнику*. Меня даже пробирала лихорадка, какъ передъ экзаменомъ. А что, если и онъ сострадательно улыбнется? Нѣтъ, лучше я спрячу все это подальше, чтобъ онъ и не видалъ. А съ другой стороны зачѣмъ? Развѣ я не покончилъ съ живописью разъ на всегда? Развѣ мнѣ не все равно, что бы онъ ни сказалъ? Напротивъ: пусть лучше увидитъ, чѣмъ забавляются на досугѣ банковскіе чиновники, и пусть окончательно отвадитъ меня отъ моихъ нелѣпыхъ утопій. Эхъ, вижу, чувствую, что онѣ еще не вполнѣ искоренились... Что, если я опять? Какъ это будетъ глупо и неблагоразумно! Чего мнѣ еще нужно?»

«Словомъ, я бородся, резонировалъ и сердился, а кончилъ все-таки тѣмъ, что рано утромъ былъ уже въ полномъ распоряженіи М—ва, радостно исполнялъ всѣ его порученія по устройству выставки, а со дня ея открытія уже ничѣмъ болѣе не жилъ, какъ только ею. Смутное сознаніе моей отсталости въ искусствѣ, тревожившее меня прежде, стало теперь ясно, какъ день, при видѣ прекрасныхъ работъ моихъ бывшихъ товарищей. Сознаніе это давило меня, а невозможность снова приняться за работу, при условіяхъ службы, дѣлала меня настоящимъ мученикомъ. Оставалось одно изъ двухъ: или послѣднимъ усиліемъ воли окончательно задушить въ себѣ страсть къ активному искусству, или—бросить службу, а съ ней и матеріальный достатокъ, и снова искать счастья тамъ, гдѣ я въ лучшіе годы искалъ его долго и напрасно».

«Вы знаете, что я выбралъ послѣднее. При большой семьѣ, конечно, это былъ отчаянный шагъ, и я вокругъ себя не находилъ сочувствія такому рѣшенію. Банкъ, въ которомъ я служилъ, было учрежденіе новое, обѣщавшее громадные барыши въ будущемъ, судя по началу, вслѣдствіе чего жалованье служащимъ и процентное вознагражденіе изъ прибылей росли съ каждымъ годомъ. Какъ секретарь, при хорошихъ отношеніяхъ къ правленію и при усердной работѣ, я могъ смѣло разсчитывать, что въ близкомъ будущемъ у меня будетъ порядочное обезпеченіе. Понятно, что когда я въ банкѣ высказалъ намѣреніе оставить службу, на меня стали смотрѣть, какъ на сумасшедшаго. Близкіе друзья, знавшіе мою слабость, сердились не на шутку и пророчили мнѣ несомнѣнную гибель. Я глубоко сознавалъ ихъ правоту и ничего не могъ сказать въ свое оправданіе. Едва-ли кто-нибудь понималъ, что во мнѣ

„У пруда".



„ДЕРЕВУШКА“.

Этюдъ А. А. Киселева.

Дозволено цензурою. Москва, декабрь 1890 г.

Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

происходило? Однако, я рѣшился отложить мою отставку еще на годъ. Не довѣряя самому себѣ, я надѣялся, что за это время или разсудокъ возьметъ свое, или любовь моя къ искусству выразится осязательнѣе, если я все свободное время посвящу на занятія художествомъ и произведу что-нибудь необычайное! Да, необычайное! Глядя на пейзажи Шишкина, Саврасова, Клодта и друг., я просто пылалъ желаніемъ воспроизводить природу. Мнѣ казалось, что я отлично понимаю ихъ отношеніе къ природѣ, что нѣтъ ничего проще, яснѣе и прекраснѣе этой задачи, и что вотъ стоитъ только хорошенько потрудиться, и я буду то же дѣлать, что и они».

„Дорожка".

«Нужно-ли говорить вамъ, что этотъ годъ былъ однимъ изъ самыхъ мучительныхъ лѣтъ моей жизни? Я продолжалъ служить, но гадливое отношеніе къ службѣ, сопровождавшееся полнымъ охлажденіемъ ко мнѣ моихъ патроновъ, а затѣмъ сильное нервное разстройство показали мнѣ, что я уже не могу здѣсь быть хорошимъ работникомъ. Съ другой стороны, въ свободные дни и часы я испытывалъ муки родильницы, сидя передъ огромнымъ холстомъ, на которомъ постепенно появлялись уродливыя части моего дѣтища. Конечно, среди этихъ мукъ бывали и счастливыя минуты! Но я былъ совершенно одинокъ и ни съ кѣмъ не могъ подѣлиться этими минутами: всѣ смотрѣли на меня уныло и косо. Однако, этотъ трудъ рѣшилъ мою судьбу. Дитя оказалось не настолько уродливо, чтобъ не могло жить, и было принято на выставку. Правда, картина вышла забавная. Это былъ пейзажъ, въ которомъ можно было найти все: и горы, и лѣса, и постройки, и воду, и солнце, и огненный свѣтъ. По вѣрному замѣчанію одного изъ маститыхъ нашихъ пейзажистовъ, въ немъ разомъ совмѣщались всѣ времена года и всѣ часы дня. Видно было ясно, что авторъ этой картины просто сорвался съ цѣпи и излилъ въ ней все, что накопилось въ немъ за цѣлые годы бездѣйствія. Но товарищи отнеслись ко мнѣ тепло, ободряли меня и только совѣтовали больше писать съ натуры...»

«Кончилось тѣмъ, что я бросилъ службу, поѣхалъ въ Крымъ на этюды и затѣмъ переселился въ столицу. Какъ ни жадно принялся я за новыя работы, усердно изучая въ природѣ законы рисунка и красокъ, однако, цѣлые годы чиновничьей жизни, въ періодъ моего отступничества, даютъ себя знать и до настоящаго времени. Часто при работѣ, когда я встрѣчаю неодолимыя затрудненія и мною овладѣваетъ отчаяніе, я бросаю кисти и вспоминаю все мое прошлое. Какою глубокою пропастью въ моей художнической карьерѣ зіяетъ этотъ банковскій періодъ моей жизни! Но воспоминаніе о 1-й передвижной выставкѣ и о моемъ возвра-

щеніи въ среду художниковъ успокоиваетъ меня и придаетъ новую энергію. Самый-же надежный запасъ силъ я почерпаю въ сознаніи, что какъ-бы ни повернулось мое счастье, во мнѣ никогда не возникнетъ не только сожалѣнія о покинутой службѣ, но и малѣйшаго желанія выйти изъ той колеи, на которую я попалъ...»

Со времени этихъ строкъ прошло 6 лѣтъ и мы всѣ знаемъ, насколько они оправдали ожиданія художника.

Глаголь.

Екатерина Семеновна Семенова

знаменитая трагическая актриса 1786—1849 г.

VI.

Почти одновременно, когда Семенова увидала на сценѣ готовившуюся ей соперницу и раздраженная вступила съ ней въ борьбу, почти въ это же время у нея начались сильныя разногласія съ тогдашнимъ директоромъ, кн. Тюфякинымъ, смѣнившимъ А. Л. Нарышкина. Эти разногласія приняли такой обостренный характеръ, что Семенова, непривыкшая никому уступать и подчиняться, рѣшила лучше совсѣмъ сойти со сцены и подала прошеніе объ отставкѣ. Это было 17 января 1820 года. Вѣрно, эти разногласія дѣйствительно носили серьезный характеръ, если кн. Тюфякинъ согласился поступиться такою актрисою, имя которой до тѣхъ поръ служило магнитомъ для публики и не переставало дѣлать въ кассѣ большіе сборы. Но въ то время, какъ кн. Тюфякинъ каралъ ее отставкой,—государь награждалъ пенсіей. Въ февралѣ 1822 года былъ данъ приказъ, въ которомъ говорилось: «въ уваженіе отличнаго таланта» Семеновой «и не въ примѣръ прочимъ» за ея прежнюю семнадцатилѣтнюю службу *) «производить пожизненно пенсіонъ по четыре тысячи рублей».

Въ невыгодѣ отъ отставки Семеновой были одинаково и театръ, и сама актриса. Она такъ страстно, такъ задушевно любила сцену, что для нея было большимъ лишеніемъ сойти съ подмостокъ. И теперь, очутившись внѣ театра, она, несмотря на все богатство, на весь комфортъ жизни, страдала отъ невозможности играть и тосковала по сценѣ. Домашній театръ, который былъ устроенъ у нея и на которомъ она играла, не могъ, конечно, замѣнить ей публичной сцены, тѣхъ шумныхъ восторговъ и овацій, къ которымъ такъ скоро привыкаетъ талантъ и безъ которыхъ не можетъ жить, какъ бы ни былъ великъ самъ по себѣ.

Но скоро директоръ театра, кн. Тюфякинъ, уѣхалъ за границу. Въ его отсутствіе открылись всѣ недостатки и упущенія въ хозяйственномъ управленіи петербургскаго театра, и особенно неудовлетворительно оказалось состояніе театральной школы. Разслѣдовать дѣло было поручено гр. Милорадовичу и кн. Петру Михайловичу Волконскому. Слѣдствіе обнаружило массу злоупотребленій, о которыхъ пришлось донести государю, и кн. Тюфякинъ тотчасъ же былъ уволенъ изъ директоровъ. На его мѣсто былъ назначенъ Майковъ. Майковъ, вскорѣ по вступленіи въ должность, подалъ докладъ о томъ, что необходимо сдѣлать крупныя измѣненія въ театральномъ управленіи, а то суммъ, отпускаемыхъ на театръ при настоящемъ управленіи, недостаточно. По повелѣнію государя былъ назначенъ комитетъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателемъ назначался графъ Милорадовичъ, членами: кн. Вас. Вас. Долгоруковъ, графъ П. И. Кутайсовъ, П. И. Столыпинъ, кн. Шаховской, директоромъ А. А. Майковъ и секретаремъ комитета Р. Зотовъ.

Семенова скучала въ отставкѣ, несмотря на создавшуюся у нея семью (еще въ 1817 году у нея отъ кн. И. А. Гагарина родилась дочь Надежда, которую она страстно любила, какъ дорогого первенца). Происшедшая въ 1821 году перемѣна въ театральномъ управленіи,—выходъ изъ директоровъ кн. Тюфякина,—позволила ей опять вступить на сцену.

16-го января 1822 года былъ назначенъ бенефисъ Валберховой, нѣкогда бывшей соперницы Семеновой. Но съ тѣхъ поръ, какъ съ Валберховой случилось несчастіе, съ тѣхъ поръ, какъ ее ошикали въ «Китайской Сиротѣ», Семенова перестала къ ней чувствовать вражду, и даже, напротивъ, готова была помочь ея

*) Слѣдовательно, въ 1820 году минуло 17 лѣтъ со времени вступленія Семеновой на театральныя подмостки, и свидѣтельство П. Арапова („Лѣтопись рус. театра“), что Семенова въ этотъ годъ „обязалась письменно не требовать пенсіона за *26 лѣтнюю* службу“,—невѣрно.

успѣху, хотя бы цѣною собственныхъ усилій. Семенова была горда, неприступна и даже дерзка съ тѣми, кто имѣлъ намѣреніе соперничать съ нею или становиться на равную ногу. Въ такихъ случаяхъ, она вся вдругъ выпрямлялась, принимала величественную позу, неприступный видъ. Какъ горделиво, величественно и даже презрительно взглянула она на извѣстнаго театрала и переводчика Жихарева, когда тотъ вздумалъ послѣ ея торжества въ «Эдипѣ въ Аѳинахъ», въ 1807 году (когда — надо замѣтить — она была почти начинающая), подскочить къ ней съ комплиментами насчетъ ея игры, воображая, — какъ онъ самъ признается,— что съ ней такъ же можно поболтать, какъ «съ милыми моими нѣмецкими чечотками». Она гордо, свысока взглянула на него въ полуоборотъ и гордо, съ такимъ достоинствомъ произнесла: «чего-съ?», что у бѣднаго Жихарева чуть языкъ не отнялся, и онъ отскочилъ назадъ, какъ ужаленный. Тотъ же неприступный тонъ и ту же враждебность видимъ въ ней и при столкновеніи съ Колосовой, Валберховой, когда онѣ выходятъ съ ней на состязаніе, и, наконецъ, съ Яковлевымъ, который осмѣливается становиться съ ней наравную ногу: она отвѣчаетъ ему надменно, дерзко, и они постоянно ссорятся. Она не спускается до него, хотя онъ и первый актеръ. Когда Яковлевъ, Семенова и другіе актеры Императорской труппы разъ вздумали отправиться для представленій въ Москву, Семенова ѣхать вмѣстѣ съ ними отказалась, не желая смѣшиваться съ компаніей остальныхъ актеровъ, и поѣхала отдѣльно.

Зато какой кроткой, доброй, внимательной, заботливой дѣлается та же Семенова, когда видитъ передъ собой маленькаго обиженнаго человѣка! Она употребляетъ всѣ старанія, чтобы чѣмъ-нибудь помочь ему, чѣмъ-нибудь облегчить его положеніе! И сколько разъ она помогала и устроивала судьбу бѣдняковъ въ театральной труппѣ! Люди маленькіе — суфлеры, актеры изъ начинающихъ — сколько разъ благословляли и слали благодарность гордой актрисѣ! Еще при директорѣ Тюфякинѣ она разъ, передъ началомъ трагедіи, въ роли Маріи Стюартъ, совсѣмъ уже одѣтая, загримированная, принявъ величественный видъ, вступилась за суфлера, у котораго крестила дѣтей и которому часто помогала. «Всѣ получаютъ прибавки жалованья, только одинъ нашъ труженникъ-суфлеръ обойденъ постоянно»,—говорила величественная Марія Стюартъ. И до тѣхъ поръ вела свою аттаку на князя Тюфякина, пока не убѣдила на другой же день сдѣлать представленіе о суфлерѣ самому Императору. Представленіе было сдѣлано— и Императоръ повелѣлъ удвоить жалованье суфлеру.

Не меньше заботы выказала Екатерина Семеновна и по отношенію къ одному молодому, усердному артисту Хотяинцеву. Онъ отличался замѣчательной памятью, могъ быстро, чуть не въ одинъ день выучивать наизусть большія роли. И благодаря этой способности, Хотяинцевъ не разъ, по случаю внезапной болѣзни того или другого актера, выводилъ дирекцію изъ критическаго положенія. Случилось какъ-то, назначена была трагедія Озерова «Поликсена». Роль Нестора въ ней долженъ былъ играть актеръ Каменогорскій,—и вдругъ чуть не передъ самымъ представленіемъ Каменогорскій заболѣваетъ. Что дѣлать? какъ быть? кому передать роль? И кто же возьмется, кто успѣетъ выучить такую длинную роль въ такой короткій промежутокъ? развѣ только одинъ Хотяинцевъ, опираясь на свою необычайную память. Обратились къ Хотяинцеву. Онъ, по своему обыкновенію, не отказалъ, обѣщалъ употребить всѣ старанія, и, дѣйствительно, явился въ театръ съ выученной ролью.—Когда всѣ актеры были уже загримированы, когда все было готово къ спектаклю, Семенова передъ началомъ представленія стала настойчиво говорить съ директоромъ Майковымъ о необходимости отличить и вознаградить Хотяинцева за его усердіе и услуги театру: непремѣнно увеличить ему жалованье. Майковъ хотѣлъ, было, ограничиться шуткой, но отъ Семеновой трудно было отдѣлаться, когда она чего-нибудь захочетъ. Она требовала, чтобы онъ обѣщалъ. Тогда Майковъ сказалъ: «Тамъ увидимъ,—это будетъ впереди».

— Нѣтъ, генералъ,—по своему обыкновенію, настойчиво, гордо возразила Семенова,— прошу васъ не откладывать, а сегодня же, по окончаніи спектакля, сдѣлать распоряженіе насчетъ прибавки жалованья Хотяинцеву,—иначе я сегодня не выйду на сцену. Дайте мнѣ честное слово, что прибавка будетъ дана и безъ отлагательства».

Майковъ далъ слово.

Но Семенова не успокоилась; она стала настаивать, чтобы сказалъ: сколько?

— «Сто! — отвѣчалъ Майковъ.

— Сто?! да развѣ это прибавка?! развѣ это награда за такое множество одолженій; за такое примѣрное усердіе и стараніе?!»

И настояла, что Майковъ на другой же день предписалъ конторѣ прибавить Хотяинцеву къ прежнимъ 750 рублямъ еще 500 рублей.

Но нигдѣ такъ ярко не сказывается та же черта доброты и желанія помочь, какъ въ отношеніи Семеновой къ прежде бывшей ея соперницѣ Валберховой. Желая въ 1822 году доставить ей какъ можно большій сборъ въ ея бенефисъ, Семенова сама вызвалась взять на себя роль Клитемнестры въ выбранной пьесѣ: «Ифигенія въ Авлидѣ»; къ этому, конечно, отчасти примѣшивалось собственное желаніе показаться на сценѣ. Два года уже публика не видала любимой актрисы на театральныхъ

подмосткахъ. И какое же дѣйствіе произвело одно появленіе ея имени на афишѣ! Уже за нѣсколько дней въ кассѣ нельзя было достать ни одного билета! Весь театръ былъ полонъ, сборъ небывалый — двѣнадцать тысячъ ассигнаціями! А какой пріемъ сдѣлала ей публика, увидавъ снова на театральныхъ подмосткахъ свою любимицу! Какія оваціи, какія рукоплесканія! какая шумная радость! Восторгъ, шумъ, аплодисменты... что-то небывалое, чрезвычайное. Вызовамъ не было конца. И Семенова—радостная, счастливая,—такъ какъ пріемъ превзошелъ всѣ ея ожиданія,—согласилась снова вступить на театральную службу, тѣмъ болѣе, что кн. Тюфякина, съ которымъ у нея произошли несогласія, уже больше не было и на его мѣстѣ былъ Майковъ.

Но и по вступленіи на службу Семенова продолжала получать четырехтысячный пенсіонъ; онъ выдавался ей теперь вмѣсто жалованья, а за каждое представленіе платилось особо 300 рублей поспектакльныхъ.

И вотъ Семенова снова на театральныхъ подмосткахъ, опять играетъ въ любимыхъ трагедіяхъ — «Ифигеніи», «Медеѣ», «Поликсенѣ»... Въ этотъ же годъ выступаетъ она въ первый разъ и въ «Орлеанской Дѣвѣ», а 19 декабря 1823 г. въ первый разъ выходитъ въ «Федрѣ», въ которой ея игра считалась верхомъ совершенства. Она очень напоминала въ этой пьесѣ Жоржъ, но въ игрѣ Семеновой было больше истиннаго чувства, и само чувство выражалось сильнѣе и естественнѣе. Особенно ей удавалась сцена Федры съ Эноною, гдѣ зритель съ нетерпѣніемъ ожидаетъ признанія Федры, когда она говоритъ Эноѣ: «Ты назвала его!» Это полустишіе Семенова произносила робкимъ и недовѣрчивымъ голосомъ. Роль Федры была вѣнцомъ ея славы. Переводчикъ трагедіи, Лобановъ, въ предисловіи признается, что онъ, узнавъ, что Семенова сошла со сцены, пріостановился съ переводомъ и снова продолжалъ, переводить, когда она опять вступила въ театральную труппу.

Были, разумѣется, и недовольные ея возвращеніемъ. Въ числѣ недовольныхъ была и Колосова, которую,—какъ мы видѣли,—въ это время сильно преслѣдовала и притѣсняла Семенова, а также и кн. Шаховской, который,—по замѣчанію современниковъ,—боялся Екатерины Семеновны, не любилъ ея и непрочь былъ при всякомъ удобномъ случаѣ сдѣлать ей что-нибудь непріятное. У Шаховского была масса мелкихъ клевретовъ среди труппы, которые, въ угоду ему, готовы были клеветать на Семенову и хотя бы изподтишка подставить ей ножку.

Но что могли сдѣлать ей клеветы? Онѣ падали въ своемъ безсиліи, когда настоящій, истинный талантъ являлся ихъ очевиднымъ неоспоримымъ опроверженіемъ.

VII.

Такъ интриговалъ противъ Семеновой кн. Шаховской, но Семенова была слишкомъ сильна и талантомъ, и покровительствомъ. Теперь возлѣ бывшей крестьянки неизмѣнно и неотлучно стоялъ кн. Гагаринъ. Онъ охранялъ ее своею силою, могуществомъ, богатствомъ. И козни враговъ ей были не страшны. Семенова, вступивъ во второй разъ на театральныя подмостки, казалось, чувствовала себя теперь еще сильнѣе. Князь Шаховской, въ видахъ умаленія гордости и самолюбія Семеновой, 5-го ноября 1825 года издалъ правила, по которымъ никто изъ актеровъ и актрисъ не долженъ наканунѣ представленія выставлять своего имени «на афишѣ строкъ». Но только что такое правило было издано и подписано самимъ государемъ, какъ Александра Михайловна Колосова была снова принята на сцену и дебютировала. Ея имя, какъ дебютантки, нельзя было не выставить отдѣльно. Семенова, увидавъ на афишѣ выдѣленнымъ имя Колосовой, потребовала, чтобы и ея имя было выставлено подъ строкою наканунѣ представленія «Медеи.» А чего захотѣла Семенова, то должно было быть сдѣлано, и правило было нарушено для властной актрисы.

Все театральное начальство относилось къ ней съ особымъ уваженіемъ, особой предупредительностью; къ ней, нигдѣ, кромѣ театральнаго училища не учившейся, обращалось за совѣтами театральное начальство, театральный комитетъ.

Н. А. Катенинъ написалъ трагедію «Андромаха». Пріятели настаивали, чтобы онъ ставилъ ее на театральную сцену,—особенно хлопоталъ объ этомъ Грибоѣдовъ,—онъ приставалъ къ Катенину (1825 г. 14 февраля), чтобы тотъ не откладывалъ и не мѣшкалъ съ постановкой «Андромахи», тѣмъ болѣе—писалъ Грибоѣдовъ, что «Семенова душею этого желаетъ,—соединеніе такихъ двухъ талантовъ, какъ она и Каратыгинъ, не всегда случается». И въ началѣ 1826 года авторъ началъ хлопотать о постановкѣ пьесы. На «Андромаху» возлагали много надеждъ, ее хотѣли поставить возможно лучше. И ради послѣдней цѣли театральный комитетъ обратился къ первой актрисѣ Семеновой съ просьбой высказать свое мнѣніе «объ улучшеніи драматическихъ представленій вообще и касательно трагедіи «Андромаха» въ частности».

Семенова очень обстоятельно отвѣчала, что считаетъ самымъ необходимымъ средствомъ «для улучшенія драматическихъ представленій» внесеніе въ постановку каждой пьесы единства, для чего необходимъ особый человѣкъ, который бы былъ озабоченъ всѣми мелочами постановки, который бы сообщилъ всему ходу пьесы одно

общее единство. «Заботы такого человѣка — писала она—объ общемъ успѣхѣ всей трагедіи, начиная отъ положенія сцены, даже до мельчайшихъ подробностей, съ представленіемъ сопряженныхъ, дали бы каждому изъ главныхъ лицъ и время, ему нужное, и то спокойствіе, которымъ каждый актеръ долженъ быть обезпеченъ, дабы, занимаясь только собственнымъ дѣломъ, могъ онъ остаться увѣреннымъ, что успѣхъ его игры будетъ поддержанъ и успѣхомъ всей пьесы».

Далѣе Семенова съ большимъ достоинствомъ отказывалась отъ предлагаемой роли въ «Андромахѣ», такъ какъ не было достойнаго актера на роль Астіанакса, въ сценѣ съ которымъ ей предстояло тронуть сердца зрителей.

Къ ея совѣту комитетъ отнесся очень внимательно: онъ назначилъ особыхъ инспекторовъ во всѣ театральныя труппы. Въ драматическую труппу такимъ инспекторомъ, который долженъ былъ заботиться о постановкѣ каждой новой пьесы и сообщать ея исполненію единство, — былъ назначенъ Р. Зотовъ.

Въ этотъ же годъ — 1826-ой — Семенова, по неизвѣстной намъ причинѣ, совсѣмъ покинула театръ съ сохраненіемъ пенсіона въ четыре тысячи рублей. Въ послѣдній разъ она выходила на сцену въ трагедіи Крюковского «Пожарскій».

Ушла Семенова со сцены — и разомъ упала классическая трагедія; хотя произведенія Озерова изрѣдка и продолжали даваться, но въ нихъ недоставало уже души — недоставало Яковлева, который умеръ еще въ 1817 году, и незамѣнимой Семеновой.

«Послѣ «Дмитрія Донского», послѣ «Пожарскаго» (произведенія незрѣлаго таланта),— писалъ Пушкинъ въ статьѣ о драмѣ — "мы все не имѣемъ трагедіи. «Андромаха» Катенина (можетъ быть, лучшее произведеніе новой драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому) не разбудила, однако-жъ, нашу сцену, *опустѣлую послѣ Семеновой*».

Въ слѣдующій же годъ по выходѣ со сцены — въ 1827—Семенова вмѣстѣ съ княземъ И. А. Гагаринымъ переѣхала въ Москву.

Въ Москвѣ у князя были богатые родственники. Между прочимъ, тамъ жилъ его бездѣтный дядя, восьмидесятилѣтній старикъ, князь Гагаринъ, который былъ необычайно богатъ. Онъ очень любилъ племянника, а также и Екатерину Семеновну. Несмотря на свой княжескій титулъ, на свою древнюю родословную, старый князь Гагаринъ не только былъ непрочь, чтобы племянникъ женился на актрисѣ Семеновой, но не разъ пробовалъ настаивать на этомъ бракѣ. Онъ не понималъ, почему они, у которыхъ есть дѣти и которые открыто живутъ, какъ мужъ и жена, не хотятъ стать мужемъ и женой не только передъ людьми, но и передъ Богомъ и передъ самою церковью. Такимъ незаконнымъ сожительствомъ племянника оскорблялось его религіозное чувство. И старый князь не разъ приставалъ къ племяннику, чтобы онъ вступилъ съ Екатериной Семеновной въ законный бракъ. Племянникъ еще менѣе дяди былъ зараженъ сословными предразсудками: онъ не разъ предлагалъ Екатеринѣ Семеновнѣ, съ которой жилъ уже болѣе десяти лѣтъ и отъ которой имѣлъ четверыхъ дѣтей: одного сына и трехъ дочерей, — сочетаться законнымъ бракомъ. Но гордая, всегда и во всемъ самостоятельная, первая трагическая актриса рѣшительно и настойчиво отклоняла предложеніе князя. Семенова выше всего любила свое искусство и театръ, любила съ раннихъ дней своего дѣтства. Находясь въ положеніи первой трагической актрисы на Императорскомъ театрѣ, актрисы, которая пользуется славой, любовью, уваженіемъ не только публики и высшаго общества, но и театральнаго начальства, которое обращалось къ ней за совѣтами, — чего же ей надо было больше? чего ей недоставало? и что къ такому полному ея торжеству въ любимомъ дѣлѣ, въ любимомъ искусствѣ, могъ прибавить княжескій титулъ? Ничего. Она видѣла въ немъ скорѣе помѣху для театральныхъ подмостокъ. Какъ скоро она станетъ женою князя И. А. Гагарина, сейчасъ, вмѣстѣ съ сіятельнымъ титуломъ, ей придется взять на себя рядъ неизбѣжныхъ свѣтскихъ обязанностей по отношенію къ роднымъ и знакомымъ князя. Эти обязанности неминуемо должны поглотить массу времени въ ущербъ ея любимымъ занятіямъ,—а еще: почемъ знать, какъ посмотрятъ тогда аристократическіе родственники князя, да и самъ князь на ея артистическое поприще? Не будетъ-ли князь шокированъ ея положеніемъ актрисы, когда она станетъ официально называться его женой и носить княжескій титулъ?.. Всѣ такого рода соображенія, боязнь быть принужденной сойти со сцены, заставляли Семенову отказываться отъ чести быть княгиней Гагариной. И Екатерина Семеновна до тѣхъ поръ не переставала быть только сожительницей, гражданской женой князя Гагарина, пока держалась за славу артистки и стояла на театральныхъ подмосткахъ.

Покинувъ въ 1826 году сцену и переѣхавъ въ 1827 году въ Москву, она поддалась настояніямъ стараго князя Гагарина, который былъ уже очень слабъ и чуть не на смертномъ одрѣ продолжалъ уговаривать ее и племянника жениться. Схоронивъ добрѣйшаго старика, который оставилъ племяннику большое состояніе— 300 тысячъ денегъ и тысячу душъ крестьянъ,— Екатерина Семеновна дала, наконецъ, согласіе повѣнчаться. И въ слѣдующій годъ (1828), въ маѣ мѣсяцѣ, избѣгая всѣхъ торжествъ и

всякой пышности, которая послѣ ихъ давняго сожительства казалась теперь неумѣстной, раннимъ утромъ повѣнчалась она съ княземъ И. А. Гагаринымъ на Дѣвичьемъ Полѣ, въ церкви, что въ Лужникахъ. При обрядѣ вѣнчанія никого не было, кромѣ свидѣтелей и близкихъ родныхъ. Обрядъ, конечно, ничего не могъ прибавить ко взаимному счастью супруговъ и ничего не мѣнялъ въ ихъ прежней жизни, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Но и прикрывшись княжескимъ титуломъ, Семенова не отрекалась, не сторонилась отъ театральныхъ подмостокъ. Любовь къ театру и театральному искусству не покидала ея вплоть до конца дней. Она и прежде имѣла у себя домашній театръ, теперь же, ставъ княгиней, не совѣстилась играть не только на домашнихъ, но и на публичныхъ частныхъ спектакляхъ, устраиваемыхъ съ благотворительною цѣлью. Разъ даже играла въ Благородномъ Собраніи вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ, который былъ въ Москвѣ однимъ изъ частыхъ посѣтителей ея дома. Съ Аксаковымъ она играла въ трагедіи «Медея» и въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе».

Въ Москвѣ ея любовь къ театру сильно поддерживали и тѣ новые знакомые, которыхъ пріобрѣла Семенова, переселившись изъ одной столицы въ другую. Въ числѣ ярыхъ поклонниковъ своего таланта она встрѣтила здѣсь, между прочимъ, профессоровъ Надеждина и Погодина. Послѣдній не разъ приходилъ къ Екатеринѣ Семеновнѣ, какъ къ лучшему знатоку и судьѣ, читать свои драматическія произведенія: «Мароу Посадницу» и «Царевну Софію». Здѣсь же какъ-то разъ былъ у нея и самъ А. С. Пушкинъ, въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» котораго, въ роли Заремы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, обращаясь къ Маріи, Зарема говоритъ: «Я гибну. Выслушай меня!..» Семенова была восхитительно хороша. Пушкинъ принесъ ей въ подарокъ экземпляръ «Бориса Годунова» съ собственноручной характерной надписью: «Княгинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Гагариной отъ Пушкина, Семеновой—отъ сочинителя». Въ этой надписи Пушкинъ отмѣтилъ въ Семеновой, кромѣ титула, ея непосредственный, Богомъ данный талантъ, который одинъ, безъ всякихъ покровительствъ и протекцій, сдѣлалъ ея имя извѣстнымъ по всей Россіи.

Недолго пришлось прожить Екатеринѣ Семеновнѣ съ княземъ И. А. Гагаринымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ея законнымъ мужемъ. Въ 1832 году 12-го октября она осталась вдовой, схоронивъ останки князя въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

Теперь княгиня Екатерина Семеновна Гагарина осталась безконтрольной владѣтельницей княжескихъ богатствъ: послѣ мужа ей досталось полуторамилліонное состояніе, которое, говорятъ, въ 1834 году она оставила по духовному завѣщанію своимъ дѣтямъ *).

Къ этому времени старшая дочь Екатерины Семеновны, любимица Надежда, вполнѣ выросла и уже выглядѣла невѣстой **). Черезъ годъ послѣ смерти мужа, въ 1833 году, Екатерина Семеновна выдала ее за коллежскаго совѣтника Матвѣя Михайловича Карніолина-Пинскаго, который служилъ въ департаментѣ министерства юстиціи. Свадьба была пышная, вполнѣ княжеская, соотвѣтствующая данному за невѣстой приданому—сто двадцать тысячъ рублей серебромъ!

Но бракъ вскорѣ оказался очень неудачнымъ: мужъ съ женой не ладили, у нихъ не было дѣтей и на слѣдующій же годъ послѣ замужества Надежда Ивановна уѣхала отъ мужа изъ Петербурга въ Москву. Въ 1837 г. она его совсѣмъ покинула и поселилась въ Москвѣ. Слухи ходили объ ея связи съ богатымъ московскимъ купцомъ Ф. Дошли они, конечно, и до Карніолина-Пинскаго. Въ 1845 году онъ получилъ мѣсто директора департамента министерства юстиціи и возбудилъ противъ жены уголовное дѣло, поручивъ вести разводъ нѣкоему Калайдовичу. Адвокатъ гонялся за Пинской изъ города въ городъ, желая подвергнуть ее освидѣтельствованію, такъ какъ извѣстно было, что она находилась въ положеніи беременности. Много вынесла горя и оскорбленій Пинская за это время,—мужъ былъ немилосердень въ своихъ преслѣдованіяхъ.

Много выстрадала за дочь и Екатерина Семеновна. Она волновалась, безпокоилась и, не смотря на свои 59 лѣтъ, съ обычной энергіей и настойчивостью принялась хлопотать за свою любимицу. Ради этого она не разъ ѣздила въ Петербургъ. Но даже и въ эти поѣздки, несмотря на все душевное разстройство и огорченіе, несмотря на горе свое и дочери, она по прежнему увлекалась театромъ, не разъ играла, будучи уже шестидесятилѣтней старухой, на домашнемъ театрѣ богача Алексѣя Карловича Галлера. Понятно, что въ шестидесятилѣтней княгинѣ Гагариной трудно было признать прежнюю красавицу, знаменитую Семенову, увлекавшую нѣкогда весь театръ. Молодежь, — еще незнакомая въ жизни съ силою времени, съ его разрушительною способностью,— вѣрить не хотѣла, что шестидесятилѣтняя старуха Гагарина и есть нѣкогда знаменитая актриса Семенова.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ Петер-

*) Такъ свидѣтельствуетъ г. Стародубскій въ статьѣ: „Артистки Семеновы“, какъ кажется, видѣвшій духовное завѣщаніе. А. П. Каратыгинъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что послѣ Семеновой ничего не осталось и неизвѣстно, куда дѣвались всѣ ея богатства.

**) До замужества она носила фамилію Стародубской.

бургъ Семенова расхворалась—одни говорятъ, у нея сдѣлался тифъ *), по словамъ другихъ,—ее разбилъ параличъ **), и она тутъ же, въ Петербургѣ, умерла на рукахъ своей любимицы—Надежды Ивановны Карніолиной-Пинской, не доживъ до окончанія начатаго противъ дочери дѣла. Дѣло кончилось, спустя четыре года,—въ 1853 году—и кончилось не въ пользу Надежды Ивановны: «Пинская обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности, предана церковному покаянію съ заключеніемъ въ монастырь». Супруги были разведены, а въ январѣ мѣсяцѣ 1857 г. послѣдовало особое Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Пинской отъ заключенія въ монастырѣ. И она, лишенная имени и всего состоянія, стала перебѣжать изъ губерніи въ губернію и, наконецъ, совсѣмъ пропала безъ вѣсти.

Екатерина Семеновна умерла 1-го марта 1849 года. Но вокругъ гроба бывшей знаменитой артистки, доставлявшей нѣкогда необычайное наслажденіе, не стояла толпа, не шла вереница ея бывшихъ поклонниковъ за ея останками къ Митрофаньевскому кладбищу: кортежъ провожатыхъ былъ невеликъ. Тутъ была только небольшая кучка ея бывшихъ сослуживцевъ и товарищей по искусству: П. А. и В. А. Каратыгины, жена послѣдняго, артистка А. М. Колосова, которую когда-то сильно преслѣдовала Семенова и которая теперь не помнила зла,—да актеръ Брянскій, не разъ игравшій съ покойницей главныя роли послѣ смерти Яковлева. Вотъ и всѣ, кто помнилъ знаменитую актрису и ея самородный талантъ. Ужь черезчуръ коротка у насъ память!—неудивительно послѣ этого, что такъ скоро забыли и нашу русскую Рашель,—какъ называли часто Екатерину Семеновну Семенову.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ довелось быть въ Петербургѣ. Я вспомнила о Семеновой и отправилась на Митрофаньевское кладбище поискать ея могилу. Я была увѣрена, что кладбищенскіе сторожа непремѣнно помнятъ и знаютъ, если не актрису Семенову, то могилу княгини Гагариной. Къ тому же со времени ея смерти прошло всего сорокъ два года,—еще нѣтъ пятидесяти лѣтъ! Но оказалось, и сорокалѣтній промежутокъ вполнѣ достаточенъ, чтобы обрости забвеніемъ и потерять дорожку къ могилѣ, хотя бы и княжеской. Ни одинъ изъ сторожей не могъ мнѣ указать, гдѣ была похоронена княгиня Гагарина.... Долго я бродила напрасно между могильными плитами и, можетъ быть, уставъ отъ безполезныхъ поисковъ, ушла бы ни съ чѣмъ съ кладбища, если бы не двѣ любезныя дамы. Одна изъ нихъ молоденькая, обитательница церковнаго домика, выслушавъ терпѣливо, что мнѣ надо, съ необычайной серьезностью сказала: «Вы ищете княгиню? Сыскать не трудно,—такихъ мы больше возлѣ церкви хоронимъ. Ищите у церкви!» Поблагодаривъ за указаніе, я отправилась на поиски; дорогою опять разспрашивала сторожей, но напрасно... Пространство, окружающее со всѣхъ сторонъ церковь, оказалось большое и все усѣянное памятниками разныхъ формъ и величинъ... ну, когда бы мнѣ добраться до желаннаго памятника? «Вамъ княгиню Гагарину, бывшую Семенову?» любезно обратилась ко мнѣ какая-то дама, случайная, какъ и я, посѣтительница кладбища. «Идите сюда!» И въ двухъ шагахъ отъ церкви она указала мнѣ на небольшой памятникъ изъ темно-сѣраго мрамора, самой ординарной формы, обнесенный заржавленной чугунной рѣшеткой, замкнутой небольшимъ, старымъ висячимъ замкомъ. Надпись на памятникѣ не оставляла никакого сомнѣнія въ дѣйствительности—находки, и она гласила:

Дѣйствительной
тайной совѣтницѣ
княгинѣ
Катеринѣ
Семеновнѣ
Гагариной
Урожденной
Семеновой
скончалась 1849-го
марта, 1-го дня.

Никакихъ украшеній, ни обычныхъ четверостишій. Памятникъ стоитъ крѣпко, рѣшетка не пошатнулась, хотя за могилой и нѣтъ ухода, хотя заржавленный замокъ и густая, высокая трава, окружающая камень, явно говорятъ, что не бываютъ здѣсь частые посѣтители, что давно никто не отмыкалъ замка и не входилъ за рѣшетку поклониться могилѣ. Но памятникъ стоитъ крѣпко, благодаря тому, что Семенова была не только актриса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и княгиня Гагарина: «такихъ мы больше возлѣ церкви хоронимъ!» А о памятникахъ возлѣ церкви само кладбище имѣетъ уже нѣкоторый призоръ, и прохожій тутъ менѣе своеволенъ. Такъ вотъ, благодаря чему сохранилась могила Семеновой, что уберегло ее отъ исчезновенія, которому подверглась могила Яковлева, ея славнаго современника!

Е. Некрасова.

*) Записки П. А. Каратыгина.
**) „Артистки Семеновы“ г. Стародубскаго.

Послѣдній день.

Разсказъ.

I.

Углинъ спалъ и видѣлъ себя во снѣ мальчикомъ. Ему снилась комната, залитая утренними лучами солнца, мягкая постель съ кисейными занавѣсками, на которой онъ нѣжится въ полудремотѣ. «Вставай!» слышитъ онъ ласковый голосъ и выглядываетъ изъ-за занавѣсокъ. Лучъ солнца ударяетъ ему въ глаза, и онъ зажмуривается. Передъ нимъ мелькаетъ доброе, румяное отъ кухоннаго жара, лицо матери. На ней бѣлый фартукъ; рукава засучены по локоть: она только что стряпала и забѣжала на минутку посмотрѣть на своего баловня. «Вставай, вставай,—говоритъ она, улыбаясь, и проводитъ теплой рукой по его стриженымъ волосамъ: чего жмуришься? Слышишь, къ поздней обѣднѣ благовѣстятъ?»

До слуха Углина доносится густой, торжественный звонъ; съ радостью вспоминаетъ онъ, что сегодня—праздникъ и въ гимназію идти ненадо.

— А пирогъ нынче будетъ?—спрашиваетъ онъ, падая въ постель.

— Будетъ, будетъ...

— Съ чѣмъ?—спрашиваетъ онъ уже въ полуснѣ.

— Съ яйцами... Да ну, вставай же: невѣсту проспишь!

Но ему не хочется разставаться съ теплой постелью. Онъ натягиваетъ одѣяло до самаго подбородка и сладко дремлетъ. Ему такъ пріятно чувствовать близость матери, слышать впросонкахъ ея ровный, ласковый голосъ...

— Эй ты, чахоточный, вставай: и безъ тебя тѣсно!

Это ужь не голосъ матери... Углинъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, открываетъ глаза и не можетъ опомниться: онъ лежитъ на лавкѣ въ сыромъ, грязномъ углу; мрачно смотрятъ на него подслѣповатыя окна комнаты, прихотливо разрисованныя морозомъ; возлѣ изголовья—кадка съ водой, на столѣ—невымытые кочны капусты, на полу—соръ и очистки; изъ затопленной печки выбивается дымъ... Афросинья, у которой Углинъ снимаетъ уголъ, коренастая баба лѣтъ пятидесяти, возится съ ухватомъ передъ печкой. На ней такъ много наверчено всякаго тряпья, что она кажется толстой, между тѣмъ какъ лицо у нея тощее и руки худыя, жилистыя... Тутъ же, около печки, стоитъ какая-то темная личность, небритая, съ краснымъ носомъ, въ кацавейкѣ, испещренной огромными заплатами,—стоитъ и ждетъ, когда закипитъ вода въ жестяномъ чайникѣ...

Углинъ смотритъ на все это съ недоумѣніемъ: ему кажется, что онъ заснулъ въ своей дѣтской комнаткѣ и вдругъ увидалъ скверный сонъ. Надо поскорѣй проснуться и разсказать матери, что ему приснилось... Онъ закрываетъ глаза и начинаетъ забываться сномъ. Но дѣйствительность, въ лицѣ Афросиньи, уже вооружилась ухватомъ, чтобы настойчиво заявить свои права. Получивъ толчекъ въ бокъ, Углинъ вскочилъ, сѣлъ на скамейкѣ и, протирая глаза, сталъ слѣдить за всѣми движеніями хозяйки. Афросинья, стряпая, страшно шумѣла, точно она объявила смертный бой своимъ горшкамъ и ухватамъ: жалобно звенѣли кострюли, оглушительно гремѣла кочерга, съ размаху брошенная въ уголъ, скрипѣли и роптали половицы подъ мужицкими сапогами Афросиньи. Въ печкѣ происходила пальба и трескотня, а Афросинья бушевала вокругъ нея, какъ бы желая разнести въ пухъ и прахъ всю комнату. Глядя на ея жилистыя руки, Углинъ ощущалъ безотчетный страхъ и чувствовалъ, что онъ весь теперь во власти этой неумолимой женщины. Ему хотѣлось спрятаться, скрыться отъ мрачной дѣйствительности, отъ этого шума, отъ мороза, который глядитъ въ окно и точно ждетъ его съ какой-то угрозой. Какъ былъ бы онъ счастливъ, если бы можно было опять улечься на лавкѣ, закрыться чѣмъ-нибудь съ головой, ничего не

видѣть, не слышать, не чувствовать... Но это было невозможно. Афросинья не дремала: выругавъ водовоза за то, что напустилъ холоду, и давъ затрещину кошкѣ, которая подобралась къ сковородѣ, Афросинья бросила быстрый взглядъ на Углина:

— Чего уставился на меня? Бери шапку да съ Богомъ по морозцу. И не смѣй больше носа сюда показывать!

— Но вы обѣщались, Афросинья Ивановна, пускать меня до слѣдующей недѣли... Что-жь, вѣдь я только 30 копѣекъ вамъ долженъ.

— Нѣтъ, братъ, намъ такихъ не надо, о которыхъ справляться приходятъ!...

Углинъ понялъ, что это справлялась о немъ благотворительная дама, у которой онъ недавно былъ. Онъ началъ, было, объяснять это хозяйкѣ, но та оборвала его:

— Ну тебя! Ты и соврешь, недорого возьмешь. Еще въ бѣду съ тобой влопаешься... Коли бы ты былъ путный, не стали бы о тебѣ справки наводить. Иди, иди!.. А за долгъ я у тебя подушку возьму.

— Да помилуйте, Афросинья Ивановна...

— Пошелъ, пошелъ, не проѣдайся! крикнула хозяйка такимъ зычнымъ голосомъ, что Углинъ сразу увидалъ всю безполезность просьбъ, тѣмъ болѣе, что и темная личность, въ угоду хозяйкѣ, начала издавать какіе-то зловѣщіе звуки. Молча надѣлъ Углинъ шапку... При взглядѣ на промерзшія окна, его заранѣе пробрала дрожь.

— Прощайте... сказалъ онъ, и его молодое лицо болѣзненно передернулось.

— Съ Богомъ! отвѣтила Афросинья, выгребая кочергой уголья изъ печки.

Углинъ вышелъ.

II.

Онъ очутился въ одномъ изъ грязныхъ, но бойкихъ переулковъ Москвы. Было морозно; порывами дулъ сѣверный вѣтеръ. Углинъ остановился въ раздумьи: куда идти? До сихъ поръ у него былъ свой уголъ, куда онъ могъ спрятаться отъ холода и уличной толкотни. Теперь Углинъ вполнѣ принадлежалъ улицѣ. «Гдѣ я буду сегодня ночевать?» мелькнулъ у него вопросъ: который, впрочемъ, мало обезпокоилъ его — до ночи еще далеко,—обстоятельства могутъ перемѣниться.

Стоять на одномъ мѣстѣ было холодно: Углинъ повернулся спиной къ вѣтру и пошелъ. Солнце такъ ярко сіяло, такъ весело хрустѣлъ снѣгъ подъ ногами, такъ бойко поскрипывали сани мимо Углина, что и самъ онъ понемногу пріободрился. Видѣнный имъ сонъ оставилъ въ душѣ его, хотя смутное, но радостное впечатлѣніе и казался ему хорошимъ предзнаменованіемъ. Въ немъ явилась увѣренность, что въ этотъ день онъ долженъ кого-то встрѣтить и что съ этой встрѣчи пойдетъ для него совершенно новая жизнь. «Можетъ быть, даже къ лучшему, что она меня выгнала,—думалъ онъ про Афросинью: по крайней мѣрѣ, я теперь приму рѣшительныя мѣры и во что бы то ни стало постараюсь устроиться». Онъ прошелъ мимо церкви и перекрестился, чего обыкновенно не дѣлалъ: это вышло какъ-то само собой... «Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ погибнуть въ столицѣ, гдѣ столько народу,—продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собой: вѣдь не преступникъ же я, не каторжный... Найдется какой-нибудь добрый человѣкъ: поможетъ... Вѣдь здѣсь не пустыня. Это въ степи гдѣ-нибудь можно заблудиться и замерзнуть, а здѣсь кругомъ столько домовъ, столько мѣстъ, гдѣ можно погрѣться и отдохнуть. Я могу работать: не одно, такъ другое, — не головой, такъ руками. Надо только дѣйствовать какъ можно рѣшительнѣе и не терять времени. Просто, обратиться къ кому-нибудь, объяснить свое положеніе и попросить помощи. И, навѣрно, что-нибудь да выйдетъ».

Онъ заглянулъ въ окно часового магазина и увидалъ, что уже десятый часъ. Въ 11 ему надо было явиться къ Хрущевой, той самой благотворительницѣ, которая справлялась о немъ. На Хрущеву онъ возлагалъ мало надеждъ, и потому рѣшился употребить остающееся время съ пользой для себя. Проходя улицу за улицей, онъ приглядывался къ лицамъ пѣшеходовъ, но долго не рѣшался остановить кого-нибудь. Его страшила мысль, какъ бы не увидали въ немъ обыкновеннаго нищаго: положимъ, *они* скоро увидятъ свою ошибку, но ужь одинъ этотъ первый моментъ чего стоитъ!... Онъ все придумывалъ, съ какой бы фразой обратиться, чтобы сразу показать, кто онъ такой... Послѣ долгихъ колебаній, онъ наметилъ, наконецъ, господина среднихъ лѣтъ и средней полноты, въ щегольскомъ пальто; у него былъ такой веселый, бодрый видъ, что Углинъ сразу почувствовалъ къ нему довѣріе.

— Милостивый государь, извините... Выслушайте меня, пожалуйста... робко произнесъ Углинъ, заходя сбоку.

Господинъ круто повернулъ къ Углину и посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Я нахожусь въ крайней нуждѣ,—продолжалъ Углинъ, торопясь и точно летя въ какую-то бездну: занятій никакихъ нѣтъ... Дошелъ до крайности... Мнѣ бы какую-нибудь работу... Не поможете ли вы?

— Да вы какъ же попали въ такое положеніе? Развѣ у васъ нѣтъ тутъ ни родныхъ, ни знакомыхъ?

— Никого нѣтъ. Я вѣдь изъ Курска: родился и жилъ тамъ... Потомъ за границей... У меня была мать и собственный домъ... т.-е. домъ принадлежалъ матери. Это въ Курскѣ...

А потомъ онъ сгорѣлъ... И деньги сгорѣли; а мы до тѣхъ поръ жили довольно хорошо... Домъ былъ не застрахованъ, а денегъ не успѣли вытащить: ночью пожаръ-то случился; на ночь мать зажигала лампочку—она не могла спать въ темнотѣ:—а лампа сорвалась со стѣны, разбилась... Насилу выбѣжали. А я ужь перешелъ въ 6-й классъ: въ гимназіи учился. Принужденъ былъ выйдти...

— Это все такъ,—но какимъ образомъ вы въ Москвѣ очутились?

— Меня одинъ тамошній помѣщикъ взялъ съ собой. Сначала мы были въ Петербургѣ, а потомъ онъ поѣхалъ за границу и меня захватилъ съ собой: я у него былъ вродѣ секретаря... Мы объѣхали всю Европу, долго жили въ Италіи. Потомъ онъ задумалъ ѣхать въ Америку, а меня не взялъ: «А то, говоритъ, ты оторвешься отъ почвы»... Вздѣлъ ѣхать навѣстить мать: она пристроилась въ Курскѣ, въ одномъ магазинѣ. Далъ денегъ и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Я пріѣхалъ въ Курскъ, а мать ужь полгода какъ умерла. Поставилъ у нея на могилѣ крестъ, вернулся въ Москву, здѣсь ходилъ, хлопоталъ,—все надѣялся, потому что обѣщали... И вотъ, до чего дошелъ! Теперь ужь и обѣщать перестали... Только однажды имѣлъ я небольшой заработокъ, и то недолго: занимался съ однимъ мальчикомъ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Онъ сдалъ экзаменъ, а я опять остался безъ мѣста. Все перезаложилъ... Вонъ, въ чемъ хожу теперь!— Не найдется-ли у васъ какой-нибудь работы: можетъ быть, переписка какая-нибудь...

Господинъ выслушалъ Углина очень сочувственно и задумался.

— Трудно, знаете, отыскать что-нибудь,— сказалъ онъ, почесывая переносицу: развѣ вотъ что?... Попробуйте-ка вы сходить къ Севрюгину. Тутъ есть этакій коммерціи совѣтникъ... Онъ, кажется, ищетъ себѣ человѣка «по письменной и счетоводной части». Севрюгинъ—человѣкъ со странностями, но зато я знаю примѣры, что онъ бралъ къ себѣ молодыхъ людей безъ всякой рекомендаціи. Впрочемъ, вы можете сказать, что васъ послалъ докторъ Васильевъ; онъ меня хорошо знаетъ. Вотъ я вамъ его адресъ дамъ.

Докторъ вырвалъ изъ записной книжки листокъ, написалъ на немъ адресъ и подалъ Углину.

— Пожалуй, и карточку свою дамъ.

Докторъ снова полѣзъ въ карманъ, но вдругъ его остановила какая-то мысль.

— Впрочемъ, и безъ карточки можно,— произнесъ онъ нѣсколько смущенно: сегодня же сходите къ нему въ складъ; отъ 4-хъ до 5-ти онъ всегда тамъ. Прощайте! Желаю вамъ успѣха.

Докторъ повернулся и пошелъ, но вдругъ остановился.

— Послушайте-ка,— нерѣшительно сказалъ онъ: пока тамъ что выйдетъ, а на необходимое я вамъ могу дать немножко.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вспыхнулъ Углинъ: очень вамъ благодаренъ!... Я ужь какъ-нибудь перебьюсь: авось, выйдетъ какая-нибудь работа.

— Ну, какъ хотите. А то бы на всякій случай...

Если бы взглянуть на Углина въ то время, когда онъ, разставшись съ докторомъ, летѣлъ по направленію къ дому Хрущевой, можно было бы подумать, что это—счастливѣйшій изъ людей: такъ оживила и обрадовала его надежда на успѣхъ.

«Можетъ быть, въ этомъ клочкѣ бумаги вся моя судьба! думалъ онъ, ощупывая въ карманѣ адресъ Севрюгина: право, недаромъ приснился мнѣ нынче такой хорошій сонъ!... Какой чудесный человѣкъ этотъ докторъ: сразу видно добрую душу!—Однако, почему онъ не далъ мнѣ своей карточки? Вѣроятно, у него на карточкѣ адресъ, и онъ, можетъ быть, опасался, что я приду къ нему, скомпрометирую его?... Нѣтъ, нѣтъ, это не такой человѣкъ!... Ну, а если бы даже и такъ, то все это очень естественно съ его стороны: вѣдь онъ же меня не знаетъ... По всему видно, что онъ принялъ во мнѣ участіе... Нѣтъ, я не пропаду: чувствую, что не пропаду»!...

И Углину казалось, что за добрымъ докторомъ стоитъ еще цѣлая толпа добрыхъ, участливыхъ людей, готовыхъ помочь ему; и онъ довѣрчиво посматривалъ на встрѣчныхъ, чувствуя какую-то родственную связь съ ними, которая не дастъ ему оторваться отъ жизни и полетѣть въ бездну.

III.

Черезъ полчаса онъ подходилъ къ парадному подъѣзду большого каменнаго дома съ колоннами. Тяжелая парадная дверь такъ грозно взглянула на него, что у него невольно сжалось сердце. Пріободривъ себя, Углинъ вошелъ въ просторную, сумрачную переднюю. Около затопленнаго камина стояли три лакея, пересмѣиваясь о чемъ-то между собой.

— Ну, куда тебѣ, рыжему чорту, жениться?—долетѣло до слуха Углина.

Старшій изъ лакеевъ, съ огромными, тщательно расчесанными бакенбардами, остановился противъ Углина и нѣсколько секундъ молча, въ упоръ смотрѣлъ на него. Онъ не зналъ, какъ ему говорить съ вошедшимъ: на *ты* или на *вы*? Штиблеты и пальто, очевидно, позволяли говорить *ты*, но лицо и манеры какъ будто намекали на *въ*. Кстати лакей вспомнилъ о нагоняѣ, полученномъ имъ на-дняхъ за то, что онъ принялъ какого-то профессора

за просителя на бѣдность, и рѣшился быть вѣжливымъ:

— Вамъ кого нужно?

— Мнѣ нужно видѣть госпожу Хрущеву.

— О пособіи, что-ли, къ празднику просите? вмѣшался другой лакей, названный «рыжимъ чортомъ».

— Да вы, кажется, были здѣсь на прошлой недѣлѣ?—спросилъ, подходя, третій.

— Да, я былъ... Госпожа Хрущева...

Тутъ Углинъ замялся: сказать «просила придти»—неловко, сказать «велѣла придти»—унизительно. Наконецъ, онъ нашелъ подходящее слово:

— Госпожа Хрущева сказала, чтобы я зашелъ.

— А какъ васъ по фамиліи?—спросилъ «рыжій чортъ».

— Углинъ.

— Подождите: сейчасъ доложу ея превосходительству,—важно произнесъ онъ, дѣлая ударенiе на послѣднемъ словѣ.

Затѣмъ онъ оправился передъ зеркаломъ, провелъ рукой по бритому подбородку, пригладилъ рукой волосы на головѣ и отправился, не спѣша, докладывать. Минутъ десять дожидался Углинъ въ передней, но эти десять минутъ показались ему часомъ. Онъ мучился, не зная, снять ему шапку или не снимать? стоять среди комнаты или подойти къ камину?... Ему казалось, что лакеи видятъ его насквозь и съ презрѣніемъ смотрятъ на его жалкую фигуру. То шевелилась въ немъ зависть къ этимъ сытымъ, здоровымъ людямъ, которые такъ хорошо одѣты, такъ веселы и спокойны; то вдругъ поднималось глухое раздраженіе противъ ихъ самодовольныхъ, гладко выбритыхъ лицъ и безцеремонныхъ взглядовъ, которые они бросали на него. Было мгновеніе, когда ему ничего такъ не хотѣлось, какъ стать большимъ бариномъ, только для того, чтобы посмотрѣть на почтительно вытянутыя лица этихъ нахаловъ.

— Пожалуйте въ пріемную!—сказалъ, возвратившись, лакей.

Углинъ двинулся, было, въ пальто, но «рыжій чортъ» остановилъ его:

— Раздѣньтесь!..

Углинъ раздѣлся. При взглядѣ на свой истрепанный пиджакъ и на грязные рукава рубашки, онъ почувствовалъ еще большее смущеніе. Онъ привыкъ за послѣднее время быть постоянно въ пальто, и теперь, когда онъ снялъ его, ему стало такъ неловко, какъ будто его раздѣли до нага. Ему казалось, что онъ вноситъ съ собой какую-то особую уличную атмосферу, неприличную въ благоустроенномъ домѣ.

— Оботрите ноги,—процѣдилъ сквозь зубы «рыжій».

Угликъ покраснѣлъ и съ раздраженіемъ началъ шаркать ногами о половикъ. «Не велитъ-ли онъ мнѣ еще носъ утереть?» со злостью спросилъ себя Углинъ. Ему хотѣлось выругаться, плюнуть и уйти, но, вмѣсто этого, онъ покорно послѣдовалъ за лакеемъ. Атмосфера богатаго, благоустроеннаго дома сразу охватила и покорила его себѣ: вмѣсто досады и злости, явилась робость и невольное почтеніе къ окружающему. Слѣдуя за лакеемъ по роскошной лѣстницѣ и по широкому, свѣтлому корридору, онъ чувствовалъ, что теряется и глупѣетъ; ему казалось, что онъ недостоинъ ступать ногами по коврамъ и паркету, что каждое кресло, каждая ваза на мраморномъ столбикѣ, имѣютъ больше права на существованіе, чѣмъ онъ. Онъ сознавалъ, что слишкомъ принижаетъ себя, но не могъ отдѣлаться отъ этого.

— Обождите тутъ,—сказалъ лакей, приведя Углина въ пріемную.

Углинъ сѣлъ и началъ обдумывать предстоящій разговоръ съ Хрущевой.

«Прежде всего я разскажу ей, какое впечатлѣніе произвели ея справки на Афросинью: навѣрно, она будетъ смѣяться. Но главное не въ этомъ: главное въ томъ, чтобы она выслушала и поняла меня. Я объясню ей, что мнѣ не подаянія нужно... Захочетъ-ли только она слушать мои объясненія»?...

Вокругъ этого вопроса быстро и безсвязно кружились всѣ мысли Углина. Онъ зналъ, что нужно объяснить все коротко, ясно и сильно, но это-то и было для него всего труднѣе. Если бы Хрущева удѣлила ему на объясненія цѣлый часъ, онъ все разсказалъ бы ей, и она, навѣрное, была бы тронута, а теперь, кромѣ нѣсколькихъ жалобныхъ фразъ, которыя ей, можетъ быть, давно надоѣли, не успѣешь сказать ничего. «Не надо говорить объ Афросиньѣ,—думалъ Углинъ: это только затянетъ дѣло; надо прямо начать съ главнаго...» Но съ чего именно и какъ начать, онъ не могъ рѣшить и сознавалъ, къ своему ужасу, что потерялъ способность управлять мыслями. «Можетъ быть, она сама разспроситъ обо всемъ обстоятельно? Она, навѣрное, отлично знаетъ, какъ нужно говорить съ людьми въ такомъ положеніи»,—успокоивалъ себя Углинъ, между тѣмъ какъ внутри него безпокойство все возростало. Въ глазахъ Углина вдругъ получило страшную важность все, что касалось Хрущевой: образованали она и почему занимается благотворительностью? понимаетъ-ли она людей, страдала-ли когда-нибудь сама?... Для него получили значеніе даже такіе вопросы, какъ, напримѣръ: говоритъ-ли она по-французски? была-ли за границей? есть-ли у нея дѣти и гдѣ они учатся?...

Цѣлая вереница безполезныхъ и даже смѣшныхъ вопросовъ проносилась вихремъ въ головѣ Углина. Онъ чувствовалъ, что отлетаетъ куда-то отъ дѣйствительности и, можетъ быть, совсѣмъ не такъ смотритъ на вещи, какъ нуж-

но бы. Но онъ уже потерялъ всякую нить и неспособенъ былъ спокойно обсудить свое положеніе. Пуще всего онъ боялся, что сразу произведетъ на Хрущеву отталкивающее впечатлѣніе. Въ первый разъ, когда онъ былъ тутъ, ему не удалось видѣть ее: онъ видѣлся только съ ея секретаремъ, который подробно разспросилъ его обо всемъ и записалъ адресъ; теперь же надо будетъ предстать предъ самой Хрущевой, и все будетъ зависѣть отъ того, какое впечатлѣніе онъ произведетъ на нее.

Углинъ подошелъ къ большому зеркалу, висѣвшему въ простѣнкѣ, и увидалъ въ немъ исхудалую фигуру, на которой платье висѣло, какъ на вѣшалкѣ; увидалъ блѣдное лицо съ земляннымъ оттѣнкомъ и покраснѣвшими отъ холода глазами.

Глаза эти смотрѣли грустно и тревожно: видно было, что душа давно утомлена, что забота и горе давно сжились съ ней и не даютъ ей свободно вздохнуть. Но это было не то эффектное, театральное горе, которое бросается съ перваго взгляда въ глаза: не видѣлось мрачнаго огня во взорѣ, не развѣвались всклокоченные волосы, не хмурился лобъ, изрытый трагическими морщинами,—словомъ, не было ничего такого, что заставило бы поверхностнаго наблюдателя ахнуть и покачать головой. Неумытое, покраснѣвшее отъ холоднаго вѣтра и истощенное лицо Углина скорѣе могло показаться подозрительнымъ. Взглянувъ въ зеркало, онъ самъ убѣдился въ этомъ и еще больше упалъ духомъ.

IV.

Когда доложили о приходѣ Углина, Хрущева, сидя на мягкой кушеткѣ, кончала свой утренній кофе. Она была молода и недурна собой, но ея тонкія губы, вздернутый носъ и каріе глаза, которые она то и дѣло прищуривала, производили впечатлѣніе чего-то мелочнаго и капризнаго. Хрущева недавно вышла замужъ и чувствовала себя глубоко оскорбленной тѣмъ, что ея Nicolas занимается больше съ своимъ секретаремъ, чѣмъ съ нею. Въ пику мужу, она занялась добрыми дѣлами и тоже завела себѣ секретаря. «Добрыя дѣла» льстили ея тщеславію. Съ особеннымъ удовольствіемъ говорила она гдѣ-нибудь въ гостяхъ или на балу: «Сегодня я цѣлое утро занималась у себя въ кабинетѣ», или: «У меня голова кругомъ идетъ отъ множества дѣлъ! Вы не можете себѣ представить, сколько людскихъ слезъ приходится мнѣ видѣть!»—«И осушать», добавлялъ обыкновенно при этомъ кто-нибудь изъ слушателей съ любезной улыбкой, а Анна Львовна скромно потуплялась.

Сидя теперь съ чашкой остывшаго кофе въ рукахъ, Анна Львовна задумалась о своей благой дѣятельности. Много ужъ она сдѣлала, но это многое—ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что она сдѣлаетъ въ будущемъ. Она мечтала о томъ, какъ въ одинъ прекрасный день всѣ ея родные и знакомые изумятся, не встрѣчая на улицѣ ни одного нищаго. Посыпятся вопросы: «кто это сдѣлалъ? какой добрый геній?...»—Оказывается, что все это сдѣлалось, благодаря усиліямъ извѣстной благотворительницы, Анны Львовны Хрущевой. Всѣ поражены: «Какъ! неужели это та самая Хрущева, которую мы видѣли на балу у Протасовыхъ? Такая молоденькая, хорошенькая—и способна на такія великія дѣла!..» Всѣ шлютъ ей привѣтствія и букеты; у нея множество поклонниковъ, но она никого не отличаетъ. Наконецъ, самъ Nicolas, этотъ несносный дѣловой сухарь, не въ силахъ больше владѣть собой, онъ бросается къ ея ногамъ и восклицаетъ: «Нюта! у тебя ангельское сердце! Отнынѣ клянусь посвятить тебѣ всю мою жизнь!..» Она дѣлается для него идеаломъ, божествомъ. Онъ дѣйствуетъ по ея указаніямъ и получаетъ министерскій портфель, которымъ онъ обязанъ исключительно ея уму и такту

При этой мысли, каріе глаза Хрущевой прищурились съ горделиво-ироническимъ выраженіемъ. «Они всѣ увидятъ тогда, что одна недюжинная женщина можетъ сдѣлать больше, чѣмъ сотни мужчинъ со всѣми ихъ портфелями и бумагами...» Мечты Анны Львовны принимали все болѣе и болѣе грандіозный характеръ. Наконецъ, она совершенно зафантазировалась. Воображеніе рисовало ей какую-то благотворительную машину, которую она изобрѣла и устроила при своемъ домѣ. Машина эта въ самое короткое время превращаетъ грязнаго оборванца въ человѣка вполнѣ приличнаго. Приходитъ, напримѣръ, нищій въ лохмотьяхъ; по мановенію Анны Львовны, онъ куда-то опускается, какая-то машина дѣлаетъ съ нимъ что-то, и черезъ нѣсколько минутъ нищій снова появляется передъ ней умытымъ, чистымъ и благообразнымъ. Тогда она говоритъ ему нѣсколько трогательныхъ словъ, дѣлаетъ дальнѣйшія распоряженія о его судьбѣ, и нищій уходитъ, унося въ сердцѣ вѣчную благодарность, которую онъ потомъ завѣщаетъ своимъ дѣтямъ и внукамъ...

Но тутъ Анна Львовна опомнилась.

— Боже, какая я до сихъ поръ пансіонерка!—произнесла она съ улыбкой снисхожденія къ самой себѣ:—ну развѣ можно до такой степени замечтаться?

Она поставила чашку на столъ и, вспомнивъ, что ее ожидаетъ Углинъ, вышла въ пріемную. Здѣсь лицо ея сразу приняло иное выраженіе. Анна Львовна казалась грустной и утомленной, какъ будто хотѣла сказать: «Да, я знаю, что вы—несчастный; но у меня такъ много несчастныхъ, что вы лишь капля въ

морѣ; и все-таки я принимаю въ васъ участіе».

Увидя Хрущеву, Углинъ всталъ, поклонился и тотчасъ же покраснѣлъ: ему показалось, что онъ отвѣсилъ черезчуръ низкій поклонъ. Хрущева грустно кивнула ему головой. Она не знала, о чемъ ей говорить съ этимъ жалкимъ молодымъ человѣкомъ, и брезгливо смотрѣла на грязные рукава его рубашки. По медливъ немного, Углинъ открылъ, было, уже ротъ, чтобы зарекомендовать себя предъ Хрущевой, какъ человѣка, ищущаго труда, но въ это мгновеніе Анна Львовна вспомнила, что ей нужно сказать.

— Мы навели о васъ справки,—произнесла она дѣловымъ тономъ и позвонила въ маленькій колокольчикъ.

Вошелъ секретарь Хрущевой, бѣлокурый, золотушный юноша. Анна Львовна кивнула ему на Углина, сказала что-то вполголоса по-французски и ушла въ свой кабинетъ заниматься.

— Ваша фамилія—Углинъ?—спросилъ секретарь тономъ судебнаго слѣдователя.

— Да.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать третій.

— Какъ, неужели двадцать третій?...

«Что-жъ тутъ удивительнаго?» подумалъ про себя Углинъ. Секретарь, важно насупясь, посмотрѣлъ въ записную книжку.

— Ступайте внизъ, въ швейцарскую, и скажите тамъ швейцару Григорію вашу фамилію.

Произнеся все это дѣловой скороговоркой, золотушный юноша быстрыми, мелкими шажками ушелъ вслѣдъ за Хрущевой.

Углинъ остолбенѣлъ отъ такого пріема. Не успѣвъ еще сообразить хорошенько, съ какими людьми онъ имѣетъ дѣло, Углинъ спустился внизъ, отыскалъ въ швейцарской Григорія, пухлаго, страдающаго одышкой старика, съ густыми бровями и въ большихъ круглыхъ очкахъ...

— Вы Углинъ?—спросилъ Григорій жирной октавкой.

— Да, Углинъ.

Григорій долго водилъ толстымъ пальцемъ по страницамъ конторской книги, куда вносились фамиліи благодѣтельствуемыхъ и записывались въ графахъ добрыя дѣла Хрущевой.

— *У... У...*— бормоталъ Григорій:—нѣтъ, ужь тутъ *ента* пошла.

Онъ перевернулъ страницу назадъ.

— Вотъ оно: *Углинъ*.

Григорій провелъ пальцемъ по строкѣ, нашелъ соотвѣтственную цифру, потомъ отперъ ящикъ стола, вынулъ оттуда двугривенный и подалъ Углину:

— Получайте!..

Углинъ машинально взялъ.

— Роспишитесь въ полученіи.

Углинъ машинально росписался, вышелъ въ переднюю и нашелъ свое пальто, валявшееся на скамейкѣ. Здѣсь опять услышалъ онъ что-то про «рыжаго чорта»... Кто-то поздравилъ его «съ полученіемъ...» Онъ не помнилъ, какъ очутился на улицѣ.

V.

Онъ весь дрожалъ, но не отъ холода, а отъ стыда и негодованія. Двугривенный, который онъ сжималъ въ рукѣ, былъ гадокъ и противенъ ему. Въ эти минуты онъ забылъ и голодъ, и холодъ: онъ помнилъ только про свое униженіе и чувствовалъ злую радость при мысли возвратить Хрущевой ея двугривенный.

У него было двѣ копѣйки. Онъ зашелъ въ лавочку, купилъ листъ почтовой бумаги съ конвертомъ и попросилъ позволенія написать нѣсколько строкъ.

— Чего-съ?—спросилъ молодой, юркій лавочникъ, щелкая на счетахъ.

— Можно мнѣ у васъ написать письмо?—повторилъ Углинъ.

Лавочникъ взглянулъ на него изподлобья бѣглымъ, подозрительнымъ взглядомъ; онъ замѣтилъ, какъ дрожали у Углина руки.

— Нѣтъ, ужь вы пишите лучше гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ: здѣсь не канцелярія,—отрѣзалъ онъ рѣшительно.

Углинъ вышелъ изъ лавки, соображая, гдѣ бы написать ему записку къ Хрущевой. Онъ нашелъ у себя въ жилетѣ обгрызокъ карандаша, завернулъ въ глухой переулокъ и, подойдя къ фонарю, началъ писать.

— Ты это что тутъ дѣлаешь, а?—грозно спросилъ дворникъ, подходя къ Углину.

— Пишу записку.

— Записку? Да нешто есть такое правило, чтобы на фонаряхъ писать? Ты знаешь, что за это вашему брату бываетъ?.. Я тебѣ такихъ фонарей подставлю!

Углина взорвало:

— Да какое ты имѣешь право!.. Я никого не трогаю!

— «Право»! передразнилъ дворникъ: самъ весь ободранъ, а тоже о правахъ говоритъ! Я тебѣ такихъ правовъ по шеѣ накладу, что небо съ овчинку покажется!.. Ступай, ступай къ своему мѣсту, а то—въ арестантскія роты...

Но онъ не кончилъ: Углинъ подскочилъ къ нему въ такомъ бѣшенствѣ, что дворникъ отшатнулся

— Ишь, полоумный! — проворчалъ онъ вслѣдъ Углину: въ арестантскія роты тебя... воду носить! Право, каторжный!

А Углинъ въ это время направлялся къ дому Хрущевой: у него блеснула мысль войти въ переднюю и тамъ написать записку.

— Опять!—воскликнулъ старшій изъ лакеевъ, увидавъ Углина: вѣдь получили свою порцію,—чего же еще?

— Госпожа Хрущева просила меня доставить ей нѣкоторыя свѣдѣнія,—отвѣтилъ Углинъ прерывающимся голосомъ; потомъ сѣлъ къ столу и поспѣшно набросалъ на почтовомъ листѣ:

«Милостивая Государыня!»

«Вашъ двугривенный жжетъ меня, какъ раскаленное желѣзо. Вы, со всѣми своими секретарями, лакеями и справками, вытянули изъ меня душу и за это заплатили мнѣ 20 к. Я не желаю милостыни. Я старался объяснить это Вашему секретарю. Если Вы не могли или не хотѣли сдѣлать для меня что-нибудь другое, то зачѣмъ заставили Вы меня претерпѣть столько униженій?.. Возвращаю Вамъ Ваши 20 к.: отдайте ихъ тому, кто готовъ пойти на всѣ униженія, лишь бы быть сытымъ, а я неспособенъ на это».

Углинъ.

Вкладывая почтовый листъ въ конвертъ, Углинъ незамѣтно сунулъ туда двугривенный.

— Отдайте это письмо госпожѣ Хрущевой: это очень важно,— сказалъ онъ твердымъ, чуть не повелительнымъ тономъ.

— Ладно, отдадимъ,— отвѣтилъ лакей, видимо, сомнѣваясь, чтобы отъ Углина могло исходить что-либо важное.

VI.

Выйдя изъ дома Хрущевой, Углинъ почувствовалъ необыкновенную легкость на сердцѣ: такъ отрадно было сознавать ему, что онъ вступился за свое достоинство, давно уже многими поруганное; пріятно было почувствовать хоть на короткое время уваженіе къ себѣ. Но это продолжалось не долго: возбужденное настроеніе прошло, и вмѣсто легкости на сердцѣ, Углинъ сталъ ощущать легкость въ желудкѣ; къ тому же морозъ все больше и больше давалъ знать себя... Чтобы погрѣться, Углинъ зашелъ въ одинъ трактиръ, куда уже раньше заходилъ два раза. Онъ прошелъ прямо въ билліардную и присѣлъ въ уголокъ. Запахъ жаренаго мяса дразнилъ его аппетитъ и наводилъ на сладкія мысли о горячемъ, сытномъ кушаньѣ. На билліардѣ играли два какихъ-то прикащика, какъ заключилъ Углинъ изъ ихъ разговора. Они подозвали полового и начали совѣщаться съ нимъ.

— Развѣ икоркой зернистой намъ позабавиться?—говорилъ одинъ, потолще: есть-ли у васъ хорошая икра-то?

— Какъ же-съ... Самая свѣжая!—отвѣчалъ половой, ласково смотря на вопрошавшаго.

— Такъ вотъ подай... Да не залѣпить-ли намъ ветчинки съ горошкомъ, Ѳедя,—а?

— Что-жь, залѣпимъ,— апатично сказалъ Ѳедя, длинный юноша, одѣтый франтомъ.

— А насчетъ водки какое отъ васъ распоряженіе будетъ?—почтительно спросилъ половой.

— Рябины Нѣжинской подай намъ... Ну, а простой нужно, Ѳедя?

— Что-жь, можно и простой...

Разговоръ на эту тему продолжался долго. Углинъ сидѣлъ и слушалъ. У него мелькнула мысль, что на двугривенный Хрущевой онъ могъ бы недурно поѣсть; но эту мысль онъ поспѣшилъ прогнать. Зато онъ горько раскаивался въ томъ, что не взялъ денегъ у доктора: «отчего было не взять? думалъ онъ, глотая слюни; я бы нашелъ мѣсто и отдалъ бы ему съ благодарностью... По крайней мѣрѣ, я былъ бы сытъ. Тутъ ужь не до деликатностей, когда голодъ моритъ! На что мнѣ оно, мое достоинство? Достоинство можетъ имѣть только сытый. Надо сначала стать на ноги, а потомъ ужь думать о достоинствѣ, о самолюбіи и тому подобной роскоши. Что же толку, если я умру съ голоду? Вѣдь надо же какъ-нибудь жить! Одно изъ двухъ: или жить, или о достоинствѣ своемъ заботиться и зачахнуть. Нѣтъ, съ этими церемоніями не проживешь. Куда я теперь гожусь? Ни силы во мнѣ нѣтъ, ни энергіи... Думать ни о чемъ не хочется. Только и чувствуешь одно желаніе: что-нибудь съѣсть. За что же долженъ я терпѣть это мытарство? И кому я теперь нуженъ?.. А вѣдь стоитъ только поѣсть да отдохнуть, и опять я стану человѣкомъ: опять и сила явится, и голова будетъ работать, и жить хорошо покажется. Но для этого, видно, надо зубами вырывать кусокъ: хищность нужна, нахальство... Да что же дѣлать, если безъ этого приходится испытывать такія муки? Всѣ живутъ только потому, что не церемонятся... Вотъ эти прикащики вслухъ говорятъ о томъ, какъ ловко они надуваютъ своего хозяина и какъ нагло льстятъ ему въ глаза. Потому-то они и сыты, и веселы,—играютъ на билліардѣ, выпиваютъ, закусываютъ, ходятъ по увеселительнымъ мѣстамъ. Они здоровы, они сильны, а я истощенъ, измученъ нуждой. Во мнѣ какъ будто и крови нѣтъ, точно я не живой. Имъ вотъ прислуга въ поясъ кланяется, а меня, того гляди, выгонитъ отсюда со скандаломъ».

Предчувствіе не обмануло Углина. Половой, войдя въ билліардную и объявивъ прикащикамъ, что икра и водка поданы, подозрительно взглянулъ на Углина и спросилъ:

— Вы что же тутъ?.. Съ ними что-ли?

Толстый прикащикъ услыхалъ.

— Нѣтъ, братъ, мы съ такими компаніи не водимъ!—крикнулъ онъ, нацѣливаясь въ шаръ.

— Онъ ужь тутъ не впервой: я его запримѣтилъ,—произнесъ другой половой, выглядывая въ дверь билліардной: эй, ты, баринъ на ватѣ! маршъ отсюда! Ишь повадился! Приходитъ, какъ къ себѣ на квартиру: не ѣстъ, не пьетъ, а мѣсто занимаетъ... Того гляди, еще прикарманитъ что-нибудь!

Понуря голову и стараясь ни на кого не гля-

дѣть, вышелъ Углинъ изъ трактира. Половые напутствовали его насмѣшками, а изъ публики кто-то свистнулъ.

«Вездѣ гонятъ, вездѣ смѣются!» шепталъ онъ, стискивая до боли руки. И снова на минуту загорѣлось въ немъ страстное желаніе разбогатѣть, чтобы швырнуть деньги въ лицо этимъ наглымъ половымъ и насладиться ихъ униженіемъ. Онъ думалъ о томъ, съ какимъ почтеніемъ глядѣли бы на него въ этомъ самомъ трактирѣ, если бы онъ былъ богатъ; какъ терпѣливо сносили бы всѣ его причуды и дикости; а теперь за то только, что онъ посидѣлъ въ углу, его чуть не избили... Онъ думалъ о томъ, гдѣ набраться силы, чтобы твердо переносить нужду? чѣмъ поддержать въ себѣ духъ? чѣмъ утѣшить себя?..—и ничего не находилъ, кромѣ душевной истомы и безсилія. «Боже, какъ противно мыкаться по улицамъ безъ всякой цѣли!—шепталъ онъ, толкаясь среди народа: какъ тяжело идти, когда не знаешь, гдѣ отдохнуть да и придется-ли еще отдохнуть?.. Скоро наступятъ сумерки, а тамъ ночь... Куда я дѣнусь?.. У всѣхъ этихъ людей есть пристанище, есть близкіе люди, есть радости,—а я одинъ, точно проклятый какой! Вотъ они всѣ идутъ, спѣшатъ, и знаютъ, куда идутъ, зачѣмъ идутъ,—а я, какъ тѣнь какая, скитаюсь, и конца не видно моимъ скитаніямъ!»

По площади, куда онъ вышелъ, сновалъ во всѣхъ направленіяхъ народъ, съ визгомъ летѣло множество саней; все это торопилось, сталкивалось, перекрещивалось въ одну пеструю массу... Углинъ окинулъ взоромъ эту картину, и вдругъ ему представилось, что улица, зданія, народъ и вся эта суета какъ-то странно измѣнились; утромъ онъ смотрѣлъ на все это иными глазами; утромъ лица встрѣчныхъ людей казались ему такими добрыми, участливыми, а теперь на каждомъ лицѣ онъ читаетъ: «проходи мимо,—у меня свои заботы». Утромъ ему казалось все полнымъ жизни и думалось, что этой жизни хватитъ и на его долю; теперь онъ видѣлъ, что каждый бьется изъ-за куска и думаетъ только о себѣ, что вся эта лихорадочная сутолока можетъ только затереть, оглушить слабаго, безпомощнаго человѣка, что всѣ кругомъ заботятся о томъ лишь, какъ бы спасти и протянуть свое собственное существованіе. Даже весело сверкающій снѣгъ не производилъ больше на Углина пріятнаго впечатлѣнія, а только напоминалъ ему о томъ, что на дворѣ морозъ и негдѣ укрыться отъ него. И докторъ Васильевъ не казался уже ему такимъ добрякомъ, какъ раньше, и на Севрюгина было мало надежды. Какъ будто жизнь повернулась вдругъ передъ Углинымъ своей неприглядной изнанкой, чтобы показать ему, какъ безумны всѣ его надежды и мечты. Предчувствіе внезапнаго поворота къ лучшему уступало въ немъ мѣсто другому предчувствію, въ которомъ онъ не могъ еще отдать себѣ отчета, но отъ котораго заныло его сердце. Твердая увѣренность, что онъ не погибнетъ, пошатнулась въ немъ...

Углинъ вошелъ на бульваръ, опустился на скамейку и долго сидѣлъ, закрывъ въ изнеможеніи глаза. Въ душѣ его ни на минуту не стихала мучительная тревога. Ему казалось, что возлѣ него или въ немъ самомъ что-то шумитъ, кружится, стонетъ, не даетъ ему покоя, гонитъ его куда-то; а ему такъ не хочется идти, такъ тяжело надрывать послѣднія силы... Неуловимые, безпокойные обрывки мыслей быстро смѣнялись въ его головѣ. Онъ не въ силахъ былъ остановить этого потока и что-нибудь осмыслить хорошенько: воспоминанія, чувства, мечты внезапно откуда-то выплывали и снова куда-то пропадали, точно волны въ расходившемся морѣ, или фантастически переплетались между собой, напоминая горячечный бредъ. Но по временамъ, незамѣтно, точно изъ мрака, вдругъ выдвигалась какая-нибудь одна картина, и передъ Углинымъ такъ живо, такъ ярко рисовались знакомые ему образы. Вотъ онъ видитъ передъ собой Мишу Зарайскаго, хорошенькаго мальчика лѣтъ двѣнадцати. Онъ выдержалъ экзаменъ и въ восторгѣ отъ гимназическаго мундира, который черезчуръ длиненъ для него, потому что сшитъ на ростъ. Лицо Миши сіяетъ не меньше, чѣмъ пуговицы его мундира. Родные осыпаютъ Мишу ласками и гостинцами, а младшія сестры ходятъ на цыпочкахъ, когда онъ готовитъ уроки. Всѣ веселы, всѣ ликуютъ; только Углинъ не раздѣляетъ общаго веселья: онъ чувствуетъ, что сталъ уже чужимъ, лишнимъ человѣкомъ и для Миши, и для всей семьи его. Онъ уже видитъ впереди нужду, голодъ, униженія...

Но вотъ картина исчезаетъ и смѣняется длиннымъ рядомъ другихъ картинъ. Передъ Углинымъ, точно въ вихрѣ, проносится вереница образовъ: это все лица, у которыхъ онъ просилъ дѣла или помощи. Большинство изъ нихъ онъ видѣлъ только разъ или два, но они глубоко запали ему въ душу. Вотъ нѣжное личико молодой дамы, вотъ полное лицо священника, вотъ сухая, дѣловая физіономія стараго чиновника... На всѣхъ этихъ лицахъ написано одно желаніе: отдѣлаться поскорѣе и поприличнѣе отъ докучливаго просителя... Затѣмъ выступаютъ на сцену неумолимые хозяева квартиръ съ требованіями денегъ и угрозами, наглые лакеи, грубіяны-дворники... Потомъ появляется еврей-закладчикъ, еще еврей-закладчикъ, еще и еще. Потомъ тянется рядъ голодныхъ и холодныхъ дней.

— Почтенный, на бульварѣ спать не полагается!

Углинъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ

нимъ стоялъ городовой съ усами, заиндивѣвшими отъ мороза; голосъ его звучалъ глухо изъ-подъ башлыка, наверченнаго на голову.

— Нельзя спать на бульварѣ: не приказано,—повторилъ городовой.

— Я не сплю... Я такъ... пробормоталъ Углинъ и почувствовалъ, что у него закочепѣли ноги. Онъ вскочилъ со скамейки и чуть не упалъ.

— Вишь ты!—внушительно замѣтилъ городовой: долго-ли по такой погодѣ замерзнуть? А мы отвѣчай!

Углинъ поплелся прочь съ бульвара. Наступали сумерки. Должно быть, часа 4 теперь? подумалъ Углинъ: къ Севрюгину нужно отъ 4-хъ до 5-ти... Но онъ не спѣшилъ. Странное равнодушіе овладѣло имъ. Онъ шелъ безъ всякой надежды на успѣхъ и даже не думалъ о Севрюгинѣ. Что-то роковое чудилось ему въ его судьбѣ. Онъ былъ похожъ на человѣка, который долго и напрасно старался пробить головой каменную стѣну, увидалъ, наконецъ, невозможность этого,—и все-таки продолжаетъ дѣлать послѣднія судорожныя усилія. Углинъ шелъ къ Севрюгину только потому, что это былъ единственный пунктъ, куда онъ могъ идти съ опредѣленной цѣлью, единственная точка опоры, дальше которой видпѣлось только пустое пространство, готовое каждую минуту поглотить его.

VII.

Углинъ вошелъ въ складъ и очутился среди прикащиковъ и артельщиковъ.

— Кого нужно?—спросилъ юный прикащикъ, съ отчетливо проведеннымъ прямымъ проборомъ на головѣ.

— Мнѣ нужно повидать господина Севрюгина: я отъ доктора Васильева... отвѣтилъ Углинъ, неясно выговаривая отъ холода.

Десятки глазъ устремились на него.

— Какой Васильевъ? спросилъ высокій прикащикъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ и фантастическомъ галстукѣ.

— Господинъ Севрюгинъ знаетъ... Вы доложите, пожалуйста.

— Я не лакей, чтобы докладывать о васъ.

— Виноватъ... Но все равно... Мнѣ очень нужно...

Клѣтчатыя брюки продолжали смотрѣть съ недовѣріемъ.

— По очень важному дѣлу, — прибавилъ Углинъ умоляющимъ тономъ.

Очутившись такъ близко къ Севрюгину, онъ уже началъ выходить изъ той мертвенной апатіи, которая овладѣла имъ. Сознаніе, что здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, находится человѣкъ, отъ котораго зависитъ его жизнь, волновало Углина и подстрекало къ новымъ попыткамъ спасти себя отъ ужасовъ нужды. «А вдругъ сразу все повернется къ лучшему?» говорилъ онъ себѣ и терзался ожиданіемъ и страхомъ.

— Хорошо, я, пожалуй, скажу, — произнесъ клѣтчатый господинъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ прибавить: «только врядъ-ли что изъ этого выйдетъ».

Онъ пошелъ наверхъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился, сохраняя прежнее недоумѣніе въ лицѣ.

— Ступайте въ контору,—сказалъ онъ Углину, не спуская съ него глазъ.

По винтовой лѣстницѣ Углинъ поднялся на третій этажъ и вошелъ въ большую, свѣтлую комнату. Это была контора. Здѣсь царствовала тишина, порядокъ, аккуратность; все было чисто, прочно, ничего лишняго, никакихъ украшеній. Въ воздухѣ висѣли слова: «бланкъ...» «итогъ...» «дисконтъ...» «сумма...» О чемъ-нибудь другомъ говорить здѣсь было неумѣстно. Все дышало чѣмъ-то трезвымъ, опредѣленнымъ, неумолимо яснымъ. Это былъ цѣлый замкнутый въ себѣ міръ, населенный цифрами.

Посреди конторы, за длиннымъ зеленымъ столомъ, сидѣлъ Севрюгинъ, наклонясь надъ бумагами. Сначала Углинъ увидалъ только одну его лысину; потомъ, когда Севрюгинъ поднялъ голову, глазамъ Углина предстало обрюзгшее лицо, изрытое морщинами, со слѣдами сильныхъ страстей и рѣзкимъ отпечаткомъ неумѣренности. Маленькіе сѣрые глазки Севрюгина смотрѣли зорко и недовѣрчиво; но за этой зоркостью и недовѣрчивостью, гдѣ-то въ глубинѣ, бѣгалъ огонекъ, виднѣлось что-то своенравное, деспотическое, упорное. Севрюгинъ работалъ въ конторѣ только въ силу необходимости: міръ безплотныхъ цифръ былъ не по немъ. Ломая себя, онъ сидѣлъ, считалъ, повѣрялъ и отводилъ душу только тѣмъ, что страшно ругался. Зато, вырвавшись изъ конторы, онъ пускался во всѣ тяжкія и въ это время чувствовалъ себя въ своей сферѣ. Углинъ попалъ какъ разъ къ 5-ти часамъ, когда обыкновенно нетерпѣніе Севрюгина возрастало до высшей точки и желаніе ругаться, шумѣть, буйствовать особенно обострялось.

Когда Углинъ вошелъ, Севрюгинъ остановилъ на немъ тяжелый, испытующій взглядъ, какъ будто ожидалъ обмана и готовился встрѣтить его.

— Какъ это васъ угораздило познакомиться съ Васильевымъ?—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ, оглядывая Углина съ ногъ до головы: давно-ли вы съ нимъ знакомы?

— Мы познакомились съ нимъ недавно на улицѣ,—отвѣтилъ Углинъ, чувствуя себя виноватымъ въ томъ, что такъ недавно еще знакомъ съ докторомъ.

— Какъ на улицѣ? воскликнулъ Севрюгинъ: да вы у него, должно быть, на шкаликъ просили?... Ну, это знакомство не ахти какое!

— Нѣтъ, я просилъ у него работы... Я ему разсказалъ о своемъ положеніи, и онъ послалъ меня къ вамъ. Вотъ и адресъ вашъ далъ.

Углинъ подалъ Севрюгину бумажку съ адресомъ. Севрюгинъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Его рука,—сказалъ онъ, пожимая плечами, и снова уставился на Углина недовѣрчивымъ взглядомъ. Прошла минута тяжелаго для Углина молчанія.

— Удивительное дѣло!—заговорилъ Севрюгинъ: этакъ Семенъ Ивановичъ скоро пришлетъ ко мнѣ съ Хитрова рынка какого-нибудь лодыря!

Углинъ покраснѣлъ, но не сказалъ ни слова.

— Чего же вамъ отъ меня нужно?—спросилъ Севрюгинъ, скрестивши, въ знакъ нетерпѣнія, руки.

— Я слышалъ, что вы ищете человѣка...

— Да развѣ вы—человѣкъ?

Углинъ не нашелся, что сказать, и смотрѣлъ на Севрюгина въ тревожномъ недоумѣніи. Снова наступила минута молчанія.

— Да вы чѣмъ занимались-то прежде?—спросилъ Севрюгинъ: съ шарманкой что-ли ходили?

— Я могу книги торговыя вести... И по счетной части... Я немножко занимался этимъ... Я знаю французскій и нѣмецкій...

— Ну, этого мнѣ и даромъ не надо,—пренебрежительно буркнулъ Севрюгинъ: а вотъ, коли вы сильны по счетной части, сосчитайте, сколько у васъ прорѣхъ на пальтѣ?

Углинъ болѣзненно улыбнулся. Онъ не зналъ, хорошаго или дурного ждать ему отъ этой шутки Севрюгина.

— Могу-ли я надѣяться на что-нибудь?—робко спросилъ онъ, выждавъ время.

Севрюгинъ какъ-то загадочно взглянулъ на него.

— Костюмъ у васъ есть?

— Все мое платье въ закладѣ, и сроки ужь прошли,—отвѣтилъ Углинъ, понуривъ голову.

— Такъ какъ же я васъ возьму, если на васъ образа и подобія нѣтъ?

— Будьте добры, дайте мнѣ подняться немного на ноги!—произнесъ Углинъ, все ниже и ниже опуская голову.

— Да вѣдь нельзя же ходить на службу въ такомъ тряпьѣ!—сказалъ Севрюгинъ, подходя къ Углину: тутъ дыра, тамъ прорѣха, здѣсь вылѣзло, тамъ расползлось... Это что?... это что?... это что?...

И Севрюгинъ началъ поворачивать Углина во всѣ стороны. Онъ, очевидно, забавлялся имъ, какъ кошка мышью, зная, что тотъ вполнѣ въ его власти.

— До васъ дотронешься, такъ весь въ ватѣ будешь,—заключилъ онъ, садясь на мѣсто.

Углину показалось, что Севрюгинъ начинаетъ смягчаться. Безцеремонное обращеніе не возмущало его; напротивъ, онъ начиналъ чувствовать къ Севрюгину чуть не любовь. Севрюгинъ представлялся ему какимъ-то добрымъ геніемъ, посланнымъ для того, чтобы спасти его. Снова передъ Углинымъ засіялъ лучъ надежды, и опять загорѣлась въ немъ жажда жизни, дѣятельности, счастья. Быть сытымъ, быть въ теплѣ, существовать своимъ трудомъ,—это блаженство оказывалось вдругъ такимъ близкимъ, такимъ доступнымъ. Отрадно было сознавать, что Севрюгинъ теперь какъ будто не совсѣмъ чужой для него, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось стать къ нему еще ближе, заслужить чѣмъ-нибудь его расположеніе.

— Извините,—произнесъ онъ самымъ мягкимъ тономъ: вы запачкались объ меня. Вотъ тутъ у васъ вата...

И онъ осторожно снялъ съ рукава Севрюгина клочекъ ваты. Севрюгинъ покосился на него, но ничего не сказалъ.

— Можетъ быть, вамъ угодно испытать мой почеркъ? трепетнымъ голосомъ спросилъ Углинъ.

Севрюгинъ молчалъ; повидимому, онъ желалъ большаго подобострастія.

— На исповѣди и у святого причастія были?—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Былъ, но давно,—отвѣчалъ Углинъ, опѣшенный неожиданнымъ вопросомъ.

— А какъ давно?

— Когда еще былъ въ гимназіи.

— Что же вы за христіанинъ послѣ этого? За дѣло васъ Богъ наказываетъ!... Очень умны вы по нынѣшнему времени стали: знать ничего не хотите!... Я такихъ не люблю! Отъ этихъ умниковъ все зло въ государствѣ... Я такому свинству не потатчикъ! Стоитъ васъ поить-кормить, коли вы въ Бога не вѣруете!... Изводить надо такихъ людей, а не благодѣтельствовать имъ!—Отчего вы на исповѣди не были?

— Все время жилъ за границей.

— За границей?... Вотъ еще новенькое!... Какой же чортъ таскалъ васъ за границу?... За хорошимъ дѣломъ такіе, какъ вы, туда не поѣдутъ.

— Меня взялъ съ собой одинъ помѣщикъ. Я у него былъ секретаремъ... Углинъ вкратцѣ разсказалъ то, что ужь раньше разсказывалъ Васильеву.

— Скоты эти помѣщики! раздражительно замѣтилъ Севрюгинъ: только и знаютъ, что русскія деньги за границей расшвыриваютъ! Прохвосты! Я бы на цѣпь ихъ всѣхъ!... Да и вы хороши: отъ родной матери уѣхалъ, незнамо куда... къ чорту на кулички! Чѣмъ бы отечеству своему служить, да вѣру православную соблюдать, да мать-старуху кормить,—а онъ шляндаетъ Богъ знаетъ гдѣ! Я такихъ фертовъ не люблю! Вы здѣсь у меня и прикащи-

ковъ-то всѣхъ перепортите! Кто васъ знастъ, какого вы тамъ духу набрались, за границей-то? Ужь коли родную мать бросилъ,—отъ такого человѣка добра не жди!

— Я не бросалъ ее,—глухо возразилъ Углинъ:—и за границей я ничему дурному не научился... Скорѣй хорошему...

— Что?... Ну, глупъ же ты послѣ этого!... Ты лучше молчи да слушай, что старшіе говорятъ... Коли тебѣ хорошо за границей показалось, ну и проваливай туда; а коли ты находишься въ Россіи, такъ прикуси языкъ... Вотъ что! Вы мастера зубы-то заговаривать! Хорошему научился онъ за границей!... Да ты вотъ сейчасъ, еще ничего не видя, наровишь, какъ бы въ карманъ залѣзть... Вату на рукавѣ нашелъ! Знаемъ мы эту вату!

На лицѣ Углина выступили красныя пятна; онъ начиналъ чувствовать нервныя спазмы въ горлѣ.

— Я—честный человѣкъ и никогда еще ничего не кралъ... едва выговорилъ онъ.

— Честный! Родную мать безъ призрѣнія бросилъ!

— Я не бросалъ: она сама меня отпустила.

— Сама?... Ну, такъ она, стало быть, дура!

Углинъ затрясся... Онъ не зналъ, что Севрюгину нужно только поломаться надъ своей жертвой, измытарить ее за тотъ кусокъ хлѣба, который онъ намѣревался дать ей. Люди, привыкшіе къ Севрюгину, впередъ знали, что если онъ начинаетъ бросать въ человѣка грязью, то это—вѣрный признакъ, что онъ хочетъ что-нибудь сдѣлать для него. Жертвѣ въ это время надо только смирно стоять, потупя голову, и терпѣливо ждать конца. Но Углинъ не зналъ этого, а, можетъ быть, если бы и зналъ, такъ не выдержалъ. Въ душѣ его осталось одно только свѣтлое мѣсто, одно отрадное, ничѣмъ не оскверненное воспоминаніе: воспоминаніе о матери, которое онъ свято чтилъ. Поэтому онъ не въ силахъ былъ смолчать, когда въ дорогой для него образъ кинули грязью.

— Моя мать знала, что дѣлала,—началъ онъ дрожащимъ голосомъ: она только обо мнѣ и заботилась, и думала... Она бы не разсталась со мной, если бы это не для моей же пользы было...

— Ну, вотъ потому-то она и дура!—съ азартомъ воскликнулъ Севрюгинъ: хорошо позаботилась о сынѣ! Пустила къ нехристямъ, къ врагамъ отечества, чтобы онъ отбился отъ православной вѣры, отъ родины! Съ чѣмъ это сообразно?.. Да и врешь ты, надо полагать, какъ вся ваша братія — прохвосты; возможное-ли дѣло, чтобы старуха отпустила взрослаго сына на край свѣта, а сама осталась ни съ чѣмъ? По міру, что-ли, ей ходить?

— Я вамъ говорю правду... Я не стану клеветать на мать... Она вовсе не была еще стара: она сама зарабатывала деньги...

— Ну, вотъ давно бы ты такъ сказалъ! Теперь, по крайности, дѣло на чистоту: сына съ рукъ долой, а сама шашнями занялась на свободѣ-то... Знаемъ мы эти штуки!.. Такую мать и почитать-то грѣхъ!

— Вы не смѣете... не смѣете такъ позорить ее!—задыхаясь, произнесъ Углинъ: я не позволю этого!...

— Что-о?—запальчиво протянулъ Севрюгинъ: такъ ты вотъ какъ! Мальчишка такой форсъ показываетъ!... Вонъ!

Не слыша подъ собой ногъ, сбѣжалъ Углинъ по лѣстницѣ и прошелъ сквозь строй насмѣшливо-злорадныхъ взглядовъ.

— Что? отдѣлали?— со смѣхомъ спросили клѣтчатыя брюки.

— Попало по загривку!

— Вотъ-те и по важному дѣлу!

— Вотъ-те и докторъ Васильевъ!

— Не суйся!

VIII.

На улицѣ было уже темно, когда Углинъ вышелъ изъ склада. Ночь надвигалась, какъ грозная туча. Углинъ машинально шелъ впередъ и не чувствовалъ ничего, кромѣ какой-то безконечной пустоты въ душѣ; ни надежды, ни злобы—ничего не было тамъ.—«Куда идти? Некуда»... бормоталъ онъ безсознательно, и все шелъ... Что-то зловѣщее слышалось ему въ уличномъ шумѣ; чѣмъ-то грознымъ повѣяло на него отъ массивныхъ каменныхъ зданій. Глядя на темное небо и на вечерній мракъ, который дѣлался все гуще, Углинъ предчувствовалъ свою гибель. Окутанный темнотой городъ представлялся ему громаднымъ чудовищемъ, готовымъ стереть съ лица земли того, кто не успѣетъ спастись въ закрытое, теплое мѣсто. Углину каждую минуту казалось, что онъ упадетъ и не встанетъ больше; но онъ не падалъ, а все шелъ и шелъ, самъ не зная, откуда берутся у него силы. «Живучъ!, шепталъ онъ съ горькой усмѣшкой: не надорвался еще!..» Голова у него кружилась отъ слабости, а мысли становились все страннѣе и фантастичнѣе. То грезилось ему, что онъ вдругъ находитъ на дорогѣ крупный кушъ, снимаетъ теплый номеръ, ужинаетъ и спитъ цѣлыя сутки; то представлялось, что вотъ-вотъ проѣдетъ мимо него какой-нибудь господинъ въ щегольскихъ саняхъ, посадитъ его съ собой, привезетъ къ себѣ, успокоитъ, дастъ работу, и они сдѣлаются друзьями; или еще лучше: господинъ вдругъ окажется товарищемъ его дѣтства,—они узнаютъ другъ друга, обнимутся и рѣшатъ жить вмѣстѣ; потомъ Углинъ женится на сестрѣ товарища, и славно потекутъ его дни въ тихомъ семейномъ кругу...

Мечты, одна другой несбыточнѣе, такъ и лѣзли въ голову Углина, заставляя его по временамъ забывать даже о голодѣ. Зато, когда онъ приходилъ въ себя, голодъ вдвойнѣ мучилъ его. Теперь онъ горько раскаивался даже въ томъ, что возвратилъ Хрущевой ея двугривенный. Сколько блаженства могли бы дать ему теперь эти 20 копѣекъ.

— Дуракъ я! Безмозглый я! — повторялъ Углинъ, скрежеща зубами: зачѣмъ я отдалъ деньги? Что я этимъ доказалъ? Я-то умру съ голоду, а она и вниманія не обратитъ на мое письмо... Да и какое мнѣ дѣло до нея или до чего бы то ни было, когда я страдаю отъ голода?... Проклятое самолюбіе! Господи, гдѣ же конецъ моимъ мученіямъ?!..

— Прими, Христа-ради!—сказала баба въ полушубкѣ, подавая Углину баранку.

Углинъ отшатнулся. Баба поняла, что ошиблась, и тоже отступила.

— Я думала, нищій...— пробормотала она и пошла дальше.

Углинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. «Отчего я не взялъ?» пронеслось у него въ головѣ: «не догнать-ли ее? не попросить-ли?»

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ остановился... «Не могу! не могу!» прошепталъ онъ съ отчаяніемъ: «стыдно... страшно!.. хуже смерти»... Онъ могъ попросить помощи, даже подаянія, но только не въ той формѣ, какъ просятъ нищіе: къ этому онъ чувствовалъ безотчетное отвращеніе. А, между тѣмъ, мученія голода усиливались, и Углину все время рисовался кусокъ теплаго, мягкаго хлѣба. Онъ остановился передъ окномъ ярко освѣщенной булочной; на окнѣ красовались куличи, крендели, сдобные хлѣбы; бѣлотѣлый, упитанный булочникъ, любезничая съ горничной, быстро и ловко завертывалъ сухари въ бумагу; мальчикъ въ бѣломъ фартукѣ тащилъ изъ пекарни громадный лотокъ съ жареными пирожками...

«Какъ тамъ тепло, уютно, весело!... подумалъ Углинъ.

— Извощичка не требуется?—раздался голосъ.

Углинъ обернулся.

— А, чтобъ тебя!—сказалъ извощикъ, всмотрѣвшись: я думалъ, баринъ!

Куличи и хлѣбы, выставленные въ окнѣ булочной, сдѣлали свое: Углинъ рѣшился просить милостыни. «Главное, не думать о томъ, какъ на тебя посмотрятъ, а просто, подойти и попросить»,—говорилъ онъ самъ себѣ, слѣдя съ замираніемъ сердца за прохожими. Но выходило иначе: онъ такъ долго слѣдовалъ за кѣмъ-нибудь, не рѣшаясь подойти, такъ таинственно заглядывалъ ему въ лицо, что невольно возбуждалъ подозрѣніе къ себѣ; отъ него опасливо сторонились, и это отнимало у него послѣднюю смѣлость. «Зачѣмъ я не похожъ на обыкновенныхъ нищихъ! съ отчаяніемъ шепталъ онъ: зачѣмъ сидитъ во мнѣ этотъ стыдъ? Безъ него я давно былъ бы сытымъ»...

Наконецъ, онъ намѣтилъ старичка, тихонько ползущаго по тротуару въ тяжелой енотовой шубѣ. Долго слѣдовалъ за нимъ Углинъ, оборяя себя на всѣ лады. «Вотъ какъ только онъ завернетъ за уголъ, тутъ я и подойду»... Но старичекъ заворачивалъ, а Углинъ все-таки не подходилъ. «Да отчего не попросить? убѣждалъ онъ самъ себя: дастъ онъ или не дастъ,— я все равно никогда его больше не увижу... И нечего стыдиться»... Онъ пропустилъ мимо себя старичка, чтобы посмотрѣть, какое у него лицо. Лицо оказалось гладко выбритымъ, но безъ всякаго опредѣленнаго выраженія, кромѣ боязни поскользнуться. «Подойду,—и дѣлу конецъ!»—подстрекалъ себя Углинъ. Въ это время старичекъ вдругъ завернулъ въ переулокъ и на поворотѣ почти столкнулся съ Углинымъ. Золотые очки его, блестѣвшія при свѣтѣ фонаря, были обращены прямо на Углина. Въ одинъ и тотъ же моментъ старичекъ понялъ, въ чемъ дѣло, а Углинъ безсознательно началъ давно обдуманную фразу:

— Милостивый государь, выслушайте...

— Работать надо, работать!—строго перебилъ старичекъ, сверкая очками,—такой молодой—и не хочетъ трудиться!—Стыдно!

— Дайте же мнѣ какую-нибудь работу!— съ отчаяніемъ воскликнулъ Углинъ.

— Ищи, и найдешь!—наставительно замѣтилъ старичекъ,—въ Писаніи сказано: «Ищите и обрящете».

— Но въ Писаніи сказано также: «Просящему у тебя дай»...—съ дрожью въ голосѣ возразилъ Углинъ.

— Ну, ты еще молодъ, чтобы учить меня,— сухо отвѣтилъ старикъ и пошелъ дальше.

Углинъ прислонился къ фонарю. Губы его нервно дрожали... Въ это время, какъ разъ противъ него, вышелъ изъ табачнаго магазина молодой человѣкъ въ пенснэ и капишонѣ. Онъ взглянулъ на Углина, а Углинъ на него. И опять съ языка Углина сорвалась роковая фраза... Молодой человѣкъ началъ разспрашивать Углина съ неподдѣльнымъ любопытствомъ. Но когда Углинъ заговорилъ о томъ, что онъ цѣлый день ничего не ѣлъ, собесѣдникъ вдругъ перебилъ его:

— Ну, а скажите, пожалуйста, живя по разнымъ уголкамъ, часто приходилось вамъ встрѣчать интеллигентныхъ людей въ подобномъ положеніи? Меня этотъ вопросъ весьма интересуетъ.

Углинъ передалъ ему все, что зналъ; даже не пропустилъ нѣкоторыхъ смѣшныхъ случаевъ, чтобы заинтересовать участливаго собесѣдника. Онъ невольно заискивалъ въ его расположеніи и, ради этого, даже преувеличивалъ многое въ

своемъ разсказѣ. Дрожа и синѣя отъ холода, онъ пространно передавалъ господину въ капишонѣ всѣ подробности, которыми тотъ интересовался...

— Очень, очень благодаренъ вамъ за всѣ эти свѣдѣнія,—сказалъ молодой человѣкъ, внимательно выслушавъ Углина,—я бы вамъ далъ что-нибудь, если бы это не противорѣчило моимъ принципамъ: я не признаю частной благотворительности. Я сочувствую вамъ, но—извините.

Сказавъ это, молодой человѣкъ завернулся въ капишонъ и удалился, а Углинъ остался ошеломленный, оплеванный, посинѣвшій отъ холода. Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ и остановился на перекресткѣ двухъ улицъ.

«Куда же я иду и зачѣмъ? спросилъ онъ себя: надо же на что-нибудь рѣшиться. Силъ больше нѣтъ мучиться такъ... Что-нибудь разомъ, чтобы конецъ всему... Не лечь-ли, просто, гдѣ-нибудь подъ заборомъ и замерзнуть?...»

— Берегись! крикнулъ кучеръ, и мимо Углина пролетѣлъ статный, породистый рысакъ.

— Эй, стрюцкій, отойди къ сторонкѣ: задавлю!—пискливо прокричалъ мальчишка-извощикъ, немилосердно нахлестывая клячу.

Углинъ перешелъ на тротуаръ и побрелъ среди густой, торопливо снующей толпы людей. Холодомъ вѣяло на него отовсюду: холодъ въ воздухѣ, холодомъ дышатъ людскія лица и эти огромныя зданія, и эти великолѣпные магазины. «Дома каменные и люди каменные»!... съ горечью шепталъ Углинъ, и каждый домъ представлялся ему крѣпостью, защищенной отъ враговъ, а врагами были всѣ чужіе; каждый изъ толпы казался ему точно закованнымъ въ какую-то броню, сквозь которую не доберешься до его сердца. Все кругомъ дышало неумолимымъ, каменнымъ порядкомъ, который неизбѣжно и роковымъ образомъ долженъ раздавить его. «Погибни! говоритъ ему этотъ каменный порядокъ: ты долженъ погибнуть, потому что у тебя нѣтъ пристанища, нѣтъ хлѣба; ты долженъ погибнуть, потому что ты одинъ; ты долженъ погибнуть, потому что въ тебѣ есть стыдъ, который не позволитъ тебѣ стоять съ рукой, обмануть, украсть; ты слишкомъ безпомощенъ, чтобы жить на свѣтѣ; ты долженъ погибнуть!...» Толкаясь среди людей, Углинъ чувствовалъ себя точно въ пустомъ пространствѣ, точно онъ летитъ куда-то въ бездну, и не за что уцѣпиться, чтобы спасти жизнь... Онъ выкинутъ изъ жизни и не можетъ попасть въ нее. Она шумитъ и волнуется кругомъ, не прерываясь ни на мигъ и не захватывая его; онъ выбьется изъ силъ, погибнетъ, а она будетъ идти по-прежнему, не измѣнившись ни на іоту и не замѣтивъ его гибели. Въ огромныхъ окнахъ магазиновъ сіяютъ, при газовомъ освѣщеніи, золотыя и серебряныя вещи, кружева, атласъ и разныя чудеса роскоши; группы людей тѣснятся передъ картинами и статуэтками, выставленными на показъ въ окнахъ магазиновъ; театры и рестораны сверкаютъ огнями... Навстрѣчу Углину то и дѣло попадаются оживленныя лица, слышится смѣхъ, доносятся отрывочныя фразы: «Какъ жаль, что мы опоздаемъ къ увертюрѣ»!... «Купилъ сейчасъ сыру: не знаю, хорошъ-ли будетъ»... «А я, братъ, жену спровадилъ въ концертъ, а самъ къ тебѣ: можетъ быть, повинтимъ?»... «Нынѣшнее засѣданіе обѣщаетъ быть интереснымъ»... «Помилуйте, это основной законъ политической экономіи!...» «Мама, купи мнѣ яблоко: вонъ то большое»... «Заходите къ намъ: у насъ теперь собирается кружокъ молодежи»... Ловя эти отрывки разговоровъ, Углинъ думалъ, что и съ нимъ могли бы такъ разговаривать, если бы онъ не былъ выброшенъ изъ жизни; теперь же на него только брезгливо или подозрительно косятся...

Въ отчаяніи Углинъ остановился мыслью на Зарайскихъ. Онъ часто вспоминалъ о нихъ, но никогда не приходило ему въ голову обратиться къ нимъ съ какой-нибудь просьбой. Онъ и теперь въ глубинѣ души сознавалъ, что не рѣшится просить у нихъ помощи, что это невозможно. Хотя они всегда были любезны съ нимъ, но видѣли въ немъ лишь наемнаго учителя,—не больше. Съ самаго начала они какъ будто провели заколдованную черту, за которую сближеніе ихъ съ учителемъ не должно было переходить, и съ необыкновенной осторожностью обходили всегда эту черту. Сколько разъ Углинъ, тяготясь своимъ одиночествомъ, порывался поговорить по душѣ съ кѣмъ-нибудь изъ Зарайскихъ,—и всегда, при первомъ же словѣ, замѣчалъ въ ихъ лицахъ боязливое недоумѣніе, словно онъ намѣревался произвести въ ихъ присутствіи скандалъ... Вотъ почему, вспоминая о Зарайскихъ, Углинъ чувствовалъ, что прибѣгнуть къ нимъ за помощью для него труднѣе, чѣмъ попросить милостыни у перваго встрѣчнаго. Но онъ шелъ въ странной надеждѣ, что все это сдѣлается какъ-нибудь само собой, легко и просто: можетъ быть, подойдя къ квартирѣ Зарайскихъ, онъ вдругъ взглянетъ на это дѣло иными глазами и не ощутитъ больше въ душѣ того стыда, который теперь ощущаетъ; можетъ быть, наконецъ... Но Углинъ и самъ хорошенько не зналъ, что еще можетъ быть; онъ только откладывалъ окончательное рѣшеніе до послѣдней минуты, а самъ все шелъ къ квартирѣ Зарайскихъ... Вотъ и улица, гдѣ они живутъ, но рѣшать еще рано: остается пройти цѣлый переулокъ. Вотъ онъ ужь и въ переулкѣ... Шаги его невольно замедлились, а сердце тревожно заколотилось въ груди. Вотъ крыльцо съ мѣдной дощечкой и надпись: «Петръ Але-

ксандровичъ Зарайскій». Углинъ остановился передъ звонкомъ. Ему живо вспомнилось, какъ недавно еще онъ приходилъ къ Зарайскимъ прилично одѣтый, съ приличнымъ лицомъ, съ авторитетомъ учителя. Болѣзненно заныло въ немъ самолюбіе при этомъ воспоминаніи. Что-то ядовитое вползло ему въ душу: онъ показался самому себѣ такимъ гадкимъ, ничтожнымъ, презрѣннымъ. Онъ зналъ, что невиноватъ въ своемъ ничтожествѣ, но не могъ отдѣлаться отъ чувства отвращенія къ себѣ, точно прокаженный, который тоже невиноватъ въ своей болѣзни. Отойдя отъ крыльца, онъ раза два прошелъ по переулку, потомъ заглянулъ въ окно квартиры Зарайскихъ. Въ одномъ изъ оконъ была несовсѣмъ спущена стора, и Углинъ разсмотрѣлъ группу дѣтей, которыя сидѣли за круглымъ столомъ и играли въ лото; затѣмъ въ комнату вошла мать со старшей дочерью: онѣ, должно быть, собирались куда-нибудь въ гости, потому что были разряжены... Оторвавшись отъ окна, Углинъ снова подошелъ къ крыльцу и взялся за ручку звонка. Одно лишь движеніе, одна минута: отопрутъ, онъ войдетъ и... Но—Боже! какими глазами взглянутъ они всѣ на него!... Углинъ представлялъ себѣ, какъ на звонокъ выйдетъ горничная Саша, всегда щегольски одѣтая и въ скрипучихъ башмакахъ, какъ она пріотворитъ дверь и, не узнавая его, испуганнымъ голосомъ спроситъ: «кто это?»—какъ потомъ она вглядится въ него, узнаетъ и ахнетъ... Господи, легче сквозь землю провалиться!— Но главное—дѣти... Углину особенно стыдно было дѣтей,—стыдно до ужаса. Онъ зналъ, что они выбѣгутъ въ переднюю и будутъ смотрѣть на него такими большими, недоумѣвающими глазами, будутъ прятаться отъ него другъ за друга; выйдетъ и Миша и тоже будетъ разсматривать его, какъ чужого, подозрительнаго человѣка... Углинъ тихо застоналъ и выпустилъ ручку звонка. Въ переулкѣ было тихо и темно; только на концахъ горѣло по фонарю. Углинъ присѣлъ на ступеньки крыльца, засунулъ руки поглубже въ рукава и забылся въ тоскливыхъ думахъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ утромъ найдутъ его на этомъ крыльцѣ мертвымъ. Какой переполохъ будетъ у Зарайскихъ!... Пожалѣютъ-ли они его? Будетъ-ли плакать о немъ Миша? Нѣтъ, они только испугаются и будутъ разсказывать знакомымъ, какой непріятный случай произошелъ у нихъ...—„Не хочу же я умирать, не хочу!“ простоналъ Углинъ, вскочилъ на ноги и, не помня себя, дернулъ за звонокъ. Но тотчасъ же имъ овладѣлъ невыносимый страхъ, точно онъ дернулъ за курокъ револьвера, направленнаго ему въ грудь. Нѣсколько мгновеній онъ не могъ двинуться съ мѣста; но когда послышался за дверью скрипъ Сашиныхъ башмаковъ, онъ, какъ безумный, бросился бѣжать и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не услыхалъ, что дверь отперли и снова заперли.

IX.

Собравъ послѣднія силы, Углинъ тащилъ свое истомленное тѣло по улицамъ Москвы. Онъ зналъ теперь, что ему нѣтъ спасенія, и не страшился этого: ему хотѣлось освободиться поскорѣе отъ всѣхъ мытарствъ жизни. «Забыться... умереть... уснуть»... вдругъ припомнилось ему, и отрадное чувство наполнило его душу, когда онъ подумалъ, что въ его власти сразу отдѣлаться отъ всѣхъ тревогъ, отъ лохмотьевъ, холода, униженій... Онъ оглянулся и увидалъ передъ собою ряды саней и освѣщенное зданіе. Это былъ вокзалъ. Углинъ направился къ нему, самъ не зная, что влечетъ его туда: захотѣлось-ли ему погрѣться, или, просто, его, какъ бабочку, потянуло на огонь?... Онъ вышелъ черезъ буфетный залъ на платформу и остановился передъ локомотивомъ. И вдругъ откуда-то, со дна души, поднялась въ немъ мысль: «не броситься-ли подъ поѣздъ?» Ему показалось, что все, пережитое имъ за этотъ ужасный день, какъ будто нарочно складывалось такъ, чтобы привести его къ такому исходу. «Вотъ, гдѣ конецъ!» думалъ онъ, глядя на рельсы и вдыхая въ себя запахъ каменнаго угля. Но онъ чувствовалъ въ то же время, что это невозможно. «Не хочу, не хочу»... шепталъ онъ, противясь какой-то роковой силѣ, которая приковывала его взоры къ колесамъ локомотива: «не брошусь!... страшно!» Онъ боялся, что въ послѣднюю минуту что-то толкнетъ его, и онъ, противъ своей воли, упадетъ подъ колеса. Но онъ твердо зналъ, что не подъ этотъ поѣздъ толкнетъ его неизвѣстная сила, а подъ тотъ, который придетъ, хотя ему совершенно неизвѣстно было, придетъ-ли еще какой-нибудь поѣздъ. Онъ подошелъ къ кондуктору и спросилъ его, долженъ-ли придти поѣздъ?

— Черезъ часъ будетъ,—нехотя отвѣчалъ тотъ.

Углинъ вздрогнулъ. «Уйти, уйти отсюда!» прошепталъ онъ, но, вмѣсто того, чтобы уйти, снова подошелъ къ локомотиву, который пыхтѣлъ и шипѣлъ, точно порываясь двинуться впередъ. Рельсы, освѣщаемыя его фонарями, блестѣли на далекое пространство, а дальше все пропадало во мракѣ... Раздался послѣдній звонокъ. Поѣздъ тронулся. Углинъ жадно смотрѣлъ на движеніе переднихъ колесъ локомотива...

Поѣздъ скрылся; скрылась и свѣтлая полоса, отбрасываемая фонаремъ задняго вагона; наконецъ, не стало видно и фонаря. Публика разошлась. На платформѣ стало пусто и темно; сдѣлалось даже какъ будто холоднѣе. Углинъ сѣлъ на скамейку. Его душила тоска. Онъ самъ не по-

нималъ, почему именно теперь, когда ушелъ поѣздъ и опустѣла платформа, имъ овладѣла эта гнетущая, эта невыносимая тоска, точно съ этимъ поѣздомъ исчезла послѣдняя радость его жизни, послѣднее воспоминаніе о ней. Онъ испытывалъ томительное чувство, точно передъ грозой. Гибель его представлялась ему въ видѣ стихійной силы, которая вдругъ откуда-то налетитъ, схватитъ его и броситъ подъ локомотивъ. Онъ уже не имѣлъ собственной воли и мысленно прощался съ жизнью, какъ приговоренный къ смерти. «Боже мой! простоналъ Углинъ: давно-ли я ходилъ по этой платформѣ, собираясь на дачу къ Зарайскимъ? А теперь?.. Но неужели, и-вправду мнѣ остается жить только часъ?»

Онъ не зналъ, что отвѣтить себѣ. Но за него отвѣчало все окружающее: и этотъ тоскливый мракъ передъ глазами, и этотъ холодъ, отъ котораго дрожало его тѣло, и этотъ сторожъ, который посмотрѣлъ на него сейчасъ такъ подозрительно,—все, все говорило ему, чтобы онъ пересталъ думать о жизни.

«Умру,—и никто не узнаетъ, что я пережилъ, и никто не пожалѣетъ...» Тутъ ему почему-то припомнилась Афросинья, воюющая съ горшками и ухватами. «Вчера въ это время я лежалъ въ постели подъ теплымъ одѣяломъ... или нѣтъ: это мнѣ снилось, что я лежу въ постели; я лежалъ на лавкѣ».. Ему казалось, что съ тѣхъ поръ прошло страшно много времени. Онъ не узнавалъ самого себя: Углинъ, бесѣдующій съ Афросиньей, и Углинъ, ожидающій на вокзалѣ смерти, казались ему совершенно различными существами; а впереди вставалъ еще третій Углинъ, перерѣзанный колесами локомотива. «Не хочу!.. Боже, спаси меня!» со стономъ прошепталъ Углинъ: «уйду, сейчасъ же уйду отсюда!»..

Онъ всталъ и пошелъ къ выходу, но проходя черезъ внутренность вокзала, остановился. Въ залѣ была публика. Углину бросился въ глаза молодой человѣкъ въ плэдѣ, весело болтавшій съ двумя дѣвушками; одна изъ нихъ лѣтъ восемнадцати, въ боа и съ муфтой въ рукахъ, говорила звонкимъ контральто; другая, почти еще дѣвочка, въ сѣрой шапкѣ на-бекрень, хохотала, глядя на купца, который сидѣлъ въ уголкѣ и сладко дремалъ, сложивъ руки на животѣ и по временамъ довольно явственно похрапывая. Нѣсколько человѣкъ пили чай въ ожиданіи поѣзда; по залѣ расхаживалъ офицеръ, поминутно взглядывая на часы; два плотныхъ господина стояли передъ буфетомъ, тыкая вилкой въ соленые грибы; группа молодыхъ людей, горячо споря о чемъ-то между собой, пила водку и ѣла бутерброты.

Когда Углинъ очутился въ теплой залѣ, среди людей и огней, когда услыхалъ звонкое контральто дѣвушки и веселые звуки разговора и увидалъ передъ собой молодыя, оживленныя лица,—имъ снова на мгновенье овладѣла страстная жажда жизни. «Стоитъ только подойти, протянуть руку»... думалъ онъ, смотря лихорадочнымъ взоромъ на кучку молодыхъ людей: «стоитъ только сказать: я голоденъ, — дайте мнѣ одинъ изъ вашихъ бутербротовъ»,— и они дадутъ, и я буду счастливъ, и не надо мнѣ будетъ бросаться подъ страшныя колеса; я опять буду жить; мнѣ будетъ весело, тепло... Я буду разговаривать, смѣяться... Но онъ почувствовалъ вдругъ, что онъ ненавидитъ этихъ молодыхъ людей за то, что они съ такимъ аппетитомъ ѣдятъ бутерброты. Въ его сердцѣ зажглась ненависть къ людямъ, къ жизни; его охватило злорадное желаніе отравить чѣмъ-нибудь покой этихъ беззаботныхъ людей. Если бы они сами теперь предложили ему кусокъ, онъ не принялъ бы его, потому что онъ ненавидѣлъ ихъ; а ненавидѣлъ ихъ всего больше за то, что самъ не имѣлъ силы протянуть къ нимъ руку. «Уничтожить себя! со злостью думалъ онъ: уничтожить за то, что я такъ безсиленъ, такъ трусливъ, такъ негоденъ для жизни!... Но пусть и они содрогнутся! пусть и они мучаются, глядя на мое обезображенное тѣло!»...

Затрубилъ рожокъ. «Значитъ, поѣздъ вышелъ, и смерть летитъ на всѣхъ парахъ»... пронеслось въ головѣ Углина. Онъ вышелъ на платформу. Ноги подкашивались подъ нимъ, но онъ не садился: ему казалось, что если онъ сядетъ, то вся его рѣшимость пропадетъ.

Публика высыпала на платформу. Появились посильщики съ бляхами. Молодцовато вышелъ жандармъ, побрякивая шпорами. Вдали показался огонекъ... Еще минута,— и уже можно было разслышать шумъ приближающагося поѣзда.

— Господа, подальше, подальше отъ краю! —осаживалъ публику жандармъ.

— Ахъ, дай Богъ, чтобы Соня пріѣхала!— воскликнула дѣвочка въ сѣрой шапкѣ. Ея румяное отъ морозу личико выражало необыкновенное оживленіе; она не могла спокойно стоять на мѣстѣ: то и дѣло обращалась къ молодому человѣку въ плэдѣ, подбѣгала къ краю платформы, вытягивалась, присѣдала и страшно суетилась, отчего кисточка на ея шапкѣ прыгала во всѣ стороны.

Послышался рѣзкій, продолжительный свистокъ. Разбуженный имъ, изъ залы вышелъ купецъ, зѣвая и крестя ротъ маленькими крестиками. Дѣвочка, увидавъ его, чуть не задохлась отъ смѣху. А въ головѣ Углина проносилась въ это время цѣлая буря несвязныхъ воспоминаній: Афросинья, Хрущева, Севрюгинъ, старичекъ въ золотыхъ очкахъ—все это кружилось передъ нимъ вмѣстѣ съ платформой и публикой, и среди всего этого вихря онъ видѣлъ явственно только два красные огненные глаза.

Поѣздъ подходилъ. Слышно было, какъ онъ сдерживаетъ ходъ и тяжело надвигается. Вотъ заблестѣли рельсы... Вотъ онѣ задрожали...

— Подальше, господа, честью васъ просятъ!—слышится голосъ жандарма.

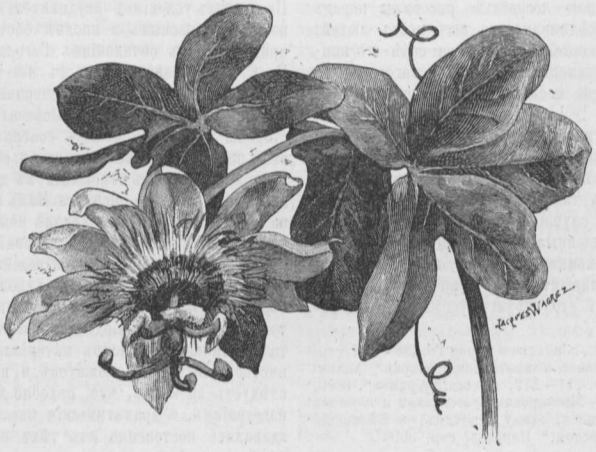
Вотъ и локомотивъ. Углинъ слышитъ его страшное шипѣнье.—«Не хочу!» шепчетъ онъ, а самъ подвигается къ краю платформы. «Кидайся, кидайся!» толкаетъ его что-то. Все помутилось въ немъ... «Не хочу!» стонетъ онъ, а самъ подается впередъ... Вотъ, вотъ они, эти огненные глаза!.. Одно только движеніе—и смерть!.. Но въ эту минуту чья-то сильная рука отбросила его отъ края платформы, и мимо него съ шумомъ и грохотомъ пронесся локомотивъ. Углинъ слышалъ какой-то гулъ, чувствовалъ, что его толкаютъ, но ничего не могъ сообразить. Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ платформы, и дико, безсмысленно смотрѣлъ на толпу людей и на жандарма, который дѣлалъ передъ нимъ угрожающіе жесты. Въ немъ что-то оборвалось, точно онъ пересталъ жить, пересталъ чувствовать самого себя. Мимо него торопливо проходила густая толпа людей, проносили вещи, задѣвали его, наступали на ноги,—а онъ все стоялъ неподвижно, точно онъ сразу разучился понимать и двигаться. Ему запалъ въ душу только одинъ взглядъ, который остановила на немъ дѣвочка въ сѣрой шапкѣ; въ немъ мелькнула при этомъ мысль, что именно такъ посмотрѣлъ бы на него Миша Зарайскій: взглядъ былъ какой-то назойливо-любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганный. Одинъ только этотъ взглядъ и запомнился Углину. Кто-то вывелъ его изъ вокзала, и онъ снова очутился на улицѣ. Оглянувшись по сторонамъ, онъ почувствовалъ непреодолимое, безотчетное отвращеніе къ улицамъ, домамъ, фонарямъ, экипажамъ, ко всему городу, гдѣ ему опять предстояло цѣпляться за жизнь и надрывать безъ того надорванныя силы. Онъ обогнулъ вокзалъ и пошелъ между рядами вагоновъ, уступая дорогу маневрировавшимъ поѣздамъ. Скоро не стало кругомъ ни строеній, ни огней, только вдалекѣ видѣнъ былъ свѣтъ сигнальнаго фонаря. Морозъ къ ночи усилился. По временамъ поднимался вѣтеръ и свободно проносился по открытому полю. Потомъ снова все затихало въ воздухѣ, и только подъ ногами Углина хрустѣлъ снѣгъ. Наверху разстилалось сверкающее звѣздами ночное небо, которое въ открытомъ полѣ казалось ближе къ землѣ, чѣмъ въ городѣ. Сзади Углина сіяла огнями столица, слышенъ былъ шумъ и отдаленные крики. Потомъ все постепенно смолкло, и вокругъ Углина сдѣлалось такъ пусто и такъ мрачно, словно онъ очутился въ необитаемыхъ или вымерзшихъ мѣстахъ. Направо потянулся сосновый лѣсъ, застывшій въ угрюмомъ безмолвіи; кругомъ повсюду раскидывались поля, вездѣ снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ... Далеко-далеко въ двухъ-трехъ деревняхъ мелькали огоньки. Вѣтеръ, то и дѣло, принимался жалобно гудѣть, точно пѣлъ похоронную пѣсню и самъ потомъ прислушивался къ ней...

Углинъ все шелъ, натыкаясь на шпалы и порой увязая въ снѣгу. Онъ миновалъ будку сторожа, погруженную во мракъ, и подошелъ къ мосту. Переходя черезъ него, онъ вдругъ услыхалъ какіе-то жалобные звуки. Присмотрѣвшись, онъ разглядѣлъ маленькаго котенка, который дрожалъ на перилахъ моста и слабо мяукалъ. «Какъ это онъ попалъ сюда? Должно быть, изъ будки сторожа», машинально подумалъ Углинъ, остановился и съ какимъ-то недоумѣніемъ сталъ разглядывать котенка. Котенокъ мяукалъ и не двигался съ мѣста. Углинъ оперся о перила моста и долго стоялъ въ забытьи; но котенокъ подползъ къ нему и началъ царапать его за рукавъ. Тогда Углинъ пришелъ въ себя... «Замерзнетъ»... подумалъ онъ, глядя на котенка, нагнулся и взялъ его. Котенокъ слабо пискнулъ. Углинъ положилъ его за пазуху и скоро услыхалъ сладкое мурлыканье. «Теперь ему тепло», сказалъ самому себѣ Углинъ и пошелъ дальше. Дойдя до кучи шпалъ, онъ опустился на нее и почувствовалъ, что уже больше не встанетъ и не пойдетъ никуда. «Довольно...» прошепталъ онъ, замирая... Мутнымъ взоромъ посмотрѣлъ онъ въ послѣдній разъ на сверкавшій вдали городъ, гдѣ для него не было мѣста; потомъ взглянулъ вверхъ на ярко блещущее небо и почувствовалъ, какъ имъ начинаетъ овладѣвать безмятежное спокойствіе. Онъ закрылъ глаза, засунулъ руки въ карманы пальто, надвинулъ шапку на уши и задремалъ. Легкая дрожь пробѣгала по его тѣлу и заставляла его съеживаться. Изрѣдка онъ открывалъ глаза и видѣлъ передъ собой однообразное бѣлое пространство. Вотъ протрубилъ вдалекѣ желѣзнодорожный рожокъ... «Ми-хай-ло!» отчетливо пронеслось по морозному воздуху,—и снова все замолкло... Вотъ послышался стукъ молотка по колесамъ поѣзда... Пролетѣла запоздалая ворона, сильно хлопая крыльями... И опять все тихо...

Сначала Углинъ ощущалъ теплоту на груди и время отъ времени безсознательно поглаживалъ котенка: ему пріятно было среди безмолвнаго снѣжнаго пространства чувствовать возлѣ себя живое существо, которое нашло свое спасеніе у него на груди... Потомъ руки его безсильно свѣсились. Онъ ничего уже не чувствовалъ: онъ засыпалъ. Ему грезился тотъ же сонъ, который онъ видѣлъ утромъ: снова лежалъ онъ на постели за кисейными занавѣсками, снова мать наклонялась надъ нимъ и будила его, а онъ жадно цѣловалъ ея руки и

умолялъ ее не уходить отъ него, не оставлять его одного. Ему вдругъ стало такъ жаль самого себя, такъ ныло и замирало его сердце, что онъ застоналъ во снѣ... Потомъ онъ погрузился въ еще болѣе глубокое забытье и видѣлъ надъ своей головой роскошное итальянское небо, а подъ ногами—голубую поверхность моря... Но и это видѣніе исчезло: теперь ему грезилось поле, покрытое цвѣтами, и маленькій тѣнистый прудикъ, гдѣ онъ въ дѣтствѣ ловилъ головастиковъ. Солнце ласково улыбается сверху; пахнетъ сѣномъ, полевыми цвѣтами... Какъ хорошо, тепло, привольно! Какъ привѣтливо шумятъ молодыя березки! Какъ легко дышется, какая беззаботность въ сердцѣ, сколько ласки въ этомъ мягкомъ лѣтнемъ вѣтеркѣ!.. Душа отдыхаетъ отъ тревогъ и страданій, свѣжій воздухъ волною вливается въ утомленную грудь, спокойствіе и сладкая нѣга охватываютъ все существо... О, какъ хорошо жить на свѣтѣ!...

Н. Тимковскій.



Драматическія произведенія Гоголя.

(Замѣтки и наблюденія.)

Талантъ Гоголя, какъ извѣстно, былъ не менѣе великъ въ драмѣ, нежели въ эпосѣ. Его изумительная способность почти мгновенно схватывать и съ яркимъ, неподражаемымъ комизмомъ воспроизводить не только голосъ, жесты, пріемы, самый складъ рѣчи наиболѣе близкихъ ему лицъ, но часто даже едва уловимыя внутреннія ихъ черты,—рано или поздно не могла не увлечь его въ область драматической поэзіи. Создавать изъ предполагаемыхъ разговоровъ живыя, глубоко комическія сцены и положенія—во всю жизнь, съ самаго дѣтства, было потребностью и любимымъ развлеченіемъ нашего писателя. Въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о немъ безпрестанно встрѣчаются разсказы о томъ, какъ онъ юношей превосходно копировалъ своихъ профессоровъ, разныхъ знакомыхъ своей матери, а въ зрѣлыхъ годахъ съ необычайною легкостью рисовалъ передъ своими собесѣдниками во весь ростъ людей, чѣмъ-нибудь остановившихъ на себѣ его вниманіе, отъ знаменитаго итальянскаго ученаго Меццофанти до послѣдняго полового на постояломъ дворѣ. [1]) Часто при этомъ, благодаря мимикѣ и другимъ способамъ непосредственной передачи множества мелкихъ, но характеристическихъ оттѣнковъ рѣчи изображаемыхъ лицъ, послѣднія съ такою яркостью выступали передъ глазами слушателей, что неизвѣстныя или даже вымышленныя лица представлялись имъ давними знакомцами. Мысль воспользоваться этимъ счастливымъ даромъ впервые блеснула Гоголю послѣ его перваго успѣшнаго литературнаго дебюта въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Съ этихъ поръ онъ не оставлялъ комедіи до времени исключительнаго погруженія въ главную задачу своей жизни—въ созданіе «Мертвыхъ Душъ».

При изученіи драматическихъ произведеній Гоголя, служившихъ всегда отраженіемъ накопившихся въ душѣ его художественныхъ образовъ, захваченныхъ его памятью въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, весьма существенную трудность представляетъ недостатокъ вполнѣ точныхъ хронологическихъ данныхъ о томъ, въ какой послѣдовательности и какъ именно создавались и обработывались они авторомъ. Такія трудности почти вовсе неизвѣстны изслѣдователямъ Пушкина и большинства другихъ писателей и объясняются прежде всего неопредѣленностью датъ, указываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ самимъ Гоголемъ, а часто даже и совершеннымъ ихъ отсутствіемъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что даже послѣ прекрасныхъ и вполнѣ обстоятельныхъ примѣчаній къ сочиненіямъ Гоголя академика Н. С. Тихонравова, вопросъ все-таки не можетъ считаться безусловно исчерпаннымъ, и мы позволимъ себѣ поэтому высказать съ своей стороны нѣсколько новыхъ соображеній о времени появленія драматическихъ пьесъ изъ-подъ пера автора и ихъ отношеній къ другимъ произведеніямъ нашего писателя. Намъ кажется, что на помощь въ данномъ случаѣ можно до нѣкоторой степени призвать послѣдовательность въ появленіи въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя одинаковыхъ или сходныхъ художественныхъ образовъ, *преимущественно* занимавшихъ въ тотъ или другой періодъ его творческую фантазію, также пересмотръ матеріаловъ для заимствованныхъ имъ сюжетовъ, и, наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что, подобно другимъ произведеніямъ, и драматическія пьесы Гоголя создавались постепенно изъ тѣхъ первоначаль-

[1]) См., напр., „Записки о жизни Гоголя“ т. II, стр. 6, „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 211—212, „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, стр. 19.—Мастерскими разсказами и чтеніемъ Гоголя любовался, между прочимъ, и Бѣлинскій („Литерат. воспом.“ Панаева, стр. 399).

ныхъ отрывочныхъ набросковъ, которые сохранились въ записныхъ книжкахъ автора. Намѣтивъ здѣсь довольно широкую, можетъ быть, программу для изслѣдованій о Гоголѣ въ данномъ направленіи, мы не принимаемъ на себя, однако, нелегкаго труда исполнить ее во всемъ объемѣ, и ограничимся только *указаніемъ* нѣкоторыхъ соображеній.

—

Комедія, начиная съ 1832 г., надолго становится любимымъ предметомъ и главной задачей творчества Гоголя. Къ лѣту этого года, какъ мы знаемъ изъ воспоминаній Аксакова, у него сложился уже вполнѣ опредѣленный и замѣчательно вѣрный взглядъ на задачи и сущность этого рода поэзіи, безъ всякаго сомнѣнія, не только подсказанный свѣтлымъ инстинктомъ художника, но зрѣло обдуманный и выработанный серьезно упорнымъ и сознательнымъ трудомъ мысли. Соображенія, высказанныя Гоголемъ Аксакову случайно и мимоходомъ, при всей ихъ простотѣ и непритязательности, произвели на этого опытнаго и умнаго литератора впечатлѣніе какого-то новаго слова, какого-то художественнаго откровенія. Съ другой стороны, въ набросанныхъ Гоголемъ въ 1832 г. «Матеріалахъ общихъ» мы находимъ такія мысли, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на то направленіе, въ какомъ онъ предполагаетъ создавать свои комедіи, выработанное, въ свою очередь, жизненнымъ опытомъ и наблюденіями автора. Въ «Матеріалахъ общихъ» у Гоголя значится: «Старое правило: уже хочетъ достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство и отдаленіе желаемаго предмета на огромное разстояніе». [1]) Эти незначительныя, повидимому, слова являются, въ самомъ дѣлѣ, программой для всей драматической дѣятельности Гоголя и вездѣ они примѣняются къ главному герою комедіи. Вспомнимъ городничаго, Ихарева и чиновника, помѣшавшагося отъ неполученія ожидаемаго ордена. Мало того: и въ эпическихъ произведеніяхъ Гоголя нерѣдко повторяется то же самое («Шинель», «Мертвыя Души»). Также всецѣло могутъ быть отнесены къ каждой изъ комедій Гоголя слѣдующія затѣмъ строки въ общихъ матеріалахъ: «Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озаримее его новымъ свѣтомъ.» Указанное обстоятельство даетъ намъ право остановиться на нѣкоторыхъ общихъ особенностяхъ всѣхъ драматическихъ пьесъ Гоголя.

[1]) Соч. Гог., изд. II, т. II, стр. 734 и 451. См. факсимиле въ № 5 „Артиста“. Выраженіе одного изъ набросковъ: „фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосинную: она гораздо лучше фланелевой“ почти безъ измѣненія вошло въ текстъ комедіи (стр. 451), но сказано самому Ивану Петровичу, а не женѣ его, какъ первоначально предполагалось („сударыня“).

II.

Главной особенностью натуры Гоголя была его глубокая оригинальность, рѣзко выдѣлявшая его изъ толпы и оставившая яркій отблескъ на его сочиненіяхъ. Всегда и вездѣ онъ оставался въ строгомъ смыслѣ слова самимъ собой, съ своей характерной, чисто-національной украинской нравственной физіономіей, нисколько не принимая того спеціальнаго отпечатка, который налагаютъ почти на каждаго профессія, обстановка, условія жизни. При встрѣчѣ каждый видѣлъ въ немъ прежде всего малороссіянина; но трудно было бы замѣтить въ его характерной малороссійской фигурѣ отраженіе какихъ-либо типическихъ признаковъ бывшаго чиновника, профессора или писателя [1]). Такимъ же оригинальнымъ самородкомъ являлся Гоголь въ своей литературной дѣятельности, въ своемъ творчествѣ, по глубоко-справедливому замѣчанію одного критика, находившаго что «въ развитіи своемъ Гоголь былъ независимѣе отъ посторонннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ писателей». Эту-то самобытность его натуры и таланта необходимо имѣть въ виду прежде всего, въ какомъ бы мы отношеніи ни стали разсматривать Гоголя.

Какъ писатель драматическій, кромѣ обычныхъ его свойствъ тонкой наблюдательности, умѣнія въ высокой степени правдиво, просто и ярко воспроизводить окружающую жизнь, Гоголь отличается еще тѣмъ, что у него комическое положеніе дѣйствующихъ лицъ обыкновенно создается не внѣшними условіями и не одной только въ нихъ комической стороной, какъ-то: алчностью, невѣжествомъ, хвастовствомъ; въ комическое положеніе не *фатально* попадаютъ дѣйствующія лица, становясь жертвой судьбы или обмана со стороны другихъ людей, но, напротивъ, они сами ставятъ себя въ него безпрестанно какими-нибудь нелѣпыми поступками и соображеніями. Какъ бы наблюдая ихъ съ особенно выгодной позиціи, авторъ сразу видитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, тогда какъ

[1]) Въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній И. С. Тургеневъ замѣтилъ, что „въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ, было что то не профессорское, а учительское, напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ“ (соч. И. С. Тургенева, т. I, стр. 69),—но, во-первыхъ, этотъ отзывъ остается одинокимъ во всей обширной литературѣ о Гоголѣ, во-вторыхъ—относится къ позднѣйшимъ годамъ его жизни, когда Гоголь давно уже оставилъ свою непродолжительную преподавательскую дѣятельность, да и самъ Тургеневъ былъ далекъ отъ мысли ставить свое летучее наблюденіе въ связь съ предшествующей дѣятельностью Гоголя. О впечатлѣніи, производимомъ Гоголемъ въ послѣдніе годы, см. также въ воспоминаніяхъ г. Берга („Русск. Стар.“, 1872, 1, 119, 120).

обыкновенному взору были бы доступны лишь нѣкоторыя. Комизмъ безпрестанно поддерживается и возвышается во все продолженіе дѣйствія явной неспособностью дѣйствующихъ лицъ смотрѣть на свое положеніе просто и разумно, тогда какъ, благодаря тонкой проницательности автора и искусному руководству имъ зрителей, это становится легко для самаго заурядняго изъ послѣднихъ. Верхъ совершенства представляетъ въ этомъ отношеніи извѣстная встрѣча Хлестакова и городничаго; но съ не менѣе поразительной яркостью выступаетъ это искусство во всей пьесѣ «Театральный Разъѣздъ», гдѣ мнѣнія и толки, не только возможные, но существовавшіе на самомъ дѣлѣ и даже не казавшіеся въ свое время особенно уродливыми и безобразными, эти самые безцвѣтные и пустые толки, озаренные могучей силой истиннаго комизма, безъ всякой натяжки и, тѣмъ болѣе, карикатуры, выдаютъ головой тѣхъ, кѣмъ они высказывались; мало того, во многомъ они должны быть признаны имѣющими *до извѣстной степени* общечеловѣческое значеніе и возможными всюду и во всѣ времена, такъ какъ, передавая ихъ въ художественной формѣ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ схватить вообще типическія черты взглядовъ и сужденій пестрой толпы, высказываемыхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ спектакля.

Другой, не менѣе важной отличительной особенностью драматическихъ произведеній Гоголя можно считать то, что заблужденія комическихъ лицъ представляются у него послѣднимъ тѣмъ убѣдительнѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ невѣроятнѣе они кажутся при нормальномъ взглядѣ на вещи, — и при всемъ томъ Гоголь ни мало не впадаетъ въ карикатуру и ни на шагъ не отступаетъ отъ требованій самаго строгаго реализма. Во многихъ герояхъ Островскаго единственнымъ или значительно преобладающимъ источникомъ комизма служитъ ихъ самодурство, забитость и проч.; у Гоголя комизмъ Хлестакова или городничаго заключается не въ одномъ хвастовствѣ и легкомысліи перваго или въ преступной корыстности послѣдняго, но оба они, кромѣ того, различнымъ образомъ безпрестанно обращены къ зрителямъ съ комическихъ сторонъ, такъ какъ имъ не удается прямо взглянуть на вещи и увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, какъ это часто бываетъ и въ жизни, но лишь раскрывается въ ней слишкомъ поздно. Вообще, конечно, эта способность взглянуть на дѣло толково и просто встрѣчается въ дѣйствительности несравненно рѣже, нежели какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда, и изображеніемъ этого, въ высокой степени жизненнаго и реальнаго, явленія пользовался Гоголь въ своихъ комедіяхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Не грозная дѣйствительность» — говоритъ Бѣлинскій о городничемъ — «а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти должны были наказать человѣка призраковъ». [1]) Жертвы обмановъ въ комедіяхъ Гоголя попадаютъ въ свое жалкое положеніе обыкновенно не въ силу чьего-либо злого умысла, который если и бываетъ иногда въ наличности, то не иначе, какъ играя второстепенное значеніе въ ходѣ пьесы, но въ силу цѣлаго естественнаго сцѣпленія обстоятельствъ и возбуждаемыхъ ими недоразумѣній, главнымъ же образомъ, по винѣ *собственной* порочности и оплошности дѣйствующихъ лицъ. Что этотъ пріемъ имѣетъ далеко не случайное, но, напротивъ, самое существенное и глубоко обдуманное значеніе въ «Ревизорѣ», ясно уже изъ того, что также и въ другихъ пьесахъ Гоголя комическія лица видятъ себя въ концѣ пьесы одураченными и опозоренными *непремѣнно по собственной винѣ*. Какъ въ «Ревизорѣ» для городничаго не остается больше никакого утѣшенія, кромѣ расточаемыхъ имъ самому себѣ брани и упрековъ, такъ точно въ «Игрокахъ» Ихаревъ принужденъ сознаться, что положеніе каждаго мошенника, разсчитывающаго на свою «тонкость ума и развитіе», благодаря которымъ онъ надѣется всѣхъ обмануть и не быть обманутымъ самому, всегда непрочно, потому что того и гляди, «тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ, мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ». [2]) Этого недостаточно; онъ принужденъ сознаться, что дѣла поправить невозможно: винить некого и жаловаться онъ не имѣетъ права, такъ что совершенно напраснымъ оказывается его отчаянный и безсильный вопль: «законъ! законъ! законъ призову!» Въ этомъ убійственномъ сознаніи своей вины и безпомощности какъ городничаго, такъ и Ихарева, и заключается глубокая нравственная идея, положенная авторомъ въ основу обѣихъ комедій. Въ комедіи «Владиміръ 3-й степени» также, по первоначальному замыслу Гоголя, мнимодѣловой человѣкъ, Иванъ Петровичъ, долженъ былъ кончить сумасшествіемъ, когда всплывшія наружу его нечистыя продѣлки убили въ немъ надежду на вожделѣнную награду, и онъ съ горя вообразилъ себя самого не доставшимся ему, несмотря на всѣ старанія, орденомъ. [3]) Въ развязкѣ всѣхъ этихъ комедій Гоголя въ самомъ дѣлѣ является «неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ и

[1]) См. разборъ „Горе отъ ума“ (и „Ревизора)“ въ 3 томѣ сочиненій Бѣлинскаго, стр. 476 (изд. 1884 г.).

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 422 и 447.

[3]) См. примѣч. Н. С. Тихонравова, въ концѣ 2 тома X изд. сочиненій Гоголя.

озаряющее его новымъ свѣтомъ», но всего ярче это видно въ «Ревизорѣ» и «Игрокахъ».

III.

Еще въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» повѣствовательная форма нерѣдко смѣнялась у Гоголя діалогомъ, и уже тогда Плетневъ замѣчалъ, что его въ этихъ «сказкахъ всегда поражали драматическія мѣста» [1]). По выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ», помыслы Гоголя преимущественно устремились на созданіе комедіи, но исполниться имъ суждено было нескоро; много времени прошло, пока богатыя и разнородныя, но еще отрывочныя, наблюденія стали слагаться у него въ опредѣленный драматическій рисунокъ. Какъ могъ приблизительно происходить предполагаемый нами процессъ работы у Гоголя, покажутъ слѣдующіе примѣры. Кромѣ матеріаловъ общихъ, въ записной книгѣ автора находимъ также и матеріалы частные. Послѣдніе имъ вскорѣ были употреблены въ дѣло, но они, вѣроятно, не сразу заняли свои окончательныя мѣста въ разныхъ комедіяхъ, а скорѣе, подобно именамъ собственнымъ, переставлялись и исправлялись въ нѣсколько пріемовъ. Тѣмъ не менѣе, уже въ начатой въ 1833 г. комедіи «Владиміръ 3-й степени» мы находимъ отчасти лишь намѣченныя раньше мысли, отчасти же просто внесенныя почти безъ перемѣны цѣлыя фразы. Таковы, напр., слова неизвѣстнаго лица въ одномъ изъ наброскoвъ: «Что вамъ сталъ вицъ-мундиръ? Почемъ суконцо?» — «Да, да! Ну, а разскажите. — Да, объ чемъ, бишь, вы говорили?» [2]) Все это, какъ нетрудно догадаться, вошло цѣликомъ въ «Утро дѣлового человѣка» въ томъ мѣстѣ, гдѣ Александръ Ивановичъ, передавая своему сослуживцу Ивану Петровичу вымышленный разговоръ съ его «высокопревосходительствомъ» и затрудняясь придумать продолженіе рискованнаго разсказа, неожиданно перебиваетъ себя вопросомъ о томъ, на чей счетъ расписаны потолки у Ивана Петровича, на свой или хозяйскій, тогда какъ онъ не могъ не знать, что квартира его пріятеля была казенная. Онъ до тѣхъ поръ пытается уклониться отъ продолженія прерваннаго разсказа, пока нетерпѣливый собесѣдникъ настойчивыми вопросами не возвращаетъ его къ оставленной темѣ. Совершенно такой же неумѣстный вопросъ, съ такой же явной натяжкой, въ «Коляскѣ» дѣлаетъ Чертокуцкій объ экипажѣ для верховой лошади. Отсюда, конечно, нельзя вывести заключенія, будто въ приведенномъ выше черновомъ наброскѣ Гоголь имѣлъ въ виду матеріалъ именно для указанной сцены, но совершенно наоборотъ: онъ скорѣе послѣ воспользовался уже готовымъ штрихомъ для исполненія уже созрѣвавшей въ его фантазіи новой картины [1]). Такія отрывочныя наблюденія нерѣдко входили, въ различной группировкѣ, какъ составная часть, въ произведенія, принадлежащія къ одному и тому же времени, и если они были мелочныя, то забывались современемъ навсегда, въ противномъ случаѣ, повторялись иногда очень долго.

IV.

Въ 1833 году Гоголемъ была написана значительно передѣланная позднѣе пьеса «Женитьба», озаглавленная первоначально «Женихи». Дата, указанная авторомъ, не подлежитъ сомнѣнію по сходству многихъ мѣстъ пьесы съ другими одновременными произведеніями и по своей безспорной принадлежности къ тѣмъ художественнымъ замысламъ поэта, которыя предшествовали произведеніямъ съ широкой общественной идеей. Въ планѣ и построеніи «Женитьбы» ясны слѣды сходства съ наиболѣе ранними опытами Гоголя: такъ, положенный въ основу комедіи внѣшній пріемъ сильно напоминаетъ еще «Ночь передъ Рождествомъ», которая, въ свою очередь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Солоха принимаетъ гостей, имѣетъ поразительное сходство съ «Сорочинской Ярмаркой», представляя въ сущности лишь болѣе сложное развитіе интриги въ сравненіи со сценой, гдѣ Хивря, въ отсутствіе мужа, тайкомъ принимаетъ поповича, и объ эти сцены были, очевидно, подсказаны соотвѣтствующимъ комическимъ положеніемъ еще въ комедіи Гоголя-отца «Романъ и Параска». Наконецъ, «Женитьба» въ смыслѣ развитія интриги и яркой обрисовки дѣйствующихъ лицъ стоитъ еще ступенью выше, если послѣднее выраженіе не слишкомъ умаляетъ достоинство этого уже значительно болѣе зрѣлаго произведенія.

При выборѣ невѣсты Подколесинъ, типъ, принадлежащій нѣсколько болѣе интеллигентной средѣ, является передъ нами уже съ разносторонними, сравнительно, требованіями, касающимися происхожденія, приданаго и наружности невѣсты. Наивные ухаживатели малороссійскаго захолустья въ этомъ отношеніи не могутъ идти въ сравненіе съ представителемъ хотя бы мелкаго петербургскаго чиновничества. Впрочемъ, Подколесинъ отличается въ данномъ случаѣ также и отъ каждаго изъ своихъ соперниковъ, въ лицѣ которыхъ авторъ спеціально оттѣняетъ нѣкоторые отдѣльные, наибо-

[1]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 522.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 734.

[1]) Подобные примѣры часто находимъ у Гоголя; такъ, въ черновой редакціи „Мертвыхъ Душъ“ читаемъ: „время, неугомонный живописецъ, расписываетъ весь родъ человѣческій и что́ ни есть на свѣтѣ, и въ томъ числѣ мужскія и женскія лица“ и проч.,—выраженіе, взятое изъ прежнихъ сочиненій и затѣмъ уже замѣненное въ окончательной редакціи. (См. „Русск. Стар.“, 1885, XII, 570 и соч. Гоголя, изд. X, т. I. стр. 10, т. V, стр. 52).

лѣе часто встрѣчающіеся, мотивы и побужденія, какими обыкновенно руководятся люди извѣстной среды при вступленіи въ бракъ. Такъ, Яичница олицетворяетъ собой голый разсчетъ и безстыдную погоню за деньгами, желая получить уже въ приданое къ нимъ невѣсту, хотя-бы и завѣдомо глупую; морякъ Жевакинъ, совершенно отдаваясь грубымъ животнымъ инстинктамъ, готовъ видѣть въ каждой кускѣ олицетвореніе красоты или такъ-называемый имъ «розанчикъ», предпочитая, однако-же, тѣхъ, которыя «въ тѣлѣ»; наконецъ, Анучкинъ, пропитанный весь хлестаковскимъ стремленіемъ по возможности тянуться за свѣтомъ, требуетъ, если не утонченныхъ манеръ, то знанія непонятнаго и ненужнаго ему французскаго языка. Объединеніе въ извѣстной, менѣе рѣзкой степени всѣхъ указанныхъ чертъ въ Подколесинѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что въ его личности авторъ имѣлъ въ виду сосредоточить комизмъ на его забавной, доходящей до крайностей, нерѣшительности въ такомъ, правда, роковомъ вопросѣ, какъ бракъ, въ чемъ, къ слову сказать, онъ сходится также и съ своей невѣстой, но только отчасти. Въ недраматическихъ произведеніяхъ Гоголя мы снова встрѣчаемъ у разныхъ его героевъ то проявленіе какихъ-нибудь отдѣльныхъ требованій при выборѣ невѣсты во вкусѣ указанныхъ выше; такъ, подобно поручику Пирогову, и маіоръ Ковалевъ «былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстой случится двѣсти тысячъ капиталу» [1]), или соединеніе тѣхъ притязаній, которыя распредѣлены порознь между дѣйствующими лицами «Женитьбы». Такъ, напр., Чичикову при мысли о будущей женѣ тотчасъ-же «представлялась молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купеческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку» [2]).

Женскія лица вообще немногочисленны въ произведеніяхъ Гоголя; небогаты ими и его драматическія произведенія. За исключеніемъ прекрасныхъ, но сильно идеализированныхъ типовъ молодыхъ казачекъ въ «Вечерахъ на Хуторѣ» и панночки въ «Миргородѣ», онѣ всегда представляютъ у Гоголя только разныя варіаціи однихъ и тѣхъ-же излюбленныхъ авторомъ типовъ пустой свѣтской дамы съ молоденькой и пустенькой дочерью. Такъ эти личности повторяются съ измѣненіями въ «Ревизорѣ», «Портретѣ» и проч., даже мимоходомъ въ повѣсти «Носъ», гдѣ маіоръ Ковалевъ, разсматривая товары на гостиномъ дворѣ, неожиданно замѣтилъ «подошедшую пожилую даму, всю убранную кружевами, и съ нею тоненькую, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной таліи, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ пирожное» [1]). Но эти типы принадлежатъ столичной или уѣздной quasi-аристократіи; въ «Женитьбѣ» же, гдѣ изображены низшіе слои петербургскаго общества, потребовались иные типы: Өеклы, Арины Пантелеймоновны, Агаѳи Тихоновны, причемъ послѣднія, съ ея безотчетнымъ, но сильнымъ стремленіемъ выйти не иначе, какъ за «благороднаго», является прямой предшественницей Липочки Большовой, подобно тому какъ Өекла — не повторяющимся болѣе у Гоголя типомъ свахи вродѣ Устиньи Наумовны, а Замухрышкинъ въ «Игрокахъ» — единственнымъ въ его произведеніяхъ типомъ подъячаго. Впрочемъ, въ роли свата выступаетъ Кочкаревъ, своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій соотвѣтствуя мужеподобной Василисѣ Кашпаровнѣ (въ повѣсти «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька»), которой, судя по словамъ одного письма Гоголя къ Данилевскому, предстояло въ неоконченной повѣсти повѣнчать примѣрнаго племянника съ благонравной дѣвицей Марьей Гавриловной [2]). Возвращаясь къ Агафьѣ Тихоновнѣ, прибавимъ еще, что типъ ея, вѣроятно, былъ приблизительно намѣченъ одновременно съ «Невскимъ Проспектомъ», судя по слѣдующимъ словамъ: «Молодые люди, (подобные поручику Пирогову)—достигаютъ, наконецъ, до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепіано, съ сотнею тысячъ, или около того, наличныхъ и съ кучею брадатой родни. Однако-жъ, этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслужившись, по крайней мѣрѣ, до полковничьяго чина, потому что русскія бородки, несмотря на то, что отъ нихъ еще сильно отзывается капустой, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ, или, по крайней мѣрѣ, полковниковъ» [3]). Но подробнѣе обрисовать эту среду выпало на долю уже иного великаго писателя.

Такимъ образомъ изъ указаннаго, надѣемся, достаточно наглядно представляется связь «Женитьбы» съ другими произведеніями Гоголя, создававшимися въ промежутокъ отъ 1830 до 1834 года включительно. Но, кромѣ того, еще однимъ критикомъ въ шестидесятыхъ годахъ было отмѣчено, что «въ простомъ очеркѣ характера Ивана Ѳедоровича Шпоньки таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина», а нѣкоторыми своими чертами тотъ же Подколесинъ представляетъ несомнѣнное сход-

[1]) См. Соч. Гоголя, 3-е изд. наслѣдниковъ, т. III, стр. 301 и съ небольшими перемѣнами изд. X, т. III, стр. 307.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 7—8.

[1]) Тамъ-же, стр. 10.

[2]) Т. V, стр. 44, „Соч. и письма Гоголя".

[3]) Т. V, стр. 276. О стремленіи купцовъ тянуться за высшими сословіями есть замѣчаніе также въ „Игрокахъ": „Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына? — или чтобы онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу" (т. II, стр. 443).

ство даже съ поручикомъ Пироговымъ и маіоромъ Ковалевымъ. Отличаясь отъ послѣднихъ въ основѣ своего характера, онъ поразительно сходится съ ними въ томъ забавномъ благоговѣніи, которое каждый изъ нихъ питаетъ къ своему въ сущности даже невысокому чину. Такъ, Подколесинъ носится съ своимъ чиномъ надворнаго совѣтника. «Да вѣдь я потому тебя спрашиваю—говоритъ онъ свахѣ—что я—надворный совѣтникъ» и самодовольно разсуждаетъ самъ съ собой: «Я того мнѣнія, что черные фраки какъ-то солидиѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, *титулярной и прочей мелюзгѣ*—молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны наблюдать, какъ говорится этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ!» [1]) Онъ имѣетъ претензію и на репутацію въ «хорошемъ обществѣ»: «Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однако-же, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужь въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія». Не меньше озабоченъ тѣмъ, чтобы не уронить своего достоинства и чина, и маіоръ Ковалевъ, который наказываетъ продавщицамъ: «ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только: «здѣсь живетъ *«маіоръ»* Ковалевъ». О Ковалевѣ авторъ замѣчаетъ, что онъ «чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію». [2]) Поручикъ Пироговъ, съ своей стороны, также никакъ не могъ утерпѣть, чтобы не сдѣлать замѣчанія невѣжливому встрѣчному, что «передъ нимъ *поручикъ*, а не другой какой офицеръ» [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что указанная черта была дана Гоголю наблюденіями надъ русской жизнью вообще и была чрезвычайно распространена у насъ въ началѣ текущаго столѣтія, но всего больше она бросалась въ глаза нашему писателю во время его петербургской жизни и особенно подъ впечатлѣніями департаментской службы. Когда впослѣдствіи, вернувшись въ первый разъ изъ-за границы, Гоголь, какъ говорятъ, на вопросъ о первомъ поразившемъ его на родинѣ впечатлѣніи, отвѣтилъ, что прежде всего онъ услышалъ пословицу: «чинь чина почитай», —то эта шутка имѣла основаніемъ, конечно, давнія впечатлѣнія. Соотвѣтствующія проявленія ограниченнаго самодовольства подмѣчались имъ, впрочемъ, въ самыхъ различныхъ сферахъ, напр., даже въ портномъ Петровичѣ въ «Шинели», который, заломивъ высокую цѣну, «былъ доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ». Вспомнимъ также слѣдующія строки въ первой части «Мертвыхъ душъ»: «Чичиковъ, *чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены* и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки» [1]). Но здѣсь въ Чичиковѣ говоритъ уже чувство самолюбія помѣщичьяго и дворянскаго. Это мѣсто, въ свою очередь, напоминаетъ слова Подколесина Кочкареву: «Въ своемъ-ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится» [2]) и то мѣсто въ «Запискахъ сумасшедшаго», гдѣ Поприщинъ, гордясь тѣмъ, что онъ—дворянинъ, разсуждаетъ самъ съ собой, что «если какой-нибудь простой мѣщанинъ или даже крестьянинъ —и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его. Когда изъ мужика иногда выходитъ этакое, то что же можетъ выйти изъ дворянина» [3]). Возвращаясь теперь къ малороссійскимъ повѣстямъ Гоголя, мы не можемъ не отмѣтить, что въ послѣднихъ гораздо чаще встрѣчается изображеніе наивнаго страха или благоговѣнія передъ головой или комиссаромъ, нежели самодовольное упоеніе собственнымъ положеніемъ. Примѣръ послѣдняго можетъ, однако, и тамъ быть указанъ въ личности головы въ повѣсти „Майская Ночь“, но тутъ была особая, исключительная причина: „о чемъ бы ни говорили съ нимъ, голова всегда умѣетъ поворотить на то, какъ онъ везъ царицу и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ“ [4]). Въ позднѣйшихъ же произведеніяхъ, написанныхъ Гоголемъ за границей, т.-е. въ „Мертвыхъ Душахъ“, „Театральномъ Разъѣздѣ“ и проч., чинопочитаніе и довольство ограниченности, если изображается Гоголемъ, то гораздо рѣже, въ иной формѣ и съ иной точки зрѣнія. Такимъ образомъ частые случаи изображенія чинопочитанія именно въ петербургскій періодъ находятъ себѣ естественное объясненіе въ нравахъ современнаго ему общества, тогда какъ позднѣе не подновляемыя въ указанномъ направленіи во время его жизни за границей впечатлѣнія потускнѣли и стали понемногу забываться. Заключая рѣчь объ изображеніи чинопочитанія въ „Женитьбѣ“ и другихъ одновременныхъ произведеніяхъ, мы должны оговориться, что, будучи строгимъ консерваторомъ и гнушаясь даже названіемъ либерала, Гоголь, при изображеніи указанной черты, отнюдь не руководился какими-либо посторонними чистому искусству соображеніями; но это тѣмъ болѣе показываетъ, сколько матеріала для сатиры невольно накоплялось у безпристрастнаго наблюдателя современныхъ ему бюрократическихъ сферъ, и насколько этотъ-то обильный матеріалъ самъ собой просился подъ перо худож-

[1]) Т. II, стр. 356.
[2]) Тамъ же, стр. 17.
[3]) Т. V, стр. 277.

[1]) Т. III, стр. 83.
[2]) Т. II, стр. 365.
[3]) Т. V, стр. 357.
[4]) Т. I, стр. 60.

ника, приведеннаго глубоко запавшими въ его душу живыми, яркими образами къ произведеніямъ уже съ серьезной общественной идеей. Но прежде чѣмъ говорить о послѣднихъ, позволимъ себѣ указать еще нѣкоторыя, менѣе важныя, параллели между отдѣльными лицами „Женитьбы“ и другихъ одновременныхъ произведеній Гоголя.

Мы указывали выше сходство между Кочкаревымъ и Василисой Кашпаровной въ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“ относительно роли ихъ въ сватовствѣ Шпоньки и Подколесина. Съ другой стороны, своей беззастѣнчивой и размашистой натурой Кочкаревъ представляетъ замѣченное еще Бѣлинскимъ сходство съ Ноздревымъ: *онъ „добрый и пустой малый, нахалъ и разбитная голова“* [1]). Но тотъ же Кочкаревъ своей смѣлой ложью и отчаянно-самоувѣренной импровизаціей приближается къ Собачкину и Хлестакову. Всѣ трое во вкусѣ Загорѣцкаго, слишкомъ легко выходятъ изъ затрудненія, когда имъ приходится показывать видъ, что имъ все извѣстно. Приведемъ примѣры.

Кочкаревъ. Агаѳья Тихоновна Брандахлыстова?

Ѳекла. Анъ нѣтъ—Купердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что-ли живетъ?

Ѳекла. Ужь вотъ нѣтъ; будетъ поближе въ Пескамъ.

Или:

Кочкаревъ. (*Агаѳьѣ Тихоновнѣ*) Однако-жь, припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѳья Тихоновна. Право не знаю. Ужь развѣ не у Бирюшкиныхъ-ли?

Кочкаревъ. Именно, у Бирюшкиныхъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ. Какъ-же, вышла замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Кочкаревъ. Да кто-то, я помню, что-то было: „или вышла замужъ, или переломила ногу“ [2]).

Ср. въ „Отрывкѣ“:

Марья Александровна. Скажите, вы вѣрно знаете, есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ?

Собачкинъ. Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ, а впрочемъ, могу справиться“ [3]).

Такъ какъ всѣ упомянутыя лица являются въ повѣстяхъ, написанныхъ въ промежуткѣ отъ 1833 по 1835 г. („Носъ“, „Невскій проспектъ“, „Записки сумасшедшаго“), а въ послѣднемъ начаты и первыя главы „Мертвыхъ душъ“, то связь ихъ съ „Женитьбой“ несомнѣнна. Сходство же Кочкарева съ Ноздревымъ особенно ярко подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ въ первой части „Мертвыхъ душъ“: „Ноздревъ былъ рѣшительный человѣкъ, для котораго затрудненій не существовало вовсе. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись; объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ [1]) и проч. Такимъ образомъ, „Женитьба“ нѣкоторыми отдаленными звеньями имѣетъ отношеніе даже къ этому величайшему произведенію Гоголя.

Еще одно замѣчаніе: „Женитьба“, вѣроятно, почти исключительно поглотила вниманіе Гоголя въ 1833 г., потому что въ это время его литературные труды подвигались вяло, такъ же какъ и въ слѣдующіе года, когда онъ былъ въ значительной степени отвлеченъ учительскими и профессорскими трудами, литературнымъ результатомъ которыхъ явились потомъ „Арабески“, и въ то же время онъ не переставалъ упорно работать надъ повѣстями, составлявшими продолженіе „Вечеровъ“ и получившими названіе „Миргорода“. Такимъ образомъ, благодаря усиленной дѣятельности въ иномъ направленіи, Гоголь не имѣлъ возможности сосредоточиться на драмѣ и откладывалъ давно задуманные сюжеты, ограничиваясь пока черновыми набросками. Такъ оставалась неоконченной начатая въ первыхъ мѣсяцахъ 1833 г. комедія „Владиміръ 3-й степени“.

V.

Первымъ произведеніемъ въ ряду тѣхъ, въ которыхъ Гоголь задается серьезной общественной идеей, является уже комедія „Владиміръ 3-й степени“. Въ этой пьесѣ поэтъ намѣревался изобразить одно должностное лицо не въ томъ ложномъ, выгодномъ для него, свѣтѣ, въ какомъ оно старалось выставить себя на показъ передъ начальствомъ и подчиненными, но съ его настоящей, закулисной стороны, со всѣми его недостатками и въ значительной мѣрѣ пошлостью. Работая надъ этой комедіей, Гоголь не безъ основанія опасался затрудненій со стороны цензуры: хотя уцѣлѣвшія отъ нея отдѣльные отрывки представляются сравнительно очень невинными, но въ цѣломъ комедія должна была явиться рѣзкимъ и, быть можетъ, безпримѣрнымъ въ то время обличеніемъ недостатковъ среднихъ оффиціальныхъ сферъ, подобно тому, какъ вскорѣ болѣе скромныя служебныя сферы были изображены въ „Ревизорѣ“. Никто, кромѣ, и то лишь *отчасти*, друзей Гоголя, не

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 445.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 377; ср. также на стр. 361.
[3]) Тамъ же, стр. 476.

[1]) Т. III, стр. 208.—Впрочемъ, одна черта Кочкарева повторена и въ Чичиковѣ, въ слѣдующихъ его словахъ: „Что глядѣть на то, что человѣкъ плюется“. (Ср. т. II, стр. 389, и III т., стр. 309).

подозрѣвалъ истиннаго значенія комедіи, такъ какъ въ отрывкахъ утрачивалась соль произведенія; даже Бѣлинскій смотрѣлъ на нихъ только какъ на нѣчто весьма талантливое, но неважное по содержанію, какъ это ясно изъ слѣдующихъ его словъ: „эти сцены нельзя назвать комедіями по ихъ объему; онѣ относятся къ комедіи, какъ повѣсть относится къ роману. Всѣ эти сцены носятъ на себѣ рѣзкую печать таланта автора „Ревизора“ и, подобно ему, до сихъ поръ остаются въ нашей литературѣ уединенными памятниками среди широкой песчаной степи, гдѣ не видно ни деревца, ни былинки“[1]). Такимъ образомъ даже Бѣлинскій, разсматривая эти отрывки *исключительно съ эстетической точки зрѣнія*, не могъ и подозрѣвать *общественнаго значенія* разорванной по клочкамъ піесы, хотя въ то время, когда писалъ этотъ отзывъ, онъ былъ уже склоненъ особенно цѣнить послѣднее. Въ отрывкахъ же была извѣстна эта комедія и друзьямъ Гоголя. Погодинъ записалъ однажды въ дневникѣ: „Гоголь читалъ мнѣ *отрывки* изъ двухъ своихъ комедій: одну подъ заглавіемъ „Комедія“, другая—„Провинціальный женихъ“. Изъ дальнѣйшихъ словъ: „Какіе чиновники на сценѣ, *какіе канцелярскіе служители!*“.[2]) можно предположить, что предыдущія строки относятся скорѣе къ комедіи „Владиміръ 3-й степени“. Послѣ этого неудивительно, что менѣе знавшій его пока Аксаковъ только въ комедіи „Ревизоръ“ видѣлъ проявленіе его таланта „въ новомъ и глубокомъ значеніи“. Между тѣмъ, если сопоставить всѣ четыре сохранившіеся отрывка комедіи между собой и съ другими произведеніями Гоголя, то даже изъ этихъ фрагментовъ, особенно послѣ обстоятельныхъ примѣчаній Н. С. Тихонравова, выясняется, что въ „Владимірѣ 3-й степени“ на ряду съ пошлой чиновнической страстишкой распекать низшихъ, единственно ради показанія своей силы и власти, представлены непроходимая пустота и бездѣлье иныхъ должностныхъ лицъ, занимающихъ даже замѣтныя мѣста и прикрывающихъ свое полное ничтожество личиной будтобы неусыпнаго усердія къ дѣлу, проявляемаго, впрочемъ, исключительно въ пустомъ соблюденіи формъ или такихъ мелочей, какъ недопущеніе въ переносѣ титула *сіятельство* и проч.[3]).

«Утро дѣлового человѣка», прямо вводящее читателя въ сферу изображаемаго дѣйствія, должно было, безъ сомнѣнія, служить началомъ комедіи «Владиміръ 3-ей степени»: у Гоголя всегда находимъ завязку въ первыхъ же строкахъ комедіи, а такая завязка, какъ та, какую видимъ въ этой пьесѣ, должна была сразу же выставить передъ зрителями на показъ возмутительное противорѣчіе между служебной недобросовѣстностью и совершеннымъ отсутствіемъ сознанія долга въ Иванѣ Петровичѣ съ одной стороны, и его обширными притязаніями на незаслуженныя награды съ другой. Завязка заключается собственно въ словахъ Ивана Петровича: «Господи Боже мой, ну что, если бы его превосходительство сказалъ: «такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю»[1]) и проч. Далѣе необходимо обратить вниманіе на слова Ивана Петровича: «Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если бы получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства». Въ этихъ послѣднихъ словахъ нельзя не замѣтить явнаго сходства съ подобными же разсужденіями городничаго въ «Ревизорѣ»: «Господи, Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно. Наградитъ-ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, но крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ» [2]) и въ другомъ мѣстѣ: «ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ».[3]) Какъ городничій, вмѣсто справедливаго наказанія, желалъ и надѣялся получить награду за мнимые неусыпные труды, заговаривая о ней даже въ минуту сильнѣйшаго страха выысканій за свои «грѣшки», такъ и Иванъ Петровичъ въ «Утрѣ дѣлового человѣка», несмотря на то, что, не интересуясь службой, онъ безпрестанно развлекался картами и даже по цѣлымъ часамъ безъ свидѣтелей забавлялся у себя дома съ какой-нибудь комнатной собачкой, считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на полученіе Владиміра 3-ей степени—за то собственно, что будто бы «потомъ и кровью» достигъ въ канцеляріи такого порядка, что стоитъ взять въ руки бумагу и «душа радуется, духъ торжествуетъ»[4]). Такимъ образомъ, избравъ завязкой чиновничье честолюбіе Ивана Петровича, Гоголь, очевидно, еще въ самомъ началѣ своихъ работъ надъ комедіей, держался уже взгляда, высказаннаго имъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ», что «болѣе имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь»[5]). Далѣе собесѣдникъ Ивана Петровича въ первой сценѣ, другой мнимо-дѣловой человѣкъ, Александръ Ивановичъ, въ своемъ разговорѣ съ нимъ, играетъ роль, соотвѣтствующую въ «Ревизорѣ» ролямъ Добчинскаго и Бобчинскаго—въ томъ, впрочемъ, единственномъ отношеніи, что, сплетничая и

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 273.
[2]) „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 267.
[3]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 451, 452 и 454.

[1]) Тамъ же, стр. 452.
[2]) Тамъ же, стр. 453 и 236.
[3]) Тамъ же, стр. 227.
[4]) Стр. 453.
[5]) Стр. 487.

передавая невѣрные слухи, онъ невольно способствуетъ вступленію главнаго лица на ложный путь помысловъ и дѣйствій.

Въ отношеніи къ подчиненнымъ Иванъ Петровичъ является любителемъ начальническихъ выговоровъ и распеканій. Такъ, во второмъ явленіи «Утра дѣлового человѣка» незаслуженному выговору подвергается молодой и образованный чиновникъ Шрейдеръ. Здѣсь мы находимъ наглядный образецъ распеканій изображенныхъ отчасти также въ «Шинели» при объясненіи Акакія Акакіевича съ однимъ «значительнымъ лицомъ». Эту же слабость нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ Гоголь представляетъ «вполнѣ опредѣлившеюся возможностью»[1]) даже въ Хлестаковѣ, когда послѣдній уже видитъ себя въ своемъ разгоряченномъ воображеніи чиновнымъ Юпитеромъ, распоряжающимся съ воображаемыми подчиненными.[2]) Точно также, наконецъ, «честолюбивое стремленіе Тентетникова осадилъ съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные сановники»[3]).

Познакомивъ читателей съ пустотой и пошлостью Ивана Петровича, Гоголь не забываетъ обрисовать мимоходомъ и жалкій уровень его познаній и развитія, когда первый такъ забавно смѣшиваетъ значеніе мало понятныхъ ему иностранныхъ словъ. Та же черта была потомъ повторена въ «Ревизорѣ», но лишь въ его первоначальномъ наброскѣ, тогда какъ въ исправленномъ текстѣ эти мѣста пропущены. Приводимъ ихъ по тексту комедіи въ изданіи проф. Тихонравова: «Вы все говорите нарочно такое» (обращается къ Хлестакову въ 3-емъ дѣйствіи Марья Антоновна), котораго я не понимаю. Я думаю, вы въ Петербургѣ тамъ часто бываете въ театрѣ. Я думаю, тамъ какъ хорошо играютъ комедіи!» *Хлестаковъ.* Комедіи? А что такое комедіи? *Марья Антоновна.* Вотъ ужь будто вы не знаете? *Хлестаковъ.* Право, не знаю. *Марья Антоновна.* О, какъ будто я не знаю, что вы нарочно такъ говорите. *Хлестаковъ.* Право, я не знаю знать (sic), что такое комедія. Это, вѣрно, звѣрь какой-нибудь или чиновникъ»[4]). Далѣе оказывается, что Хлестаковъ уже смѣшиваетъ слово комедія съ словомъ артиллерія. Другое подобное мѣсто находится въ пропущенной сценѣ разговора между Хлестаковымъ и докторомъ Гибнеромъ: прося у Христіана Ивановича денегъ взаймы, Хлестаковъ говоритъ ему: «вы мнѣ giebt теперь, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю»[1]).

Кончается «Утро дѣлового человѣка» негодованіемъ Александра Ивановича на незаслуженныя притязанія Ивана Петровича (хотя объ обоихъ можно смѣло сказать, что они стоятъ другъ друга): «Какая противная физіономія! И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще проситъ, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь!»[2]). Отсюда можно догадываться, что Александръ Ивановичъ былъ главнымъ виновникомъ неудачи и происшедшаго отъ нея помѣшательства Ивана Петровича. Нельзя не замѣтить, что какъ притворная преданность Александра Ивановича Ивану Петровичу, такъ и его негодованіе изъ-за угла сильно напоминаетъ такую же фальшивую радость и скрытую зависть чиновниковъ къ городничему въ той сценѣ «Ревизора», въ которой гости поздравляютъ послѣдняго съ неожиданнымъ счастьемъ.

Вотъ всѣ главныя черты, которыя могутъ быть разъяснены въ «Утрѣ дѣлового человѣка» по сопоставленіи съ другими произведеніями Гоголя, если прибавить къ сказанному, что такое-же чиновничье честолюбіе было изображено также въ «Запискахъ сумасшедшаго» въ лицѣ отца Софи, который, по наблюденіямъ собачки Меджи, «говоритъ очень рѣдко; но недѣлю назадъ безпрестанно говорилъ самъ съ собой: «Получу или не получу?» Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую и говоритъ: «Получу или не получу?»[3]).

Второй сохранившійся отрывокъ изъ комедіи «Владиміръ 3-ей степени», впослѣдствіи озаглавленны авторомъ «Тяжба», въ общемъ ходѣ комедіи долженъ былъ, очевидно, служить необходимымъ звеномъ для того, чтобы дать возможность Александру Ивановичу (иначе Пролетову, какъ онъ чаще называется въ «Тяжбѣ») составить планъ дѣйствій, направленныхъ ко вреду для Ивана Петровича[4]). Въ настоящемъ своемъ видѣ, правда, отрывокъ этотъ не вполнѣ, повидимому, подтверждаетъ сказанное: въ немъ Пролетовъ собирается дѣйствовать про-

[1]) Выраженіе Бѣлинскаго, сказанное о городничемъ. (Соч. т. III, стр. 394).

[2]) „Ревизоръ“, изд Н. С. Тихонравова, „Предувѣдомленіе“, LV.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 287.

[4]) „Ревизоръ“, изд. Н. С. Тихонравова. „Очеркъ исторіи текста комедіи „Ревизоръ“, XXI.

[1]) Тамъ же, стр. 201.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 454.

[3]) Т. V, стр. 354.

[4]) Въ „Тяжбѣ“ онъ названъ Павломъ Петровичемъ; см. примѣч. г. Тихонравова. Любопытно, что въ словахъ Ивана Петровича въ „Утрѣ дѣлового человѣка“: „Я васъ буду просить, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть“ и пр. есть сходство съ письмами самого Гоголя. („Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 206 или „Русскій Архивъ“, 1880, 2, 513).

тивъ Бурдюкова (или Барсукова комедіи «Утро дѣлового человѣка»; см. примѣчанія Н. С. Тихонравова), именно разсерженный тѣмъ, что послѣднему уже *удалось* получить награду, но, какъ ясно изъ примѣчаній Н. С. Тихонравова, первыя двѣ сцены были прибавлены авторомъ впослѣдствіи, когда потребовалось выдѣлить остальное въ особый драматическій отрывокъ, тогда какъ сперва онъ начинался собственно словами, слѣдующими за фразой третьяго явленія: «нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ», сказанными Бурдюковымъ Пролетову. Но и изъ этихъ двухъ присочиненныхъ впослѣдствіи сценъ для разъясненія первоначальнаго значенія комедіи могутъ пригодиться слова: «Каковъ Бурдюковъ? а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая». Это разсужденіе Пролетова совершенно тождественно по смыслу съ тѣмъ, которымъ заканчивается «Утро дѣлового человѣка». Итакъ, ясно, что интрига держалась на томъ, что одинъ чиновникъ-карьеристъ старался подставить ногу другому, пользуясь, можетъ быть, впрочемъ, въ числѣ другихъ способовъ, компрометтирующимъ его соперника скандалезнымъ дѣломъ, которое раскрыла тяжба. На послѣднее указываетъ, повидимому, еще одинъ фрагментъ, приведенный въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова, въ которомъ нѣкто Закатищевъ говоритъ: «Жаль, если бы я не заговорился съ этимъ степнякомъ, я бы его засталъ. Однако-жь, я даромъ ему не скажу объ этомъ сюрпризѣ, который готовитъ ему родной братецъ»[1]). Г. Тихонравовъ совершенно справедливо считаетъ Закатищева прототипомъ будущаго Собачкина, между прочимъ, на основаніи послѣднихъ сказанныхъ имъ въ діалогѣ словъ, обращенныхъ къ горничной Аннушкѣ: «Лжешь, плутовка: влюблена въ меня! Признайся, по уши влюблена? А, закраснѣлась!»[2]). Но съ одной стороны, нѣкоторые типы у Гоголя обособлялись и дифференцировались при дальнѣйшей обработкѣ, причемъ весьма часто получали въ каждой позднѣйшей редакціи новыя имена и фамиліи, и, слѣдовательно, Закатищевъ, несмотря на сходство съ Собачкинымъ, могъ до извѣстной степени соотвѣтствовать Александру Ивановичу. Съ другой стороны, желаніе Закатищева добиться отъ Ѳомы Ѳомича (личность однородная или даже тождественная съ Иваномъ Петровичемъ Барсуковымъ или Павломъ Петровичемъ Бурдюковымъ), представленія къ наградѣ мало вяжется съ независимымъ, повидимому, отъ него положеніемъ Александра Ивановича. Любопытно, что одна черта Собачкина была первоначально придана прямо Подколесину и уже потомъ перенесена на перваго. (Ср. въ первоначальной редакціи «Женитьбы»: «А, вѣдь, рожица-то смазливая, ей Богу смазливая! Чортъ возьми, никакъ не заведу, чтобы бакенбарды съѣхали немного пониже со щеки, какъ теперь носятъ»[1]) и въ «Отрывкѣ»: «Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ-ли, чтобы рѣшительно вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ — сукномъ обшить, или выбрить все гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?»[2]) Такимъ образомъ, хотя указанное г. Тихонравовымъ сходство Закатищева съ Собачкинымъ не подлежитъ сомнѣнію, но вполнѣ разъяснить его по сохранившимся фрагментамъ едва-ли возможно. Укажемъ кстати другую, впрочемъ, незначительную черту сходства между ними, не отмѣченную г. Тихонравовымъ: оба они съ наслажденіемъ мечтаютъ о щегольской коляскѣ: Закатищевъ: «Эхъ, куплю славныхъ рысаковъ! *Только и рѣчей будетъ по городу, что про лошаденку Закатищева. Хотѣлось бы и колясчонку,* только ужь зеленую: желтаго цвѣта никакъ не хочу»; Собачкинъ: «А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Іохима только-что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, задамъ тогда эффекту! *Можетъ быть, на всемъ гуляньѣ всего и будетъ одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ всѣ заговорятъ*»...

Третья пьеса «Лакейская», судя по только-что приведенному намеку въ ея первоначальной редакціи на предшествующее содержаніе пьесы, должна была бы слѣдовать за «Тяжбой». Сдѣланное академикомъ Н. С. Тихонравовымъ сличеніе первоначальной и окончательной редакцій этого отрывка показываетъ, что все начало пьесы было совершенно передѣлано Гоголемъ въ то время, когда онъ приготовлялъ къ печати эти «драматическіе кусочки»; для него Гоголь, очевидно, воспользовался также началомъ «Утра дѣлового человѣка», въ которомъ тоже представлена лѣнь и небрежность слугъ, но онъ развиваетъ здѣсь нѣсколько начальныхъ строкъ названнаго отрывка въ цѣлыя сцены. Такимъ образомъ, въ качествѣ позднѣйшихъ, эти сцены не могутъ имѣть никакого значенія для знакомства съ первоначальной редакціей комедіи «Владиміръ 3-ей степени» и, напротивъ, онѣ даже отвлекаютъ вниманіе читателей отъ главной цѣли автора, которую онъ нашелъ нужнымъ потомъ тщательно замаскировать вслѣдствіе цен-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 740.
[2]) Тамъ-же, стр. 741.

[1]) „Русская Старина", 1879, II, 329.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 481.

зурныхъ соображеній. Напротивъ, выдѣляя первоначальный набросокъ, легко можно убѣдиться, что въ комедіи предполагалась слѣдующая послѣдовательность. Интрига начинается завистью, возбужденной, какъ мы узнаемъ изъ «Утра дѣлового человѣка», Иваномъ Петровичемъ въ его собесѣдникѣ Александрѣ Ивановичѣ; потомъ эти, сначала безсильныя, злоба и зависть находятъ себѣ богатую пищу въ неожиданно представившемся случаѣ раскрыть мошенничество Ивана Петровича. Здѣсь начинается драматическое дѣйствіе, интрига. Далѣе Закатищевъ является къ своему начальнику съ извѣстіемъ о «сюрпризѣ» и уже составляетъ планъ требовать себѣ награды [1]), но не застаетъ его дома, потому что тотъ уѣхалъ къ своей сестрѣ Марьѣ Петровнѣ (впослѣдствіи — Марьѣ Александровнѣ), героинѣ четвертаго отрывка, оставшагося безъ особаго названія, но первоначально озаглавленнаго: «Семейныя сцены» [2]). Между прочимъ, въ сценѣ «Лакейская» авторъ пользуется случаемъ для того, чтобы познакомить зрителей съ другими неприглядными сторонами жизни и обстановки такихъ въ извѣстной средѣ вліятельныхъ чиновниковъ, какъ Иванъ Петровичъ или Ѳома Ѳомичъ.—Какъ Некрасовъ въ «Размышленіяхъ у парадная подъѣзда», такъ и Гоголь въ «Лакейской» задался несомнѣнной цѣлью раскрыть нѣкоторыя, такъ сказать, трущобныя тайны недостойныхъ представителей оффиціальнаго міра и, кромѣ того, обрисовать всю закулисную подноготную ихъ служебныхъ отношеній. Зритель воочію убѣждается, что лакейская пользующагося извѣстнымъ вѣсомъ чиновника имѣетъ иногда въ своемъ родѣ не менѣе важное значеніе, нежели его пріемный кабинетъ. Здѣсь изображены съ одной стороны зазнавшіеся слуги, готовые чуть не въ глаза бранить «сволочью» унижающихся до панибратскихъ отношеній съ ними чиновниковъ, и устраивающіе въ складчину балы, въ которыхъ послѣдніе принимаютъ участіе довольно охотно и даже, можетъ быть, не безъ нѣкоторой гордости; съ другой стороны толпу чиновниковъ, входящихъ въ лакейскую своего начальника съ затаеннымъ страхомъ и оставляющихъ ее съ надеждой, или, какъ Петрушевичъ,—въ отчаяніи, (см. первоначальную редакцію въ примѣчаніяхъ г. Тихонравова). Все это показываетъ, какой обширный замыселъ созрѣвалъ въ головѣ автора, хорошо понимавшаго, однако, что осуществить его совершенно было невозможно по цензурнымъ условіямъ. Послѣ этого становятся вполнѣ понятны слова его Погодину. «Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ (въ 1832 г.), въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; *но до сихъ поръ я ничего не написалъ* (т. е. до 20 февраля 1833 г.). Умъ и сюжетъ, было, на-днихъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени», и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ» [1]).

Намъ остается разсмотрѣть «Отрывокъ». По нашему предположенію, онъ долженъ былъ занимать мѣсто въ промежуткѣ между «Утромъ дѣлового человѣка» и другими слѣдующими за нимъ сценами. Мнѣніе это мы основываемъ на томъ мѣстѣ сохранившагося первоначальнаго наброска, по которому непосредственно передъ третьей сценой второго акта (по предположенію Н. С. Тихонравова), соотвѣтствующей позднѣйшему отрывку «Тяжба», стоятъ слѣдующія слова: Марья Александровна въ разговорѣ съ каретникомъ, распоряжаясь, чтобы карета съ фамильными гербами Павлищева и княжны Шлепохвостовой была отдѣлана какъ можно лучше,—въ концѣ этого діалога восклицаетъ: «Ухъ, до сихъ поръ не могу успокоиться! » [2]). Это, очевидно, относится все еще къ тому волненію, въ которое она пришла, когда услышала признаніе своего тридцатилѣтняго Миши (въ первоначальной редакціи Павлищева) о его любви къ дочери незначительнаго чиновника Одосимова, человѣка совсѣмъ не аристократическаго происхожденія, тогда какъ она желала, чтобы сынъ ея былъ женатъ на княжнѣ Шлепохвостовой. Судя по отрывку, приведенному въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова, безхарактерный и комически послушный Миша не только соглашается на перемѣну службы, какъ это видимъ уже въ пьесѣ, но въ концѣ концовъ также женится на княжнѣ Шлепохвостовой, что, наконецъ, и успокоиваетъ сильно разстроившуюся Марью Александровну. Здѣсь настойчивость Марьи Александровны и безпредѣльная покорность Миши представляютъ новую варіацію въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, сравнительно съ отношеніями Ивана Ѳед. Шпоньки и его тетушки. Въ такомъ случаѣ порядокъ сохранившихся сценъ долженъ быть слѣдующій: сперва «Утро дѣлового человѣка», далѣе «Отрывокъ» (или «Семейная сцена»—по прежнему названію), затѣмъ «Тяжба» и, наконецъ, «Лакейская». Первыя двѣ пьесы составляли, вѣроятно, первое, а послѣднія—второе дѣйствіе уничтоженной комедіи.

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 740.

[2]) Такъ сначала назвалъ эту пьесу Гоголь, но потомъ заглавіе было измѣнено по совѣту Прокоповича (См. „Русское Слово“, 1859, 1, 123).

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 175 и „Ревизоръ“, изд. г. Тихонравова, „Очеркъ исторіи текста комедіи“, IV.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 737.

VI.

Хотя комедія «Владиміръ 3-ей степени» была уничтожена авторомъ, но всѣ близкіе друзья Гоголя, какъ мы говорили, были болѣе или менѣе знакомы въ отрывкахъ съ ея содержаніемъ, а Погодинъ утверждалъ даже, что она была написана именно только въ двухъ дѣйствіяхъ. Комедіей заинтересовались Плетневъ и Жуковскій, но особенно Пушкинъ, который въ одну изъ частыхъ непродолжительныхъ отлучекъ своихъ изъ Петербурга освѣдомлялся о ней въ письмѣ къ Одоевскому: «Кланяюсь Гоголю. Что его комедія, въ ней же есть закорючка?» [1]). Можетъ быть, ту же комедію читалъ потомъ Гоголь на вечерѣ у Дашкова въ маѣ 1834 г., о чемъ Пушкинъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ такъ, какъ будто рѣчь шла объ извѣстной и преимущественно интересовавшей пьесѣ («Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію»). Гоголь же, какъ извѣстно, самъ придавалъ долго особенное значеніе комедіи «Владиміръ 3-ей степени», почему и у Пушкина могла потомъ явиться вполнѣ естественная мысль передать ему сюжетъ сходнаго съ ней обличительнаго характера [2])... Итакъ, эта послѣдняя пьеса была, вѣроятно, уже третьимъ по хронологическому порядку драматическимъ произведеніемъ Гоголя. Это была безсмертная комедія «Ревизоръ» [3]).

Сюжетъ «Ревизора» данъ былъ Пушкинымъ; но, кромѣ того, въ нашей литературѣ не разъ указывалось, повидимому, поразительное, но въ сущности лишь внѣшнее сходство между «Ревизоромъ» и пьесой Квитки: «Пріѣзжій изъ столицы». Сходство это было подробно разсмотрѣно покойнымъ Г. П. Данилевскимъ въ его «Украинской Старинѣ» [4]) и г Петровымъ въ «Очеркахъ украинской литературы», гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «У Квитки такъ же, какъ и въ «Ревизорѣ», дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ приводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, не окончившій ученья и не надежный въ службѣ. Другія лица здѣсь такія же: и судья Спальникъ, и почтовый экспедиторъ Печаталкинъ, который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣзднаго училища Ученосвѣтовъ, и частный приставъ Шоринъ, напоминающій Держиморду (??) и, *наконецъ, двѣ пріятныя дамы*—сестра городничаго Трусилкина и племянница его, которыя такъ же влюбляются въ «милашку ревизора». Но, прерывая пока нашу выписку, замѣтимъ, что ни судья, ни почтмейстеръ, ни особенно смотритель уѣзднаго училища въ комедіяхъ Квитки и Гоголя, кромѣ одинаковаго названія должностей, не имѣютъ ни малѣйшаго сходства [1]), какъ равно и юный возрастъ мнимаго ревизора въ обѣихъ пьесахъ нисколько не доказываютъ заимствованія или — самое большее — могутъ подать поводъ къ предположенію о внѣшнемъ заимствованіи, не имѣющемъ ровно никакого значенія. «Здѣсь такъ же—продолжаетъ г. Петровъ—вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и онъ у нихъ занимаетъ деньги. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ *о храмѣ изящества и о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль*» [2]). Во всемъ этомъ сходство при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается совершенно случайнымъ и незначительнымъ; но есть одинъ фактъ, въ самомъ дѣлѣ, довольно поразительнаго и важнаго совпаденія между обѣими комедіями: это ея развязка *и еще болѣе завязка*. Гоголь говорилъ Аксакову, что онъ слышалъ о комедіи Квитки, и въ первомъ дѣйствіи «Ревизора» есть дѣйствительно много общаго съ «Пріѣзжимъ изъ столицы»; но нельзя забывать, что подобныя частичныя совпаденія всегда возможны и ихъ легко указать во многихъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ самыхъ замѣчательныхъ представителей всемірной литературы. Такъ, типы Плавта повторяются потомъ во французской комедіи, сюжеты Шекспира внѣшнимъ образомъ были бо́льшей частью заимствованные, а изъ русской литературы достаточно слѣдующихъ примѣровъ: въ концѣ третьяго дѣйствія «Горе отъ ума» Грибоѣдова, въ внезапномъ, нѣсколько комическомъ съ внѣшней стороны, открытіи Чацкаго среди монолога, въ самомъ пылу увлеченія, что его давно уже перестали слушать и оставили одного, можно, пожалуй, усмотрѣть нѣкоторое внѣшнее сходство съ концомъ забытой теперь пьесы Хмельницкаго «Говорунъ»; наконецъ,

[1]) Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, томъ VII, стр. 332.

[2]) См. „Русскую Старину“, 1889, X, стр. 134.

[3]) Первую идею „Ревизора“ подалъ ему Пушкинъ, разсказавъ о Павлѣ Свиньинѣ, какъ онъ, въ Бессарабіи, выдавалъ себя за какого-то важнаго чиновника и только, зашедши уже далеко, когда сталъ, было, брать прошенія отъ колодниковъ, былъ остановленъ. („Жизнь и Труды Погодина“, т. IV, стр. 334 и „Сборникъ Любителей Общества Россійской Словесности“ на 1891 годъ, стр. 118).

[4]) См. „Историческій Вѣстникъ“, 1881, VIII, стр. 702 и „Кіевскую Старину“, 1883, т. VI, стр. 204—205.

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые современники Гоголя находили, что какъ въ „Ревизорѣ“, такъ и въ „Мертвыхъ Душахъ“, изъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ значеніе въ губерніи, пропущены: стряпчій, казначей, исправникъ. („Рус. Арх., 1890, VIII, 71).

[2]) Курсивъ подлинника.

чтеніе почтмейстеромъ и другими дѣйствующими лицами письма Хлестакова въ «Ревизорѣ» опять съ внѣшней стороны представляетъ много сходнаго съ комедіей Крылова «Пирогъ» и проч. Но не въ томъ дѣло: было-ли здѣсь внѣшнее вліяніе, или нѣтъ, не имѣетъ никакого значенія въ томъ случаѣ, когда блѣдный образецъ безконечно превзойденъ внушеннымъ имъ великимъ художественнымъ созданіемъ. «Тотъ художникъ является собственно и творцомъ извѣстнаго мотива характера или положенія, который сильнѣе его выразилъ и запечатлѣлъ въ словѣ» («Кіевск. Стар.», 1891, III, 531).

Первое капитальное различіе обѣихъ сравниваемыхъ комедій заключается въ томъ, что, согласно извѣстной теоріи Гоголя, высказанной имъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ», комедія у него «вяжется сама собой, всей своей массой въ одинъ большой узелъ» [1]). Такъ это и есть въ «Ревизорѣ». Кромѣ того, въ развязкѣ обѣихъ комедій есть несомнѣнное внѣшнее сходство; но у Квитки мнимый ревизоръ попадаетъ врасплохъ и несетъ заслуженное наказаніе, тогда какъ Гоголь не могъ этого допустить, вслѣдствіе несравненно болѣе глубокаго пониманія сущности комедіи: иначе смыслъ комедіи въ томъ видѣ, какъ она была задумана, былъ бы потерянъ. По объясненію Гоголя, Хлестаковъ, по окончаніи разыгранной имъ роли, долженъ исчезнуть, какъ призракъ: «Это фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкой Богъ знаетъ куда» [2]). Притомъ цѣль Гоголя была представить городничаго наказаннымъ, уничтоженнымъ и поруганнымъ не только общественнымъ мнѣніемъ и не одной карой закона, но также, и главнымъ образомъ, собственнымъ внутреннимъ сознаніемъ. Для этого было необходимо, чтобы онъ не сдѣлался случайной жертвой злостнаго, сознательнаго обмана, но, напротивъ, запутался бы самымъ позорнымъ образомъ въ собственныхъ плутняхъ и грѣшкахъ. То же соображеніе побудило Гоголя придать почтмейстеру характеръ необычайной наивности, соединенной съ почти дѣтскимъ любопытствомъ, и создать Хлестакова пустымъ и глупымъ фатомъ или, по выраженію Гоголя, щелкоперомъ, но отнюдь не сознательнымъ обманщикомъ.

Кромѣ указанныхъ соображеній, личность Хлестакова не только получила совершенно иныя черты подъ вліяніемъ идеи Гоголя, но и вообще не имѣетъ почти ничего общаго съ соотвѣтствующимъ героемъ комедіи Квитки, представляющимъ въ значительной степени блѣдный сколокъ княжнинскаго Хвастуна [1]). Напротивъ, Хлестаковъ кромѣ хвастовства, обладаетъ многими качествами, принадлежащими цѣлому ряду другихъ Гоголевскихъ героевъ. Своимъ тщеславіемъ и безпредѣльной пустотой онъ—близкая родня Пирогову, Ковалеву, Кочкареву, Ноздреву [2]) и Собачкину. Мѣстами попадаются поразительныя черты сходства между нимъ и Собачкинымъ. Оба они имѣютъ, напримѣръ, мелкую страстишку порисоваться и пофорсить въ разговорѣ съ дамами, оба—ничтожные и пустые хвастуны. Такъ, на вопросъ Марьи Александровны, почему Собачкинъ не женился на влюбившейся въ него будто бы безъ памяти богатой невѣстѣ, послѣдній, съ совершенно хлестаковской развязностью, отвѣчаетъ: «Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ» и затѣмъ хвастаетъ не хуже Хлестакова: «Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ-трехъ утонувшихъ женщинъ,—я ужь только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію»... [3]). У обоихъ, наконецъ, одинаковые или чрезвычайно сходные вкусы и стремленія (оба бредятъ каретой или коляской отъ Іохима [4]) и проч.). Совершенно такое же значеніе какого-то моднаго украшенія имѣли для Хлестакова его претензіи на образованность, знакомство съ литераторами. Эти черты также часто изображалъ Гоголь въ другихъ своихъ комедіяхъ. Такъ въ этомъ отношеніи Хлестаковъ представляетъ замѣтное сходство уже съ Ихаревымъ, Маниловымъ [5]) и даже отчасти съ капитаномъ Копѣйкинымъ.

Съ другой стороны, въ городничемъ находимъ типъ плута, соединившій въ себѣ отдѣльныя черты, разбросанныя въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя предшествующей поры или одновременныхъ, какъ, безъ сомнѣнія, онѣ же повторились потомъ, разумѣется, въ сильно измѣненномъ видѣ, и въ Чичиковѣ. У городничаго есть много общаго даже съ Ихаревымъ и Утѣшительнымъ. Готовясь къ встрѣчѣ мнимаго ревизора, городничій разсуждаетъ: «Молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ, а

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 487.

[2]) „Ревизоръ“, изд. Н. С. Тихонравова, „Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали-бы сыграть, какъ слѣдуетъ“ „Ревизора“, стр. 1, VI. Такимъ образомъ, Гоголь не механически измѣнилъ развязку, какъ можно было бы ожидать въ случаѣ простого заимствованія.

[1]) Такъ, напр., у обоихъ не сходитъ съ языка выраженіе: „мы, знатные“ (Ср. Драматич. соч. Квитки, II, 318 и соч. Княжнина, изд. Смирдина, I, 497 и пр.).

[2]) Припомнимъ, напр., что Ноздревъ хвалился, будто у него есть мадера, „лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ“.

[3]) Т. II., стр. 477.

[4]) Ср. т. II, стр. 306 и 478.

[5]) Такъ Маниловъ мечтаетъ о хорошемъ обращеніи (т. III, стр. 72). „слѣдить какую-нибудь этакую науку“ (т. III, стр. 25).

молодой весь на верху» [1]); такъ точно у Ихарева мгновенно вспыхнула уже угасавшая надежда на выигрышъ, когда мнимый Гловъ рѣшается оставить своего юнаго сына на попеченіе Утѣшительнаго. Ихареву извѣстны также люди, подобные городничему и Чичикову, которымъ ихъ притворное благочестіе и милосердіе нисколько не мѣшаетъ быть отъявленными мошенниками. («Я знаю одного»—говоритъ Ихаревъ—«который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку») [2]). Такой же типъ чистокровнаго плута и подлеца, старающагося, однако, выказать себя жрецомъ добродѣтели, находимъ и въ Утѣшительномъ, о которомъ Ихаревъ замѣчаетъ про себя: «Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ обязанность. У тебя, можетъ быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ» [3]). Отсюда уже недалекъ былъ для Гоголя переходъ къ типу Чичикова, патетически восклицающему: «законъ... я нѣмѣю передъ закономъ»! и говорившему о добродѣтели со слезами на глазахъ. Всѣ эти черты, повторяющіяся во многихъ произведеніяхъ и у разныхъ героевъ Гоголя, были, безъ сомнѣнія, вынесены изъ его зоркихъ и неослабныхъ наблюденій надъ русской жизнью еще до отъѣзда за границу. Но, кромѣ того, задавшись въ „Ревизорѣ“ цѣлью раскрыть преимущественно наиболѣе обычныя служебныя злоупотребленія, Гоголь, несомнѣнно, собиралъ для этого особыя свѣдѣнія (какъ и для «Игроковъ» ему былъ необходимъ спеціально собранный матеріалъ), и эти свѣдѣнія были имъ переданы, главнымъ образомъ, въ началѣ комедіи и въ четвертомъ дѣйствіи въ жалобахъ на городничаго, такъ же какъ, по свидѣтельству А. С. Данилевскаго [4]), онъ самъ во время одной изъ поѣздокъ устроилъ своеобразную импровизированную репетицію «Ревизора» на постоялыхъ дворахъ, а по словамъ С. Т. Аксакова собиралъ выписки изъ статистическихъ книгъ и дѣловыхъ реестровъ для перваго тома «Мертвыхъ Душъ» [5]). Безъ сомнѣнія, на основаніи такихъ же наблюденій Гоголь изображалъ особенно излюбленный пріемъ мелкихъ плутовъ—разузнавать все необходимое для нихъ и вообще дѣйствовать черезъ слугъ; такова сцена между городничимъ и Осипомъ; но точно также и Бобчинскій съ Добчинскимъ за свѣдѣніями о заинтересовавшемъ ихъ мнимомъ ревизорѣ обратились къ буфетчику гостинницы. Нечего напоминать при этомъ о подобныхъ пріемахъ Чичикова, и что тотъ же пріемъ на каждомъ шагу практикуется героями «Игроковъ». Наконецъ, къ нему же рѣшились обратиться чиновники губернскаго города NN, чтобы разузнать получше о Чичиковѣ. «Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однако же, иногда употребляется, то есть стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ-ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина» [1]).

Не рѣшая окончательно вопроса объ отношеніяхъ комедій Квитки и Гоголя, напомнимъ лишь, что Гоголю легче давалось яркое изображеніе жизни и созданіе характеровъ, нежели изобрѣтеніе самостоятельныхъ сюжетовъ, почти всегда повторяющихся или заимствованныхъ.

VII.

Какъ въ другихъ драматическихъ произведеніяхъ Гоголя, такъ и въ «Ревизорѣ», въ каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ выставлена какая-нибудь наиболѣе распространенная черта мелкой пошлости или мошенничества. Такъ какъ главной цѣлью комедіи было обличеніе взяточничества, то, кромѣ выставленія его на позоръ почти во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, наиболѣе ярко клеймится оно въ городничемъ. Позднѣе мы находимъ отчасти дальнѣйшее развитіе этой темы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Мертвыхъ Душъ». Такъ, нѣкоторое сходство съ городничимъ представляетъ въ послѣднемъ произведеніи полицеймейстеръ, который «сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигалъ въ совершенствѣ» и «навѣдывался въ лавки и гостинный дворъ, какъ въ собственную кладовую» [2]). Затѣмъ въ «Мертвыхъ Душахъ» мы встрѣчаемъ слѣдующее разсужденіе одного изъ чиновниковъ: «Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душей: для того, чтобы женѣ достать на шаль, или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? Чтобы не сказала какая-нибудь Подстёга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье,—да изъза нея бухъ тысячу рублей!» [3]). Женская пустота и пошлость также обличаются одинаково въ обоихъ произведеніяхъ. Такъ, «пріятная дама» съ такимъ же нетерпѣливымъ любопытствомъ относится къ новостямъ, какъ и Анна Андреевна въ «Ревизорѣ». «Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она, наконецъ, не вытерпѣла не сказать: «Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!» [4]).

[1]) Т. III, стр. 216.
[2]) Т. II, стр. 422.
[3]) Тамъ-же, 417.
[4]) „Вѣстникъ Европы“, 1890, I, 106.
[5]) „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, 77.

[1]) Т. III, стр. 196.
[2]) Т. III, стр. 418.
[3]) Т. III, стр. 173, 174.
[4]) Т. III, стр. 177.

Далѣе для хода пьесы и, слѣдовательно, успѣха Хлестакова, было необходимо, чтобы всѣ чиновники и остальныя дѣйствующія лица были захвачены врасплохъ и не только не были бы въ состояніи помочь другъ другу выйти изъ общаго затруднительнаго положенія, но еще больше запутывали бы себя безтолковыми догадками и соображеніями. Для этого, кромѣ сознанія своихъ «грѣшковъ», которое подѣйствовало особенно роковымъ образомъ на городничаго, для развитія пьесы послужили и пустота и страсть къ сплетнямъ въ лицѣ Добчинскаго и Бобчинскаго, несчастная слабость Аммоса Ѳедоровича къ хитроумнымъ догадкамъ и совершенная забитость и безцвѣтность такихъ робкихъ людей, какъ Лука Лукичъ. Кромѣ того, по мысли автора «у каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ *зрителямъ долженъ быть виденъ* постоянный предметъ его мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій у него въ головѣ» [1]. Такъ судья имѣетъ двѣ страсти: онъ—записной охотникъ и неисправимый резонеръ. Подобно большинству уѣздныхъ умниковъ, онъ вѣчно любитъ пускаться въ фантастическія разсужденія о политикѣ, о которой имѣетъ самое смутное и наивное представленіе и которую толкуетъ по-своему, доходя до всего своимъ умомъ. Эту несчастную слабость къ смѣлымъ догадкамъ Гоголь давно уже клеймилъ въ полуобразованныхъ провинціалахъ; такъ, въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» находимъ разсказъ о томъ, что когда истощались болѣе доступныя и любопытныя для собесѣдниковъ темы, то «гость, весьма рѣдко выѣзжавшій изъ деревни, часто съ значительнымъ видомъ, съ таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и возвѣщалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта» или въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» первый не безъ нѣкотораго апломба передаетъ своему пріятелю курьезный слухъ о томъ, что «три короля объявили войну царю нашему и хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру» [2]. Въ подобныя догадки пускаются и чиновники губернскаго города относительно Чичикова, неудачно предполагая, что онъ—переодѣтый разбойникъ, дѣлатель фальшивыхъ монетъ [3]) и проч.

Слѣдующее дѣйствующее лицо, попечитель богоугодныхъ заведеній, Артемій Филипповичъ Земляника, представляетъ типъ записного плута, наушника, человѣка каверзы. Изъ другихъ произведеній единственный примѣръ и притомъ весьма отдаленнаго сходства въ общихъ подъяческихъ пріемахъ можно видѣть развѣ въ Замухрышкинѣ въ «Игрокахъ». Но любопытно, что во время созданія «Ревизора» авторъ былъ занятъ типомъ ябедника, для чего искалъ даже соотвѣтствующаго знакомства [1]), и хотя это происходило уже незадолго до окончанія «Ревизора» и нужно было автору, вѣроятно, для «Мертвыхъ Душъ», но несомнѣнно должно было отразиться и на дальнѣйшей обработкѣ характера Артемія Филипповича. При сличеніи первоначальной редакціи первой сцены четвертаго дѣйствія съ окончательной, оказывается, что роли судьи и попечителя богоугодныхъ заведеній въ ней какъ бы переставлены: такъ, первая мысль дать взятку мнимому ревизору въ первоначальной редакціи приходитъ судьѣ, а въ окончательной — Земляникѣ, тогда какъ судья является тамъ, напротивъ, уже въ роли предостерегателя. Это, конечно, доказываетъ, что подобно многимъ другимъ, и характеръ Земляники лишь постепенно выяснился для автора, такъ что вполнѣ можно допустить, что на послѣдней редакціи сцены могли отразиться слѣды наблюденій, которыя Гоголь предполагалъ дѣлать надъ ябедниками еще въ концѣ 1835 г.

Лука Лукичъ Хлоповъ, по объясненію Гоголя, «ничего больше, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что». Но, какъ мы уже видѣли, подобныя жертвы постоянныхъ несправедливыхъ начальническихъ распекавій, хотя не въ окончательно обработанныхъ типахъ, встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Гоголя.

Изъ мелочныхъ чертъ сходства между „Ревизоромъ“ и другими произведеніями Гоголя можно указать еще слѣдующее: въ городничемъ и Утѣшительномъ другія дѣйствующія лица поражаются ихъ безстыднымъ притворствомъ. Такъ, при увѣреніи городничаго, что онъ не играетъ въ карты и считаетъ за грѣхъ убивать на это драгоцѣнное время, Лука Лукичъ замѣчаетъ въ сторону: „А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей“. Точно также при словахъ Утѣшительнаго: „Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ“... Ихаревъ говоритъ про себя: „Да полно тебѣ корчить!“ [2]). Въ изображеніи ужаса присутствующихъ при входѣ жандарма Гоголь уже не въ первый разъ обратилъ вниманіе на изображеніе впечатлѣній цѣлой толпы; уже въ „Тарасѣ Бульбѣ“ онъ имѣлъ въ виду сходную задачу при описаніи казни казаковъ. Люди, подобные Бобчинскому и Добчинскому, находящіеся большею частью на заднемъ планѣ, въ довольно сходныхъ чертахъ представ-

[1]) „Ревизоръ“, изд. г. Тихоправова. „Предувѣдомленіе“, стр. XLV. Сходную мысль см. въ „Мертвыхъ Душахъ“ (т. III, стр. 20, 21).

[2]) Изд. X, т. I, стр. 236 и 416.

[3]) Ср. „Слово *Мертвыя души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, ужь нѣтъ-ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла“ (т. III, стр. 193).

[1]) „Русскій Архивъ“, 1880, II, 514).

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 236 и 417.

лялись Гоголю еще во времена „Миргорода“. Ср. въ „Предувѣдомленіи для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“: „у однихъ надежда на правосудіе, на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. *У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу*, любопытство не безъ нѣкоторой тайной боязни увидѣть, наконецъ, то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ“ [1]). Ср. въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; *но большая часть была тѣхъ, которые на весь міръ и на все, что̀ ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу*“.

Но особенно любопытны въ „Ревизорѣ“ не разъ встрѣчающіеся доводы ad hominem, которыми однимъ дѣйствующимъ лицамъ, часто совершенно неожиданно, удается склонить другихъ въ пользу своего мнѣнія. Эти рискованные доводы, при всей своей явной нелѣпости, оказываются вполнѣ убѣдительными для людей съ извѣстными извращенными взглядами и въ извѣстномъ положеніи. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ юношескихъ писемъ Гоголь напоминалъ своему бывшему школьному товарищу Высоцкому: „Глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни“. И вотъ, не одни только пороки, но и эти съ ранней юности замѣчаемыя „глупости людскія“ являются главнымъ предметомъ комическаго изображенія въ пьесахъ Гоголя. Самый блистательный образецъ тонкаго пониманія подобныхъ „глупостей людскихъ“ можно видѣть въ непостижимомъ съ нормальной точки зрѣнія и вполнѣ естественномъ для Сквозниковъ-Дмухановскихъ волшебномъ дѣйствіи на городничаго словъ, сказанныхъ Добчинскимъ о мнимомъ ревизорѣ: *„Онъ! и денегъ не платитъ и не ѣдетъ!* Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ“. — „Понимаете-ли вы,—замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій,— хотя въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? На какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ—вотъ источникъ комическаго и смѣшного“. Такой же аргументъ и въ словахъ Осипа, который, будучи не въ силахъ убѣдить своего легкомысленнаго барина доводами разсудка, что послѣднему необходимо скорѣе уѣхать изъ уѣзднаго города, неожиданно достигъ своей цѣли словами: „Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали!“ [1]) Но нигдѣ въ данномъ отношеніи комизмъ у Гоголя не возвышается до такой поразительной яркости, какъ въ совѣтѣ Кочкарева Агафьѣ Тихоновнѣ остановиться въ своемъ выборѣ суженаго на Подколесинѣ. На ея вопросъ о преимуществахъ послѣдняго передъ другими женихами Кочкаревъ съ эффектной развязностью принимается убѣждать: „Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было, — Иванъ Кузьмичъ! А вѣдь то, что̀ ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ, что̀ такое!“ [2]). И въ самомъ дѣлѣ, эти слова мгновенно оказываютъ самое рѣшительное дѣйствіе на наивную до послѣдней степени дѣвушку [3]).

Въ связи съ указанной чертой необходимо

---

[1]) „Ревизоръ“, изд. Тихонравова, стр. LIV.

Подобные примѣры часто встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Гоголя. Такъ, въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, при описаніи общаго изумленія, вызваннаго внезапной ссорой двухъ пріятелей, читаемъ: „Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ, съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная, минута, спектакль необыкновенный! И, между тѣмъ, только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ“. Также въ „Віи“: „Собравшіеся вокругъ философа потупили головы, услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня считала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ“. Въ „Мертвыхъ Душахъ“: „Смѣются вдвое въ отвѣтъ (на шутку начальника) обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услышали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку“ (См. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 355, 398 и 418).

[1]) Ср. въ „Мертвыхъ Душахъ“ неожиданное дѣйствіе на Коробочку лжи Чичикова о подрядахъ.

[2]) Т. II, стр. 384,385.

[3]) Любопытные примѣры наивностей встрѣчаются также въ словахъ Растаковскаго, спрашивающаго Хлестакова: „Не изволите-ли вы знать: Гвоздевъ Петръ Васильевичъ? *Хлестаковъ*. Гвоздевъ? Какой это?—*Растаковскій*. Петръ Васильевичъ. „Ср. также въ „Портретѣ“: „Кто этотъ Ноль?— спросилъ художникъ.— Мосьѣ Ноль! Ахъ, какой талантъ!“ Изъ другихъ мелкихъ чертъ, встрѣчающихся въ повѣсти „Портретъ“ и повторенныхъ въ „Ревизорѣ“, можно напомнить отвѣтъ, полученный Чартковымъ на вопросъ о свѣчѣ, весьма сходный съ отвѣтомъ Осипа Хлестакову о табакѣ и проч.

отмѣтить вообще въ пьесахъ Гоголя часто повторяющіеся примѣры рѣшительнаго дѣйствія чужихъ мнѣній на людей, не отличающихся самостоятельностью. Всего ярче и притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ представлено это въ „Театральномъ Разъѣздѣ“: люди, которымъ въ сущности нравится комедія, не смѣютъ въ этомъ признаться и, прислушиваясь къ толкамъ, по ихъ мнѣнію, авторитетныхъ судей, тотчасъ перемѣняютъ свой взглядъ (таковы: первый офицеръ, господинъ П. и проч. [1]). Въ „Ревизорѣ“ всѣ чиновники въ значительной степени живутъ умомъ городничаго; но, кромѣ того, Бобчинскій и Добчинскій, передавая чужую рѣчь, часто по своему искажаютъ ея смыслъ и показываютъ неспособность уловить сущность дѣла, вмѣсто которой схватываютъ лишь незначительныя подробности въ разговорѣ. Въ „Женитьбѣ“, въ двухъ послѣднихъ сценахъ перваго дѣйствія, Гоголь живо изобразилъ также неустойчивость мнѣній Подколесина, который, наслушавшись невыгодныхъ отзывовъ о невѣстѣ, тотчасъ же почти дословно повторяетъ ихъ, хотя только-что отъ души восхищался ею [2]). То же повторяется въ толкахъ о Чичиковѣ губернскихъ львицъ: „Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ“ [3]).

VIII.

Для опредѣленія времени, когда были написаны „Игроки“, при совершенномъ почти отсутствіи какихъ-либо положительныхъ данныхъ, не мѣшаетъ, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе на слѣдующія соображенія.

Въ 1833 году Гоголь былъ занятъ двумя пьесами: „Женитьбой“ и „Владиміромъ 3-ей степени“, но и въ слѣдующемъ году имъ не была совершенно окончена ни одна изъ этихъ комедій, хотя какъ тогда, такъ и послѣ авторъ не покидалъ своей работы надъ отдѣлкой уже начатыхъ трудовъ. Такъ продолжалось и до лѣта 1835 г., когда его планы и намѣренія внѣ литературной сферы были крайне неустойчивы, что не могло, въ свою очередь, не отразиться задержкой на дальнѣйшей обработкѣ все еще ожидавшихъ болѣе благопріятной поры произведеній. Въ половинѣ іюня онъ писалъ матери: „Это лѣто я живу въ городѣ и не переѣзжаю на дачу. Если буду къ вамъ, то не раньше августа“. Но вскорѣ онъ почувствовалъ утомленіе и для поправленія здоровья отправился въ Крымъ, откуда предполагалъ проѣхать на Кавказъ, какъ вдругъ, за недостаткомъ денегъ, вынужденъ былъ направить путь въ родную Васильевку. Во время путешествія Гоголь обдумалъ много новыхъ литературныхъ плановъ. Въ іюлѣ онъ уже изъ деревни писалъ Жуковскому: „Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что если-бъ не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь, и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочитанною вамъ“ [1]). Между этими замыслами, кромѣ повѣсти „Шинель“ и другихъ, былъ, безъ сомнѣнія, „Ревизоръ“, мысль о которомъ не оставляла Гоголя, когда на обратномъ пути въ Петербургъ, уже въ концѣ лѣта, онъ заѣхалъ въ Кіевъ къ Максимовичу, а оттуда двинулся черезъ Харьковъ и Москву съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Данилевскимъ. Между этими замыслами, которыхъ было „множество“, могли быть и „Игроки“. Съ другой стороны, къ нимъ могутъ относиться и слѣдующія строки Гоголя въ одномъ письмѣ къ Пушкину: „Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. *Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію.* Если-жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами“ [2]). Такъ какъ въ томъ же письмѣ Гоголь уже говоритъ выше о „Женитьбѣ“ и еще о другой комедіи, которую предполагалъ *поставить на сцену* и какою могъ быть, слѣдовательно, только „Ревизоръ“, и такъ какъ, наконецъ, комедія „Владиміръ 3-ей степени“ была начата и частью написана гораздо раньше, — то, въ случаѣ осуществленія мысли Гоголя, плодомъ ея могла быть только комедія „Игроки“, если и начатая раньше, то теперь обогащенная новымъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что она-то именно и была, можетъ быть, основана на анекдотѣ [3]).

Далѣе — издавая въ свѣтъ свои драматическія произведенія въ 1842 г., Гоголь поручилъ Прокоповичу сначала напечатать, какъ болѣе крупныя и законченныя вещи, „Ревизоръ“ и „Женитьбу“, а затѣмъ уже помѣстить остальныя подъ общимъ заглавіемъ: „Драма-

---

[1]) Т. II, стр. 434, 495—497 и проч.

[2]) Тамъ-же, стр. 380 и 381. Еще яснѣе это въ первоначальной редакціи, гдѣ Подколесинъ говоритъ о себѣ: „Самъ-то я не знатокъ: никакъ не разберешь, которая выглядитъ, какъ слѣдуетъ“ („Русск. Стар.“, 1874, II, 324).

[3]) Т. III, стр. 181.

[1]) „Русск. Арх.“, 1871, 4,5, стр. 948. Но непонятно, какимъ образомъ *еще въ маѣ* Гоголь писалъ Прокоповичу изъ Полтавы, будто бы на перепутьѣ на Кавказъ или въ Крымъ. („Русское Слово“, 1859, I, 86).

[2]) „Русскій Архивъ“, 1880, II, стр. 514.

[3]) См. толки публики въ воспоминаніяхъ Аксакова о Гоголѣ: „Игроки“— старинный анекдотъ, да и всѣ разсказы „Игроковъ“ извѣстныя происшествія“ („Русск. Арх.“, 1890, VIII, 91).

тическіе отрывки и отдѣльныя сцены, съ 1832 по 1837 г.“ [1]), и изъ нихъ выдвинуть, опять вѣроятно въ качествѣ болѣе или менѣе цѣлой пьесы, „Игроки“. Искать здѣсь какихъ-либо намековъ на хронологическую послѣдовательность нѣтъ никакой возможности, потому что авторъ, очевидно, вовсе не руководился ею и при расположеніи пьесъ имѣлъ совершенно иныя основанія. Но какъ бы то ни было, въ одномъ мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться,—что общая дата, выставленная на заглавномъ листѣ передъ мелкими драматическими пьесами (отъ 1832 г. по 1837) должна быть вѣрна и что автору не было никакой цѣли прибѣгать въ данномъ случаѣ къ мистификаціи. Допустивъ это, мы тѣмъ самымъ неизбѣжно должны отнести комедію „Игроки“ къ самому концу петербургскаго періода и къ началу заграничной жизни Гоголя. Но послѣдній годъ жизни Гоголя въ Петербургѣ былъ почти всецѣло поглощенъ „Ревизоромъ“ и только сохранившіеся отъ того времени черновые наброски „Игроковъ“ являются доказательствомъ, что пьеса *была начата* въ Петербургѣ, а окончена была, вѣроятно, уже за границей въ 1837 году [2]). Кромѣ этихъ соображеній, есть еще нѣсколько мелочныхъ; такъ, напр., въ сравненіи Утѣшительнымъ сыра съ квартирмейстеромъ слышится несомнѣнный отголосокъ обличныхъ шутокъ Гоголя съ Щепкинымъ преимущественно во время ихъ свиданій въ Москвѣ въ 1835 г., тогда какъ самая пьеса оставалась совершенно неизвѣстною М. С. Щепкину до конца 1842 г.[1]). Со всѣми остальными пьесами Гоголь его болѣе или менѣе познакомилъ во время личныхъ свиданій до отъѣзда за-границу. Изъ мелкихъ чертъ сходства „Игроковъ“ съ другими произведеніями Гоголя отмѣтимъ только упражненія Ноздрева „въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга“ [2]).

По отъѣздѣ за границу, Гоголь не прекращалъ своихъ работъ надъ написанными комедіями, но занимался ими только урывками, преимущественно приготовляя ихъ къ печати незадолго передъ отправленіемъ рукописей въ Петербургъ къ Максимовичу. О новыхъ пьесахъ, написанныхъ имъ за границей, за исключеніемъ одной переводной, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но достовѣрно, что въ 1839—1840 гг. Гоголь началъ было писать драму изъ малороссійской жизни, временъ казачества. Пьеса эта вскорѣ была уничтожена и ею окончились навсегда труды Гоголя въ этой области.

В. Шенрокъ.

---

[1]) „Русское Слово“, 1859, I, 120.

[2]) См. въ письмѣ Гоголя Прокоповичу: „Посылаемую нынѣ пьесу „Игроки“ насилу собралъ. *Черновые листы такъ были уже дано и неразборчиво написаны*, что дали мнѣ работу страшную разбирать“ („Русское Слово“, 1859, I, 120).

[1]) См. соч. Гог., т. III, стр. 207 и „Библіотека для чтенія“, 1864, II, статья Аѳанасьевой „М. С. Щепкинъ и его записки“ и „Русскій Архивъ“, 1888, IV, 557 и соч. Гог., V, 504.

[2]) Т. III, 207.

Г. Н. Ѳедотова и Н. А. Никулина.

(По поводу исполнившагося тридцатилѣтія ихъ сценической дѣятельности).

Г. Н. Ѳедотова *).

Бывшій 13 января въ Маломъ театрѣ бенефисъ Г. Н. Ѳедотовой совпалъ съ тридцатилѣтіемъ ея славной сценической дѣятельности. Восторженный пріемъ, который встрѣтилъ любимицу московской публики, безчисленные вызовы, овація, подарки — все это было достойной наградой знаменитой артисткѣ за понесенные ею тридцатилѣтніе труды и за массу эстетическихъ наслажденій, которыя она доставила публикѣ. Г. Н. Ѳедотова дебютировала на московской сценѣ 8 января 1862 г. въ пьесѣ П. Д. Боборыкина «Ребенокъ», въ роли Вѣрочки. Громадный успѣхъ, который она имѣла въ этой роли, сразу обратилъ на нее вниманіе критики, предсказывавшей ей блестящую будущность. «Дебютъ молодой актрисы—писалъ извѣстный тогдашній критикъ г. Александръ Ивановъ — былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ. Всѣ лучшіе органы московской журналистики съ сочувствіемъ отнеслись къ новому таланту, сразу поставившему себя на ту ступень, до которой иные доходятъ путемъ опыта, теорій, ошибокъ и успѣховъ, и очень многіе и вовсе не доходятъ. Съ первой же сцены дебютантка овладѣла публикой. Необыкновенная, невиданная простота и наивность, серьезная реальность и выдержанность игры незамѣтно увлекли зрителей въ тотъ міръ, въ которомъ жила и дышала Вѣрочка. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ появленія молодой артистки на подмосткахъ, публика привыкла къ ней, какъ къ чему-то знакомому «и вмѣстѣ необычайному». Разобравъ игру артистки на всемъ протяженіи пьесы, критикъ приходитъ къ заключенію, что отличительной характеристической чертой этой игры, кромѣ простоты и реальности, былъ драматизмъ, проникнутый глубиной и искренностью чувства **). Къ чести юной дебютантки, нужно сказать, что, достигнувъ съ первыхъ же шаговъ колоссальнаго успѣха, она не возмечтала себя знаменитостью, не почила на лаврахъ, но продолжала усердно работать. Въ 1863 г. она выступаетъ въ поэтической роли Катерины въ «Грозѣ», роли, переданной ей самимъ Островскимъ, на которой держится вся пьеса и которая требуетъ необыкновенно тонкой отдѣлки деталей. Успѣхъ былъ громадный, и впродолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ роль Катерины считалась коронной ролью въ репертуарѣ Г. Н.—Въ слѣдующемъ году, помимо участія своего въ пьесахъ русскихъ авторовъ, она играетъ Корделію въ «Королѣ Лирѣ», Офелію въ «Гамлетѣ» и

*) Портретъ Г. Н. Ѳедотовой помѣщенъ въ № 2 „Артиста“.

**) „Библ. для чтенія“, 1862 г. сентябрь.

Юлію въ «Ромео и Юліи»; въ 1865 г. она исполняетъ роль Беатриче въ «Много шуму изъ пустяковъ», Елены въ комедіи «Все хорошо, что хорошо кончится», въ 1867 г. выступаетъ въ роли Оливіи въ «Двѣнадцатой ночи» а въ 1868 г. приводитъ въ восторгъ публику въ роли Изабеллы въ «Мѣрѣ за мѣру». Роли эти, отталкивающія другихъ своею трудностью, кажутся ей легкими, потому что, по ея словамъ, въ каждомъ словѣ роли угадывается его необходимость. «Иногда вдругъ сразу не поймешь какого-нибудь выраженія или что-нибудь покажется не такъ; казалось бы и пропустить эту мелочь. Нѣтъ, у Шекспира мелочей нѣтъ! Потомъ глубже вдумываясь въ роль и уже воображая ее на сценѣ, невольно думаешь себѣ: здѣсь бы одной чертою добавить ее, тамъ-другою. Опять возьмешься за Шекспира, чтобъ провѣрить себя: такъ-ли я понимаю? Смотришь, все это дѣйствительно есть у него въ роли, на что прежде не обращалось вниманія». *) Слова эти весьма характеристичны для сценическихъ пріемовъ Г. Н. Ѳедотовой; они показываютъ, какъ привыкла она думать надъ каждымъ словомъ, надъ каждой чертой изображаемаго характера. Только благодаря такому способу работы, она съ одной стороны могла, переживая роль, достигнуть полной художественной объективности, а съ другой, той законченности, той филигранной отдѣлки деталей, которыя поражаютъ насъ въ ея лучшихъ созданіяхъ. Къ несчастію, въ репертуарѣ Г. Н. Ѳедотовой было немного ролей, къ которымъ можно было бы примѣнить этотъ методъ изученія. Нерѣдко артисткѣ приходилось испытывать тяжелое чувство, которое, по выраженію Бѣлинскаго, испытываетъ большая половина нашихъ актеровъ, чувствующихъ, что пьеса ниже ихъ, что нужно придумывать всякія ухищренія, чтобъ сдѣлать роль сколько-нибудь похожей на живое лицо. Случалось не разъ, что Г. Н. Ѳедотова, побившись нѣсколько дней надъ своей ролью и тщетно стараясь придать изображаемому лицу психическую цѣльность, о которой мало думалъ авторъ, впадала въ полное отчаяніе и совершенно отказывалась отъ роли, рискуя навлечь на себя неудовольствіе театральной дирекціи. Но зато съ какимъ восторгомъ она бралась за роль, которая захватывала ее самое, вознаграждала ея усилія и давала ей возможность развернуть вполнѣ свои силы. Въ эти минуты артистка жила двойной жизнью, страдала и радовалась вмѣстѣ съ своей героиней, можно сказать, перевоплощалась въ нее. Въ репертуарѣ ея не мало ролей, на которыхъ она отдыхала душей и работала съ любовью. Такова, напримѣръ, роль Василисы Мелентьевой въ извѣстной драмѣ Островскаго, роль Катеньки въ пьесѣ Потѣхина «Виноватая», роль кн. Рѣзцовой въ «Ошибкахъ молодости» Штеллера и др. Этой естественной потребностью развернуть свои силы объясняется пристрастіе артистки къ женскимъ типамъ, созданнымъ Шекспиромъ. Ни одна артистка не сдѣлала столько для водворенія Шекспира на русской сценѣ, сколько сдѣлала Г. Н. Ѳедотова. Въ 1871 году она достигаетъ громаднаго успѣха въ роли Катерины въ «Укрощеніи строптивой», въ 1877 г. она играетъ роль Порціи въ «Венеціанскомъ купцѣ», въ 1878 г. роль королевы Маргариты въ «Ричардѣ III»; въ 1887 роль Гермioны въ «Зимней сказкѣ», Въ 1887 г. она ставитъ въ свой бенефисъ «Антонія и Клеопатру», а въ 1890 г. «Макбета». Роль Клеопатры мы считаемъ одной изъ самыхъ удачныхъ въ репертуарѣ Г. Н. Ѳедотовой. Артистка съумѣла прекрасно передать эту смѣсь искренности и коварства, нѣжности и ироническаго подразниванья, робости и героизма, составляющихъ сущность демоническаго характера нильской змѣйки. Кромѣ драмъ Шекспира, Г. Н. выступала съ большимъ успѣхомъ въ пьесахъ Кальдерона «Саломейскій Алькадъ» (роль Изабеллы), Шиллера (роль Елисаветы въ «Маріи Стюартъ», Луизы и леди Мильфордъ въ трагедіи «Коварство и Любовь»), Мольера (роль Эльмиры въ «Тартюфѣ»), и въ драмахъ новѣйшихъ французскихъ драматурговъ. Новая русская бытовая драматургія съ Островскимъ и Писемскимъ во главѣ нашла въ Г. Н. талантливую воплотительницу созданныхъ ею типовъ. Впродолженіе своей многолѣтней сценической дѣятельности Г. Н. переиграла болѣе двухсотъ ролей самаго разнообразнаго характера, дававшихъ ей возможность изощрять свою наблюдательность и выказать гибкость и разнообразіе своего таланта: она играла съ одинаковымъ успѣхомъ роли трагическія и комическія, салонныя и народно-бытовыя, классическія и романтическія. Люди, видѣвшіе ее сегодня въ драмѣ Островскаго, могли увидѣть завтра въ пьесѣ Шекспира, а послѣзавтра въ пьесѣ одного изъ нашихъ молодыхъ драматурговъ.—Было-бы неразумно требовать, чтобы артистка была одинаково хороша во всѣхъ своихъ роляхъ. У Г. Н. Ѳедотовой, какъ и у всякой талантливой артистки, есть роли излюбленныя, которыя болѣе подходятъ къ ея душевному складу и внѣшнимъ средствамъ, и само собою разумѣется, что въ такихъ роляхъ она лучше чѣмъ въ другихъ, но несомнѣнно, что участіе въ такомъ разнообразномъ репертуарѣ должно было развить разнообразныя стороны богатаго артистическаго дарованія Г. Н.—Самые восторженные ея поклонники затруднятся рѣшить, въ чемъ отдать ей

*) „Г. Н. Ѳедотова. 25 лѣтъ на сценѣ Малаго театра". Сборникъ ко дню юбилея. Москва 1887 г.

преимущество: въ «Грозѣ» или въ «Укрощеніи строптивой», въ «Медеѣ» или въ комедіи «Много шуму изъ пустяковъ»? Такимъ образомъ, развивался и росъ талантъ нашей артистки, постоянно расширяя свой діапазонъ и ежедневно пріобрѣтая себѣ новыхъ поклонниковъ не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ провинціи. Извѣстно, что гастроли Г. Н. въ провинціи были рядомъ тріумфовъ; пріѣздъ ея былъ событіемъ, ей дѣлали оваціи, осыпали цвѣтами, подносили адресы.

Мы не имѣли намѣренія дѣлать всесторонюю оцѣнку игры Г. Н. Ѳедотовой, тѣмъ менѣе подводить итоги ея сценической дѣятельности, по нашему мнѣнію, далеко не оконченной. Не хочется вѣрить, что мы не увидимъ ее въ роли матери Коріолана, роли, о которой она давно мечтаетъ, въ роли Порціи въ Юліѣ Цезарѣ и другихъ роляхъ, которыя давно ждутъ ее. Талантъ нашей даровитой артистки находится въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, и мы вправѣ ожидать отъ него еще многаго. Намъ хотѣлось только напомнить главные моменты ея карьеры и указать на ея заслуги русской сценѣ мастерскимъ возсозданіемъ множества женскихъ типовъ,—въ особенности-же типовъ шекспировскихъ. Оглядываясь съ высоты тридцати трудовыхъ лѣтъ на пройденное поприще, высокодаровитая артистка должна чувствовать ни съ чѣмъ несравнимое нравственное удовлетвореніе, что она честно исполняла свой долгъ, не измѣнила своему артистическому призванію, не зарыла даннаго ей Богомъ таланта, но умножила его сторицею. Пожелаемъ-же ей трудиться еще много и много лѣтъ на славу родной сцены.

Н. С.

Н. А. Никулина *).

Надежда Алексѣевна Никулина родилась въ Москвѣ 12 августа 1845 года. Дѣтство она провела въ своей семьѣ, а первоначальное образованіе получила въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ. Семья ея не была ничѣмъ связана съ артистическимъ міромъ и ничто не предвѣщало дѣвочкѣ сценической дѣятельности. Какъ это часто бываетъ при зарожденіи артистическаго призванія, благодаря случайности, вспыхнула въ будущей артисткѣ искра Божья, непогасавшая съ той поры уже во всю ея жизнь. Однажды Н. А. была съ семьей въ Маломъ театрѣ, давали „Карьеру“ и „Ворону въ павлиньихъ перьяхъ“. Въ спектаклѣ участвовали Л. П. Никулина-Косицкая, С. П. Акимова, С. В. Васильевъ, А. А. Разсказовъ. Ихъ игра и вся театральная обстановка произвели глубокое впечатлѣніе на воспріимчивую 10-лѣтнюю дѣвочку, въ первый разъ бывшую въ театрѣ. Съ того дня ея внутренній міръ былъ поглощенъ мечтами, желаніями, надеждами, устремленными въ тотъ невѣдомый для нея край, который назывался театромъ. Она уже воображала себя актрисой и разыгрывала дома что-то похожее на то, что такъ поразило ее на сценѣ. Благодаря своему живому характеру, дѣвочка не давала покоя роднымъ, умоляя ихъ исполнить ея желаніе — сдѣлаться актрисой. Отецъ Н. А. былъ человѣкъ строгій и нежелавшій для дочери сценической карьеры, но и онъ долженъ былъ уступить: ее помѣстили своекоштной пансіонеркой въ театральную школу, гдѣ она пробыла около $4^1/_2$ лѣтъ. Первымъ учителемъ драматическаго искусства былъ у Н. А. артистъ Дмитревскій, а затѣмъ Самаринъ. Много совѣтовъ и указаній дѣлалъ юной воспитанницѣ, уже подготовленной къ выпуску, и М. С. Щепкинъ, въ семьѣ котораго она часто бывала и съ которымъ ей пришлось еще играть. Ближайшей ея подругой въ школѣ была Г. Н. Ѳедотова. Онѣ обѣ выдѣлялись своими способностями среди сверстницъ и обратили этимъ на себя вниманіе управлявшаго тогда московскими театрами Л. Ѳ. Львова. Первый дебютъ Н. А. передъ публикой состоялся 6 декабря 1861 года въ водевилѣ „Взаимное Обученіе“. „Г-жа Никулина, писалъ извѣстный театральный критикъ А. Н. Баженовъ, при первомъ появленіи на сцену, нѣсколько оробѣла, но потомъ обошлась и держала себя очень мило, безъ малѣйшаго кокетства“. Въ ея игрѣ критикъ подмѣтилъ „простоту, доходящую до наивности, прямоту чувства и дѣтскую откровенность“ и надѣялся уже по первому дебюту видѣть въ ней хорошую артистку. Надежды его оправдались блестяще. Но несмотря на чрезвычайно удачный дебютъ молодой артистки, было признано, что ей полезно пробыть еще нѣкоторое время въ школѣ. Теперь ее оставили уже казеннокоштной пансіонеркой. Ей, вмѣстѣ съ г-жей Ѳедотовой, дали отдѣльную комнату и назначили каждой «на булавки» по 10 руб. въ мѣсяцъ. Служба Н. А. считается со дня перваго ея дебюта на сценѣ Малаго театра, т.-е., съ 6 декабря 1861 г., но непрерывающаяся до сихъ поръ дѣятельность ея началась съ марта 1863 г., когда она была выпущена изъ театральной школы. Жалованья ей было назначено 600 руб. и въ первый-же годъ былъ данъ бенефисъ.

Г-жа Никулина съ каждою новою ролью все болѣе и болѣе выказывала свое дарованіе и пріобрѣтала прочныя симпатіи публики. Чуткій и художественно-развитой кри-

*) Портретъ Н. А. Никулиной помѣщенъ въ № 11 „Артиста“.

тикъ, разбирая ея первыя роли, подтверждалъ свой отзывъ о ея первомъ дебютѣ. Въ ея игрѣ онъ находилъ „отсутствіе всякой манерности и приторнаго жеманства“, „ничего рутиннаго, никакихъ избитыхъ общихъ мѣстъ“, „особенную свѣжесть и живость“, „много задушевности и теплоты“, въ развитіи ея таланта видѣлъ движеніе впередъ.

Перечислить всѣ роли, сыгранныя Н. А. Никулиною втеченіе 30 лѣтъ, значило бы перечислить нѣсколько сотъ пьесъ, въ которыхъ она выступала. Начавъ съ водевильныхъ ролей, она играла потомъ и роли ingénue comique и dramatique, роли характерныя, бытовыя, классическія, переходя постепенно къ тѣмъ ролямъ, которыя обусловливались и развитіемъ ея дарованія и теченіемъ времени. Изъ первыхъ ея ролей выдающимися были роли въ пьесахъ: «Картинка съ натуры» Турбина, «Старшая и меньшая» М. Достоевскаго (роль «меньшой»), «Шутники» (Вѣрочка), «Гувернеръ» (Машенька). «Шутниками» началось участіе г-жи Никулиной въ пьесахъ Островскаго, который нѣкоторыя роли писалъ прямо для нея. Островскій вообще относился чрезвычайно дружески къ Н. А. и имѣлъ извѣстное вліяніе на развитіе ея артистическаго дарованія, укрѣплявшагося все время на его глазахъ. Изъ репертуара Островскаго у Н. А. можно отмѣтить роли въ слѣдующихъ пьесахъ: „Василиса Мелентьева“ (Царица Анна), „Гроза“ (Варвара), „Воспитанница“ (Надя), „Дикарка“ (Варя), „На всякаго мудреца довольно простоты“ (Мамаева). Изъ остального ея репертуара выдающимися можно считать роли въ пьесахъ: „Блуждающіе огни“ (Леля), „Каширская старина“ (Глаша), „Горе отъ ума“ (Лиза), „Фролъ Скабѣевъ“ (Варюша), „Виноватая“ (Серафима Михайловна), „Ревизоръ“ (Марья Антоновна и Анна Андреевна), „Женитьба“ (Агафья Тихоновна) и роли въ „Свѣтскихъ ширмахъ“, „Мишурѣ“, „Фру-фру“, „Ваалъ“ (Евгенія Михайловна), „Женитьба Бѣлугина“ (Елена), „Послѣдняя воля“ (Ольга Фроловна), „Жена Сократа“ (Ксантиппа), въ мольеровскихъ комедіяхъ: „Тартюфъ“ (Дорина), „Школа мужей“, „Школа женщинъ“, и проч. Случалось ей выступать и на провинціальныхъ сценахъ: въ Казани, Варшавѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Общее впечатлѣніе, полученное театральнымъ критикомъ при первыхъ дебютахъ Н. А. Никулиной, болѣе или менѣе таково же и у современнаго зрителя, наслаждающагося ея игрою. Художественная простота и жизненность, вносимыя г-жею Никулиной въ каждую свою роль, даютъ ея созданіямъ симпатичный и глубоко воспринимаемый зрителями сценическій образъ. Игрою такихъ артистовъ-художниковъ, какъ г-жа Никулина, и опредѣляется смыслъ существованія сцены, передающей зрителю художественно изображенную жизнь.

Тридцать лѣтъ служенія сценѣ—длинный періодъ, способный утомить артиста. Но Н. А. Никулина полна силъ, для нея, какъ для всякаго артиста, сознающаго святость своего призванія, жизнь безъ сцены—не жизнь. Поэтому пожелаемъ ей силъ и энергіи для дальнѣйшаго служенія родной сценѣ, исторія которой отведетъ ей мѣсто въ ряду лучшихъ и талантливѣйшихъ дѣятелей русскаго театра.

* *
*

Умеръ бѣдный цвѣтокъ на груди у тебя!
Онъ навѣки поблекъ и завялъ.
Но онъ умеръ, тревожно и нѣжно любя,—
Онъ не даромъ страдалъ!

* *
*

Долго ждалъ онъ тебя на просторѣ полей,
Цѣлый день на груди красовался твоей,
Какъ онъ пышно, какъ чудно, какъ ярко
блисталъ!
Онъ не даромъ любилъ и страдалъ!

К. Бальмонтъ.

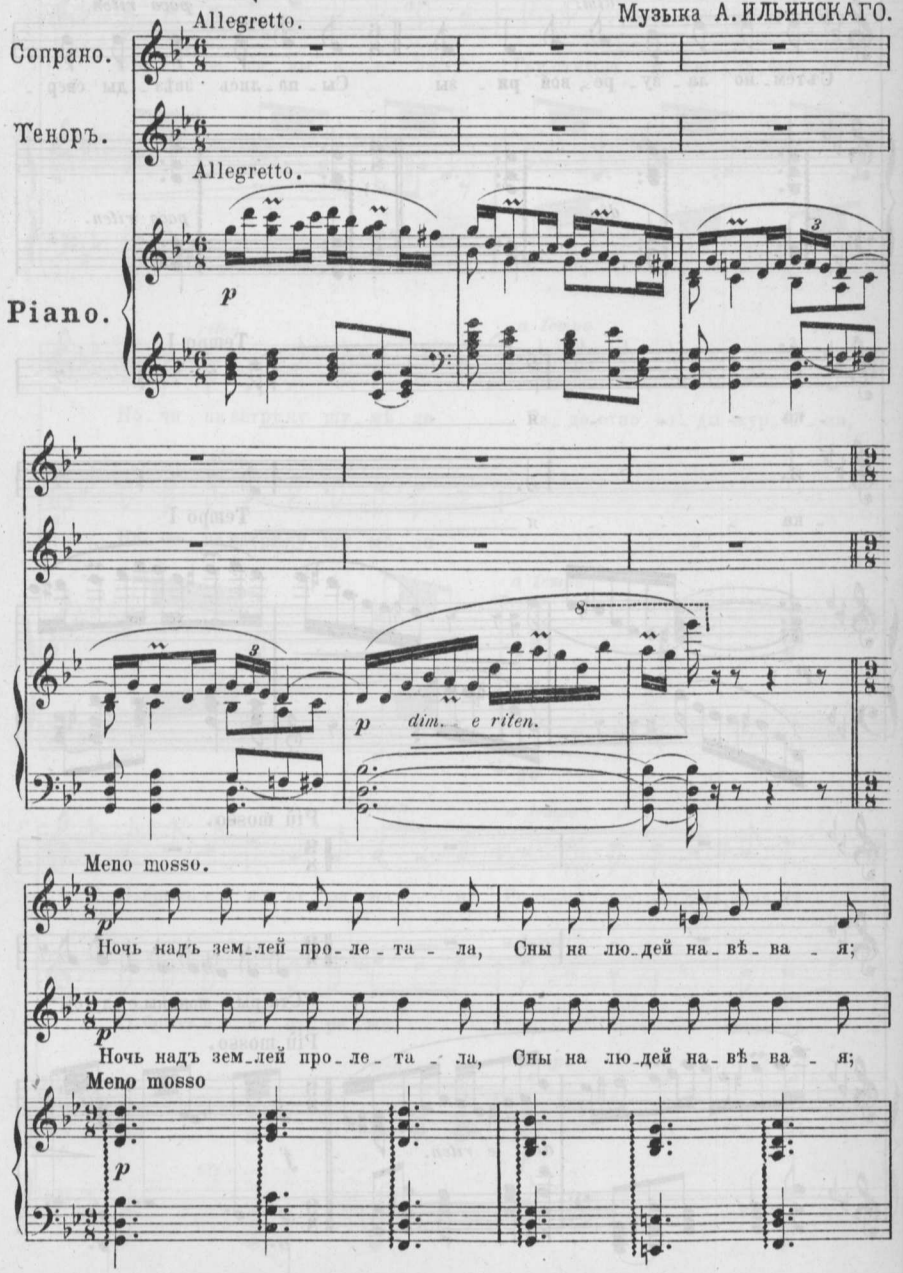
Семену Михаиловичу Бижеичъ

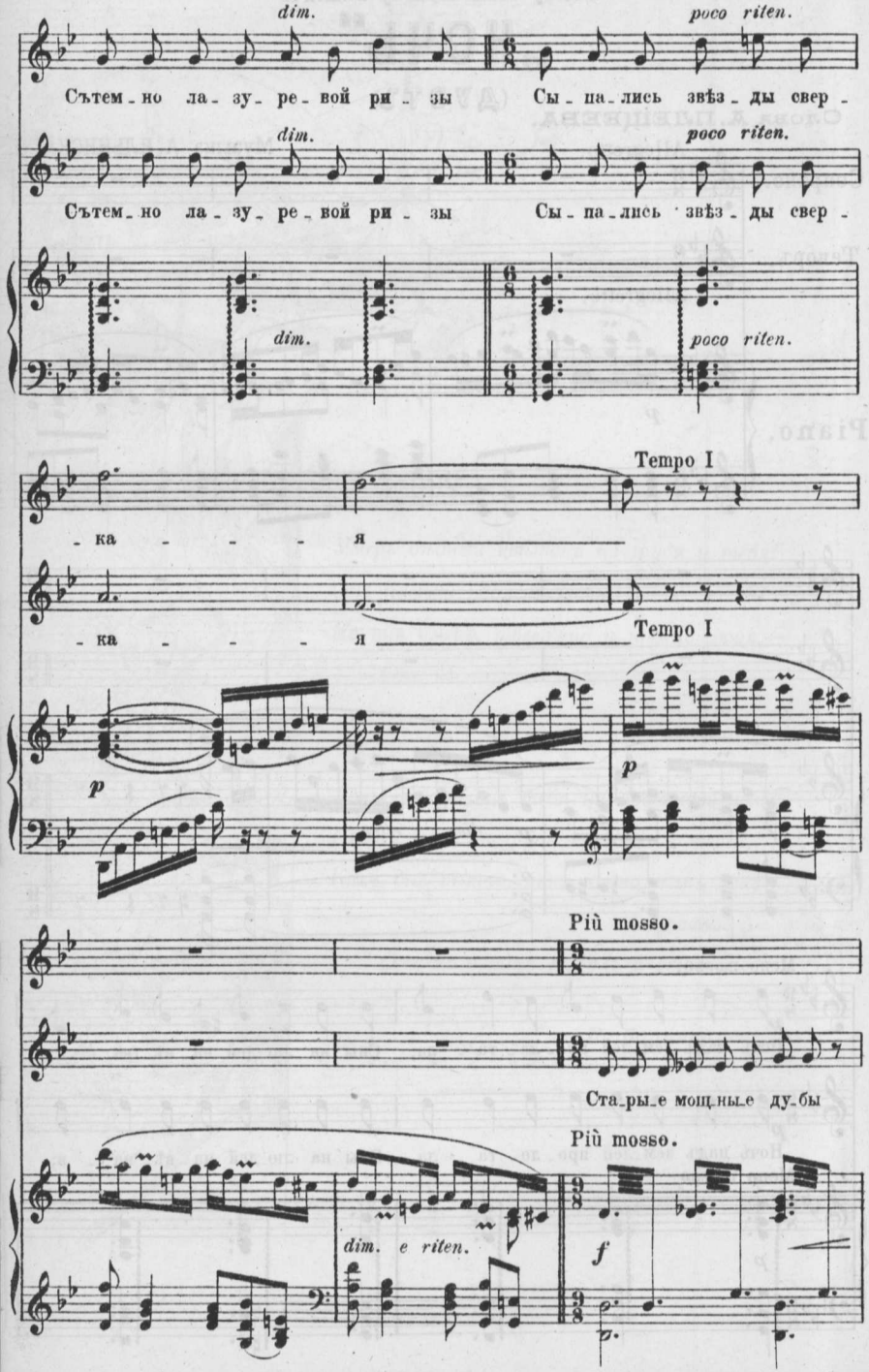
„НОЧЬ“

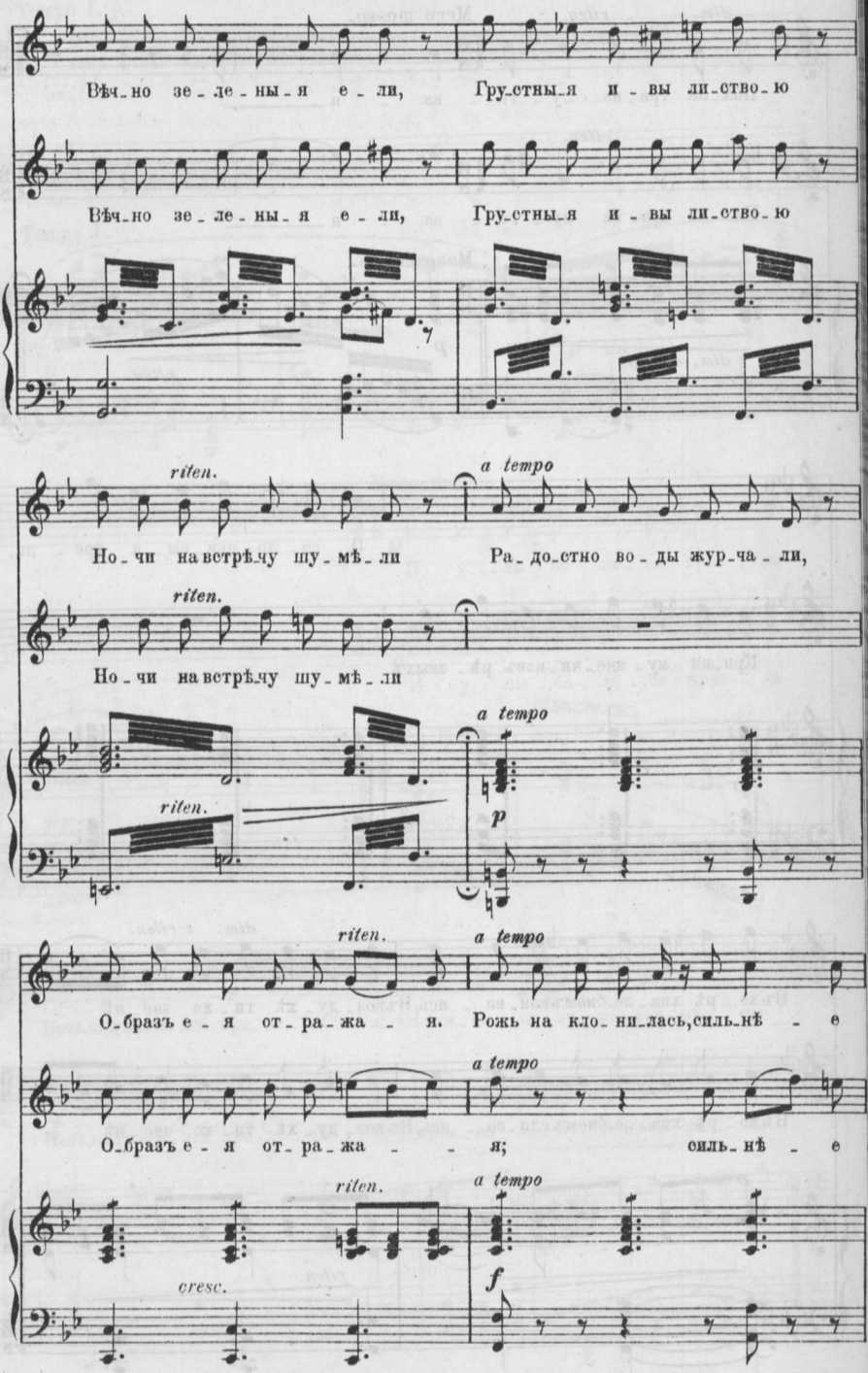
(ДУЭТЪ)

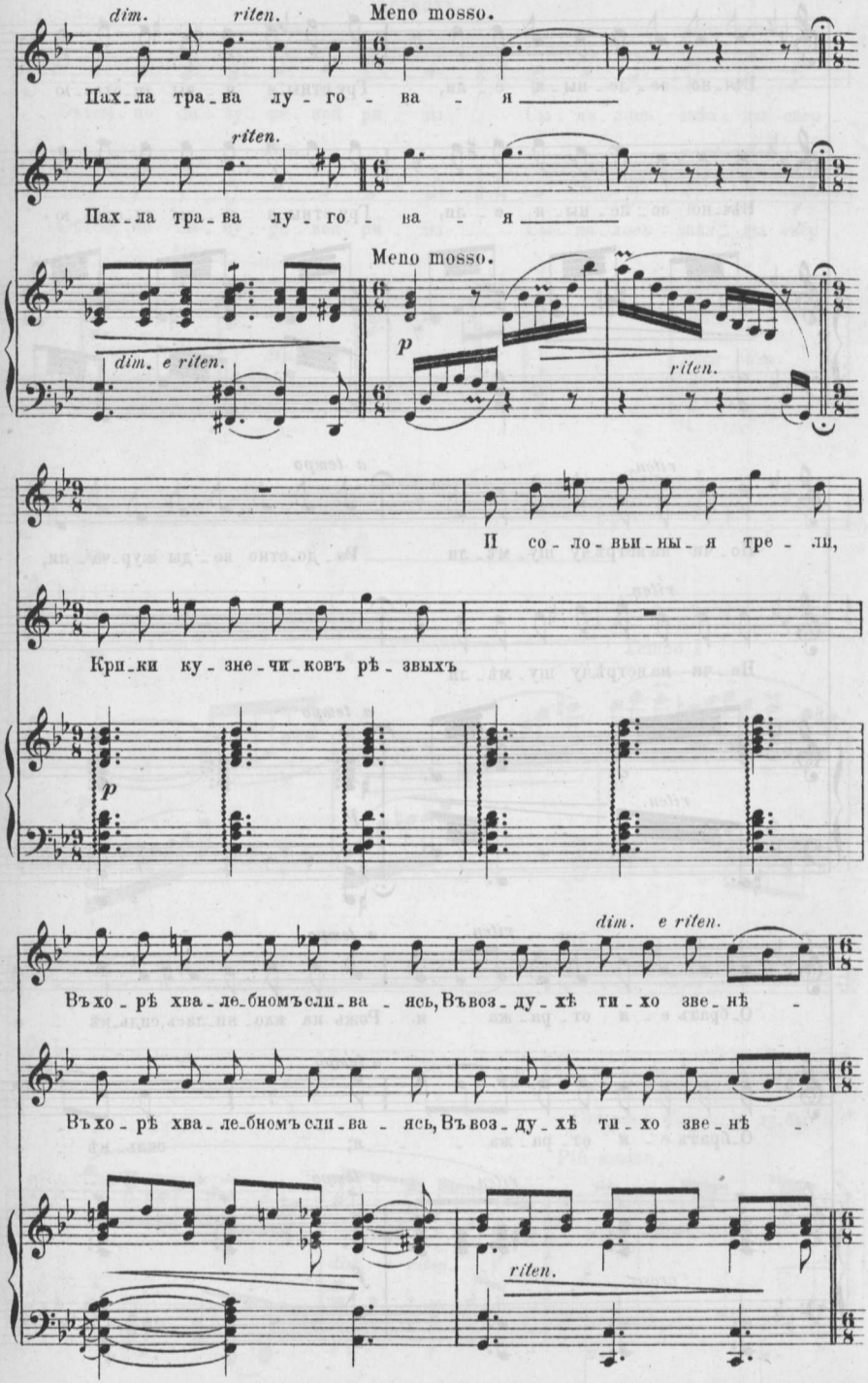
Слова А. ПЛЕЩЕЕВА.

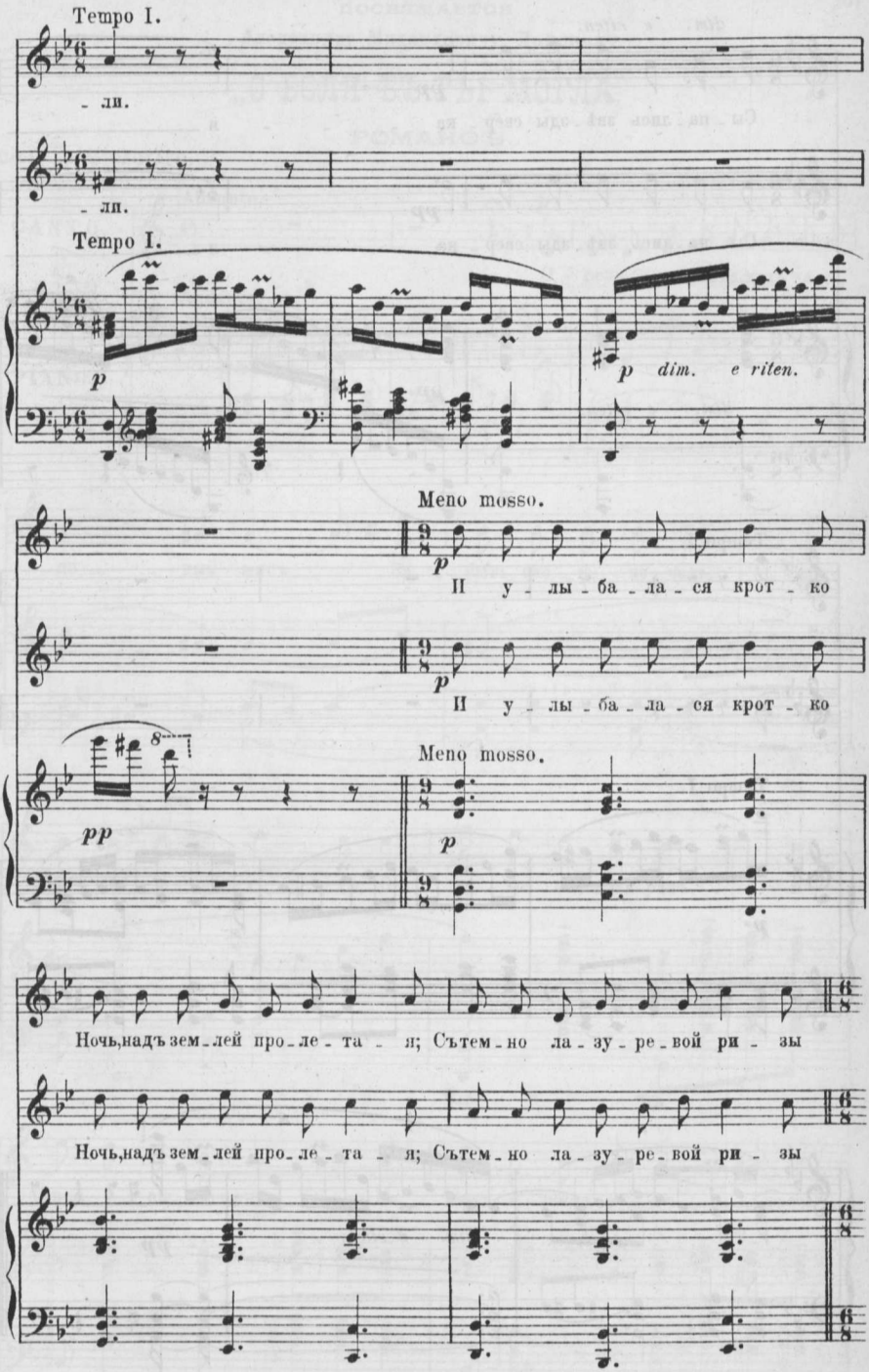
Музыка А. ИЛЬИНСКАГО.

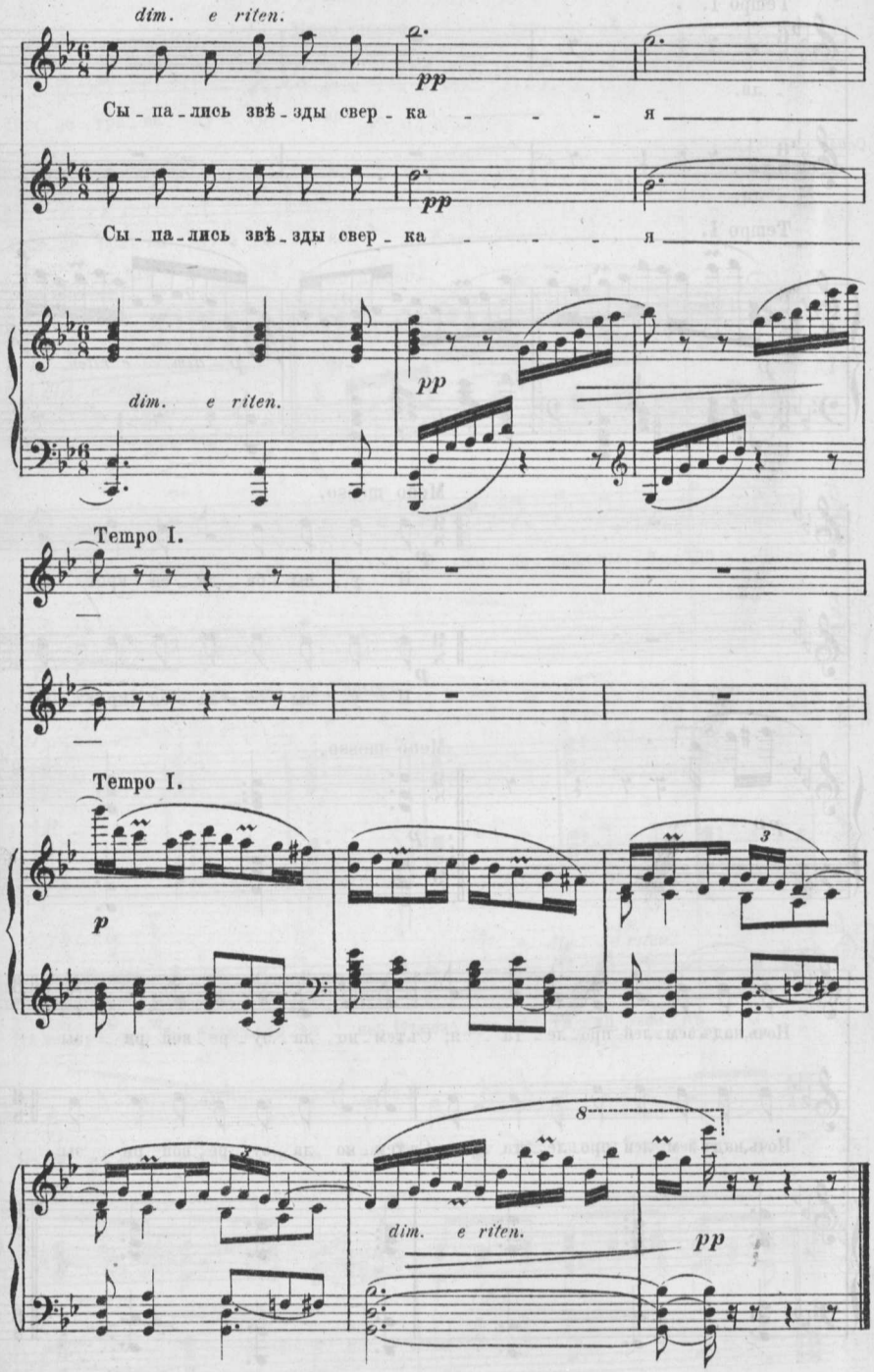



dim.
poco riten.
Съ тем - но ла - зу - ре - вой ри - зы
Сы - па - лись звёз - ды свер -
dim.
poco riten.
Съ тем - но ла - зу - ре - вой ри - зы
Сы - па - лись звёз - ды свер -
dim.
poco riten.
Tempo I
- ка - - - - я
Tempo I
- ка - - - - я
p
p
Più mosso.
Più mosso.
Ста - ры - е мощ - ны - е ду - бы
dim. e riten.
f


Вѣч-но зе-ле-ны-я е-ли, Гру-стны-я и-вы ли-ство-ю
Вѣч-но зе-ле-ны-я е-ли, Гру-стны-я и-вы ли-ство-ю
riten.
a tempo
Но-чи на встрѣ-чу шу-мѣ-ли Ра-до-стно во-ды жур-ча-ли,
riten.
Но-чи на встрѣ-чу шу-мѣ-ли
a tempo
riten.
p
riten.
a tempo
О-бразъ е-я от-ра-жа-я. Рожь на кло-ни-лась, силь-нѣ-е
a tempo
О-бразъ е-я от-ра-жа-я; силь-нѣ-е
riten.
a tempo
cresc.
f


dim.
riten.
Meno mosso.
Пах-ла тра-ва лу-го-ва-я
riten.
Пах-ла тра-ва лу-го-ва-я
Meno mosso.
dim. e riten.
p
riten.
П со-ло-вьи-ны-я тре-ли,
Кри-ки ку-зне-чи-ковъ рѣ-звыхъ
p
dim. e riten.
Въ хо-рѣ хва-ле-бномъ сли-ва-ясь, Въ воз-ду-хѣ ти-хо зве-нѣ -
Въ хо-рѣ хва-ле-бномъ сли-ва-ясь, Въ воз-ду-хѣ ти-хо зве-нѣ -
riten.


Tempo I.
- ли.
- ли.
Tempo I.
p
p dim. e riten.
Meno mosso.
p
И у - лы - ба - ла - ся крот - ко
p
И у - лы - ба - ла - ся крот - ко
Meno mosso.
pp
p
Ночь,надъ зем - лей про - ле - та - я; Съ тем - но ла - зу - ре - вой ри - зы
Ночь,надъ зем - лей про - ле - та - я; Съ тем - но ла - зу - ре - вой ри - зы


dim. e riten.
pp
Сы - па - лись звѣ - зды свер - ка - - - я
pp
Сы - па - лись звѣ - зды свер - ка - - - я
dim. e riten.
pp
Tempo I.
Tempo I.
p
3
3
8
dim. e riten.
pp

ПОСВЯЩАЕТСЯ

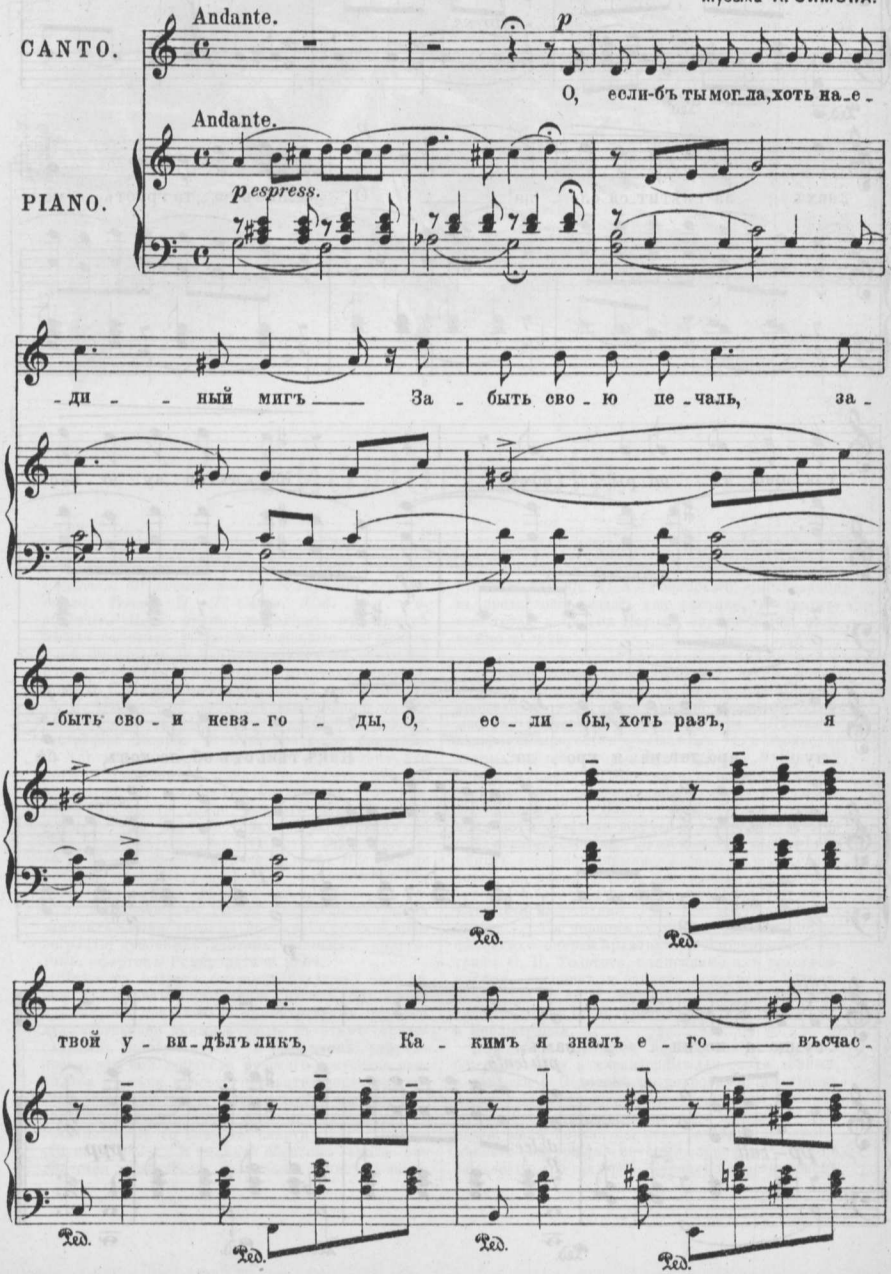
Александру Михаиловичу Додонову.

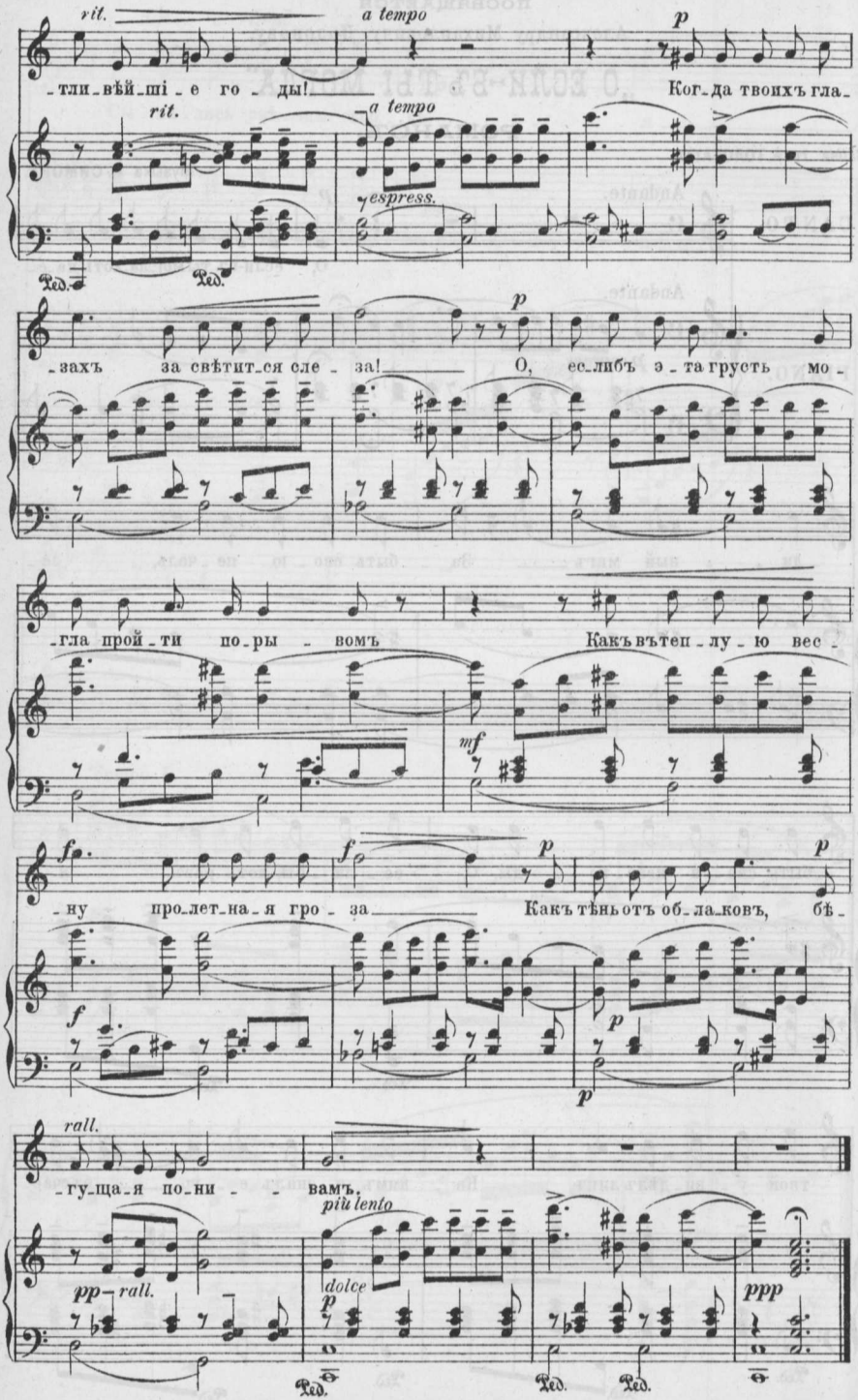
„О ЕСЛИ-БЪ ТЫ МОГЛА"

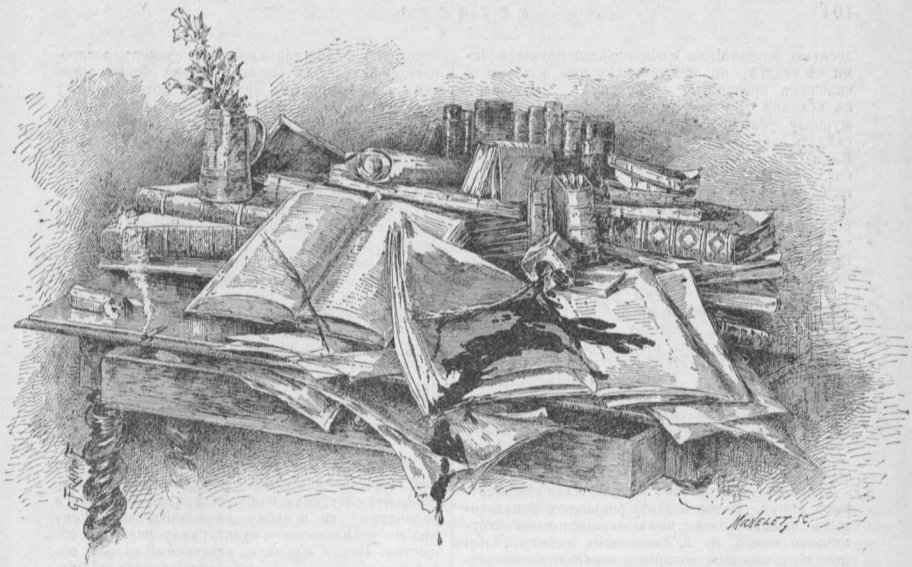
РОМАНСЪ.

Слова гр. А. ТОЛСТАГО.

Музыка А. СИМОНА.




rit.
a tempo
p
-тли-вѣй-ші-е го-ды!
Ког-да твоихъ гла-
rit.
a tempo
espress.
Ped.
Ped.
p
-захъ за свѣтит-ся сле-за!
О, ес-либъ э-та грусть мо-
-гла прой-ти по-ры-вомъ
Какъ вътеп-лу-ю вес-
mf
f
f
p
p
-ну пролет-на-я гро-за
Какъ тѣнь отъ об-ла-ковъ, бѣ-
f
p
p
rall.
-гу-ща-я по-ни-вамъ.
più lento
dolce
p
pp — rall.
ppp
Ped.
Ped.
Ped.



Библіографія.

Василій Григорьевичъ Перовъ. *Его жизнь и произведенія. 60 фототипій съ его картинъ, безъ ретуши. Текстъ Н. П. Собко. Изд. Д. А. Ровинскаго.* Подъ этимъ заглавіемъ въ январѣ вышли въ свѣтъ роскошно изданныя въ одномъ томѣ 60 фототипій почти со всѣхъ произведеній одного изъ самыхъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ В. Г. Перова съ его біографіей, составленной Н. П. Собко. Это—великолѣпное изданіе съ довольно обстоятельной, хотя и недостаточно полной, біографіей Перова и съ прекрасными снимками съ картинъ, такъ еще живо памятныхъ всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь цѣнитъ и любитъ русское искусство. Въ количествѣ 60 листовъ и въ размѣрѣ нѣсколько болѣе формата обыкновеннаго журнала оно доступно всѣмъ любителямъ по сравнительной дешевизнѣ (10 руб. безъ переплета и 12—въ роскошномъ переплетѣ). Вся чистая прибыль поступаетъ въ пользу наслѣдниковъ Перова. Это изданіе дѣлаетъ честь издателю, хорошо извѣстному въ Россіи и за-границей своими замѣчательными трудами по изданію русской иконографіи, лубочныхъ картинъ, русскихъ портретовъ, офортовъ Рембрандта и проч.

Имѣя въ виду въ близкомъ будущемъ дать въ нашемъ журналѣ подробный отчетъ объ этомъ изданіи, мы пока только привѣтствуемъ русское художественное книжное дѣло съ этимъ превосходнымъ пріобрѣтеніемъ и выражаемъ увѣренность, что всѣ любители русскаго искусства раздѣлятъ съ нами чувство признательности почтенному издателю за его прекрасный и вполнѣ безкорыстный трудъ. Годъ изданія совпадаетъ съ десятилѣтіемъ со времени смерти В. Г. Перова (29 мая 1882 г.) и такимъ образомъ книга эта является приличнымъ стимуломъ помянуть нашего незабвеннаго жанриста. Остается пожелать, чтобы намѣреніе Д. А. Ровинскаго, высказанное въ предисловіи, издать еще рисунки, литературные труды и письма Перова, осуществилось какъ можно скорѣе.

—

„Русскій Художественный Архивъ". № 1-й. Новый журналъ стремится замѣстить прекратившійся въ прошедшемъ году органъ нашей Академіи Художествъ, издававшійся подъ именемъ „Вѣстника изящныхъ искусствъ".—Взамѣнъ тѣхъ неопредѣленныхъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ „Вѣстникъ" новый журналъ ограничиваетъ свои стремленія матеріаломъ, подходящимъ къ самому его названію „Архива". — Задачу свою однако журналъ понимаетъ довольно широко и характеризуетъ ее слѣдующими словами: „Чтобы можно было вѣрно цѣнить художественныя произведенія, необходимо знать, въ какой средѣ, при какихъ обстоятельствахъ работалъ художникъ, чтобы вполнѣ понимать его, необходимо знать всю внутреннюю его жизнь!..." Въ первомъ № помѣщены: два біографическихъ очерка архитектора Боровиковскаго и графа Ѳ. П. Толстого, написанные ихъ родственниками, дневникъ и записки покойнаго Рамазанова, письма А. И. Иванова, матеріалы къ описанію галлереи П. М. Третьякова (П. А. Ѳедотовъ) и библіографія.

Во всѣхъ статьяхъ попадаются интересныя біографическія и характерныя для эпохи данныя, а замѣтка о Ѳедотовѣ съ подробнымъ перечнемъ и описаніемъ его вещей, находящихся въ галлереѣ П. М. Третьякова, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ первая попытка разбора того драгоцѣннаго матеріала, который хранится въ этой замѣчательной галлереѣ. Журналъ иллюстрированъ

десятью фототипіями и нѣсколькими цинкографіями въ текстѣ, по внѣшности очень изященъ и снабженъ прекрасной виньеткой г. Пастернака на обложкѣ. Вообще нельзя не пожелать новому журналу успѣха и на первыхъ порахъ можно сдѣлать ему лишь одно небольшое замѣчаніе. Какъ бы ни было велико значеніе всякаго архивнаго матеріала, не весь онъ является интереснымъ для читающей публики. Журналъ дѣлящійся съ публикою архивнымъ матеріаломъ долженъ подвергать его внимательной фильтраціи и печатать лишь то, что можетъ быть общеинтереснымъ. Все прочее будетъ только балластомъ и повлечетъ за собою охлажденіе интереса къ журналу.

Кому, напр., интересны размышленія Романзанова о неизвѣстной г-жѣ З.—К., предпочитающей усы гусаровъ Брюллову, или соображенія о наймѣ новой квартиры въ письмахъ Иванова къ сыну... Будемъ надѣяться, что съ накопленіемъ большаго матеріала и привлеченіемъ большаго числа силъ къ журналу онъ предложитъ своимъ читателямъ дѣйствительные перлы хранящихся въ архивахъ и музеяхъ матеріаловъ и съумѣетъ отряхнуть ихъ отъ архивной плѣсени и пыли.

—

Художественный альбомъ типовъ Гоголя изъ „Мертвыхъ душъ“. Новое изданіе рисунковъ исполненныхъ нашимъ извѣстнымъ акварелистомъ охотничьяго жанра **П. П. Соколовымъ** имѣетъ цѣлью пополнить прежнія изданія и изобразить гоголевскихъ героевъ не только во всемъ блескѣ ихъ типичности, но и среди всей той обстановки, въ которой они жили. Нельзя не удивиться, почему гг. издатели обратились за воспроизведеніемъ этихъ сценъ и типовъ именно къ г. Соколову. Повидимому и сами гг. издатели чувствуютъ, что они заставили г. Соколова взяться „не за свое дѣло“, и въ своемъ предисловіи курсивомъ подчеркиваютъ эти слова, спѣша устранить въ публикѣ всякое сомнѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ могутъ представлять такіе рисунки г. Соколова? П. П. Соколовъ прекрасный акварелистъ и создалъ себѣ давно неоспоримую славу своими акварелями изъ охотничьяго жанра, но всѣ эти вещи и были хороши только въ аквареляхъ или въ воспроизведеніи ихъ facsimile въ краскахъ. Г. Соколовъ рисуетъ довольно широко и совершенно не вырабатываетъ подробностей. Это даетъ его акварелямъ особенную прелесть, но въ черныхъ снимкахъ оставляетъ массу непріятныхъ и часто непонятныхъ пятенъ. Къ тому же и типичность всѣхъ акварелей г. Соколова всегда создавалась общимъ характеромъ нарисованныхъ сценъ, а не типичностью выведенныхъ лицъ. Благодаря всему этому, альбомъ вышелъ крайне неудачнымъ. Достаточно посмотрѣть только на рисунокъ, изображающій Ноздрева въ конюшнѣ, и вы увидите, что Павла Ивановича Чичикова здѣсь нѣтъ, а жокей съ обезьяньей мордочкой вовсе его не напоминаетъ. Точно также нѣтъ Чичикова и въ чаепитіи у Коробочки, какъ нѣтъ и самой Коробочки въ бѣломъ привидѣніи, которое встрѣчаетъ Павла Ивановича въ дверяхъ. Даже болѣе удачные по типичности рисунки, какъ напр. „на вечерѣ у губернатора“, и тѣ почти не оттѣняютъ ничего, кромѣ одного или двухъ лицъ, а сцена въѣзда въ городъ, не смотря на то, что она вполнѣ въ жанрѣ П. П. Соколова, представляетъ просто кибитку въѣзжающую на дворъ гостинницы и ни въ ней нѣтъ ни Чичикова, ни Селифана, ни даже Чичиковскихъ лошадей.

—

Рисунки г. Переплетчикова и „Мотивы русскаго пейзажа Владиміра Соколова“. Оба эти изданія представляютъ небольшіе альбомы рисунковъ, воспроизведенныхъ у г. Переплетчикова болѣе дорогимъ и совершеннымъ способомъ фототипіи, а у г. Соколова обыкновенной литографіей facsimile, т. е. переводомъ оригинальныхъ рисунковъ на камень. Оба альбома наполнены пейзажами и довольно характерно передаютъ природу нашей деревни, съ ея перелѣсками, грязной дорогой и т.п. Перелистывая ихъ, каждый встрѣтитъ знакомые мотивы и вспомнитъ то дни своего дѣтства среди родныхъ полей, то свой дачный отдыхъ въ деревенской глуши...

Оба альбома могутъ служить прекраснымъ украшеніемъ каждаго стола и по цѣнѣ своей вполнѣ доступны (2 р. одинъ и 75 к. другой). Относительно выбора самихъ рисунковъ, нельзя сказать чтобы онъ былъ сдѣланъ очень интересно и намъ приходилось видѣть много гораздо болѣе интересныхъ рисунковъ и того и другого художника, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать подобныя изданія, которыхъ очень мало появляется у насъ и которые безъ сомнѣнія будутъ очень радушно встрѣчены публикой.

—

„Міръ Божій“ ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ для юношества. Январь 1892. Спб. Журналъ нашъ не можетъ относиться равнодушно ко всякому начинанію, имѣющему цѣлію—содѣйствовать культурному развитію общества. Новый журналъ, издаваемый вдовою покойнаго профессора петербургской консерваторіи, А. А. Давыдовой и редактируемый извѣстнымъ педагогомъ, немало послужившимъ дѣлу эстетическаго развитія юношества, В. П. Острогорскимъ, достоинъ полнаго сочувствія образованнаго общества. Журналъ имѣетъ несомнѣнно raison d'être. Потребность въ популярно-научной литературѣ сильно ощущается у насъ. И вотъ почему „Міръ Божій“, думается намъ, долженъ встрѣтить себѣ сочувствіе не только въ средѣ юношества, но и въ средѣ такихъ людей, въ которыхъ потребность въ пополненіи своего образованія не заглохла въ зрѣлые годы ихъ жизни. Беллетристика перваго номера составлена вполнѣ удачно: тутъ и разсказъ А. Додэ, и начало повѣсти Элизы Ожешко, и разсказы г. Мамина-Сибиряка и проф. Бекетова, а въ приложеніи помѣщено начало романа Дж. Эліота „Сэйласъ Марнеръ“. Въ научномъ отдѣлѣ выдается по живости и популярности изложенія историческій очеркъ В. Д. Спиовскаго „Сократъ и его время“. Кромѣ того, тамъ же помѣщены: очеркъ Д. А. Коропчевскаго, относящійся къ наслѣдованію первобытной культуры: „Пещерные люди“, и статья А. М. Головачева: „Рудный уголокъ Алтая“. Въ критико-библіографическомъ отдѣлѣ помѣщена прекрасная, симпатичная по мыслямъ, внушаемымъ ею, и тепло написанная статья В. П. Острогорскаго „Памяти Гончарова“. Рука умѣлаго редактора видна и въ мастерскомъ подборѣ содержанія для такихъ, казалось бы, ничтожныхъ отдѣловъ, какъ „Смѣсь“ и „Мелочи“. Словомъ, если „Міръ Божій“ пойдетъ далѣе по той же дорогѣ, по которой онъ началъ свой путь, то ему можно обѣщать хорошую будущность. Кстати замѣтить, и цѣна журнала (7 руб. въ годъ) доступна для небогатаго класса читателей.

—

„Геромъ и карандашемъ“ *альбомъ автографовъ.— Премія къ журналу „Осколки“ за 1891 г.* Мысль замѣнить всѣмъ надоѣвшія олеографіи альбомомъ автографовъ — мысль удачная. Альбомъ „Осколковъ“ сохранитъ долго свой интересъ; въ немъ на ряду съ шуткой встрѣчаются и мысли, сказанныя отъ души, характеризующія ихъ авторовъ.

Въ этомъ альбомѣ встрѣчаются имена гг.: Альбова, Боборыкина, Гнѣдича, Григоровича, Мамина, Потапенко, Рубинштейна, Чехова, Чайковскихъ, Щеглова и др., артистовъ Васильевой, Савиной, Свободина, Писарева и др; изъ художниковъ: Айвазовскаго, Рѣпина, Шишкина. Художники снабдили свои автографы набросками рисунковъ. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе наброскомъ Рѣпина, изображающій голову мужчины съ строгимъ, задумчивымъ, нѣсколько злымъ взглядомъ. Подпись подъ рисункомъ крайне характерна для нашего талантливаго художника.— „Автографъ съ *юмористическимъ* содержаніемъ... это въ наше голодное время! Они думаютъ это такъ легко!".

Композиторы свои автографы дали въ видѣ нотныхъ отрывковъ изъ своихъ произведеній. Изъ числа автографовъ писателей многіе, къ сожалѣнію, не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ отрывковъ изъ напечатанныхъ уже произведеній. Выборъ того или другого часто совершенно случайный и мало говоритъ въ смыслѣ характеристики писателя. Нѣкоторые же автографы заключаютъ въ себѣ всего только одну подпись и совсѣмъ уже ничего не говорятъ, развѣ только о бѣдности фантазіи ихъ авторовъ. По юмору и мѣткости выдѣляется автографъ И. Л. Щеглова:— „Для того, чтобы написать оригинальную пьесу— нуженъ только талантъ; но для того, чтобы ее пристроить на сцену—нуженъ геній".

Какая это жестокая, горькая правда! И сколько у насъ такихъ „геніальныхъ" людей! Конечно, больше, чѣмъ нужно.

Автографы артистовъ представляютъ, къ сожалѣнію, мало интереснаго. Г. Далматовъ далъ неудачную шараду съ потугой на остроуміе, г. Варламовъ указалъ на свое неумѣніе сказать что-нибудь свое. Это скромно, но не интересно. Г. Дарскій далъ туманное разсужденіе о будущемъ сцены, долженствующей, по его мнѣнію, видоизмѣниться въ какую-то „свободную каѳедру". Гг. Писаревъ и Южинъ ограничились простыми подписями, а г-жа Савина выпиской изъ Тургенева.

Изъ числа автографовъ артистовъ отмѣтимъ два шуточныхъ стихотворенія: П. М. Свободина и Н. В. Васильевой.

„Если-бъ былъ я вольной птицею,
„Я леталъ бы средь полей
„Не ходилъ на репетицію
„Не училъ ролей.

„Honni soit, qui mal y pense", прибавляетъ П. М. Свободинъ.

Н. В. Васильева въ своемъ автографѣ помѣстила подражаніе Кузьмѣ Пруткову:

„Горекъ корень ученія,
„Но сладки.... плоды просвѣщенія.

—

Природа и люди Россіи. Альбомъ, выпущенный подъ этимъ названіемъ журналомъ *Природа и Люди* служитъ приложеніемъ къ этому журналу и представляетъ папку съ виньеткой г Каразина и фототипіями въ ней. Фототипіи воспроизведены съ картины Лагоріо (Дарьяльское ущелье), съ очень скучнаго вида Кремля г. Верещагина и съ картинъ никому невѣдомыхъ гг. Пузыревскаго и Голынскаго и не особенно интересны. Странно что редакція не нашла для этого болѣе интересныхъ оригиналовъ, хотя бы въ картинахъ, появлявшихся на передвижныхъ и т. п. выставкахъ.

—

Зоря. *Ілюстроване літературно-наукове письмо для родин.*—Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи кругъ изданій на украинскомъ языкѣ ограниченъ историческими памятниками и произведеніями изящной словесности, Галиція и Буковина стали исключительной ареной дѣятельности писателей и публицистовъ родственнаго намъ племени. Вѣроятно, немногимъ изъ нашихъ читателей извѣстно, что въ настоящее время украинская пресса насчитываетъ до 20-ти періодическихъ изданій – политическихъ, литературныхъ и научныхъ. Изъ нихъ, какъ по внѣшнему виду, такъ, въ особенности, по внутреннему содержанію выдѣляется двухъ-недѣльный журналъ, названіе котораго мы привели выше. 13-й годъ изданія доказываетъ, что „Зоря" составила себѣ извѣстный кругъ читателей и пользуется ихъ, болѣе или менѣе постоянными, симпатіями. Успѣхъ этого журнала станетъ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на составъ его сотрудниковъ.— Имена гг. Нечуя-Левицкаго, Мирного, Чайченка, Мордовця (Мордовцева), Конисскаго, Кропивницкаго, Карпенка и друг. доказываютъ, что „Товарищество имени Шевченка", издающее „Зорю", сплотило около себя лучшія силы украинской литературы, такъ что со стороны беллетристическаго матеріала этотъ журналъ, безспорно, стоитъ выше всѣхъ извѣстныхъ намъ украинскихъ періодическихъ изданій. Въ прошломъ году, кромѣ двухъ большихъ повѣстей: „Навіжена" (г. Нечуя-Левицкаго), „Сонячний промінь" (г. Чайченка) и двухъ драматическихъ произведеній г. Карпенка („Мартин Боруля" и „Сто тисяч"), въ „Зорѣ" напечатана масса разсказовъ, очерковъ, эскизовъ, рисующихъ жизнь всей Украйны съ ея радостями и горемъ, чудными пѣснями и безконечною далью зеленыхъ степей. Гармоничныя стихотворенія, исполненныя свойственной дѣтямъ юга мечтательности и тихой грусти, дополняютъ общій поэтическій колоритъ литературнаго отдѣла.

Но печатая произведенія лучшихъ украинскихъ писателей и поэтовъ, редакція „Зори" удѣляетъ значительное мѣсто критикѣ, библіографіи, статьямъ по разнымъ отраслямъ науки и искусства. Въ текущемъ году редакція „Зори", между прочимъ, обѣщаетъ дать „Исторію украинскаго театра", съ которою мы постараемся познакомить нашихъ читателей.

Касаясь внѣшней стороны журнала, мы должны сказать, что „Зоря" издается очень опрятно: печатается на хорошей бумагѣ и красивымъ шрифтомъ, нѣкоторую же неудовлетворительность иллюстрацій мы объясняемъ новизною этого дѣла для редакціи („Зоря" только въ прошломъ году стала иллюстрировать свои страницы). Въ общемъ, журналъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе, и мы отъ души желаемъ „Товариществу имени Шевченка" успѣха въ его стремленіи поднять умственный и эстетическій уровень своей народности.

—

Князь Д. Голицынъ (Муравлинъ). Судъ идетъ...— Иванъ. — Вальсъ. — Холодовъ. *Спб. 1891 г.* Про героевъ г. Муравлина можно сказать по справедливости, что это „какіе-то не люди и не звѣри". Это почти всегда люди, испошлившіеся, пресыщенные жизнью, томящіеся ея пустотой, безсодержательностью. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ этихъ людей не было ни одной свѣтлой точки. Такова и та среда, изъ которой они вышли, и которую не могутъ, не въ силахъ покинуть. Не въ силахъ – по дряблости, мелкости своей натуры. Это люди, скользящіе и съ большимъ искусствомъ держащіеся между такъ называемымъ высшимъ свѣтомъ и demi-mond'омъ. Ихъ образъ жизни: днемъ однообразная служба, исполняемая исключительно ради карьеры; а вечеромъ посѣщеніе оперетки, ресторана, загородныя прогулки съ милыми, хотя и не невинными созданія-

ми и т. п. Ихъ обычное настроеніе — скука и страстное желаніе найти себѣ хоть какое-нибудь развлеченіе отъ одуряющей тоски...

Таковъ и герой лучшаго въ сборникѣ и самаго тягостнаго по содержанію своему разсказа „Судъ идетъ“. Вельшинъ, проживши съ чужой женой три года, бросилъ ее и уѣхалъ, чтобы позабыться отъ тоски, за границу. Во время этого путешествія онъ получилъ извѣстіе о смерти покинутой имъ избранницы сердца. Это его успокоило и удовлетворило. Онъ рѣшилъ забыть даромъ потраченные съ нею три года, но, возвратясь въ Петербургъ, онъ вдругъ узнаетъ, что его обманули, что эта дама жива. Мало того: онъ ее встрѣчаетъ. Оказывается, она „пошла по дорогѣ избитой“, и для человѣка съ деньгами всегда готова на ласки и особую дружбу. Ему приходится въ ресторанѣ встрѣтиться съ ней за обѣдомъ въ компаніи и ея, и его пріятелей. Разгоряченный виномъ, а также мелкими побужденіями ревности, самолюбія и другихъ эгоистичныхъ чувствъ, онъ среди крупнаго разговора убиваетъ ее, зарѣзавъ ножемъ. Его привлекаютъ къ суду. Но и на судѣ оказались такіе же скучающіе и равнодушные ко всему, а стало быть, и къ истинѣ, присяжные засѣдатели, какъ и герой разсказа. Они его оправдываютъ. Скучаетъ шестилѣтній „Ваня“ (во второмъ разсказѣ г. Муравлина), котораго не удовлетворяютъ разсказы стараго лакея и который ищетъ сильнаго ощущенія, прося разсказать что-нибудь страшное. Скучаетъ отъ безсонницы и герой третьяго разсказа, Павелъ Мих. Лыковъ, меланхолически размышляющій: когда же, наконецъ, произведутъ его въ коллежскіе регистраторы; скучаетъ, наконецъ, и восьмой герой г. Муравлина, который придумалъ-было интрижку съ барышней, а тѣмъ временемъ къ нему пріѣхала его жена. Послѣднее слово книги автора: „людишки“ какъ нельзя болѣе подходитъ ко всѣмъ лицамъ, дѣйствующимъ въ этихъ разсказахъ талантливаго автора.

—

М. Анютинъ (М. Н. Ремзовъ). Нашихъ полей ягоды. *Романъ. М. 1892.* Интересъ этого романа заключается не въ любовныхъ интригахъ, хотя ихъ здѣсь довольно много, и не въ психологическомъ анализѣ, который здѣсь сосредоточенъ, и то не въ достаточной степени, только на одной личности. Интересъ романа заключается въ судьбѣ его героя, интересъ исключительно общественнаго характера. Идея автора—дать картину пошлой, безцвѣтной жизни современной провинціи, жизни, которая въ настоящее время, въ силу извѣстныхъ сложившихся условій, руководится исключительно голосомъ „мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.“ Въ столкновеніе съ видными представителями такого рода людей, поставленъ авторомъ Сердобцевъ, молодой учитель школы въ селѣ Просѣки. Юноша преисполненъ лучшихъ стремленій и пріобрѣлъ въ селѣ прекрасную репутацію. Ребятишки его любятъ, дѣлаютъ успѣхи; чего же еще, казалось бы, желать молодому учителю, преданному своему дѣлу? Но бѣда въ томъ, что, ради мелкихъ интересовъ партіи, его заманиваютъ на должность волостного писаря, расписывая ему въ громкихъ фразахъ завидную перспективу высокаго служенія народу и спасенія его отъ хищниковъ и грабителей. Недолго пришлось юношѣ предаваться этой насильственно внушенной ему иллюзіи. Онъ скоро убѣдился, что въ должности волостного писаря онъ дѣлаетъ „не настоящее“ дѣло: вся его работа заключается въ составленіи какихъ-то рапортовъ и донесеній, до которыхъ ни краю, ни крестьянамъ нѣтъ никакого дѣла, „такъ какъ всѣ отлично знаютъ, что на бумагѣ написано одно, а на дѣлѣ, въ жизни, выходитъ совсѣмъ другое“. Люди, желавшіе его сдѣлать орудіемъ своихъ партійныхъ замысловъ, дѣлаютъ изъ него земскаго гласнаго, и вотъ онъ вскорѣ занимаетъ почетную должность члена земской управы. Шагъ за шагомъ, подстрекаемый и наущаемый своими хитрыми руководителями, онъ все болѣе уходитъ въ тину засасывающей пошлости, непозволительныхъ компромиссовъ, падаетъ духомъ и только тогда спасается, когда покидаетъ несвойственное ему дѣло и вновь становится учителемъ. Его назначаютъ въ образцовую школу съ ремесленными классами, объ учрежденіи которой онъ такъ много мечталъ. И тутъ онъ снова, полный свѣтлыхъ надеждъ, возвращается къ „жизни чистой, человѣческой“, къ просвѣщенію сельскихъ дѣтей. Интересъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которые затрогиваются романомъ, въ значительной мѣрѣ выкупаетъ явные недостатки этого романа въ отношеніи художественномъ.

—

И. Бунинъ. Стихотворенія. 1887 — 1891. Бываютъ случаи, что ученикъ не понимаетъ своего учителя, хотя и думаетъ, что понимаетъ. Вотъ, напр., юный поэтъ, г. Бунинъ. Эпиграфомъ къ своимъ произведеніямъ онъ взялъ стихи г. Фета, въ которыхъ поэтъ скромно сознается, что его произведенія представляютъ собою „*бредъ неясный*“ Такъ, онъ говоритъ:

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной,—
Эти звуки—бредъ неясный...

А между тѣмъ, въ стихотвореніяхъ самого г. Бунина ничего неяснаго, по нашему мнѣнію, нѣтъ. Скорѣе напротивъ, все такъ ясно, такъ просто, такъ просто, что удивляешься, къ чему было безпокоиться о какомъ-то размѣрѣ и ритмѣ. Судите сами, что можетъ быть проще и прозаичнѣе этихъ, напр., строкъ:

Говорятъ, что вся клубника
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла,
Говорятъ, что такъ же точно
Грудь у дѣвушекъ бѣла...
Аршинъ бѣлыхъ позументовъ
Къ рукавамъ и на подолъ—
Я боюсь, что это много,
Слишкомъ много на комзолъ!

Вотъ какой предметъ боязни воспѣвается въ стихахъ, и притомъ лишенныхъ той граціи, которой такъ много у г. Фета. Нѣтъ, лучше, по нашему, совсѣмъ не писать стиховъ, чѣмъ облекать въ нихъ голую прозу. Что-нибудь одно: или проза, или поэзія. И на все есть своя форма. Быть можетъ г. Бунинъ—прекрасный прозаикъ. Въ такомъ случаѣ, пусть онъ скорѣе покидаетъ занятіе поэзіей.

Наши иллюстрированные журналы.

„Всемірная иллюстрація“. „Всемірная Иллюстрація“ ставитъ себѣ задачею иллюстрировать возможно полнѣе злобу дня и дѣйствительно въ этомъ журналѣ читатель найдетъ всего, чего угодно, и даже иллюстраціи никѣмъ невидѣнныхъ происшествій вродѣ полета и паденія рабочихъ на Апраксинскомъ воздушномъ шарѣ. Въ журналѣ приведены портреты всѣхъ лицъ, имена которыхъ жизнь выдвигала на первый планъ и рисунки всѣхъ интересовавшихъ публику событій. Иллюстраціи приличныя и чистенькія, и подчасъ даже очень эффектныя (иллюстраціи художн. Самокиша). Жаль только, что сама художественная жизнь нашего общества съ ея картинными вы-

ставками отражается на страницахъ журнала довольно слабо...

Что же касается главной преміи журнала, состоящей изъ 18 большихъ ксилографій, собранныхъ въ видѣ „альбома исторической живописи“, то онѣ едва-ли будетъ служить хорошей приманкой для подписчиковъ журнала. Въ альбомѣ нѣсколько очень хорошихъ гравюръ съ очень интересныхъ картинъ, но большая часть ихъ была помѣщена на страницахъ той же „Иллюстраціи“ за прежніе года и, слѣдовательно, постоянные подписчики журнала давнымъ-давно могли бы и сами составить такой же альбомъ.

—

„Живописное обозрѣніе“ издается по типу нѣмецкаго „Ueber Land und Meer“, но значительно слабѣе этого изданія. При довольно низкой подписной цѣнѣ (8 руб.) журналъ совершенно истощаетъ себя массой приложеній (135 приложеній!) и желая угодить всѣмъ: и дѣтямъ, и любительницамъ модъ, и хозяйкамъ, и пр., едва-ли кому дѣйствительно угождаетъ. Въ прежнее время журналъ былъ скромнѣе на приложенія, но гораздо внимательнѣе выбиралъ гравюры для перепечатки изъ иностранныхъ журналовъ и строже относился къ рисункамъ доморощенныхъ иллюстраторовъ и отъ этого, конечно, только выигрывалъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ разсмотрѣннымъ драматическою цензурою и дозволеннымъ къ представленію безусловно

въ декабрѣ 1891 года.

(„Правительственный Вѣстникъ“ 92 г. № 7).

Авторъ. Картинка петербургской жизни, въ 1 д. Александра Плещеева. С.-Петербургъ. 1891 года. (По печатному изданію. 8 д., 34 стр.)

Богатѣй (Кротость — что бѣлая ворька). Ком. въ 4 д. Е. Гославскаго. Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ“. Москва. 1891 года. (Годъ 3-й). № 18-й. Декабрь. Типо-лит. И. Н. Кушнеревъ и К°. (По печ. изд. 4 д., 4–23 стр.).

Братъ и сестра. Пьеса въ 1 д. В. Гёте. Переводъ Э. Э. Матерна. Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ“. Москва. 1891 года. (Годъ 3-й). № 18-й. Декабрь. Типо-лит. И. Н. Кушнеревъ и К°. (По печ. изд. 8 д., 1—8 стр.).

Въ лунную лѣтнюю ночь. Этюдъ въ 1 д. А. Степановой. „Театральная библіотека“. Ежемѣсячный журналъ. № 8-й. Декабрь. 1891 года. Москва. Типо-лит. И. Н. Кушнеревъ и К° (По печ. изд. 8 д., 60—66 стр.).

Вѣтрогоны остепенились. Ком. въ 4 д. (Państvo Vaçkovie). Пржебыльскаго. И. и И. (По лит. изд. театр. библ. С. И. Напойкина. Москва. 1891 года. 4 д., 66 стр.). Отзывъ см. ниже.

Донъ-Кихотъ XIX столѣтія или святость это или безуміе (O Locura o Santidad). Др. въ 3 д. Хозе Эчегарей. Перед. для русской сцены М. В. Карпѣевымъ и А. И. М. . . . е (По лит. изд. С. Ѳ. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 62 стр.). Отзывъ см. „Артистъ“ № 17 стр. 128.

Заливной поросенокъ. Ориг. фарсъ въ 1 д. изъ купеческаго быта. А. П. Морозова. Изд. В. А. Базарова. С.-Петербургъ. 1891 года. 8 д., 19 стр.

Заяцъ. Ориг. ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго. „Театральная библіотека“. Ежемѣсячный журналъ. № 8-й. Декабрь. 1891 года. Типолит. И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва. (По печ. изд. 8 д., 28—59 стр.).

— Тоже (По лит. изд. С. И. Напойкина. Москва. 1891 года. 4 д., 92 стр.). Отзывъ см. „Артистъ“ № 18 стр. 136.

Іорикъ. Др. въ 4 д. Томахо-и-Баусъ. Перев. съ испанскаго П. А. Каншина. (По лит. изд. театральной библ. С. И. Напойкина. Москва. 1891 года. 4 д., 87 стр.). Отзывъ см. „Артистъ“ № 12.

Компаньоны. Ком. въ 4. д. П. Невѣжина. Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ“. Москва. 1891 года (Годъ 3-й). № 18-й. Декабрь. Типо-лит. И. Н. Кушнеревъ и К°. (По печ. изд. 4 д., 24—49 стр.). Отзывъ см. „Артистъ № 18 стр. 111.

Марія Шотландская. Др. въ 5 д. Бьернстьерна-Бьернсона. Перев. съ датскаго П. Ганзена. (По печ. изд. „Сѣверный Вѣстникъ“. 8 д., 77—154 стр.).

На своихъ мѣстахъ. Ком. въ 4 д. Пик. Вл. Казанцева. „Театральная библіотека“. Ежемѣсячный журналъ. № 8-й. Декабрь. 1891 года. Москва. Типо-лит. И. Н. Кушнеревъ и К° (По печ. изд. 8. д., 27 стр.).

Наѣздница. Ком. въ 4 д. (Сюжетъ взятъ съ нѣмецкаго). Д. Незванова и А. Боярскаго (По лит. изд. театр. библ. С. И. Напойкина. Москва. 1891 года. 4 д., 75 стр.). Отзывъ см. ниже.

Ни минуты покоя! Ориг. ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго. (По лит. изд. театр. библ. С. И. Напойкина. Москва. 1891 года. 4 д., 88 стр.). Отзывъ см. „Артистъ“ № 12.

Пиковая дама. (Картежникъ). Др. изъ повѣсти А. С. Пушкина, въ 5 д. Дм. Лобанова, Сборникъ театральныхъ пьесъ Д. И. Лобанова, Выпускъ II. С.-Петербургъ. 1879 года (По печ. изд. 8 д., 49 стр.).

По щучьему велѣнью. Этюдъ въ 1 д. П. Глазунова (По лит. изд. С. Ѳ. Разсохина. Москва. 1890 года 4 д., 33 стр.). Отзывъ см. ниже.

Сенъ-Сиръ. Опер. въ 3 д. Слова О. Вальтера, музыка, Р. Делингера. Перев. Н. Н. Киселевича (По лит. изд. С. Ѳ. Разсохина. Москва. 1891 года. 4 д., 105 стр.). Отзывъ см. „Артистъ“ № 18 стр. 148.

Сокровище. Др. въ 5 д. и 6 карт. К. В. Назарьевой (По лит. изд. С. Ѳ. Разсохина. Москва. 1891 года. 4 д., 97 стр.). Отзывъ см. „Артистъ“ № 18 стр. 137.

Уголокъ Петербурга (Фисташки). Ориг. шутка въ 1 д. Александра Санина. С.-Петербургъ. 1892 года (По печ. изд. 8 д., 16 стр.). Отзывъ см. „Артистъ“ № 19 стр. 135.

Чаша жизни. Ком. въ 4 д. А. С. Шустова. (По лит. изд. С. Ѳ. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 75 стр.). Отзывъ см. ниже.

Новыя пьесы.

Вѣтрогоны остепенились — ком. въ 4 д., соч. Пржебыльскаго, передѣлка Н. и И. Данная пьеса представляетъ собой продолженіе пьесы того же автора „Оболтусы—Вѣтрогоны“, обошедшей почти всѣ наши сцены. Комедія начинается изображеніемъ семейнаго счастья одного изъ вѣтрогоновъ, Проши, и кончается женитьбой другаго вѣтрогона, Троши. Промежуточное дѣйствіе занято исторіей о томъ, какъ Троша соблазняетъ Прошу и какъ оба брата пируютъ въ гостинницѣ. За Прошей мчится въ догонку его жена, между супругами происходитъ ссора, ссора заканчивается наканунѣ сватовства Троши. И, дѣйствительно, зритель, заинтересовавшійся судьбой вѣтрогоновъ, долженъ чувствовать къ концу пьесы, что вѣтрогоны уже остепенились. Комедія изобилуетъ мѣткими характерными чертами, положеніями и мѣтко очерченными персонажами. Очень жаль, что гг. Н. и И. не ограничились простымъ переводомъ. Передѣлка на русскіе нравы этой чисто-польской жанровой комедіи только вредитъ ея занимательности. Тѣмъ болѣе, что, несмотря на всѣ усилія передѣлывателей, польскій колоритъ комедіи остался въ ней нетронутымъ. Яркій примѣръ господствующей среди нашихъ переводчиковъ дурной привычки къ передѣлкамъ.

—

Наполеонъ I въ Россіи или Русскій герой отечественной войны, истор. др. въ 4 д. соч. А. П. Морозова. 2-е изданіе. Едва ли нужно передавать содержаніе „историческихъ“ драмъ, вродѣ той, заглавіе которой мы выписали. Историческаго въ нихъ только одни имена. Полное отсутствіе какихъ бы то ни было сценическихъ, а тѣмъ болѣе литературныхъ достоинствъ — ихъ отличительная особенность. Все въ такихъ пьесахъ разсчитано на афишу, на подзаголовки къ дѣйствіямъ, на „новую и блестящую обстановку“ (обыкновенно эта фраза сопровождаетъ анонсы о такихъ пьесахъ) и на примитивный патріотизмъ невзыскательныхъ зрителей глухой провинціи. Пьеса г. Морозова ничѣмъ не хуже и не лучше всѣхъ подобныхъ пьесъ. Остается только удивляться, какъ и почему такія пьесы выдерживаютъ по 2 и по 3 изданія. Фактъ, наводящій всякаго, кто любитъ сцену, на очень грустныя размышленія!..

—

Наѣздница, ком. въ 4 д. (сюжетъ съ нѣмецкаго) Д. Незванова и А. Боярскаго. Очень веселый фарсъ въ чисто-нѣмецкомъ духѣ, неизвѣстно зачѣмъ переложенный на русскіе нравы и отъ этого только отяжелѣвшій и огрубѣвшій — вотъ и все, что можно сказать о данной комедіи. Содержаніе фарса очень запутано. Первый планъ занимаетъ фигура недовѣряющей зятю тещи. Зять же—довольно легкомысленный человѣкъ, ежеминутно попадающій впросакъ. Онъ знакомится съ какой то наѣздницей, наѣздница приходитъ къ нему въ домъ, является теща, зять выдаетъ наѣздницу за племянницу изъ Сибири, вдругъ является сама эта племянница и т. д. Передѣлка была бы интереснѣе, если бы въ ней было только три акта и если бы акты были значительно короче.

—

По щучьему велѣнью—этюдъ въ одномъ дѣйствіи, с ч. Н. Глазунова. Появленіе въ свѣтъ подобнаго, совершенно безцвѣтнаго, этюда понятно только при условіи, что это—проба начинающаго и очень молодого автора. Веселая дѣвушка любитъ скромнаго художника. Скромный художникъ любитъ веселую дѣвушку. У скромнаго художника есть веселый другъ. Веселый другъ помогаетъ скромному художнику жениться на веселой дѣвушкѣ. Вотъ и все. Если къ этому прибавить, что ни одна изъ указанныхъ фигуръ не обладаетъ ни одной сколько-нибудь характерной черточкой, то сказанное выше сдѣлается еще понятнѣе. Авторъ чувствуетъ большую склонность къ остроумничанью, но оно ему совсѣмъ не удается. „Ахъ, ты, сосиска!“ восклицаетъ одинъ. „Кого-то въ нѣмецкій чинъ произведъ!“ подхватываетъ это восклицаніе другой. Такова самая удачная острота этюда.

—

Чаша жизни. *Ком. въ 4 д. соч. А. Шустова.* Интрига этой комедіи очень бѣдна: мужъ, любящій жену, расходится съ ней изъ-за того, что она не желаетъ заплатить за него десять тысячъ рублей. Разойдясь, онъ уѣзжаетъ на службу къ дядѣ. Раскаявшаяся жена ѣдетъ за мужемъ и предлагаетъ ему все свое состояніе: четыреста тысячъ рублей. Мужъ бросаетъ портфель съ деньгами въ огонь, но деньги не сгораютъ. Деньги извлекаются изъ огня, и въ будущемъ—всеобщее благополучіе. Впрочемъ, читатель съ перваго же акта видитъ, что автора вовсе не интересуетъ интрига его пьесы. Автора занимаютъ болѣе серьезныя вопросы: онъ желаетъ не столько развлекать зрителя, сколько поучать его. Чему же онъ поучаетъ? А вотъ чему: женщина создана для того, чтобы рожать дѣтей; дворянинъ созданъ для того, чтобы жить у себя въ имѣніи; Россія—страна русская, слѣдовательно, и говорить въ ней надо по-русски; къ иностранцамъ слѣдуетъ относиться съ насмѣшкой; русскому кулаку нужно всегда отдать предпочтеніе передъ кулакомъ-евреемъ и т. д. Въ сценическомъ отношеніи комедія г. Шустова—вещь въ высшей степени слабая: не только въ ней нѣтъ никакого матерьяла для артистовъ, но авторъ, очевидно, вообще не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о сценѣ. Монологи слѣдуютъ за монологами, ежеминутныя повторенія, длинноты, разрозненность и нецѣльность сценъ. Въ литературномъ отношеніи пьеса страдаетъ полнымъ отсутствіемъ жизни и красокъ въ выведенныхъ характерахъ. Лица или блѣдны, или банальны или сочинены до того, что производятъ впечатлѣніе плохо набросанныхъ карикатуръ. Языкъ очень часто страдаетъ серьезными грамматическими погрѣшностями. Непонятно также, почему пьеса называется „Чашей жизни“. Было бы ближе къ истинѣ, если бы комедія называлась „Чашей отжившихъ вѣкъ мыслей“.

Современное обозрѣніе.

МОСКВА.

Малый театръ.

«Сѣверные богатыри», драма Ибсена.

Скандинавскія сказанія о богахъ и герояхъ носятъ особый отпечатокъ суровой стихійной силы. Мрачная природа, чуждая тепла и ласки, наложила свою тяжелую руку на дѣйствительность и фантазію скандинавскихъ народовъ. Здѣсь героизмъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, принимаетъ сверхчеловѣческіе размѣры. Легенды южныхъ народовъ не знаютъ такой энергіи, такихъ страстныхъ, неукротимыхъ поисковъ борьбы и опасностей. Силы будто переполняютъ человѣческую природу, жгутъ ее внутреннимъ огнемъ,—и если нѣтъ имъ исхода,—онѣ повергаютъ въ бѣшенство свою жертву. Жажда дѣятельности—бурной, захватывающей духъ, господствуетъ надъ всею жизнью скандинавскаго героя.

И по образу этихъ стремленій онъ создаетъ своихъ боговъ. На скандинавскомъ Олимпѣ почти исключительно боги войны,—войны въ самыхъ разнообразныхъ, многочисленныхъ видахъ. Даже удовольствія здѣсь отмѣчены воинственнымъ характеромъ. Охота—одно изъ величайшихъ наслажденій скандинавскаго витязя—превращена въ дикую борьбу на жизнь и смерть. Эта борьба, наполнивъ земную жизнь человѣка, будетъ сопровождать его и за гробомъ. Блаженство будущей жизни выпадаетъ на долю только тѣмъ, кто палъ въ бою и въ царствѣ тѣней погибшіе въ битвѣ герои попрежнему будутъ вести жизнь, исполненную жгучихъ ощущеній.

Скандинавскій герой не знаетъ границъ своему мужеству. Онъ ищетъ опасностей, смерти, какъ единственнаго понятнаго ему счастья. Все его существо до такой степени срослось съ этой страстью, что каждая минута покоя,

яснаго мира кажется ему измѣной героизму, нравственному долгу. И ни жизнь, ни природа не даютъ человѣку ясности и душевнаго мiра. Воспитанный вѣчными картинами смерти и разрушенiя,—скандинавецъ на все привыкъ смотрѣть, какъ на жертву неизбѣжной гибели. Онъ—единственный среди народовъ земли—создаетъ страшную окончательную исторiю гибели мiра вмѣстѣ съ самими богами. Сознанiе, что все, даже правящiя мiромъ божества, погибнутъ, снизойдутъ въ первобытный хаосъ,—не покидаетъ сознанiя сѣвернаго человѣка. Это сознанiе въ иныя минуты повергаетъ его въ настоящее отчаянiе, онъ чувствуетъ всюду — и въ себѣ и внѣ себя — дыханiе смерти, гнетущую пустоту,—и тогда бѣшенство овладѣваетъ имъ: онъ готовъ все живое снести съ лица земли и самого себя схоронить подъ обломками разрушенной жизни. Герои зовутъ на бой самихъ боговъ,—и, если не слышатъ отвѣта на свой безумный вызовъ, они начинаютъ оскорблять ихъ, бросать въ нихъ дикимъ смѣхомъ и яростнымъ презрѣнiемъ. Какое страшно-мучительное состоянiе великаго духа, мятущагося въ пространствѣ, не находящаго нигдѣ—ни на землѣ, ни на небѣ—опоры своимъ необъятнымъ стремленiямъ!..

Но на скандинавскомъ сѣверѣ героизмъ не ограничивается одними героями. Здѣсь не меньше героинь, чѣмъ героевъ. Еще въ историческую эпоху германскiя женщины ободряютъ на бой мужей и братьевъ, вмѣстѣ съ ними или гибнутъ или празднуютъ побѣду. А въ старину онѣ всюду шли рядомъ съ воинами. И скандинавская Эдда великихъ дѣвъ помѣщаетъ въ Вальгаллу, наравнѣ съ славнѣйшими героями. На сѣверѣ нѣтъ любви въ романтическомъ смыслѣ слова. Здѣсь все борьба и завоеванiе, и сердце дѣвушки должно быть взято съ боя—лицомъ къ лицу, съ боя витязя съ равной ему героиней. Она полюбитъ воина за славу и мужество, ея величайшимъ счастьемъ будетъ сказать: мой избранникъ—славнѣе всѣхъ смертныхъ.

Такiе романы разсказываются въ скандинавскихъ легендахъ. Самый эффектный и поэтическiй изъ этихъ романовъ—исторiя Сигурда и Брингильды. Она, очевидно, была самая любимая изъ сѣверныхъ сказанiй. О любви великаго героя и Валькирiи разсказала сначала Эдда, потомъ болѣе новыя легенды, *саги*. Романтическiй элементъ росъ сообразно съ новизной разсказа, чувство любви расцвѣтало въ сказанiи съ теченiемъ времени, съ переходомъ сказанiя изъ устъ суровыхъ предковъ къ болѣе спокойнымъ и яснымъ потомкамъ.

Въ Эддѣ разсказывается судьба трехъ знатнѣйшихъ скандинавскихъ родовъ: Вользунговъ, Нифлунговъ и Будлинговъ. Послѣднiй представитель Вользунговъ—Сигурдъ—стяжалъ одинаковую славу у всѣхъ германскихъ племенъ. Въ Германiи онъ носитъ имя Сигфрида,—и именно Сигурдъ во всемъ блескѣ своей славы перешелъ за предѣлы Скандинавiи.

Сигурдъ долженъ былъ блистательно окончить свой старый и славный родъ. Въ ранней молодости онъ слышитъ предсказанiе: «Лучшаго мужа, чѣмъ ты, не будетъ подъ солнцемъ, Сигурдъ». Но слава не дается даромъ, герой это знаетъ, онъ не останавливается предъ грядущими ужасами: онъ хочетъ знать ихъ напередъ. Вѣщiй предсказатель разсказываетъ ему неизмѣримо бо́льшiя бѣдствiя, чѣмъ эллинскiй герой — Геркулесъ слышалъ отъ богини. Но въ сердцѣ Сигурда—желѣзная доблесть, и онъ въ отвѣтъ на предсказанiя о жизни, исполненной борьбы и страданiй, и о смерти—насильственной, измѣнической, говоритъ: «судьбы никто не одолѣетъ»...

И испытанiя героя начинаются. Это непрерывный рядъ битвъ съ чудовищами, съ стихiйными силами. Но это лишь тѣнь въ сравненiи съ несчастiемъ всей жизни Сигурда, въ сравненiи съ муками сердца: онѣ не покинутъ героя въ бою и въ пирахъ. Эдда не книга только ужасовъ и крови: величайшимъ испытанiемъ любимаго героя она называетъ любовь, страсть къ женщинѣ такой же великой, какъ и самъ Сигурдъ.

У Сигурда былъ другъ—Гуннаръ. Дружба витязей скрѣплена была нерушимымъ обѣтомъ братства. А это братство выше, дороже всего для скандинавскаго витязя. «Будь вѣренъ друзьямъ»,—чаще всего повторяется въ пѣсняхъ скальдовъ. По разсказу Эдды,—это завѣщала Сигурду Валькирiя, — та самая дѣва, изъ-за которой жизнь героя навсегда окрасилась въ мрачный цвѣтъ одиночества и неудовлетвореннаго чувства.

Брингильда—образецъ скандинавской дѣвы. Она не полюбитъ и не отдастъ себя безъ борьбы. Она живетъ въ замкѣ, окруженномъ смертоноснымъ пламенемъ. Только тотъ будетъ ея избранникомъ, кто преодолѣетъ эту ограду. Гуннаръ влюбляется въ Брингильду,—но при первой же попыткѣ миновать пламя, конь Гуннара, пораженный ужасомъ, не двигается съ мѣста. Тогда Гуннаръ разсказываетъ другу, его названному брату, свое горе, — и Сигурдъ благополучно достигаетъ замка, является къ Брингильдѣ. Онъ называетъ себя Гуннаромъ, по сказанью легенды, принимаетъ даже видъ своего друга, получаетъ отъ Брингильды обручальное кольцо, проводитъ съ нею три ночи, но каждый разъ кладетъ между собой и Брингильдой обнаженный мечъ. Даже устами и рукой не касается онъ Брингильды и передаетъ ее Гуннару.

Этотъ мотивъ — разсказъ о безкорыстной услугѣ героя ради дружбы—много разъ повто-

ряется въ скандинавской поэзіи. Другъ, или иногда простой слуга, достаютъ герою невѣсту, проводятъ съ ней нѣсколько ночей, но обнаженный мечъ охраняетъ невинность будущей жены друга или господина. Этими разсказами скандинавская фантазія, очевидно, хотѣла поднять до идеальной высоты дружбу героевъ и взаимную вѣрность между воинами и ихъ оруженосцами.

Но услуга Сигурда, по волѣ богинь судьбы—Норнъ, должна была привести къ печальному результату, должна была погубить и самого Сигурда и Брингильду.

Гуннаръ женился на Брингильдѣ, женой Сигурда стала прекрасная принцесса Гудруна. Но Брингильда смутно чувствуетъ обманъ. Она страстно любитъ Сигурда, завидуетъ Гудрунѣ. Она по ночамъ покидаетъ свой домъ, когда Гудруна остается съ Сигурдомъ. Она ищетъ мрачнаго уединенія, лишь бы не видѣть счастья другой женщины съ любимымъ героемъ. Судьба готовитъ Брингильдѣ тягчайшую обиду: она, наконецъ, должна узнать правду сватовства Гуннара.

Однажды Гудруна и Брингильда купались въ Рейнѣ. Брингильда начала выказывать презрѣніе къ ненавистной женщинѣ, она даже отошла отъ нея въ сторону, чтобы капли воды, текущія съ волосъ Гудруны, не попали на ея голову. «Мой отецъ былъ сильнѣе твоего отца», говорила Брингильда, «мой мужъ совершилъ болѣе великихъ дѣлъ, чѣмъ твой: онъ перешелъ пламенную ограду»... Тогда возмущенная Гудруна разсказала ей всю правду и показала ей обручальное кольцо:—то самое, которое когда-то Брингильда отдала Сигурду, а Сигурдъ передалъ его женѣ. Кольцо это теперь украсило руку Гудруны.

Брингильда оскорблена до глубины души,—а, между тѣмъ, Гудруна пользуется всѣми случаями — напомнить ей ея позоръ. Тогда глубокое горе овладѣваетъ могучей Валькиріей. Она, разсказываетъ сага, легла на свое ложе и лежала какъ мертвая. Ее попытался, было, утѣшить Гуннаръ, — она въ отвѣтъ бросила ему упрекъ въ обманѣ, хотѣла даже убить его. Сама Гудруна чувствуетъ жалость къ горю Брингильды, — и посылаетъ Сигурда утѣшить ее.

Брингильда открываетъ герою свое наболѣвшее сердце: оно съ самаго начала чувствовало глубокое презрѣніе къ малодушному мужу. Только чувство вѣрности, никогда неизсякающее въ груди Валькиріи, удерживаетъ ее отъ измѣны обманщику. Сигурдъ глубоко тронутъ словами Брингильды. Во время бесѣды у него такъ билось сердце, что панцырь треснулъ на немъ.

Но Брингильда не можетъ вынести обиды. Она убѣждаетъ мужа убить Сигурда. Гуннаръ самъ не рѣшается нарушить обѣты дружбы и подговариваетъ одного изъ своихъ родственниковъ умертвить Сигурда. Родственникъ убиваетъ соннаго Сигурда, герой умираетъ, называя имя своего истиннаго убійцы — Брингильду: «она любила меня болѣе, чѣмъ другихъ людей», говоритъ умирающій Сигурдъ.

Но Брингильда не въ силахъ торжествовать побѣду. Она злобно смѣется надъ горемъ Гудруны, но сама блѣднѣетъ и гаснетъ съ каждымъ днемъ. Недальновидный Гуннаръ сначала упрекаетъ жену въ злобѣ, потомъ невольно замѣчаетъ перемѣну въ ней, догадывается, что она задумала что-то недоброе, что она близка къ смерти. Тогда Брингильда сознается, что она никого не любила, кромѣ Сигурда, что она не можетъ вынести смерти героя, умретъ вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ убѣжденія мужа напрасны. Она облекается въ оружіе Валькиріи и убиваетъ себя. Предъ смертью у нея единственная просьба: похоронить ее вмѣстѣ съ Сигурдомъ, но между ними положить мечъ, лежавшій втеченіе трехъ ночей, которыя провелъ съ нею Сигурдъ подъ видомъ Гуннара.

Объ этихъ происшествіяхъ существовало множество пѣсенъ. Естественно онѣ должны были обратить на себя вниманіе и новыхъ поэтовъ.

Въ скандинавскихъ странахъ издавна перекладывали древнія легенды въ новѣйшія поэтическія формы. Рѣже всего на старинныя темы писались драмы. Именно въ драматической формѣ необыкновенно яркими и часто нестерпимо-рѣзкими должны были выйти герои и событія скандинавскихъ сагъ. Даже въ спокойномъ ровномъ разсказѣ эпоса—эти люди поражаютъ страшной силой героизма, подавляютъ воображеніе читателя неестественнымъ развитіемъ воинственнаго пыла. Ибсенъ долженъ былъ употребить много усилій—смягчить старинный духъ сказанія, очеловѣчить своихъ героевъ, отнять у нихъ все, что могло бы оттолкнуть зрителей современной сцены.

Прежде всего поэтъ превратилъ Сигурда въ викинга. Сигурдъ—не миѳическій герой, сливающій въ лицѣ своемъ и представленіе о высшемъ идеалѣ нравственныхъ доблестей и о самомъ блестящемъ источникѣ свѣта въ мірѣ физическомъ—о солнцѣ. Сигурдъ у Ибсена—просто морской король, одинъ изъ многочисленныхъ нормандскихъ вождей, искавшихъ славы и богатства въ морѣ. На сушѣ не было не только богатства: здѣсь даже недоставало пищи, какъ бы малочисленно ни было населеніе Скандинавскаго полуострова въ старину. Желѣзныя горы и долины, усѣянныя камнями и магнитнымъ пескомъ, не могли давать урожая даже въ лучшіе годы. Отцы должны были выбрасывать своихъ новорожденныхъ дѣтей, чтобы не видѣть ихъ пре-

ждевременчой голодной смерти. Такъ поступали бѣдняки—простолюдины. Но не было блаженнымъ положеніе и знатныхъ, даже королей и принцевъ. Только старшія дѣти могли считать себя обезпеченными. Всѣ остальныя въ раннемъ возрастѣ покидали суровую родину и уходили въ бурное, холодное море на поиски *своею* царства, новой отчизны.

Званіе викинга неразлучно было съ понятіемъ о знатности и знаменитомъ имени. Викинги единственные герои скальдовъ и скандинавскихъ дѣвушекъ. „Не вѣрь человѣку, никогда не покидавшему родины", говорится въ сагѣ; „я не отдамся тому, кто одну ночь провелъ подъ кровлей", поетъ скандинавская красавица. И викинги только на короткія свиданія съ родиной приставали къ берегамъ. Буря и море лелѣяли ихъ молодость и пѣли послѣднія пѣсни надъ ихъ могилами... Викинги такъ и говорятъ о себѣ: „Мы никогда не спали подъ закопченными стропилами кровли, никогда не осушали роговъ съ виномъ вблизи жилаго мѣста... Мы работали мечами, — и для насъ это составляло наслажденіе, равное тому, какое мы испытываемъ въ объятіяхъ красивой дѣвушки". Красавица въ пѣсняхъ скальдовъ отвергаетъ любовь юноши за то, что „онъ рѣдко доставлялъ волкамъ теплую добычу и не слышалъ втеченіе осени карканья ворона надъ грудами труповъ".

Вы слышите,— здѣсь вмѣстѣ и мечъ, и объятія красавицы. Вотъ такой герой и такая героиня будутъ на сценѣ Ибсена. Но это не значитъ, что норвежскій поэтъ просто превратилъ въ драму эпическіе эпизоды. Онъ сообщилъ этимъ эпизодамъ значеніе общечеловѣческое: оно не ограничивается ни временемъ, ни пространствомъ. Въ этомъ новизна и сила ибсеновской драмы.

Драма построена на вѣчномъ мотивѣ: внутреннемъ разладѣ людей, связанныхъ внѣшней судьбой. Гіордисъ у Ибсена это Брингильда Эдды и сагъ – героиня до послѣдняго движенія души. Она грезитъ всѣмъ великимъ, какое знакомо ея времени. Это великое представляется ей въ видѣ подвиговъ викинговъ. Вы видите,—основа исполнена общечеловѣческаго значенія, только форма—*временна* и пріурочена къ извѣстной странѣ. Ибсенъ женскія грезы о величіи воплощаетъ непрестанно въ своихъ произведеніяхъ, и находитъ эти грезы всюду: въ драмѣ «*Катилина*» онѣ перенесены на почву римской исторіи, въ драмѣ «*Эдда Габлеръ*» объ этихъ же грезахъ разсказано въ средѣ современной жизни, въ драмѣ «*Нора*»— все тѣ же стремленія къ великому и нравственно-свободному перенесены на высшій идеалъ будущей, грядущей женщины. И Гіордисъ нисколько не становится намъ чуждой и непонятной только потому, что величіе и доблесть рисуются ей съ оружіемъ въ рукахъ и въ вихрѣ морскихъ бурь. Идея тоскующей души всюду одна и та же: образъ, въ какой облекается идея, безразличенъ.

Въ самомъ мотивѣ кроется неумирающая драма. Вѣдь ошибки такъ легко совершаются при самыхъ важныхъ рѣшеніяхъ —и развѣ трудно было Гіордисъ обмануться—увидѣть героя не въ томъ человѣкѣ, гдѣ скрывался онъ на самомъ дѣлѣ? Въ драмѣ разсказывается объ убійствѣ медвѣдя, стерегшаго покой Гіордисъ. Медвѣдя убилъ Сигурдъ, а результатомъ подвига воспользовался Гуннаръ. Опять только форма взята изъ скандинавской старины: сущность—внѣ времени и пространства.

Недавно намъ случилось прочесть романъ одного довольно популярнаго современнаго англійскаго писателя. Разсказывалось о томъ, какъ героиня увлеклась героемъ потому, что подъ его именемъ вышло въ печати произведеніе, необыкновенно талантливое и быстро сдѣлавшее имя автора знаменитымъ. Впослѣдствіи оказалось, что авторомъ произведенія былъ не тотъ, подъ чьимъ именемъ оно появилось, а другой человѣкъ, не могшій или не желавшій объявлять о своемъ авторствѣ. Положеніе новой героини въ полномъ смыслѣ оказалось тождественнымъ съ положеніемъ Гіордисъ. Ясно, что и тамъ и здѣсь развязка должна быть трагическая.

Мы указали только на самые основные элементы драмы, исполненные общечеловѣческаго значенія. Рядомъ съ этимъ, въ драмѣ Ибсена множество сравнительно второстепенныхъ, эпизодическихъ мотивовъ, свѣжихъ и современныхъ во всякое время.

Съ перваго же акта зрителя охватываетъ дыханіе этой вѣчной современности. Гіордисъ отдалась Гуннару, потому что сочла его величайшимъ изъ героевъ. Она слышитъ упреки за свой слишкомъ опрометчивый поступокъ, въ глазахъ другихъ она, оказывается, не болѣе какъ наложница Гуннара. Чѣмъ ей спасти свое поруганное достоинство? Она хочетъ доказать, что если она и наложница, то ея избранникъ выше всѣхъ смертныхъ и своей славой покрываетъ всякій проступокъ предъ людскими обычаями. Она горитъ желаніемъ раскрыть предъ всѣми эту славу. Она тогда помирится съ своей участью, когда увидитъ преклоненіе всѣхъ предъ Гуннаромъ. Ясно, до какой степени ей цѣнна, необходима, какъ сама жизнь, слава ея мужа.

Развѣ это не близкія намъ муки? Развѣ онѣ не дойдутъ до сердца всякой женщины, умѣющей цѣнить свое достоинство и свое чувство? Замѣните темы викинговъ въ разговорахъ на пиру у Гіордисъ другими—и предъ нами развернется картина высокодраматической силы независимо отъ внѣшней обстановки.

А потомъ? Эта бесѣда Сигурда съ Дагни передъ тѣмъ, какъ идти въ гости къ Гуннару, этотъ радостно-трепетный крикъ жены: «И ты—ты убилъ медвѣдя?..» Кто не пойметъ этого торжествующаго, гордаго вопля и кто потомъ не оцѣнитъ стремленія Дагни публично разсказать о славѣ своего мужа? И эти заключительныя слова: «Скажи теперь, Гіордисъ, кто выше и славнѣе всѣхъ—мой мужъ или твой?»—развѣ они должны предварительно настраивать воображеніе на древній ладъ, чтобы блеснуть предъ глазами современнаго зрителя всей правдой женской души?

Рядомъ съ правдой, ибсеновскія сцены исполнены захватывающей поэзіи. Сцена Сигурда съ Гіордисъ въ третьемъ актѣ прелестна въ своей задушевной простотѣ и лиризмѣ. Сигурдъ разсказываетъ сагу „грустную, какъ сама жизнь“,—Гіордисъ въ этой сагѣ впервые слышитъ ясный, но зато нестерпимо мучительный отвѣтъ на исконныя страданія своего сердца. Мучительный? Да, но въ этой мукѣ, далеко въ глубинѣ невольнаго сознанія, трепещетъ годами взлелѣянное счастье—быть любимой величайшимъ изъ мужей... А рѣчи Гіордисъ, вдохновляющей Сигурда на новую жизнь, этотъ трепетъ восторженнаго самоотверженія ради славы и величія: ничто не можетъ сравниться по силѣ и значенію съ этой поэзіей. Пусть увлекательны и глубоко-трогательны рѣчи Джульетты, ея пѣснь къ „ночи съ черными очами“ навсегда останется чистѣйшимъ голосомъ дѣвственнаго чувства,—но рядомъ съ этими рѣчами мы будемъ помнить и страстную жажду новой героини, жажду славы и великихъ дѣлъ, по пути рядомъ съ героемъ, не ради счастливой мирной любви, а въ порывѣ общаго энтузіазма предъ великимъ и вѣчнымъ.

Всѣ эти красоты, и особенно могучая внутренняя сила бросаются въ глаза читателя при самомъ поверхностномъ чтеніи Ибсеновской драмы. Но совсѣмъ другая судьба зрителя. *Мотивы* драмы и ея дѣйствующихъ лицъ исполнены общечеловѣческаго значенія, но *образы* и событія стоятъ выше и внѣ современной жизни. Несмотря на сильное пониженіе тона скандинавскихъ сагъ, переложенныхъ Ибсеномъ въ драму,—на сценѣ все-таки остались герои съ головы до ногъ. Здѣсь цѣлый рядъ дѣйствующихъ лицъ требуетъ такого же подъема артистическихъ силъ, какой, напримѣръ, требуется для ролей Макбета, леди Макбетъ, короля Лира. У Ибсена нѣкоторыя роли элементарнѣе, проще по составу, чѣмъ у Шекспира, но зато темпераментъ, размахъ внутренней силы, *натура* у героевъ и героинь Ибсена не уступаютъ природѣ какого угодно трагическаго лица у Шекспира. Именно въ *натурѣ* кроется ключъ вообще ко всѣмъ характерамъ Ибсена, а въ особенности въ разбираемой драмѣ. Здѣсь всѣ роли, за весьма немногочисленными исключеніями, съ самаго начала требуютъ ярко бьющей въ глаза внутренней силы. Если ея нѣтъ,—никакая искусная отдѣлка деталей не поможетъ: роль и вмѣстѣ съ ней драматическій образъ пропадетъ совершенно.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ воплотить эту внутреннюю силу съ одними только актерскими рессурсами? Можно, конечно, обратиться къ исконному способу создавать героизмъ на сценѣ—къ ложноклассическому. Но это совершенно не совпадетъ ни съ цѣлями автора, ни съ реальнымъ смысломъ и содержаніемъ его произведенія. А, между тѣмъ, для исполнителей, не носящихъ въ себѣ оригинальной силы создавать героическіе образы на сценѣ,—ложноклассическій путь остается единственнымъ. Такъ и было въ представленіи ибсеновской драмы на сценѣ Малаго театра. Предъ зрителемъ или воспроизводилась драматическая сцена XVII вѣка, или оставались совершенно нехарактерные *бытые* моменты. Настоящій драматизмъ только въ короткіе промежутки и у весьма немногихъ исполнителей мелькалъ на сценѣ.

Прежде всего спектакль, какъ нельзя болѣе ясно доказалъ, что роль Гіордисъ не по характеру таланта г-жи Ѳедотовой. Можетъ быть, г-жа Ермолова, успѣшно исполняющая роль Орлеанской Дѣвы, легче справилась бы съ ибсеновской ролью: въ обѣихъ роляхъ много общаго. Г-жа Ѳедотова насъ не удовлетворила.

Первое появленіе артистки на сцену произошло совершенно въ ложноклассическомъ духѣ. Внѣшняя фигура артистки гармонируетъ съ представленіемъ, какое остается у читателя относительно Гіордисъ послѣ прочтенія драмы,—но первая же фраза, произносимая г-жей Ѳедотовой, ослабляетъ это представленіе.

Съ самаго начала артистка беретъ крайне высокій тонъ: это говоритъ не спокойное, увѣренное въ себѣ мужество, а что-то дѣланное, стремящееся загладить отсутствіе внутренней силы внѣшними усиліями и искуственной торжественностью. Зритель немедленно чувствуетъ разницу — что идетъ изъ *натуры*, является непосредственнымъ проявленіемъ всего существа человѣка,—и что освѣщено только временнымъ, заимствованнымъ свѣтомъ.

Въ первой же сценѣ Гіордисъ совершается моментъ, указывающій на источникъ дальнѣйшей драмы. Ибсенъ тщательно указываетъ на него. Гіордисъ, преслѣдующая крестьянина Корэ, можетъ еще сдерживаться: она просто презираетъ этого врага и, кажется, принялась его преслѣдовать болѣе отъ скуки и съ цѣлью дать исходъ своимъ воинственнымъ инстинк-

тамъ,—чѣмъ въ виду серьезности столкновенія. Но когда пріемный отецъ, викингъ и скальдъ, бросаетъ ей упрекъ въ беззаконномъ бракѣ,—ею овладѣваетъ «припадокъ безумнаго гнѣва». Спокойствіе тона, ровный звукъ голоса мгновенно исчезаютъ; слова едва вырываются изъ переполненной груди. У г-жи Ѳедотовой паѳосъ и безъ того былъ слишкомъ приподнятъ, и, кромѣ того, искусственный героизмъ не поддается мгновеннымъ непосредственнымъ вспышкамъ страстнаго темперамента: и моментъ пропалъ. Мы не видѣли и тѣхъ страшныхъ, не женскихъ усилій, какія Гіордисъ дѣлаетъ надъ собой немедленно послѣ первой вспышки; вся сцена произошла слишкомъ искусственно.

Второй актъ оказался у г-жи Ѳедотовой удачнѣе,—но только начиная со сцены пира. Этой сценѣ предшествуетъ разговоръ Гіордисъ съ Дагни. Здѣсь впервые до самой глубины раскрывается мощный духъ Валькиріи. «Мечъ и объятія»—о чемъ вѣчно пѣли скальды—поперемѣнно мучатъ воображеніе Гіордисъ, неудовлетворенной мирною невозмутимой жизнью подъ кровлей слабодушнаго мужа. Сколько разнообразныхъ переливовъ въ страстныхъ рѣчахъ Гіордисъ! Онѣ то блещутъ и горятъ неукротимой жаждой захватывающихъ духъ ощущеній, то сіяютъ ровнымъ, но упорнымъ свѣтомъ глубочайшихъ чувствъ, какія только когда-либо испытывала женщина. На сценѣ картина вышла блѣдной. Даже жесткія, исполненныя сарказма, заключительныя слова Гіордисъ къ Дагни: «Слаба ты сердцемъ и пуглива!», не произвели должнаго впечатлѣнія.

Во второй части сцены, на пиру, игра г-жи Ѳедотовой отличалась большей силой и драматизмомъ. Въ вызовѣ Гіордисъ къ окружающимъ витязямъ—разсказать наиболѣе славное дѣло въ своей жизни—звучало давнишнее неумирающее негодованіе на позоръ, страстное желаніе видѣть, какъ предъ лицомъ всѣхъ славу Сигурда покроетъ этотъ позоръ. Вообще вся сцена пира проходитъ драматичнѣе и живѣе всѣхъ другихъ сценъ въ пьесѣ. Правда, весь второй актъ въ высшей степени сцениченъ и трудно было бы не воспользоваться матерьяломъ, даннымъ авторомъ въ такомъ изобиліи.

Въ третьемъ актѣ игра г-жи Ѳедотовой была гораздо слабѣе, чѣмъ можно было ожидать. Для исполнительницы здѣсь роль Гіордисъ даетъ множество неоцѣненныхъ моментовъ: женщина и героиня чередуются, всѣ сцены исполнены захватывающей драматической силы. Сколько бы можно было вложить нѣжной, проникающей мольбы въ сцену Гіордисъ съ Гуннаромъ: вѣдь въ первый разъ въ жизни Валькирія снисходитъ до просьбы,—и еще предъ своимъ слабодушнымъ мужемъ. У Гіордисъ все страстно, дышетъ бурнымъ неукротимымъ порывомъ, воображеніе ея развито до болѣзненности, картины ей представляются всегда съ ослѣпительной яркостью,—и рѣчь ея безсознательно, стремительно слѣдуетъ за образами фантазіи. Этой стремительности, стихійной страстности не чувствовалъ зритель въ рѣчахъ артистки, когда она обѣщала создать Гуннару возможное на землѣ счастье, если онъ убьетъ Сигурда: дѣлить съ нимъ опасности и горе, «за пиромъ праздничнымъ наполнять его кубокъ, пить съ нимъ и чудной пѣснью его сердце веселить»... А потомъ въ сценѣ съ Сигурдомъ Валькирія выростаетъ во весь ростъ. Сначала Гіордисъ поражена откровеніями Сигурда, ей захватываетъ духъ чудная вѣсть, которую она лелѣяла всю жизнь,—день и ночь. Волна счастья—какъ и всегда, бурная и грозная—увлекаетъ все существо Гіордисъ, съ ея устъ льется вдохновенная рѣчь женщины—королевы моря. У автора эта рѣчь написана съ поразительной силой юнаго вдохновенія; артистка должна была невольно поддаться этой волнѣ,—г-жа Ѳедотова по-прежнему оставалась сдержанной, условно-драматичной. Болѣе всего именно въ эти моменты подъема блѣднѣлъ на сценѣ героический образъ Гіордисъ. Послѣдній такой моментъ — предсмертныя минуты Гіордисъ. Здѣсь ея рѣчь поднимается до высоты вдохновеннаго энтузіазма, всѣ жизненныя силы ея сосредоточиваются въ призывѣ, обращенномъ въ послѣдній разъ къ Сигурду—умереть вмѣстѣ съ ней. Ясно, что Валькирія говоритъ это въ порывѣ послѣдней вспышки своей неукротимой натуры; и поэтому такъ умѣстна здѣсь буря: небеса будто отвѣчаютъ на бурю другой стихіи. Драма кончается истинно по-скандинавски: величественно, сурово, героически-страстно. На сценѣ, главнымъ образомъ благодаря неумѣстному вмѣшательству музыки, все превратилось въ финалъ будничной исторіи съ феерическимъ освѣщеніемъ.

Другую главную роль пьесы—роль Сигурда—исполнялъ г. Южинъ. У артиста есть данныя для такого рода ролей. Въ общемъ у артиста роль вышла сильною, страстною, могла возбуждать, по крайней мѣрѣ, интересъ и впечатлительность зрителей. Нельзя не пожалѣть, впрочемъ, что первое появленіе артиста на сцену мало отвѣчало значенію его героя въ драмѣ. Въ этомъ большая доля вины лежитъ на неудачномъ гриммѣ, отнимавшемъ у лица характерность и рѣзкость чертъ. И все поведеніе Сигурда въ первомъ актѣ въ исполненіи г-на Южина казалось сравнительно мелкимъ, незначительнымъ,—хотя объ эффектности картинъ авторъ заботился весьма тщательно, подробно указалъ даже бросающійся въ глаза блестящій костюмъ викинга. Со второго акта втеченіе всей драмы у г. Южи-

на сильные моменты, наиболѣе оттѣненные у самого автора, не теряли эффекта и драматическаго паѳоса: г. Южинъ прекрасно разсказалъ сагу, превосходно вызвалъ Гуннара на поединокъ,—въ первомъ случаѣ въ разсказѣ чуялась задушевность, поэтическая мягкость тона, въ общемъ мало свойственная таланту артиста. Вообще роль Сигурда въ исполненіи г-на Южина стояла на уровнѣ драмы и можно только пожалѣть, что изъ остальныхъ исполнителей только весьма немногіе приблизились къ этому уровню.

На первомъ мѣстѣ здѣсь мы должны упомянуть о г. Юрьевѣ. Начинающій артистъ, состоящій еще ученикомъ театральной школы, прекрасно исполнилъ роль Торольфа, сына Орнульфа. Сцена на пиру весьма много выиграла отъ искренности и неподдѣльной страстности, съ какими г. Юрьевъ держалъ рѣчь своего юнаго героя въ защиту отца.

Слабѣе всѣхъ оказалось исполненіе г-номъ Ленскимъ роли Гуннара. Артистъ, видимо, не чувствовалъ никакого интереса къ своему герою и не съумѣлъ проникнуться духомъ своей роли. Изъ самыхъ, повидимому, выгодныхъ для исполнителя сценъ, артистъ не сдѣлалъ ни одного живого, правдиваго штриха: напр., у него совершенно пропала сцена Гуннара съ Гіордисъ, гдѣ мужъ тоскуетъ на свою слабость и ничтожество, рядомъ съ великой доблестной женой.

Роль Дагни исполняла г-жа Ермолова и въ первомъ актѣ, сверхъ всякаго ожиданія, поддалась ложноклассическому тону, съ начала драмы завладѣвшему сценой. Въ дальнѣйшемъ ходѣ спектакля этого къ счастью не замѣчалось.

Г. Рыбаковъ въ роли Орнульфа съ особеннымъ успѣхомъ продекламировалъ «пѣснь» стараго скальда въ честь погибшихъ сыновей.

Постановка пьесы въ полномъ смыслѣ роскошна,—но сценическіе эффекты, по прежнему, производятся неумѣло и некстати. Мы помнимъ, какъ во время представленія драмы «Орлеанская Дѣва» громъ слышался совершенно не тамъ, гдѣ его воображаетъ поэтъ,—такъ и теперь—буря въ послѣднемъ актѣ производилась въ нѣсколько пріемовъ и разрушала иллюзію драматической правды. Такъ же иллюзіи много вредила музыка, неизвѣстно съ какой цѣлью сопровождающая финалъ ибсеновскаго произведенія, не имѣющаго ничего общаго ни съ оперой, ни съ фееріей.

Ив. Ивановъ.

„Женскій вопросъ", фарсъ въ 2 д. Людвига Фульда переводъ Н. Ѳ. Арбенина.

Поставленный въ томъ же спектаклѣ 13-го января фарсъ «Женскій вопросъ» довольно мѣтко обрисовываетъ фигуры неудачныхъ служителей науки и бездарныхъ писателей и журналистовъ, неспособныхъ создать что-либо свое и добиться славы своими собственными дарованіями. Тщеславіе подгоняетъ ихъ пользоваться каждымъ случаемъ, каждой возможностью, хоть какъ-нибудь, во что бы то ни стало пристегнуть свое безвѣстное имя къ имени мірового генія и изъ этого сосѣдства создать славу и себѣ.

Ни одна страна не свободна отъ такихъ паразитовъ, стремящихся присосаться къ знаменитому имени, особенно же богата ими Германія. Эти-то чужеядныя особи въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ обрисованы авторомъ въ его фарсѣ.

Содержанія его мы здѣсь разсказывать не будемъ, такъ какъ пьеса напечатана въ приложеніи къ этой книжкѣ нашего журнала. Что касается исполненія, то труппа нашего образцоваго театра доказала всю ошибочность распространеннаго мнѣнія, что фарсовъ играть на этой сценѣ не умѣютъ такъ, какъ играютъ спеціализировавшіеся на фарсахъ артисты театра г. Корша. Всѣ сцены исполнены бойко, живо, съ должной комической приподнятостью, не переходящей, однако, должныхъ границъ.

Въ роли Кернера появился окончившій въ этомъ году курсъ Театральнаго училища г. Парамоновъ.—Природный комизмъ, хорошая, фигура, мимика все послужило въ пользу молодаго артиста. Нѣкоторая нервность и отсутствіе спокойнаго самообладанія—такъ понятны въ игрѣ дебютанта.

Въ высшей степени типичны г-жа Васильева 1-я въ роли Людмилы Хильнеръ и г-нъ Арбенинъ въ роли Петерсона. Г-жа Васильева въ роляхъ такого характера не разъ уже доказала, что въ ней мы имѣемъ весьма полезную артистку и жаль, что публика рѣдко имѣетъ возможность видѣть ее на сценѣ.

Г. Арбенинъ до сихъ поръ появлялся въ различныхъ второстепенныхъ роляхъ, но успѣхомъ не пользовался. Эта первая роль, въ которой онъ обратилъ на себя вниманіе. Кто знаетъ, можетъ быть, комическое амплуа—его настоящая артистическая дорога.

Г-жа Грейберъ дала недурную по внѣшности и тону Гретхенъ Краузенекъ. Недуренъ былъ и г. Охотинъ въ роли ея мужа, хотя мало походилъ на нѣмца. Типиченъ былъ г. Уховъ въ роли стараго слуги. Остальные исполнители содѣйствовали ансамблю, но мы не можемъ не упрекнуть гг. Багрова и Рябова въ нетвердомъ знаніи ролей. Наша образцовая сцена до сихъ поръ по праву гордилась строгимъ отношеніемъ артистовъ къ своему дѣлу. За послѣднее же время голосъ суфлера сталъ часто слишкомъ громко раздаваться въ залѣ, и все чаще стали случаи неловкости артистовъ, не знающихъ своихъ ролей.—Было бы слишкомъ грустно, если бы такіе случаи пріобрѣли на нашей сценѣ права гражданства.

V.

Большой театръ.

«Русланъ» съ новой Людмилой.

20 декабря шелъ «Русланъ» съ г-жею Фостремъ въ роли Людмилы. На этотъ разъ артисткѣ пришлось разстаться съ обычнымъ итальянскимъ текстомъ и пѣть на русскомъ языкѣ.

Какъ ни странно слушать «итальянское» пѣніе г-жи Фостремъ среди нашихъ пѣвцовъ или ея ломанный русскій языкъ въ операхъ иностранныхъ композиторовъ (Дездемона въ «Отелло» Верди), тамъ все-таки съ этимъ до извѣстной степени миришься. Но въ національной Глинкинской операѣ слушать музыкальную рѣчь съ рѣзко звучащимъ чужестраннымъ акцентомъ возможно развѣ только при скудости персонала артистовъ.

Людмила—Фостремъ даже свое имя произносила съ мягкимъ окончаніемъ; точно также именовала она своего милаго «Русляна»; а потомъ были разные «родители несабфенные», «обляка» и т. д. Можно было подумать, что Людмила какимъ-нибудь чудодѣйственнымъ образомъ приходится сродни чародѣю Финну, а не кіевскому князю Свѣтозару. Волшебная опера «Русланъ»,—а и въ ней такія «превращенія» нежелательны.

Въ вокальномъ отношеніи партія Людмилы, вообще, въ средствахъ г-жи Фостремъ. Въ 4-мъ актѣ исполненіе пѣвицы даже не было лишено горячности. Въ первомъ актѣ, въ средней и лучшей части аріи («Подъ роскошнымъ небомъ юга»), спѣтой въ вокальномъ отношеніи красиво, хотѣлось бы меньшей сухости.

«Русланъ» у насъ, вообще, идетъ рѣдко (зато часто даютъ «Балъ-маскарадъ») и, тѣмъ болѣе, всегда радуешься появленію его въ репертуарѣ.

Исполнитель главной роли г. Власовъ имѣетъ всѣ данныя, чтобъ сдѣлаться совсѣмъ хорошимъ «Русланомъ». Его прекрасный, мощный голосъ, отличная рослая фигура — совершенно подходятъ къ изображенію сказочнаго богатыря. Надо только болѣе умѣло распоряжаться голосовыми средствами. Кажется, у г. Власова недостатка въ нихъ нѣтъ, а пѣвецъ нерѣдко прячетъ, глушитъ звукъ, причемъ страдаютъ и слова. Мягко, красиво поетъ г. Власовъ andante въ аріи «О, поле, поле»; но пусть не прибѣгаетъ онъ въ ней къ рутинному итальянскому эффекту: смѣны чрезмѣрнаго pianissimo неожиданно налетающимъ forte въ фразѣ «и струны громкія баяновъ». Не идетъ это къ «Руслану».

Въ 4-мъ актѣ, надъ спящей Людмилой («О, жизни отрада») г. Власову не хватало пѣвучести.

Совсѣмъ недурная Гориславa г-жа Эйхенвальдъ: милый, звонкій голосокъ, нѣкоторый вкусъ, музыкальность.

У г-жи Звягиной, вообще, красиво звучитъ партія Ратмира: въ ней такой просторъ для низкаго регистра артистки. Только «Чудный сонъ живой любви» выходитъ у нея нехорошо. И къ чему при этомъ все время кружиться по сценѣ? Положимъ, Ратмиръ въ «любовномъ томленіи», но надо это дѣлать поизящнѣе.

Г. Тютюнникъ только приличенъ въ Фарлафѣ, но типичнаго комизма трусости и хвастовства ни тѣни.

Въ rondo не хотѣлось бы также выкрикиванья нѣкоторыхъ словъ («близокъ ужъ *часъ*»).

Для партіи Свѣтозара жидокъ голосъ у г. Стрижевскаго. Въ ней былъ-бы болѣе на мѣстѣ, напр., г. Майборода.

Исполненіе массъ заслуживаетъ похвалы; только въ началѣ интродукціи хоръ звучалъ недостаточно ярко. Трудно объяснить нѣкоторые купюры: выпускаются «разсказъ головы», конецъ лезгинки и антрактъ къ 3 дѣйствію, а между тѣмъ возобновленъ одинъ изъ слабѣйшихъ нумеровъ оперы—дуэтъ Финна съ Ратміромъ.

Въ постановкѣ все тѣ же «курьезы». Г. Барцалъ (Финнъ), несмотря на бывшія въ печати замѣчанія,—все въ томъ же новенькомъ тулупчикѣ и по глобусу занимается географіей. Волшебныя дѣвы попрежнему въ бѣлыхъ балахонахъ и стоятъ шеренгой. Нашъ оперный режиссеръ никакимъ замѣчаніямъ не внемлетъ.

Г. балетмейстеру тоже не слѣдовало бы въ парѣ съ г-жею Гейтенъ выпускать въ лезгинкѣ переодѣтую танцовщицу. Прежде танцовалъ мужчина—и было лучше.

Л. Д—ій.

Театръ г. Корша.

„Не лги“.—„Щекотливое порученіе“.—„Кайсаровы“.—„Быть или не быть“.

Въ бенефисъ г-жи Мартыновой, 10 января, поставлена была комедія-шутка въ 3 дѣйствіяхъ **„Не лги“**, передѣланная г. Мясницкимъ изъ чешской комедіи Шамберта «Iedénàcte prìkàzàni». Пьеса эта представляетъ собою довольно пустой и безсодержательный фарсъ, страдающій существеннымъ для успѣха недостаткомъ — растянутостью. Безъ сомнѣнія, фарсъ значительно бы выигралъ, если бы былъ написанъ въ одномъ, много двухъ актахъ. Нѣсколько положеній, впрочемъ, довольно забавны и представляютъ матеріалъ для исполнителей. Сюжетъ пьесы напоминаетъ «Клубъ холостяковъ» и т. п. Нѣсколько холостяковъ поклялись другъ другу никогда не жениться, но одинъ изъ нихъ, докторъ Платоновъ, (г. Людвиговъ), клятвы не сдержалъ и женился на молоденькой дочери помѣщика Бандурина, Сонѣ (г-жа Мартынова). Нечаянно къ Платонову съѣзжаются его друзья—холостяки: адвокатъ Аркадьевъ, полковникъ Тревогинъ и литераторъ Простоквашинъ,—и нарушившій свою клятву Платоновъ не находитъ ничего умнѣе, какъ выдать имъ свою жену за свою незаконную дочь. Адвокатъ Аркадьевъ, убѣждаясь по многимъ соображеніямъ, что Соня дочь совсѣмъ не Платонова, а его самого,— начинаетъ проявлять къ ней родительскія чувства. Вслѣдъ за пріятелями пріѣзжаетъ къ Платонову и вся семья его жены съ молодой дѣвушкой, сестрой Сони. Начинается водевильная путаница, въ которой принимаетъ также участіе и сосѣдъ Платонова, чиновникъ Кривыхъ, страстный любитель музыки, устроившій въ маленькомъ городкѣ изъ мѣстныхъ любителей духовой оркестръ и страдающій отъ своей сварливой жены, желающей во что бы то ни стало отучить его отъ страсти къ музыкальной дѣятельности.

Въ концѣ дѣло объясняется и Простоквашинъ также нарушаетъ клятву и женится на сестрѣ Платоновой, Лизѣ. Исполнена была пьеса недостаточно ровно и живо, чему нельзя не удивляться, такъ какъ труппа г. Корша, волею дирекціи, усердно спеціализировалась на фарсахъ. Много мѣшало плохое знаніе ролей.— Довольно типичную фигуру далъ г. Свѣтловъ въ роли Простоквашина. На этотъ разъ артистъ удержался въ границахъ и не переходилъ въ шаржъ, къ чему онъ вообще склоненъ въ такихъ пьесахъ. Очень комиченъ былъ г. Сашинъ въ роли чиновника Кривыхъ. Типиченъ былъ г. Валентиновъ въ роли деньщика Петрусенко и мила г-жа Кошева въ роли Лизы. Что касается до остальныхъ, то г. Вязовскій очень мало подходилъ къ роли полковника Тревогина и плохо зналъ свою роль, г. Яковлевъ (Аркадьевъ) тоже не отличался знаніемъ роли и не постарался придать ей хоть какую-либо характерность, что же касается до г-жи Мартыновой, то и въ этой роли она оставалась, какъ и всегда, сама собою, не придавъ ни малѣйшаго новаго штриха. То же, давно наскучившее, однообразіе въ тонѣ, жестахъ, голосѣ, манерахъ.— Трудно понять, какъ можетъ, хоть сколько-нибудь любящая свое дѣло, артистка такъ остановиться въ своемъ артистическомъ развитіи, какъ остановилась г-жа Мартынова. Полное однообразіе исполненія ею всѣхъ ролей по одному и тому же шаблону наводитъ нестерпимую скуку и отъ охлажденія къ г-жѣ Мартыновой публики не спасутъ ее никакія прежнія ея заслуги. Публика еще продолжаетъ по привычкѣ относиться къ ней съ симпатіями, но эти симпатіи непрочны. Артистка, переставшая работать надъ собою, рискуетъ скоро ихъ лишиться.

Поставленная въ томъ же спектаклѣ одноактная комедія **«Щекотливое порученіе»** принадлежитъ къ числу довольно забавныхъ пу-

стячковъ французской сцены. Комедійка эта появилась подъ фамиліей столь извѣстнаго г. Мансфельда. На этотъ разъ этотъ *авторъ* указалъ на источникъ своего авторства—комедію «Chez une petite dame», но фамилію настоящаго автора все-таки скрылъ и оставилъ свое излюбленное «*no*». Все же шагъ впередъ.

Г. Владиміръ Александровъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ драматуровъ. Вотъ уже третью пьесу свою онъ ставитъ въ Москвѣ въ текущемъ сезонѣ.—За постановкой «Въ неравной борьбѣ» на сценѣ Малаго театра, появилась на сценѣ театра г. Корша его комедія «Уголокъ Москвы», а вслѣдъ за нею и новая пьеса «Кайсаровы». Дарованіе этого автора не блещетъ оригинальностью, мораль для своихъ пьесъ онъ почерпаетъ изъ прописей, его персонажи часто напоминаютъ давно знакомые типы, но искренность, съ которой онъ относится къ своимъ сюжетамъ, стремленіе служить своимъ перомъ идеѣ, подкупаетъ зрителей въ его пользу.—«Ничто не ново подъ луною», но никогда не мѣшаетъ вспомнить и старыя истины, разъ онѣ затираются злобою дня, хорошія, «забытыя» слова.—Дѣятельность автора, во всякомъ случаѣ, симпатична: онъ, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, служитъ правдѣ, добру и на немъ не тяготѣетъ грѣховъ многихъ, дѣятельность которыхъ заключается главнымъ образомъ въ подслуживаніи «теченіямъ», въ деморализаціи публики.—Самъ авторъ, видимо, не задается большими литературными задачами, онъ называетъ свои произведенія просто «пьесами», какъ бы не рѣшаясь примѣнить къ нимъ установленную классификацію. Впрочемъ, въ обрисовкѣ характеровъ авторъ быстро совершенствуется, персонажи его первыхъ произведеній—блѣдные, еле очерченные образы, въ сравненіи съ персонажами его послѣднихъ произведеній, начинающими принимать плоть и кровь настоящихъ людей.—Въ второстепенныхъ лицахъ авторъ выводитъ подчасъ и новыя наслоенія, новые типики. Въ новомъ своемъ произведеніи авторъ рисуетъ передъ нами давно знакомую картину борьбы между разлагающимся, изнѣженнымъ барствомъ и вышедшей изъ народа свѣжей силою. Прожигающая свою жизнь по заграничнымъ курортамъ, бальзаковскаго возраста барыня—Кайсарова пріѣзжаетъ въ имѣніе ея покойнаго мужа, находящееся въ ея пожизненномъ владѣніи, чтобы потребовать отъ своего сына Петра, хозяйничающаго въ этомъ имѣніи, денегъ, необходимыхъ ей для продолженія ея безпечальнаго житья за границей.—Ея сынъ Петръ—безвольный, безхарактерный, пріученный съ дѣтства къ безпрекословному повиновенію матери, чувствующій какую-то боязнь, даже передъ воспоминаніемъ о ней, въ то же время искренне любитъ ее.—Брошенный матерью, уѣхавшей за границу, онъ, живя въ имѣніи, скучалъ, хандрилъ, началъ предаваться пьянству. Здѣсь же онъ познакомился съ сосѣдской купеческой семьей Брежневыхъ. Старикъ Брежневъ—деревенскій купецъ, продолжающій по старому придерживаться и традиціоннаго купеческаго костюма, и склада жизни, въ то же время купецъ уже новѣйшей формаціи: дѣтей своихъ онъ ведетъ ужь по новому. Старшему сыну онъ не далъ образованія, оставилъ при себѣ, при дѣлѣ, но сынъ уже одѣвается по послѣдней модѣ, старается говорить по «книжному», держаться по «господски». Когда же подросла его младшая дочь, онъ уже успѣлъ вполнѣ оцѣнить пользу и необходимость образованія, отдалъ ее въ хорошій пансіонъ, и изъ Ольги вышла образованная дѣвушка. Съ этой Ольгой и познакомился Петръ Кайсаровъ. Чувство жалости къ несчастному юношѣ, неспособному найти опору въ самомъ себѣ, ищущему забвенія въ винѣ,—участіе къ нему перешло въ чувство привязанности, а затѣмъ и въ любовь. Петръ, пишетъ матери, проситъ ея согласія на бракъ съ Ольгой. Мать, находясь въ то время въ стадіи любовнаго влеченія къ какому-то гондольеру, почувствовала симпатію къ двумъ «любящимъ сердцамъ» и прислала свое согласіе на бракъ. Петръ женился на Ольгѣ и оба наслаждались полнымъ счастьемъ до пріѣзда матери.—На новое требованіе денегъ Петръ объясняетъ матери необходимость сократить ея расходы, такъ какъ доходы имѣнія далеко не достаточны для того, чтобы она могла продолжать свою прежнюю жизнь, и что иначе имъ грозитъ разореніе. Мать и слышать не хочетъ ни о какихъ сокращеніяхъ въ ея личныхъ расходахъ и изобрѣтаетъ нелѣпый планъ развести сына съ его женой, чтобы потомъ женить его на какой-нибудь милліонершѣ.—Въ Ольгѣ она видитъ помѣху своему плану, враждебно относится къ ней, грубо къ ея роднымъ, затѣмъ обращается даже къ чувству любви ея къ Петру, уговаривая ее пожертвовать собою, ради счастія Петра, наконецъ, возбуждаетъ въ сынѣ чувство ревности. Безвольный Петръ силится поддержать добрыя отношенія между матерью и женой.—Ольга требуетъ, чтобы онъ на что-нибудь рѣшился, затѣмъ, не добившись отъ него ничего, она теряетъ къ нему уваженіе и рѣшается сама оставить его, уѣхать и существовать самостоятельнымъ трудомъ. Въ послѣдній моментъ разлуки съ женой Петръ обрушивается на мать упреками и рѣшается уѣхать вмѣстѣ съ женою и устроиться самостоятельно. На этомъ авторъ кончаетъ пьесу, но зритель не можетъ остаться удовлетвореннымъ, не можетъ отнестись съ довѣрі-

емъ къ рѣшенію Петра. Все это можетъ оказаться такими-же словами, какія говорилъ Петръ и раньше. Авторъ долженъ-бы былъ показать намъ Петра на самостоятельной дорогѣ, показать намъ дѣйствительную возможность или невозможность перелома въ немъ. Точно также зрителю было бы интересно прослѣдить тотъ путь, какимъ Ольга отъ жалости къ кутящему юношѣ перешла къ любви къ нему, ту борьбу, которая пережила Ольга передъ замужествомъ, и ту, которую пережилъ Петръ послѣ разрыва съ матерью. Авторъ даетъ намъ только внѣшнюю борьбу между симпатичной женщиной и старой развратницей, придумавшей безсмысленный планъ женитьбы разведеннаго сына на «милліонахъ». Безсмыслица этого плана отнимаетъ у этой борьбы значительную долю интереса. Это борьба между манекеномъ и живымъ человѣкомъ, которая не можетъ не кончиться побѣдой послѣдняго. Если же авторъ задался цѣлью показать намъ борьбу безвольной натуры Петра, то борьба въ душѣ такихъ дряблыхъ, скорѣе несчастныхъ натуръ, можетъ быть интересна только тогда, когда жизненныя условія приведутъ и ихъ къ извѣстному результату, основанному на ихъ *собственной, личной* дѣятельности. Но какъ картинка изъ жизни, пьеса автора имѣетъ безспорныя достоинства.—Персонажи достаточно живы, если и не всегда новы, роли даютъ очень благодарный матеріалъ для артистовъ, кромѣ того, пьеса написана хорошимъ языкомъ. Всего этого достаточно, по нынѣшнему времени, чтобы привѣтствовать появленіе этой пьесы на сценѣ.

Исполненіе на этотъ разъ далеко небезупречно.

Г. Ильинскому роль Петра не удалась. Мы не видѣли въ немъ главной стороны—безхарактерности. Артистъ, видимо, не могъ найти въ себѣ нужнаго отзвука для выраженія этихъ чертъ Петра. Тѣ-же сцены, гдѣ въ Петрѣ вспыхиваетъ энергія, рѣшимость, порывы были прекрасно переданы артистомъ, тепло и искренно. — Роль Ольги очень эффектна и можно быть увѣреннымъ, что она станетъ одной изъ любимыхъ ролей нашихъ артистокъ.—Г-жа Журавлева воспользовалась благодарнымъ матеріаломъ этой роли, хотя все же холодность ея исполненія и здѣсь давала себя чувствовать.—Г-жа Романовская весьма мало подходила къ роли матери Кайсарова и по своей наружности, и по тону, которымъ она вела свою роль. На ней въ особенности лежитъ вина въ той вялости, съ которой была исполнена пьеса въ 1-й разъ.—Г. Вязовскій типично исполнилъ роль купца Брежнева.

На исполненіи г. Свѣтловымъ роли молодого Брежнева слѣдуетъ остановиться подробнѣе. На долю артиста выпала трудная задача воплотить новый, народившійся за послѣднее время, типъ купеческаго сынка въ глухой провинціи. И надо отдать справедливость артисту—онъ прекрасно справился съ своей задачей. Костюмъ парижскаго пшюта, сдѣланный по послѣдней модной картинкѣ, цилиндръ, лайковыя перчатки, завитая барашкомъ голова, подстриженная бородка—весьма характерны. Столичный купеческій сынокъ соблюдетъ въ своемъ костюмѣ извѣстную мѣру, хотя бы изъ боязни быть предметомъ для насмѣшекъ, въ деревнѣ — этотъ Миша — законодатель моды. Чѣмъ изысканнѣе костюмъ, тѣмъ лучше. Ему и въ голову не приходитъ, что въ цилиндрѣ и лайковыхъ перчаткахъ смѣшно ходить по деревнѣ, наблюдать за отцовскими гуртами, принимать товаръ въ амбары. Онъ стремится хоть по костюму подходить къ самому изысканному аристократу въ его парадномъ видѣ, но отсутствіе вкуса, чувства мѣры сказывается въ немъ. Г. Свѣтловъ понялъ это прекрасно. Наконецъ, это лицо—глуповато-хитрое и въ то-же время елейное—превосходно. Въ общемъ тонъ роли настолько хорошъ, что мы не будемъ упрекать артиста за слишкомъ изысканныя манеры.

Г-жа Потоцкая явилась черезчуръ блѣдной Ниной. Въ ея исполненіи эта роль потеряла всѣ свои характерныя черты. Артистка совсѣмъ не играла, а только читала роль. Жаль, что г-жѣ Потоцкой приходится играть роли, къ ней неподходящія и мы не можемъ не упрекнуть дирекцію за такое отношеніе къ артистамъ. Недостатокъ труппы ярче всего сказался въ исполненіи г-жи Семеновой роли старой княгини Соколинской. Г-жа Семенова хорошая артистка на роли купчихъ въ комедіяхъ Островскаго, но назначеніе ей роли княгини Соколинской—это какая-то насмѣшка и надъ артисткой и надъ публикой.

Прекрасно провелъ свою роль Трубенцова г. Киселевскій. Трубенцовъ давно знакомый образъ стараго bon-vivant. Артистъ съумѣлъ живымъ, детальнымъ исполненіемъ придать своей роли интересъ. Г. Яковлевъ добросовѣстно исполнилъ роль Любомудрова.

Въ тотъ же спектакль была поставлена въ 1-й разъ комедійка Скриба **«Быть или не быть»** въ переводѣ г. Матерна. Эта премилая, живая вещица изъ числа тѣхъ пустячковъ, на которыя такія мастера французы. Въ передѣлкѣ на русскіе нравы пьеска не потеряла. Переводъ сдѣланъ весьма удовлетворительно. Г. Людвиговъ бойко провелъ роль ухаживателя за чужой женой, но исполненіе г-жей Гламой-Мещерской роли этой жены — отличалось опять таки такимъ же шаблономъ успокоившейся на лаврахъ артистки, какъ и исполненіе г-жею Мартыновой ея ролей.

Р. С. Т.

Театръ XIX столѣтія.

Послѣ отъѣзда г. Шевалье и передъ началомъ представленій малороссійской драматической труппы, прекратившіеся, было, оперные спектакли возобновились на нѣсколько вечеровъ, чтобы показать нѣкоторыхъ новыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ и новаго капельмейстера (пятаго)—г. Зеленаго.

Были попытки обновить и репертуаръ: къ прежнимъ «Жидовкѣ», «Трубадуру» и «Фаусту» добавили «Риголетто» и комическую оперу Гризара—«Горбуна». Намъ не удалось слышать «Горбуна» и «Трубадура», но въ остальныхъ трехъ изъ названныхъ оперъ мы были. Г. Зеленый своимъ участіемъ не измѣнилъ общаго склада этихъ представленій. Переходимъ прямо къ дебютантамъ.

Г-жа Мелодистъ знакома москвичамъ по опереттѣ. Тамъ пѣвица нравилась; она можетъ быть полезна и въ оперѣ. Ея сопрано чисто, звучно, металлическаго тембра; въ пѣніи можно усмотрѣть и слѣды нѣкоторой школы, и природную способность; въ игрѣ есть обдуманность и опять-таки несомнѣнная способность. Въ благоустроенной оперной труппѣ г-жа Мелодистъ могла бы свободно исполнять вторыя роли. Здѣсь ей поручали Евдокію («Жидовка») и даже Маргариту («Фаустъ»), что, въ абсолютномъ смыслѣ, оказалось не совсѣмъ по ея силамъ. Но она права, взявшись за подобную задачу: сравнительно съ такими дѣятелями сцены, какъ, напримѣръ, одинъ извѣстный оперетточный теноръ, пѣвшій, подъ фамиліей г. Самойлова, партію Леопольда, г-жа Мелодистъ—первоклассная артистка.

Г-жа Верданъ (Зибель)—пѣвица симпатичная, музыкальная, съ милымъ, теплымъ голосомъ, меццо-сопрано значительной силы. Нѣкоторыя верхнія ноты ей не удались по интонаціи; но это казалось случайностью, обычной данью смущенію.

Г. Сачинари—сладенькій и маленькій теноркъ, положительно умѣющій пѣть. Во всемъ сказывается стремленіе подражать г-ну Мазини, не только въ его нѣжныхъ smorzandi, но и въ походкѣ, самой манерѣ держаться на сценѣ. Г. Сачинари—совсѣмъ приличный герцогъ въ «Риголетто».

Но заглавная роль въ этой оперѣ оказалась въ рукахъ г. Франклина. Для Риголетто нуженъ мужественный баритонъ, а не исправляющіе его должность жиденькіе безхарактерные, слабые и дребезжащіе звуки, нуженъ сценическій талантъ, чтобы справиться со всѣми разнообразными подробностями трудной, необыденной роли, чувствующій декламаторъ, умѣющій отмѣтить всѣ эти переходы отъ буффонства и ироніи къ отеческой нѣжности, отъ мстительныхъ порывовъ къ трагическому отчаянію; а г. Франклинъ только потому актеръ, что для чего-то изображалъ Риголетто, потому только пѣвецъ, что ему зачѣмъ-то позволили полицедѣйствовать на оперной сценѣ.

Г. Брушевскій — теноръ, на котораго возлагались особенныя надежды. Голосъ его хорошій, безъ большой силы, положимъ, но съ содержательнымъ, свѣжимъ и красивымъ среднимъ регистромъ; верхній не свободенъ и всегда крикливъ. Актеръ г. Брушевскій—заурядный и ходульный; пѣвецъ замѣчательно равнодушный и хладнокровный, да и вообще странный, съ нѣкоторыми безвкусными привычками, въ родѣ вѣчныхъ portamenti *сверху внизъ*. Увлечь такое пѣніе не можетъ; въ немъ чувствуется одна надежда — побѣдить эффектомъ окончанія;—и вотъ вся арія тянется въ полъ-голоса, вяло, безжизненно, въ концѣ-же голосъ со всей силой взлетаетъ на крикливую верхнюю ноту и дѣлаетъ свое неизбѣжное portamento внизъ. Такое исполненіе ни артистичнымъ, ни талантливымъ назвать нельзя. Г. Брушевскаго мы видѣли въ «Фаустѣ» и «Жидовкѣ»: болѣе или менѣе сносный Фаустъ оказался совсѣмъ слабымъ Елеазаромъ. Дебютантъ имѣлъ видимое намѣреніе затмить въ Елеазарѣ самого г. Шевалье. Это вышло очень неустрашимо, но привело къ грустнымъ результатамъ: втеченіе цѣлаго вечера дивный Елеазаръ-Шевалье воскресалъ поминутно въ памяти слушателя и уничтожалъ другого Елеазара, въ лицѣ храбраго г. Брушевскаго.

Сем. Кругликовъ.

Спектакли малороссовъ.

Малороссійская труппа, управляемая г. Садовскимъ, пріѣхала къ намъ послѣ рождественскихъ праздниковъ. Репертуаръ ея остался прежній, — сказать по правдѣ, довольно-таки прискучившій публикѣ своимъ однообразіемъ. Изъ новыхъ пьесъ, поставленныхъ въ Москвѣ въ первый разъ драма г. Панаса Мирного не имѣла никакого успѣха. Она не дала пищи даже для такихъ талантовъ, какъ г-жа Заньковецкая и г. Садовскій, которымъ трудно проявить свои силы въ этихъ крайне блѣдныхъ роляхъ. Въ среду, 15-го января, публикѣ пришлось въ первый разъ увидѣть малороссовъ въ русской пьесѣ. — Былъ поставленъ «Лѣсъ» Островскаго. Выборъ такой пьесы не можетъ быть названъ удачнымъ и прежде всего потому, что роль Аксюши — не на столько яркая роль, чтобы въ ней могли развернуться всѣ безспорно-крупныя силы г-жи Заньковецкой. Это — роль довольно блѣдная и второстепенная. И хотя артистка играла Аксюшу не хуже всѣхъ другихъ лучшихъ исполнительницъ этой роли, однако, она не могла, конечно, имѣть въ ней того огромнаго успѣха, какой она имѣетъ всегда въ «Наймичкѣ» и «Безталанна». Нѣкоторые изъ зрителей ссылаются на малороссійскій акцентъ артистки, какъ на помѣху къ успѣшному исполненію ею русскихъ пьесъ. Но это намъ кажется лишь недоразумѣніемъ. Во первыхъ, акцентъ этотъ едва замѣтенъ; во-вторыхъ, годъ-два участія въ русскихъ пьесахъ, — и произношеніе русскихъ словъ можетъ вполнѣ очиститься отъ чуждыхъ элементовъ.

Нечего и говорить, что и Несчастливцевъ — роль, совсѣмъ неподходящая для г. Садовскаго. Артистъ, не игравшій на русской сценѣ, не воспріявшій и не усвоившій себѣ старыхъ традицій воспроизведенія классическаго репертуара на провинціальной сценѣ, едва-ли можетъ быть удачнымъ исполнителемъ этой роли. Ее можетъ сыграть лишь тотъ, кому извѣстны старинные пріемы каратыгинской и рыбаковской школы. А г. Садовскій, тѣмъ-то и силенъ, тѣмъ-то и оригиналенъ, что его игра — есть выраженіе новаго слова театральнаго искусства, представляющаго собою торжество реализма на сценѣ. Онъ чуждъ традицій ходульнаго, крикливаго, вычурнаго мастерства старой школы, и не слѣдовало ему браться за такую роль, которая всего менѣе соотвѣтствуетъ характеру его дарованія.

17 января была поставлена въ первый разъ драма «Никандръ безчастный». Это почти буквальный переводъ на малороссійскій языкъ знаменитой драмы Писемскаго «Горькая судьбина». Тутъ было на чемъ показать свои силы и г. Садовскому, и г-жѣ Заньковецкой. Въ исполненіи г. Садовскаго мы видѣли реальное изображеніе этого сильнаго, властнаго, гордаго и самолюбиваго мужика, не отступающаго ни передъ чѣмъ въ порывѣ чувства оскорбленія своего достоинства. Г. Садовскій даетъ намъ чувствовать, что его герой — прежде всего страдалецъ, страстно любящій свою отступницу-жену и до глубины души истерзавшійся въ мучительныхъ думахъ о попранномъ своемъ достоинствѣ и объ отнятомъ навсегда блаженномъ счастьѣ семейной жизни.

Прекрасна была и г-жа Заньковецкая, въ роли жены Никандра. Она рельефно выставила одновременно скромность и стыдливость этой женщины и глубочайшую и мужественную рѣшительность ея — не уступать никакимъ настояніямъ, угрозамъ и насиліямъ нелюбимаго ею мужа, какихъ бы жертвъ ни стоило такое безстрашное ея упорство. Намъ остается послѣ этого спектакля еще болѣе утвердиться въ своемъ убѣжденіи, что исполненіемъ пьесъ русскаго репертуара г-жа Заньковецкая можетъ внести не мало новаго и существенно важнаго въ дѣло сценическаго воспроизведенія многихъ ролей.

В. Ермиловъ.

Наша сцена съ точки зрѣнія художника.

Малый театръ. — Постановка драмы Ибсена „Сѣверные богатыри“.

На сценѣ Малаго театра въ текущемъ сезонѣ прошелъ цѣлый рядъ новыхъ пьесъ, о постановкѣ которыхъ я не сказалъ ни слова. Большая часть этихъ пьесъ относилась къ современной жизни, а въ постановкѣ такихъ вещей сцена нашего Малаго театра давно достигла такого совершенства, что художественной критикѣ оставалось только присоединиться къ дружнымъ аплодисментамъ зрительнаго зала и скромно отойти въ сторону. Исключеніе представлялъ только бенефисный спектакль режиссера г. Черневскаго съ «Имогеной».

Теперь въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» мы снова встрѣчаемся и съ очень отдаленными временами и съ типами, до которыхъ далеко современному изломанному человѣку, и снова зритель уходитъ изъ театра во многомъ неудовлетвореннымъ. Дѣло происходитъ девять вѣковъ тому назадъ у береговъ холодной Исландіи. На сценѣ скалистая мѣстность у берега моря. Голыя вѣтви гигантскихъ деревьевъ, покрытыхъ снѣгомъ, тянутся со скалъ черезъ всю сцену. Порошитъ мелкій снѣгъ, а въ глубинѣ облака, бѣгущія надъ моремъ.

Декорація довольно удачно передаетъ общій характеръ суровой и бѣдной природы и прекрасно скомпанована. Боковыя кулисы замаскированы выступами скалъ, а вѣтви деревьевъ скрываютъ отъ глазъ поддуги, которыя не рѣжутъ глаза и не портятъ впечатлѣнія.

Нельзя того же сказать про письмо и освѣщеніе. Написана декорація крайне шаблонно, голые стволы и пушисто-бѣлый снѣгъ не даютъ иллюзіи, а освѣщеніе еще больше ее портитъ. Сцена почему-то въ глубинѣ имѣетъ синеватый и почти ночной тонъ, а на первомъ планѣ не затемненная ничѣмъ рампа ярко освѣщаетъ и кулисы, и дѣйствующихъ лицъ горячимъ тономъ газоваго свѣта. Если бы фонъ картины былъ сѣрѣе и рампа затемнена синеватымъ стекломъ, выиграло бы все,—и общій тонъ, и снѣгъ на кулисахъ.

Доказательствомъ можетъ служить та же самая декорація въ четвертомъ актѣ, гдѣ ей приданъ характеръ ночи.

Для выраженія бѣгущихъ по небу тучъ г. Гельцеръ прибѣгнулъ (если не ошибаюсь, впервые) къ эффекту подвижныхъ тѣней отраженныхъ волшебнымъ фонаремъ на заднемъ занавѣсѣ. Эффектъ этотъ давно извѣстенъ и за границей, и на нашемъ Большомъ театрѣ, и къ нему не мѣшало бы обращаться нашимъ декораторамъ почаще. У мейнингенцевъ съ его помощью, въ «Кровавой свадьбѣ», было воспроизведено такое зарево пожара, которое можно считать верхомъ декоративнаго эффекта.

Достигается это отраженіе тѣней довольно просто. Позади задняго занавѣса устанавливаютъ большой волшебный фонарь съ сильнымъ электрическимъ свѣтомъ и направляютъ его на занавѣсъ такъ, чтобы свѣтлый кругъ охватилъ все пространство, на которомъ видѣнъ воздухъ. Затѣмъ, вмѣсто обычной стеклянной пластинки съ нарисованнымъ изображеніемъ, въ прорѣзь фонаря вкладывается стеклянный кругъ съ нарисованными на немъ облаками и притомъ такъ, что центръ круга находится внѣ оси фонаря. При вращеніи круга различныя его части послѣдовательно проходятъ черезъ прорѣзь фонаря и также послѣдовательно отражаются на заднемъ занавѣсѣ, а у зрителей, находящихся по другую сторону занавѣса получается впечатлѣніе дѣйствительно скользящихъ облаковъ.

Если же при этомъ изображеніе, наведенное на занавѣсъ, приходится не вполнѣ въ фокусѣ фонаря, то контуры нарисованныхъ облаковъ тушуются и все изображеніе получаетъ особую мягкость и воздушность. Для усиленія эффекта такихъ круговъ съ нарисованными облаками можно вкладывать не одинъ, а нѣсколько круговъ, и затѣмъ вращать одинъ кругъ быстрѣе, а другой медленнѣй, и тогда зрителямъ будетъ казаться, что по воздуху несется цѣлый рядъ перегоняющихъ другъ друга облаковъ.

Двигаясь по окружности стекляннаго круга, изображеніе облаковъ неизбѣжно должно имѣть и на заднемъ занавѣсѣ не прямолинейное движеніе, а круговое, и для того, чтобы ослабить это впечатлѣніе, стеклянный кругъ съ нарисованными облаками долженъ имѣть очень большой діаметръ. Кромѣ того, не надо забывать, что на заднемъ занавѣсѣ часто (какъ и въ данномъ случаѣ) изображена не частица неба, а цѣлая масса воздуха, уходящаго въ даль до самаго горизонта и, слѣдовательно, въ формѣ нарисованныхъ облаковъ должна быть тщательно соблюдена извѣстная перспектива—бли-

жайшія къ горизонту облака должны быть мельче и имѣть болѣе горизонтальное направленіе, а ближайшіе къ зениту, должны быть нарисованы болѣе крупными партіями и имѣть болѣе неопредѣленную форму. Кромѣ того, дальнія облака должны быть нарисованы на кругѣ, вращающемся крайне медленно, а ближайшія къ зениту на кругѣ, вращающемся быстрѣе и тогда можетъ быть достигнута полная иллюзія. А безъ этого что же получилось? Всѣ облака крупными партіями несутся изъ праваго нижняго угла занавѣса кверху въ лѣвый и только случайно, моментами производятъ впечатлѣніе бѣгущихъ тучъ, а въ остальное время больше похожи на клубы какого-то чернаго дыма, поднимающагося изъ-за горизонта и застилающаго небо. Этому впечатлѣнію много способствуетъ также и совершенно неумѣстное усердіе, съ которымъ рабочій вертитъ стеклянный кругъ. Г. Гельцеръ точно боится все время, что публика не замѣтитъ движенія его облаковъ и подгоняетъ рабочаго, а впечатлѣніе отъ этого, конечно, не только ослабляется, но минутами даже и совершенно пропадаетъ. Отличительная черта всѣхъ нововведеній на нашей сценѣ—что онѣ никогда не доводятся до конца. Сдѣланъ шагъ впередъ,—и всѣ успокоиваются и никто не думаетъ, что съ каждымъ малѣйшимъ движеніемъ впередъ каждой части сложнаго театральнаго механизма, всѣ остальныя также должны быть подвинуты впередъ, а безъ этого каждое нововведеніе приводитъ лишь къ тому, что особенно рельефно оттѣняетъ недостатки всего остальнаго. Въ декораціи перваго и послѣдняго актовъ «Сѣверныхъ богатырей» такая недомолвка тоже бросается рѣзко въ глаза въ написанномъ на заднемъ же занавѣсѣ моря. Все время передъ зрителями бѣгущія по небу тучи, а на морѣ неподвижныя, окаменѣвшія волны. Не будь бѣгущихъ тучъ, никто бы этого и не замѣтилъ, а теперь ихъ неподвижность бросается въ глаза. И это тѣмъ болѣе непростительно, что движенія ихъ легко достигнуть или съ помощью такого же другого волшебнаго фонаря, или движеніемъ обычныхъ прорѣзей, какъ въ финалѣ послѣдняго акта, гдѣ изображается освѣщенное луною и успокоивающееся море.

На сценѣ полудикіе норманы. Жилища ихъ, пристроенныя къ пещерамъ и скаламъ,—грубо сколоченные срубы...

Передъ вами Дагни, почему-то въ великолѣпной новой ротондѣ на бѣломъ мѣху и Іордисъ, въ черныхъ парижскихъ перчаткахъ и съ батистовымъ платочкомъ въ рукѣ... Статисты на этотъ разъ довольно сносны. Ими, очевидно, занялись и они, то неподвижно стоятъ, то лежатъ съ мрачнымъ сосредоточеннымъ видомъ довольно натурально и составляютъ недурную рамку для остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Все дѣйствіе перваго акта проходитъ довольно естественно и только воинамъ Орнульфа не мѣшало бы сбираться на бой за своимъ королемъ немного пошумнѣе.

Второй и третій актъ происходятъ при одной и той-же декораціи. Сцена представляетъ внутренность большого сруба, сложеннаго съ такой правильностью, что ему могутъ позавидовать самые искусные современные мастера. У входа въ двери роскошные рисунки по стѣнѣ, посреди—каменный очагъ съ разведеннымъ огнемъ, окруженный скамьями. Все это сдѣлано съ большой претензіей на мейнингенскую постановку, но опять-таки сдѣлано лишь наполовину и нарушаетъ иллюзію. Срубъ сложенный грубѣе изъ плохо отесанныхъ бревенъ былъ бы гораздо умѣстнѣе; сложные рисунки смѣло можно было бы замѣнить болѣе грубыми и примитивными, а на стропилахъ и частью по стѣнамъ неизбѣжно должны быть слѣды копоти отъ дымящаго костра въ очагѣ. Точно также и самый костеръ не мѣшало-бы снабдить дымомъ и сдѣлать его этимъ болѣе похожимъ на дѣйствительный костеръ. Но, во всякомъ случаѣ, оговариваюсь: это лишь поправки къ тому, что сдѣлано декораторомъ, а сдѣлано имъ много и вся сцена все-таки производитъ впечатлѣніе быта очень далекаго отъ нашихъ дней. Разъ сцена представляетъ внутренность сруба безъ оконъ—то его необходимо было освѣтить факелами или свѣтильниками съ китовымъ жиромъ на столахъ. Безъ этого освѣщеніе сцены непонятно, да и проигрываетъ въ эффектѣ. Самый пиръ поставленъ старательно.—Посуда, разставленная по столамъ, турьи рога для вина и оригинальныя блюда, которыя служители несутъ, высоко поднявъ надъ головою—все это характерно и красиво. Упрекъ приходится сдѣлать только самимъ приглашеннымъ на пиръ. Всѣ входятъ и сбираются къ столу съ такимъ видомъ, точно они идутъ на похороны. Не слышно ни говора, ни обычнаго при пирѣ оживленія, которое стихло бы вдругъ при первыхъ словахъ Іордисъ, и отъ этого вступительная сцена пира опять-таки переноситъ зрителя далеко и отъ Малаго театра, и отъ мейнингенскихъ традицій въ блаженную провинцію съ солдатами въ роли статистовъ. Дагни по-прежнему ходитъ въ современномъ красиво подобранномъ кашемировомъ платьѣ и ватеръ-пруфѣ.

Ансамблю этихъ актовъ можно сдѣлать еще замѣчаніе, что въ сценѣ съ убійствомъ Торольфа всѣмъ гостямъ слѣдовало бы отнестись къ нему живѣе. Совершенно неестественно, что они всѣ стоятъ, столпившись у дверей, и чего-то ждутъ. Было бы натуральнѣе, если бы они столпились уже за дверями и смотрѣли оттуда вслѣдъ Гуннару.

Въ четвертомъ актѣ на сценѣ декорація

перваго акта и совсѣмъ ненатуральная могила, обтянутая коричневымъ сукномъ. Слѣдовало непремѣнно отдѣлить ее отъ зрителей грудой камней и самую могилу также завалить бутафорскими камнями, какъ бы наложенными сверхъ песку. Вокругъ могилы воины съ факелами въ рукахъ. Факелы эти сдѣланы почему-то изъ стеариновыхъ огарковъ и столько же похожи на факелы, какъ и на обыкновенныя церковныя свѣчи. Иллюзія, конечно, отъ этого проигрываетъ и, когда видишь въ глубинѣ сцены бурно несущіяся по небу тучи и въ то же время совершенно покойно горящіе огарки въ рукахъ воиновъ, невольно является улыбка... Загорается домъ Гуннара и розовый отблескъ освѣщаетъ мѣстами сцену. Картина красива и натуральна и мы готовы были уже порадоваться, что, наконецъ, декораторы Малаго театра съумѣли остановиться на должной степени эффекта, какъ вдругъ захрапѣлъ новый электрическій фонарь за первой кулисой и яркое красное пятно появилось на второй кулисѣ, совершенно испортивъ картину. Такія сцены у насъ никогда не проходятъ и, вѣроятно, еще долго не будутъ проходить безъ подчеркнутаго лубочнаго эффекта.

Моментъ паденія Іордисъ въ море испорченъ плохимъ манекеномъ, сбрасываемымъ со скалы. Когда же толпа норманновъ сбирается у берега, смотря на бѣгущія тучи и видя въ нихъ летящихъ въ Валгаллу валькирій,— зритель оказывается такъ настроеннымъ, что дѣйствительно способенъ увидать волшебныхъ дѣвъ на небѣ. Но, увы, г. Гельцеръ почему-то совсѣмъ объ этомъ эффектѣ не позаботился, хотя это и было очень легко—стоило только провести черезъ прорѣзь фонаря стекло съ причудливыми формами темныхъ облаковъ. Публика жадно смотритъ вмѣстѣ съ группой норманновъ на небо, а по небу съ невѣроятной быстротой мчатся все тѣ-же клубы дыма, изображающіе облака, и въ результатѣ потерянъ довольно крупный эффектъ.

Въ заключеніе остается еще сказать нѣсколько словъ о музыкѣ, сопровождающей послѣдній актъ и свистъ вѣтра, который слышится по временамъ изъ-за кулисъ. Умѣстна-ли музыка въ этой драмѣ—это вопросъ, о которомъ можно спорить, и я его не стану касаться, но, во всякомъ случаѣ, если музыка и усиливаетъ впечатлѣніе такой сцены, гдѣ по небу несутся на вороныхъ коняхъ валькиріи, спѣшащія въ Валгаллу, то музыка должна слышаться все время, а не затихать и не начинаться пять или шесть разъ во время акта, смотря потому, кто говоритъ и кто замолкаетъ. Точно также и свистъ вѣтра будетъ производить впечатлѣніе только тогда, когда зритель слышитъ его то затихающимъ, то снова звучащимъ все время акта, а безъ этого и музыка и свистъ вѣтра производятъ только впечатлѣніе совершенно неумѣстной и ненужной подчеркнутости и отвлекаютъ зрителя отъ самой драмы.

Глаголь.

Концертъ А. Г. Рубинштейна.

Послѣдніе мѣсяцы А. Г. Рубинштейнъ живетъ за границей. Въ концѣ прошлаго года, однако, онъ пріѣзжалъ въ Россію, чтобы въ началѣ уже января нынѣшняго, всего слѣдовательно черезъ нѣсколько дней, вернуться снова въ чужіе края. Цѣль пріѣзда такъ характеризуетъ отзывчивое сердце нашего великаго піаниста! Онъ пріѣзжалъ въ Россію единственно для того, чтобы дать въ Петербургѣ и Москвѣ по одному концерту въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. И вотъ уже оба концерта состоялись; отъ двухъ вечеровъ очистилось около 19.000 рублей, которые всѣ цѣликомъ и обращены на то святое дѣло, для котораго предназначались. Совсѣмъ по рубинштейновски!

Московскій концертъ былъ данъ 8 января, съ участіемъ г-жъ Лавровской и Махариной и г. Сафонова, въ качествѣ дирижера *аккомпанирующаго* оркестра.

Г. Рубинштейнъ игралъ безъ оркестра только сверхъ программы. Согласно-же съ нею, онъ исполнилъ *свой* концертъ № 5 (Es-dur), *свою* фантазію (C-dur) и *свой* Caprice russe. Все это вещи для фортепіано съ оркестромъ. Остальные номера программы посвятились пѣнію: г-жи Лавровская и Махарина спѣли два дуэта г. Рубинштейна—«При прощаньи» и «Туча», одна г-жа Лавровская—три романса г. Рубинштейна—«Еврейская мелодія», «Боръ сосновый» и «Желаніе». Словомъ, вся программа—изъ *рубинштейновскихъ* сочиненій—фактическое доказательство тому, что авторы любятъ свои творенія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда печатно признаютъ музыку послѣ Шумана и Шопена *погибшей* и сочиняютъ разные *русскіе* «капризы», путемъ той-же прессы отрицая *національность* въ искусствѣ *).

Съ нелестнымъ мнѣніемъ г. Рубинштейна о своихъ произведеніяхъ (они вѣдь сочинены послѣ Шумана и Шопена) мы не можемъ, однако, вполнѣ согласиться: не все уже у него такъ слабо, какъ, наприм., вокальные номера разсматриваемаго вечера. Не выходя за предѣлы его программы, можно убѣдиться, что въ произведеніяхъ г. Рубинштейна не только попадаются нѣсколько хорошихъ тактовъ подъ-рядъ, но даже и цѣлыя страницы, серія страницъ, наконецъ, которымъ нельзя отказать ни въ дарованіи, ни въ краскотѣ, ни въ искренности увлеченія. Такъ напр., вторая часть *пятаго* фортепіаннаго концерта очень пріятна, кое-что недурно въ C-dur'ной фантазіи и даже въ Caprice russe, гдѣ, впрочемъ, благородное начало скоро смѣняется *народной* тематичностью не коренного происхожденія, а уже пріобрѣтшею вульгарный оттѣнокъ трактировъ и казармъ.

Что сказать объ исполненіи? Со стороны пѣвицъ оно было блѣдно и по интонаціи нечисто; не стоило такое пѣніе дивнаго авторскаго аккомпанимента. Со стороны г. Сафонова все удалось: серьезныхъ приключеній не произошло при оркестровомъ сопровожденіи такому капризному исполнителю, какъ А. Г.

Наконецъ, онъ самъ. Нужно-ли говорить какъ игралъ этотъ гигантъ, этотъ поразительный піанистъ-художникъ? Это все то же, что было у него прежде. Та-же мощь, та-же молодость вдохновенія, та-же поэзія. Никто съ А. Г. не сравнится въ нѣкоторыхъ сторонахъ его необычайной передачи, гдѣ такъ много того, что соединяется въ одно нераздѣльное цѣлое, всегда увлекающее, электризующее слушателя....

А все-таки лучшее въ вечерѣ было то, когда А. Г. съигралъ на *bis* два этюда и impromptu того Шопена, послѣ котораго, по увѣренію г. Рубинштейна, «музыкѣ насталъ конецъ!»

Сем. Кругликовъ.

*) См. книгу г. Рубинштейна «Музыка и ея представители».

Русское Музыкальное Общество.

Четвертое квартетное собраніе.—Первый общедоступный концертъ.

Со времени пятаго симфоническаго собранія, описаннаго въ № 19 «Артиста», до 21 января Русское Музыкальное Общество успѣло только выступить съ четвертымъ квартетнымъ собраніемъ и общедоступнымъ концертомъ въ циркѣ — первымъ, если не считать бывшій уже одинъ, благотворительный (въ пользу голодающихъ), о которомъ сказано въ № 18.

Квартетное собраніе все составилось изъ сочиненій Бетховена; въ программу вошли: квартетъ (op. 18, № 3, D-dur), соната для скрипки и ф. п. (op. 12, № 1, D-dur) и квартетъ (op. 95, f-moll).

Начнемъ съ сонаты, какъ съ сочиненія наиболѣе ранняго періода композиторской дѣятельности Бетховена. Соната относится еще къ XVIII столѣтію: написана въ 1799 году. Въ ней всего три части: первое allegro съ очень мало развитымъ миттельзатцомъ и безъ заключенія, варіаціонное andante и финальное

rondo; скерцо же или минуэта не существуетъ. Настоящаго Бетховена въ этой музыкѣ еще мало. Но все-таки онъ и здѣсь кое-гдѣ пробивается сквозь гайдно-моцартовскую манеру; среди нея чувствуется мѣстами вліяніе новыхъ пріемовъ, вибрація зарождающейся выразительности и страсти, всего того, чѣмъ впослѣдствіи Бетховенъ разбудилъ классическое, до него въ области звуковъ царившее хладнокровіе. Въ сонатѣ эта живая струя бетховенскаго творчества сказывается въ менѣе сухомъ употребленіи фортепіано, въ нѣкоторыхъ для того времени новыхъ и смѣлыхъ гармоническихъ поворотахъ (самый конецъ финала). Входя въ подробности, можно уже во второй темѣ перваго allegro подслушать чувство, а изъ ряда старомодныхъ варіацій въ andante выдѣлить послѣднюю, красиваго, не совсѣмъ обычнаго гармоническаго склада; заключеніе же andante, построенное на какъ бы улетающихъ обрывкахъ темы, положительно, оригинально и по-бетховенски обаятельно. Лучшая часть сонаты—rondo, не по своей мало содержательной и легкомысленной первой темѣ, конечно, а по тому, что имѣемъ въ этой части отъ ея второй и третьей темы и заключенія, гармоническая смѣлость котораго уже отмѣчена выше.

Первый изъ исполненныхъ въ тотъ вечеръ квартетовъ—третій по счету въ числѣ тѣхъ шести, которые относятся къ первому періоду бетховенскаго творчества. Бетховенъ очень любилъ квартеты, занимался ими втеченіе всей своей карьеры, а подъ конецъ жизни и наиболѣе часто. Въ нихъ онъ вложилъ лучшія силы своего необъятнаго, всеобъемлющаго дарованія. Всѣхъ квартетовъ у Бетховена—шестнадцать, потому что семнадцатый не болѣе, какъ фуга для четырехъ смычковыхъ инструментовъ. Десять послѣднихъ слѣдуетъ отнести ко второму и третьему періодамъ. Первые шесть Бетховенъ, съ беззаботной расточительностью милліонера, включилъ въ составъ одного 18-го opus'а (обыкновенно композиторы скупѣе и, въ противовѣсъ бетховенскому op. 18, количественно равняющемуся доброй ораторіи, помѣчаютъ отдѣльнымъ opus'омъ пьесу въ двѣ, три страницы). Въ нихъ во всѣхъ болѣе уже ярко, чѣмъ въ разобранной сонатѣ, выпливаетъ бетховенская самостоятельность; каждый изъ нихъ есть уже замѣтный шагъ впередъ по пути развитія въ музыкѣ—нервной выразительности и живой, не мертвой, не холодной красоты. Но они, въ томъ числѣ и исполненный D-dur'ный квартетъ, въ деталяхъ перваго allegro и andante котораго несомнѣнно уже просыпается нѣкоторая тематическая и гармоническая страстность,—очень еще далеки, по музыкальнымъ мыслямъ и музыкальнымъ формамъ, отъ безграничной оригинальности и неисчерпаемой глубины послѣднихъ произведеній Бетховена, къ которымъ, не обинуясь, должно отнести и f-moll'ный квартетъ, op. 95, одно изъ самыхъ могучихъ, самыхъ геніальныхъ вдохновеній Бетховена. Вотъ гдѣ все — красота, все — жизнь, порывъ, сила. Здѣсь холодный анализъ немыслимъ, описанія невозможны, потому что каждый, кто подойдетъ ближе къ этому безсмертному созданію, этому незыблемому памятнику человѣческаго генія, тотъ уже потрясенъ и очарованъ, а языкъ нашъ слишкомъ нищенски бѣденъ, чтобы имъ выражать то, чѣмъ объята душа въ святыя минуты такого наслажденія, такого восторга. Квартетъ этотъ—само совершенство. Здѣсь не найти ничего болѣе сильнаго, болѣе слабаго; все одинаково мощно—каждая изъ мыслей, ихъ развитіе, самобытность и новизна формъ, куда вылилось это поразительное содержаніе, сжатость этихъ формъ, отчего каждый изгибъ мысли пріобрѣтаетъ еще большую особливую могучесть; ничего лишняго, ни въ чемъ недостатка,—каждая нотка имѣетъ важное значеніе, и безъ нея нарушится геніальная стройность цѣлаго. Потерпимъ также неудачу, если примемся за сравнительную оцѣнку составныхъ частей квартета: ни одна изъ его четырехъ частей не выдѣляется на счетъ другой; всѣ одинаково безподобны, одинаково совершенны и созданы лишь для того, чтобы, слившись воедино, дать міру недостижимый образецъ идеальнаго соотвѣтствія безукоризненной формы съ безукоризненнымъ содержаніемъ. Такой другой квартетъ можетъ написать только другой Бетховенъ. Но еще другого Бетховена не было. А, между тѣмъ, квартету уже 82 года (онъ сочиненъ въ 1810 году).

Напоминаемъ кстати о превосходномъ переложеніи этого квартета для двухъ фортепіано, сдѣланномъ мастерской рукой г. Балакирева.

Исполненіе обоихъ квартетовъ было въ общемъ недурное. А соната прошла такъ и совсѣмъ хорошо: г. Гржимали имѣлъ на этотъ разъ своимъ товарищемъ г-жу Игнатьеву, молодую піанистку, недавно кончившую московскую консерваторію у г. Пабста. Для камерной музыки г-жа Игнатьева проявила симпатичныя исполнительскія свойства: она фразируетъ музыкально, скрипача не глушила, играла чисто и сдержанно, въ стилѣ сочиненія.

—

Общедоступный концертъ (22 декабря) главнымъ образомъ повторялъ то, что уже недавно исполнялось въ описанныхъ у насъ симфоническихъ собраніяхъ: симфонію (Es-dur) Моцарта, «Робеспьера» Литольфа, танцы съ хоромъ изъ «Азры» г. Ипполитова-Иванова.

Все это такъ же, какъ и извѣстная и непритязательная струнная серенада Гайдна, прошло у г. Сафонова съ успѣхомъ: со стороны публики, собравшейся на этотъ разъ не въ очень большомъ числѣ, усердно раздавались и знаки одобренія, и требованія повтореній. Въ такомъ же смыслѣ имѣли успѣхъ и оба солиста—г. Бартеневъ, съ большимъ смысломъ и обдуманностью сыгравшій *пятый* концертъ Бетховена (на *bis* —Spinnerlied Мендельсона), и г-жа Одляницкая (бывшая ученица г-жи Александровой-Кочетовой), даровито спѣвшая благозвучную, но запѣтую арію изъ «Кроатки» Дютша—«Что жизнь для насъ?»—и на *bis* романсъ своей учительницы. Справедливость требуетъ сказать, что, если самостоятельные оркестровые номера прошли у г. Сафонова очень хорошо, то аккомпаниментъ въ аріи Дютша не удался, благодаря арфисткѣ, все время опаздывавшей на четвертую восьмую шестидольнаго такта.

Сем. Кругликовъ.

Московское Филармоническое Общество.

Пятый, шестой и седьмой абонементные концерты.

«Шехеразада» г. Римскаго-Корсакова, «Робеспьеръ» Литольфа, новый женскій хоръ г. Ильинскаго на слова Лермонтовской «Русалки» и, какъ солистка вечера,—г-жа Зембрихъ. Это—физіономія пятаго филармоническаго концерта.

О декоративной, аляповатой, но талантливой, горячей увертюрѣ Литольфа, которой такъ за послѣднее время посчастливилось въ нашихъ концертахъ, мы говорили недавно. Говорилось въ «Артистѣ» (№ 12) и о сюитѣ г. Римскаго-Корсакова, по случаю ея прошлогодняго исполненія въ четвертомъ симфоническомъ собраніи. Тогда она исполнялась въ первый разъ въ Москвѣ. Но это такая во всѣхъ отношеніяхъ интересная вещь, что прослушать ее вторично крайне желательно. Часто употребляется въ сужденіяхъ о музыкѣ слово — эффектъ. Эффектенъ «Робеспьеръ», эффектна «Шехеразада». Но какая бездна лежитъ въ характерѣ эффектовъ обоихъ произведеній. У Литольфа—грубыя краски, грубые пріемы, всѣ разсчеты захватить массу, показывая ей, хотя и давно знакомое, но вѣчно ее зажигающее. У г. Римскаго-Корсакова такихъ разсчетовъ нѣтъ. Онъ—сказочникъ и, увлекаясь самъ поэзіей восточной сказки, всѣми причудами ея узоровъ, вводитъ насъ въ фантастическую обстановку звуковыхъ плетеній, гдѣ все—волшебство, небывальщина, рѣдкая комбинація чудесъ гармоническихъ и оркестровыхъ, тончайшая живопись звуками, словомъ,—картины изъ «Тысячи и одной ночи». И вы очарованы, вы захвачены этимъ съ начала до конца выдержаннымъ настроеніемъ Востока съ его моремъ, то плавно катящимъ покойныя воды, то бурно бушующимъ, съ пестротой разгулявшейся рыночной толпы, сладкой истомой и любовною лѣнью; вамъ хочется еще и еще побывать въ такъ дивно воспроизведенномъ мірѣ диковинъ, поддаться очарованію красивыхъ разсказовъ нашего даровитаго сказочника, упиться одинъ въ другой переливающимися эффектами красокъ, новыхъ, яркихъ, неожиданныхъ и въ то же время сплотившихся въ одно неразрывное художественное цѣлое, исполненное громаднаго мастерства, ослѣпительнаго блеска и безупречнаго вкуса.

Новинка г. Ильинскаго не безусловно удачна. Въ этомъ хорѣ (многочисленные голоса ученицъ филармоническаго училища звучали въ немъ свѣжо и стройно) музыка не всегда отвѣчаетъ словамъ. Всѣмъ, конечно, знакома «Русалка» Лермонтова. Поэтъ рисуетъ сначала обстановку: тихая, лѣтняя лунная ночь; по рѣкѣ, играя и плескаясь, плыветъ русалка и поетъ. Пѣсня ея лишена драматизма; она легкомысленна, и въ эпизодѣ о витязѣ «добычѣ ревнивой волны», который на днѣ рѣчномъ спитъ и «не дышетъ, не шепчетъ во снѣ», живетъ не горе, а какое-то недоумѣніе, смущеніе, отнюдь не затемняющее легкихъ, прозрачныхъ, какъ грезы, описаній подводнаго царства и его «хрустальныхъ» городовъ. Въ хорѣ г. Ильинскаго есть красивая музыка и въ началѣ дается настроеніе, соотвѣтствующее тексту. Но самое пѣніе русалки не вышло: музыка пріобрѣтаетъ здѣсь некстати драматическій оттѣнокъ, лишена фантастики, прозаична, грузна; заключая въ себѣ значительныя, абсолютныя, неприкладныя достоинства, она неудовлетворительна, какъ иллюстрація кристальныхъ чертоговъ русской ундины. Авторъ имѣлъ успѣхъ.

Что сказать о г-жѣ Зембрихъ? Москва хорошо знаетъ эту превосходную пѣвицу, ея чудный голосъ, образцовое, законченное умѣнье, непогрѣшимую музыкальность. Мы можемъ только засвидѣтельствовать, что въ настоящее время артистка—въ полномъ расцвѣтѣ и блескѣ своихъ вокальныхъ средствъ. Если же примемъ въ соображеніе, что г-жа Зембрихъ, въ силу природныхъ данныхъ и особенностей таланта, дѣлаетъ больше впечатлѣнія съ концертной эстрады, чѣмъ съ театральныхъ подмостковъ, то сами собою будутъ понятны и тотъ баснословный пріемъ, и тѣ искренніе восторги, которые

знаменитая пѣвица такъ много разъ видѣла въ вечера своихъ концертовъ со стороны публики всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ городовъ. Мы поэтому умалчиваемъ объ овацiяхъ, доставшихся на долю г-жи Зембрихъ при ея участiи въ описываемомъ пятомъ филармоническомъ концертѣ послѣ арiи изъ «Похищенiя» Моцарта, вальса изъ «Ромео» Гуно, романсовъ старинныхъ итальянцевъ Буонончини и Скарляти, очаровательной «Колыбельной» г. Чайковскаго и многаго другого, что пришлось артисткѣ спѣть сверхъ программы.

Тѣ-же фуроры вызвала г-жа Зембрихъ и въ шестомъ филармоническомъ концертѣ, гдѣ пѣла арiю изъ «Семирамиды» Россини, вальсъ «Parla» Ардити, романсы — «Nussbaum» Шумана, граціозно-мечтательный, «Die Forellen» Шуберта, сентиментально-наивный, «Berceuse» г. Симона, деликатную, музыкальную, и, конечно,—цѣлый рядъ bis'овъ.

Въ тотъ-же вечеръ г. Ульяницкій выступилъ съ первой частью фортепiаннаго концерта (d-moll) г. Рубинштейна. И здѣсь, и въ исполненномъ на bis этюдѣ (C-dur) того-же автора, пiанистъ проявилъ себя съ хорошей стороны и какъ безспорно солидный техникъ, и какъ исполнитель музыкальный, не лишенный артистическаго темперамента.

Оркестровая программа шестого концерта состояла изъ «Кроатскихъ танцевъ» г. Ильинскаго и *третьей* сюиты Масснэ. Симпатичные «танцы» игрались не разъ, а потому, если мы о нихъ и заговорили, то только изъ желанiя выразить сожалѣнiе по поводу того, что вмѣсто нихъ не было исполнено что-нибудь болѣе крупное и менѣе извѣстное изъ композицiй того же автора. Отчего, напримѣръ, не дать его увертюры къ «Эдипу», которая, безъ сомнѣнiя, лучше всего, что до сихъ поръ сочинилъ г. Ильинскій?

Сюита Масснэ исполнялась въ Москвѣ въ первый разъ. Она носитъ названiе «драматическихъ сценъ» и затрогиваетъ собою нѣсколько шекспировскихъ сюжетовъ. Такъ первая часть посвящена «Бурѣ», вторая — «Отелло» (сонъ Дездемоны), третья (она же послѣдняя)—«Макбету». Задача, слѣдовательно, довольно претенціозная. Но не долго думалъ надъ нею французскій композиторъ. Онъ къ ней отнесся полушутя, съ легкимъ сердцемъ. Притомъ онъ желалъ быть по возможности краткимъ. Но лаконизмъ тогда только силенъ, когда содержателенъ. Въ данномъ случаѣ рѣчи Масснэ малы, не въ смыслѣ только количества потребленныхъ на нихъ словъ. Вся сюита, пожалуй, даже красивая по музыкѣ (*внѣшняя* красота—всегдашняя особенность сочиненiй Масснэ), имѣетъ такое же значенiе, какъ неполное, необстоятельное, непродуманное, но складно построенное, возможно болѣе краткое изложенiе *своими словами* сюжета какого-нибудь мiрового геніальнаго творенiя.

«Буря» Шекспира трактуется такъ: сперва продѣлываются избитѣйшiе пріемы по тому же рецепту, по какому написаны безчисленныя музыкальныя «бури» другихъ композиторовъ; затѣмъ намѣчается образъ Аріэля, коротенькая пляска духовъ,—и первая часть уже кончена.

Вторая часть милѣе другихъ. Но почему эта сладенькая музыка должна изображать Дездемону? Вмѣсто нея спитъ куколка изъ сахара въ бонбоньеркѣ парижской работы.

Финалъ слабъ. Его программа: вѣдьмы, пиръ, видѣнiе, фанфары и коронованiе. Но «вѣдьмы» не имѣютъ физіономiи, «пиръ», какъ и маршъ «коронованiя» — баналенъ. Нѣсколько лучше другого «видѣнiе» во время пира; тамъ хоть намѣренiя, не лишенныя мысли: «видѣнiе» прервало пиръ, нарушило веселье, и никакiя попытки снова приняться за беззаботное пиршество не удаются; въ музыкѣ это умно выражено просвѣчивающейся, но тотчасъ-же потухающей музыкой «пира» среди звуковъ, рисующихъ «видѣнiе».

Разумѣется, сюита нарядно оркестрована, какъ все у современныхъ французовъ.

Въ седьмомъ концертѣ оркестръ игралъ a-moll'ную симфонiю Мендельсона, давно извѣстную, какъ своимъ мастерствомъ, такъ и обыденностью мыслей, и колоритную, сильно написанную музыкальную картину Мусоргскаго «Ночь на Лысой горѣ», гдѣ грубому разгулу «черной службы» и «шабаша» поэтично противопоставлено тихое утро, мирно просыпающееся съ первыми ударами колокола деревенской церкви, которые только что заставили исчезнуть въ преисподнюю выползшихъ оттуда въ полночь духовъ тьмы и злобы.

Солистами вечера были извѣстный итальянскій теноръ, г. Маркони, и пiанистка, г-жа Штоссъ-Петрова.

Г. Маркони ангажированъ и для восьмого концерта. Когда опишемъ тотъ концертъ, скажемъ подробнѣе и о пѣвцѣ. Пока же воздержимся отъ окончательной его оцѣнки; тѣмъ болѣе, что онъ, хотя и имѣлъ очень шумный успѣхъ, пѣлъ въ тотъ вечеръ полубольной и не могъ себя поэтому показать вполнѣ.

Г-жа Штоссъ-Петрова, преподавательница въ кiевскомъ музыкальномъ училищѣ, гдѣ и сама кончила курсъ у г. Пухальскаго, послѣ чего совершенствовалась у г-жи Ментеръ и А. Г. Рубинштейна. Г-жа Штоссъ-Петрова—хорошая пiанистка, талантливо фразирующая, владѣющая полнымъ тономъ, красивымъ ударомъ, отчетливой техникой, вкусомъ. Она понравилась и, послѣ длиннаго и труднаго *втораго* концерта Сенъ-Санса, принуждена была сыграть еще сверхъ программы транскрипцiю Листа на секстетъ изъ «Лючiи» Доницетти. Очевидно, слѣдовательно, нѣкоторыя, вѣроятно, отъ смущенiя происшедшiя, задѣванiя сосѣд-

нихъ клавишъ публика въ вину піанисткѣ не поставила.

Оркестровое исполненіе всѣхъ трехъ вечеровъ было весьма удачное. Особенно хорошо прошли «Ночь на Лысой горѣ», «Кроатскіе танцы» сюита Масснэ и «Шехеразада». Въ послѣдней только слѣдовало вторую часть взять нѣсколько помедленнѣе: она бы тогда вышла еще рельефнѣе. Въ симфоніи Мендельсона не все было безупречно: adagio, напр., сначала было нѣсколько ускорено и только со второй половины вступило въ настоящій темпъ. Во всякомъ случаѣ, г. Шостаковскій вполнѣ заслужилъ тѣ апплодисменты, которыми его награждала публика не только въ концѣ пьесы, но и по окончаніи каждой изъ ея частей.

Сем. Кругликовъ.

Музыкальное утро г. Эрарскаго.

Нашъ журналъ прилежно слѣдитъ за симпатичной дѣятельностью *дѣтскаго* оркестра г. Эрарскаго. Мы помнимъ это милое учрежденіе съ самаго его возникновенія. На нашихъ глазахъ оно ростетъ и совершенствуется. Въ началѣ смычковыхъ инструментовъ совсѣмъ въ оркестрѣ не было, и на подмогу различнымъ игрушечнымъ дудочкамъ должно было неминуемо являться фортепіано, которому поручалась чуть-ли не самая видная партія. Затѣмъ понемногу вошли въ составъ оркестра двѣ, три скрипочки, віолончель. Разсчитывать на неопытныхъ виртуозовъ, по части смычковъ, конечно, нельзя было сильно; но все-таки дирижеръ нашелъ возможнымъ отдать имъ кое-что изъ того, что до того было исключительнымъ достояніемъ фортепіано. Послѣднее, такимъ путемъ, отступило нѣсколько въ тѣнь, съ амплуа премьера—на амплуа второстепенныхъ ролей. Въ настоящее время піанисту въ оркестрѣ г. Эрарскаго почти нечего дѣлать.

Дѣйствительно, у г. Эрарскаго теперь полный комплектъ смычковаго квартета; скрипокъ уже нѣсколько, имѣются и альты, къ віолончелямъ прибавился контрабасъ. И это сообщество окончательно обездолило фортепіано; ему уже почти не выпадаетъ на долю играть цѣлыми тактами широкіе аккорды, какъ то бывало прежде, а оставлено лишь право выступать иногда двумя-тремя нотками котораго-нибудь изъ своихъ исключительныхъ регистровъ (самаго верхняго по преимуществу). Уже это одно придало болѣе самостоятельную, болѣе *оркестровую* физіономію всему ретивому собранію рыцарей *мелодисты, дудофона* и тому подобныхъ хитрыхъ музыкальныхъ орудій,—результатовъ неустанныхъ придумываній г. Эрарскаго въ области усовершенствованія прежнихъ музыкальныхъ игрушекъ и изобрѣтенія, въ томъ же направленіи, новыхъ.

Словомъ, оркестръ похорошѣлъ. Мы его съ прошлой зимы не узнали, когда услышали 31 минувшаго декабря: до того округлѣлъ и пополнѣлъ тонъ оркестра, до того получился несомнѣнный выигрышъ въ разнообразіи звучностей его составныхъ частей, до того выработался въ немъ стройный, увѣренный ансамбль.

Прежде чѣмъ перейти къ программѣ описываемаго «утра», отмѣтимъ его цѣль: оно состоялось въ пользу голодающихъ и собрало единственно своими средствами, безъ помощи участія артистовъ съ видными именами,—около 300 рублей. Конечно, сборъ могъ быть еще значительнѣе, если бы московское общество отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ концерту «дѣтскаго» оркестра и родители были болѣе разборчивы въ доставленіи дѣтямъ святочныхъ удовольствій.

Еще одно замѣчаніе. Въ этомъ сезонѣ г. Эрарскій заручился участіемъ и хора: къ его услугамъ дѣтскіе голоса одной изъ лучшихъ московскихъ капеллъ. Это явилось ему какъ бы въ награду за то, что многихъ дѣтей этой капеллы онъ допускаетъ безплатно въ свой оркестръ и тѣмъ шутя развиваетъ ихъ музыкальность, пріучая ихъ къ чтенію нотъ, счету и умѣнію слушать другъ друга. Все это очень важно: играя и забавляясь, юные члены оркестра, сами того не сознавая, оказываются въ концѣ концовъ отлично подготовленными для серьезнаго музыкальнаго образованія, которое, быть можетъ, и ожидаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ программу «утра» вошли семь номеровъ: граціозная и характерная «Норвежская рыбачья пѣсня» Клейнмихеля, извѣстная мазурка Шопена (ор. 17, № 1), двѣ пьески Шумана изъ его ор. 34—Unterm Fenster» и «Familien-Gemälde», полонезъ Шуберта, «Кукушка» г. Эрарскаго—талантливая, со вкусомъ написанная вещица для хора и оркестра, и одна изъ вдохновеннѣйшихъ «Музыкальныхъ картинокъ» г. Кюи—«Христосъ воскресъ», которую г. Эрарскій тоже положилъ для дѣтскаго хора и дѣтскаго оркестра и сдѣлалъ это отлично въ пол-

номъ смыслѣ слова. Хоръ, занятый въ двухъ послѣднихъ номерахъ, въ остальныхъ пяти не участвовалъ, предоставивъ тамъ дѣйствовать одному оркестру, на который такъ искусно г. Эрарскій умѣетъ перекладывать эти первоначально на фортепіано разсчитанныя небольшія сочиненія.

Все прошло прекрасно, и нравственный успѣхъ концерта—полнѣйшій: всю программу бисировали.

Пусть такой исходъ придастъ г. Эрарскому энергіи вести свое полезное дѣло такъ-же безупречно, какъ онъ его велъ до сихъ поръ.

Сем. Кругликовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

«Лѣтнія грезы», В. Крылова». Перчатка» Бьёрнсена-Бьёрнстона. Итоги перваго полугодія.

Первымъ январскимъ бенефисомъ былъ бенефисъ г. Сазонова. Г. Сазоновъ, по искони заведенному имъ обычаю, поставилъ пьесу Виктора Крылова. Почтенный артистъ поставилъ въ цѣломъ рядѣ бенефисовъ цѣлый рядъ пьесъ почтеннаго драматурга. Трудно сказать: кто кому болѣе обязанъ: г. Крыловъ г-ну Сазонову, или г. Сазоновъ г. Крылову. Должно быть, оба равномѣрно обязаны другъ другу. Въ этомъ году г. Крыловъ написалъ комедію «Лѣтнія грезы». Насколько ясенъ и простъ его замыселъ въ «Отравѣ жизни» («Аргунинъ» тожь), настолько спутаны, неясны и смутны эти «Грезы». Ни одинъ петербургскій рецензентъ не рѣшился передать въ связномъ разсказѣ ихъ сюжетъ. Я тоже отказываюсь это сдѣлать—по рѣшительной невозможности что бы то ни было сообразить и понять. Могу только, положа руку на сердце, засвидѣтельствовать одинъ фактъ, что никогда ни одинъ драматургъ въ мірѣ не начиналъ пьесу съ такого поражающаго эффекта. Г. Крыловъ озадачиваетъ зрителя сразу: ло поднятія занавѣса, вдругъ воцаряется въ театрѣ мракъ. Страшный ударъ грома—раскатъ во всѣ барабаны Александринскаго театра, затѣмъ уже занавѣсъ подымается... Успѣхъ пьесы былъ обезпеченъ до ея начала. Все остальное было пустяки.

Серьезно говоря, трудно отыскать другую пьесу г. Крылова болѣе слабую, безсодержательную, и въ то же время, пьесу лучше сыгранную, чѣмъ «Лѣтнія грезы». Наши артисты просто себя превосходятъ въ такихъ вещахъ. Достаточно сказать, что пьеса исполняется г-жами Жулевой, Савиной, Ильинской и г-дами Варламовымъ, Давыдовымъ, Сазоновымъ, Аполлонскимъ и др. Смѣхъ въ «Грезахъ», весьма невысокой пробы: г. Давыдовъ три раза пытается пройти съ открытымъ зонтикомъ въ двери и застрѣваетъ,—публика хохочетъ; г. Сазоновъ говоритъ вѣдь вы «астрономъ, тьфу—то бишь, агрономъ»,—публика хохочетъ, и вызываетъ всѣхъ, въ томъ числѣ и автора, съ перваго акта.

Если мы «Отраву жизни» обозначимъ х, а «Лѣтнія грезы»—у, то пропорція достоинства пьесъ выразится алгебраически такъ,—х : у=100 : 1. Если-же мы будемъ говорить о пропорціи успѣха пьесъ въ публикѣ, то получится, какъ разъ обратное,—х : у=1 : 100. Вотъ до чего, такъ сказать, развратили нашу публику. То, что я писалъ въ концѣ прошлаго года о зрителяхъ, пріѣзжающихъ въ театръ для пищеваренія, какъ нельзя лучше подтверждается успѣхомъ среди публики «Лѣтнихъ грезъ».

Главной приманкой бенефиса г. Сазонова была, конечно, не комедія г. Крылова, а комедія другого «сѣвернаго» автора—Бьёрисена-Бьёрнстона «Перчатка», усердно рекомендованная самимъ графомъ Л. Н. Толстымъ вниманію россійской публики. Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ въ большой модѣ Бьёрнсенъ и Ибсенъ. «Перчатка» возбудила массу толковъ. Судя по газетамъ, норвежцы придали этой постановкѣ не меньшее значеніе, чѣмъ постановкѣ «Гернани» въ Москвѣ придали французы. Только ордена г-жѣ Савиной не поднесли, а, по серьезному увѣренію одной газеты, у нея у самой выпросили перчатку, которою она швыряетъ въ г. Далматова, и въ великолѣпной оправѣ отправили г. Бьёрнсену.

Но оставивъ въ сторонѣ раздуваніе «Перчатки» со стороны-ли норвежцевъ или кого другого, тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить нѣкоторый, такъ сказать, оригинальный ароматъ этой пьесы. Ароматъ этотъ похожъ на ароматъ «элеопата» съ чудеснымъ запахомъ горныхъ норвежскихъ травъ. Едва-ли какой-нибудь русскій писатель подошелъ такъ прямо и откровенно къ постановкѣ вопроса ребромъ: долженъ-ли сохранять мужчина дѣвственность до брака или нѣтъ? Бьёрнсенъ говоритъ объ этомъ достаточно смѣло и наивно.

Разрѣшеніе такого рискованнаго вопроса онъ предоставилъ героинѣ—чистой молодой дѣвуш-

кѣ—Свавѣ. Свава выросла подъ руководствомъ прекрасной женщины—ея матери. У нея женихъ—представитель одной изъ лучшихъ норвежскихъ фамилій—Альфъ Кристензенъ. Отецъ ея, г-нъ Рисъ, хотя человѣкъ и легкомысленный, но все-таки недурной. Словомъ—все идетъ превосходно. Но вдругъ Свава узнаетъ, что Альфъ не дѣвственникъ, какъ она предполагала, что у него были въ прошломъ интриги. Узнаетъ она, что и ея отецъ не безпорочнъ. Ея чистая натура возмущается, и она, швыряя жениху въ лицо перчатку, говоритъ, что не можетъ любить человѣка, обнимавшаго сотни другихъ женщинъ.

Такова канва комедіи. Написана она превосходными діалогами (впрочемъ, довольно посредственно переведенными),—но въ разработкѣ деталей грѣшитъ много и во многомъ.

Свава—дѣвушка не первой молодости. Она путешествовала, она читаетъ романы, она, наконецъ, основала дѣтскіе пріюты. Она сама разсказываетъ, что къ ней въ пріютъ часто приходили матери, которыя гораздо болѣе нуждались въ помощи, чѣмъ дѣти. Онѣ разсказывали ей о томъ, что привело ихъ къ несчастному положенію. *И она узнала ту пучину грязи, черезъ которую онѣ проходятъ.*

И вотъ она,—пользующаяся полной свободой, гуляющая одна по лѣсамъ, купающаяся одна въ морѣ, она вдругъ рѣшаетъ, что ея Альфъ непремѣнно долженъ быть не то, что всѣ остальные мужчины, и что она возьметъ его такимъ непорочнымъ и цѣломудреннымъ, какъ она сама. Она особенно это подчеркиваетъ. Когда ея отецъ спрашиваетъ, что она подразумѣваетъ подъ словомъ «чистота», Свава отвѣчаетъ:

— То именно, что подъ нимъ, я надѣюсь, разумѣютъ, когда его употребляютъ, говоря обо мнѣ.

Далѣе она говоритъ, что она должна «знать о томъ, что человѣкъ, съ которымъ она ведетъ сношенія—противное животное или человѣкъ».

Когда она узнаетъ, что Альфъ былъ некогда въ связи съ молоденькой дѣвушкой Маріей Тангъ, жившей въ ихъ домѣ, это ее сразу отталкиваетъ отъ Альфа. Она ему говоритъ «не трогай меня!»—и съ ней дѣлается истерическій припадокъ.

Весь романъ Альфа съ Маріей Тангъ заключался въ томъ, что онъ сошелся съ нею, когда она жила у его матери компаньонкой. Отецъ Альфа, узнавъ про его связь, услалъ его тотчасъ же за границу, а Марію выдалъ за купеческаго приказчика Карла Гофа. Когда Альфъ вернулся изъ-за границы, связь между ними возобновилась. Затѣмъ бѣдная женщина умерла отъ чахотки. Гофъ, послѣ смерти жены, нашелъ ея любовную переписку, и изъ мести Альфу показалъ ее Свавѣ. Такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ импульсовъ разрыва является случайность. Не умри Марія, не сохрани она писемъ, не найди ихъ мужъ,—все было бы хорошо и благополучно. Но авторъ во что бы то ни стало хочетъ разстроить свадьбу—и это ему удается.

Когда отецъ говоритъ ей, что «женщина, имѣющая хорошее вліяніе на мужа, очищаетъ его жизнь»,—Свава спрашиваетъ: «Мыломъ?» и поясняетъ свою мысль такъ:

— Супружество—большая прачешная для мужчинъ, а мы, дѣвушки,—прачки, каждая у своего корыта со своимъ кускомъ мыла.

Сентенціи Свавы—слѣдствіе ея воспитанія. Ея мать мститъ при помощи своей дочери всѣмъ мужчинамъ. Ея мужъ обманывалъ ее всю жизнь, и она этого не можетъ простить. Она говоритъ, что «будь ея мужъ самымъ достойнѣйшимъ человѣкомъ, но если онъ невѣренъ,—то женѣ не будетъ отъ него никакой радости». Словомъ, она отъ мужа, кромѣ вѣрности, ровно ничего не требуетъ. Мать Альфа, г-жа Кристензенъ, совершенно противоположнаго мнѣнія. «Онъ можетъ согрѣшить, но въ другихъ отношеніяхъ онъ долженъ быть настоящей жемчужиной!»—говоритъ она про своего мужа.

Но Свава идетъ дальше матери. Мать всю жизнь подчинялась судьбѣ. Свава говоритъ: «я думаю, что единственное, что намъ остается—это дѣлать то же самое. Тогда намъ не на что будетъ жаловаться».

Такое заключеніе «чистой дѣвушки» производитъ странное впечатлѣніе на зрителя и читателя. Она спрашиваетъ у матери: «Почему ты не ушла тотчасъ же въ первый день?... Первый день долженъ быть самымъ ужаснымъ...»

Сама Свава уходитъ ранѣе перваго дня—уходитъ отъ жениха еще до свадьбы, швыряетъ ему въ лицо перчатку—позорную перчатку отъ лица всѣхъ женщинъ.

Этимъ кончается пьеса. Въ редакціи «Перчатки» 1883 года былъ четвертый актъ. Но такъ какъ авторъ его вычеркнулъ, то нѣтъ надобности говорить объ этой второй редакціи. Но въ томъ видѣ, какъ пьеса идетъ на Александринской сценѣ, многое остается невыясненнымъ. Свава все время говоритъ о *внѣшней* чистотѣ, она говоритъ что «онъ» *обнималъ* сотни женщинъ,—но ее, повидимому, очень мало безпокоитъ искренняя привязанность Альфа къ Маріи. Если-бы она говорила о томъ, что первое свѣжее юношеское чувство Альфа принадлежало другой женщинѣ, и онъ уже не полюбитъ во второй разъ съ тою же искренностью,—съ этимъ еще можно было бы согласиться. Но она объ этомъ ни слова. Она спрашиваетъ у жениха: а что бы онъ сказалъ, если бы и у нея въ прошломъ было-бы то же, что

и у него? Онъ на это шутливо отвѣчаетъ, что она тогда была бы другою женщиной.—Ну вотъ и ты теперь другой!—говоритъ она,—хотя онъ всегда былъ самимъ собою—Альфомъ, и не его вина, что она возвела его на пьедесталъ.

Если слѣдовать теоріи Свавы, то, конечно, нельзя жениться на вдовахъ, и вдовамъ выходить замужъ. А между тѣмъ, мало-мальски порядочный человѣкъ, полюбившій женщину, очень мало обращаетъ вниманіе на ея прошлое и думаетъ только о настоящемъ и будущемъ. Почему, если бы Альфъ былъ женатъ на Маріи и овдовѣлъ—почему онъ тогда былъ бы чище въ ея глазахъ? А ничего другого, никакого увлеченія въ прошломъ, кромѣ романа съ Маріей, мы не знаемъ.

Что графъ Л. Н. Толстой рекомендовалъ пьесу,—тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вопросъ о чистотѣ мужчины до брака его самого интересовалъ много разъ. Но, Боже мой, какая разница между романомъ Свавы и Альфа и романомъ хотя бы Кити и Левина!

Левинъ рѣшается сказать Кити двѣ вещи: во первыхъ, что онъ не такъ чистъ, какъ она, а во вторыхъ—что онъ невѣрующій. Его мучаетъ это, и онъ считаетъ долгомъ честнаго человѣка сказать обо всемъ Кити до брака. Но онъ знаетъ, что оскорбитъ дѣвушку, какъ бы деликатно не велся имъ разговоръ, оскорбитъ ея цѣломудріе, когда коснется того, о чемъ нельзя говорить съ дѣвушкой, не оскорбивъ ее. Онъ совѣтуется съ ея отцомъ, старымъ княземъ, и передаетъ ей свой дневникъ.

Признаніе въ невѣріи прошло для Кити незамѣченнымъ. Другое же признаніе заставило ее горько плакать. Она не стала, какъ норвежская дѣвица, говорить о мылѣ: она повторяла только: «это ужасно, ужасно!»—и... простила. «И онъ съ тѣхъ поръ,—говоритъ авторъ,—еще болѣе считалъ себя недостойнымъ ея, еще ниже нравственно склонялся передъ нею и еще выше цѣнилъ свое незаслуженное счастье».

Когда онъ въ день свадьбы пріѣхалъ къ ней, опять сталъ говорить, что онъ ее не стоитъ,—спрашивалъ, за что она любитъ его, она отвѣтила, что «любитъ его за то, что она понимаетъ его всего, за то, что она знаетъ, что онъ долженъ любить, и что все, что онъ любитъ,—все хорошо».

Какъ просто и ясно міросозерцаніе этой московской барышни, четверть вѣка назадъ говорившей гораздо лучше и проще, чѣмъ теперь говорятъ ѣздившія въ Америку умныя шведки.

Надо-ли вспоминать «Крейцерову сонату», и исторію паденія князя Неклюдова, принадлежащія перу великаго писателя земли русской. Паденіе мужчины обставлено совершенно иначе, чѣмъ паденіе женщины. Первое одобряется, второе подлежитъ порицанію. «Я вѣдь ни отъ кого изъ старшихъ не слыхалъ,—говоритъ Позднышевъ,—чтобы то, что я дѣлалъ—было дурно».—А, между тѣмъ, онъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ, осквернивъ себя самого и содѣйствовавъ осквернію женщины,—послѣ того вдругъ захотѣлъ плакать,—плакать о погибели своей невинности, о навѣки погубленномъ отношеніи къ женщинѣ.

Конечно, разница между Свавой и Позднышевымъ огромная,—цѣлая бездна. Позднышевъ—глубокій философъ, подчасъ впадающій въ метафизику. Свава—слишкомъ самомнящая о себѣ и о своей чистотѣ дѣвушка. Свава предполагаетъ возможность идеальнаго брака. Позднышевъ отрицаетъ въ принципѣ всякую возможность счастья въ бракѣ.—«Если допустить даже,—говоритъ онъ, что мужчина «предпочелъ бы извѣстную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, предпочтетъ другого».—На возраженіе, что можетъ быть и взаимное чувство, онъ говоритъ:—«Нѣтъ-съ, не можетъ быть, также, какъ не можетъ быть, чтобъ на возу двѣ замѣченныя горошины легли бы рядомъ. Да, кромѣ того, тутъ не вѣроятность одна,—тутъ навѣрное пресыщеніе. Любить всю жизнь одну или одного—это все равно, что сказать, что одна свѣчка будетъ горѣть всю жизнь».

Тутъ Позднышевъ именно говоритъ о плотской любви, считая что «единство идеаловъ» не совмѣщается съ пребываніемъ въ одной спальной. Между тѣмъ, идеалъ Свавы—именно подобное совмѣщеніе.—Когда говоритъ Позднышевъ, вы чувствуете рѣчь человѣка, пронесшаго черезъ жизнь горькій опытъ. Когда говоритъ Свава,—передъ вами какое то недомысліе дѣвушки, слишкомъ поглощенной созерцаніемъ собственныхъ достоинствъ. Свава мало возбуждаетъ симпатій въ зрителѣ: каждый изъ нихъ готовъ въ ней видѣть невозможное существо въ будущемъ,—и, вѣроятно, плохую хозяйку и мать—вѣчно занятую анализомъ «чистоты» отношеній между ней и мужемъ. Но нельзя отрицать, что среди зрительницъ немало найдется «непонятыхъ натуръ», которыя будутъ искренно сочувствовать норвежской дѣвицѣ.

Выше было сказано, что отъ всей пьесы вѣетъ свѣжестью сѣверной природы. Но это касается чисто внѣшней ея формы. Съ внутренней стороны она такъ напоминаетъ доброе старое время, отжившія пьесы съ нравственной тенденціей, которыми питались наши отцы и матери. Можетъ быть, въ Швеціи и Норвегіи это необычайно ново, но,—право, у насъ давнымъ давно, гораздо талантливѣе и лучше былъ затронутъ этотъ вопросъ въ литературѣ. Дѣло только въ томъ, что на сценѣ у насъ такъ откровенно не подходили къ такимъ щекотливымъ сторонамъ жизни. Съ этой стороны,

пальма первенства принадлежитъ всецѣло Бьёрнсену.

Что касается исполненія «Перчатки» на сценѣ Александринскаго театра, то его далеко нельзя назвать образцовымъ. Пьеса была поставлена, между прочимъ, гораздо менѣе тщательно, чѣмъ «Рабочая слободка». Г-жа Савина, игравшая роль Свавы, нашла въ себѣ еще довольно молодости, чтобы создать чистую, благоуханную фигуру сѣверной дѣвушки. Первый ея выходъ—маленькій сценическій chex-d'oeuvre. Нельзя того же сказать о воплощеніи внутренняго характера роли. Точно артисткѣ неловко было говорить сентенціи Свавы—искренности въ ней было мало. Сава можетъ быть симпатична только тогда, когда беззавѣтно искренна. Тѣмъ не менѣе, объясненіе съ родителями, у рояля, превосходно.

Роль Альфа едва-ли изъ удачныхъ ролей г. Далматова. Артистъ преднамѣренно подчеркнулъ пошлость героя Бьёрнсена, —что совершенно лишнее. И въ этой роли искренность должна стоять на первомъ планѣ. Если Альфъ хотя отчасти можетъ быть несимпатиченъ—всѣ замыслы автора сводятся къ нулю. Фатовской тонъ и бѣлокурый паричекъ только портили дѣло. Твердость тона, убѣжденность и искренность—conditio sine qua non при исполненіи Альфа.

Еще менѣе удалась г. Сазонову роль Риса—отца Свавы. Вышло нѣчто водевильное—опять-таки безъ всякаго сознанія собственнаго достоинства, тогда какъ у Риса этого достоинства столько, хоть отбавляй. — Въ роли его жены была очень хороша г-жа Дюжикова, хотя, быть можетъ, слишкомъ рѣзко подчеркнула вѣчное напускное страданіе женщины, которая въ сущности не можетъ себя считать несчастной, обладая прелестной дочерью, и хотя легкомысленнымъ, но едва-ли дурнымъ мужемъ.

Отца Альфа игралъ г. Ленскій, и былъ-бы очень недуренъ, если бы не повторилъ въ значительной мѣрѣ типъ Прокофія Калгуева изъ «Новаго дѣла». Жену его играла очень энергично г-жа Абаринова.

Г.

«Эсклармонда» Масснэ.—Г-жа Сибиль Сандерсонъ и г. Крушевскій.—Возвращеніе г. Направника къ дѣятельности.—Итальянская опера.—Консерваторскій оперный спектакль.—Концертъ А. Г. Рубинштейна.—Симфоническія собранія.—Квартетныя собранія.—Пятое собраніе Общества Камерной Музыки.

Полный титулъ произведенія, только что поставленнаго на сценѣ Маріинскаго театра, таковъ: «Эсклармонда», *романическая* (romanesque) опера въ четырехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ, съ прологомъ и эпилогомъ; либретто Альфреда Бло и Лудовика де-Грамонъ; музыка Ж. Масснэ. Разобраться въ запутанномъ сюжетѣ очень важно: говоримъ о немъ подробно. — При поднятіи перваго занавѣса императоръ Византіи Форкасъ объявляетъ сановникамъ, воинамъ и народу, что онъ мечталъ раздѣлить свою жизнь между царствованіемъ и магіей; но такъ какъ то существо, которое подчиняетъ демоновъ своей волѣ, само должно повиноваться непреклонному закону, то онъ, Форкасъ, принужденъ удалиться отъ свѣта, покинуть власть и передать тронъ своей дочери Эсклармондѣ. Онъ сожалѣетъ, что прежде чѣмъ исчезнуть, не можетъ дать ей мужа, а своему царству властелина. Но онъ научилъ свою дочь повелѣвать духами и сохраненіе этой власти зависитъ отъ соблюденія условія — до двадцати лѣтъ скрывать свое лицо отъ взоровъ мужчинъ, постоянно нося длинныя покрывала. Въ назначенный день въ Византіи состоится турниръ, въ которомъ приметъ участіе цвѣтъ рыцарства; побѣдитель получитъ въ награду руку Эсклармонды. Изложивъ такимъ образомъ свою волю, Форкасъ приказываетъ открыть двери святилища. Взорамъ представляется Эсклармонда, въ облакахъ фиміама, съ короной на головѣ, съ которой ниспадаютъ покрывала; около нея сестра Парсеида и приближенныя женщины. При видѣ царицы, всѣ выражаютъ восторгъ, а Форкасъ слагаетъ съ себя знаки своего достоинства, которыя подносятся Эсклармондѣ. Въ это время отецъ говоритъ своей младшей дочери, что она одна будетъ знать мѣсто его уединенія и что онъ оставляетъ ее блюсти за сестрой; затѣмъ онъ проситъ Эсклармонду еще разъ, передъ разставаньемъ, показать ему свою дивную красоту. Эсклармонда нисходитъ со ступеней, приближается къ отцу, молча приподнимаетъ вуаль и молча ее опускаетъ, послѣ чего она возвращается въ святилище среди распростертаго народа.

Таковъ прологъ.—Въ началѣ перваго дѣйствія, Эсклармонда предается чувствамъ снѣдающей ее тоски по храбромъ рыцарѣ графѣ Роландѣ Блуа, котораго она видѣла, когда онъ проѣзжалъ черезъ Византію, и образъ котораго неизгладимо запечатлѣлся въ ея душѣ. Парсеида совѣтуетъ ей воспользоваться своей властью надъ духами для устройства своего счастья, но Эсклармонда не обращаетъ вниманія на эти совѣты, пока возвратившійся изъ дальнихъ странствованій Эней, женихъ Парсеиды, не приноситъ извѣстія, что, побѣдившій и его въ единоборствѣ, Роландъ женится, вѣроятно, на дочери французскаго короля Клеомэра. Мысль, что она навсегда можетъ потерять Роланда, заставляетъ Эсклармонду рѣшиться привлечь его къ себѣ немедленно; подъ покровомъ ночи, не снимая покрывала, она отдастся ему, очаровавъ его страстью. Эсклармонда творитъ заклинаніе, и духи, повинуясь ея приказаніямъ, увлекаютъ Роланда, охотящагося въ Арденскомъ лѣсу съ королемъ Клеомэромъ, къ берегу моря, гдѣ его ожидаетъ ладья, уносящая его къ волшебному острову; туда спѣшитъ и Эсклармонда на гриффонахъ, обѣщая сестрѣ съ разсвѣтомъ вернуться обратно.

На волшебномъ островѣ Эсклармонда даритъ своею любовью Роланда, взявъ съ него обѣщаніе не допытываться, кто она и хранить тайну ихъ союза. При первыхъ лучахъ наступающаго дня Эсклармонда, готовясь къ разставанію, напоминаетъ Роланду, что народъ ожидаетъ его помощи, такъ какъ вождь Сарациновъ Сарвегуръ держитъ въ осадѣ короля Клеомэра въ городѣ Блуа. Посылая Роланда выручить своихъ, Эсклармонда даетъ ему обѣщаніе быть каждую ночь около него, гдѣ бы онъ ни находился, и вручаетъ ему мечъ св. Георгія, дарующій побѣду тому, кто его имѣетъ въ рукахъ, только до тѣхъ поръ, пока рыцарь вѣренъ данной имъ клятвѣ; въ рукахъ клятвопреступника мечъ ломается.

Въ городѣ Блуа царитъ полное отчаяніе, такъ какъ Сарвегуръ требуетъ дань въ размѣрѣ ста дѣвушекъ; только при этомъ условіи онъ освободитъ городъ. Не имѣющій болѣе средствъ защищаться, Клеомэръ уже готовъ выразить согласіе на это унизительное требованіе. Но является Роландъ, вызываетъ Сарвегура на единоборство, ободряетъ войско и народъ и идетъ на бой, скоро обращающійся въ побѣду. Народъ привѣтствуетъ криками восторга Роланда, а благодарный король предлагаетъ ему, какъ высшую награду, руку своей единственной дочери Батильды. Роландъ въ смущеніи отклоняетъ эту честь, и, связанный клятвой, отказывается объяснить причину. Король, не считая себя въ правѣ мстить человѣку, котораго народъ чтитъ, какъ своего спасителя, прощаетъ оскорбленіе. Народные клики въ честь Роланда смолкли. Онъ одинъ въ королевскомъ дворцѣ и всецѣло отдается мечтамъ о своей любимой Эсклармондѣ и ожиданію ея къ себѣ. Мечты его прерываетъ епископъ, являющійся съ цѣлью узнать тайну Роланда. Сначала епископъ его уговариваетъ, но, видя, что Роландъ не поддается, требуетъ, чтобы онъ покаялся въ своихъ грѣхахъ, грозя ему въ противномъ случаѣ, лишеніемъ искупленія. Тогда Роландъ открываетъ епископу на исповѣди свою тайну, не скрывая отъ него, что и эту ночь онъ ждетъ Эсклармонду къ себѣ сюда, во дворецъ. Епископъ въ ужасѣ отъ этихъ любовныхъ чаръ, отказываетъ Роланду въ отпущеніи грѣховъ и велитъ ему молиться, намѣреваясь въ то же время озаботиться о его спасеніи. Роландъ, какъ ошеломленный, падаетъ на колѣни. Но не успѣлъ епископъ удалиться, какъ раздается кличъ Эсклармонды, возвѣщающій о ея приближеніи. Роландъ въ упоеніи; но содрогается при мысли, что онъ преступилъ данное имъ слово; онъ утѣшается, однако, тѣмъ, что не измѣнилъ клятвѣ, такъ какъ повѣдалъ тайну не людямъ, а Богу... Появляется Эсклармонда; Роландъ бросается къ ней навстрѣчу и страстно заключаетъ ее въ свои объятія.

Въ эту минуту дверь распахивается; входитъ епископъ, окруженный монахами, палачами и факельщиками, и именемъ Бога начинаетъ изгонять демона, котораго онъ видитъ въ лицѣ Эсклармонды. Во время заклинанія епископъ срываетъ съ нея покрывало. Эсклармонда вскрикиваетъ и тщетно старается закрыть свое лицо руками. При видѣ ея красы, Роландъ еще больше плѣняется ею. Но она осыпаетъ его упреками за измѣну и предательство, говоря ему, что онъ видитъ ее въ послѣдній разъ. Епископъ приказываетъ палачамъ схватить ее, но духи огня окружаютъ ее. Роландъ хватается за мечъ, чтобы защитить ее, но мечъ ломается на воздухѣ. Эсклармонда видитъ доказательство клятвопреступленія и проклинаетъ Роланда. Духи уносятъ ее отъ заклинающихъ монаховъ.

Встревоженная тѣмъ, что Эсклармонда не вернулась утромъ въ Византію, Парсеида рѣшается разыскать отца, чтобы спросить у него совѣта и помощи. Вѣрный Эней сопровождаетъ ее въ глубь Арденскихъ лѣсовъ, гдѣ въ пещерѣ проживаетъ старикъ Форкасъ. Услыхавъ о самовольномъ поступкѣ Эсклармонды, послѣдній приходитъ въ сильный гнѣвъ и рѣшается наказать непокорную дочь, несмотря на всѣ просьбы Парсеиды и ея жениха. По повелѣнію Форкаса, духи доставляютъ Эсклармонду къ отцу, къ ногамъ котораго она бросается, моля о прощеніи. Но вина ея слишкомъ велика: она посмѣла сама выбрать себѣ

мужа и показаться ему. Духи, а съ ними и Форкасъ, объявляютъ ей, что за ея преступленіе она утрачиваетъ престолъ и власть; любовника же ея, за клятвопреступленіе, должна постигнуть смерть отъ руки Форкаса, если Эсклармонда не откажется навсегда отъ Роланда. Полная отчаянія, она, чтобы спасти ему жизнь, соглашается на послѣднее условіе, рѣшаясь затѣмъ умереть. Является Роландъ, полный любви и страсти; опьяненная свиданіемъ Эсклармонда сначала забываетъ о жертвѣ, которую она должна принести; но громовые удары и духи напоминаютъ ей обо всемъ: она дѣлаетъ надъ собой отчаянное усиліе, говоритъ Роланду, что его болѣе не любитъ, и исчезаетъ вмѣстѣ съ Форкасомъ. Роландъ падаетъ безъ чувствъ. Придя въ себя, онъ слышитъ звуки трубы герольда, призывающаго рыцарей на турниръ въ Византію. Въ надеждѣ найти тамъ смерть, Роландъ спѣшитъ на зовъ.

Турниръ состоялся. Форкасъ на тронѣ объявляетъ сановникамъ, воинамъ и народу, что время настало, и велитъ открыть двери святилища; тамъ подъ покрываломъ стоитъ Эсклармонда, въ облакѣ фиміама, съ короной на головѣ. Форкасъ приказываетъ привести побѣдителя, который входитъ въ латахъ, съ опущеннымъ забраломъ, и отказывается назвать свое имя и получить въ награду руку Эсклармонды, такъ какъ сердцемъ его владѣетъ другая, которой болѣе нѣтъ. Форкасъ приказываетъ дочери снять покрывало и удивленнымъ взорамъ Роланда является предметъ его любви. Очарованный, онъ кидается въ объятія, и все кончается благополучно.

Вотъ содержаніе оперы. Чего тутъ только нѣтъ? Византія съ храмомъ; въ его святилищѣ стоитъ женщина, которой воздаютъ божескія почести; но это ей нисколько не мѣшаетъ заниматься магіей и, царствуя днемъ, по ночамъ отправляться на свиданіе къ своему возлюбленному. Связь съ волшебницей не препятствуетъ послѣднему оставаться добрымъ христіаниномъ, послушнымъ сыномъ церкви, приносящимъ покаяніе по первому приглашенію епископа. Еще болѣе удивителенъ мечъ св. Георгія, который герой получаетъ изъ рукъ повелительницы духовъ и который ломается послѣ того, какъ Роландъ на исповѣди открылъ свою тайну. Но я утомилъ бы читателей, если бы сталъ перечислять всѣ нелѣпицы, нагроможденныя авторами «поэмы», какъ названо либретто во французскомъ изданіи. Остановлюсь только на смѣшеніи язычества съ христіанствомъ, которое проведено черезъ всю оперу, причемъ побѣда остается за язычествомъ, такъ какъ, несмотря на самое сильное заклинаніе, которымъ только обладаетъ церковь, Эсклармонда уносится духами огня, а Роландъ, въ концѣ концовъ, соединяется съ нею брачными узами. Мнѣ кажется, что въ этомъ смѣшеніи, до извѣстной степени, конечно, отражается господствующій во Франціи духъ времени, породившій разныхъ «декадентовъ» и другихъ представителей fin du siècle. Но если такое смѣшеніе понятій и вѣрованій можетъ во Франціи проходить незамѣтнымъ, то у насъ оно производитъ отталкивающее впечатлѣніе, несмотря на всѣ смягченія, сдѣланныя дирекціей какъ въ переводномъ текстѣ, такъ и въ постановкѣ.

Относительно послѣдней слѣдуетъ сказать, что она такъ же роскошна, какъ всегда. Впечатлѣнія, получаемыя, напримѣръ, при открытіи занавѣса, не скоро забываются. Занавѣсъ поднимается при совершенно темномъ театрѣ, такъ какъ тушатся всѣ электрическія лампочки зрительной залы и рампы. Когда это безчисленное количество огней вспыхиваетъ снова, передъ глазами зрителя является огромная базилика, съ иконостасомъ и золотыми царскими вратами; вся базилика переполнена придворными, воинами и т. д. въ самыхъ роскошныхъ и блестящихъ одѣяніяхъ, собравшимися выслушать рѣшеніе Форкаса. Удивительно хороша также картина очарованнаго острова, куда Эсклармонда привлекла Роланда. Группы деревьевъ, цвѣтовъ, ступени какой-то фантастической постройки,— все это тонетъ въ мягкомъ свѣтѣ невидимой луны, отражающейся въ морѣ. Въ моментъ наивысшаго экстаза, на любовниковъ начинаютъ сыпаться розы, закрывая мало-по малу счастливую чету отъ нескромныхъ взоровъ. Когда цвѣты раскрываются, видна фантастическая комната съ чуднымъ видомъ на окрестныя горы и долы, которыя скоро золотятся багрянцемъ занимающейся зари. Прекрасна декорація подъ сводами въ Бэуа, съ видомъ на полуразрушенныя стѣны и горящіе обломки. Очень хороша также терраса съ видомъ на Босфоръ, на которой Эсклармонда творитъ свои заклинанія.

Всего слабѣе рядъ послѣдовательныхъ картинъ, изображающихъ сначала охоту Роланда, а затѣмъ путь его къ волшебному острову, сперва на превратившемся въ коня оленѣ съ золотыми рогами, а потомъ на ладьѣ, везомой лебедемъ. Дѣти, позирующія для соблюденія перспективы въ живыхъ картинахъ, чередуются съ нарисованными (отчасти весьма плохо) изображеніями, что вредитъ цѣльности впечатлѣнія, умаляемаго еще несвоевременнымъ появленіемъ картинъ, несовпадающихъ съ объяснительными словами Эсклармонды и Парсеиды.

Что касается музыки, то она почти сплошь слушается съ удовольствіемъ, несмотря на заимствованія, сдѣланныя авторомъ, а, можетъ

быть, и именно благодаря имъ. А заимствованій не мало. То и дѣло слышатся не только отдѣльныя фразы, но цѣльныя темы, взятыя, главнымъ образомъ, у Вагнера. Масснэ, очевидно, хорошо и подробно знаетъ творенія Байрейтскаго маэстро, чѣмъ врядъ-ли могутъ похвалиться его соотечественники: поэтому онъ имъ и можетъ подносить со спокойной совѣстью то тему изъ «Мейстерзингеровъ» (появленіе Энея), то изъ «Золота Рейна» (гимнъ Эсклармондѣ), а для заклинанія по-просту прибѣгать къ перефразировкѣ крика Валькирій. Ограничусь этими примѣрами, хотя ихъ можно было бы продолжить. Такъ какъ эта опера написана, конечно, главнымъ образомъ для французовъ, то, благодаря такому, довольно своеобразному, пріему, авторъ легко можетъ послужить пропагандистомъ Вагнера въ своемъ отечествѣ. Да не подумаетъ, однако, читатель, что Масснэ заимствуетъ только у Вагнера. О нѣтъ! Онъ не забылъ ни Гуно (безъ этого, впрочемъ, не обходится ни одна французская опера), ни Россини, ни Мейербера. Но все это сдѣлано искусной, умѣлой рукой, оркестровано большею частью красиво и ярко; партіи у всѣхъ пѣвцовъ пѣвучія, благодарныя; мѣстами же Масснэ даетъ и свое, притомъ очень недурное, вкладывая туда, помимо нарядняго изящества, и извѣстное чувство. Укажу дуэтъ Эсклармонды съ Роландомъ на очарованномъ островѣ (читателямъ «Артиста» этотъ съ увлеченіемъ написанный дуэтъ знакомъ — онъ напечатанъ въ № 11), на слѣдующее затѣмъ оркестровое интермеццо, на вторую часть дуэта въ началѣ слѣдующей сцены, на маленькій дуэтъ Парсеиды съ Энеемъ, повторяющійся потомъ въ Арденскомъ лѣсу, и т. д. Хоры не принимаютъ большого участія въ оперѣ, но то, что они поютъ, красиво и звучитъ хорошо.

Первое представленіе Эсклармонды, состоявшееся 6 января, помимо знакомства съ одной изъ послѣднихъ оперъ современнаго французскаго композитора, представляло еще двойной интересъ—услышать новую пѣвицу, парижскую знаменитость, г-жу Сибиль Сандерсонъ, и присутствовать при первомъ дебютѣ новаго капельмейстера, а г-на Крушевскаго.

Г-жа Сандерсонъ, которой посвящена опера и которая создала въ Парижѣ ея заглавную роль, вполнѣ оправдала предшествовавшую ей репутацію: голосъ ея, если и не имѣетъ большой силы, всегда слышенъ ясно и четко, а по своему объему представляетъ явленіе далеко не заурядное, такъ какъ это сопрано безъ затрудненій идетъ до верхняго *sol*. Обработанъ голосъ прекрасно; фразировка музыкальная; интонація вѣрная почти всегда (только на медіумѣ замѣчается иногда склонность къ пониженію). Играетъ артистка очень хорошо, хотя нѣсколько сдержанно; послѣднее, впрочемъ, болѣе чѣмъ умѣстно, въ виду скабрезности сюжета. Если къ этому прибавить красивую и крайне сценическую внѣшность нашей гостьи, то успѣхъ ея сдѣлается вполнѣ понятнымъ.— Распредѣленіе остальныхъ ролей было слѣдующее: Парсеида—г-жа Славина; Роландъ—г. Михайловъ; епископъ—г. Яковлевъ; Форкасъ—г. Фрей; Клеомэръ—г. Корякинъ; Эней — г. Карелинъ. Всѣ они заслуживаютъ похвалы. Но всѣхъ больше выдвинулся г. Крушевскій, подъ руководствомъ котораго опера разучивалась. Дебютъ его оказался не только удачнымъ, но прямо выдающимся. Съ полнымъ спокойствіемъ и знаніемъ г. Крушевскій ведетъ оперу отъ начала до конца. Нѣтъ никакой суетливости; все ясно и толково, а гдѣ нужно, есть и жаръ, и увлеченіе. Всѣ вступленія онъ показываетъ правильно, во-время; пѣвцовъ не заглушаетъ, а даетъ имъ пѣть, не пропуская при этомъ ни одного оттѣнка, ни одного штриха. Струнный квартетъ у него не играетъ, а поетъ, мѣдь не рѣжетъ уха. Взмахъ четкій, видный, немного напоминающій манеру г-на Направника, что, понятно, не составляетъ недостатка. Если послѣдующіе шаги этого молодого капельмейстера будутъ такіе же твердые и хорошіе, то можно отъ души поздравить нашу оперу съ такимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

—

Вторымъ событіемъ въ русской оперѣ было появленіе г-на Направника, который въ первый разъ послѣ болѣзни дирижировалъ 7 января „Пиковой Дамой“. Шумныя овація, повторившіяся снова черезъ день, были вполнѣ заслуженнымъ привѣтствіемъ со стороны публики, показавшей еще разъ, какъ она цѣнитъ даровитаго капельмейстера.

За исключеніемъ постановки „Эсклармонды“, дѣятельность нашей русской оперы продолжаетъ быть болѣе чѣмъ скромной. Три раза шелъ „Отелло“; по одному разу дали „Князя Игоря“, „Джіоконду“ и „Жизнь за Царя“; по два раза были исполнены „Пиковая Дама“, „Евгеній Онѣгинъ“ и „Гугеноты“. Въ этой послѣдней оперѣ дебютировала г-жа Берги, оказавшаяся въ роли королевы еще менѣе „ко двору“, чѣмъ г-жа Домелли. Г-жа Берги имѣетъ довольно хорошо обработанный и довольно высокій голосъ, но такой жидкій и мало пріятный по тембру, что онъ совсѣмъ не годится для большой сцены Маріинскаго театра.

—

„Весь Петербургъ“ собрался 28 декабря на открытіе частной итальянской оперы, которая въ нынѣшнемъ сезонѣ перешла на другую сторону Невы, именуемую „Петербургскою“, и помѣстилась въ ново-выстроенномъ концертномъ залѣ лѣтняго увеселительнаго заведенія

„Акваріумъ“. Этотъ залъ приспособленъ на зиму для театра. Считаю долгомъ описать его внѣшній и отчасти внутренній видъ. Представьте себѣ огромный сарай, въ которомъ можно поставить болѣе 1.100 креселъ и около 500 стульевъ, не считая 28 ложъ. Вообразите себѣ, что въ одной изъ поперечныхъ стѣнъ сдѣлано посрединѣ отверстіе для сцены, занимающее одну треть стѣны; вотъ и все. Залъ окрашенъ сплошь въ бѣлый цвѣтъ и отличается отсутствіемъ почти всякаго убранства. Говорю *почти*, потому что передніе двѣ-три ложи съ нѣкоторой претензіей задрапированы краснымъ бархатомъ поддерживаемымъ золотыми копьями. Кромѣ того, къ украшеніямъ слѣдуетъ причислить оригинальныя боковыя бра, на которыхъ останавливаюсь: къ самой стѣнѣ придѣланъ плашмя бубенъ, прорванный посерединѣ какою-то могучею рукой; неизбѣжное при этомъ маневрѣ порывистое движеніе нисколько, однако, не повредило изящной манжетѣ съ большой запонкой; рука держитъ 4 валторны, въ раструбахъ которыхъ горятъ электрическія лампочки. Въ концѣ залы устроенъ еще балконъ, такъ что всего можетъ помѣститься до 2.000 человѣкъ. Несмотря на такіе размѣры, акустика вполнѣ удовлетворительная. Но, сидя въ заднихъ рядахъ, а въ особенности на балконѣ, необходимо брать съ собой бинокль, приспособленный на болѣе дальнія разстоянія, чѣмъ обыкновенные театральные. Сцена издали производитъ впечатлѣніе théâtre tintamarresque, который былъ когда-то въ модѣ со своими большими головами на маленькихъ туловищахъ. Въ данномъ случаѣ это не играетъ большой роли: поютъ Мазини, Зембрихъ. Чего же еще желать? Для открытія давали „Фаворитку“. Но я попрошу позволенія поговорить объ итальянской оперѣ въ слѣдующій разъ, когда, авось, представится что-нибудь болѣе интересное, а, можетъ быть, и новое, какъ было обѣщано при открытіи подписки.

—

Прежде чѣмъ перейти къ концертамъ, скажу нѣсколько словъ о состоявшемся 12 января въ Александринскомъ театрѣ оперномъ представленіи учащихся въ консерваторіи. Въ этомъ году выборъ палъ на „Тайный бракъ“ („Il matrimonio segreto“) Доменика Чимарозы. Эта опера, написанная ровно сто лѣтъ тому назадъ, пользовалась въ свое время неслыханнымъ успѣхомъ, до сихъ поръ исполняется на сценахъ западной Европы и, по справедливости, считается капитальнымъ произведеніемъ плодовитаго композитора конца XVIII вѣка (умеръ въ 1801 году). Для современнаго театра такія оперы, какъ „Тайный бракъ“, конечно, являются устарѣвшими, со своими архаически-наивными сюжетами, состоящими въ томъ, что дѣйствующія лица втеченіе двухъ часовъ не хотятъ сказать того, что публика видитъ почти съ поднятіемъ занавѣса, со своей подходящей къ такимъ сюжетамъ музыкой, заключенной въ строгія формы арій, скороговорныхъ полуречитативовъ и финаловъ, въ которыхъ всѣ дѣйствующія лица обязательно и поочередно поютъ одно и то же, большею частью весьма длинное. Но съ педагогической точки зрѣнія, постановка такой оперы учениками заслуживаетъ полнаго одобренія, представляя собою много матерьяла, полезнаго для развитія молодыхъ силъ. Музыка написана съ большимъ мастерствомъ въ веденіи голосовъ; всѣ партіи снабжены вокальными трудностями, но не чрезмѣрными, а веселенькое содержаніе, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ молодымъ исполнителямъ. Въ отношеніи исполненія можно только сказать, что оно было болѣе чѣмъ удовлетворительно; небольшія погрѣшности нужно отнести къ понятной робости. Очень хорошо прошла увертюра подъ управленіемъ г. Галкина. Голосами, однако, консерваторія не щегольнула. Пѣли три ученицы и три ученика; первыя—класса г-жъ Ирецкой, Цванцигеръ и Раабъ, вторые—г. Габеля. Изъ всѣхъ участвующихъ, нѣсколько болѣе выдѣлялся г. Ершовъ, обладающій довольно красивымъ теноромъ. Изъ ученицъ всего музыкальнѣе пѣла г-жа Корфъ, ученица г-жи Раабъ. Ученица г-жи Цванцигеръ—г-жа Саламатина, проявила замѣтную талантливость, а мѣстами даже огонекъ; но, къ сожалѣнію, голосъ ея уже утомленъ и очень склоненъ къ пониженію, съ которымъ она, очевидно, не въ силахъ совладать. Если это были лучшія надежды консерваторіи, то нельзя ихъ назвать розовыми.

—

Настоящимъ событіемъ былъ концертъ А. Г. Рубинштейна, наполнившій биткомъ залъ Дворянскаго Собранія 27 декабря. Независимо отъ удовольствія услышать несравненную игру А. Г. Рубинштейна, отрадно подумать, что около 10.000 р. поступило отъ этого концерта въ пользу голодающихъ: щедрая лепта, дѣлающая величайшую честь музыканту-художнику. Такъ какъ онъ исполнялъ ту же программу въ Москвѣ, то отсылаю читателей къ отчету объ этомъ послѣднемъ концертѣ и перейду къ состоявшемуся 4 января шестому симфоническому собранію, управленіе которымъ принялъ на себя также г. Рубинштейнъ. Въ составъ этого концерта вошли исключительно произведенія Бетховена: вся музыка къ „Эгмонту“, „четвертый“ фортепіанный концертъ и „третья“ симфонія. А. Г. былъ въ этотъ вечеръ какъ-то особенно въ ударѣ и воспроизвелъ неувядаемыя сочиненія геніальнаго композитора такъ, какъ только онъ умѣетъ это дѣлать, чѣмъ и доставилъ громадное художественное наслаж-

деніе слушателямъ, собравшимся въ необычайно большомъ количествѣ на этотъ концертъ. Піанисткой была г-жа Якимовская, прелестно и съ большой свѣжестью передавшая концертъ (G-dur).

Въ предшествовавшемъ пятомъ симфоническомъ собраніи исполнялась „четвертая“ симфонія Брамса, четвертый фортепіанный концертъ г. Рубинштейна, арія изъ „Савской Царицы“ Гуно и увертюра „Лѣсъ шумитъ“ г. Конюса. Послѣдняя была новинкой, оставившей пріятное впечатлѣніе, благодаря изяществу и благородству музыки и очень удачной оркестровкѣ. Несмотря на сильное вліяніе Вагнера и г. г. Чайковскаго и Римскаго-Корсакова, бросающееся въ глаза, нельзя отказать автору въ талантливости. Съиграна увертюра была хорошо, чего нельзя сказать о симфоніи Брамса, пропавшей въ безцвѣтномъ исполненіи г-на Ауера. Г-жа Познанская играла съ обычнымъ успѣхомъ и скрасила своимъ поэтичнымъ исполненіемъ непомѣрныя длинноты малоинтереснаго фортепіаннаго концерта, который она исполняла. Но для чего исполнена была арія изъ „Савской Царицы“, зачѣмъ заставили г-жу Шау пѣть, а публику ее слушать,—это тайна, которая, вѣроятно, никогда не будетъ открыта.

Пятое квартетное собраніе Музыкальнаго Общества дало секстетъ Шпора (ор. 140), безподобно съигранный, тріо, (ор. 70 № 1) Бетховена, фортепіанную партію въ которомъ исполнялъ г. Вейсъ, причемъ только упрочилъ уже высказанное нами о немъ мнѣніе, и квартетъ Шуберта (ор. 29).

Въ шестомъ квартетномъ собраніи играли квартетъ Гайдна (ор. 76, № 4,), струнный квинтетъ Бетховена и тріо Рубинштейна (B-dur); г-жа Нарбутъ, участвовавшая въ послѣднемъ, очень хорошая піанистка съ большой техникой и тономъ, но она не придала своей игрѣ той шири и того увлеченія, которыхъ требуетъ это произведеніе.

Мнѣ остается сказать объ единственномъ, пятомъ, собраніи Общества камерной музыки, которое въ нынѣшнемъ сезонѣ преслѣдуютъ неудачи, заставляющія либо откладывать собранія, либо мѣнять программу въ послѣднюю минуту. Такъ было и но этотъ разъ: „Славянскій“ квартетъ г. Глазунова пришлось замѣнить квартетомъ Мендельсона (ор. 13), о чемъ можно только пожалѣть. Г-жа Древингъ исполнила съ гг. Альбрехтъ и Вержбиловичемъ d-moll'ное тріо Шумана, но играла слишкомъ громко. Въ этотъ же вечеръ выступили скрипачъ г. Гавриловъ и г. Шютте-Рармсенъ, спѣвшій цѣлый рядъ романсовъ. Первый имѣетъ хорошую технику, но играетъ неровно и мѣстами рѣзко. Второй обладаетъ небольшимъ по объему, но звучнымъ и ровнымъ баритономъ пріятнаго тембра; всѣ эти качества, однако, значительно умаляются сантиментально-слащавымъ исполненіемъ пѣвца, берущаго къ тому же всѣ темпы много медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Лель.

Кіевскій городской театръ.

Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ.

Города: *Астрахань, Бендеры, Бердянскъ, Варшава, Вильно, Винница, Воронежъ, Динабургъ, Елисаветградъ, Казань, Кишиневъ, Ковно, Кромы, Курскъ, Минскъ, Овручъ, Одесса, Рига, Самара, Саратовъ, Симферополь, Харьковъ и Херсонъ.*
Труппы и товарищества подъ управленіемъ: гг. *Бибина, Борисова, Бородая (Харьковское), Бѣлоконя, Горина-Горянова (Саратовское), Гончарова, Грекова, Картавова, Крамского, Новикова, Перовскаго, Саксаганскаго, Старицкаго, Стефановскаго, Фаддѣева и Шумана.*
Любительскіе Кружки и Общества: *Варшавское, Виленскій, Екатеринбургскій, Кишиневскій, Симферопольскій и Херсонскій.*
Народный театръ въ деревнѣ.—Ученическіе и солдатскіе спектакли.

Существуютъ слова, которыя могутъ приводить русскаго актера, легкомысленнаго и довѣрчиваго вообще, въ радужное настроеніе, Часто такія слова, особенно произнесенныя устами антрепренера, остаются только словами, и радужныя мечты разлетаются, какъ дымъ, надежды рушатся, голодъ, безпріютность, отчужденность сильнѣе послѣ этого охватываютъ актера, но дѣйствіе этихъ словъ все же бываетъ благодѣтельно. Хотя только слова, они все-таки освѣжаютъ сценическую атмосферу, возбуждаютъ энергію и дѣятельность, заставляютъ забыть всѣ прошлыя невзгоды и ждать отраднаго будущаго. Въ обычномъ актерскомъ обиходѣ, въ этой мелкой закулисной жизни, къ числу такихъ магическихъ словъ принадлежитъ и слово *праздники*. Это знаменательное слово. Если дѣла труппы втеченіе одного, двухъ мѣсяцевъ съ открытія сезона идутъ плохо и труппа еле-еле влачитъ существованіе, то вся надежда возлагается на рождественскіе праздники, когда публика все-таки наполнитъ театръ. Антрепренеры или Товарищества, особенно въ глухихъ городахъ, собираютъ всѣ силы, чтобы дотянуть до святокъ и праздничными сборами наверстать хоть отчасти недоборъ первой части сезона. При нынѣшнихъ плохихъ дѣлахъ провинціальныхъ театровъ это ожиданіе праздничныхъ сборовъ должно было существовать почти вездѣ, такъ какъ и театры крупныхъ провинціальныхъ центровъ не свели, по большей части, концы съ концами за первые три мѣсяца сезона. Ожиданія, конечно, въ той или иной степени оправдались.

Въ **Астрахани** праздничные сборы въ общемъ получились довольно удовлетворительные

я Товарищество воспрянуло духомъ. Праздничный репертуаръ состоялъ изъ старыхъ, шедшихъ уже въ этомъ сезонѣ пьесъ. Феерiи ставились вполнѣ удовлетворительно въ декоративномъ отношенiи. Въ данномъ случаѣ улучшенiе сборовъ было тѣмъ болѣе желательно, что артисты подвизающагося въ Астрахани Товарищества подъ управленiемъ г. Бибина, работаютъ, по словамъ «Астраханскаго Вѣстника», очень добросовѣстно, но матерiальные итоги этой работы были чрезвычайно плачевны. До праздниковъ одинъ спектакль не могъ даже состояться, вслѣдствiе отсутствiя зрителей, которыхъ явилось два-три человѣка. Въ бенефисные спектакли г-жи Медвѣдевой и г. Ге были поставлены: «Степной богатырь» и «Неронъ» (драма г. Вѣльскаго). Изъ новыхъ пьесъ Товарищество поставило въ послѣднее время «Жрицу искусства» г. Карпова и «Въ неравной борьбѣ» г. Вл. Александрова. И та, и другая пьеса прошли съ большимъ успѣхомъ.

Провинцiя вообще продолжаетъ слѣдить за столичнымъ репертуаромъ и новыя пьесы ставятся вскорѣ послѣ ихъ появленiя на столичныхъ сценахъ или въ печати. Въ **Казани** новинки вошли и въ праздничный репертуаръ вмѣстѣ съ феерiями и нѣкоторыми старыми пьесами. Между прочимъ, были даны: «Жизнь Илимова», «Новое дѣло», «Жоржинька», «Заяцъ», «Встрѣча», а послѣ праздниковъ—«Богатѣй»; изъ старыхъ пьесъ: «Мужъ знаменитости», «Самоуправцы», «Жаръ-птица», «Волчье гнѣздо», «Преступница» и др. Въ общемъ отзывы казанской печати благопрiятны труппѣ г. Перовскаго; по большей части спектакли проходятъ дружно.

По сообщенiю «Волжск. Вѣстн.», казанской городской управой получено предложенiе отъ распорядителя саратовскаго Товарищества артистовъ о сдачѣ казанскаго театра на сезонъ 1892/3 г. Товарищество принимаетъ на себя обязательство содержать только одну оперную труппу съ двойнымъ составомъ, оркестръ изъ 32 человѣкъ и хоръ не менѣе 40 человѣкъ. Товарищество обязуется поставить, кромѣ 25 имѣющихся въ его репертуарѣ, еще 5 новыхъ оперъ.

Въ **Самарѣ** на праздникахъ было два бенефиса. Въ бенефисъ г. Печорина была поставлена драма г. Аверкiева «Темный и Шемяка», водевиль «Школьная пара», и актъ изъ «Аскольдовой могилы». Г. Тугариновъ составилъ свою бенефисную афишу иначе: историческая драма «Наполеонъ I въ Россiи», въ которой совершенно отсутствуютъ какiя-либо литературныя достоинства; комедiя «Я васъ люблю»; оригинальныя живыя картины; хоръ г. Карагеоргiевича и въ заключенiе маскарадъ. Въ бенефисъ режиссера труппы г. Стрѣльскаго была поставлена новая пьеса г. Карпова «Рабочая Слободка», которая прошла, по словамъ «Самарской Газеты», очень гладко. Бенефiцiантъ получилъ подарки.

Но это хорошо еще, когда публика идетъ въ театръ хотя на такiе разнообразные спектакли,—хорошо въ матерiальномъ смыслѣ. Но совсѣмъ плохо, когда публика, по выраженiю «Курск. Лист.», «отвыкнетъ посѣщать театръ». Это именно и случилось въ **Курскѣ**. Тамъ, повидимому, и праздники не оказали вліянiя на сборы, и театръ переживаетъ тяжелое время. Причиной неудачъ служатъ неудовлетворительно составлявшiяся въ послѣдне годы труппы, въ которыхъ на одного, двухъ порядочныхъ артистовъ приходилося десятокъ стоявшихъ ниже критики. При такихъ условiяхъ немудрено, что публика «отвыкла» отъ театра.

Удачный подборъ труппы—одно изъ первыхъ условiй успѣха. Этимъ можно объяснить сравнительно хорошiя дѣла, которыя выпали на долю русской труппы въ **Ригѣ** подъ управленiемъ г. Фаддѣева. Надо къ тому же прибавить, что и репертуаръ ведется вполнѣ удовлетворительно. Вотъ, напримѣръ, что шло на праздникахъ: «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Гувернеръ», «Самородокъ», «Цѣни», «Въ сонномъ царствѣ», «Свадьба Кречинскаго» (бенефисъ г. Ратова) и «Уголокъ Москвы». Успѣху русской труппы въ Ригѣ несомнѣнно много содѣйствуетъ и симпатичное къ ней отношенiе мѣстнаго «Вѣстника».

Поддержка театра мѣстной печатью всегда очень важна и отсутствiе этой поддержки или даже прямое игнорированiе мѣстной сцены, вызванное какими-нибудь посторонними причинами,—на что мы не разъ указывали,—конечно, всегда отражается на дѣлахъ театра. Любопытную картину театрально-журнальныхъ нравовъ представляетъ отношенiе мѣстной печати къ антрепризѣ г. Грекова въ **Одессѣ**. Двѣ изъ одесскихъ газетъ совершенно діаметрально противоположно смотрятъ на антрепризу, на составъ труппы, на ея успѣхи или неуспѣхи и т. д. Тогда какъ одна изъ нихъ не видитъ въ труппѣ и въ самой антрепризѣ ничего, кромѣ недостатковъ, стараясь подбирать факты въ этомъ направленiи, другая полна похвалами достоинствамъ и труппы, и антрепризы. Двѣ другiя газеты, какъ будто, не заинтересованы ни въ похвалахъ, ни въ порицанiяхъ, и потому ихъ отзывы то благопрiятны, то нѣтъ. А такъ какъ одесская печать очень много занимается театромъ, то въ концѣ концовъ мнѣнiя печати объ одесскомъ театрѣ представляютъ собою такую разноголосицу, въ которой трудно орiентироваться и публикѣ, и артистамъ, принужденнымъ выслушивать о своей дѣятельности рѣзко противоположные отзывы прессы, за которой, говоря вообще, признано право руководить этой дѣятельностью. Такое отношенiе не-

чати къ театральному дѣлу, непонятное для непосвященныхъ въ его причины, не можетъ, во всякомъ случаѣ, являться полезнымъ для развитія сценическаго искусства въ провинціи.

Фактическія данныя о сборахъ одесскаго театра за декабрь мѣсяцъ слѣдующія. Оперный сезонъ открылся съ 29 ноября; до новаго года дано было 33 представленія, изъ которыхъ драматическихъ было 17, а оперныхъ 16, изъ нихъ 6 спектаклей русской оперы. Всего за 33 спектакля выручено 29,500 руб., такъ что въ общемъ на каждый спектакль приходится менѣе половины сбора. Драма выручила за 17 спектаклей 8800 руб., т. е. около 520 руб. за спектакль; русская опера за 6 спектаклей дала около 8200 р., т. е., около 1360 руб. за спектакль, и итальянская опера за 10 спектаклей 12600 р., т. е.. около 1260 руб. за спектакль. Принимая во вниманіе хорошіе сборы первыхъ двухъ мѣсяцевъ, «Новорос. Телегр.» находитъ, что, хотя теперь антрепренеръ и несетъ убытокъ, но онъ покрывается прежними барышами.

Малорусская труппа г. Саксаганскаго, дающая спектакли въ Русскомъ театрѣ и встрѣчающая единодушную поддержку всей одесской печати, втеченіе декабря дала 31 представленіе и выручила около 14 тыс. руб., что составляетъ въ общемъ итогѣ тоже около половиннаго сбора. Скромные расходы на постановку малорусскихъ пьесъ дѣлаютъ такіе сборы совершенно достаточными.

Заговоривъ о малорусскихъ труппахъ, сообщимъ объ одной изъ, нихъ, прекратившей свое существованіе подъ прежней фирмой. Это труппа г. Старицкаго, считавшаяся недавно одною изъ первыхъ. Послѣ выхода въ прошломъ году изъ этой труппы драматической артистки г-жи Боярской, вскорѣ покинулъ (въ бытность труппы въ лѣтнемъ сезонѣ въ Москвѣ) труппу и г. Манько,—тоже крупная сила труппы, а также и г-жа Линицкая—занимавшая амплуа г-жи Боярской. Изъ Москвы труппа отправилась въ провинцію безъ своего директора, г. Старицкаго, но продолжала пользоваться его именемъ. Насколько намъ извѣстно, г. Старицкій просилъ Товарищество не считать себя подъ его дирекціей и не выставлять его имени на афишахъ, но до самаго послѣдняго времени Товарищество, въ дѣлахъ котораго г. Старицкій не принималъ никакого участія, продолжало именоваться Товариществомъ подъ его управленіемъ. Съ 26 декабря Товарищество начало свои спектакли въ **Елисаветградѣ**, но съ 9 января должно было прекратить ихъ по распоряженію полицеймейстера. Причиной этого была, по словамъ «Одес. Вѣстн.», телеграмма г. Старицкаго, въ коей онъ проситъ полицеймейстера воспретить труппѣ называться его именемъ. Такимъ образомъ распалась окончательно одна изъ лучшихъ малорусскихъ труппъ.

Но не однѣ малорусскія труппы распадаются. Бываетъ это и съ русскими, да еще въ самой срединѣ сезона. Такое неожиданное распаденіе случилось въ Товариществѣ подъ управленіемъ г. Крамского въ **Кишиневѣ**. Одесскія газеты такъ описываютъ это событіе. По словамъ «Одес. Нов», Товарищество было фиктивное и антрепренерскія права взялъ въ свои руки г. Крамской. «Одес. Вѣстн.» сообщаетъ, что въ труппѣ были хорошія силы, но пьесы ставились неблагодарныя и роли распредѣлялись по усмотрѣнію антрепренера, но не по способностямъ артистовъ. Благодаря этому, сборы упали до 25 руб., и г. Крамской былъ поставленъ въ необходимость пригласить на гастроли г. Иванова-Козельскаго. Спектакли съ гастролеромъ поправили дѣла и дали возможность пригласить артиста, который бы и послѣ отъѣзда г. Козельскаго поддержалъ труппу. Но г. Крамской поступилъ иначе: онъ переставалъ платить жалованье актерамъ. Часть изъ нихъ вынуждена была оставить труппу и уѣхала, не получивъ своихъ денегъ. Залога положено не было: г. Крамской не внесъ его въ виду подписокъ данныхъ артистами въ томъ, что они вѣрятъ ему на слово. Здѣсь повторилась обычная теперь исторія съ фиктивными Товариществами, служащими хорошей лазейкой для предпріимчивыхъ антрепренеровъ. Случай этотъ даетъ основаніе кишиневцамъ упрекнуть свое городское управленіе въ томъ, что оно до сихъ поръ не выстроило зданія для театра и не озаботилось пригласить хорошую труппу. Взамѣнъ этого, городъ затратилъ 100 тыс. руб. на постройку концертно-танцовальнаго зала, изъ котораго не вышло никакого прока. Кромѣ того, городъ связалъ себя контрактомъ съ г-жей Гроссманъ, владѣлицей небольшого частнаго театра, обязавшись не открывать городского театра для представленій втеченіе 5 лѣтъ. Часть кишиневской труппы, вынужденная поступкомъ г. Крамского оставить Кишиневъ, отправилась въ **Бендеры**, подъ управленіемъ г. Бѣлоконя, и тамъ съ успѣхомъ даетъ спектакли. Въ составъ труппы вошли г-жи Борисова, Славатинская, Бѣлоконь, гг. Фелоновъ, Бѣлоконь, Вольскій и др.

Сочувственно отнеслась публика и къ подвизающемуся въ другомъ маленькомъ южномъ городкѣ, **Винницѣ**, Товариществу артистовъ, которое состоитъ изъ г-жъ Рощиной, Зорки, Лирской, Субботиной, Валемарской, гг. Сергѣева, Вадимова, Мальцева и др. Публика труппой довольна и усердно посѣщаетъ театръ. То же должно бы быть и въ **Бердянскѣ**, гдѣ спектакли труппы, сформированной г. Кубаловымъ, открылись лишь 1 декабря. Но по словамъ корреспондента «Одес. Нов.», бердянцы жаж-

дутъ театральныхъ зрѣлищъ, когда ихъ нѣтъ; разъ же появляется труппа, то всѣ сѣтованія на отсутствіе театральныхъ развлеченій исчезаютъ и публика не показывается въ театръ.

Хорошо отнеслась и публика маленькаго городка **Овруча** къ заѣхавшей туда труппѣ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Гончарова. Составъ труппы, по словамъ «Волыни», недурной, репертуаръ, по возможности, разнообразится. Труппа пробудетъ въ Овручѣ до великаго поста и, по мнѣнію газеты, увезетъ пріятное воспоминаніе о пребываніи своемъ въ этомъ захолустьѣ, что въ подобныхъ случаяхъ не всегда бываетъ.

Въ текущемъ сезонѣ случай распаденія труппы пока лишь одинъ, въ Кишиневѣ. Перемѣна антрепризы, но при томъ же составѣ труппы, произошла въ **Воронежѣ**. Съ 3 января «Товарищество» перестало существовать и антреприза перешла къ прошлогоднему антрепренеру г. Стефановскому. Причиной этого были плохія дѣла Товарищества. Первые спектакли при новомъ антрепренерѣ дали хорошіе сборы. Составъ труппы, за небольшими исключеніями, остался прежній.

Въ другихъ городахъ, пока все обстоитъ благополучно и хотя жалобы на плохіе сборы слышатся вездѣ, но, повидимому, всѣ театры въ провинціи дотянутъ свою дѣятельность до конца сезона.

Въ **Вильнѣ**, куда снова возвратилась изъ Минска драматическая труппа г. Шумана, праздниками дѣла поправились. Изъ новыхъ пьесъ на праздникахъ съ большимъ успѣхомъ прошли: «Въ неравной борьбѣ» и «Честь». 9 января виленская труппа открыла спектакли въ нововыстроенномъ театрѣ въ **Ковнѣ**. Для перваго спектакля, на который зрители были приглашены безплатно городскимъ головою, данъ былъ «Ревизоръ». Внутренность театра, по сообщенію «Вилен. Вѣстн.», отличается простотою; простора и свѣта не мало; мѣстъ въ театрѣ до 500. Первый спектакль прошелъ очень удачно.

Въ **Минскѣ** снова водворилась оперетка, возвратившаяся изъ Вильны. Въ труппѣ прибавились новые персонажи: г-жа Троцкая, гг. Владиміровъ, Блюменталь-Тамаринъ и др., благодаря чему, театръ посѣщается охотно. Виленская драматическая труппа во время гастролей въ Минскѣ выручила за полтора мѣсяца около 8 тыс. По пьесамъ сборы распредѣлялись такъ: «Другъ Фритцъ»—668 р., «Джекъ»—631 р., «Уголокъ Москвы»—540 р., «Въ неравной борьбѣ»—435 р., «Борьба за существованіе»—487 р., «Гамлетъ»—266 р., «Ревизоръ»—232 р., «Коварство и любовь»—154 р., «Разбойники»—100 р., «Въ старые годы»—31 р. и т. д.

Очень хороши дѣла въ **Динабургѣ**, гдѣ играетъ драматическо-опереточная труппа подъ управленіемъ г. Борисова. Никогда еще мѣстная публика за послѣдніе 3—4 года не посѣщала, по увѣренію «Вилен. Вѣстн.», такъ бойко театра, какъ въ этотъ сезонъ. Изъ артистовъ публикѣ наиболѣе нравятся г-жи Ахматова и Чельская, гг. Розенъ и Стрѣльскій. Нѣсколько времени тому назадъ здѣсь гастролировала г-жа Мазуровская, еще болѣе поднявшая сборы.

Въ **Симферополѣ** опереточная труппа, возвратившаяся изъ неудачной поѣздки въ Севастополь, и на праздникахъ не привлекала публики, что «Крым. Вѣстн.» объясняетъ заигранностью репертуара. Срокъ контракта антрепренера г. Новикова съ дворянствомъ на арендное содержаніе театра заканчивается въ маѣ нынѣшняго года. Театръ былъ сданъ ему на два года съ платою по 2600 руб. въ годъ. По истеченіи перваго года, губернскимъ предводителемъ дворянства, на котораго дворянство возложило эксплоатацію театра, въ виду понесеннаго арендаторомъ убытка, уменьшена арендная плата за послѣдній годъ на половину, т.-е. на 1300 руб., но и эта сумма, несмотря на оканчивающійся сезонъ, по слухамъ, не вся уплачена.

Въ **Харьковѣ** драматическая труппа продолжаетъ ставить новинки столичныхъ сценъ, стараясь выдержать конкурренцію съ оперой г. Картавова, которая также разнообразитъ репертуаръ и освѣжаетъ составъ труппы новыми силами. Изъ послѣднихъ новинокъ драматической сцены отмѣтимъ: «Рабочую слободку» и «Компаньоновъ». Послѣдняя пьеса шла въ бенефисъ г. Бородая, втеченіе нѣсколькихъ сезоновъ являющагося распорядителемъ и главнымъ администраторомъ харьковскаго драматическаго Товарищества. Публика и артисты привѣтствовали бенефиціанта и поднесли ему подарки. Оперной новинкой явилась «Сельская честь», Масканьи, а къ составу труппы г. Картавова прибавилось два тенора: гг. Врушевскій и Похвалинскій.

Въ **Саратовѣ** сборы преимущественно даетъ опера, такъ что ей въ репертуарѣ отводится первое мѣсто и на праздникахъ драматическіе спектакли были только утренніе. Изъ новыхъ пьесъ драматической труппой поставлено: «Жизнь Илимова», и предполагаются къ постановкѣ «Компаньоны» и «Рабочая слободка». Неудача съ театромъ, который Товарищество сняло, было, въ началѣ сезона для общедоступныхъ, народныхъ спектаклей, съузило, конечно, значительно дѣятельность драматической труппы и потому репертуаръ саратовскаго театра не особенно богатъ новинками.

Идея народнаго театра, не всегда удачно осуществляемая въ городахъ, продолжаетъ, однако, находить себѣ примѣненіе въ деревнѣ. Мы сооб-

щали уже на страницахъ «Артиста» нѣсколько фактовъ устройства театровъ въ деревнѣ. Приведемъ теперь извлеченіе изъ доклада, прочитаннаго въ петербургскомъ Комитетѣ грамотности и составленнаго педагогомъ г. Бунаковымъ, подъ названіемъ «Опытъ народнаго театра». Когда въ селѣ Петинѣ, Воронеж. у., учитель читалъ съ учениками сцену изъ хроники Островскаго «Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ», то онъ сообщилъ имъ, что эту сцену можно разыграть на театрѣ, разсказалъ, какъ это дѣлается и что такое театръ. Ученики заинтересовались этимъ и мало-по-малу у нихъ возникло желаніе разыграть сцену. Учитель поддержалъ ихъ мысль. Роли разучили, читали ихъ только — и получилось нѣчто вродѣ театральнаго представленія. На святкахъ ученики представляли въ лицахъ басни Крылова и очень заинтересовали крестьянъ. Это подало кружку мѣстной интеллигенціи мысль устроить вполнѣ народный театръ съ исполнителями и зрителями изъ народа, съ репертуаромъ изъ народной жизни, понятнымъ крестьянской средѣ. Мысль эта получила осуществленіе. Подъ театръ была приспособлена большая классная комната. Для начала остановились на пьесѣ г. Васильева «Сиротка», сценахъ изъ народной жизни, въ которыхъ выражена хорошая мысль и проведена довольно живо и ясно. Роли роздали бывшимъ ученикамъ и ученицамъ школы. Послѣ пяти - шести репетицій, дѣло пошло на ладъ. Мало-по-малу твердо выучили роли, разучили хоры, приготовили декораціи и всю необходимую обстановку: луну, костеръ, соловья и проч. На первый спектакль билеты, или по-крестьянски «ярлыки», раздавались безплатно и желающихъ было столько, что нельзя было помѣстить. Второй и третій спектакль количество желающихъ смотрѣть представленіе все увеличивалось. Первый опытъ оказался удачнымъ. Прошелъ годъ. Наступила новая зима. Совершенно неожиданно, какъ-то сами собой, пошли разговоры и разспросы о театрѣ. Вспоминали прошлогоднія представленія, хвалили. А юные артисты настойчиво просили ролей. Съ того времени устроились спектакли съ умѣренной платой за билетъ: 20 и 10 коп. для волостного начальства и т. под. деревенской знати и 5, 3, 2 и 1 коп. для другихъ. Желающихъ бывать въ театрѣ являлось много.

Докладъ заключается тѣмъ, что народный театръ, съ исполнителями и публикой изъ народа, съ пьесами доступными пониманію этой публикѣ, въ русской деревнѣ и желателенъ, и возможенъ. Онъ, дѣйствительно, внесетъ въ народную жизнь новое удовольствіе неизмѣримо высшаго качества, нежели тѣ, которыми приходится довольствоваться нашему деревенскому люду. Безъ сомнѣнія, театръ будетъ способствовать смягченію нравовъ, но не нарочитой поучительностью, а именно, какъ удовольствіе высшаго порядка, освѣжающее духъ и силы, тогда какъ обычныя удовольствія и развлеченія нашего простонародія грубы, низменны, развращаютъ и разоряютъ его. Довольно и этого, лишь бы только деревенскій людъ полюбилъ театръ и предпочиталъ его кабаку, а дѣло смягченія нравовъ, посредствомъ театра, сдѣлается само собой.

Спектакли, подобные описаннымъ, въ которыхъ исполнителями являются ученики училищъ, гимназій, а также и солдатскіе спектакли, въ настоящее время уже не рѣдкость. Въ г. **Кромахъ** ежегодно устраиваются въ земскомъ училищѣ спектакли, для чего тамъ уже приспособлена вся обстановка—подмостки, занавѣсъ, декораціи, костюмы и проч. Въ нынѣшнемъ году на праздникахъ учениками была исполнена драма «Непутящій» соч. устроителя спектаклей, мѣстнаго предводителя дворянства, г. Шеншина. На спектаклѣ присутствовала, по словамъ «Орлов. Вѣстн.», только часть кромчанъ, собирающихся на это единственное втеченіе цѣлаго года удовольствіе, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, такъ что спектакль, вслѣдствіе тѣсноты залы, обыкновенно повторяется два раза въ вечеръ. Въ **Житомірѣ** передъ праздниками въ гимназіи былъ поставленъ «Ревизоръ», разыгранный исключительно учениками—любителями.

Въ **Варшавѣ** на святкахъ устраивали спектакли рядовые Оренбургскаго казачьяго полка и такъ, по сообщенію «Варшавскаго Дневн.» удачно, что интересъ, возбужденный ими, выходилъ изъ круга нетребовательныхъ зрителей, привлекая немало посторонней публики. Давались водевили: «Ямщики» и «Ночное». Исполнители, грамотные настолько, чтобы читать и писать, удивляли живостью игры и пониманіемъ дѣла, какія отличаютъ людей болѣе развитыхъ; даже женскія роли были проведены удачно. Такой же успѣхъ имѣли и спектакли рядовыхъ Полтавскаго полка (тоже въ Варшавѣ). О подобныхъ же солдатскихъ спектакляхъ сообщаетъ ниже нашъ томскій корреспондентъ.

Любительскіе спектакли въ нынѣшнемъ сезонѣ въ провинціи даются по большей части въ пользу голодающихъ. Что касается организованныхъ любительскихъ Обществъ, то самую, кажется, энергическую дѣятельность проявляетъ «Русское Общество любителей сценическаго искусства» въ **Варшавѣ**, поставившее такіе сложные для исполненія любителей спектакли, какъ опера «Русалка» и «Коварство и любовь». Спектакли шли съ участіемъ почти однихъ любителей: въ «Русалкѣ» выступилъ лишь одинъ профессіональный артистъ, а въ трагедіи Шиллера двое.

Симферопольскій музыкальный Кружокъ

возобновляетъ свою дѣятельность; недавно произведены были выборы членовъ, предсѣдательницей избрана супруга губернатора г-жа Лазарева.

Кишиневское Общество любителей драматическаго искусства когда-то стояло на довольно высокой степени. Теперь, по словамъ «Одесск. Листка», дѣло Общества окончательно подорвано. Касса находится въ плачевномъ состояніи. Въ теченіи послѣдняго отчетнаго года Общество поставило 8 спектаклей. Благотворительные спектакли собирали публику, но данные въ пользу Общества давали убытокъ.

Виленскій музыкально-драматическій Кружокъ поставилъ 7 января драму «Вѣтерокъ», собравшую много публики.

Екатеринбургскій музыкальный Кружокъ далъ на святкахъ концертъ, замѣчательный въ томъ отношеніи, что въ программѣ его стояло первое дѣйствіе оперы «Русланъ и Людмила», исполненное безъ сценической обстановки.

Новый музыкально-драматическій Кружокъ въ **Херсонѣ** началъ свою дѣятельность. Желательно, чтобы въ программу его дѣятельности вошло учрежденіе музыкальной школы, въ которой Херсонъ, по словамъ «Новор. Телегр.», такъ нуждается.

Устройство школъ, публичныхъ лекцій по музыкѣ и проч. должно, по возможности, входить вообще въ дѣятельность музыкально-драматическихъ Кружковъ и Обществъ. Въ провинціи они должны быть разсадниками музыкальнаго образованія, не ограничивая свое дѣло только одними благотворительными концертами. Распространеніе музыкальнаго образованія—одинъ изъ факторовъ просвѣщенія страны и музыкальные Кружки должны послужить этому дѣлу.

Бердянскъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Дѣла здѣшняго театра идутъ довольно удовлетворительно. Вотъ перечень, новыхъ пьесъ, прошедшихъ на здѣшней сценѣ: „Безумный бракъ“, „Въ неравной борьбѣ“, „Честь“, „Въ средѣ тупыхъ людей“, „Папашины дочки“, „Солдатъ мадагаскарской королевы“, „Горемыка скиталецъ“.

Артисты играютъ на артельныхъ началахъ, режиссеромъ труппы состоитъ г. Гончаровъ, распорядителемъ г. Кубаловъ. Нужно отдать должную справедливость режиссеру здѣшней труппы за его энергію и трудъ,—поставить дѣло съ небольшими силами артистовъ такъ, что каждый спектакль проходитъ довольно гладко и смотрится съ удовольствіемъ. Вотъ наличный составъ труппы: г-жи Кольцова, Пальмина, Волынская, Волчецъ, Гончарова, Славская и Волкова; гг. Гончаровъ, Кубаловъ, Дьяконовъ, (артистъ московскаго Малаго театра), Фабіанскій, Бунинъ, Воронинъ, Гавриленко, и Донцовъ. Г-жа Кольцова, въ сильныхъ драматическихъ ролихъ показала себя хорошей артисткой. Г-жа Пальмина (ingénue dramatique) обладаетъ красивой внѣшностью, еще неопытная артистка, хотя нѣкоторыя исполненныя ею роли она провела весьма недурно, напр., роли Телѣгиной—(„Вторая молодость“) и Княгини—(„Ванька-ключникъ“); г. Гончаровъ, (комикъ-резонеръ, онъ-же режиссеръ) цѣлымъ рядомъ ролей показалъ намъ, что онъ принадлежитъ къ способнымъ артистамъ, отличается естественностью, обдуманностью и отдѣлкой деталей. Г. Кубаловъ, довольно недурной артистъ на роли комиковъ. На будущій сезонъ театръ сданъ г. Гончарову съ субсидіей въ 2000 р.

—

Воронежъ. (*Отъ нашего корреспондента*) Съ началомъ земскаго собранія, т. е. съ 7 декабря, дѣла драматическаго Товарищества артистовъ значительно поправились; сборы въ это время въ среднемъ выводѣ достигали суммы 300—350 руб. въ вечеръ, а на праздникахъ и еще увеличились. Хорошіе сборы втеченіе послѣдняго мѣсяца дали возможность Товариществу не только оплатить всѣ обязательные расходы, но и получить свое жалованье за декабрь мѣсяцъ почти полнымъ рублемъ. Аренду за театръ Товарищество уплатило г. Стефановскому только до 1-го января, а остальную слѣдуемую ему сумму (2.000 р.) предложило получать по-спектакльно, но г. Стефановскій нашелъ это неудобнымъ и взялъ всю труппу на жалованье. Начало дѣятельности труппы подъ новымъ управленіемъ оказалось вполнѣ удачнымъ—первый спектакль далъ почти полный сборъ, а составлявшіе его пьесы „Нина“ и „Женское любопытство“ разыграны съ полнымъ ансамблемъ, причемъ наибольшій успѣхъ имѣли гг. Летаръ, Каширинъ, г-жи Львинская и Казанцева. За декабрь мѣсяцъ репертуаръ Товарищества состоялъ изъ пьесъ: „Денежные тузы“, „Уголокъ Москвы“, „Надо разводиться“, „На рельсахъ“, „Въ неравной борьбѣ“, „Царская невѣста“. „Осколки минувшаго“ (2 раза), „Новое дѣло“, „Въ духѣ времени“, „Испорченная жизнь“, „Клубъ холостяковъ“, „Ограбленная почта“, „Дармоѣдка“, „Материнское благословеніе“, „Заяцъ“, „Станціонный смотритель“. Изъ числа этихъ пьесъ наибольшій успѣхъ по сбору имѣла пьеса „Ограбленная почта“, поставленная на второй день праздника и, въ силу этого, давшая полный сборъ, а по исполненію пьесы: „Въ неравной борьбѣ“, „Новое дѣло“ и „Дармоѣдка“. Пьесы эти, благодаря участію въ нихъ гг. Немировой-Ральфъ, Летаръ, Казанцева Каширина и Холодова, прошли безукоризненно.

—

Екатеринославъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Тяжелое время для сосіетеровъ харьковскаго Товарищества прошло. Наступили праздники, а съ ними и хорошіе сборы. Первые же четыре мѣсяца въ матеріальномъ отношеніи были дѣйствительно ужасны: за все время Товариществомъ получило на свои марки *всего* 75 коп. на рубль, т.-е. по $18^3/_4$ коп. въ мѣсяцъ, вмѣсто рубля. Здѣсь еще надо принять во вниманіе, что октябрь въ Екатеринославѣ далъ на пай 21 коп.,—слѣдовательно, отъ Харькова артисты имѣли только 54 коп. И это за четыре мѣсяца! При такихъ обстоятельствахъ вести дѣло больше чѣмъ трудно, по крайней мѣрѣ ни одинъ антрепренеръ не выдержалъ бы навѣрное.

Съ 26-го декабря Товарищество опять отдѣлило часть артистовъ въ Екатеринославъ, думая при этомъ пополнить отъѣзжающую труппу нѣсколькими персонажами. Товарищество пригласило для Екатеринослава г-жу Бѣльскую, гг. Демюра, Заревскаго и Воронина. Не пріѣхала одна г-жа Бѣльская, отказавшись передъ самыми праздниками, и отказомъ этой актрисы Товарищество было поставлено въ крайне критическое положеніе.

Какъ бы то ни было, дѣло въ Екатеринославѣ все-таки же не остановилось и дало за праздники очень недурные результаты: съ 26-го декабря

по 7-е января 1892 г. Товариществомъ было взято 4400 рублей. Поставлено было за это время 12 вечернихъ спектаклей: „На бойкомъ мѣстѣ“, „Рабочая слободка“ (2 раза), „Въ неравной борьбѣ“, Борисъ Годуновъ“, „Степной богатырь“, „Царская невѣста“, „Уголокъ Москвы“ (бен. М. И. Свободиной-Барышевой), „Убійство купеческой дочери Осиповой“, „Мазепа“ „Вольная пташка“ (2 раза) и др. Утреннихъ спектаклей дано три, причемъ одинъ—безплатный—для воспитанниковъ учебныхъ заведеній.

Праздничнымъ сборамъ не мало вредили отвратительная погода и открытіе новаго клуба, гдѣ то и дѣло устраивались танцовальные вечера и маскарады.

Товарищество намѣрено продолжать екатеринославское дѣло до конца сезона.

Въ праздничныхъ спектакляхъ труппа состояла изъ слѣдующихъ персонажей: г-жи Свободина-Барышева, Велизарій, Лебедева, Тарская, Зорина и др., гг. Соловьевъ 1-й, Шенинъ, Ильковъ, Константиновъ, Чернышевъ, Чинаровъ, Демуръ, Михайловъ и др. Затѣмъ послѣдуетъ обмѣнъ труппы и изъ Харькова пріѣдутъ сюда, также на двѣ недѣли, г-жи Вронская, Шенина, Петипа, Соловьева, Александрова-Дубровина и др., гг. Петипа, Тинскій, Гаринъ, Ляминъ и др.

Наибольшіе сборы въ Екатеринославскомъ театрѣ даютъ пьесы съ громкими названіями. Смотрѣть ихъ идетъ масса бѣднаго люда, для котораго есть въ театрѣ-циркѣ до 1000 дешевыхъ мѣстъ.

Во время перваго продолжительнаго перерыва спектаклей харьковскаго Товарищества (ноябрь и половина декабря) въ Екатеринославѣ играла труппа малороссовъ подъ управленіемъ г. Старицкаго и получила за 36 спектаклей до 12000 руб. Въ труппѣ находились г-жи Вѣрина, Орликъ, Зинина, Яворская и др., гг. Грицай, Косиненко, Ванченко, Милославскій и др.

—

Златоустъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Съ 24 ноября начались спектакли; составъ труппы подъ управленіемъ артиста С. Г. Бабошъ-Королева изъ 14 человѣкъ. Женскій персоналъ: г-жи Бабошъ-Королева, Корсарова, Ленская, Метцгеръ, Стефансонъ, Дарская, Франциси и Волынцева; мужской—гг.: Бабошъ-Королевъ, Жановскій, Ленскій, Метцгеръ, Саломатовъ и Синскій. Репертуаръ шелъ слѣдующій: „Дармоѣдка“, „Забубенная головушка“, „Столичный гость“, „Преступница“, „Воровка дѣтей“, „Женитьба Бѣлугина“, „Гусь лапчатый“, „Порывъ“, „Бѣдность не порокъ“, „Женихъ изъ ножевой линіи“, „На порогѣ великихъ событій“, „Горькая судьбина“, „Кохинхинка“, „Лиходѣйка мачиха“, „Жертва за жертву“, „Пасынокъ“, „Молчаніе“, „Парижскіе нищіе“, „Прахомъ пошло“, „Женское любопытство“, „Въ горахъ Кавказа“ и проч.

Дѣла Товарищества идутъ, судя по тяжелому времени, хорошо: по разсчету на каждый рубль назначеннаго жалованья зарабатывается 50%.

—

Иваново-Вознесенскъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Дѣла подвизающагося здѣсь въ клубѣ прикащиковъ, Товарищества, подъ управленіемъ г. Громова, въ настоящее время вполнѣ опредѣлились. За первый мѣсяцъ Товарищество зарабатало 72 коп. на рубль, за второй 85 коп. и за третій 93 коп.; что же касается четвертаго, то можно, не ошибаясь, сказать, что онъ будетъ въ сезонѣ лучшимъ. Такихъ сборовъ, какъ теперь, Иваново-Вознесенскъ не давалъ уже лѣтъ 18. Бенефисы почти у всѣхъ артистовъ прошли съ успѣхомъ, какъ въ отношеніи сборовъ, такъ и въ отношеніи подношеній бенефиціантамъ. Удачнѣе другихъ прошелъ бенефисъ распорядителя труппы г. Громова („Ревизоръ“), который немало потрудился на пользу дѣла и, надо отдать ему справедливость, поставилъ его во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Въ репертуаръ вошли слѣдующія пьесы (кромѣ указанныхъ въ № 18 „Артиста“): „Соколы и вороны“, „Въ неравной борьбѣ“, „За монастырской стѣной“, „Каширская старина“, „Материнское благословеніе“, „Преступница“, „Двѣ сиротки“, „Мамаево нашествіе“, „Тайна“, „Жизнь за Царя“, „Клеймо“, „Клубъ холостяковъ“, „Наши вѣдьмы“, „Злоба дня“, „Ванька ключникъ“, „Гроза“, „Бѣдность не порокъ“, „Разбойники“ и др.

На будущій сезонъ, какъ слышно, старшины клуба предложили г. Громову арендовать театръ на прежнихъ условіяхъ, но г. Громовъ соглашается на это предложеніе не иначе, какъ со скидкой 4—5% арендной платы, и есть основаніе предполагать, что г.г. старшины на его предложеніе согласятся. Въ началѣ сезона г. Громовъ далъ спектакль въ пользу голодающихъ и полный сборъ съ этого спектакля поступилъ въ распоряженіе администраціи.

—

Кіевъ. Втеченіе первой половины учебнаго сезона въ музыкальномъ училищѣ кіевскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества состоялось, по обычаю, 4 ученическихъ вечера. Подводя итоги этихъ педагогическихъ вечеровъ, мы начнемъ съ вокальной ихъ стороны, такъ какъ она представляетъ въ текущемъ сезонѣ специальный интересъ, связанный съ именемъ знаменитаго преподавателя пѣнія—г. Эверарди, посвятившаго съ прошлаго года свои труды нашему музыкальному училищу. По недостатку яснаго сознанія условій, которыми обставлена всякая педагогическая дѣятельность, публика склонна ждать преувеличенныхъ результатовъ работы каждаго новаго преподавателя, особенно если послѣдній пользуется извѣстностью въ данной спеціальности. Но эти сангвиническія ожиданія бываютъ обыкновенно очень далеки отъ дѣйствительности въ томъ случаѣ, когда преподаватель—не слишкомъ тщеславный или неопытный педагогъ и не увлекается желаніемъ проявлять мнимыя чудеса. Гораздо вѣрнѣе путь, избранный г. Эверарди: онъ уклонился отъ чести пожинать въ первомъ академическомъ году своей кіевской дѣятельности педагогическіе лавры посредствомъ выпуска учениковъ на эстраду музыкальнаго училища; да и въ текущемъ сезонѣ его классъ заявилъ себя съ соблюденіемъ достаточной осторожности. Состоявшіеся ученическіе вечера дали только 5 вокальныхъ номеровъ, исполненныхъ четырьмя учащимися въ классѣ новаго преподавателя: изъ упомянутаго числа слѣдуетъ, строго говоря, вычеркнуть пьесы, спѣтыя на первомъ ученическомъ вечерѣ (26 октября), такъ какъ объ ученицы, видимо, были смущены выпавшею на ихъ долю обязанностью подвизаться передъ аудиторіей, нетерпѣливо жаждавшей фактическихъ данныхъ для сужденій о методѣ знаменитаго вокальнаго педагога. Мѣсяцъ спустя, на слѣдующемъ вечерѣ (29 ноября), одна изъ ученицъ, не совсѣмъ удачно дебютировавшихъ на предыдущемъ вечерѣ, г-жа Ольховская, — спѣла очень отчетливо и музыкально арію 2-го дѣйствія „Роберта“, причемъ было ясно, что преподаватель обращаетъ должное вниманіе на всѣ разнообразныя условія хорошаго вокальнаго исполненія. Интонація, ритмика, фразировка и произношеніе ученицы выказывало обдуманность и тщательную добросовѣстность методы преподавателя. Такими-же качествами отличалось пѣніе другой ученицы, г-жи

Залютинской, исполнившей на томъ-же вечерѣ моцартовскую „Voi che sapete“ изъ „Свадьбы Фигаро“. Исполнительница этой аріи, находящаяся еще на среднемъ курсѣ, обнаружила сверхъ того весьма красивый тембръ. На 4-мъ ученическомъ вечерѣ появился одинъ пѣвецъ средняго курса г. Эверарди, г. Романовскій, исполнившій арію изъ „Иродіады“ Массэ. По остальнымъ вокальнымъ классамъ слѣдуетъ отмѣтить хорошіе успѣхи, достигнутые преподавательницей г-жей Алексѣевой-Юневичъ по части совмѣстнаго и хороваго пѣнія: учащимися въ ея классѣ было исполнено 2 тріо Даргомыжскаго и 3 хора изъ „Ифигенія въ Тавридѣ“ Глюка. Арію Ифигеніи („malheureuse Iphigénie“) пѣла очень удачно ученица высшаго курса г-жа Снѣжко 2-я. Преподаватель г. Нолле далъ очень недурную исполнительницу аріи Людмилы изъ 1-го дѣйствія „Руслана“.

Ближайшій переходъ отъ пѣнія къ инструментальной музыкѣ составляютъ духовые инструменты, которые имѣли на ученическихъ вечерахъ своихъ представителей по классамъ флейты и гобоя. Віолончельный классъ г. фонъ-Мулерта далъ преимущественно весьма юныхъ учениковъ, которые играли очень отчетливо пьесы средней трудности. 4 учащихся на высшемъ курсѣ скрипки у г. Шевчика исполнили пьесы Вьетана (ученики гг. Зиссерманъ и Левинъ), Шпора и Баха (ученикъ г. Фридманъ) и первую часть концерта Мендельсона (ученица г-жа Данильчукъ). Всѣ они проявили свойственную нашему педагогу скрипки отличную школу: талантливая ученица г-жа Данильчукъ оказалась, однако, менѣе въ ударѣ, чѣмъ обыкновенно. Въ фортепіанную программу описываемыхъ вечеровъ вошли представительницы двухъ новыхъ классовъ, открывшихся съ прошлаго года подъ руководствомъ г-жъ Штоссъ-Петровой и Страдецкой. Первая изъ вышеупомянутыхъ артистокъ выпустила на эстраду двухъ ученицъ, игравшихъ вполнѣ удовлетворительно. Отличные успѣхи выказаны многими піанистическими силами обоихъ высшихъ фортепіанныхъ классовъ. У г. Ходоровскаго выдающихся результатовъ достигла, на ряду съ г-жей Гайдуковой, ученица г-жа Каплинская, которая сыграла въ заключеніе программы 3-го ученическаго вечера (7 декабря) трудньйшій финалъ фа-минорнаго концерта Шопена. Исполненіе было не только вполнѣ виртуозное, но отличалось также надлежащимъ шопеновскимъ характеромъ. Своеобразный духъ данной музыки, видимо, соотвѣтствуетъ темпераменту ученицы. Воспроизведеніе стиля того-же композитора прекрасно удалось также ученицѣ г-жѣ Стайде, высшаго курса класса г. Пухальскаго (фа-минорная баллада Шопена). Значительную технику выказали—ученикъ г. Короткевичъ (испанская рапсодія Листа) и ученицы г-жи Боримиллеръ („Concertstück“ Вебера) и г. Майзельсъ (высшаго курса класса г. Ходоровскаго). Другая ученица того-же имени, принадлежащая къ высшему курсу класса г. Пухальскаго, играла пьесу ея преподавателя („Au crépuscule“) и 12-ю рапсодію Листа. „Au crépuscule“ звучитъ очень интересно въ гармоническомъ отношеніи: сверхъ того, въ первомъ минорѣ и его повтореніи есть поэтическое настроеніе. Очень пріятное впечатлѣніе произвела отчетливая игра совсѣмъ юной представительницы низшаго курса класса г. Пухальскаго—ученицы г-жи Крюковой, исполнившей двѣ пьесы на 3-мъ ученическомъ вечерѣ. Упомянемъ еще объ ученицѣ того-же класса г-жѣ Бодикъ (высшаго курса), проявившей большую технику въ 1-й части „голландскаго“ концерта Литольфа.

Первая квартетная серія кіевскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества состояла, по обычаю, изъ трехъ камерныхъ собраній. Квартетисты остались тѣ-же, т.-е. преподаватели музыкальнаго училища гг. Шевчикъ (1-я скрипка), Рыба (альтъ) и фонъ-Мулертъ, съ участіемъ г. Шутмана за вторымъ скрипичнымъ пультомъ. Фортепіанные ансамбли исполнялись при содѣйствіи преподавательницъ училища: піанистокъ г-жъ Страдецкой и Штоссъ-Петровой. На второмъ квартетномъ вечерѣ мѣстная публика услышала вновь тріо г. Чайковскаго, которое было уже однажды исполнено въ предыдущемъ сезонѣ. Фортепіанную партію игралъ г. Ходоровскій. Это блестящее произведеніе снова произвело большой эффектъ и очень понравилось. Оно исполнялось у насъ впервые безъ всякихъ купюръ. Г-жа Страдецкая играла ля-минорный квинтетъ Фр. Шуберта („Forellenquintett“); партію контрабаса исполнилъ г. Мысливичекъ. Г-жа Штоссъ-Петрова выбрала квинтетъ Давыдова (соль-миноръ), еще здѣсь никѣмъ не игранный. Піанистка выказала въ этомъ серьезномъ и піанистически весьма неблагодарномъ произведеніи солидныя артистическія качества. Программа струнныхъ ансамблей первой квартетной серіи отличалась разнообразіемъ: на первомъ вечерѣ мы слышали соль-минорный квинтетъ Моцарта и произведеніе талантливаго пера г. Глазунова—ре-мажорный квартетъ. Второй сеансъ далъ намъ квартетъ ор. 11 г. Аренскаго (финалъ его былъ повторенъ) и квартетъ Шумана ор. 41, № 1. На третьемъ вечерѣ были исполнены 10-й квартетъ Бетховена (ми-бемоль мажоръ, ор. 47) и фа-мажорный квинтетъ Рубинштейна, ор. 59. Руководящей мыслью составителей такой программы является, повидимому, желаніе соединить культъ классическихъ образцовъ камерно-инструментальнаго творчества съ надлежащимъ знаніемъ современныхъ успѣховъ русской музыки въ данной области. Такое направленіе проглядываетъ также и въ программахъ нашихъ симфоническихъ собраній, которыя пріобрѣтаютъ съ каждымъ сезономъ возрастающее сочувствіе публики. Благодаря энергическимъ усиліямъ предсѣдателя мѣстнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества А. Н. Виноградскаго и его спеціальному капельмейстерскому дарованію, инструментальная музыка завоевала себѣ у насъ расположеніе массъ; публика втягивается мало-по-малу въ область эстетическихъ наслажденій, доставляемыхъ высшими проявленіями абсолютнаго музыкальнаго творчества. Кіевляне выходятъ постепенно изъ заколдованнаго круга дилетантизма, для котораго послѣ оперы въ нашемъ искусствѣ существовали только камерные ансамбли Мендельсона и современныхъ представителей его школы, исполняемыхъ для самоуслажденія играющихъ. Многіе безсознательно убѣждаются, къ немалому своему удивленію, что литература инструментальной музыки оказывается несравненно разнообразнѣе, шире и глубже, чѣмъ они думали, и что многое выдающееся по этой части творится и подлѣ, у насъ дома и почти на нашихъ глазахъ. Г. Чайковскій переставъ существовать для нашихъ меломановъ исключительно какъ авторъ двухъ-трехъ популярныхъ оперъ и нѣсколькихъ камерно-вокальныхъ вещей: онъ извѣстенъ нынѣ у насъ и какъ симфонистъ, написавшій вдохновенную инструментальную страницу на тему шекспировской „Ромео и Юліи“, четвертую симфонію, третью сюиту и т. п. Въ самое послѣднее время мѣстная публика научилась лучше цѣнить г. Римскаго-Корсакова, прослушавъ его „Антаръ“, „Садко“, „Испанское каприччіо“ и проч. Теперь на очереди стоитъ Бородинъ со своей величественной *второй* симфоніей. Нѣкоторые современные иностранцы также немало выиграли въ глазахъ мѣстныхъ посѣтителей симфоническихъ концертовъ. Назовемъ для примѣра хотя-бы обоихъ талантливыхъ представителей ново-

рожденной скандинавской школы, Грига и Свендсена. „Зорагайда“ послѣдняго была исполнена въ прошломъ сезонѣ съ выдающимся знаніемъ дѣла и успѣхомъ. Но область музыкальныхъ проявленій человѣческаго духа безпредѣльна: толчокъ, данный по направленію пропаганды инструментальной музыки, поведетъ, безъ сомнѣнія, къ дальнѣйшему движенію въ эту сторону, а непройденнаго пути остается еще весьма много. (У насъ вполнѣ еще неизвѣстны такіе иностранные художники, какъ Берліозъ и Листъ; изъ современныхъ назовемъ Брамса. Изъ русскихъ современныхъ дѣятелей на поприщѣ инструментальной музыки кіевляне совсѣмъ не знаютъ г. Кюи; произведенія г. Глазунова прививаются съ трудомъ.)

Изъ трехъ симфоническихъ собраній первой половины текущаго сезона, два были вызваны исключительными случаями и посвящены поэтому произведеніямъ отдѣльныхъ авторовъ. Система такихъ музыкальныхъ чествованій умершихъ или живущихъ художниковъ неизбѣжна, но нельзя не сознаться, что она тормозитъ нѣсколько распространеніе музыкальной литературы, взятой въ цѣломъ. Другое дѣло, если бы подобныя торжества праздновались дѣйствительно не въ счетъ абонемента; собраніе, состоявшееся 21 декабря подъ управленіемъ г. Чайковскаго такъ и было названо у насъ „экстреннымъ“. Но „экстренныя“ симфоническія собранія случаются въ Кіевѣ уже не первый годъ; они стали появляться съ тѣхъ поръ, какъ публика начала охотнѣе посѣщать симфоническіе концерты вообще, и эпитетъ „экстренное“ выражаетъ въ сущности замаскированное признаніе недостаточности установленнаго числа сезонныхъ концертовъ (4). Организаторы симфоническихъ собраній избѣгаютъ послѣдовательной нумераціи этихъ вечеровъ словно изъ опасенія увеличивать однажды опредѣленное ихъ количество и связывать себя подобнымъ прецедентомъ на будущее время; они приберегаютъ поэтому титулъ „экстреннаго“ собранія для наиболѣе торжественныхъ случаевъ. Какъ-бы то ни было, но мы не выходимъ изъ максимальнаго предѣла пяти ежегодныхъ вечеровъ, посвященныхъ преимущественно оркестровой музыкѣ, которая, впрочемъ, не обходится безъ значительной примѣси вокальнаго элемента, все еще весьма необходимаго для внѣшняго успѣха предпріятія. Остается, слѣдовательно, довольно мало мѣста для многочисленной плеяды старыхъ и новыхъ композиторовъ, иностранныхъ и русскихъ, имѣющихъ право на то, чтобы ихъ произведенія были извѣстны; чествованія особенно выдающихся героевъ нашего искусства, совершающіяся въ вышеуказанной формѣ, съуживаютъ еще болѣе тропинку, отведенную для всѣхъ остальныхъ. Общепринятая система юбилейныхъ и т. п. концертовъ, предоставленныхъ сочиненіямъ какого-либо отдѣльнаго автора, влечетъ за собою еще другого рода неудобство; оно смахиваетъ нѣсколько на отношенія между лицами, которыя посѣщаютъ другъ друга преимущественно въ день именинъ или новаго года; соблюденіе такой вѣжливости освобождаетъ отъ болѣе частыхъ встрѣчъ и сношеній. Для многихъ почитателей Моцарта было-бы пріятнѣе, быть можетъ, слышать его музыку на первомъ и на третьемъ симфоническомъ собраніяхъ, но второй сезонный концертъ устранилъ эту возможность единовременнымъ исполненіемъ десяти пьесъ того-же Моцарта. Составители подобныхъ концертовъ легко увлекаются желаніемъ представить чествуемыхъ героевъ съ наиболѣе разнообразныхъ сторонъ: отсюда неизбѣжная мозаика въ программѣ. Моцартъ, написавшій до 700 произведеній всевозможнаго рода и калибра, является передъ нами въ отрывкахъ; нѣсколько десятковъ тактовъ изъ „Cosi fan tutte“ призваны изображать извѣстную сторону универсальнаго генія ихъ автора; три небольшихъ отрывка изъ Requiem'а служатъ прототипомъ другой его стороны и т. д. Не лучше-ли раздѣлить эту непосильную задачу между нѣсколькими музыкальными учрежденіями или распредѣлить ее на нѣсколько дней, какъ это было сдѣлано, напримѣръ, въ Зальцбургѣ. (Нашъ оперный театръ отмолчался совсѣмъ на всемірное чествованіе Моцарта. Поставивъ въ прошломъ сезонѣ „Свадьбу Фигаро“, г. Прянишниковъ счелъ юбилейное торжество отпраздно-ванным заранѣе.) Одна изъ лучшихъ извѣстныхъ намъ программъ, вызванныхъ столѣтіемъ со дня смерти Моцарта, является программа концерта, состоявшагося по этому поводу въ Варшавѣ: тамъ исполнялся весь Requiem, 1-й актъ „Донъ-Жуана“ и симфонія „Юпитеръ“. Такой выборъ долженъ дѣйствительно дать цѣльное и грандіозное представленіе о виновникѣ музыкальнаго торжества.

Не претендуя на подобную цѣльность впечатлѣнія, моцартовскій концертъ, данный въ Кіевѣ 28 ноября подъ скромнымъ названіемъ второго симфоническаго собранія, былъ составленъ, тѣмъ не менѣе, весьма интересно. Его программа включала три произведенія Моцарта, очень малоизвѣстныя вообще и совершенно новыя для Кіева: сцены изъ „Идоменея“, хоръ изъ „Царя Тамоса“ и „Масонская похоронная музыка“ („Maurerische Trauermusik“) Изъ Requiem'а были исполнены лишь отрывки („Confutatis“ и „Lacrymosa“) — но зато лучшіе и наиболѣе типическія въ томъ отношеніи, что принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ, написанныхъ передъ смертью страницъ, въ которыхъ Моцартъ является предвѣстникомъ современной музыкальной субъективности съ ея страстными порывами. Вокальныя соло были исполнены оперными артистами г. Свѣтловымъ-Стольнымъ (арія изъ „Cosi fan tutte“) и г-жей Силиной (арія “Deh vieni“ изъ „Свадьбы Фигаро“). Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ номеровъ программы былъ фортепіанный концертъ (ре-миноръ), художественно исполненный г-мъ Пухальскимъ. Особенно тонко и изящно звучала подъ пальцами піаниста средняя часть произведенія, которая понравилась публикѣ чрезвычайно. Въ первомъ allegro концерта была сыграна каденца Рейнеке, а въ финалѣ — каденца Гуммеля. Къ перечисленнымъ пьесамъ слѣдуетъ прибавить общензвѣстную соль-минорную симфонію, составлявшую основной номеръ программы. Внѣшній успѣхъ описываемаго концерта былъ блестящій: мѣста оказались разобранными заранѣе, нѣсколько номеровъ программы были повторены.

Отдавъ такимъ образомъ дань уваженія классическому періоду музыкальной исторіи, связанному съ именемъ Моцарта, мы погрузились черезъ мѣсяцъ въ современность, представляющую рѣзкій контрастъ съ музыкой конца прошлаго столѣтія. Слѣдующее (симфоническое собраніе, названное „экстреннымъ“ и устроенное мѣстнымъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества „при участіи кіевскаго опернаго Товарищества“, было посвящено исключительно произведеніямъ г. Чайковскаго и состоялось подъ его личнымъ управленіемъ.) Участіе кіевскаго опернаго Товарищества выражалось главнымъ образомъ въ томъ, что хоры, исполнявшіе „гимнъ“ изъ „Орлеанской дѣвы“, были усилены оперными хористами. Этотъ концертъ былъ повторенъ на слѣдующій день днемъ по той-же программѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, вызванныхъ обычными заболѣваніями нашихъ оперныхъ артистовъ. Такое повтореніе концерта считалось устроеннымъ нашимъ симфоническимъ и оперными учрежденіями „совмѣстно“: истинный смыслъ всей этой, повидимому, излишней формалистики кроется въ томъ, что сборъ со второго концерта, даннаго по случаю пріѣ-

ѣзда г. Чайковскаго, былъ пожертвованъ въ пользу голодающихъ, и кіевское оперное Товарищество хотѣло принять участіе въ такомъ пожертвованіи. Первый же концертъ не могъ дать ничего на долю голодающихъ, такъ какъ расходы каждаго отдѣльнаго симфоническаго собранія едва покрываются даже въ случаѣ полнаго сбора. Казалось-бы, что имя нашего знаменитаго композитора могло-бы сослужить еще лучшую службу благотворительному дѣлу помощи голодающимъ, если бъ каждое изъ мѣстныхъ музыкальныхъ учрежденій выступило въ данномъ случаѣ самостоятельно. Слава г. Чайковскаго, какъ опернаго композитора, ничего-бы не потеряла вслѣдствіе отсутствія тѣхъ вокальныхъ отрывковъ, которые занимали значительную часть программы обоихъ концертовъ, благодаря обильному участію оперныхъ элементовъ. Съ своей стороны г. Прянишниковъ могъ-бы устроить одно „экстренное“ представленіе „Пиковой дамы“ въ пользу голодающихъ. Управляющій кіевскимъ оперным Товариществомъ увлекся, вмѣсто этого, желаніемъ произвести своего рода смотръ всему наличному персоналу на эстрадѣ симфоническихъ собраній. Этотъ планъ не удался лишь по независящимъ отъ него обстоятельствамъ; нѣкоторые артисты выбыли изъ строя по болѣзни. Такимъ образомъ, на первомъ концертѣ не удалось исполнить ни аріозо „кумы“ изъ „Чародѣйки“, ни дуэтаЛіонеля и Іоанны изъ „Орлеанской дѣвы“, ни романса „Нѣтъ только тотъ, кто зналъ“. Причиной тому была болѣзнь трехъ пѣвицъ: г-жъ Лубковской, Штрейхеръ и Нечаевой. Вмѣсто послѣдней, пѣлъ сверхъ программы г. Тартаковъ, который несомѣнно является не только лучшимъ нашимъ оперным артистомъ, но и превосходнымъ камернымъ пѣвцомъ, доставившимъ слушателямъ большое эстетическое наслажденіе въ романсахъ: „Подвигъ“ и „Средь шумнаго бала“. Въ камерно-вокальномъ стилѣ подвизались также г.г. Свѣтловъ-Стоянъ (романсъ „Отчего“) и Антоновскій („Благословляю васъ, лѣса“), но имъ обоимъ очень далеко до г. Тартакова, въ особенности г. Антоновскому, исполнившему знаменитый романсъ г. Чайковскаго рѣзко и безъ настроенія. Богатыя вокальныя средства этого пѣвца производятъ всегда впечатлѣніе сырого и необработаннаго матеріала, его пѣніе лишено оттѣнковъ и вкуса, порою даже музыкальнаго ритма. Вышеуказанные пробѣлы перваго концерта были отчасти пополнены на слѣдующій день другими членами труппы: г-жу Нечаеву замѣнила г-жа Корецкая; вмѣсто обоихъ отсутствовавшихъ сопрано, пѣла г-жа Силина; появился даже совсѣмъ новый теноръ, г. Успенскій, дебютировавшій на сценѣ уже впослѣдствіи. Кромѣ упомянутыхъ вокальныхъ вещей, 21 декабря были исполнены еще: аріозо князя изъ „Чародѣйки“ (г. Прянишниковъ) и ансамбль съ хоромъ изъ „Орлеанской дѣвы“ при участіи г-жи Снарской, г.г. Свѣтлова-Стояна и Волгина, а также соединенныхъ хоровъ оперы, музыкальнаго училища и капеллы г. Калишевскаго. Этотъ гимнъ былъ повторенъ, благодаря красивымъ дѣтскимъ голосамъ пѣвчихъ г. Калишевскаго. Но инструментальная часть программы является, конечно, существеннѣйшею стороною описываемыхъ концертовъ. Она состояла изъ трехъ, хорошо извѣстныхъ въ русскихъ столицахъ, произведеній: сюиты № 3, антракта и пляски сѣнныхъ дѣвушекъ изъ „Воеводы“ и увертюры „1812 годъ“. Исполненіе этихъ, чаще очень трудныхъ, партитуръ было очень добросовѣстно подготовлено еще до пріѣзда автора мѣстнымъ оперным капельмейстеромъ, г. Прибикомъ. Нашъ оркестръ хорошо справился какъ съ техническими трудностями скерцо и варіаціи изъ сюиты, такъ и съ звуковою массивностью эпилога торжественной увертюры. Нельзя не упомянуть о прекрасной игрѣ г. Шевчика въ скрипичномъ соло финала сюиты. Оба концерта сопровождались горячими овиціями въ честь композитора.

Первый симфонический концертъ сезона состоялся 19 октября. Двѣ инструментальныя пьесы второго отдѣленія программы были повторены: колоритная страница выдающагося русскаго музыкальнаго живописца г. Римскаго-Корсакова—„Садко“ и полная настроенія элегія для струнныхъ инструментовъ („Весна“) Эд. Грига. Большого успѣха удостоился также и г. Тартаковъ, художественно исполнившій вокальные номера программы (арія Тоаса изъ „Ифигеніи въ Тавридѣ“ Глюка и романсы). Капитальною пьесой концерта была вторая симфонія Бетховена (ре-мажоръ, ор. 36). Капельмейстеръ г. Виноградскій внесъ въ данное произведеніе много оттѣнковъ и одушевленія; переходъ отъ вступительнаго adagio къ первому allegro былъ сдѣланъ мастерски. Скерцо вылилось какъ-бы однимъ взмахомъ; очень картинно вышло также заключеніе симфоніи. Послѣднимъ номеромъ программы была исполнена блестящая и нѣсколько декоративная увертюра Литольфа: „Робеспьеръ“. Исполненіемъ этой вещи мѣстное отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества хотѣло почтить память знаменитаго автора фортепіанныхъ „симфоничныхъ концертовъ“, умершаго 7 августа прошлаго года.

По части виртуозныхъ концертовъ у насъ были въ первыхъ числахъ декабря только концерты г-жи Зембрихъ-Коханской съ участіемъ талантливой молодой піанистки г-жи Маріи Вонсовской. Обѣ артистки имѣли выдающійся успѣхъ и концертировали здѣсь 2 раза. Въ будущемъ ожидаются концерты піаниста Іосифа Сливинскаго (въ февралѣ) и пѣвицы г-жи Альмы Фостремъ (въ мартѣ).

В. Чечоттъ.

Дѣла кіевскаго драматическаго Товарищества въ матеріальномъ отношеніи за послѣдніе два мѣсяца значительно поправились. За декабрь мѣсяцъ Товарищество выработало 80 коп. на рубль. Вѣроятно, и конецъ сезона пройдетъ такъ же успѣшно. Такимъ образомъ, наше Товарищество съ перваго сезона съумѣло стать на твердую ногу. Успѣхъ Товарищества—весьма утѣшительный фактъ, такъ какъ за послѣднія 10 лѣтъ драма никакъ не могла утвердиться въ Кіевѣ.

Новый годъ начался постановкой двухъ образцовыхъ произведеній: 2 января „Отелло“, 3 января „Коварство и любовь“ въ бенефисѣ г. Самойлова-Мичурина. Распредѣленіе ролей въ шекспировской трагедіи было слѣдующее: Отелло—г. Соловцовъ, Дездемона—г-жа Малиновская, Яго—г. Недѣлинъ, Эмилія—г-жа Аграмова, Кассіо—г. Долиновъ.

Шиллеровская трагедія прошла съ прекраснымъ ансамблемъ. Всѣ роли нашли соотвѣтствующихъ исполнителей: президентъ—г. Песоцкій, Фердинандъ—г. Самойловъ-Мичуринъ. Луиза—г-жа Анненская, Леди Мильфордъ—г-жа Глѣбова, Вурмъ—г. Чужбиновъ, Миллеръ-отецъ—г. Соловцовъ, Миллеръ-мать—г-жа Аграмова. Бенефиціантъ толково и съ чувствомъ провелъ свою роль, при громкомъ одобреніи публики. На обоихъ спектакляхъ (2 и 3 янв.) публики было много.

Изъ новыхъ пьесъ были поставлены: „Новое дѣло“ ком. Вл. И. Немировича-Данченко, „Искупленіе“ ком. въ 5 дѣйст., съ прологомъ Октава Фелье (въ 1-й разъ на русской сценѣ), „Евлалія Рамина“—др. въ 4 д. соч. Н. Н. Соловцова и „Уголокъ Москвы“ ком. Вл. Александрова.

Большой успѣхъ выпалъ на долю ком. „Новое дѣло“. Главныя роли Столбцова и Андрея Колгуева нашли вполнѣ удовлетворительныхъ исполни-

телей въ лицѣ гг. Чужбинова и Соловцова. Г. Долиновъ, играя преимущественно роли 2-хъ любовниковъ, замѣтно вырабатывается и обѣщаетъ быть хорошимъ актеромъ и на первыя роли. Взявши для бенефиса отвѣтственную роль увлекающагося Мориса въ комедіи Фелье, г. Долиновъ провелъ ее вполнѣ прилично. Изъ исполнителей вторыхъ ролей слѣдуетъ еще отмѣтить гг. Осмоловскаго и Попова, съ успѣхомъ играющихъ роли разнообразныхъ амплуа. Г. Осмоловскій былъ характеренъ въ небольшой роли хитраго адвоката Готлебена. Главную роль Мадлены исполнила г-жа Анненская, съ присущей ей талантливостью.

Въ драмѣ Н. Н. Соловцова разсказана неудачная любовь Евлаліи Раминой, подъ вліяніемъ которой она и налагаетъ на себя руки. Въ разработкѣ этого несложнаго сюжета авторъ не проявляетъ особенной талантливости, хотя ему нельзя отказать въ знаніи сцены и въ недурномъ языкѣ. 14 января въ бенефисъ г. Мелеберга шла комедія Вл. Александрова „Уголокъ Москвы“. Въ бенефисъ нашей ingénue comique г-жи Вѣровой были поставлены три пьесы: 1) „Братъ и сестра“ (въ пер. г. Маттерна), 2) „Бѣлая камелія“ и 3) „Сорванецъ“. Бенефиціантка съ полнымъ успѣхомъ выступила въ ком. „Сорванецъ“, дружно разыгранной нашими артистами. „Братъ и сестра“ ставилась въ Кіевѣ въ первый разъ. Г-жа Анненская превосходно передавала искренность и наивность Маріанны; г. Мичуринъ (Вильгельмъ) и г. Песоцкій (Фабрицій) отнеслись къ своимъ ролямъ слишкомъ легкомысленно, не потрудившись даже заучить ихъ.

Начиная съ рождественскихъ праздниковъ, въ спектаклихъ Товарищества снова принимаетъ участіе г-жа Глѣбова, выступающая съ обычнымъ успѣхомъ въ роляхъ своего репертуара.

—

Коломна. *(Отъ нашего корреспондента).* 27-го октября въ мѣстномъ Коммерческомъ Собраніи состоялся спектакль съ участіемъ пріѣзжихъ изъ Москвы артистокъ и любителей. Поставлена была драма г. Карпова „Ранняя осень“ и одноактная комедія: „Въ слѣдующій разъ“ и „Предложеніе“. Обѣ послѣднія вещи прошли очень живо и публика наградила артистовъ шумными апплодисментами. Всѣ участвующіе играли подъ вымышленными фамиліями, и потому излишне говорить объ отдѣльныхъ исполнителяхъ.

—

Кострома. *(Отъ нашего корреспондента).* Въ серединѣ декабря на костромской сценѣ шелъ спектакль любителей, данный ими на усиленіе фондовъ Кружка. Выборъ исполнителей палъ на извѣстную, довольно заигранную уже, пьесу „Злоба дня“. Сошла пьеса въ общемъ довольно сносно,—но нельзя сказать, чтобы роли были распредѣлены удачно. Спектакль далъ сбору около 200 руб.

Вслѣдъ за этимъ спектаклемъ былъ назначенъ спектакль въ пользу инвалидовъ, несостоявшійся по причинѣ плохого сбора.

На праздникахъ спектакли шли почти каждый день,—но сборы были не особенно удовлетворительны, такъ какъ пьесы шли заигранныя,—а у насъ не любятъ въ теченіе сезона смотрѣть нѣсколько разъ одну и ту же пьесу. На праздникахъ шли: „Татьяна Рѣпина“, „Гдѣ любовь тамъ и напасть“, „Фальшивый монетчикъ“, „Уголокъ Москвы“ „Материнское благословеніе“ и „Каширская старина“.

3-го января заслуженная артистка нашей труппы Л. Н. Щеголева, одна изъ лучшихъ провинціальныхъ артистокъ на роли комическихъ старухъ, праздновала 35-лѣтній юбилей своей сценической дѣятельности. Желающихъ посѣтить этотъ спектакль оказалось очень много. Сборъ былъ около 500 руб. Артистка при первомъ своемъ выходѣ на сцену (въ роли Кабанихи въ „Грозѣ“) была встрѣчена рукоплесканіями; затѣмъ всѣ артисты и артистки привѣтствовали ее чтеніемъ поздравительнаго адреса, и поднесеніемъ альбома съ фотографическими карточками всей труппы. Отъ публики было подано г-жѣ Щеголевой нѣсколько поздравительныхъ адресовъ, лавровый вѣнокъ (отъ Кружка) и серебряный сервизъ; прочитана была поздравительная телеграмма отъ артистовъ театра г. Корша.

Очень удачно сошелъ спектакль 6 января; шли двѣ пьесы „Недоросль“ ком. фонъ-Визина и „Заяцъ“ г. Мясницкаго. Сборъ былъ полный.

Замѣчательнымъ успѣхомъ пользуются вечера Музыкальнаго Кружка; на праздничномъ исполнительномъ вечерѣ огромный залъ Дворянскаго Собранія не могъ вмѣстить всѣхъ посѣтителей, такъ что даже на хорахъ многимъ недоставало мѣстъ. Особенно удачны были №№ оркестра любителей; публика требовала повторенія нѣсколькихъ №№.

На Рождествѣ были даны три концерта съ благотворительной цѣлью: первый въ пользу Маріинскаго дѣтскаго пріюта, второй въ пользу голодающихъ (данъ гг. Чижевскими) и третій въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ реальнаго училища.

По исполненію удачнѣе всѣхъ вышелъ концертъ гг. Чижевскихъ; недурно сошли и два другіе; сборы всѣхъ трехъ концертовъ были очень хороши, такъ что добрая цѣль ихъ увѣнчалась вполнѣ желаннымъ успѣхомъ.

—

Красноярскъ, Енис. губ. *(Отъ нашего корреспондента).* Всего только второй сезонъ существуетъ у насъ труппа актеровъ, а видно уже, что публика пристрастилась къ театру. Въ прошломъ году труппа, подъ управленіемъ г. Ярославцева-Сибиряка, за два мѣсяца собрала около 13 тыс., но явленіе это нормальнымъ назвать нельзя и нынѣшнему антрепренеру, г. Курчаеву, на подобный сборъ разсчитывать трудно. Что же касается исполнителей, то въ нынѣшнемъ году они несравненно выше прошлогоднихъ, а такіе артисты, какъ г-жи Калмыкова, Курчаева, Шадрина, гг. Курчаевъ, Камскій и Успенскій могутъ быть замѣтны на любой провинціальной сценѣ. Сезонъ въ нынѣшнемъ году былъ открытъ 1 октября драмой Писемскаго „Горькая судьбина“. Затѣмъ были поставлены 3 оперетки — („Хаджи-Муратъ“, „Креолка“ и „Чайный цвѣтокъ“) и слѣдующія пьесы: „Нашъ другъ Неключевъ“, „Соколы и Вороны“, „Жизнь за мгновеніе“, „На всероссійскую выставку“, „Бракоразводный процессъ“ и „Владиміръ Залевскій“. Въ прошломъ году, какъ это ни странно, всѣ оперетки шли безъ музыки, а теперь у насъ появился очень порядочный оркестръ.

—

Кременчугъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Театральное дѣло въ Кременчугѣ пользуется прочными и заслуженными симпатіями со стороны кременчугской публики. Кременчугскіе обыватели имѣютъ изъ году въ годъ постоянный зимній театръ съ ежегодно обновляемой, болѣе или менѣе, приличной труппой, тогда какъ такіе большіе города, какъ Херсонъ, Екатеринославъ, Полтава, Елисаветградъ и другіе южные города, стоящіе несравненно выше Кременчуга, какъ по количеству народонаселенія, такъ и вообще въ об-

ще ственномъ и экономическомъ отношеніи, не имѣютъ постояннаго зимняго театра и только пробавляются изрѣдка наѣзжающими гастрольными труппами. Въ качествѣ антрепренера 17-ый годъ (а въ качествѣ артиста 19-ый) въ Кременчугѣ выступаетъ г. Филипповскій. Бывшій недавно бенефисъ г. Филипповскаго („Въ родственныхъ объятіяхъ“, г. Лихачева, „Женихъ изъ долгового отдѣленія“, Чернышева, и „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“, Куликова), былъ рядомъ овацій по адресу бенефиціанта. Что касается репертуара въ текущемъ сезонѣ, то за истекшій промежутокъ сезона отъ 1-го октября (открытіе сезона) до 7-го января 1892 года въ составъ его вошли слѣдующія пьесы: „Гроза“ (2 раза), „Горе отъ ума“ (2 раза), „Ревизоръ“ (2 раза), „Свадьба Фигаро“, „Генрихъ Гейне“ (2 раза), Дармоѣдка (2 раза), „Евреи прошедшихъ вѣковъ“, „Дѣти отцовъ своихъ“, Вѣдьмы“, „Аргунинъ“, „Въ неравной борьбѣ“ (2 раза), „Ни минуты покоя“ (2 раза), „Темный боръ“ (2 раза), „Грѣшница“ (2 раза), „Послѣдняя воля“, „Наканунѣ выборовъ“ (2 раза), „Подъ властью сердца“ (2 раза), „Клубъ холостяковъ“ (2 раза), „Разрушеніе Помпеи“ (2 раза) и друг. Менѣе всего дали сбору, къ стыду кременчугцевъ, классическія пьесы: „Свадьба Фигаро“ дала что-то около 70 руб., „Горе отъ ума“ также не болѣе; болѣе же всего давали пьесы: гг. Вл. Александрова, Мясницкаго и др. Вообще же до 6-го января взято сбору 6.450 руб.; за рождественскіе праздники—1054 рубля; бенефисъ г-на Филипповскаго далъ 350 руб. Въ составѣ труппы находится слѣдующіе персонажи: г. Раковскій, въ исполненіи котораго всегда видно знаніе ролей, вдумчивость, анализъ, стремленіе дать извѣстный типъ, извѣстный образъ. Амплуа первыхъ любовниковъ занимаетъ г. Гофманъ. Исполненіе имъ ролей первыхъ любовниковъ и героевъ неудовлетворительно и безцвѣтно. Прямое амплуа г. Гофмана—роли характерныхъ простаковъ; въ этихъ роляхъ онъ вполнѣ удовлетворителенъ и симпатиченъ. Г. Горинъ, занимающій амплуа простаковъ, очень добросовѣстный и полезный труженикъ. Я позволю себѣ только посовѣтовать артисту избѣгать шаржа, который онъ часто допускаетъ въ угоду „верхней“ публикѣ. Амплуа фатовъ занимаетъ г. Катарскій. Исполненіе г. Катарскаго отличается крайнимъ однообразіемъ и шаблонностью формы, тѣмъ специфическимъ „актерствомъ“, которое такъ шокируетъ эстетическій вкусъ серьезнаго театральнаго зрителя. Артистъ выработалъ разъ навсегда одни и тѣ же черты и пріемы для исполненія ролей „фатовъ“, создалъ разъ навсегда рамки „фата“. Г. Крамовъ занимаетъ амплуа комика-буффъ. Г. Крамовъ очень даровитый артистъ но условія провинціальныхъ сценъ не даютъ ему простора для развитія своего таланта. Что касается женскихъ исполнительницъ труппы, то среди нихъ нѣтъ ни одной выдающейся. Г-жа Кострома, занимающая амплуа героинь и grandes dames, можетъ удовлетворить только самаго неприхотливаго зрителя: при обладаніи симпатичнымъ грознымъ голосомъ и довольно эффектной внѣшностью, артистка отличается крайнею искусственностью игры. Гораздо болѣе самостоятельной выказала себя артистка въ исполненіи ролей комическаго характера, такъ въ пьесѣ „Ни минуты покоя“ она была очень хороша. Водевильная артистка г-жа Лапина очень полезная артистка и пользуется большимъ успѣхомъ у кременчугской публики.

Что касается остальныхъ артистовъ, то они настолько безцвѣтны, что о нихъ не стоитъ и говорить.

—

Либны, Орловской губ. (*Отъ нашего корреспондента*). Ливенскій театръ, устроенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Жамсономъ въ городскомъ зданіи и принадлежащій сейчасъ городу, вмѣщаетъ въ себѣ 12 ложъ, 14 рядовъ стульевъ и скамей партера, 3 ряда скамей амфитеатра и вверху галлерею съ мѣстами для сидѣнья и стоянья. Внизу цѣна мѣстамъ отъ 50 к. до 2 р.; въ галлереѣ—75 коп. и 20 коп. Полный сборъ равняется 270 р., обыкновенно же онъ колеблется между 40 и 170 руб. Расходъ по театру весьма значителенъ, ибо городъ взимаетъ за помѣщеніе, безъ отопленія и освѣщенія, 25 руб.; на сценѣ нѣтъ никакой мебели и бутафоріи; кромѣ того, въ театрѣ нѣтъ для зрителей стульевъ, которыхъ требуется, по меньшей мѣрѣ, 9 дюжинъ; достать ихъ, крайне трудно: напрокатъ не у кого или слишкомъ дорого—за спектакль 25—35 руб.

Постоянный Кружокъ Любителей Драмат. Искусства, существующій въ Ливнахъ нѣсколько лѣтъ и находящійся теперь подъ управленіемъ г. Карякина, переигралъ, съ благотворительной цѣлью, цѣлый рядъ пьесъ лучшаго русскаго репертуара. На здѣшней сценѣ любителями поставлены были: „Ревизоръ“, „Женитьба“, „Горе отъ ума“, „Доходное мѣсто“, „Лѣсъ“ и, кромѣ того, многія пьесы болѣе легкаго содержанія. Пьесы прошли весьма недурно. Какъ слышно, Кружокъ хлопочетъ объ утвержденіи устава. 10 ноября тѣмъ же Кружкомъ былъ поставленъ, подъ управленіемъ г-на Карякина, 1-й въ нынѣшнемъ сезонѣ спектакль.—„Тяжелые дни“, Островскаго, прошли весьма ровно и дружно. Нельзя не пожалѣть, что городъ такъ дорого цѣнитъ помѣщеніе театра, безъ всякихъ удобствъ и даже необходимаго. 3—4 хорошихъ артиста въ соединеніи съ любителями могли бы доставить городу большое удовольствіе и пользу, устраивая послѣдовательный рядъ спектаклей по праздникамъ и воскресеньямъ.

—

Маріуполь. (*Отъ нашего корреспондента*). 19-го ноября послѣдовало открытіе зимняго сезона труппой драматическихъ артистовъ г. Леонтьевича. Въ составѣ труппы находятся слѣдующія лица: г-жи Кадмина-Леру, Прянишникова, Медвѣдева, Алинская, Сталь, Веревкина, Жданова, Смолякъ и Яблочкина; гг. Соборновъ-Райскій, Истоминъ, Кальверъ, Шаповаловъ, Лаптевъ, Балкашинъ, Яблочкинъ, Смирновъ, Серебренниковъ, Глѣбскій и Леонтьевичъ. До сихъ поръ поставлено семь спектаклей, были сыграны: „Дармоѣдка“, „Каширская старина“, „Въ неравной борьбѣ“, „Листья шелестятъ“, „Клубъ холостяковъ“, „На всероссійскую выставку“, „Черненькіе и бѣленькіе“ и др.

Что касается труппы, то В. Л. и И. Л. Шаповаловы, артисты съ большимъ знаніемъ сцены. Г. Лаптевъ — даровитый и разнообразный артистъ. Г. Кальверъ — опытный артистъ. Г. Соборновъ-Райскій вноситъ много жизни на сцену, артистъ съ дарованіемъ. Г. Балкашинъ играетъ обдуманно, толково. Г. Истоминъ—артистъ молодой и способный. Г-жи Прянишникова и Кадмина-Леру—прекрасное пріобрѣтеніе для маріупольской сцены, любимицы маріупольской публики, къ которымъ, по всей справедливости, причислимъ и г-жу Медвѣдеву. Успѣхомъ въ роляхъ своего амплуа пользуется и г-жа Алинская. Вообще труппа подобрана вполнѣ хорошо, жаль только, что вслѣдствіе тяжелаго экономическаго кризиса, театральныя дѣла идутъ въ Маріуполѣ неудовлетворительно.

—

Нижній-Новгородъ. Съ 20 октября по 15 января репертуаръ какъ городского театра, такъ и

на сценѣ Соединеннаго Клуба былъ самый разнообразный: преобладающими были пьесы „легкаго содержанія“, современныя комедіи и фарсы. Послѣдніе особенно часто ставились на сценѣ городского театра и въ началѣ сезона имѣли успѣхъ и давали порядочные сборы, но затѣмъ, и эти произведенія современной драматической литературы наскучили нашей публикѣ и театръ, случалось, не разъ пустовалъ. Но, однако, несмотря на такіе, временами плохіе, сборы, драматическое Товарищество, подъ управленіемъ г. Волгина, не можетъ особенно жаловаться на свое матеріальное положеніе: съ 19 октября по 7 января валовой сборъ выразился въ суммѣ 9565 р. 45 к., и за послѣдній мѣсяцъ артисты получили по 37 к. на пай. Это уже значительный прогрессъ сравнительно съ печальной антрепризой г. Бѣльскаго.

Положеніе артистовъ Соединеннаго Клуба болѣе устойчиво уже потому, что клубъ имъ платитъ ежемѣсячно опредѣленную сумму, а потому количество сбора ни мало не отражается на ихъ благосостояніи. Клубная труппа—слаба и состоитъ изъ артистовъ или мало, или вовсе неизвѣстныхъ въ театральномъ мірѣ. Выдѣляется одинъ только распорядитель и режиссеръ труппы г. Лилинъ, какъ актеръ съ выдержанной и обдуманной игрой. На сценѣ клуба выступали также разъ или два старые нижегородскіе артисты г. Красовскій и г-жа Піунова, давно живущіе въ Нижнемъ „не у дѣлъ“, если не сказать „на покоѣ“. Г. Красовскій, будучи талантливымъ комикомъ, когда-то гремѣлъ въ Нижнемъ; достаточно было появиться его фамиліи на театральной афишѣ, чтобы театръ уже былъ полонъ, но времена перемѣнились... Нижегородская публика охладѣла къ театру, постарѣлъ и г. Красовскій, играетъ онъ теперь какъ-то немощно, „по-старчески“; г. Піунова—драматическая актриса такъ-называемой „старой школы“, обладаетъ громадной сценической опытностью и, несмотря на свои года, до сихъ поръ хорошая артистка, хотя въ голосѣ ея всегда звучатъ какія-то совершенно излишнія тоскливыя, унылыя нотки; по моментами она производитъ на зрителя потрясающее впечатлѣніе.

Труппа городского театра несравненно выше по достоинствамъ труппы клуба. Въ ноябрской книжкѣ „Артиста“ мною уже была отмѣчена игра г-жъ Попизовской и Покровской-Волгиной. Эти артистки продолжаютъ подвизаться на сценѣ городского театра съ тѣмъ-же успѣхомъ. Въ мужскомъ персоналѣ пальма первенства принадлежитъ г. Рудинскому, очень талантливому резонеру и умному артисту. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить игру не лишенныхъ дарованія артистовъ, гг. Волгина и Леонтьева (комики), г. Мельникова (второй любовникъ), г. Колосовскаго и г-жъ Борисовой и Маньковской.

—

Николаевъ (Херсонской губ.). *(Отъ нашего корреспондента).* Къ намъ пріѣхала опереточная труппа подъ управленіемъ г. Ліанова. За послѣдніе годы намъ не удается видѣть на нашей сценѣ порядочнаго состава. Прошлый зимній сезонъ (Товарищество г. Михайлова) доказалъ, что, при отсутствіи въ труппѣ хорошихъ силъ и ансамбля, дѣлъ быть не можетъ. Хотя г. Михайловъ и старался исправить свою ошибку и впослѣдствіи пригласилъ другихъ артистовъ, но разъ дѣло въ началѣ загублено, исправить его трудно, и въ концѣ концовъ Товарищество имѣло дефицитъ Въ настоящее время точно при такихъ же условіяхъ начато было дѣло г. Ліановымъ. Составъ труппы: г-жи Добротини (лирическія партіи), Фриде (каскадныя роли), гг. Молдавцевъ (комикъ-буффъ), Ліановъ (теноръ), г-жа Славина-Вальяно (комическая старуха). Въ опереткахъ отсутствуетъ ансамбль. Кромѣ того, въ труппѣ нѣтъ артиста на баритонныя партіи. Хоры слабы. Если и въ будущемъ такъ будетъ продолжаться и г. Ліановъ не позаботится пріобрѣсти для пополненія труппы лирической пѣвицы, баритона и актеровъ на вторыя роли, то дѣлу можно смѣло предсказать печальный конецъ. Первые три спектакля вполнѣ это доказали: 1-й сборъ 550 р., 2-й 295 и 3-й 200 р. Сборы прогрессивно начали падать.

—

Новгородъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Текущій зимній сезонъ для подвизающагося у насъ Товарищества драматическихъ артистовъ болѣе чѣмъ неудаченъ: только что театръ открылъ свои двери, какъ вслѣдъ за нимъ, тутъ-же подъ бокомъ, послѣдовало открытіе пріѣзжаго цирка, сильно подорвавшаго дѣла театра. Передъ праздниками циркъ уѣхалъ, дѣла Товарищества замѣтно поправились и теперь идутъ все лучше и лучше. Труппа составлена, по примѣру прошлыхъ лѣтъ,—владѣльцемъ театра г. Мерянскимъ, артистомъ театра г. Корша. Онъ передалъ веденіе дѣла, оставаясь его распорядителемъ, г. Собольщикову-Самарину, съ успѣхомъ подвизающемуся на нашей сценѣ вотъ уже второй зимній сезонъ. Составъ труппы нынѣшняго сезона много уступаетъ прошлому: очень чувствуется пробѣлъ въ амплуа комика и водевильной актрисы. Въ главныхъ роляхъ выступаютъ: г-жи Свентицкая, Запольева, Бѣлинская, Мерянская, Полонская и Дубровичъ, гг. Собольщиковъ-Самаринъ, Леоновъ, Кригеръ, Сарматовъ, Ладовъ и Бояровъ. Самымъ большимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ пользуется г. Собольщиковъ-Самаринъ. Онъ очень разнообразный актеръ, какъ видно много работающій и любящій свое дѣло, (герой, драматич. резонеръ и режиссеръ). Нельзя не упрекнуть его какъ режиссера, за выборъ преимущественно переводныхъ пьесъ, которыя, повидимому, назначались для усиленія сборовъ;—хотя, впрочемъ, и достигали своей цѣли. Что дѣлать?!.. Какъ ни грустно сознаться, а реклама все-таки привлекаетъ массу; современная-же комедія и драма давали Товариществу 40—50 руб. сбора. Большимъ успѣхомъ также пользуется г-жа Свентицкая (героиня) артистка, какъ говорится „съ огонькомъ“, всегда и прекрасно знающая свои роли, хотя не совсѣмъ опытная. Лучше всего удаются ей роли ingénue dramatique. Г-жа Запольева (героиня и grand dame) въ началѣ сезона имѣла довольно солидный успѣхъ, но, благодаря своей однообразной, монотонной читкѣ и „трагическимъ“ манерамъ,—прискучила публикѣ. Г-жа Бѣлинская (драматич. ingénue) очень полезная артистка и пользуется успѣхомъ. Г-жа Мерянская (комическія и бытовыя роли) удачно справляется со своими ролями. Г-жа Дубровичъ, (роли комическихъ старухъ) опытная актриса. Нельзя обойти и симпатичной артистки г-жи Полонской, отлично передающей характерныя комическія роли. Г. Леоновъ (1-й любовникъ) опытный артистъ, съ задушевнымъ голосомъ, но, къ сожалѣнію, не обладаетъ манерами, необходимыми для этого амплуа. Замѣтно, что артистъ добросовѣстно относится къ дѣлу и занимается данными ему ролями, чего уже никакъ нельзя сказать про 1-го комика труппы г. Сарматова, никогда незнающаго роли. Нельзя не отмѣтить г. Кригера (простакъ), совсѣмъ еще молодого, начинающаго артиста, но съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Остальные исполнители не портятъ дѣла. Пьесы большей частью проходятъ дружно и радушно принимаются публикой, все болѣе и болѣе посѣщающей театръ. Спектакли идутъ три раза въ недѣлю, на Рождествѣ и масляницѣ—ежедневно.

Полный сборъ въ театрѣ по обыкновеннымъ цѣнамъ 315 руб., расходъ 65 руб.

—

Ново-Троки. (Виленской губ.) (*Отъ нашего корреспондента*). 8 декабря еще съ утра въ городѣ было замѣтно небывалое оживленіе, и неудивительно: ни одинъ старожилъ не запомнитъ въ Трокахъ такого событія, которое совершилось 8 декабря. По городу развѣшены были разноцвѣтныя афиши: въ пользу погорѣльцевъ г. Лиды, мѣстными любителями драматическаго искусства былъ устроенъ спектакль. Поставлены: „Жоржинька“, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ г. Чека и „По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1-мъ дѣйствіи г. Гроссера—новинки и не для однихъ Трокъ. Временное отдѣленіе виленскаго окружного суда въ Трокахъ превратилось на этотъ день въ театральный залъ, къ сожалѣнію, очень маленькій, всего на 100 мѣстъ, но зато они всѣ заняты, билеты брались нарасхватъ, за три недѣли до спектакля всѣ были уже распроданы, а еще оставалось много желающихъ попасть на спектакль, такъ что пришлось открыть продажу билетовъ на генеральную репетицію. Сцена устроена очень мило и съ большимъ вкусомъ. Занавѣсъ съ изображеніемъ развалинъ Троккаго замка сдѣлалъ бы честь и настоящему театру. Задняя картина, кулисы и павильонъ сдѣланы очень хорошо, освѣщеніе удачное. Сколько труда, энергіи и любви къ дѣлу нужно было, чтобы устроить такую сцену изъ ничего, съ небольшими средствами и 2—3 неопытными рабочими! Обѣ вещицы, какъ „Жоржинька“, такъ и „По кровавымъ слѣдамъ“ сыграны были очень недурно и слушались съ большимъ интересомъ; любители знали всѣ свои роли прекрасно и срепетовка была очень хороша. Особенно удались роли: слѣдователя въ фарсѣ „По кровавымъ слѣдамъ“ и отставного полковника Стогова въ „Жоржинькѣ“. Въ антрактахъ хоръ учениковъ мѣстнаго уѣзднаго училища исполнилъ недурно нѣсколько народныхъ пѣсенъ. Матеріальная сторона дѣла оказалась по своимъ результатамъ неблестящей, несмотря на полный сборъ и частныя пожертвованія (всего собрано 170 руб.), потому что устройство сцены, декораціи, музыка и прочіе неизбѣжные расходы поглотили больше двухъ третей сбора. (Чистаго дохода осталось 50 руб.). Но зато трочане имѣютъ теперь готовую сцену со всѣми приспособленіями и могутъ устраивать благотворительные спектакли съ лучшими результатами, чѣмъ и намѣрены широко пользоваться.

12-го января состоялся у насъ второй любительскій спектакль. Поставлены были: „Стрекоза“, „Молчаніе“ и „Разлука та же наука“. Всѣ три водевиля прошли гладко и весело, въ особенности же послѣдній, который былъ сыгранъ съ замѣчательнымъ ансамблемъ. Публика хохотала отъ души и по окончаніи наградила любителей шумными оваціями. „Молчаніе“ тоже очень понравилось публикѣ новизною сюжета.

Вообще любительскія подмостки находятъ у насъ все болѣе и болѣе поклонниковъ, число любителей значительно увеличилось и есть надежда, что современемъ удастся сформировать у насъ правильно организованный Кружокъ любителей драматическаго искусства.

Второй спектакль показалъ уже, что надежды, возлагаемыя на нѣкоторыхъ любителей начинаютъ оправдываться и что современемъ трокскіе любители уже не будутъ производить на сценѣ впечатлѣнія новичковъ.

Слѣдующій спектакль предполагается поставить на масляницѣ съ благотворительной цѣлью и, можетъ быть, на этотъ разъ удастся выбрать что-нибудь серьезнѣе водевилей и въ то же время по силамъ здѣшнимъ любителямъ.

—

Одесса. (*Отъ нашего корреспондента*). Тихо и скромно течетъ музыкальная жизнь Одессы. Серія симфоническихъ собраній, съ отъѣздомъ г. Аренскаго, прервалась, и, повидимому, надолго, несмотря на то, что въ Одессѣ живетъ баронъ Каульбарсъ, приглашенный Одесскимъ отд. Императорскаго Русск. Музык. Общ. спеціально для дирижированія симфоническими концертами и не разъ, въ прошлые сезоны, выступавшій передъ одесской публикой. Симфоническая музыка настолько нравится музыкально развитой части здѣшней публики, что продолженіе симфоническихъ концертовъ встрѣчено было бы съ живѣйшимъ интересомъ. Въ декабрѣ состоялось первое собраніе камерной музыки, въ которомъ были исполнены квартетъ № 13—Моцарта, соната ор. 13—Грига и „чакона“ Баха. Эти собранія камерной музыки посѣщаются публикой довольно охотно. Программа составляется преимущественно изъ произведеній классиковъ, что, конечно, заслуживаетъ одобренія. Желательно, однако, чтобы на каждый вечеръ допущено было хотя бы по одному изъ лучшихъ произведеній современныхъ русскихъ композиторовъ. Послѣднее казалось бы, прямая обязанность Одесскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества: оно должно распространять между иноплеменными элементами жителей Одессы русскую музыку.

Грустно также видѣть, что антреприза городского театра за *два мѣсяца* существованія русской оперы могла поставить только три русскихъ оперы: „Жизнь за Царя“, „Русалку“ и „Демона“. И за то же время,—слѣдующія оперы иностранныхъ композиторовъ, на итальянскомъ языкѣ: „Лючія“, „Фаустъ“, „Трубадуръ“, „Лакмэ“, „Аида“, „Сельская честь“, „Севильскій цирюльникъ“.

„Сельская честь“ дала два раза полный сборъ, „Аида“ и „Риголетто“—по одному. Слабѣе всего посѣщались „Севильскій цирюльникъ“ и „Фаворитка“ (послѣдняя собрала 800 р. съ небольшимъ). Всего съ начала сезона (27 ноября) по 25 января дано 32 спектакля: 23 итальянскихъ, 9 русскихъ. Такое соотношеніе русскихъ спектаклей къ итальянскимъ показываетъ, насколько антреприза г. Грекова уклонилась отъ первоначальнаго плана—удѣлить въ Одессѣ первое мѣсто русской оперѣ. Не придавая нашей итальянской оперѣ культурнаго значенія, считая ее скорѣе забавою, мы ей, однако, не можемъ отказать въ томъ, что она познакомила насъ съ нѣкоторыми достойными артистами. Отмѣчаемъ г-жу Дзилли (сопрано), имѣвшую большой успѣхъ въ „Аидѣ“ и „Трубадурѣ“, и г. Сивори (баритонъ), артиста серьезнаго, не ищущаго аплодисментовъ, а ставящаго себѣ исключительною задачею воспроизводить на сценѣ художественно-законченные образы (Амонасро въ „Аидѣ“, Альфонсъ въ „Фаворитка“). Г. Арамбуро—главная наша притягательная сила. У него дѣйствительно превосходный теноръ и онъ отличный вокалистъ, но ему мѣшаетъ немузыкальность и отсутствіе игры. Эти недостатки крайне вредятъ его успѣху, какъ ни старается онъ расточать свои ферматы и трели, до которыхъ онъ большой охотникъ. Огромный трудъ для дирижера аккомпанировать подобному артисту. Въ особенности трудно бываетъ г. Труффи управляться съ ансамблями, въ которыхъ выступаетъ г. Арамбуро имѣющій привычку въ такихъ случаяхъ просто на просто подъ шумокъ отмалчиваться, когда мѣсто кажется артисту особенно трудно. Какъ не пожалѣть о музыкальной не-

подготовленности у обладателя такого выдающагося голоса.

Изъ остальныхъ „итальянцевъ“ упоминаемъ г-жу Фонсъ (сопрано), гг. Массими (теноръ), Полли (баритонъ) и Ріэра (басъ). Нѣкоторые изъ „русскихъ“ участвуютъ тоже въ итальянскихъ операхъ. Такъ, г-жа Филонова — недурная Сантуцца, г-жа Любатовичъ—совсѣмъ хорошая Амнерисъ.

Но обратимся къ русскимъ спектаклямъ. Въ послѣднемъ представленіи „Русалки“, княгиню исполняла г-жа Соколова. Это было хорошо: мы слушали свѣжее, ровное контральто, ритмичное пѣніе, хорошую дикцію и фразировку, видѣли настоящую боярыню. Для „князя“ имѣются у насъ два исполнителя—гг. Массими и Соколовъ; оба итальянизируютъ партію, что вовсе неумѣстно въ операѣ Даргомыжскаго Г-жа Филонова передаетъ Наташу съ тѣми пріемами, о которыхъ уже была рѣчь въ прошлой корреспонденціи. Для „мельника“ имѣемъ въ лицѣ г. Дементьева музыкально-толковаго исполнителя. „Демонъ“ шелъ 13, 20 и 24 января. Въ смыслѣ ансамбля особенно удаченъ спектакль 24 числа. Вотъ составъ солистовъ: Тамара—г-жа Бруно, добрый геній—г-жа Соколова, Синодалъ — г. Массими, Гудалъ — г. Дементьевъ, Демонъ — г. Кругловъ, биссировавшій арію „Не плачь, дитя“. Въ предпослѣднемъ спектаклѣ положительно хорошимъ Синодаломъ былъ г. Соколовъ.

„Евгеній Онѣгинъ“ пойдетъ въ первыхъ числахъ февраля.

Внѣшняя сторона постановки оперъ у г. Грекова заслуживаетъ полной похвалы. Костюмы и особенно декораціи отличаются богатствомъ и вкусомъ.

На сценѣ одесскаго городскаго театра была поставлена впервые, въ четвергъ 23 января, новая 4-хъ актная комедія „Профессоръ Ясневъ“. Авторъ пьесы—мѣстный молодой писатель М. Осанинъ. Поставленная въ бенефисѣ артиста Трубецкаго, пьеса эта имѣла большой успѣхъ.

—

Орелъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Со времени перваго спектакля труппы нашего драматическаго Товарищества, выяснились, какъ артистическія средства всей труппы вообще и каждаго изъ главныхъ исполнителей въ особенности, такъ равно и отношеніе орловцевъ къ своей труппѣ. Въ общемъ труппа пользуется сочувствіемъ публики. Отзывчивость и сочувствіе ея труппѣ выразились, между прочимъ, на прошедшихъ бенефисахъ главныхъ ея исполнителей: гг. Алякринскаго (первый любовникъ), Вехтера (на сильныя драматическія роли) и г жи Квартановой-Пальминой (ingénue dramatique), получившихъ каждый, кромѣ шумныхъ овацій, болѣе или менѣе цѣнные подарки—пріемъ, давно уже не практиковавшійся въ Орлѣ. Изъ числа другихъ главныхъ исполнителей труппы Товарищества пользуются также сочувствіемъ публики: гг. Виноградскій и Боровскій (комики) и г-жи Ледковская (ingénue comique и водевильныя роли), Александрова I (комическая старуха) и Виноградская (ingénue dramatique).

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы сочувствіе это выражалось и усиленнымъ посѣщеніемъ театра. Хотя сборы въ общемъ лучше сборовъ прошлаго года, но все же оставляютъ желать многаго. За 42 спектакля, данныхъ Товариществомъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы, валовой сборъ былъ 4.812 руб. 85 коп. Изъ этой суммы отчислено въ запасный капиталъ Товарищества слишкомъ 900 руб. и, за отчисленіемъ вечеровыхъ и другихъ побочныхъ расходовъ, за октябрь мѣсяцъ товарищи труппы получили всего по 12% за пай, а ноябрь прошелъ и того хуже, не очистивъ ровно ничего, а, наоборотъ, давъ дефицита 37 руб.

Очень многихъ изъ товарищей, конечно, стѣснятъ отчисленіе 20% съ валового сбора въ запасной капиталъ, но, тѣмъ не менѣе, эта мѣра кажется намъ вполнѣ разумной и цѣлесообразной, ввиду именно тѣхъ условій, которыя ждутъ обыкновенно провинціальныхъ артистовъ къ окончанію сезона.

Изъ числа 42 пьесъ, поставленныхъ Товариществомъ за октябрь и ноябрь, отмѣтимъ слѣдующія: „Свадьба Кречинскаго“, „Соколы и вороны“, „Свѣтитъ, да не грѣетъ“, „Блуждающіе огни“, „Гроза“, „Забубенная головушка“ (бенефисъ г. Алякринскаго), „Въ неравной борьбѣ“ (бенефисъ г-жи Квартановой-Пальминой), „Ошибки молодости“, „Степь-матушка“, „Гусь лапчатый“ (бенефисъ г-жи Александровой I), „Кинъ“, „Ришелье“ (бенефисъ г. Вехтера), „Материнское благословеніе“.

Музыкально-драматическій любительскій Кружокъ нашъ, усиленный въ этомъ году поступленіемъ въ него новыхъ членовъ, изъ которыхъ есть нѣсколько очень хорошихъ исполнителей, замѣтно оживился. Здѣсь, между прочимъ, очень удачно прошелъ спектакль 10 ноября. Поставлены были „Женитьба“ и „Что имѣемъ, не хранимъ“. Былъ также въ Кружкѣ и прошелъ живо и съ хорошимъ ансамблемъ музыкально-литературный вечеръ, посвященный памяти Лермонтова.

Лермонтовскій вечеръ былъ устроенъ и въ классической гимназіи. Онъ прошелъ живо и оставилъ хорошія воспоминанія у учащихся.

Въ Николаевской женской гимназіи былъ устроенъ музыкально-литературный вечеръ исключительно для самихъ же гимназистокъ, который прошелъ также очень удачно. Желательно было-бы, чтобы такіе вечера были устраиваемы въ учебныхъ заведеніяхъ чаще. Это цѣлесообразно, какъ въ видахъ развитія эстетическаго чувства у учащихся, такъ точно и въ педагогическомъ отношеніи, какъ возможность пріятнаго отдыха отъ занятій.

По ходатайству распорядителя Товарищества труппы, г. Вехтера, ввиду недостаточности сборовъ, орловскимъ городскимъ головою предложено было собранію городской думы уменьшить условленную арендную плату за помѣщеніе театра съ 2.000 на 1.500 р. Предложеніе это было принято думой и рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ.

—

Оренбургъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Съ начала сезона до 7 января Товарищество успѣло дать 88 спектаклей. Въ общемъ дѣла хуже прошлогоднихъ, но все-таки даютъ возможность существовать. Нѣкоторые бенефисы были очень удачны, особенно бенефисы г-жи Немировой и г. Новикова. Труппа въ общемъ хуже прошлогодней—главное, недостаетъ ей хорошихъ любовниковъ, драматическаго и водевильнаго. Недурна молодая еще актриса Г-жа Мозылевская. Она недурно читаетъ безъ суфлера сцену „Въ слѣдующій разъ“. Изъ остальныхъ надо отмѣтить г-жу Донскую. Въ нѣкоторыхъ ролях она положительно хороша. Нѣкоторыя роли очень удаются г-жѣ Немировой-Ламановой, хотя ей много вредитъ неясный выговоръ. Изъ мужчинъ пальма первенства на сторонѣ г. Яковлева. Премьеръ труппы г. Новиковъ уже достаточно извѣстенъ, его всегдашній недостатокъ — незнаніе роли даже въ тѣхъ пьесахъ, которыя онъ игралъ, по меньшей мѣрѣ, разъ сто въ свою жизнь. А затѣмъ приходится упомянуть еще только г. Лидина и Мозылевскаго.

Въ репертуаръ, кромѣ старыхъ драмъ, мелодрамъ и комедій, вошли слѣдующія новыя пьесы: „Въ старые годы“, „Фотографъ-любитель“, „Василекъ“, „Ранняя осень“, „Въ слѣдующій разъ“, „Гусь лапчатый“, „Въ неравной борьбѣ“, „Золотая рыбка“, „Порывъ“, „Честь“ и „Уголокъ Москвы“.

12 го ноября состоялся бенефисъ г-жи Немировой-Ламановой; со стороны сбора бенефисъ довольно удаченъ, но нельзя того-же сказать про исполненіе. 14 ноября, утромъ, шелъ „Шельменко деньщикъ“ при самомъ плачевномъ сборѣ. „Вторая молодость“ дала хорошій сборъ. Прошли пьесы: „Прославились“, „Въ туманѣ“, „Свѣтящійся жучекъ“, „Уріэль Акоста“, „Недоросль“, „Вторая молодость“, „Самозванецъ Луба“ и почти всѣ передѣлки и переводы Л. Яковлева („Гость“—Кольцова).

—

Рига *(отъ нашего корреспондента)*. Въ прошломъ письмѣ мы говорили, что главная сила нашей труппы—въ ансамблѣхъ, въ тщательной постановкѣ пьесъ, а не въ особо выдающихся талантахъ отдѣльныхъ артистовъ. Нельзя еще разъ не отдать чести умѣнью и дѣятельности режиссера, особенно ввиду спѣшности, съ какою приходится ставить все новыя пьесы, въ которыхъ большинство артистовъ, вдобавокъ, никогда еще не играло.

Теперь объ отдѣльныхъ артистахъ.

Шире всѣхъ амплуа у г. Фаддѣева. Онъ сыгралъ уже такія существенно различныя, бытовыя характерныя роли, какъ роли Ананія въ „Горькой судьбинѣ“ и Винневскаго въ „Доходномъ мѣстѣ“, Столбцова въ „Новомъ дѣлѣ“, Подколесина, и проч. Понятно, что не всѣ эти роли одинаково подходятъ къ темпераменту артиста и не всѣ онѣ были исполнены съ одинаковымъ достоинствомъ. Но и то много, что онъ ни одной изъ нихъ не портилъ. Болѣе всего удались г. Фаддѣеву роли Ананія и Барабашева (особенно послѣдняя); затѣмъ роли подобныхъ же „дѣтей натуры“, слегка сглаженныхъ лоскомъ культуры въ родѣ разбогатѣвшаго кабатчика Облапошева въ „Гусѣ лапчатомъ“: г. Салова.

Амплуа драматическаго любовника занимаетъ г. Анчаровъ-Эльстонъ. За послѣдній мѣсяцъ онъ сыгралъ только двѣ большихъ роли: Варенцова въ „Двухъ полюсахъ“ г-жи Назарьевой и князя въ „Маскарадѣ“. Болѣе всего подходятъ къ средствамъ этого артиста типы интеллигенціи средней руки, приближающіеся къ типу Жадова; такова и роль Варенцова. Надо упомянуть и о хорошемъ исполненіи г. Эльстономъ слѣдующихъ ролей: младшаго Калгуева въ „Новомъ дѣлѣ“, Багрецова („Жизнь Илимова“), молодого Облапошева въ „Гусѣ лапчатомъ“, слабохарактернаго врача Чаганова въ „Мертвой петлѣ“. Что касается вышеупомянутой роли князя, то аристократически-неотразимаго въ г. Эльстонѣ было такъ-же мало, какъ и купеческаго при исполненіи имъ роли Платоши въ „Правда хорошо, а счастье лучше“. Въ заключеніе приходится сказать, что г. Эльстонъ, слѣдуя плохому примѣру чуть-ли не всѣхъ провинціальныхъ любовниковъ, плохо учитъ роли.

Съ г. Эльстономъ отчасти соперничаетъ г. Лепковскій, по спеціальности фатъ и фатъ очень хорошій. Такъ, онъ не безъ успѣха замѣнилъ г-на Эльстона въ „Васильке“ и хорошо сыгралъ Илимова. Подобно г. Эльстону—онъ вначалѣ своей артистической карьеры и не совсѣмъ установился. Какъ и большинство молодыхъ актеровъ, старательно относящихся къ своему дѣлу, онъ выдвигаетъ въ своей игрѣ на первый планъ какую-нибудь одну черту роли, но при этомъ онъ иногда дѣлаетъ крупные промахи. Такъ, играя Карандышева въ „Безприданницѣ“, онъ усиленно подчеркивалъ все время крайнюю мелочность и тщеславіе его; въ концѣ концовъ Карандышевъ, въ исполненіи г. Лепковскаго, вышелъ скорѣе гадкимъ, чѣмъ просто жалкимъ человѣкомъ. Въ роли Илимова г. Лепковскій также слишкомъ сильно подчеркивалъ нервную издерганность Илимова. Во всякомъ случаѣ, видно, что артистъ работаетъ надъ своими ролями; современемъ изъ него можетъ выйти порядочный актеръ на драматическія роли.

Г. Ратовъ, актеръ на роли комическія, представляетъ очень оригинальное явленіе. Мы уже писали о немъ. Природный недостатокъ заставляетъ его значительно ограничивать свое амплуа. Публика склонна видѣть въ немъ комика въ узкомъ смыслѣ слова; дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ роляхъ, въ особенности своею обдуманно-естественной мимикой, онъ заставляетъ хохотать весь залъ,—напр., въ роляхъ дяди Никона („Горькая судьбина“), Счастливцева. Но природнаго комизма г-ну Ратову недостаетъ; онъ очень часто впадаетъ, поэтому, въ шаржъ. Гораздо болѣе удаются ему роли бытовыя: Земляники, Юсова, Ширихa. Въ одноактной комедіи Чернышева „Женихъ изъ долгового отдѣленія“, г. Ратовъ рискнулъ сыграть роль жениха, съ драматическимъ оттѣнкомъ, и ему дѣйствительно удалось создать образъ „униженнаго и оскорбленнаго“.

Изъ второстепенныхъ артистовъ слѣдуетъ упомянуть, какъ объ очень полезныхъ силахъ, о гг. Стрекаловѣ и Весеньевѣ. Первый—недурной водевильный старикъ. Второму хорошо удаются роли пожилыхъ фатовъ; играетъ онъ, впрочемъ, самыя разнообразныя роли.

Женскій персоналъ слабѣе мужскаго. Премьерша труппа, г-жа Кони-Стрѣльская, безусловно хороша лишь въ роляхъ кокетокъ. Ingénue dramatique, г-жа Равичъ,—артистка начинающая. Изъ болѣе отвѣтственныхъ ролей, исполненныхъ ею, заслуживаетъ вниманія роль Аксюши въ „Лѣсѣ“, роль „Василька“ въ пьесѣ того-же названія и Вѣры Дмитріевны въ „Мертвой петлѣ“. Молодая артистка подкупаетъ преимущественно искренностью и задушевностью тона, въ какомъ она ведетъ роли, но иногда она впадаетъ въ сентиментальность. Дѣло это поправимое и она можетъ еще оправдать лишь подаваемыя ею пока надежды.—Заслуженнымъ успѣхомъ пользуются у публики г-жа Славичъ, недюжинная комическая старуха, и г-жа Фаддѣева (grande dame). Въ „Маскарадѣ“ (10-го ноября) дебютировала вновь приглашенная актриса, г-жа Павлова, но ничѣмъ особеннымъ себя не зарекомендовала.

Наше предположеніе, что залъ будетъ въ будни пустовать, къ сожалѣнію, оправдалось. Даже на бенефисы (суфлера и г-жи Кони-Стрѣльской) публики для бенефисныхъ спектаклей было мало. И какъ нарочно, именно въ будни бывали самые удачные спектакли: „Доходное мѣсто“, „Новое дѣло“, „Жизнь Илимова“, „Василекъ“, „Правда хорошо, а счастье лучше“—шли при пустомъ залѣ.

По временамъ труппа играетъ въ Митавѣ. Поѣздки въ Митаву предположено устраивать раза-два-три въ мѣсяцъ.

Съ 17 ноября по 15 декабря даны слѣдующія пьесы: „Крокодиловы слезы“, „Соколы и вороны“, „Послѣдняя жертва“ (бенефисъ г-жи Славичъ). „Любовь и предразсудокъ“, „Ранняя осень“, „Честь“, (бенефисъ г. Анчарова-Эльстона), „Ошибки молодости“, „Забубенная головушка“, „Блуждающіе огни“ (бенефисъ г-жи Равичъ), „Честь“ (во второй разъ). „Женитьба Бѣлугина“, „На всякаго мудреца

довольно простоты" (бенефисъ г. Лепковскаго) и „Уголокъ Москвы".

Изъ этихъ спектаклей, кромѣ бенефисныхъ, особенно удались „Соколы и вороны", „Сюлливанъ" и „Ошибки молодости". Порядочный успѣхъ бенефисныхъ спектаклей въ матеріальномъ отношеніи показалъ, что артистамъ удалось завоевать прочныя симпатіи рижской публики. Г. Анчаровъ-Эльстонъ предъ бенефисомъ, гдѣ онъ игралъ Роберта Хейнеке („Честь"), сыгралъ съ большимъ успѣхомъ эффектныя свои роли: кассира Зеленова въ „Сокольхъ и воронахъ" и Сюлливана. — Г. Лепковскій продолжалъ выдвигаться впередъ и бенефисъ его, послѣ бенефиса г. Эльстона, въ матеріальномъ отношеніи былъ самый удачный. Роль Глумова была исполнена имъ очень обдуманно и съ энергіей. Г. Фаддѣевъ по-прежнему былъ очень хорошъ, или, по меньшей мѣрѣ, очень приличенъ во всѣхъ роляхъ, которыя онъ бралъ на себя; особенно удались ему въ тотъ мѣсяцъ роль Фрола Федулыча Прибыткова въ „Послѣдней жертвѣ", Дикого въ „Блуждающихъ огняхъ", Городулина и художника Михѣева въ „Уголкѣ Москвы". Что касается г. Ратова, то послѣдній мѣсяцъ онъ, къ сожалѣнію, игралъ очень мало и небольшія роли. Послѣдній разъ онъ особенно выдвинулся тонкимъ, художественнымъ исполненіемъ роли старика Крутицкаго въ ком. „На всякаго мудреца довольно простоты".—Замѣтимъ, что артисты играютъ Островскаго съ особеннымъ успѣхомъ, относятся къ нему, очевидно, съ любовью. Кой-какіе замѣтные успѣхи сдѣлала г-жа Кони-Стрѣльская; артистка, видимо, отдѣлывается отъ нѣкоторыхъ чисто-опереточныхъ замашекъ, сильно вредившихъ ей вначалѣ въ роляхъ драматическихъ. Роли княгини Рѣзановой въ „Ошибкахъ молодости" и Лидіи въ „Блуждающихъ огняхъ" были исполнены ею тепло и мѣстами съ большой энергіей. Очень хороша была артистка и въ роли Альмы („Честь"). На долю г-жи Равичъ выпали за послѣдній мѣсяцъ роли преимущественно слезливаго характера; ввиду ихъ однообразія и незначительности, затрудняемся сказать, гдѣ артистка была лучше: можетъ быть, не ошибемся, если назовемъ ея бенефисную роль Елены Григорьевны въ „Блуждающихъ огняхъ".—Въ „Сокольхъ и воронахъ" совершенно неожиданно выдѣлилась очень живою игрой водевильная актриса г-жа Гарина, въ роли Оли Застражаевой.—Комическая старуха г-жа Славичъ, игравшая въ свой бенефисъ Глафиру Фирсовну, по-прежнему пользуется симпатіями публики.—Изъ состава труппы выбылъ полезный артистъ на роли пожилыхъ фатовъ г. Весеньевъ.

На сценѣ городского (нѣмецкаго) театра шли двѣ интересныхъ новинки для рижанъ „Die Hauptlerche", Вильденбруха и „Нора", Ибсена. Главныя роли въ обѣихъ пьесахъ исполняла очень юная, но многообѣщающая ingénue dramatique, г-жа Эйвольдтъ. Насколько въ первой пьесѣ роль „жаворонка" подошла къ артисткѣ, настолько же вторая ей пока не по силамъ. Нора была сыграна ею прилично лишь въ первомъ актѣ, гдѣ она еще является живымъ, ни надъ чѣмъ не задумывающимся ребенкомъ. „Нора" выдержала только три представленія. Вообще Ибсену въ Ригѣ не везетъ: въ прошлый сезонъ пришлось снять со сцены „Враговъ народа" послѣ второго представленія, несмотря на то, что пьеса была поставлена такъ, какъ рѣдко идутъ пьесы въ Ригѣ. Въ запрошлый сезонъ шли „Столпы общества", но и ихъ пришлось снять со сцены очень скоро, какъ и Бьернсоновское „Банкротство", шедшее тогда-же. Зато у нѣмецкой публики большимъ успѣхомъ пользуются вещи въ родѣ „Пансіона Шелзера" (пьеса извѣстна Москвѣ подъ названіемъ „Меблированныя комнаты Королева"). Дирекція городского театра, впрочемъ, пытается давать и вещи классическаго репертуара, особенно тѣ, гдѣ можно щегольнуть обстановкой и давать ансамбли. Въ этомъ сезонѣ сносно въ отношеніи ансамбля шли „Вильгельмъ Телль" и „Валленштейнъ" (вся трилогія). — Во всякомъ случаѣ, приходится сказать, что нѣмецкій драматическій театръ падаетъ въ Ригѣ съ каждымъ годомъ.

Спектакли труппы г. Фаддѣева, послѣ короткаго перерыва передъ святками, возобновились 26 декабря. По 12 января даны слѣдующія пьесы: „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ", „Гувернеръ", „Самородокъ", „Цѣпи", „Въ сонномъ царствѣ" (во второй разъ), „Свадьба Кречинскаго" (бенефисъ г. Ратова), „Уголокъ Москвы", (во второй разъ), „Нашъ другъ Неключевъ" (бенефисъ артистовъ на вторыя роли, гг. Хворостова и Фокина) и „Гудушка".

Въ матерьяльномъ отношеніи всѣ эти спектакли были удачны, въ особенности бенефисъ г. Ратова, собравшій столько публики, сколько ни разу еще не собиралось въ „Улей" въ текущемъ сезонѣ. Опытъ показалъ, что трехъ спектаклей въ недѣлю для рижской русской публики много; поэтому труппа играетъ послѣднее время по два раза. Въ общемъ она завоевала симпатіи публики вполнѣ. Мѣстныя нѣмецкія газеты довольно аккуратно даютъ отчеты о русскомъ театрѣ: значитъ, и нѣмецкая публика заглядываетъ въ „Улей"; чаще всего можно встрѣтить артистовъ городского театра.

Въ „Гудушкѣ" въ роли Степки неожиданно имѣлъ порядочный успѣхъ г. Хворостовъ (роли резонеровъ). Размашистыя манеры и рѣзкій тембръ голоса, обыкновенно сильно вредящіе этому артисту (очень полезному, впрочемъ), оказались совершенно у мѣста въ этой роли.

—

23 ноября начались торжественныя представленія оперъ Моцарта. Оперы шли съ прекраснымъ ансамблемъ. Общій уровень мѣстной оперы значительно повысился подъ вліяніемъ юбилейнаго момента. 23-го, передъ представленіемъ „Волшебной флейты" была сыграна оркестровая піеса Моцарта „Масонская траурная музыка" (Maurerische Trauermusik),—затѣмъ былъ прочитанъ прологъ и открылась живая картина въ видѣ Моцартовскихъ оперныхъ типовъ, сгруппированныхъ вокругъ бюста композитора; картина сопровождалась звуками хорового гимна, написаннаго по этому случаю капельмейстеромъ г. Лозе. 24 ноября дали „Похищеніе изъ Сераля", а 29-го—„Свадьбу Фигаро". Циклъ торжественныхъ юбилейныхъ представленій въ честь Моцарта заключился 3 декабря „Донъ-Жуаномъ". „Похищеніе" прошло хуже всего: эта наиболѣе итальянская изъ всѣхъ оперъ Моцарта не удается нѣмецкимъ исполнителямъ. „Свадьба Фигаро" сошла глаже; Сусанну пѣла г-жа Нольденъ; ея лирическое, хотя невысокое сопрано теплаго тембра звучало мѣстами очень красиво; дуэтъ ея съ графиней (г-жа Лихтенегъ) въ сценѣ письма былъ даже повторенъ по требованію публики, что, по мѣстнымъ нравамъ, составляетъ событіе, изъ ряда вонъ выходящее. Въ „Донъ-Жуанѣ" болѣе всѣхъ поработала надъ труднѣйшей аріей доны Анны г-жа Лихтенегъ. Моцартъ не признавалъ современнаго дѣленія примадоннъ на драматическую и колоратурную, и не всякое современное драматическое сопрано отважится на эту партію. О мужскомъ персоналѣ можно не упоминать—онъ плохъ.— 4 декабря дала концертъ ученица Гензельта, піанистка г-жа Тидебель. При несомнѣнной музыкальности и довольно выработанной техникѣ, г-жа Тидебель поражаетъ

расплывчатостью, сентиментальностью передачи, такъ что весьма часто затемняетъ намѣренія композиторовъ. 5 декабря шелъ въ бенефисъ капельмейстера мѣстной оперы „Тангейзеръ“, проведенный со вкусомъ, а мѣстами съ огонькомъ и художественностью.—11 декабря „Кармэнъ“ была спѣта и сыграна вычурно, но весьма неудовлетворительно. Если упомянуть о „Лермонтовскомъ“ вечерѣ, данномъ обществомъ „Ладо“ 19 ноября, гдѣ игрались и пѣлись композиціи Даргомыжскаго, Рубинштейна и др., такъ или иначе касающіяся Лермонтовскихъ сюжетовъ, да о постановкѣ новаго полудѣтскаго балета „Солнце и земля“ съ скучной музыкой Байера, — то мы исчерпаемъ все, чѣмъ интересовалась музыкальная Рига съ половины ноября до половины декабря. Впрочемъ, 28 ноября состоялась весьма любопытная лекція профессора Грёнберга „О физикѣ музыки“. Лекторъ коснулся нѣкоторыхъ вопросовъ, весьма интересныхъ для русскихъ музыкальныхъ теоретиковъ. Какъ извѣстно, музыка дикарей, древнихъ народовъ и современной Азіи отличается почти полнымъ отсутствіемъ гармонической поддержки. Современная европейская, то есть гармоническая музыка ведетъ свое начало съ Палестрины (XVI вѣкъ) и дѣлаетъ особенно крупные шаги съ развитіемъ музыкальной физики (Рамо). Теперь физика опять начинаетъ интересовать музыкантовъ, со времени великихъ изслѣдованій Гельмгольца. Опираясь на нихъ, мѣстный, дерптскій профессоръ Эттингенъ создалъ цѣлую теорію „естественнаго“ минора, которая можетъ имѣть весьма серьезное вліяніе на современное музыкальное творчество (Harmoniesystem in dualer Entwickelung. Studien zur Theorie der Musik. Arthur v. Oettingen. Dorpat. 1866.). Въ послѣднее время эта теорія нашла яраго пропагандиста въ лицѣ извѣстнаго Римана. Эттингенъ, какъ извѣстно, доказываетъ, что нормальная минорная гамма есть — do, si bémol, la bémol, sol, fa, mi bémol, re bémol, do—что эта гамма лежитъ въ основѣ пѣсенъ многихъ національностей, въ томъ числѣ и русской; онъ строитъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, цѣлую новую систему каденцъ, модуляцій и вообще гармоніи; Риманъ считаетъ его столь же огромной величиной въ музыкальной физикѣ, какъ Рамо, Гауптмана и Гельмгольца. У насъ эту теорію практически примѣнилъ къ гармонизаціи народныхъ пѣсенъ г. Мельгуновъ. Профессоръ Гренбергъ лишній разъ напомнилъ о необходимости популяризаціи столь важныхъ для русской музыки новыхъ основъ ученія о гармоніи.

—

Самара. *(Отъ нашего корреспондента.)* Съ 14-го октября у насъ еженедѣльно бываютъ бенефисы, причемъ для нихъ выбирается или новыя, или классическія пьесы. Такъ въ бенефисъ премьера труппы г. Стрѣльскаго былъ поставленъ „Гамлетъ“. Г. Стрѣльскій очень усердно поработалъ надъ ролью Гамлета и если не далъ цѣльнаго образа, то все-же нѣкоторыя сцены вышли у него удачно; г-жа Тугаринова производила пріятное впечатлѣніе; недуренъ былъ еще г. Мурскій въ роли Лаэрта; остальные исполнители были плохи. „Марія Стюартъ“ была поставлена въ бенефисъ г-жи Алексѣевой, исполнившей главную роль. Въ ея исполненіи цѣльнаго образа шотландской королевы мы не увидѣли; артисткѣ удались только нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, напр., первая встрѣча съ Мортимеромъ, отреченіе отъ своихъ правъ на престолъ и нѣкоторыя другія. Въ бенефисъ г-жи Тугариновой шла пьеса „Суди его Богъ“, оказавшаяся грубой передѣлкой польской пьесы „Лена“, шедшей недавно въ Петербургѣ на польской сценѣ съ большимъ успѣхомъ. Г-жа Тугаринова была очень хороша во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей приходилось изображать наивность, веселость и кротость молодой героини пьесы; въ сильно-драматическихъ сценахъ она была слабѣе. Изъ новинокъ была поставлена „Жизнь Илимова“ съ г. Незлобинымъ въ главной роли. Подобныя пьесы, гдѣ не требуется ни ломку, ни блеску, словомъ, гдѣ изображаются обыкновенные люди, удаются нашей труппѣ; всѣ исполнители чувствуютъ себя въ нихъ свободно и на мѣстѣ, тогда какъ салонныя французскія и особенно классическія вещи совсѣмъ имъ не подъ силу. Съ 15-го ноября втеченіе мѣсяца въ нашемъ театрѣ были поставлены слѣдующія пьесы: „Въ неравной борьбѣ“, „Донъ Карлосъ“, „Уріель Акоста“, „Новое дѣло“, „Старообрядецъ“, „Уголокъ Москвы“, „Заяцъ“ и др. Но нѣкоторыя смѣло можно было и не ставить, какъ, напримѣръ, „Милліонъ“, пьесы, совершенно лишенной всякихъ сценическихъ и литературныхъ достоинствъ, и кромѣ того, требующей роскошной обстановки, костюмовъ, которыхъ у большинства нашихъ актрисъ и нѣтъ. Совершенно напрасно былъ поставленъ и „Донъ-Карлосъ“: лучше ужъ не играть классическихъ пьесъ, чѣмъ исполнять ихъ такъ плохо, да еще при нетвердомъ знаніи ролей. „Уріэль Акоста“ сошелъ немного лучше; г. Стрѣльскій, исполнявшій главную роль, велъ ее толково и осмысленно, но въ его игрѣ не было огня и вдохновенія, такъ необходимыхъ для роли Уріэля. Г-жа Дагмарова очень слабо сыграла роль Юдиѳи; этой артисткѣ совсѣмъ не подъ силу драматическія роли, особенно неудачно изображаетъ она страдалицъ. Нельзя похвалить также исполненіе „Грозы“. Г-жа Алексѣева, игравшая Катерину, была недурна только мѣстами, въ общемъ же ея игра была неровная; удовлетворительна еще г-жа Кузьмина (Кабанова); всѣ остальные исполнители были очень слабы. Гораздо лучше сошла драма „Старообрядецъ“. Эта пьеса довольно характерно изображаетъ нравы старовѣровъ, очень мало знакомые публикѣ. Въ этой пьесѣ отличился г. Дубенскій, очень типично сыгравшій роль самодура, закоренѣлаго раскольника. Очень много привлекъ публики бенефисъ дирижера оркестра г. Шульца, постоянно принимающаго участіе въ любительскихъ концертахъ и пользующагося репутаціей хорошаго дирижера; въ этотъ вечеръ была поставлена „Дамская война“ Скриба, а затѣмъ слѣдовало музыкальное отдѣленіе, въ которомъ принимали участіе мѣстные любители. Ввиду множества собравшейся публики, артистамъ слѣдовало бы выбрать пьесу по силамъ и показать себя съ лучшей стороны; въ „Дамской войнѣ“ они только показали, что русскіе провинціальные актеры не могутъ изображать французскихъ аристократовъ.

—

Саратовъ. *(Отъ нашего корреспондента.)* Съ прошлаго года, какъ извѣстно, у насъ въ Саратовѣ сформировалось Оперно-Драматическое Товарищество. Товарищество это дѣйствуетъ у насъ и въ настоящее время. Прошлогодній сезонъ закончился полнымъ и несомнѣннымъ успѣхомъ оперы, драма же пострадала. Саратовцы оказались такими меломанами, что неопытный человѣкъ легко могъ-бы подумать, что мы въ самомъ дѣлѣ—не шуточные музыканты и знатоки дѣла, серьезно любимъ музыку и серьезно имѣли въ ней надобность... Впрочемъ, что-же я говорю? Конечно, такъ. Какое же можетъ быть въ этомъ сомнѣніе? Не изъ моды-же, въ самомъ дѣлѣ, публика восторгалась оперой и не новинка же, наконецъ, привлекала ее въ театръ. Положимъ, бываютъ примѣры, доказывающіе что публика падка на

разныя новинки, и что если новинка эта войдетъ еще, притомъ, въ моду, то тогда съ публикой ужь ничего не подѣлаешь. Бывали и у насъ въ Саратовѣ увлеченія модными новинками, хотя бы, напримѣръ, въ первое появленіе оперетки, но развѣ можно сдѣлать изъ этого какой-либо выводъ. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь, или, лучше сказать, въ прошломъ году, публика увлекалась не опереткой, а оперой и, слѣдовательно, едва-ли позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы увлеченіе это имѣло въ основаніи своемъ не потребность въ высокомъ наслажденіи музыкой, а только новизну и моду.

Съ эффектомъ закончивъ прошлогодній зимній сезонъ, оперная труппа наша рѣшила продолжать свое дѣло весной и лѣтомъ.

Пригласивъ къ себѣ еще нѣсколькихъ пѣвцовъ,—изъ которыхъ двое—г-жа Джюбелини (сопрано) и г. Рядновъ (теноръ) обладаютъ превосходными голосами,—Товарищество начало ставить великимъ постомъ сцены изъ оперъ, а затѣмъ путешествовало по разнымъ городамъ. По слухамъ, оперу нашу повсюду сопровождалъ успѣхъ. Къ осени Товарищество вернулось къ намъ, и вновь заключило союзъ съ драматическими артистами. Текущій зимній сезонъ начался, повидимому, не совсѣмъ удачно. Стали поговаривать, что на драматическихъ спектакляхъ рѣшительно уже никого не бываетъ и что даже въ операхъ сборы плоховаты: много бываетъ пустыхъ мѣстъ и что Товариществу въ сентябрѣ мѣсяцѣ, вмѣсто полнаго рубля, раздѣлило на свои марки только по двугривенному. Пожалуй, что, отыскивая причину плохихъ сборовъ, придется остановиться на главной изъ нихъ,—на драматической труппѣ, которая благодаря увлеченію оперой, а отчасти и по своей винѣ, вотъ уже второй годъ находится подъ опалой и заброшена публикой, но, все-таки, драма только *главный* виновникъ но не *единственный*. Нѣкоторую долю обвиненія и неособенно малую, очевидно, надо отнести и на охлажденіе публики къ операмъ. Зародившееся охлажденіе могло-бы исчезнуть и слѣдующіе мѣсяцы дали-бы лучшіе сборы, если-бы въ самомъ оперномъ Товариществѣ не произошелъ расколъ. Первоначально исчезли г-жа Джюбелини и г. Рядновъ, а потомъ исчезъ и г. Шакуло (басъ). Жаль потерять такихъ пѣвцовъ. Они были положительно необходимы, въ особенности г. Рядновъ и г-жа Джюбелини, и служили украшеніемъ нашей оперы. Странно, что Товариществу не позаботилось удержать этихъ цѣнцовъ. Оно, повидимому, полагало, что ихъ не трудно замѣнить другими. Дѣйствительно, очень скоро появились новые пѣвцы: г. Богатыревъ (теноръ) и г. Андреевскій (басъ), долженствовавшіе замѣнить гг. Рядпова и Шакуло.

Хотя афиши и возвѣстили, что гг. Богатыревъ и Андреевскій *извѣстные* пѣвцы, но на дѣлѣ образовавшаяся въ нашей операѣ брешь — такъ и осталась незадѣланною. Товарищество, видимо, желало,—хотя ему это и не удалось, — замѣнить гг. Рядпова и Шакуло, но оно не нашло нужнымъ пригласить пѣвицу, вмѣсто уѣхавшей г-жи Джюбелини, предполагая, вѣроятно, обойтись двумя оставшимися у насъ сопрано: г-жами Палице и Маршадъ. Г-жа Палице—пѣвица съ большими достоинствами, пользующаяся громадными симпатіями публики и хорошая работница для Товарищества, но положеніе этой хорошей работницы сдѣлалось крайне тяжелымъ, ибо ей приходилось четыре раза въ недѣлю выступать въ главныхъ, отвѣтственныхъ партіяхъ. Очень естественно, что отъ сильнаго утомленія въ голосѣ г-жи Палице, за послѣднее время, появились надтреснутыя нотки. Г-жа Маршадъ, обладающая очень небольшимъ голосомъ, хотя и принимаетъ на себя иногда главныя партіи (чего ей не слѣдовало-бы дѣлать), но выручить и дать отдохнуть г-жѣ Палице—она не можетъ. Законное мѣсто для г. Маршадъ—вторыя, а не первыя партіи. Лишившись г. Рядпова и ничего не получивъ отъ г. Богатырева, мы остаемся при одномъ тенорѣ—г. Любинѣ. Пѣвецъ этотъ услаждаетъ нашъ слухъ уже второй сезонъ. Ему подносили и лавровые вѣнки, и подарки, и громогласно, предъ всей публикой, читали восторженные адресы, величали соловьемъ, но.... тѣмъ не менѣе, я глубоко убѣжденъ, что г. Любинъ ни малѣйшаго сходства съ соловьемъ не имѣетъ. Басовыя партіи, за отъѣздомъ г. Шакуло, совершенно уже осиротѣли, такъ какъ трубные звуки г. Городцева нельзя-же называть басомъ, а г. Андреевскій, вовсе и не басъ даже, а заурядный баритонъ.

Безспорно-хорошими и даровитыми дѣятелями въ нашей операѣ являются только двое:—г-жа Палице и г. Унковскій (баритонъ).—Оба они, обладая недюжинными, симпатичными голосами, вмѣстѣ съ тѣмъ и талантливые артисты. — Пѣніе и игра—въ полной гармоніи у нихъ.—Но два пѣвца, какъ-бы они ни были хороши, не могутъ *сдѣлать* оперу, какъ двѣ прилетѣвшія ласточки *не дѣлаютъ* еще весны...

Повторяю еще разъ, что если-бы въ нашей операѣ не произошло раскола, и если-бы г-жа Джюбелини и г. Рядновъ и Шакуло не уѣхали, то недочетъ въ сентябрьскихъ сборахъ не повторился-бы въ послѣдующіе мѣсяцы. При теперешнемъ-же составѣ труппы сомнительно, чтобы сборы походили на прошлогодніе. Здѣсь снова овладѣваетъ мною неотвязчивая мысль (какъ-я ни старался отдѣлаться отъ нея), что увлеченіе оперой имѣло въ основаніи своемъ вовсе не знаніе музыки и не горячую любовь къ ней нашей публики, а, главнымъ образомъ, новизну и моду.—Дѣло въ томъ, что въ прошлую-то зиму, т.-е. когда саратовцы были въ полномъ экстазѣ, труппа была гораздо слабѣе теперешней. Въ ней не было ни г. Рядпова, ни г-жи Джюбелини, которые окончательно вошли въ Товарищество только въ началѣ текущаго сезона, а, между тѣмъ, публика наша, вдругъ, и ни съ того, ни съ сего, преподноситъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ свой знаменитый двугривенный, именно тогда, когда г-жа Джюбелини и г. Рядновъ были еще въ Саратовѣ.—Другими словами: прежде увлекавшій насъ предметъ значительно улучшился и расцвѣлъ, а мы не только не замѣтили этого, но даже отнеслись къ этому предмету незаслуженно холодно. — Воля ваша, а довольно мудрено, въ этомъ страннома фактѣ усмотрѣть музыкальность нашей публики.

Да, по правдѣ сказать, трудно было-бы зародиться и развиться въ нашемъ городѣ настоящей музыкальности, когда $^{9}/_{10}$ коренныхъ саратовцевъ не Богъ знаетъ какъ далеко ушли отъ предковъ своихъ, жившихъ 300 лѣтъ тому назадъ, т.-е. во время основанія Саратова.—Что сталось-бы съ саратовцами, если-бы какимъ-нибудь чудомъ удалились отъ нихъ пришлые обыватели города: персоналъ судебныхъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ учрежденій и чины 40-й пѣхотной дивизіи? Хорошабы получилась физіономія у нашего города!..

Оканчивая бесѣду объ оперной труппѣ нашего Товарищества, я долженъ сказать, что оно сдѣлало свое дѣло. — Большое спасибо ему за это. Оно дало намъ хорошіе образцы оперныхъ представленій, дало довольно недурно понять, что такое опера. — Дать больше и лучше оно не могло, по очень простой причинѣ: Саратовъ—не Петербургъ и не Москва.

Однако, все же Товарищество наше очутилось въ затруднительномъ положеніи. Саратовцы, своимъ прошлогоднимъ экстазомъ, очевидно, ввели Товарищество въ ошибку. Оно ожидало, что и въ нынѣшнемъ году будутъ хорошіе сборы и что артисты все-таки получатъ достаточно для безбѣднаго существованія, но увы!..

Что артисты и въ текущемъ сезонѣ разсчитывали на хорошій заработокъ своихъ оперныхъ товарищей видно изъ того пренебреженія, съ которымъ они отнеслись къ формированію драматической труппы. — Женскій персоналъ ея слабъ до послѣдней степени. На первыя драматическія роли совершенно никого нѣтъ; ingénue, ни комической, ни драматической, тоже нѣтъ. — Среди артистокъ есть новенькія имена г-жъ Хвалынской, Даргомыжской, Стравинской и Понятовской, но всѣ онѣ, какъ кажется, еще только начинающія свою артистическую карьеру. — Я не знаю, подвизались-ли онѣ прежде на какой-либо другой сценѣ, но, по ихъ совершенной неопытности, неумѣнью держать себя, — артистки эти весьма похожи на исполнительницъ въ любительскихъ спектакляхъ. Можетъ быть, всѣ онѣ еще выиграются и очень можетъ быть, что въ будущемъ изъ нихъ выйдутъ недурныя артистки, чего я имъ отъ души и желаю. —И теперь, впрочемъ, съ удовольствіемъ отмѣчаю, что мнѣ удалось видѣть довольно характерное исполненіе г-жей Понятовской роли Столешниковой и г-жей Хвалынской роли горничной Аннушки, въ сценахъ г. Ѳедотова „Люди“.

Затѣмъ, *только два* артистки, хорошо извѣстныя у насъ и любимыя публикою, — г-жа Шебуева и Шаровьева, всегда даютъ истинное наслажденіе своею правдивой, художественной игрой.—Г-жа Шебуева, какъ превосходная артистка, главнымъ образомъ въ бытовыхъ роляхъ, пріобрѣла прочную репутацію, и я искренно совѣтую ей не брать ролей совершенно иного типа, что частенько съ ней бываетъ и чѣмъ она сильно вредитъ себѣ.— Г-жа Шебуева, конечно, сама отлично знаетъ характерныя особенности своего несомнѣннаго и крупнаго таланта и ей, поэтому, непростительно заблуждаться и отыскивать въ своемъ дарованіи то, чего природа не дала ей.—Видѣть г-жу Шебуеву въ роляхъ совершенно къ ней не подходящихъ положительно тяжело и больно, именно потому что она — не простая, рядовая лицедѣйка а выдающаяся артистическая сила. Другая наша любимица, г-жа Шаровьева, никогда не выходитъ (по крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось видѣть) изъ своего амплуа. Превосходно исполняя роли незамысловатыхъ купчихъ и чиновницъ средней руки, свахъ, кухарокъ, пожилыхъ-молодящихся дѣвъ и проч., она всегда на своемъ мѣстѣ и не въ свои сани не садится. — Правда, что отступленія отъ своего амплуа совершаются артистами иногда и не по ихъ заблужденію, а просто въ силу необходимости, — когда, напримѣръ, въ труппѣ нѣтъ артиста или артистки, которымъ слѣдовало-бы дать такую-то роль въ пьесѣ, а, между тѣмъ, пьесу эту, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, признается необходимымъ поставить,—и вотъ артистъ, или артистка, выступаютъ на сцену въ совершенно несоотвѣтствующихъ имъ роляхъ и основательно проваливаютъ и самихъ себя и изображаемое ими лицо и, въ большинствѣ случаевъ, всю пьесу. — Но такія соображенія не должны-бы побуждать артистовъ къ завѣдомому совершенію подобнаго рода грѣха и преступленія, нарушающаго и оскорбляющаго законы искусства и художественной правды. А если такое преступленіе совершается крупнымъ и сильнымъ артистомъ, то оно является крайне тяжелымъ и уже совершенно непростительнымъ.—Кому много дано, съ того много и требуется.

Мужской персоналъ драматической труппы состоитъ изъ прошлогоднихъ артистовъ: гг. Горина-Горяйнова, Протасова, Лаврова, Соколовскаго, Межевого, Арсеньева и др. и новыхъ: гг. Судьбинина, Бушмынь, Вадимова и др.—Объ артистахъ, бывшихъ у насъ и въ прошломъ сезонѣ, я говорилъ уже въ прошлогднихъ своихъ корреспонденціяхъ. О г. Судьбининѣ я пока скажу только, что, судя по исполненію имъ роли Мити въ „Бѣдность не порокъ“, артистъ этотъ не безъ дарованія, съ огонькомъ, вдумчиво отнесшійся къ своей задачѣ и, видимо, занявшійся изученіемъ характера Мити, этого влюбленнаго, горемычнаго бѣдняги, съ поэтической и чистой душой.—Исполняющему эту роль, по моему мнѣнію, весьма нелегко овладѣть вниманіемъ зрителя и выдвинуться, такъ какъ на подмогу артисту является только крайняя симпатичность Мити.— Главенствующее мѣсто въ комедіи принадлежитъ колоссальной фигурѣ Любима Торцова, подавляющей и Митю и другихъ дѣйствующихъ лицъ.— Несмотря, однако, на такое невыгодное положеніе дѣла, г. Судьбининъ, въ роли Мити, выдвинулся чуть не на первый планъ. Заслуга г. Судьбинина, достигнувшаго такого результата, нисколько не уменьшается отъ того, что я относительно г. Горинъ-Горяйнова, взявшагося за Любима Торцова, долженъ сказать, что эта роль у него пропала, артистъ ее искалѣчилъ. Напротивъ, серьезное отношеніе молодого артиста къ второстепенной роли еще болѣе увеличиваетъ заслугу его, когда, рядомъ съ этимъ, мы видимъ, что г. Горинъ-Горяйновъ, артистъ несомнѣнно даровитый и опытный, такъ халатно и безцеремонно отнесся къ своей крупной задачѣ. — Если г. Горинъ-Горяйновъ не нашелъ въ себѣ тѣхъ средствъ, которыя нужны для олицетворенія Любима Торцова, то ему не слѣдовало-бы и браться за эту роль.—Когда я прочелъ на афишѣ, что Любима Торцова будетъ играть г. Горинъ-Горяйновъ, то я, не ожидая, конечно, хорошаго исполненія, тѣмъ не менѣе, думалъ, что онъ найдетъ въ себѣ достаточно умѣнья справиться съ этой ролью, на сколько возможно удовлетворительно, и вдругъ, о, ужасъ!... Вмѣсто Торцова, передъ нами явилось нѣчто похожее на Мармеладова, по мѣткому замѣчанію, сдѣланному, въ фойэ однимъ изъ зрителей.

Слѣдовало-бы къ твореніямъ нашего великаго драматурга относиться съ большимъ уваженіемъ и крайнею почтительностью, а въ особенности тѣмъ, которые приняли на себя званіе служителей искусства!.. Кромѣ г. Горина-Горяйнова, въ этотъ-же вечеръ особенно отличился еще и г. Протасовъ, нашъ прелестный комическій старичекъ, неизвѣстно на какомъ основаніи взявшійся за роль фабриканта Африкана Саввича Коршунова.—Вышло изъ этого, разумѣется, то, чему и слѣдовало выйти. Мя видѣли не Коршунова изъ комедіи Островскаго, а препотѣшнаго водевильнаго жениха-старикашку, хихикающаго и потирающаго руки. Знаменитый разговоръ Коршунова съ его невѣстой, Любочкой, о преимуществахъ стараго мужа предъ молодымъ, прошелъ у г. Протасова тоже по водевильному. Гордѣя Карповича Торцова и его дочь Любочку изображали г. Лавровъ и г-жа Стравинская, но объ нихъ я лучше промолчу, потому что черезчуръ уже плохо это у нихъ вышло.—Стыдно такъ играть!

Было бы немалымъ бѣдствіемъ просидѣть этотъ вечеръ въ театрѣ, если-бы не выручили г. Судьбининъ (Митя), г-жа Шебуева (Анна Ивановна), г-жа Шаровьева (Пелагея Егоровна) и г. Межевой (Разлюляевъ). — Послѣдній иногда впадалъ въ шаржъ, переигрывалъ, но въ общемъ Разлюляевъ

былъ недуренъ. Благодаря этимъ артистамъ, хотя нѣсколько, сгладилась тяжесть впечатлѣнія, произведеннаго подобною третировкою „Бѣдности не порокъ“.

Вообще, въ нынѣшній сезонъ наша драматическая труппа какъ-то странно ведетъ себя и что-то не въ мѣру начинаетъ пошаливать. Неужели въ этихъ *шалостяхъ* проглядываютъ плохіе сборы начала сезона? Но если это такъ, то Товариществу не мѣшало бы помнить, что сборы могутъ быть и еще хуже.—А, впрочемъ, не знаю какъ объ этомъ дѣлѣ и судить?!... Напримѣръ, вѣдь далъ же полный сборъ совершенно балаганный пріемъ привлекать *почтеннѣйшую публику*, допущенный нашими Драматическимъ и Оперными Товариществами. Я говорю о намалеванномъ транспарантѣ, съ изображеніемъ сценъ изъ „Снѣгурочки“, выставленномъ около кассы и освѣщенномъ лампочками, за недѣлю, или больше, до бенефиса *премьера* нашей драматической труппы и *представителя* Товарищества г. Горинъ-Горяйнова.

Какъ ни дѣйствителенъ, можетъ быть, способъ привлеченія публики посредствомъ транспарантовъ, но нельзя же изъ театра выдѣлывать балаганъ. Въ данномъ же случаѣ не было даже и надобности прибѣгать къ такому пріему.—Публика и безъ того-бы пошла въ бенефисъ своего любимца, какъ пришла она въ прошломъ году, когда г. Горинъ-Горяйновъ давалъ Мольеровскаго „Скупого“.—Театръ былъ полонъ, сборъ громадный и овацiямъ не было конца.

За время съ 5-го сентября 1891 г., по 1-е января 1892 г. въ саратовскомъ театрѣ всего дано оперныхъ и драматическихъ спектаклей 107, изъ нихъ оперныхъ 60. Поставлено оперъ 19; русскихъ 6: „Жизнь за Царя“, „Онѣгинъ“, „Русалка“, „Демонъ“, „Мазепа“ и „Аскольдова могила“; иностранныхъ—13: „Аида“, „Фаустъ“, „Гугеноты“, „Африканка“, „Карменъ“, „Робертъ“, „Трубадуръ“, „Балъ-Маскарадъ“, „Жидовка“, „Галька“, „Фра-Діаволо“, „Севильскій Цирюльникъ“ и „Пророкъ“. Русскія оперы (6) составили 27 спектаклей, и иностранныя—(13).

Инкогнито.

—

Семипалатинскъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Семипалатинское Общество любителей музыки и драматическаго искусства вступило во второй годъ своего существованія. Первый годъ жизни этого Общества прошелъ почти незамѣтнымъ, такъ какъ отсутствіе въ г. Семипалатинскѣ театра, или вообще какого-либо подходящаго помѣщенія, и организація самаго Общества долго тормозило это благое дѣло и лишь къ концу прошлаго сезона кое-какъ нашлось частное помѣщеніе, любезно предложенное г. Черемновымъ, принявшимъ, кромѣ того, немало расходовъ по приспособленію помѣщенія для намѣченныхъ цѣлей. И вотъ, только послѣ этого, Общество могло заявить семипалатинской публикѣ о своемъ дѣйствительномъ открытіи, давъ 7 апрѣля первый музыкально-литературный вечеръ. У насъ здѣсь только изрѣдка устраивались любительскіе спектакли съ благотворительными цѣлями и, надо признаться, спектакли эти выполнялись почти всегда добросовѣстно. Городского театра у насъ нѣтъ. Да что говорить о театрѣ, когда въ городѣ нѣтъ еще средняго учебнаго заведенія, и жители принуждены дѣтей своихъ посылать обучаться за нѣсколько сотъ верстъ, въ Омскъ или Томскъ!.. Кромѣ любителей, время отъ времени здѣсь подвизались и профессіональные актеры, но что это были за артистическія труппы! Далекая наша страна почему-то еще до сихъ поръ слыветъ за ту обѣтованную землю, гдѣ разные прожектеры могутъ нагрѣть руки, гдѣ простодушный сонный обыватель съ благодарностью отдастъ имъ свою лепту.

Проектъ устава Общества былъ выработанъ однимъ изъ горячихъ любителей сцены В. І. Маевскимъ еще въ 1889 г., но утвержденъ лишь 27 апрѣля 1890 года. 26 іюля того же года было созвано первое собраніе учредителей, постановленіемъ которыхъ была избрана дирекція, но, къ сожалѣнію, на этомъ въ дѣйствительности и остановилось дѣло. Отсутствіе помѣщенія не давало никакой возможности открыть дѣйствія Общества впредь до уступки г. Черемновымъ своего дома, Общество 7 апрѣля открыло свои двери для семипалатинской публики, давъ музыкально-литературный вечеръ. Открытіе было немноголюдно, всего 22 члена и 35 гостей, но, тѣмъ не менѣе, дирекція 6 мая дала первый спектакль, поставивъ комедію „Мамаево нашествіе“ и „Медвѣдь сосваталъ“. Исполненіе сошло весьма гладко и матеріально вполнѣ оправдались труды и дирекціи и участвовавшихъ; изъ 151 мѣста въ театрѣ занято публикой было 120 мѣстъ, на сумму 146 руб. 50 коп. Дирекція и 26 мая вновь устроила музыкально-литературный вечеръ, который, къ сожалѣнію, тоже не отличался многолюдствомъ: было 28 членовъ и 35 гостей.

Этимъ и закончился первый сезонъ нашего Общества. Результатъ дѣятельности за первый годъ существованія Общества, судя по отчету дирекціи, выразился такъ: членовъ-сотрудниковъ было 40 (въ томъ числѣ 30 учредителей, членовъ-посѣтителей 11; приходъ 426 руб. 40 к. и расходъ 281 р. 23 к., большая часть расхода пала на обмебливку и приспособленіе театра, остальная же часть на устройство библіотеки и на мелкіе поспектакльные расходы. Такимъ образомъ, къ концу сезона семипалатинское Общество имѣло уже капиталъ въ 145 р. 17 к. и имущества на сумму 448 р., 90 к., въ томъ числѣ пожертвованныя кулисы, декораціи и бутафорскія вещи. Помѣщеніе и освѣщеніе части помѣщенія Общество имѣло даровое отъ домовладѣльца, который, въ свою очередь, содержалъ буфетъ. Главная заслуга, что наше Общество въ короткій срокъ своей дѣятельности увидѣло успѣхъ и цѣль дальнѣйшаго существованія, принадлежитъ исключительно гг. Маевскому и Гизлеру, съ ихъ сотрудниками. Прибавлю нѣсколько словъ о дѣятельности Общества за два мѣсяца второго года его существованія. Лѣтніе мѣсяцы для дирекціи Общества не прошли даромъ: театръ оказался окончательно приспособленнымъ, отремонтированнымъ, сцена переустроена, декораціи подновлены и добавлены; все это вмѣстѣ взятое даетъ чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. Успѣхъ перваго года далъ даже возможность Обществу пріобрѣсти помѣщеніе театра отъ г. Черемнова въ наемъ за 650 руб. въ годъ и возбудить вопросъ о выпискѣ собственнаго рояля, что, по всей вѣроятности, и исполнится съ открытіемъ навигаціи. Сезонъ начался 20 октября музыкально-литературнымъ вечеромъ, на который, сверхъ ожиданія, собралось очень много публики. Вечеръ со стороны исполненія нельзя назвать безусловно удавшимся. 29 октября Обществомъ былъ устроенъ спектакль,—давали комедію въ 5 дѣйст., соч. г. Соловьева „Женитьба Бѣлугина“ и сцену въ 1 дѣйств. Дрейфуса—„Вамъ такія сцены незнакомы?“, которыя любителями были разыграны очень недурно. 5 и 27 ноября Общество дало концерты. Первый—въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая; сборъ же со второго предназначался частью для тѣхъ же голодающихъ, но лишь пострадавшихъ исключительно въ Западной Сибири, и частью въ пользу бѣдныхъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ и желающихъ продолжать ученіе. Концерты эти и со стороны матеріальной

пользы, и со стороны исполненія весьма удовлетворительны. 21 ноября Общество устроило музыкально-драматическій вечеръ, и поставило ком. въ 1 дѣйств. В. Холостова „Похищеніе Сильфиды“ и шутку въ 1 дѣйств. В. Билибина „Молчаніе“.

—

Симферополь. (*Отъ нашего корреспондента*). Нынѣшній сезонъ въ симферопольскомъ дворянскомъ театрѣ открылся 29 октября. По условію съ дворянствомъ, театръ сданъ еще въ 1889 году на два сезона г. Новикову, который и сталъ во главѣ Товарищества опереточныхъ артистовъ. Начало сезона и болѣе половины ноября прошли при очень скудныхъ сборахъ, и къ 15 ноября Товарищество имѣло дефицитъ 400 руб. Съ 20-хъ чиселъ ноября сборы стали улучшаться, но все-же остаются далеко не блестящими и мѣсячный отчетъ сведенъ съ дефецитомъ. Товарищество ставитъ оперетки ежедневно, за исключеніемъ субботъ и дней предпраздничныхъ. Два раза въ недѣлю оперетки идутъ на сценѣ клуба (въ д. Шнайдера), обставленной, сравнительно съ театральною, много лучше. Артисты принимаются публикой довольно хорошо. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно г-жи Лассаль и гг. Эспе и Новикова. Г-жа Марченко также имѣетъ своихъ сторонниковъ, довольно многочисленныхъ. Вообще-же, говоря о всей труппѣ, слѣдуетъ замѣтить, что она невполнѣ пришлась по вкусамъ мѣстной публики и потому, а отчасти и по причинѣ общаго безденежья, вызваннаго неурожаемъ, труппа не дѣлаетъ хорошихъ сборовъ. Въ частности, о каждомъ изъ артистовъ можно сказать слѣдующее. Успѣху г-жи Лассаль вредитъ французскій языкъ (артистка ни слова не знаетъ по-русски) и немолодой уже возрастъ. Г-жа Марченко—начинающая пѣвица, съ плохо обработаннымъ голосомъ и безъ всякой игры. Г. Эспе не обладаетъ счастливой внѣшностью, но, какъ пѣвецъ, имѣетъ за себя хорошую школу. Въ этомъ отношеніи г. Бояровъ составляетъ прямую противуположность г. Эспе и совсѣмъ не имѣетъ успѣха. Г. Мейерсонъ, какъ комикъ, очень плохъ, зато въ роли Гаспара,—въ „Корневильскихъ колоколахъ“,—онъ положительно хорошъ. Вполнѣ на своемъ мѣстѣ г-жа Пронская и г. Новиковъ, но послѣдній выступаетъ не часто. Наконецъ, что касается артистокъ и артистовъ на вторыя роли, то въ этомъ отношеніи замѣчается существенный пробѣлъ, такъ какъ собственно артистовъ на вторыя роли нѣтъ, а мѣста ихъ заняты хористами, владѣющими съ грѣхомъ пополамъ русскою рѣчью. Кромѣ театра, втеченіе октября и ноября мѣсяцевъ въ Симферополѣ были три любительскихъ спектакля на сценѣ новаго („коммерческаго“) клуба (въ д. Вайнштейна), литературно-музыкальный вечеръ, устроенный въ свою пользу больнымъ артистомъ г. Вольфсономъ-Волчановымъ, и, наконецъ, 29 ноября, концертъ піанистки г-жи Елагиной и пѣвицы г-жи Клендо. Но всѣ эти спектакли и концерты были неудачны въ матеріальномъ отношеніи.

—

Изъ **Средней Азіи.** (*Отъ нашего корреспондента*). Нынѣшній сезонъ—сезонъ крайне тяжелый въ Средней Азіи. Приходится отъ души по жалѣть многочисленныхъ гг. антрепренеровъ, зазѣвавшихся въ далекія окраины съ большими труппами, не зная ни мѣстной публики, ни мѣстныхъ условій, ни дороговизны путей сообщенія и театральныхъ расходовъ и городовъ, скорѣе городковъ, едва и кое-какъ обстроившихся на протяженіи 1,600 верстъ отъ Каспійскаго средне-азіатскаго порта Узунъ-Ада до центра Туркестана—Ташкента, въ которыхъ можно дать по нѣсколько спектаклей, изъ которыхъ: Асхабадъ едва выдержитъ 20 спектаклей со среднимъ сборомъ 100 рублей; Мервъ выдерживаетъ не болѣе четырехъ спектаклей, Самаркандъ, при расходѣ за театръ 30 руб. (по постановленію Театральнаго Музык.-Драм. Общества) за спектакль, а со всѣми остальными расходами minimum 75 руб. каждый спектакль,—едва выдерживаетъ 20 представленій въ двухъ-мѣсячный срокъ. Ташкентъ въ 300 верстахъ—при расходѣ 30 руб. на тройку—едва выдерживаетъ 20 представленій.

Побывавшая французская оперетка г. Лассаль, давшая въ каждомъ городѣ едва пять представленій, не заработала ничего. Двѣ малороссійскія труппы: приглашенная антрепренеромъ г. Васильевымъ-Вятскимъ и послѣ—г. Деркача, особенно послѣдняя, находившаяся въ худшихъ условіяхъ—потерпѣли фіаско и едва заработали на дорогу; послѣдняя, за неимѣніемъ сбора, отмѣняла спектакли.

—

Таганрогъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Товарищество драматическихъ артистовъ сняло, во главѣ съ г. Бабиковымъ, нашъ таганрогскій городской театръ. Сезонъ открылся 15-го октября драмой „Вторая молодость“, очень дружно разыгранной артистами. 17-го числа состоялся дебютъ г. Дьяконова въ роли Незнамова въ „Безъ вины виноватые“. Дебютантъ понравился публикѣ и имѣлъ большой успѣхъ. Спектаклей въ недѣлю обязательно ставится четыре, иногда-же и больше. Былъ одинъ воскресный утренній. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Добрынина, Пальмина (теперь вышедшая изъ Товарищества), Волкова, Нѣжина, Надеждина, Морель, Полонская, Искра и др.; гг.: Бабиковъ, Дьяконовъ, Никольскій, Судьбининъ (комикъ), Шапошниковъ, Борисовъ, Донцовъ, Гетмановъ, Юношевъ, и др. Вообще, зачастую сцена нашего театра обставляется со вкусомъ, изяществомъ и тщательностью. Пьесы проходятъ не безъ ансамбля. Изъ артистовъ особеннымъ успѣхомъ пользуются: г-жа Добрынина, гг. Бабиковъ, Дьяконовъ и Судьбининъ. Дѣла Товарищества первый мѣсяцъ были прекрасны и хотя были значительные предварительные расходы на декоративную часть, бутафорію и реквизитъ, тѣмъ не менѣе, члены Товарищества, уплативъ всѣ долги и жалованье тѣмъ изъ артистовъ, которые не состоятъ членами Товарищества, получали на марки первыя двѣ недѣли по 94 к., а за другую половину мѣсяца полными рублями.

—

Тифлисъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Говорятъ „Тифлисъ—музыкальный городъ“, и тѣ, кто это говоритъ, приводятъ основаніемъ такого мнѣнія десятки концертовъ въ сезонѣ, сотни учениць, встрѣчающихся на улицѣ съ „*Musique*“, четыре или пять фортепіанныхъ фабрикъ, около десяти музыкальныхъ магазиновъ и т. п. Такова, безспорно, лицевая сторона нашей музыкальности, но нельзя же о ней судить по вывѣскамъ и папкамъ. Чтобъ вывести изъ мрака заблужденія тѣхъ, которые говорятъ, что „Тифлисъ—музыкальный городъ“, совѣтую познакомиться съ дѣятельностью этихъ фабрикъ, съ производствомъ и качествомъ инструментовъ на мѣстѣ, потому что внѣ фабричныхъ стѣнъ трудно найти эти инструменты; совѣтую прослѣдить число банкротствъ и перепродажъ нотныхъ и музыкальныхъ магазиновъ; побывать на экзаменахъ всѣхъ этихъ барышень съ папками. Спросите всѣхъ этихъ семь или восемь сотенъ учениць, прошедшихъ полный курсъ сонатнаго выколачиванія: что такое *соната?* Едва-

ли пятеро съумѣютъ отвѣтить удовлетворительно на вопросъ. Сравните число слушателей въ концертахъ г.г. Зилоти и Рейзенауэра съ концертами свистящихъ и канканирующихъ особъ, доводящихъ нашу публику до ража.

Можно-ли назвать музыкальнымъ городъ, гдѣ публика съ рѣдкимъ упрямствомъ впродолженіе 10—15 лѣтъ избѣгаетъ симфоническіе и квартетные вечера (не смотря на всѣ старанія П. И. Чайковскаго, М. М. Ипполитова-Иванова и др.): гдѣ о музыкѣ *ничего* не читаютъ, даже незнакомы съ нашей скудной литературой о музыкѣ; гдѣ десятки преподавателей въ односторонненъ увлеченіи своимъ ремесломъ обучаютъ завыванію и выколачиванію, сортируя при этомъ учащихся на будущихъ любителей и спеціалистовъ; гдѣ концертанты *не могутъ опредѣлить тона* исполняемой пьесы и *едва отличаютъ мажоръ отъ минора;* гдѣ слушателя приводятъ въ восторгъ романсы Чайковскаго съ „отсебятиной“, въ видѣ фіоритуръ и дикихъ мелизмовъ. Все это—факты, печальные и антимузыкальные. Если опредѣлить музыкальность Тифлиса по процентному отношенію числа дѣйствительныхъ членовъ мѣстныхъ отдѣленій Музыкальнаго Общества къ населенію, то наибольшее число даетъ Москва, Петербургъ почти втрое меньше, Кіевъ въ 4 раза, Саратовъ въ 5 разъ, а Тифлисъ въ *25* разъ...

Въ музыкальной жизни настоящаго сезона обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: отсутствіе оперы и появленіе множества новыхъ вывѣсокъ и объявленій „частныхъ консерваторій“, „курсовъ“, „школъ“ подъ руководствомъ молодыхъ патентованныхъ спеціалистовъ (свободныхъ художниковъ).

Отсутствіе постоянной оперы вызвало попытки нѣсколькихъ мѣстныхъ музыкальныхъ дѣятелей ставить еженедѣльно по одному оперному спектаклю съ участіемъ наличныхъ, имѣющихся въ Тифлисѣ музыкальныхъ силъ. Первые два спектакля прошли удачно, постановка и исполненіе какъ небольшого оркестра, такъ и артистовъ было старательное; но отсутствіе подготовленнаго хора (въ особенности мужского) и балета привело къ множеству купюръ. Поставлены были пока—„Фаустъ“ и „Риголетто“. Исполнители отчасти были знакомы нашей публикѣ. Г-жа Зарудная и г. Франковскій—пѣли, по обыкновенію, прекрасно. Ученицы мѣстнаго Отдѣленія (по классу г-жи Зарудной), исполняя довольно отвѣтственныя партіи, выказали солидную школу и удовлетворительныя голосовыя средства; но въ манерѣ пѣнія—много слѣпого ученическаго подражанія учительницѣ. Остальныя мужскія роли исполнялись тремя туземцами, впервые дебютировавшими у насъ: г. Мадатовъ—обладаетъ небольшимъ пріятнымъ теноромъ, поетъ правильно и со свойственной любителямъ „отсебятиной“; теноръ г. Априковъ (Пьетро Сачинари—тожь) поетъ, какъ поютъ всѣ итальянцы, съ завитушками, портаментами, а главное—съ безконечнымъ увлеченіемъ; г. Эгіазаровъ (баритонъ), обладаетъ хорошимъ голосомъ, довольно обширнымъ, сильнымъ и пріятнымъ, но въ его пѣніи слышится еще отчасти ученикъ.

Изъ музыкальныхъ учрежденій, подъ вывѣсками „курсовъ“ и „кружковъ“, первое мѣсто, какъ по части концертной, такъ и педагогической, занимаетъ наше отдѣленіе Императорскаго Русск. Музыкальнаго Общества. Съ наступающаго сезона, составъ преподавателей и число учащихся (около 300) остались почти безъ измѣненія, а концертную дѣятельность Отдѣленіе намѣрено расширить, прибавивъ еще одну (третью) серію собраній камерной музыки и нѣсколько симфоническихъ концертовъ. Щедрость эту нельзя объяснить вниманіемъ Отдѣленія къ потребностямъ публики въ наступающемъ сезонѣ, такъ какъ въ прошломъ году потребность эта была не меньше,—а отсутствіемъ оперы, которое дало избытокъ свободныхъ музыкальныхъ силъ и времени. Матеріальное положеніе Отдѣленія прекрасно, чему не мало способствовали послѣдніе взносы: 2150 руб., пожертвованныхъ А. Г. Рубинштейномъ на „постройку собственнаго зданія училища“, 1000 руб.—отъ Ис. Е. Питоева и сборы съ симфоническихъ „общедоступныхъ“ концертовъ и ученическихъ оперныхъ упражненій.

Въ числѣ частныхъ Обществъ, музицирующихъ въ Тифлисѣ, первое мѣсто занимаетъ „Тифлисскій Музыкальный Кружокъ“, и все же онъ представляетъ сѣренькое, провинціальное Общество любителей музыки. Подобные любительскіе кружки сильно распространены по всей Россіи и имѣютъ тотъ главный и опасный недостатокъ, что во главѣ ихъ стоятъ самые заурядные любители. Когда же наши консерваторіи дадутъ достаточное число компетентныхъ лицъ, когда эти лица станутъ во главѣ всевозможныхъ „музыкальныхъ Кружковъ“, когда будетъ учрежденъ *контроль* за этими „Кружками“—тогда, кромѣ полезнаго, отъ подобныхъ учрежденій, конечно, ничего нельзя ожидать.

Учрежденіе контроля, несмотря на настойчивыя хлопоты А. Г. Рубинштейна, представляется дѣломъ далекаго будущаго. Что же касается приглашенія компетентнаго лица, то таковымъ приглашенъ піанистъ, лауэратъ московской консерваторіи, г. Прейсманъ, а въ числѣ преподавателей находятся лица, извѣстныя у насъ своей долголѣтней практикой. Съ этими музыкальными силами „Кружокъ“, всегда добросовѣстно исполнявшій возложенныя на него утвержденнымъ уставомъ обязанности, —можетъ значительно поднять какъ концертную, такъ и школьную дѣятельность; но конкуррировать съ Отдѣленіемъ, какъ полагаютъ это многіе, онъ все-же не можетъ, потому что для этого требуются не только *лучшія силы,* предпочитающія службу въ правительственномъ учрежденіи, но требуется также тотъ могучій двигатель всякаго предпріятія, котораго лишены почти всѣ наши частныя учрежденія—*капиталъ*.

Для открытія сезона „Кружкомъ“ былъ данъ концертъ—спектакль, состоявшій изъ музыкальныхъ пьесъ современныхъ русскихъ композиторовъ и двухъ одноактныхъ сценъ. Концертъ открылся небольшой, шумной и торжественной кантатой М. М. Ипполитова-Иванова, написанной имъ къ пятидесятилѣтію „Жизни за Царя“ въ 1886 г.; далѣе слѣдовала довольно эффектная и такая-же шумная „Русская фантазія“ г. Направника, для фортепіано съ оркестромъ (партію фортепіано гладко провелъ г. Прейсманъ); арія Ленскаго изъ „Онѣгина“ г. Чайковскаго и увертюра „1812“ годъ его же.

Отъ „Музыкальныхъ классовъ съ курсомъ консерваторіи“ г. Крейчмана, на основаніи программы „классовъ“, мы можемъ ожидать рядъ ученическихъ и даже нѣсколько камерныхъ собраній. Что же касается всѣхъ прочихъ нашихъ преподавателей, то, кромѣ г. Книна, всѣ они, къ сожалѣнію, проводятъ свою дѣятельность келейно, и никто изъ нихъ не появляется на нашихъ концертныхъ эстрадахъ ни solo, ни со своими учениками.

Въ заключеніе требованій и надеждъ, обращенныхъ къ нашимъ музыкальнымъ дѣятелямъ, приведу требованіе, которое возлагаетъ на нихъ недавно посѣтившій насъ основатель Русск. Муз. Общества, А. Г. Рубинштейнъ. Извѣстно, что впродолженіе послѣдняго столѣтія не было почти ни одного композитора, который не соблазнялся

оригинальностью восточной музыки. Но изъ всѣхъ ея особенностей главнымъ образомъ обращалось вниманіе на интервалъ въ полтора тона, который ведетъ свое начало отъ евреевъ и не составляетъ необходимой принадлежности азіатской музыки (напр., армянской, грузинской, персидской), которая имѣетъ множество специфическихъ особенностей, совершенно неизвѣстныхъ европейцу. Здѣсь, на рубежѣ Азіи и Европы, находится неистощимый музыкальный матеріалъ не только для этнолога, но и для композитора, эстетика, психолога и т. п. Разработка этого матеріала составляетъ священную обязанность каждаго музыкальнаго дѣятеля на Кавказѣ.

Въ первомъ квартетномъ собраніи тифлисскаго отдѣленія Императ. Русск. Музык. Общ., 2 ноября 1891 г., съ успѣхомъ исполнялось новое капитальное произведеніе нашей музыкальной литературы—квартетъ г. Ипполитова-Иванова въ трехъ частяхъ (безъ скерцо), красивый и мѣстами оригинальный. Первая тема симпатична и сразу поражаетъ оригинальностью склада и ритма. Вторая появляется у віолончели; она пѣвуча, благодаря для обработки, очень красиво звучитъ въ началѣ, съ сопровожденіемъ аккордовъ, блѣдѣе при дальнѣйшемъ развитіи. Въ средней части есть интересные эпизоды, напр.: съ педали на минорной терціи и на тоникѣ.

Вторая часть, Andante, хорошая по замыслу одноколѣнная пѣсня съ красивой, но недостаточно въ методическомъ отношеніи богатой темой.

Финалъ мастерски сдѣланъ, но темы его сами по себѣ мало интересны.

Заключеніе небольшое, но торжественное и размашистое, состоитъ изъ расширенной первой темы первой части квартета. Въ общемъ чувствуется вліяніе г. Чайковскаго.

К.

—

Томскъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Составъ фигурирующей у насъ труппы увеличился недавно прибытіемъ новой опереточной артистки г-жи Терраціано, если не ошибаюсь, въ минувшее лѣто бывшей въ Петербургѣ на одной изъ лѣтнихъ сценъ. Г-жа Терраціано обладаетъ недурнымъ голосомъ, игра ея отличается большою бойкостью и живостью, и она пользуется у насъ значительнымъ успѣхомъ. Важный недостатокъ этой артистки—крайне малый ростъ. Съ участіемъ ея уже было дано нѣсколько оперетокъ и изъ нихъ особенно удачно прошла оперетта „Бѣдный Іонафанъ", въ которой были очень хороши, кромѣ г-жи Терраціано, г-жа Смолина и гг. Вилинскій и Рутковскій. Изъ драматическихъ спектаклей слѣдуетъ упомянуть о бенефисѣ г-жи Вольской-Лени, поставившей „Василису Мелентьеву". Этотъ спектакль представлялъ особенный интересъ, потому что роль Іоанна Грознаго исполнялъ нашъ антрепренеръ г. Крыловъ—актеръ съ чисто комическимъ дарованіемъ. Сверхъ всякаго ожиданія, г. Крыловъ весьма прилично провелъ роль. Изъ другихъ исполнителей—съ большимъ одушевленіемъ и естественностью г. Двинскій провелъ роль Колычева, былъ хорошъ въ роли стараго боярина князя Воротынскаго г. Орловъ-Радонежскій. Другой драматическій спектакль, въ которомъ шла „Бѣдность не порокъ", прошелъ далеко не настолько удачно. Кромѣ г. Орлова-Радонежскаго, въ роли Любима Торцова, и то лишь въ послѣднемъ актѣ, да г. Рутковскаго въ маленькой роли Разлюляева, остальные исполнители были неудовлетворительны.

При наличности нашихъ вокальныхъ силъ, антрепренеръ г. Крыловъ вздумалъ поставить, 28 ноября, всю оперу „Фаустъ", Гуно. Фауста изображалъ г. Вилинскій, Мефистофеля—г. Орловъ-Радонежскій, Валентина—г. Задольскій, Маргариту—г-жа Терраціано и Зибеля—г-жа Смолина. Лучше всѣхъ исполнилъ свою партію г. Задольскій, у котораго, дѣйствительно, красивый, сильный баритонъ, но голосъ совершенно не обработанъ. Г-жа Терраціано вышла очень симпатичной Маргаритой, и нѣкоторые сольные нумера исполнила съ большимъ чувствомъ. Публика, наполнившая биткомъ театръ въ день представленія „Фауста", если и не была совсѣмъ удовлетворена, то и не разочаровалась вполнѣ. Оркестръ былъ прекрасно разученъ г. Гавриловымъ, при участіи А. А. Ауэрбаха.

Сборы въ нашемъ театрѣ дѣлаетъ преимущественно оперетка. Драма, къ сожалѣнію, не пользуется большимъ успѣхомъ. Правда, въ нынѣшнемъ сезонѣ драматическій составъ нашей труппы слабѣе прошлогодняго; тѣмъ не менѣе, такъ называемыя „легкія комедіи" у насъ могутъ идти весьма удовлетворительно. Но публика идетъ неохотно въ комедію, да и въ чистую драму.

Рождественскіе праздники прошли у насъ весьма шумно и изобиловали различными развлеченіями. Въ театрѣ Королева давались ежедневно спектакли по два раза—утренніе и вечерніе. Преобладала, преимущественно, оперетка. Изъ опереточныхъ спектаклей мы отмѣтимъ бенефисъ г. Рутковскаго, пользующагося у насъ особою любовью публики. Г. Рутковскій составилъ самъ оперетку и назвалъ ее „Путешествіе по Европѣ". Эта оперетка, впрочемъ, ничего самостоятельнаго не представляетъ. Либретто ея скомпановано изъ разныхъ оперетъ. Вышло какое то странное попури,—тутъ вы слышите музыку Оффенбаха, Штрауса, Миллекера и другихъ. Однако, все это соединено довольно удачно и не лишено нѣкоторой оригинальности. Бенефисъ г. Рутковскаго привлекъ многочисленную публику и театръ былъ положительно набитъ биткомъ. Изъ драматическихъ пьесъ у насъ весьма удачно проходятъ, такъ называемыя, „легкія комедіи". Любители наши не безмолствуютъ, и недавно дали спектакль, поставивъ „Доходное мѣсто", Островскаго, но исполненіе было очень слабое. Есть и еще у насъ новость: одинъ изъ молодыхъ офицеровъ здѣшняго батальона, поручикъ Гребневъ 1-й, устроилъ въ зданіи военнаго манежа солдатскій спектакль, сборъ съ котораго предназначался въ пользу голодающихъ. Были даны: комедія изъ народнаго быта „Изъ молодыхъ да ранній" и шутка въ одномъ дѣйствіи „Фельдфебельскій камчадалъ". Роли исполнялись исключительно нижними чинами здѣшняго резервнаго батальона—какъ мужскія, такъ и женскія. Цѣны на мѣста были назначены недорогія и публики на спектакль — преимущественно изъ простонародья—собралось много. Исполненіе было вполнѣ удовлетворительное. Всѣ участвовавшіе прекрасно знали роли, а нѣкоторые даже обнаружили признаки сценическаго дарованія. Въ антрактѣ хоръ солдатъ, сформированный поручикомъ Ратперомъ, отлично исполнилъ, подъ его управленіемъ, нѣсколько русскихъ пѣсенъ. Голоса въ хорѣ свѣжіе, молодые, и пѣсни лились гармонично, стройно. Поручикъ Гребневъ намѣренъ, съ разрѣшенія своего начальства, дать еще нѣсколько подобныхъ спектаклей. Несомнѣнно, намѣреніе это очень хорошее. Доступность цѣнъ дастъ возможность посѣщать спектакли рабочему люду и отвлечетъ его, хоть на время, отъ посѣщенія кабаковъ.

Наше музыкальное Общество тоже продолжаетъ проявлять свою дѣятельность и даетъ музыкальные вечера, которые часто удаются въ вокальномъ отношеніи.

Въ заключеніе коснусь снова нашего театра. Дѣла антрепренера г. Крылова въ общемъ идутъ

весьма удовлетворительно и, по всей вѣроятности, онъ оставитъ за собой антрепризу и на слѣдующій сезонъ. 17-го декабря, въ бенефисъ артистки Террачіано, снова появилась на нашей сценѣ опера. На этотъ разъ —„Травіата“ съ бенефиціантной въ роли Віолетты. „Травіата“ прошла значительно лучше „Фауста“, и бенефиціантка была награждена и шумными рукоплесканіями, и нѣсколькими подарками.

Во всякомъ случаѣ, надо надѣятся, что г. Крыловъ на будущій сезонъ привезетъ къ намъ и большую по численности, и болѣе удовлетворительную по силамъ драматическую труппу. Большинство нашихъ театраловъ высказываютъ неудовольствіе за отсутствіе у насъ спектаклей серьезной драмы. Гнаться-же за оперой—намъ еще невозможно: ибо Томскъ ее не окупитъ. Добавивъ къ нынѣшней труппѣ трехъ-четырехъ чисто драматическихъ, персонажей, можно было бы имѣть и сносную драму и ту же оперетку, какъ теперь.

—

Урюпинская станица области войска Донского (*Отъ нашего корреспондента*). Станицу Урюпинскую по временамъ посѣщаютъ заѣзжіе артисты въ видѣ Товарищества или временной антрепризы. Заѣзжая труппа, по большей части, даетъ десятка два спектаклей во время мѣстныхъ ярмарокъ: Покровской и Крещенской. Даютъ спектакли во временномъ помѣщеніи, спеціально устроенномъ въ домѣ г. Герасимова. Нѣсколько лѣтъ сряду организаторомъ заѣзжавшихъ къ намъ трупъ былъ г. Петровъ. Подборъ артистовъ у г. Петрова по большей части бывалъ весьма сносный. Въ прошломъ же октябрѣ мѣсяцѣ въ Урюпинской станицѣ давались спектакли подъ управленіемъ г. Вишневскаго. Самъ г. Вишневскій — актеръ хорошій (комикъ), но соратники его были только посредственны, а нѣкоторые даже и совсѣмъ плохи. Впрочемъ, г-жа Тенсонъ актриса молодая, недавно вступившая на сцену, подаетъ хорошія надежды. Г-жа Глѣбова (на водевильныя роли) актриса живая, опытная, но, къ сожалѣнію, любящая шаржъ и утрировку. Г. Глѣбовъ (простакъ)— актеръ понимающій, гг. Поляновъ и Грандевъ актеры начинающіе,—подаютъ хорошія надежды въ будущемъ. Объ остальныхъ членахъ труппы можно умолчать.

Есть въ станицѣ Урюпинской и Кружокъ любителей драматическаго искусства. Кружокъ этотъ существуетъ въ станицѣ болѣе 20 лѣтъ. Одни члены этого Кружка, къ сожалѣнію, давно уже сошли со сцены, другіе-же, изъ старыхъ любителей, хотя и принимаютъ участіе въ спектакляхъ, но очень рѣдко. Кружокъ, тѣмъ не менѣе, не распадается: есть въ немъ нѣсколько лицъ, которыя дружно стоятъ у дѣла и охотно продолжаютъ подвизаться на сценѣ.

3-го ноября любителями поставлена была ком. Островскаго „Доходное мѣсто“, 24 ноября поставлены были комедія-фарсъ г. Мясницкаго „Ни минуты покоя“ и водевили: „Колечко съ бирюзой“ и „Медвѣдь“.

—

Харьковъ. (*Отъ нашего корреспондента*) Остается всего лишь мѣсяцъ слишкомъ до окончанія зимняго театральнаго сезона, а дѣла нашего драматическаго Товарищества продолжаютъ быть очень тихими, и даже рождественскіе праздники не въ состояніи были оживить сборы въ драматическомъ театрѣ. Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, объясняется до извѣстной степени довольно низкими качествами праздничнаго репертуара, составленнаго, большей частью, изъ устарѣвшихъ и заигранныхъ произведеній. Несмотря однако-же, на весьма посредственные сборы, Товарищество не теряетъ нисколько своей энергіи и для того, чтобы окончить болѣе или менѣе благополучно истекающій сезонъ, оно раздѣлило свою труппу на двѣ части, изъ которыхъ одна до 10 января даетъ спектакли въ Екатеринославѣ, а послѣ 10-го туда поѣдетъ та часть труппы, которая выносила на своихъ плечахъ тяжелый праздничный репертуаръ. Пока еще трудно опредѣлить, какой матеріальный результатъ можетъ дать такое раздѣленіе труппы, но, во всякомъ случаѣ, нельзя предположить, чтобы результатъ этотъ могъ быть особенно блестящимъ. Теперь уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что на матеріальные успѣхи Товарищества слишкомъ дурно повліяло возникновеніе въ Харьковѣ оперной антрепризы, какъ новинки, о которой публика достаточно уже соскучилась; опера не могла не привлечь симпатій большинства мѣстныхъ театраловъ, и, хотя, надо правду сказать, оперная труппа, составленная г. Картавовымъ, не блещетъ звѣздами первой величины, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ персонажей, но опера въ Харьковѣ въ текущемъ сезонѣ сдѣлалась своего рода „злобой дня“, чему въ весьма сильной степени способствовали, конечно, гастроли такой пѣвицы, какъ Марчелла Зембрихъ, спектакли съ участіемъ баловня провинціальной публики, тенора г. Медвѣдева и, наконецъ, постановка оперы П. И. Чайковскаго „Пиковая Дама“. Все это, конечно, не могло не отразиться на сборахъ нашего драматическаго театра и въ то время, какъ въ прошломъ сезонѣ драматическое Товарищество успѣло съ начала сезона, который открытъ былъ 1-го октября, по 1-е января заработать 40,000 руб., т. е. по 13,333 руб. среднимъ числомъ въ мѣсяцъ, въ текущемъ сезонѣ, оно, начавъ сезонъ гораздо раньше, т. е. съ 15 августа, едва могло по 1-е января выработать 37,000 руб., что среднимъ числомъ составляетъ всего немного болѣе 8,000 руб. въ мѣсяцъ. Очевидно, что недостающіе 5,000 руб. взяла у Товарищества опера, дѣлающая болѣе чѣмъ удовлетворительные сборы. Репертуаръ нашего драматическаго театра начался съ 20-го ноября 1891 года и по 3-е января 1892 года, былъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Жизнь Илимова“, „Волки и овцы“, „На бойкомъ мѣстѣ“, „Вольная пташка“, „Семейныя тайны“—(2 раза), „Ришелье“, „Укрощеніе „строптивой“—(2 раза), „Донъ Жуанъ“, „Уголокъ Москвы“, „Борисъ Годуновъ“, „Горькая судьбина“, „Осколки минувшаго“, „Маскарадъ“, „Дочь вѣка“, „Марія Стюартъ“, „Заяцъ“—(2 раза), „Завтракъ у предводителя“, „Честь“, „Жрица искусства“, „Рабочая слободка“, „Нищіе духомъ“, „Титулованный зять“, „Король и поэтъ“ и другъ. Въ этотъ періодъ въ драматическомъ театрѣ состоялись бенефисы М. И. Свободиной-Барышевой, М. М. Петипа, Е. И. Шеиной, Р. З. Чинарова, А. А. Соловьевой и Л. А. Александровой-Дубровиной. Изъ нихъ особеннымъ многолюдствомъ отличался бенефисъ г. Петипа, пользующагося у насъ большой популярностью и любовью публики, которая прощаетъ своему любимцу даже такіе недостатки, какъ почти хроническое незнаніе ролей. Въ бенефисъ г. Петипа дана была въ первый разъ на здѣшней сценѣ комедія г. Влад. Александрова „Уголокъ Москвы“; бенефиціантъ прекрасно сыгралъ роль Дробовскаго; хорошо также были сыграны роли: Крупчанниновой—г-жей Свободиной-Барышевой, Желѣзнова—г. Тинскимъ, Михѣева—г. Шеинымъ и Елены Михайловны—г-жей Вронской. Второе дѣйствіе съ пѣніемъ цыганскаго хора неособенно удалось, хотя публика неистово апплодировала г. Петипа за исполненіе цыганскаго романса.

Бенефисъ г-жи Свободиной-Барышевой оказался гораздо слабѣе въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ можно было ожидать, принимая во вниманіе талантъ и добросовѣстную работу даровитой артистки. Г-жа Свободина пожелала выступить въ роли Франсильонъ въ неизвѣстной еще Харькову комедіи Дюма „Око за око“ и имѣла въ ней выдающійся успѣхъ, выразившійся, какъ въ шумныхъ овацiяхъ и подношеніяхъ, которыя также въ изобилiи сыпались и на предыдущаго бенефицiанта г. Петина. Комедія Дюма прошла живо, чему, кромѣ бенефицiантки, способствовали также гг. Тинскій и Петина, но повидимому такія пикантныя, спеціально французскія вещицы, да еще въ довольно топорномъ переводѣ, не по плечу провинціальной публикѣ. Извѣстная комедія г. Ознобишина „Семейныя тайны“, данная въ заключеніе, имѣла несравненно большій успѣхъ, нежели пьеса Дюма: въ ней особенно хороша была г-жа Велизарій, очень изящно и забавно передавшая роль влюбленнаго мальчика, и г. Ильковъ, прекрасно сыгравшій роль дядюшки. Совсѣмъ слабыми въ матеріальномъ отношеніи оказались бенефисы г-жи Шеиной и г. Чинарова, хотя оба исполнителя нравятся публикѣ. Г-жа Шеина поставила для себя „Надю Муранову“ и обнаружила въ этой роли много драматизма; публика привѣтствовала эту симпатичную и даровитую артистку очень тепло. Г. Чинаровъ выбралъ двѣ вещи—новую комедію „О, молодость, молодость!“ и комедію Ив. С. Тургенева „Завтракъ у предводителя“. Эта послѣдняя разыграна была безукоризненно; роль предводителя очень выдержанно и тонко провелъ г. Петина; остальныя роли были прекрасно сыграны г-жей и г. Соловьевыми, Чернышевымъ, Шеинымъ и Михайловымъ. Бенефицiантъ съ успѣхомъ выступилъ въ комедіи „О, молодость, молодость“ въ роли юнаго студента. О бенефисахъ г-жъ Соловьевой и Александровой-Дубровиной можно только сказать, что оба они состоялись на праздникахъ и носили спеціально праздничный характеръ. Прибавимъ, что не дѣлаетъ честь эстетическому вкусу артистовъ выборъ пьесъ вродѣ „Война женъ съ мужьями“, „О, молодость, молодость!“ и пр. Изъ новыхъ пьесъ, данныхъ здѣсь въ послѣднее время, были хорошо исполнены „Жизнь Илимова“, „Осколки минувшаго“ и „Рабочая слободка“. Въ первой изъ нихъ имѣлъ большой успѣхъ г. Тинскій, прекрасно сыгравшій роль Илимова. Въ „Осколкахъ минувшаго“ была очень хороша г-жа Александрова-Дубровина въ роли генеральши. „Рабочая слободка“ для провинціальной сцены обставлена была болѣе, чѣмъ добросовѣстно. Возобновленіе „Бориса Годунова“ оказалось неудачнымъ: исполнители не достаточно серьезно отнеслись къ творенію великаго поэта. Съ большимъ успѣхомъ прошла 2 раза новая комедія г. Невѣжина „Компаньоны“, поставленная въ 1-й разъ въ бенефисъ распорядителя Т-ва г. Бородая.

И.

—

Съ самаго начала опернаго сезона изъ предполагавшагося репертуара были исключены четыре лучшихъ оперы („Русланъ“, „Юдифь“, „Князь Игорь“, „Лоэнгринъ“). На афишахъ были объявлены передъ началомъ сезона только 24 оперы, но изъ этихъ оперъ до сихъ поръ не поставлены: „Маккавеи“, „Пророкъ“, „Тангейзеръ“, „Рогнѣда“, „Искатели жемчуга“, „Сельская честь“ и „Робертъ“. Такимъ образомъ, поставлено всего 17 оперъ. Что касается состава труппы, то здѣсь г. Картавову трудности представлялись гораздо большія. Теноромъ, сколько-нибудь удовлетворяющимъ тѣмъ минимальнымъ требованіямъ, которыя можно было-бы предъявить къ нему въ настоящее время, когда формировалась г. Картавовымъ труппа, былъ одинъ г. Медвѣдевъ, служившій въ Кіевѣ (въ труппѣ г. Прянишникова). Г. Медвѣдевъ выступалъ здѣсь два мѣсяца (съ начала сезона 15 сент. по 15 окт. и съ 20 нояб. до 20 дек., всего 23 спектакля). Съ 15 окт. по 15 нояб. пѣлъ здѣсь г. Закржевскій, теноръ, обладающій и сейчасъ сильнымъ голосомъ и обдуманной игрою. По какимъ-то недоразумѣніямъ онъ вышелъ изъ нашей труппы, и мы теперь безъ тенора. Велись переговоры съ г. Шевалье, но онъ запросилъ (какъ мы слышали) непомѣрно дорого (по 500 руб. за выходъ) и съ г. Брушевскимъ. Какъ писали мѣстныя газеты, соглашеніе съ г. Брушевскимъ состоялось, но онъ будетъ пѣть по-итальянски. Въ публикѣ говорили о замѣнѣ г. Медвѣдева г-мъ Любинымъ, артистомъ самымъ заурядnымъ. Это было бы, конечно, хуже, чѣмъ приглашеніе иностраннаго тенора.—Г. Медвѣдевъ тѣмъ и представлялъ громадныя удобства, что исполнялъ множество ролей (и сильно-драмат. и лирическія), гг. же Закржевскій и Брушевскій играютъ ограниченное число ролей. (Не говоря уже о томъ, что въ ихъ репертуарѣ нѣтъ *русскихъ* оперъ.) Мы нарочно распространяемся о теноpахъ потому, что два другіе наши „тенора“ не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Г. Ошустовичъ обладаетъ слабымъ маленькимъ голоскомъ, нѣтъ не умѣетъ, играетъ плохо. Между тѣмъ, ему приходится постоянно играть самыя отвѣтственныя роли. Ему же придется выступать въ Радамесѣ („Аида“) и въ „Пиковой дамѣ“ (Германъ). Онъ уже выступалъ въ „Трубадурѣ“, „Джіокондѣ“, „Фаустѣ“ и во многихъ другихъ весьма отвѣтственныхъ партіяхъ! Если бы его голосъ былъ хорошо обработанъ, то онъ могъ бы стать полезною силой для исполненія небольшихъ и неотвѣтственныхъ ролей; теперь же нѣтъ и этого. Успѣха, разумѣется, онъ не имѣетъ. Другой теноръ г. Сикачинскій еще хуже. Чѣмъ же руководствовалась антреприза, приглашая подобныхъ артистовъ? А просто тѣмъ, что они въ прошломъ сезонѣ (столь удачномъ съ матеріальной стороны) пѣли въ Кіевѣ у г. Прянишникова (на ряду съ г. Медвѣденымъ). Г. Картавовъ забылъ только, что у г. Прянишникова репертуаръ совсѣмъ былъ иной, чѣмъ у него. Г. Виноградовъ (баритонъ) — молодой и талантливый артистъ, обладающій краснымъ и громаднымъ по силѣ и объему голосомъ. Достаточно сказать, что онъ беретъ совершенно свободно грудное „la“ (верхнее). При этомъ г. Виноградовъ играетъ страстно, съ увлеченіемъ. Дебютировалъ у насъ г. Виноградовъ ролью „Демона“ и сразу завоевалъ себѣ симпатіи публики.—Успѣхъ онъ имѣетъ громадный. Почти каждый разъ его встрѣчаютъ апплодисментами, каждая его арія вызываетъ громъ рукоплесканій, — вызовы его — безконечны. Въ бенефисъ его шелъ „Мазепа“ (вмѣсто предполагавшагося „Риголетто“), гдѣ артистъ исполняетъ роль „Кочубея“. Въ дуэтѣ съ „Орликомъ“ г. Виноградова заставляютъ „Такъ, не ошибись вы, три клада“ повторять по три раза. Не меньшій успѣхъ имѣетъ артистъ въ ролях: Риголетто, старика отца („Травіата“) Амонасро („Аида“), Валентина („Фаустъ“), Яго („Отелло“), Барнабо („Джіоконда“) и Торреодора („Кармэнъ“), хотя двѣ послѣднія роли онъ играетъ нѣсколько хуже другихъ. Но даже по исполненію роли Торреадора онъ стоитъ несравненно выше г. Соколова (нашего второго баритона). Г. Соколовъ исполнялъ здѣсь тоже роль Демона, но безъ успѣха. Голосъ его комнатный, совершенно несоотвѣтствующій обширному залу нашего театра. Играетъ г. Соколовъ плохо, но

владѣетъ голосомъ довольно умѣло. Выступалъ онъ во многихъ роляхъ, но volens nolens долженъ былъ почти всѣ уступить г. Виноградову, ибо спектакли съ участіемъ г. Соколова публикой не посѣщаются. Изъ нашихъ двухъ басовъ (гг. Левицкій и Молчановскій) пальма первенства, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ г. Левицкому, артисту во всѣхъ отношеніяхъ прекрасному. Обладая замѣчательно красивымъ и сильнымъ (особенно въ верхнемъ регистрѣ) голосомъ, (настоящимъ „basso cantanto"), отлично обработаннымъ по своей художественной игрѣ, онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими русскими артистами. Наврядъ-ли сыщется въ настоящее время равный ему исполнитель Мельника („Русалка"), Руслана, Сенъ-Бри, Гудала и Фараона („Аида"). Также хорошо исполнены имъ были и роли Мефистофеля („Фаустъ") и Гремина („Онѣгинъ"). Однимъ словомъ, г. Левицкій могъ бы служить украшеніемъ любой первоклассной сцены. Каждая роль, видимо, продумана артистомъ, гримъ его — всегда художественный, движенія, жесты—изящны и пластичны. Красивая сценическая наружность и видная фигура—даютъ ему лишній шансъ на успѣхъ. Успѣхомъ онъ пользуется громаднымъ, и нѣкоторыя оперы обязаны прекраснымъ исполненіемъ исключительно ему. Таковы „Русалка" и „Мазепа". Въ послѣднихъ операхъ пробовали было выступить г. Молчановскій (въ роли мельника) и г. Соколовъ (въ роли „Мазепы"); но послѣ г. Левицкаго ихъ рѣшительно невозможно было смотрѣть. Къ сожалѣнію, намъ не придется увидѣть его въ этомъ сезонѣ въ роли Олоферна („Юдиль"), гдѣ онъ долженъ быть особенно хорошъ. Единственный недостатокъ г. Левицкаго — это его сравнительно слабыя нижнія ноты. Но умѣя превосходно владѣть голосомъ, г. Левицкій дѣлаетъ этотъ недостатокъ почти незамѣтнымъ. Впрочемъ, обстоятельство это можно было замѣтить только въ роляхъ Сусанина („Жизнь за Царя") и Марселя („Гугеноты"), которыя г. Левицкій исполнялъ по одному разу за болѣзнью г. Молчановскаго. Г. Молчановскій не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя мы на него возлагали. Слывя за прекраснаго артиста, онъ былъ встрѣченъ нашею публикою крайне сочувственно, но вскорѣ дѣло перемѣнилось: г. Молчановскій остался въ тѣни, какъ артистъ полезный, но невыдающійся. Лучшія его роли: Инквизитора („Жидовка") и Сусанина. Голосъ его сильный и очень большой по діапазону, притомъ красивый,—но несовсѣмъ обработанный, игра умѣлая, но неизящная. Къ сожалѣнію онъ никакъ не оправится послѣ болѣзни и постоянно бываетъ не въ голосѣ — Что касается до женскаго персонала нашей труппы, то онъ составленъ гораздо ровнѣе мужского. Г-жа Карпова - артистка, обладающая сильнымъ и красивымъ голосомъ съ красивыми и глубокими нижними нотами и замѣчательно свѣжими и сильными верхними. Голосъ ея обработанъ недостаточно, но играетъ она умѣло. Выступила всего четыре раза (въ „Трубадурѣ"—2 раза, въ „Русалкѣ" и „Джіокондѣ" по разу). Амплуа, такъ называемое „колоратурное сопрано" занимаетъ г-жа Лисенко,—артистка обладающая не сильнымъ, но очень красивымъ и довольно обширнымъ голосомъ, свѣжимъ и пріятнымъ. Но голосъ ея недостаточно обработанъ и играетъ она очень неумѣло. Г-жа Тамарова—любимица публики. Обладательница красиваго, достаточно сильнаго, ровнаго во всѣхъ регистрахъ и превосходно обработаннаго голоса, красивой внѣшности, изящной, граціозной фигуры, г-жа Тамарова обнаружила еще и замѣчательно простую, но вмѣстѣ съ тѣмъ продуманную и прочувствованную, вполнѣ артистическую игру. Понятно, что она затмила г-жу Лисенко, выступая съ нею въ однѣхъ роляхъ (Тамары, Джильды, Микаэлы, Маргариты, Антониды). Но лучшія роли г-жи Тамаровой — это Травіата, Галька и, особенно, Татьяна („Онѣгинъ") и Дездемона. Г-жа Тамарова выступила также въ „Трубадурѣ", „Русалкѣ", „Мазепѣ", „Жидовкѣ", „Гугенотахъ" (Валентина) и „Аидѣ". Надо сказать правду, уже въ Русалкѣ", а еще больше въ „Мазепѣ" и „Жидовкѣ" г-жа Тамарова далеко не такъ удовлетворительна, какъ въ роляхъ „колоратурныхъ" и „лирическихъ". Ни въ „Русалкѣ", ни въ „Мазепѣ", ни въ „Жидовкѣ" ей уже не хватаетъ голоса, такъ что въ этихъ роляхъ она значительно уступаетъ другой примадоннѣ нашей оперы—г-жѣ Соловьевой. Что же касается до исполненія г-жею Тамаровой ролей Валентины и Аиды (она исполнила ихъ, впрочемъ, всего по одному разу), то, по всей вѣроятности, въ нихъ г-жа Тамарова выступала за болѣзнью г-жи Соловьевой, такъ какъ роли эти ей совсѣмъ не идутъ и не подходятъ къ ея голосовымъ средствамъ. Вообще (конечно, за недостаткомъ другой артистки на амплуа „драматическое сопрано" на которое была приглашена г-жа Соколова, но, оказавшись неудачной, выбыла изъ труппы) у насъ происходитъ какое-то смѣшеніе въ распредѣленіи ролей. Такъ, г-жа Соловьева исполняла неоднократно роли Дездемоны и Татьяны, въ которыхъ она несравненно хуже г-жи Тамаровой, а г-жа Тамарова бралась за роли Русалки, Жидовки, Маріи („Мазепа"), Аиды, Валентины, тогда какъ въ этихъ роляхъ она не выдерживаетъ критики въ сравненіи съ г-жей Соловьевой, обладающей замѣчательно сильнымъ голосомъ, правда, нѣсколько грубымъ и не совсѣмъ обработаннымъ. Намъ кажется, что г-жа Соловьева была бы хорошею Юдиною, такъ какъ по своимъ голосовымъ средствамъ она болѣе всего напоминаетъ намъ г-жу Литвинъ. Правда, голосъ ея иногда сильно вибрируетъ, а ея невѣрно-сильные верхи принимаютъ нѣсколько рѣзкій оттѣнокъ. Лучшія ея роли—Джіоконда, Валентина, Аида, Русалка, Жидовка и Тамара. Примадонна меццо-сопрано нашей оперы г-жа Смирнова — артистка настолько извѣстная, что о ней незачѣмъ долго распространяться. Обладая сильнымъ (равно въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ нотахъ) краснымъ голосомъ и представительной внѣшностью, г-жа Смирнова отличается и еще однимъ незамѣнимымъ въ артисткѣ качествомъ: превосходною, обдуманною художественною игрою. Ея лучшія роли, по нашему мнѣнію,—это старой графини въ „Пиковой дамѣ" и няни въ „Евгеніи Онѣгинѣ". Хороша также г-жа Смирнова въ Аммерисъ („Аида"), Азученѣ („Трубадуръ") и Кармэнъ. Даже маленькія роли (пажа въ „Гугенотахъ", Зибеля и добраго генія въ „Демонѣ" и проч.) г-жа Смирнова выдвигаетъ на первый планъ. Успѣхъ она имѣетъ большой, хотя далеко и не такой шумный, какъ въ Кіевѣ или Тифлисѣ. Второе наше „меццо-сопрано" — г-жа Карри обладаетъ достаточно сильнымъ, довольно обширнымъ и красивымъ, но не очень обработаннымъ голосомъ, играетъ неудовлетворительно. Впрочемъ, артистка она еще очень молодая. Еще необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно хоровъ и оркестра. Дирижерами у насъ — гг. Сукъ и Дудышкинъ. Первый несомнѣнно даровитѣе и опытнѣй второго, только что выпущеннаго изъ консерваторіи. Оба они отличаются крайностями: г. Сукъ ведетъ оркестръ всегда forte, г. Дудышкинъ всегда piano. Оркестръ у насъ слишкомъ малъ: всего около 40 чел., въ хорахъ не насчитывается и 50 чел. Въ оркестрѣ на ряду съ отличными музыкантами си-

дятъ совершенные профаны, такъ что весьма рѣдко оркестръ играетъ ровно. Не всегда ровно поютъ и хоры. Какъ тотъ, такъ и другой нуждаются въ увеличеніи и въ улучшеніи. Изъ того, что сказано выше объ солистахъ, ясно, въ какомъ отношеніи необходимо произвести улучшенія по этой части. Расходовъ бояться здѣсь нечего; харьковская публика ихъ окупитъ, лишь бы былъ хорошій репертуаръ, солидные артисты, хорошіе и большіе хоры и оркестры. Мы не будемъ говорить много о репертуарѣ. Скажемъ только, что всякая порядочная труппа *обязана* имѣть въ своемъ репертуарѣ: „Руслана“, „Юдиѳь“, „Вражью силу“, „Каменнаго гостя“, „Князя Игоря“, „Снѣгурочку“, лучшія оперы Чайковскаго и, если возможно, „Бориса Годунова“— Мусоргскаго; а изъ иностранныхъ—„Фидэліо“, оперы Моцарта („Донъ Жуана“ и „Свадьбу Фигаро“), одну оперу Глюка, оперы Вагнера („Лоэнгрина“ и „Тангейзера“ по крайней мѣрѣ), „Пророка“. Остальное — въ запасѣ у каждаго антрепренера. Что касается до обстановки оперы, то и костюмы, и декораціи, и всѣ аксессуары оказываются у насъ въ большомъ порядкѣ Обстановка оперъ у насъ не оставляетъ ничего желать. Балетъ очень невеликъ, но его режиссеръ г. Менабени—артистъ очень талантливый и ведетъ дѣло прекрасно (поскольку это въ его средствахъ). Режиссерская часть не всегда удовлетворительна. Массовыя движенія почти нигдѣ не удаются.

Въ серединѣ декабря г-жа Марчелла Зембрихъ, дала концертъ и приняла участіе въ трехъ спектакляхъ (2 раза въ „Травіатѣ“ и 1 разъ въ „Риголетто“). Успѣхъ она имѣла громадный. Во 2 разъ г-жа Зембрихъ играла „Травіату“ *въ пользу голодающихъ*, отказавшись въ ихъ пользу отъ поспектакльнаго вознагражденія (1.200 р.). Чистый сборъ достигъ 2.400 р. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ особенно отрадный. 16, 18 и 20 декабря была поставлена, наконецъ, „Пиковая Дама“. Массѣ она не понравилась. Объ исполненіи г-номъ Медвѣдевымъ роли Германа уже сказано въ „Артистѣ“. Пальма первенства принадлежала г-ну Левицкому (Томскій) и г-жѣ Смирновой (графиня). Очень мило справились съ партіей Лизы г-жа Соловьева и г-жа Карри съ ролью Полины.

П. М.

Мартенсъ. „Сонъ невѣсты“. (Берлинская международная художественная выставка 1891 г.).

Иностранное обозрѣніе.

Въ предыдущемъ обозрѣніи, говоря о новомъ бельгійскомъ драматургѣ, Метерлинкѣ, мы упомянули о наиболѣе выдающемся его произведеніи—«Princesse Maleine», сдѣлавшемъ имя Метерлинка популярнымъ на родинѣ и за границей. Мы не могли сообщить подробно содержанія этой любопытной драмы по неимѣнію подъ руками подлиннаго текста. Въ настоящее время «Princesse Maleine» переведена на англійскій языкъ вмѣстѣ съ другой драмой Метерлинка «L'Intruse». Съ этими драмами мы теперь и познакомимъ читателей.

Дѣйствіе драмы «Принцессы Малены» начинается свадебнымъ пиромъ по случаю помолвки королевской дочери Малены съ голландскимъ принцемъ Хіальмаромъ. На сценѣ бесѣдуютъ двое часовыхъ. Они поражены появившейся недавно кометой и обиліемъ падающихъ звѣздъ. Въ этихъ явленіяхъ они видятъ предзнаменованіе грядущихъ бѣдъ. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ предчувствій со стороны дворца доносится шумъ: тамъ происходитъ жестокая ссора, старый король Хіальмаръ удаляется со всей своей свитой, преисполненный бѣшенства, произнося угрозы—жестоко отомстить королю Марцеллу, отцу Малены.

По удаленіи голландскаго короля, отецъ и мать Малены убѣждаютъ ее забыть о помолвленномъ съ нею принцѣ тѣмъ болѣе, что она видѣла его всего одинъ разъ. Но, несмотря на такое кратковременное свиданіе, сердце Малены глубоко тронуто страстной любовью къ юному Хіальмару. Всѣ убѣжденія короля и королевы тщетны. Малена не можетъ забыть принца.

А, между тѣмъ, между королемъ Хіальмаромъ и отцомъ Малены возгорается война,—королевство Марцелла подвергается опустошенію, самъ король убитъ, Малена исчезаетъ безъ вѣсти. Все это становится извѣстнымъ изъ сцены, происходящей между Хіальмаромъ и его другомъ, Анхусомъ. Изъ этой же сцены мы узнаемъ, что любовь Малены не осталась безъ отвѣта. Принцъ Хіальмаръ также любитъ Малену, по крайней мѣрѣ, онъ чувствуетъ къ ней какой-то необъяснимый интересъ. На вопросъ друга,—развѣ онъ успѣлъ полюбить принцессу,—Хіальмаръ отвѣчаетъ:—«Я видѣлъ ее только одинъ разъ... У нея была особенная манера—потуплять глаза и скрещивать руки—вотъ такъ. Ея рѣсницы тогда были такія бѣлыя. А ея взглядъ! Казалось, когда она взглянетъ, на тебя будто падали брызги живой воды. Я хотѣлъ бы еще разъ увидѣть ея странный взглядъ.

Отецъ, между тѣмъ, принуждаетъ Хіальмара жениться на принцессѣ Угліанѣ, дочери изгнанной ютландской королевы Анны. Эта королева искала убѣжища при дворѣ стараго Хіальмара и сильно полюбилась ему. Но сынъ не хочетъ, не можетъ исполнить воли отца. Угліана хороша собой, но юный принцъ боится ея зеленыхъ глазъ,—«въ этихъ глазахъ», говоритъ онъ, «глядитъ низкая душа». Принцъ боится также и матери принцессы, королевы Анны. Она возымѣла сильное вліяніе на стараго короля, принцъ начинаетъ предчувствовать недоброе.

Въ слѣдующей сценѣ мы узнаемъ, что принцесса Малена и ея старая мамка были заперты въ башнѣ среди опустошенной страны. Узницамъ удалось бѣжать. Онѣ сквозь лѣса, по непроходимымъ, пустыннымъ мѣстамъ пробираются въ столицу короля Хіальмара и Малена, никѣмъ не узнанная, дѣлается прислужницей принцессы Угліаны.

Однажды ночью принцъ Хіальмаръ случайно встрѣчаетъ Малену въ паркѣ у фонтана. Онъ принимаетъ ее сначала за принцессу Угліану, но она ему кажется какъ-то необыкновенно, странно похорошѣвшей. Малена говоритъ принцу, что она боится сверкающихъ глазъ совъ, которыя глядятъ на несъ деревьевъ, боится и свѣтящихся жучковъ, притаившихся подъ вѣтками... Дальше слѣдуетъ сцена, производящая на поклонниковъ Метерлинка чисто гипнотическое впечатлѣніе. Они видятъ въ ней верхъ художественной простоты и непосредственной наивности.

Малена. Мнѣ страшно. Что такое шевелится въ землѣ вокругъ насъ?

Хіальмаръ. Ничего. Это просто кроты роются въ землѣ.

Малена. Мнѣ страшно.

Хіальмаръ. Но вѣдь мы въ паркѣ.

Малена. А кругомъ парка есть ограда?

Хіальмаръ. Да, ограда и ровъ.

Малена. И никто не можетъ войти?

Хіальмаръ. Никто. Но много невѣдомаго все-таки проникаетъ сюда.

Малена. У меня кровь идетъ изъ носу.

Хіальмаръ. У васъ кровь идетъ изъ носу?

Малена. Да, гдѣ мой платокъ?

Хіальмаръ. Пойдемте къ фонтану.

Малена. О! мое платье уже все въ крови!

Хіальмаръ. Угліана, Угліана, развѣ кровь не остановилась?

Малена. Да. (*Молчаніе. Принцесса задумывается.*)

Хіальмаръ. О чемъ вы думаете?

Малена. Мнѣ грустно.

Хіальмаръ. Вамъ грустно? о чемъ вы думаете, Угліана?

Малена. Я думаю о принцессѣ Маленѣ.

Хіальмаръ. Что вы сказали?

Малена. Я думаю о принцессѣ Маленѣ.

Хіальмаръ. Вы знаете принцессу Малену?

Малена. Я сама принцесса Малена.

Хіальмаръ. Что такое?

Малена. Я – принцесса Малена.

Хіальмаръ. Вы не Угліана?

Малена. Я—принцесса Малена.

Хіальмаръ. Вы—принцесса Малена?! Вы—принцесса Малена! Но она умерла.

Малена. Я—принцесса Малена.

Лучъ луны въ это время скользитъ изъ-за вѣтвей и освѣщаетъ лицо принцессы. Хіальмаръ окончательно узнаетъ ее.

Хіальмаръ. О, Малена! откуда вы пришли? и какъ вы сюда попали? какъ вы сюда попали?

Малена. Не знаю.

Хіальмаръ. Боже мой! Боже мой! Боже мой! Боже мой! Отъ какой погибели я теперь спасенъ! Какое бремя снято теперь у меня съ души. Боже мой! Боже мой! меня вывели изъ могилы! Малена! Малена! что мы теперь будемъ дѣлать? Малена, мнѣ кажется, я теперь въ раю.

Малена. И мнѣ также.

Въ это время фонтанъ, у котораго происходитъ вся эта сцена, издаетъ странный звукъ и вода въ немъ изсякаетъ. Принцъ и принцесса испуганы. Малена въ ужасѣ спрашиваетъ принца, что происходитъ кругомъ. Она отъ страха готова заплакать.

Хіальмаръ. Не плачьте, не бойтесь. Это—фонтанъ.

Малена не внимаетъ утѣшеніямъ, она твердитъ одно: «Я должна уйти, я должна уйти».

Хіальмаръ. Не рыдайте.

Малена. Я должна уйти.

Хіальмаръ. Фонтанъ изсякъ. Пойдемъ отсюда.

Во дворцѣ дѣлается извѣстнымъ появленіе принцессы Малены. Болѣе не можетъ быть рѣчи о бракѣ Хіальмара съ Углianой. Но королева Анна не проститъ Маленѣ этого разрыва. Она добываетъ ядy и хочетъ непремѣнно отравить принцессу. Старый король страшно тяготится властью королевы Анны, онъ горько сѣтуетъ, что попалъ подъ ея вліяніе, онъ предчувствуетъ, что жестокая женщина заведетъ его въ бездну преступленій и что адъ будетъ отмщеніемъ за его покорность. Онъ сознается, что ему глубоко жаль Малену, что онъ уже плакалъ о ней.

Но всѣ слезы и сѣтованія старика безполезны, безсильны предъ замысломъ Анны. Она твердо рѣшила уничтожить Малену. Въ бурную ночь Анна, вмѣстѣ съ старымъ королемъ, покорно слѣдующимъ за ней, врывается въ комнату Малены. Въ отворенную дверь, при появленіи короля и королевы, вбѣгаетъ что-то страшное: это песъ Плутонъ. Королева не обращаетъ на него вниманія. Она подходитъ къ Маленѣ, лежащей на постели, подъ видомъ ласки приподнимаетъ ей голову и продѣваетъ вокругъ шеи веревку, затѣмъ вытаскиваетъ принцессу на средину комнаты и душитъ ее. Въ это время буря стихій достигаетъ ужасающихъ размѣровъ: градъ неистово стучитъ въ окна, разбиваетъ стекла, вѣтеръ врывается въ комнату, сбрасываетъ на полъ вазу съ бѣлыми лиліями. Придворный шутъ карабкается на окно и глядитъ на сцену, происходящую въ комнатѣ... Король, подъ вліяніемъ всего происходящаго, сходитъ съ ума, бросается на шута, протыкаетъ его шпагой, шутъ падаетъ въ ровъ, окружающій дворецъ, и тонетъ въ немъ. Плутонъ, между тѣмъ, возвращается, начинаетъ царапаться въ дверь, будитъ принца Хіальмара и мамку Малены. Они прибѣгаютъ къ дверямъ ея комнаты, стучатъ, зовутъ принцессу. Король и королева гасятъ лампу и въ смертномъ трепетѣ притаиваются въ углу.

А за дверями происходитъ такая сцена: вмѣстѣ съ принцемъ пришелъ маленькій сынъ королевы Анны. Онъ ищетъ мать, ему не хочется идти спать, не попрощавшись съ ней. Принцъ и мамка Малены уговариваютъ ребенка не кричать и не плакать, чтобы не разбудить принцессу Малену: вѣдь маленькій принцъ такъ любитъ ее! Наконецъ, всѣ трое уходятъ отъ двери, король и королева выбѣгаютъ изъ комнаты, гонимые невообразимымъ ужасомъ.

Слѣдующая сцена происходитъ на кладбищѣ. Граждане обсуждаютъ событія минувшей ночи; они, впрочемъ, знаютъ только о страшной бурѣ, разразившейся надъ дворцомъ короля и только, видя грозныя знаменія на небѣ, предполагаютъ страшныя грядущія бѣдствія,— можетъ быть, даже наступленіе страшнаго суда.

А муки совѣсти, между тѣмъ, начинаютъ терзать преступниковъ и болѣе всего несчастнаго короля. Происходитъ сцена, напоминающая сцену изъ шекспировской трагедіи «Макбетъ», сцену

на пиру. Королева Анна всѣми силами старается удержать обезумѣвшаго короля отъ самообличенія. Но всѣ усилія ея напрасны. Старикъ во всякомъ ничтожномъ обстоятельствѣ видитъ намекъ на свое преступленіе. Эта сцена, дѣйствительно, въ высшей степени драматична, отъ нея вѣетъ поразительной правдой муки совѣсти.

Король. Кто это раскачиваетъ драпировки?

Хіальмаръ. Никто, отецъ.

Король. Тамъ кто-то есть.

Хіальмаръ. Это—вѣтеръ.

Король. Зачѣмъ повѣсили эту драпировку?

Хіальмаръ. Она всегда здѣсь висѣла. Это «Убіеніе младенцевъ».

Король. Я не хочу этого видѣть! Я не хочу этого видѣть! Возьмите прочь.

Драпировку снимаютъ. Подъ ней открывается другая—на ней изображенъ страшный судъ. Король въ отчаяніи. Онъ обращается къ сыну съ воплемъ смертной тоски:

«Ты дѣлалъ это нарочно!»

Хіальмаръ. Что вы хотите сказать?

Король. Сознавайся! Сознавайся! Ты сдѣлалъ это нарочно. Я зналъ, что ты догадаешься.

Одна изъ фрейлинъ. О чемъ говоритъ король?

Анна. Не тревожьте его. Онъ разстроенъ этой ужасной ночью.

Но вскорѣ преступленіе открывается. Хіальмаръ и мамки, проходя мимо комнаты Малены, видятъ, что собака все еще у двери и все еще пытается войти къ Маленѣ. Принцъ отворяетъ дверь,—и глазамъ его представляется страшная картина преступленія. Поднимается тревога. Весь дворъ сбѣгается взглянуть на задушенную принцессу. Король не въ силахъ болѣе сдержать себя. Онъ разсказываетъ всю исторію злодѣйства. Принцъ закалываетъ Анну и закалывается самъ. Старый король, видя предсмертную агонію сына и королевы, впадаетъ въ дѣтство. Опираясь на руку мамки, онъ бредетъ, шатаясь, изъ комнаты.

— Не сердитесь на меня, бормочетъ онъ. Пойдемте завтракать. Будетъ салатъ къ завтраку. Мнѣ бы немножко салатцу.

Читатель видитъ, что при всѣхъ странностяхъ, при всѣхъ явныхъ усиліяхъ автора создать возможно больше ужасовъ, въ драмѣ мелькаютъ несомнѣнные признаки драматическаго дарованія, можетъ быть, если бы авторъ оставилъ излишнюю манерность въ мысли и пристрастіе ко всякаго рода чудесамъ мрачнаго характера,—изъ-подъ его пера возникли бы дѣйствительно оригинальныя и сильныя произведенія.

На англійской сценѣ готовится къ постановкѣ другая, менѣе извѣстная драма Метерлинка—«L'Intruse». Въ Лондонѣ недавно возобновлены двѣ шекспировскія драмы «Генрихъ VIII» и «Гамлетъ». По поводу послѣдней драмы англійская критика проводитъ параллель между явленіемъ тѣни отца Гамлета у Шекспира и драмой Метерлинка и находитъ, что до сихъ поръ загробный міръ, искусно вводимый въ драматическое изображеніе дѣйствительной жизни, производитъ сильное впечатлѣніе. Драму Метерлинка, напримѣръ, безъ ужаса нельзя читать и особенно видѣть на сценѣ: до такой степени реально съумѣлъ авторъ поставить зрителя лицомъ къ лицу съ величайшей загадкой человѣческаго существованія—со смертью.

Драма «L'Intruse» по содержанію весьма проста и немногосложна.

Дѣйствіе происходитъ въ мрачной комнатѣ стариннаго замка. На сценѣ, слабо освѣщенной лампой, сидятъ дѣдъ, отецъ, дядя, три дочери. Въ сосѣдней комнатѣ лежитъ больная мать. Она тяжко больна послѣ родовъ. Болѣзнь была тяжкая и опасная. Только нѣсколько времени тому назадъ, обльная почувствовала облегченіе и докторъ объявилъ, что опасности больше нѣтъ. Семья впервые, послѣ долгаго времени, чувствуетъ облегченіе. Но это облегченіе было только началомъ конца...

Собравшіеся въ комнатѣ ждутъ съ минуты на минуту родственницы, настоятельницы монастыря. Старшая дочь сидитъ у окна и смотритъ, когда покажется гостья. Всѣ присутствующіе охвачены чувствомъ напряженнаго ожиданія. Начинается разговоръ. Дѣдъ и отецъ спрашиваютъ у дочери, не видитъ-ли она кого-либо, не слышитъ-ли шума? Поютъ соловьи, но они скоро умолкаютъ. Дѣдъ первый замѣчаетъ это. Дочь говоритъ, что ей показалось, будто кто-то вошелъ въ садъ. Она также слышитъ, какъ на пруду встревожились лебеди, а соловьи все молчатъ, очевидно, кто-то вошелъ въ садъ. Но никого не видно и не слышно. Странность увеличивается еще тѣмъ необыкновеннымъ обстоятельствомъ, что собаки не лаютъ, а, напротивъ, забились въ свои конуры, а лебеди перелетаютъ съ одного берега на другой. Зовутъ родственницу, но никто не отвѣчаетъ: ночь тиха, какъ могила. Соловьи, наконецъ, летятъ куда-то вдаль. Томительное, необъяснимое чувство охватываетъ семью...

Вдругъ слышится звукъ натачиваемой косы. Дочь догадывается, что, должно быть, садовникъ коситъ траву около замка. Но онъ не коситъ по ночамъ, кромѣ того, завтра воскресенье. Слышится шумъ, но садовника не видно. Особенно ясно шумъ слышится дѣду. Онъ боится, что этотъ шумъ можетъ разбудить больную. Но прочіе не слышатъ болѣе шума. Дѣдъ, немного спустя, слышитъ,—кто-то ходитъ по комнатамъ замка. Наконецъ, всѣмъ кажется, будто стукнула дверь. Зовутъ служанку—спросить, кто вошелъ,—но она никого не видала, и даже входная дверь закрыта.

По уходѣ служанки дѣдъ (онъ слѣпъ, но различаетъ сильный свѣтъ) увѣряетъ, что лампа

потускнѣла, кто-то вошелъ къ комнату. Его увѣряютъ, что никого нѣтъ. Но онъ умоляетъ сказать ему правду, начинаетъ безпокоиться о дочери. Всѣ остальные начинаютъ думать, что старикъ помѣшался, но какой-то таинственный страхъ невольно овладѣваетъ и ими. Дѣдъ чувствуетъ этотъ страхъ, чувствуетъ даже, какъ всѣ поблѣднѣли...

Лампа гаснетъ. Никто не двигается съ мѣста—зажечь ее. Лучи луннаго свѣта зловѣщими отблесками освѣщаютъ комнату. Бьетъ полночь. Кто-то поспѣшно встаетъ съ мѣста,—но никого не видно. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздается пронзительный крикъ новорожденнаго малютки: это его первый крикъ, до сихъ поръ онъ не издавалъ ни звука и его считали глухонѣмымъ. Въ этотъ моментъ дверь изъ комнаты больной отворяется и сестра милосердія молча даетъ знать, что больная скончалась.

Всѣ въ безмолвномъ ужасѣ идутъ къ покойницѣ. Слѣпой одинъ остается въ комнатѣ. Онъ встаетъ и наталкивается на столъ.

— Куда вы идете?—кричитъ онъ.—Они оставили меня одного...

И драма кончается. И здѣсь нельзя отказать автору въ своеобразномъ искусствѣ окружать своихъ читателей пронизывающей атмосферой таинственныхъ призраковъ. *Незванная гостья*, т.-е. смерть, является здѣсь, сопровождаемая необыкновенно яркими картинами тоски и инстинктивнаго страха всего живого. Нельзя не подивиться силѣ впечатлѣнія, производимаго авторомъ, путемъ самыхъ простыхъ, почти безмолвныхъ сценъ. Ни одного монолога, ни одного лирическаго отступленія: быстрый, стремительный, крайне немногословный діалогъ—и вниманіе читателя, даже не соотвѣтствующаго мрачному творчеству автора, невольно слѣдитъ за образомъ его фантазіи.

—

На международной музыкально-театральной выставкѣ въ Вѣнѣ, организуется большой симфоническій оркестръ изъ артистовъ всѣхъ странъ. Подъ управленіемъ профессора Греднера, этотъ оркестръ дастъ втеченіе выставки рядъ концертовъ. Программу предполагается составить изъ наименѣе извѣстныхъ въ публикѣ классическихъ произведеній, а также изъ твореній современныхъ композиторовъ разныхъ школъ и національностей. Оркестръ думаютъ не распускать и послѣ выставки; тогда только примѣнятъ его къ *популярнымъ* концертамъ. Кромѣ концертовъ Греднера, задуманы, конечно, и многочисленные другіе, въ которыхъ дирижерами явится длинный рядъ композиторовъ и наиболѣе знаменитыхъ капельмейстеровъ. Изъ итальянскихъ въ этомъ смыслѣ ожидаютъ самого Верди и Масканьи. Кстати о послѣднемъ, или, вѣрнѣе, о его «Cavalleria rusticana». Какъ хотите, а странна судьба этой оперы! Преувеличенно возвеличенная на родинѣ, она проникла чуть не на всѣ европейскія сцены, втеченіе перваго года своей жизни, и всюду большею частью имѣетъ громадный успѣхъ. Она даже расшевелила хладнокровныхъ германцевъ—въ одномъ Гамбургѣ дали ее 30 разъ подрядъ. Но въ то же время продебютировала она въ Парижѣ неудачно; тамъ ее совсѣмъ развѣнчиваютъ. Переходя къ парижской оперѣ, мы можемъ сегодня болѣе подробно подѣлиться мнѣніями о «Тамарѣ» Бурго-Дюкудрэ, которой уже нѣсколько касались въ двухъ послѣднихъ №№ журнала. Конечно, въ сценическомъ отношеніи авторъ обнаруживаетъ нѣкоторую неопытность. Тѣмъ не менѣе, его «Тамара» — вещь далеко не заурядная и въ высшей степени искренняя. Въ первомъ актѣ, состоящемъ почти цѣликомъ изъ хоровъ, впечатлѣніе, за немногими исключеніями, получается довольно неопредѣленное: мало вдохновенія въ этой музыкѣ, несомнѣнно, благороднаго стиля, но вылившейся въ формы, отчасти устарѣвшія. Зато двѣ первыя картины второго акта такъ оригинальны, исполнены такой меланхолической и страстной поэзіи, что слушаются съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Женскіе хорики, разсказъ султана, первый въ этомъ дѣйствіи выходъ Тамары, сцена ея съ Нуръ-Эддиномъ и большой дуэтъ—все это страницы, отмѣченныя истиннымъ талантомъ и производятъ такое же большое впечатлѣніе, какъ и сцена Тамары, во время сна Нуръ-Эддина. Эти номера доставили автору очень сочувственный пріемъ. Исполненіе не оставляло ничего желать. Роль султана теноръ Энгель поетъ и играетъ со свойственными ему талантомъ и умѣніемъ. Тамару хорошо изображаетъ сопрано Доменэкъ (Domenech). Постановка великолѣпная. Хоры и оркестръ подъ дирижерствомъ Madier de Montjau идутъ превосходно.

Дошли до насъ вѣсти и о впечатлѣніи, которое въ Гамбургѣ произвела опера г. Чайковскаго—«Евгеній Онѣгинъ». Мѣстная критика считаетъ ея музыку неизмѣримо выше либретто. Она всюду оригинальна, благородна, никогда не заключаетъ въ себѣ элементовъ тривіальности. Особенно характерны хоровые номера и танцы (хоры перваго дѣйствія, балъ у Ларионой). Какъ лучшіе номера солистовъ, указываются дуэтъ Ольги и Ленскаго, сцена «письма», куплеты Трике, арія «передъ дуэлью», арія Гремина. Какъ видимъ, «Онѣгинъ» понравился въ Германіи, въ той же степени какъ и у насъ. Публика все время съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ дѣйствія и громкими рукоплесканіями выражала свой восторгъ и сочувствіе композитору, которому при тушѣ оркестра былъ поднесенъ громадный лавровый вѣнокъ.

Хроника.

МОСКВА.

Малый театръ. Въ бенефисъ М. Н. Ермоловой идетъ 5-ти-актная трагедія Грильпарцера—„Сафо“ и одноактная пьеса П. П. Гнѣдича—„Встрѣча“. Въ „Сафо“ играютъ роли: Сафо—г-жа Ермолова, Эвхарисъ—г-жа Бларамберг-Чернова, Мелитты—г-жа Панова, Фаона—г. Багровъ, Рамнеса—г. Ленскій, Эвримениды—г. Гаринъ, Артандера—г. Уховъ, Аристодема—г. Васильевъ, Гиппія—г. Арбенинъ, Тиртея—г. Носовъ, Гармодія—г. Таланов, Аріона—г. Ленскій 2, Леандра—г. Парамоновъ и другіе.

На представленіи ком. гр. Л. Н. Толстого „Плоды Просвѣщенія“ въ Маломъ театрѣ присутствовалъ авторъ пьесы, тридцать лѣтъ не бывшій передъ тѣмъ въ театрѣ. Такъ какъ всѣ билеты въ этотъ вечеръ были проданы, то графу предложили занять директорскую ложу, гдѣ онъ и помѣстился съ своимъ сыномъ.

Въ бенефисъ г-жи Никулиной 24 января была поставлена драма Онэ „Тещa“, въ переводѣ гг. Тарновскаго и Матерна. Пьеса прошла съ блестящимъ, выдающимся, даже на нашей образцовой сценѣ, успѣхомъ. Послѣ перваго же, бенефиснаго спектакля пьеса была снята съ репертуара, что должно было привести въ крайнее удивленіе публику, заинтересованную дальнѣйшими представленіями драмы. Къ сожалѣнію, причины неожиданнаго исчезновенія пьесы съ репертуара остаются неизвѣстными и совершенно непонятными, тѣмъ болѣе, что прецедентовъ этому факту наша сцена до сихъ поръ почти не знаетъ.

При Императорскихъ драматическихъ театрахъ предполагается, по слухамъ, учрежденіе особыхъ „репертуарныхъ совѣтовъ“, отдѣльно отъ существующихъ Театрально-литературныхъ комитетовъ. Въ составъ „Совѣтовъ“ войдутъ, кромѣ лицъ, завѣдующихъ репертуаромъ въ настоящее время, также и частныя компетентныя лица, по приглашенію дирекціи. Въ Москвѣ предсѣдательствовать будетъ, вмѣсто директора, П. М. Пчельниковъ. Дѣйствіе „Совѣтовъ“ предполагается начать съ предстоящаго великаго поста когда будетъ составляться репертуаръ на будущій сезонъ. Обсужденію „Совѣтовъ“ предполагается подвергать репертуаръ, новыя постановки, декоративную и монтировочную части, распредѣленіе ролей, дебюты, приглашеніе новыхъ артистовъ, возобновленіе контрактовъ съ прежними артистами, составъ труппы и пр. вопросы художественной стороны дѣла. „Совѣтамъ“ будетъ предоставлено только право совѣщательнаго голоса, рѣшающаго же значенія „Совѣтъ“ имѣть не будетъ. Рѣшеніе возбуждаемыхъ вопросовъ будетъ по-прежнему зависѣть отъ директора. Нельзя не пожелать осуществленія этихъ слуховъ. Съ учрежденіемъ „Совѣтовъ“, безъ сомнѣнія, улучшится и составъ репертуара, и составъ труппы и дирекція освободится отъ нареканій за ошибки и отъ личныхъ вліяній. „Совѣты“ эти принесли бы несравненно большую пользу и дѣлу, и дирекціи, если бы постановленія ихъ имѣли *рѣшающее* значеніе и члены „Совѣтовъ“ могли бы сами возбуждать вопросы.

Въ **Большомъ театрѣ** состоялся 2-го января бенефисъ талантливаго танцовщика г. Шашкина. Въ пользу его данъ былъ балетъ „Корсаръ“ съ участіемъ г-жи Гейтенъ въ роли Медоры. Театръ былъ почти полонъ.

Въ балетѣ „Эсмеральда“, дебютировала г-жа Аделина Джури съ значительнымъ внѣшнимъ успѣхомъ.

Опера „Зигфридъ“ Вагнера не пойдетъ въ этомъ сезонѣ. Изъ русскихъ оперъ въ нынѣшнемъ сезонѣ еще будетъ поставлена опера „Ролла“ Антона Симона. Сценарій къ ней уже готовъ. Кромѣ того возобновляется „Гарольдъ“ г. Направника.

На будущій сезонъ предположены къ постановкѣ „Снѣгурочка“ Н. А. Римскаго-Корсакова и „Лакмэ“ Делиба.

Въ бенефисъ г-жи Гейтенъ, возобновляется старинный балетъ „Дочь Фараона“. Балетъ этотъ ставятъ г-жа Гейтенъ и г. Манохинъ. Дирекція дѣлаетъ всю обстановку заново.

Въ театрѣ г. Корша въ бенефисъ г-жи Кошевой была поставлена пьеса въ 4 д. Вильденбруха „Жаворонокъ“, а 31 января, въ бенефисъ г. Ильинскаго, драма въ 5 д. А. Додэ „Джэкъ“, въ переводѣ И. Н. Ге. Обѣ піесы будутъ напечатаны въ нашихъ журналахъ: „Джэкъ“ въ томъ же переводѣ И. Н. Ге, а „Жаворонокъ“ въ другомъ переводѣ, сдѣланномъ особо для нашего журнала.—Въ бенефисъ г. Ильинскаго поставленъ былъ въ 1-й разъ и прошелъ съ успѣхомъ новый фарсъ Ивана Щеглова „Не въ добрый часъ“.

7-го января, въ **„театрѣ Парадизъ“** состоялся бенефисъ г-жи Чекаловой, которая поставила новую оперетку Лекока—„Персіанку“. Оперетка не отличается музыкальными достоинствами. Либретто скучно и растянуто. Капельмейстеръ г. Вивьенъ, въ театрѣ „Парадизъ“, въ свой бенефисъ, 3-го января, поставилъ хорошенькую, живую оперетку „Донна-Жуанита“ Зуппе, въ кото-

рой главныя роли исполняли г-жи Волынская, Шеръ и Чекалова и гг. Давыдовъ, Клементьевъ и Родонъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи вставленъ былъ дивертисментъ „Ямайскій праздникъ", съ участіемъ всей труппы и г-жи Монбазонъ. 10-го января, въ театрѣ „Парадизъ" состоялся бенефисъ г. Шиллинга. Шла оперетка Оффенбаха: „Карнарини". Режиссеръ труппы Г. А. Арбенинъ поставилъ оперетку Карла Стикса: „Авантюристъ". Фабула либретто скучна и сценическое дѣйствіе растянуто; срепетована и поставлена оперетка довольно неудовлетворительно.

Г. Парадизъ пригласилъ на Великій постъ знаменитаго французскаго артиста Коклэна съ его труппою для поѣздки по Россіи: изъ мужского персонала, кромѣ Коклэна входятъ артисты гг. Albert Laroche, Jules Deroy, Victor Bellucci, Edouard Bourgeotte, Felix Lagrange fils, Andre Ramy, Marcel Darcey, Paul Danriac, Abel Moisson, Andre Faure и Emille Gilles; изъ женскаго персонала вошли въ составъ труппы г-жи: Jeanne Malvau, Florentine Roybet, Pauline Patry, Jeanne Kerwirh, Clemence Bellucci, Blanche Marlou и Gabrielle. Главный режиссеръ труппы М. Jules Deroy. Въ репертуарѣ, между прочимъ, вошла надѣлавшая много шума въ Парижѣ пьеса „Thermidor". Кромѣ того, во время поста въ томъ же театрѣ состоятся опереточные спектакли г-жи Декроза съ ея труппой.

Въ Москву въ театръ Парадизъ, вновь пріѣхале на три спектакля г-жа Дузе. Первый спектакль знаменитой артистки и ея труппы состоялся 30-го января, шла „Дама съ камеліями", во второй 1-го февраля, шла еще не игранная ею въ Москвѣ новая пьеса „Inamorata" („Влюбленная") а 3-го февраля—„Нора".

Въ воскресенье, 2-го февраля, на сценѣ театра „Парадизъ" выступила съ большимъ успѣхомъ передъ московской публикой Клара Лардинуа въ „Великомъ Моголѣ". Московской публикѣ предстоитъ ее увидѣть въ „Миссъ Элліетъ", „Невѣста Веръ-Пото", „Кирофле Кирофля", „Нищій Студентъ".

Репертуаръ московскихъ театровъ съ 1-го декабря 1891 г. по 20-е января 1892 г.

Большой театръ. Всего было 46 спектаклей, изъ нихъ 8 утреннихъ. Поставленъ вновь балетъ „Послѣ свадьбы" въ 1 д. (шелъ 1 разъ). Оперныхъ - 32, въ которыхъ шли: „Пиковая дама"—7 разъ; „Евгеній Онѣгинъ", „Лоэнгринъ", „Невѣста-лунатикъ", „Русланъ и Людмила" - по 3 раза; „Балъ-маскарадъ", „Жизнь за Царя", „Лючія", „Фаустъ"—по 2 раза; „Африканка", „Гугеноты", „Демонъ", „Іоаннъ Лейденскій", „Травіата"—по 1 разу. Балетныхъ—14, въ которыхъ шли: „Конекъ-горбунокъ", „Корсаръ", „Тщетная предосторожность,—по 3 раза; „Индія", „Эсмеральда" по 2 раза и „Приключенія Флика и Флока"— 1 разъ.

Малый театръ. Всего было 46 спектаклей, изъ нихъ 8 утреннихъ. Поставлены вновь піесы: „Плоды просвѣщенія" ком. въ 4 д., гр. Л. Н. Толстого (шла 10 разъ); „Сѣверные богатыри", др. въ 4 д. Генриха Ибсена, пер. Н. Мировичъ (2 раза); „Женскій вопросъ", фарсъ въ 2 д. Людвига Фульда, пер. Н. А. (2 раза). Изъ прежнихъ шли: „Компаньоны"—7 разъ; „Имогена"- 6 разъ; „Въ неравной борьбѣ", „Гамлетъ", „Дѣвичій переполохъ"—по 3 раза; „Осколки минувшаго", „Царь Іоаннъ четвертый"—по 2 раза; „Аргунинъ", „Виндзорскія проказницы", „Воевода", „Въ старые годы", „Горе отъ ума", „Гроза" (2-е д.), „Орлеанская дѣва", „Продѣлки Скапэна", „Ранняя осень", „Таланты и поклонники"—по 1 разу.

Изъ двухъактныхъ пьесъ шла „Чудовище".

Изъ одноактныхъ пьесъ шли: „Бурное утро", „Бѣда отъ нѣжнаго сердца", „Вспышка у домашнаго очага", „Голь на выдумки хитра", „Заварила кашу—расхлебывай", „По кровавымъ слѣдамъ", „Помолвка въ Галерной гавани", „Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ" „Секретное предписаніе", „Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ", „Слабая струна", „Случайно случившійся случай", „Соль супружества", „Шашки".

Театръ г. Корша. Всего было 58 спектаклей, изъ нихъ 17 утреннихъ. Поставлены вновь пьесы: „Уголокъ Москвы", комедія-жанръ въ 4 д., Влад. Александрова (шла 8 разъ); „Братья Одоевы", ком. въ 5 д., А. Ф. Оедотова, „Не лги", ком.-м. въ 3 д. И. И. Мясницкаго, (перед. ком. Шамберта „Iedenacte prikázání"), „Щекотливое порученіе", ком. въ 1 д. („Chez une petite dame"), Д. Мансфельда—по три раза; „Всякому свое", ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева, „Мареа Ивановна и Захаръ Захаровичъ Собачкины", вод. въ 1 д. Соловьева—по 2 раза; „Быть или не быть", к.-м. въ 1 д. Скриба, перед. Э. Матова, „Жертва увлеченія", ком. въ 3 д., перед. съ итальянскаго, для русской сцены А. Крюковскаго, „Кайсаровы" пьеса въ 4 д. Влад. Александрова, „По новой методѣ", ком. въ 1 д., Н. Самойлова, —по одному разу.

Изъ прежнихъ пьесъ шли: „Занудъ"— 9 разъ. „О, молодость, молодость"—3 раза; „Безъ вины виноватые", „Женитьба", „Клубъ холостяковъ", „Свадьба Кречинскаго" и „Честь" —по 2 раза; „Бѣдность не порокъ", „Вѣшеныя деньги", „Волки и овцы"; „Гроза", „Доходное мѣсто", „Лѣсъ", „Недоросль", „Нина", „Нора", „Ревизоръ", „Соколы и вороны" и „Чадъ жизни" —по одному разу.

Изъ двухъактныхъ пьесъ шла „Супружеское счастье".

Изъ одноактныхъ пьесъ шли: „Вдовушка", „Дядюшкино наслѣдство", „Лилія", „Медаль", „Мотя", „На балъ", „Незнакомые знакомцы", „Ночное", „Подозрительная личность", „По памятной книжкѣ", „Сердечная каинтель", „Что имѣемъ— не хранимъ, потерявши—плачемъ".

Кромѣ того, было 7 спектаклей съ участіемъ г-жи Дузе. Шли пьесы: „Дама съ камеліями" и „Нора"—по 2 раза; „Адріенна Лекувреръ", „Фернанда" и „Фру-Фру"—по одному разу.

Театръ XIX столѣтія. Всего было 23 спектакля, изъ нихъ 11 оперныхъ. Изъ оперъ шли: „Трубадуръ"—5 разъ; „Фаустъ"—3 раза; „Горбунъ",—2 раза: „Жидовка", „Риголетто" — по одному разу.

Малороссійской труппой, подъ управленіемъ г. Садовскаго, были исполнены слѣдующія пьесы: „Гаркуша", „Дай сердцю волю, заведе у неволю", „Запорожець за Дунаемъ", „Лымеривна", „Лѣсъ", „Назаръ Стодоля", „Наталка-Полтавка", „Не такъ склалось, якъ ждалось", „Никандръ безсчастный", „Ой, не ходы, Грицю, та на вечерныци", „Черноморци"—по одному разу.

Изъ одноактныхъ пьесъ шли: „Бувальщина", „Въ своемъ халатѣ, да въ чужой палатѣ", „Долгъ платежемъ красенъ", „Жена на прокатъ", „Кумъ Мырошныкъ", „На узелки", „Не зная броду, не суйся въ воду", „Несчастье особаго рода" „Поревизіи", „Прежде скончались, потомъ повѣнчались".

Театръ Парадизъ. Всего было 42 спектакля, изъ нихъ 3 утреннихъ. Поставлены вновь: „Авантюристъ", опер. въ 3 д., муз. Карла Стикса— 2 раза; „Корнарини", опера-фарсъ въ 4 д., Оф-

фенбаха; „Новый Гамлетъ“, оперетта-пародія, соч. В. Платонова и А. Петрова; „Персіанка“, ком. опера въ 3 д. Вандоо и Летерье, пер. съ французскаго муз. Лекока, „Чортова дюжина“, опер. въ 3 д., передѣл. съ нѣмецкаго Г. А. Арбенина, муз. Жене (по одному разу).

Изъ прежнихъ оперетокъ шли: „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“—9 разъ; „Парижская жизнь“,—5 разъ „Прекрасная Елена“—4 раза; „Бокаччіо“, „Дочь рынка“, „Фаустъ на изнанку“—по 3 раза; „Жирофле-Жирофля“, „Комарго“, „Мамзель Нитушъ“, „Орфей въ аду“, „Приключенія новобрачныхъ“, „Птички пѣвчія“—по 2 раза; „Автоматъ“, „Анаюнъ“, „Бѣдный Іонафанъ“, „10-ть невѣстъ и ни одного жениха“, „Лонна Жуанита“, „Кильсетта изъ Нарбонны“, „Жюстина Фаваръ“, „Красное солнышко“, „Лѣсной чертенокъ“, „Проказы студентовъ“, „Путешествіе въ Китай“, „Сенъ-Сиръ“, „Синяя борода“, „Три мушкатера“—по одному разу.

За декабрь мѣсяцъ посѣтило московскіе театры и клубы: Большой театръ—39,772 чел., Малый—24,863 чел., Корша—37,480 чел., Шелапутина—9,550 чел., Парадизъ—37,030 чел., Скоморохъ—24,064 чел., циркъ—22,248 чел., манежъ—30,923 чел., Нѣмецкій клубъ — 9,514 чел., Омона—15,100 чел.

—

По слухамъ, г. Прянишниковъ, антрепренеръ кіевской оперы, организуетъ для Москвы оперную труппу на лѣтній сезонъ.

Кусковскій садъ и театръ сданы нѣкоему г. Антошину.

6-го января, въ актовой залѣ московской 5-й гимназіи, состоялся спектакль на греческомъ языкѣ, при участіи ученицъ женской гимназіи г-жи Фишеръ и учениковъ 5-й гимназіи. Были поставлены сцены изъ „Троянокъ“ Эврипида. Спектакль вообще сошелъ удачно; музыка въ видѣ увертюры и нѣсколькихъ номеровъ, написанная г. Корещенко, вмѣстѣ неоспоримыя достоинства.

Думѣ было доложено и передано въ коммиссію ходатайство Музыкальнаго Общества отвести ему, рядомъ съ новымъ зданіемъ Думы, участокъ для возведенія, на пожертвованныя г. Солодовниковымъ 200,000 руб., зданія для концертовъ и помѣщенія части консерваторскихъ классовъ, которымъ становится тѣсно въ большомъ домѣ, на Никитской, купленномъ консерваторіею у князя Воронцова.

По слухамъ, въ теченіе февраля мѣсяца въ одной изъ залъ Историческаго музея будетъ устроена выставка картинъ г. Рѣпина. Выставка будетъ состоять изъ двухъ большихъ картинъ и болѣе чѣмъ изъ десяти портретовъ.

Театръ Мошнина, гдѣ предполагало давать спектакли Товарищество драматическихъ артистовъ, забракованъ коммиссіей въ пожарномъ отношеніи.

Послѣ продолжительнаго интервала, вызваннаго похищеніемъ картины, картинная галлерея г. Третьякова вновь открылась для публики. Лица, желающія обозрѣвать галлерею, обязаны заручиться дозволеніемъ владѣльца, безъ чего входъ въ нее не допускается.

Въ Москвѣ открывается промышленно-художественный музей въ домѣ, принадлежащемъ министерству финансовъ и пожертвованномъ Строгановскому училищу рисованія, при которомъ состоитъ музей. Коллекціи музея пріобрѣтены въ Парижѣ Д. В Григоровичемъ, которому было поручено и расположеніе ихъ въ новомъ помѣщеніи.

На выставкѣ ученическихъ картинъ продано всего 47 картинъ, на сумму около 2,000 р., причемъ за самую высшую плату въ 200 р. продана картина В. И. Пчелина „Лѣсъ“, бывшая на конкурсѣ картинъ Общества любителей художествъ.

На XI-й періодической выставкѣ картинъ Общества любителей художествъ, помѣщающейся на Малой Дмитровкѣ, въ д. гр. Васильева-Шиловскаго, со времени ея открытія, перебывало 1,040 чел. посѣтителей. Изъ находящихся на выставкѣ картинъ всего продано 16, на сумму около 5,000 р.

Общество для пособія сценическимъ дѣятелямъ заказало большую бронзовую доску въ память Ѳ. Г. Волкова; прибита эта доска будетъ на кладбищѣ Андроніевскаго монастыря въ Москвѣ, на наружной стѣнѣ одного изъ храмовъ.

Въ частномъ ломбардѣ состоялась продажа съ публичнаго торга имущества покойнаго директора московской консерваторіи Н. Г. Рубинштейна, состоящаго изъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, разновременно поднесенныхъ ему, какъ артисту, подарковъ отъ почитателей и цѣнителей его таланта. Всѣ эти серебряные-вызолоченые вѣнки съ трогательными надписями и различныя дирижерскія палочки, хранившіяся послѣ смерти знаменитаго артиста въ московскомъ сиротскомъ судѣ, назначены въ продажу по описи судебнаго пристава московскаго окружнаго суда, произведенной 6 іюня, 1891 года, по исполнительному листу московскаго коммерческаго суда отъ 13 апрѣля 1882 года, на удовлетвореніе оршанскаго купца Шнейерсона, въ суммѣ 8000 руб. съ процентами. Всѣ вещи, въ количествѣ 38—вѣнки, кубки, чарки, ковши, блюда и т. п., могущіе составить прекрасную коллекцію, какъ воспоминаніе о Н. Г. Рубинштейнѣ; по общей стоимости оцѣнены въ 1242 руб. Консерваторія пріобрѣла лишь четыре дирижерскія палочки. Всѣ вещи были проданы по высокой цѣнѣ.

Бронзовою и шлифовальною фабрикою Верфеля изготовленъ памятникъ покойному віолончелисту Карлу Юльевичу Давыдову. Памятникъ, до $3^1/_2$ арш. вышины, исполненъ прекрасно; на фундаментѣ изъ финляндскаго гранита стоитъ постаментъ бельгійскаго гранита и на немъ чрезвычайно похожій бронзовый бюстъ покойнаго, исполненный со слѣпка художника Р. Р. Баха. На лицевой сторонѣ постамента изображены ноты съ словами подъ ними: „Къ страданіямъ чужимъ ты горести былъ полонъ, и скорбь ничья тебя не проходила мимо“; внизу—віолончель и лавровый вѣнокъ; справа—ноты изъ второго концерта покойнаго; слѣва—ноты изъ „Romance sans paroles“. На задней сторонѣ надпись: „Карлъ Юльевичъ Давыдовъ. Родился 3-го марта 1838 г., скончался 17-го февраля 1889 г.“

Съ 1-го февраля при театральной библіотекѣ г-жи Разсохиной открывается театральное агентство для посредничества въ ангажементахъ, формированія труппъ, сообщенія справокъ о театрахъ, составленія плановъ и смѣтъ для театровъ, пріема заказовъ на всякія принадлежности для сцены и представленія пьесъ въ цензуру и т. п.

Въ Москвѣ скончалась нѣкогда извѣстная оперточная примадонна—артистка Императорскихъ театровъ М. М. Чернявская. Въ семидесятыхъ годахъ, когда въ Петербургѣ и Москвѣ на казенныхъ сценахъ давались—впервые тогда вошедшія въ моду—оперетки, покойная М. М. Чернявская пользовалась на петербургской сценѣ крупной извѣстностью на ряду съ знаменитыми Кронебергъ и Лядовой. Одно,—впрочемъ, недолгое время,—по-

койная была и въ составѣ труппы Малаго театра, затѣмъ долго подвизалась въ крупнѣйшихъ провинціальныхъ городахъ, пользуясь вездѣ репутаціей опереточной дивы первой величины. Сценическій успѣхъ покойной обусловливался замѣчательными голосовыми средствами и выдающейся красотой. Съ артистической карьерой покойная разсталась давно и скончалась на 38-мъ году жизни отъ тяжкаго недуга, длившагося пять лѣтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

23 января, въ **Александринскомъ театрѣ**, состоялся бенефисъ г-жи Савиной. Были поставлены новая трехъ-актная комедія М. Бухарина—„Въ такую ночь!“ и комедія Островскаго—„Послѣдняя жертва“.

На сценѣ Александринскаго театра состоится бенефисъ г. Давыдова. Будетъ поставлена драма г. Михеева „Арсеній Гуровъ“ съ бенефиціантомъ и г-жей Мичуриной въ главныхъ роляхъ. На московской сценѣ названная пьеса предполагается къ постановкѣ въ будущемъ сезонѣ.

П. М. Свободинъ за болѣзнью на время уѣхалъ за границу.

О. П. Чюмина представила въ Театрально-Литературный Комитетъ двѣ своихъ пьесы въ стихахъ,—одну оригинальную въ одномъ дѣйствіи „Менестрель“, а другую переводную въ 2 дѣйст. „Въ сѣтяхъ“.

Содержаніе труппы въ 1891 году стоило 211,000 р. Сборы по 30-е декабря дали 266,998 р. Спектаклей было дано 168 на Александринскомъ театрѣ и 69 на Михайловскомъ, всего 237 спектаклей.

Дирекціей уволено 5 актрисъ (г-жи Любарская, Корсакова, Натарова, Якубовская, Булатова), а приглашено 10: (г-жи Шмитова-Козловская, Томсонъ, Дюжикова 2-я, Корнева, Крылова, Градовская, Лидина, Бурмистровы 1-я и 2-я). Актеровъ уволено 3 (гг. Шумилинъ, Княжнинъ, Васильевъ), принято 4 (гг. Усачевъ, Борисовъ, Кравопянскій и Корсакъ).

Умерло 3: Славинъ, Казаковъ, Захаровъ.

Бенефисы были даны: г. Далматову, 17-го января, г-жамъ: Ильинской, 30-го января, Савиной, 20-го февраля, Васильевой, 26-го сент., г. Варламову, 5 ноября.

Вновь поставленныя пьесы, „Плоды просвѣщенія“, ком. въ 4 д. гр. Л. Н. Толстого шли 18 разъ, „Гамлетъ“, тр. въ 5 д. Шекспира—13, „Новое дѣло“, ком. въ 4 д. г. Немировича-Данченко—12, „Жрица искусства“, сц. въ 4 д. г. Карпова—9, „Отрава жизни“ ком. въ 5 д. г. В. Крылова—8, „Въ неравной борьбѣ“ др. въ 4 д. г. Вл. Александрова—8, „Собака садовника“, ком. въ 5 д. Лопе-де-Вега—7, „Рабочая слободка“, др. въ 5 д. г. Карпова—7, „Замшевые люди“, ком. въ 5 д. Д. В. Григоровича—6, „Облава“, ком. въ 3 д. г. Далматова—5, „Шпильки и сплетни“, ком. въ 3 д. г. Куликова—5, „Дѣти отцовъ своихъ“, ком. въ 4 д. г. Ѳедотова—5, „Уголокъ Москвы“, ком. въ 4 д. г. Вл. Александрова — 5, „Молчаніе“, шут. въ 1 д. г. Билибина—4, „Встрѣча“, ком. въ 1 д. г. Гнѣдича—3, „Жеманницы“, ком. въ 1 д. Мольера — 2, „Подъ гнетомъ утраты“, эт. въ 1 д.—1.

Въ публикѣ и печати слышатся нареканія на нынѣшній Театрально-Литературный Комитетъ за пропускъ тѣхъ изъ дававшихся въ нынѣшнемъ сезонѣ на петербургскихъ сценахъ пьесъ, которыя вызывали всеобщее неодобреніе. Между тѣмъ, ни одна изъ пьесъ нынѣшняго театральнаго сезона въ Петербургѣ не была на разсмотрѣніи ни нынѣшняго Комитета, ни прежняго, который переставъ дѣйствовать почти два года тому назадъ. Всѣ эти пьесы были приняты дирекціею, по ея собственному рѣшенію, въ промежутокъ между открытіемъ новаго и закрытіемъ прежняго Комитета.

Во время великаго поста, въ Александринскомъ театрѣ будетъ играть нѣмецкая труппа г. Бока. Абонементъ на представленія этой труппы уже начался. Субботніе спектакли будутъ посвящены классическому репертуару. Поставлены будутъ: 20-го февраля—„Тартюфъ“, 7-го марта—„Свадьба Фигаро“, 14-го марта—„Натанъ Мудрый“, 21-го марта—„Отелло“. Участвуютъ въ главныхъ роляхъ г-жи Женни Гросъ, Агнеса Зорма, Марія Мозеръ-Спернеръ, Эмма Нейманъ и др. и гг. Густавъ Кадельбургъ, Георгъ Энгельсъ, Фридрихъ Миттервурцеръ, Артуръ Бауеръ, Юлій Вельгельмини и др.

Мы слышали, что въ засѣданіи конференціи **театральной школы**, состоявшемся 21-го ноября, постановлено: учившихся на драматическихъ курсахъ въ классѣ Н. Ф. Сазонова, за выбытіемъ преподавателя, распредѣлить по классамъ остальныхъ преподавателей драматическаго искусства, причемъ весь первый курсъ, въ числѣ восьми учившихся обоего пола у г. Сазонова, назначенъ теперь въ классъ Н. С. Васильевой.

—

Поставленная на сценѣ **Михайловскаго театра** пьеса г. Сухово-Кобылина „Дѣло“, прошла съ большимъ ансамблемъ и имѣла успѣхъ. Изъ исполнителей особенно удачно провелъ свою роль г. Давыдовъ. Авторъ былъ вызванъ нѣсколько разъ.

—

Маріинскій театръ. Контрактъ, заключенный дирекціей Императорскихъ театровъ съ примадонной парижской оперы, г-жей Сандерсонъ, начался съ 29-го декабря прошлаго года. За каждое представленіе (а всѣхъ ихъ десять) пѣвица получитъ 1000 руб. гонорара, кромѣ дорожныхъ. Въ виду этого цѣны на мѣста на всѣ спектакли съ участіемъ г-жи Сандерсонъ значительно возвышены.

Главный режиссеръ русской оперы, г. Кондратьевъ, взялъ, по разстроенному здоровью, шестимѣсячный отпускъ и уѣхалъ за границу.

Вновь назначенный чиновникъ для порученій по искусственной части при театральной дирекціи г. Молчановъ съ 1-го января завѣдуетъ русской оперой и балетною труппой. Драматическій русскій театръ поступитъ подъ его руководство, какъ говорятъ, съ августа.

8-го декабря, балетная труппа справляла полувѣковой юбилей артистической дѣятельности *Х. П. Іогансона*. Х. П. родился въ Стокгольмѣ въ 1817 г., гдѣ учился танцамъ въ королевскомъ театральномъ училищѣ. Благодаря выдающимся способностямъ къ хорографическому искусству, г. Іогансонъ былъ, на средства наслѣдника шведскаго престола Оскара, отправленъ для усовершенствованія въ танцахъ въ Копенгагенъ, гдѣ тогда находился знаменитый профессоръ и балетмейстеръ Бурнонвиль. Впродолженіе 4 лѣтъ Х. П. былъ то въ Стокгольмѣ, то въ Копенгагенѣ, и наконецъ, возвратившись въ Швецію, поставилъ балетъ „Возвращеніе на родину“. Въ 1839 г., послѣ того

какъ ему, вслѣдствіе разногласія сословій на законодательномъ сеймѣ, было отказано въ выдачѣ средствъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ танцахъ, Х. П. покинулъ Стокгольмъ и пріѣхалъ одновременно съ Тальони въ Петербургъ. На слѣдующій годъ Х. П. опять уѣхалъ въ Стокгольмъ, куда былъ ангажированъ вмѣстѣ съ Тальони. Затѣмъ Х. П. возвратился въ Петербургъ, и вскорѣ былъ принятъ на Императорскую сцену. Х. П. дебютировалъ 10-го октября 1841 года въ pas de trois съ Шлефахтъ и Аполлонской. Публика полюбила г. Іогансона. Онъ былъ олицетвореніемъ классическаго танцовщика въ настоящемъ значеніи этого слова. Впродолженіе своей карьеры, какъ первый танцовщикъ, Х. П. перетанцовалъ со всѣми знаменитостями нашей балетной сцены: Тальони, Фанни Эльслеръ, Карлоттой Гризи, Андреяновой, Смирновой, Муравьевой, Богдановой, Петипа, Розатти, Черитто, Фридбергъ и другими. Х. П. появлялся на сценѣ до 1883 года; еще ранѣе того (около 20 лѣтъ тому назадъ) онъ былъ назначенъ профессоромъ танцевъ въ Императорскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ г. Іогансону порученъ классъ усовершенствованія въ балетномъ искусствѣ (classe de perfection). Въ этомъ классѣ учились всѣ наши балерины послѣдняго времени: г-жи Вергина, Ваземъ, Соколова, Горшенкова, Никитина, Шапошникова, Фролова, Іогансонъ, покойная Виноградова, Куличевская, Петрова и т. д. Балетмейстеромъ г. Петипа отъ имени балетной труппы поднесенъ былъ г. Іогансону на голубой атласной подушкѣ роскошной работы большой серебряный вѣнокъ. Затѣмъ слѣдовали колоссальныхъ размѣровъ лавровые вѣнки, перевитые широкими шелковыми бѣлыми лентами. Въ срединѣ одного изъ вѣнковъ красовалась цифра «*50*». Эти лавровые вѣнки поднесены были отъ артистовъ Императорскихъ театровъ. Кромѣ того, г. Іогансону было поднесено еще отъ публики нѣсколько ящиковъ съ серебромъ.

Въ прошломъ году на балетной сценѣ Маріинскаго театра было дано 43 спектакля. Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ балетовъ: „Спящая красавица“, которая шла 13 разъ, „Калькабрино“ — 9 разъ, „Царь Кандавлъ“ — 6 разъ, „Конселія“ — 4 раза, „Эсмеральда“, „Приказъ Короля“ и „Весталка“ по 2 раза, „Гарлемскій тюльпанъ“ и „Зорайя“ — по 1 разу; кромѣ того, было 3 сборныхъ спектакля, въ которыхъ давались: „Очарованный лѣсъ“ — 6 разъ, „Ненюфаръ“ — 2 раза, „Фіаметта“ — 6 разъ, „Шалости Амура“ — 2 раза и „Капризы Бабочки“ — 1 разъ. Эти же небольшіе балеты давались и съ другими балетами. Больше всего представленій выдержала „Спящая Красавица“, успѣхъ которой нисколько не ослабѣваетъ; балетъ П. И. Чайковскаго попрежнему дѣлаетъ прекрасные сборы. Въ 1891 году было поставлено 2 балета „Калькабрино“ и „Царь Кандавлъ“. Ни тотъ, ни другой успѣха не имѣли, особенно послѣдній, на который, однако, дирекція возлагала большія надежды. Послѣ третьяго представленія сборы въ „Царѣ Кандавлѣ“ сразу спали. Привлекали публику „Конселія“ и „Весталка“. 43 балетныхъ спектакля дали валового сбора 92,640 руб., т.-е. средній поспектакльный сборъ выражается цифрой 2155 руб., что для балетныхъ спектаклей можно назвать болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. Балеринъ въ 1891 году было три—г-жи Брianца, Никитина и Горшенкова. Первая изъ нихъ танцовала втеченіе года 37 разъ, г-жа Никитина—30 разъ и Горшенкова 15 разъ. Балетный персоналъ состоялъ изъ 146 танцовщицъ, 68 танцовщиковъ, 3 балетмейстеровъ (гг. Петипа, Чекетти и Л. Ивановъ) и режиссера (Г. Лангамеръ). Отмѣтимъ успѣхи молодыхъ солистокъ г-жъ Кшесинской 2, Преображенской, Рыхляковой, Андерсонъ и Скорсюкъ.

—

Французскою труппою **Михайловскаго** театра новыхъ пьесъ въ 1891 г. было дано 15: „Madame Mongodin“, „La vie à deux“, „L'Obstacle“, „Ma cousine“, „Feu Toupinel“, „Le Flibustier“, „Tante Léontine“, „Thermidor“, „L'Enfant prodigue“, „La course aux jupons“, „M-me Agnès“, „Mariage blanc“, „La plantation Thomassin“ и „Ferdinand le noceur“; къ этому еще надо прибавить никогда не шедшаго у насъ на французскомъ языкѣ „Гамлета“, въ передѣлкѣ Дюма и Мёриса. Возобновлено 16 пьесъ: „Tartuffe“, „La Parisienne“, „Un fils de Famille“, „La princesse George“, „Les faux bons hommes“, „Rabagas“, „La Dame aux Camélias“, „Les pommes du voisin“, „L'assomoir“, „Dora“, „Daniel Rochat“, „Margot“, „L'abbé Constantin“, „Un Roman parisien“, „La Maitresse l'egitime“, „Le Train de plaisir“.

Въ личномъ составѣ труппы произошли значительныя перемѣны. Въ концѣ прошлаго сезона ушли:—г-жи Кларансъ, Анріо, Марсіаль и Нори и г. Гитри. Приглашены—г-жа Гертэ, г-жа Балетта—на вторыя роли кокетокъ, г. Бруеттъ—на роли простаковъ и г. Дюмени.

—

Въ залѣ Маріинскаго театра состоялось общее годичное собраніе членовъ Общества „ссудо-сберегательной кассы артистовъ Императорскихъ театровъ“. Въ собраніи предсѣдательствовалъ И. А. Мельниковъ. Собранію пришлось первымъ вопросомъ обсуждать отчетъ правленія за истекшій годъ. Финансы общества оказываются въ блестящемъ состояніи...

Къ 1-му января отчетнаго года Общество имѣло всѣхъ капиталовъ 192,139 р. 69 к. Валовая прибыль Общества исчислена въ суммѣ 19,804 р. 3 к. а за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, чистой прибыли осталось 17,091 р. 30 к. Дивидендъ въ 8 проц. Собраніе избрало въ члены правленія И. А. Мельникова, В. И. Васильева I, А. Я. Морозова, А. А. Спорышева, Н. М. Баранова и С. Я. Морозова; въ члены ревизіонной коммиссіи: гг. Глазунова, Яницкаго и Мельниченко.

Частные театры въ Петербургѣ.

Въ будущемъ лѣтнемъ сезонѣ въ Павловскомъ вокзалѣ будутъ дирижировать, чередуясь, капельмейстеры: Мукъ, Годаръ, Жилло, Стекъ и Сала.

Дѣятельность *Панаевскаго театра* все больше и больше завоевываетъ общественное вниманіе и тѣ изъ знатоковъ театральнаго дѣла, которые съ убѣжденіемъ утверждали, что у насъ, въ Петербургѣ, немыслимо веденіе частнаго драматическаго театра, начинаютъ сдаваться. Не взирая на очень неудачное помѣщеніе, на ряду съ театрами Александринскимъ и Михайловскимъ, на ряду съ пятью-шестью клубными сценами, на которыхъ идутъ драматическія новыя и старыя пьесы, не только существуетъ, но и хорошо ведетъ свои дѣла *первый частный театръ*. Высказывались опасенія, что въ Петербургѣ не „хватитъ публики“, чтобы поддержать дѣло, но мы убѣждены, что интересный спектакль всегда возбудитъ вниманіе и сдѣлаетъ сборъ.

Послѣ отъѣзда малороссовъ, на сценѣ Панаевскаго театра была поставлена извѣстная трагедія Островскаго, „Дмитрій Самозванецъ“. Новыя декораціи, прекрасные свѣжіе костюмы, вѣрное распредѣленіе ролей и та любовь къ дѣлу, которая сказывается въ дѣятельности режиссера, дали блестящіе результаты. Главную роль исполнялъ молодой трагикъ г. Дарскій, очень долго и добросовѣстно

изучавшій характеръ героя. Можно не соглашаться съ г. Дарскимъ въ его толкованіи Самозванца, но нельзя не указать, что даровитый артистъ, преслѣдуя, главнымъ образомъ, историческую правду, и загриммировался, и держалъ себя, и создалъ костюмъ — все по источникамъ и по послѣднимъ монографіямъ. Изъ остальныхъ исполнителей въ „Самозванцѣ" надо отмѣтить г. Максимова, провинціальнаго артиста, впервые появившагося въ Петербургѣ и завоевавшаго вниманіе критики и публики. Роль Шуйскаго, не имѣющая ни эффектныхъ монологовъ, ни выгодныхъ „уходовъ"; была исполнена г. Максимовымъ правдиво и художественно. Очень симпатичнымъ артистомъ является г. Соколовъ, играющій на сценѣ Панаевскаго театра классическія роли. Онъ обладаетъ опытностью и вкладываетъ въ исполненіе принятыхъ на себя ролей много сердечности и искренняго увлеченія. Женскій персоналъ значительно слабѣе. Изъ артистокъ можно отмѣтить г-жу Новикову и отчасти г-жу Прокофьеву, къ сожалѣнію, появляющуюся нечасто. Постановка групповыхъ сценъ въ „Самозванцѣ" отличается жизненностью. Онѣ проходятъ прекрасно. Много шуму надѣлала постановка „Мессалины", драмы г. Буренина. Благодаря узкой кружковщинѣ, можно было заранѣе сказать: которая изъ газетъ будетъ бранить пьесу, которая похвалитъ. Этого вопроса мы, конечно, касаться не станемъ. „Мессалина" имѣла большой успѣхъ и прошла очень недурно. Главную роль исполняла г-жа Мартынова, обладающая умѣньемъ носить костюмъ (рѣдкость даже для артистовъ большой сцены) и прекрасно передающая созданный авторомъ характеръ. Г-жа Горева-Ильина (Юлія) еще далеко неопытная актриса, но нѣкоторыя сцены ей очень удаются и современемъ изъ нея выработается хорошая исполнительница.

Значительный успѣхъ имѣли гг. Соколовъ (гладіаторъ) Волковъ-Семеновъ (Валерій Азіатикъ) и Максимовъ (Клавдій). Автора шумно и долго вызывали, но онъ не вышелъ. Не безъ успѣха прошли на сценѣ Панаевскаго театра еще двѣ новыя пьесы: „Тайна заброшенной хижины", мелодрама, пер. съ французскаго А. Н. Морозова и драма г. Карпова, „Житье привольное".

Укажемъ теперь на другой изъ нашихъ театровъ, *Василеостровскій*, находящійся на окраинѣ города, но, тѣмъ не менѣе, начинающій пользоваться большею симпатіей публики, благодаря улучшенію репертуара. Слезливыя мелодрамы и кровавыя, жестокія пьесы уступаютъ, мало-помалу, мѣсто произведеніямъ Островскаго, Писемскаго и др. а также пьесамъ новѣйшаго репертуара, изъ котораго, при умѣніи и знаніи состава зрителей, всегда можно выбрать подходящія вещи. Василеостровскій театръ посѣщается по праздникамъ—рабочими, писарями, швейками и т. п., а въ будни публикой интеллигентной. Это — студенты и вообще учащаяся молодежь, чиновники, купцы, etc., говорящіе „нашъ театръ" и не идущіе „въ городъ" на спектакль, разсуждая, что здѣсь—ближе! Въ виду такого отношенія, дирекціи слѣдовало бы освѣжать репертуаръ новинками, что вполнѣ возможно, такъ какъ артисты, подъ управленіемъ энергичнаго г Макарова-Юнева, хорошо сыгрались и имѣютъ похвальную привычку знать роли „на зубокъ". Въ Василеостровскомъ театрѣ идутъ: „Не было ни гроша", „На Волгѣ", новая пьеса г. Грекова, „Уріель Акоста", но рядомъ съ такими вещами ставятся драмы: „Картушъ", „Эсмеральда", и т. п., такъ что видя, напримѣръ, г. Мартынова, въ роли „Уріель Акосты", которую онъ исполнялъ прекрасно, дѣлается жаль, что способный и даровитый артистъ появляется въ роляхъ мелодраматическаго злодѣя, обязаннаго говорить въ приподнятомъ тонѣ и вдобавокъ передавать такія чувства, для которыхъ и тона-то подходящаго не найдетъ современный человѣкъ. Изъ наличныхъ силъ Василеостровскаго театра главное мѣсто занимаетъ мужской персоналъ. Г. Муравлевъ-Свирскій, очень талантливый артистъ, исполняющій роли первыхъ любовниковъ и драматическихъ резонеровъ. Онъ обладаетъ сценическою внѣшностью, темпераментомъ и опытностью. Въ нѣкоторыхъ роляхъ, г. Муравлевъ-Свирскій производитъ сильное впечатлѣніе, и вообще никогда не портитъ ролей и относится крайне добросовѣстно къ своему дѣлу. Какъ г. Муравлевъ-Свирскій, такъ и гг. Мартыновъ и Макаровъ-Юневъ сдѣлались любимцами публики. Г. Мартыновъ, поставившій въ свой бенефисъ „Уріеля Акосту", съ участіемъ еврейской капеллы, имѣлъ огромный успѣхъ съ подношеніями и безконечными вызовами. Женскій персоналъ значительно слабѣе. Почти всѣ роли играетъ г-жа Макарова-Юнева. Это опытная и очень талантливая артистка, но, конечно, она не обладаетъ такимъ универсальнымъ талантомъ, чтобы являться исполнительницей всѣхъ типовъ и характеровъ, созданныхъ авторами. Играя каждый день, трудно быть разнообразной. Мы не знаемъ матеріальнаго положенія Василеостровскаго театра, но полагаемъ, что освѣженіе женскаго персонала выгодно отразилось бы на сборахъ. Въ труппѣ г. Макарова-Юнева есть, впрочемъ, въ высшей степени полезная и даровитая артистка, г-жа Яблочкина, прекрасно исполняющая характерныя роли въ пьесахъ Островскаго, но для салонныхъ пьесъ и вообще пьесъ современнаго репертуара никого, кромѣ г-жи Макаровой-Юневой и Григорьевой, не имѣется, въ виду чего многія пьесы или не идутъ, или идутъ не такъ дружно, какъ бы это желалось. Г-жа Макарова-Юнева, напримѣръ, очень хорошая Готовцева („Вторая молодость"), но, конечно, въ роляхъ молодыхъ дѣвушекъ или кокетокъ не можетъ производить надлежащаго впечатлѣнія или давать необходимую сценическую иллюзію.

„Сдабривать" драматическія представленія участіемъ хора цыганъ, еврейскихъ капеллъ и т. д. вводится у насъ въ моду, но мы не можемъ относиться съ похвалой къ подобному новаторству, унижающему драматическое искусство и низводящее на низменную почву интересъ къ самой пьесѣ. Такъ недавно на сценѣ купеческаго клуба въ бенефисъ г-жи Райдиной, поставившей „Нищіе духомъ", въ послѣднемъ актѣ, когда зритель ждетъ развязки, на сценѣ появляется хоръ цыганъ, конечно, не первосортный, и начинается пѣніе, прерываемое bis'ами, а заключительная сцена драмы производитъ впечатлѣніе чего-то приклееннаго. Въ другихъ пьесахъ, напр., „Мужъ знаменитости", хоръ цыганъ пришпиленъ къ 1-му акту и получается тоже безтолковщина. Положимъ, къ этому „сдабриванію" прибѣгаютъ ради привлеченія публики но... пусть это и выгодно, но не желательно въ качествѣ обычнаго явленія.

Дѣла *Столичнаго Артистическаго Кружка* очень поправились за эту зиму. Благодаря энергіи и любви къ дѣлу со стороны директора Кружка, г. Костромитинова, спектакли ставятся очень и очень недурно, а среди любителей есть такіе артисты, которые доставляютъ удовольствіе публикѣ, собирающейся въ большомъ количествѣ на четверговые вечера. Среди артистокъ Кружка укажемъ г-жъ Мазуровскую, Отрадину, Приклонскую, Юзефовичъ и др., а среди мужского персонала есть даровитые артисты: гг. Муравьевъ, Александровъ (псевдонимы), гг. Сушковъ, Берниковъ, Карамазовъ и др. Репертуаръ Кружка похвалить нельзя, такъ какъ

онъ имѣетъ случайный характеръ. Комитетъ Кружка (Литературно-Театральный), теперь бездѣйствуетъ и вмѣсто того, чтобы ставить новыя пьесы, не попавшія на сцену Александринскаго театра, какъ предлагали члены Комитета, ставятъ „Фофана“ или „Нарциса“. Но такіе скачки объясняются личнымъ вкусомъ бенефеціантовъ, которые, какъ и вездѣ, заботятся не объ ансамблѣ, а только о своей роли... На будущій сезонъ Кружокъ обзаводится своимъ собственнымъ помѣщеніемъ и тогда, конечно, явится возможность установить тѣсное единеніе между членами комитета, дирекціей и артистами, что, несомнѣнно, отразится и на репертуарѣ. **Си.**

Репертуаръ с.-петербургскихъ театровъ съ 1-го декабря 1891 г. по 20-е января 92 г.

Маріинскій театръ. Всего было 41 спектакль, изъ нихъ 4 утреннихъ; оперныхъ—29, въ которыхъ шли: „Пиковая дама“—6 разъ; „Отелло“—5 разъ; „Джіоконда“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Эсклармонда“, — по 4 раза; „Гугеноты“—2 раза; „Демонъ“, „Жизнь за Царя“, „Князь Игорь“, „Поэтъ“ – по одному разу.

Изъ балетовъ шли: „Царь Кандавлъ“—7 разъ; „Спящая красавица“ — 3 раза; „Калькабрино“, „Коппелія“, „Очарованный лѣсъ“, „Сильфида“— по одному разу.

Александринскій театръ. Всего было 45 спектаклей, изъ нихъ 8 утреннихъ. Поставлены вновь „Рабочая слободка“, др. въ 5 д., Е. П. Карпова (шла 8 разъ); „Перчатка“, норвежская комедія въ 3 д., соч. Біёрнсена-Біёристена, пер. Т. А. Кузьминской (3 раза); „Лѣтнія грезы“, ком. въ 3 д. Виктора Крылова, (2 раза).

Изъ прежнихъ пьесъ шли: „Отрава жизни“— 6 разъ; „Гамлетъ“, „Новое дѣло“, „Уголокъ Москвы“ – по 4 раза; „Плоды просвѣщенія“—3 раза; „Горе отъ ума“, „Дѣвичій переполохъ“; „Дѣло“— по 2 раза; „Вольная пташка“, „Въ неравной борьбѣ“, „Елизавета Николаевна“, „Замшевые люди“, „Озимь“, „Ревизоръ“ „Симфонія“, „Чародѣйка“,— по одному разу.

Изъ одноактныхъ пьесъ шли: „Азъ и Фертъ“, „Вѣда отъ нѣжнаго сердца“, „Бѣдовая дѣвушка“, „Взаимное обученіе“, „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“, „Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Кузьминишна“, „Дочь русскаго актера“, „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“, „Ночное“, „Простушка и воспитанная“, „Съѣхались, перепутались и разъѣхались“, „Фотографъ-любитель“.

Михайловскій театръ. Всего было 43 спектакля, изъ нихъ французскихъ 28. Изъ русскихъ пьесъ шли: „Дѣти отцовъ своихъ“—5 разъ; „Дѣло—3 раза; „Василиса Мелентьева“ „Новое дѣло“—по 2 раза; „Въ неравной борьбѣ“, „Плоды просвѣщенія“, „Уголокъ Москвы“—по одному разу.

Изъ французскихъ пьесъ шли: „Ferdinand le noceur“, „Les faux bons hommes“—по 5 разъ; „La princesse Georges“, „Monsieur l'abbé“—по 4 раза; „La consience“, „La plantation Thomassin“, „Rabagas“ – по 3 раза; „Mariage blanc“—одинъ разъ.

Изъ одноактныхъ пьесъ шли: „Il pleut“, „La cravate blanche“, „La dame au petit chien“, „Le parapluie“, „Le maitre d'école“, „Le rez-de-chaussée“, „Le wagon des dames“, „Les yeux du coeur“.

Малый театръ. Всего было 42 спектакля, изъ нихъ съ участіемъ г-жи Дузе 11.

Изъ оперетокъ шли: „Нищій студентъ“—5 разъ; „Американецъ“. „Путешествіе на луну“, „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“ — по 3 раза; „Бибъ и Бобъ“, „Бѣдный Іонафанъ“, „Великій Моголъ“, „Жирофле-Жирофли“, „Лѣсной чертенокъ“, „Нѣвѣста изъ Веръ-Пото“—по 2 раза; Автоматъ“, „Адская любовь“, „Бокаччіо“, „За кулисами Малаго театра“, „Зеленый островъ“, „Корневильскіе колокола“, „Миссъ Элліотъ“, „Орфей въ аду“, „Парижская жизнь“ (2-й актъ), „Персіанка“, „Фатиница“—по одному разу.

Изъ балетовъ шли: „Эксцельсіоръ“—5 разъ; „Фарфоровыя фигурки“ — 4 раза; „Сильвія“ – 2 раза; „Брама“, „Торжество любви“—по одному разу.

Изъ пьесъ съ участіемъ г-жи Дузе шли: „Дама съ камеліями“ —3 раза; „Клеопатра“, „Нора“— по 2 раза; „Адріэнна Лекуврёръ“, „Ромео и Джульетта“, „Фернанда“, „Фру-Фру“—по одному разу.

—

Въ Опекунскомъ Совѣтѣ разсматривался проектъ новаго положенія о сборахъ въ пользу Императорскаго *Воспитательнаго дома* съ частныхъ театровъ, кафе-шантановъ и другихъ увеселительныхъ заведеній, а также съ устраиваемыхъ благотворительными Обществами и частными лицами спектаклей, концертовъ, баловъ и проч. Проектировано взимать отъ 3 до 5% со стоимости каждаго проданнаго билета. Проектъ Опекунскимъ Совѣтомъ одобренъ и вносится на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Новое положеніе будетъ введено не позже открытія лѣтняго сезона наступившаго года.

—

5-го января *консерваторія* праздновала юбилей г. Ю. Іогансена, заступившаго мѣсто ея директора послѣ ухода А. Г. Рубинштейна. Г. Іогансенъ—одинъ изъ серьезныхъ теоретиковъ нашего времени, датчанинъ родомъ, давно поселился въ Россіи и считаетъ ее своимъ вторымъ отечествомъ. Онъ учился въ Лейпцигѣ подъ руководствомъ знаменитыхъ теоретиковъ Рихтера и Гауптмана, а также пользовался совѣтами Мендельсона и Гаде. Въ консерваторіи онъ состоитъ съ декабря 1866 года, когда онъ вступилъ въ нее профессоромъ гармоніи. Въ послѣдніе годы онъ получилъ спеціальный классъ практической композиціи, который ведетъ на ряду съ гг. Соловьевымъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Черезъ руки г Іогансена прошла масса молодежи, немало обязанной своему руководителю. Теоретическія занятія отвлекли г. Іогансена отъ композиторской дѣятельности; тѣмъ не менѣе, у него имѣется немалое число романсовъ, фортепіанныхъ пьесъ ит.д.

—

29-го февраля сего года исполнится столѣтіе рожденія знаменитаго композитора Россини. Мы слышали, что консерваторія устраиваетъ въ этотъ день большой музыкальный вечеръ, причемъ сообщены будутъ и свѣдѣнія о дѣятельности Россини.

—

Антрепренеръ *польской труппы* въ Петербургѣ г. Кастелецкій прекратилъ свою дѣятельность. Польскіе артисты образовали Товарищество.

— *Музыкальные курсы Е. П. Рапгофа* праздновали 12-го января 10-лѣтній юбилей, музыкальнымъ вечеромъ и баломъ въ Благородномъ собраніи. Въ настоящее время на курсахъ получаютъ музыкальное образованіе до 400 человѣкъ. Изъ числа окончившихъ курсы, можно назвать до 16 лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ музыкальномъ мірѣ, на оперныхъ и драматическихъ сценахъ, какъ Петербурга, такъ и провинціи. Такъ, напр., г-жа Долина поетъ въ Маріинскомъ театрѣ и пользуется общей симпатіей, г. Левицкій въ Кіевской оперѣ, г-жа Шау получила извѣстность на концертной эстрадѣ; по драматической сценѣ извѣстны г-жа Бѣльская, г. Аяровъ и друг.

—

Отъ музыкальнаго вечера, устроеннаго въ Соляномъ Городкѣ въ память директора педагогическаго музея ген.-л. *В. И. Ховоскаго*, очистилось около 300 руб., которые послужатъ первоначальнымъ фондомъ для учрежденія стипендіи имени покойнаго при общедоступныхъ музыкальныхъ классахъ Соляного Городка. Съ тою же цѣлью въ половинѣ будущаго января устраивается второй такой же вечеръ.

—

Въ *музыкальной школѣ гг. Данномена* и *Кривошеина* открылся безплатный оркестровый классъ. Занятія происходятъ вечеромъ по четвергамъ. Преподавателемъ сольнаго пѣнія приглашенъ профессоръ г. Кавалли.

—

Музыкальныя занятія *студентовъ петербургскаго университета* дѣятельно ведутся г. Главачемъ. Кромѣ симфоническаго оркестра и хора, сформированнаго уже въ прошлые года, г. Главачъ организовалъ теперь спеціальный духовой оркестръ изъ студентовъ.

—

По словамъ „Пет. Листка“, „Аркадія“ въ будущемъ году прекращаетъ свою дѣятельность. Всѣ зданія „Аркадіи“ выстроены на землѣ гр. Строганова гг. Поляковымъ и Александровымъ за ихъ счетъ съ правомъ снести эти зданія по окончаніи контракта. За первыя шесть лѣтъ гг Поляковъ и Александровъ платили за аренду земли 1,600 руб. въ годъ, вторыя шесть лѣтъ по 2,600 руб., теперь же просятъ съ нихъ 7,000 руб. въ годъ.

—

5-го декабря скончался старѣйшій провинціальный антрепренеръ и актеръ *Николай Ивановичъ Ивановъ*, воспоминанія котораго только-что напечатаны въ послѣднихъ трехъ книжкахъ „Историческаго Вѣстника“. Онъ умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ, изъ которыхъ шестьдесятъ провелъ безпрерывно за кулисами. Послѣдніе годы жизни онъ терпѣлъ крайнюю нужду и только почти наканунѣ смерти (въ началѣ ноября) былъ пристроенъ въ городскую богадѣльню на средства Общества вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ. Ивановъ, какъ антрепренеръ,—одинъ изъ первыхъ иниціаторовъ частныхъ театровъ. Онъ всю свою долгую жизнь провелъ въ путешествіяхъ и исколесилъ положительно всю Россію, держа театры въ Казани, Оренбургѣ, Архангельскѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитѣ, Омскѣ, Томскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Динабургѣ, Витебскѣ, Костромѣ, Твери, Новгородѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Гапсалѣ, Аренсбургѣ, Псковѣ, Кронштадтѣ, Нарвѣ. Русскія сцены обязаны ему не однимъ десяткомъ даровитыхъ актеровъ, начавшихъ свою дѣятельность на подмосткахъ его театровъ.

—

Издателю музыкальнаго журнала „*Нувеллистъ*“, Н. М. Бернарду, во вниманіе къ пятидесятилѣтнему существованію журнала, разрѣшено въ 1892 году дать въ премію два рояля съ правомъ разыграть ихъ между подписчиками на „*Нувеллистъ*“. Премія подобнаго рода, кажется, еще не предлагались журналами.

—

Выставку гг. Шишкина и Рѣпина со дня ея открытія посѣтило 16 тысячъ платныхъ посѣтителей.

Государь Императоръ изволилъ пріобрѣсти картину г. **Рѣпина** „Запорожцы“ за 15000 р.

Состоялась продажа этюдовъ г. Шишкина, оцѣненныхъ въ общемъ въ 29 тысячъ руб. Болѣе половины этюдовъ продано въ первый-же день продажи; цѣны назначены недорогія. Академія Художествъ пріобрѣла этюдовъ г. Шишкина на 9 тысячъ р. Г. Рѣпинъ также продалъ половину своихъ работъ, причемъ между покупателями фигурируютъ г. Третьяковъ, графъ Бобринскій и г. Стаховичъ.

—

Французская художественная выставка закрылась. Въ томъ же помѣщеніи — въ зданіи Императорскаго Общества Поощренія Художествъ — открывается выставка „Бѣлое и Черное“ и затѣмъ обычная выставка акварелистовъ. Выставка академистовъ откроется, какъ слышно въ началѣ марта.

—

18-го декабря, въ Михайловскомъ дворцѣ состоялось общее собраніе членовъ *перваго дамскаго художественнаго Кружка*, подъ предсѣдательствомъ П. П. Куріаръ. Однимъ изъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію собранія, былъ вопросъ о празднованіи имѣющаго исполниться десятилѣтія Кружка, причемъ, по случаю этого, рѣшено обезпечить всѣхъ воспитываемыхъ Кружкомъ дѣтей бѣдныхъ художниковъ на средства Кружка, внесеніемъ за нихъ суммы за все время пребыванія ихъ въ гимназіяхъ и училищахъ. Равнымъ образомъ постановлено обезпечить существованіе престарѣлыхъ пансіонеровъ Кружка. Праздновать десятилѣтіе рѣшено 26 февраля, причемъ предположено устроить въ этотъ день музыкально-вокальный вечеръ и спектакль. По окончаніи собранія состоялся вечеръ, который на этотъ разъ былъ оживленнѣе предшествовавшихъ; число присутствовавшихъ на вечерѣ доходило до 90 человѣкъ.

—

Въ Петербургъ прибылъ извѣстный скульпторъ Антокольскій.

26-го декабря, въ залахъ *рисовальной школы барона Штиглица* открылась выставка работъ учащихся въ этой школѣ. Выставка распадается на двѣ части: работы учащихся въ центральной школѣ и работы учащихся въ приготовительныхъ классахъ. Особый интересъ, по словамъ „Новостей“, представляетъ собою первый отдѣлъ, занимающій болѣе 10-ти залъ въ двухъ этажахъ. Въ классѣ рисованія орнаментовъ (препод. академикъ Л. Х. Маршнеръ) обращаютъ на себя вниманіе рисунки г. Парамонова по изяществу отдѣлки. Въ классѣ рисованія вазъ (препод. классный художникъ И. А. Гальнбекъ) особенно выдѣляются работы г-жъ Рашевской, Соколовой, Грацилевской и Феддеро и г. Апфельбаума. Много прекрасныхъ рисунковъ выставлено въ классѣ рисованія гипсовыхъ головъ (преподаватели: академ. А. П. Новоскольцевъ, проф. Н. А. Кошелевъ, классные художники первой степени—В. Е. Савинскій, Н. А. Бруни и Г. М. Манизеръ). Здѣсь пальма первенства принадлежитъ г-жѣ Новосильцевой и гг. Измайловичу и Кабакову. Въ классѣ съемокъ (препод. академ. Л. Х. Маршнеръ) всѣхъ лучше рисунки г-жи Вальтеръ (кружева—съ натуры), г. Измайловича (шкалъ въ стилѣ Булль) и г. Корешова (шкалъ). Всѣ эти рисунки удостоены первыхъ премій. Много также прекрасно исполненныхъ рисунковъ въ классѣ рисованія гипсовыхъ фигуръ. Особеннаго одобренія заслуживаютъ работы гг. Тюшкова и Лобанова.

Изъ работъ класса гравированія (препод. классный художникъ 1-й ст. В. В. Маттэ) нельзя не отмѣтить произведеній г-жи Ланской, гг. Рундальцева и Быковскаго. Въ классѣ лѣпленія (препод. академикъ М. А. Чижовъ) двѣ первыя преміи присуждены г. Ильину; кромѣ того, малыя преміи присуждены гг. Эйсперу, Степанову, Сверчкову и Морозову. Особенно хороша лѣпка г. Ильина—Францискъ I въ замкѣ Фонтенебло.

Многочисленными художественными работами можетъ похвалиться классъ композиціи, въ которомъ преподаетъ директоръ, профессоръ архитектуры, М. Е. Месмахеръ. Отмѣтимъ здѣсь работы гг. Мурзанова (дарохранительницы въ русскомъ стилѣ), Долгова (блюдо), Прозорова (столъ), Филоненко (дарохранительницы), Топоркова (дарохранительницы въ русскомъ стилѣ), Рудавскаго (люстра съ лампадочками для электрическаго освѣщенія). Почти всѣ эти работы удостоены премій, а нѣкоторыя пріобрѣтены въ альбомъ училища.

Въ классѣ живописи масляными красками слѣдуетъ указать на работы г-жъ Лебедевой, Вульфъ, гг. Мурзанова, Лобанова, Михайлова и Рылова. Нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣтены въ альбомъ.

Особеннаго одобренія заслуживаетъ акварельный классъ (препод. академикъ А. А. Парландъ). Добрая половина выставленныхъ здѣсь картинъ пріобрѣтена въ альбомъ. Отмѣтимъ картины г-жи Андре (опаловый кувшинъ), гг. Зуева, Панова, Рундальцева и Янкальмина.

Въ натурномъ классѣ выдѣляются произведенія г-жъ Вульфъ, Абеггъ, Владимірской, гг. Прозорова, Мурзанова, и Коренева.

Въ декоративномъ классѣ обращаютъ на себя вниманіе работы гг. Прозорова, Долгова, Рудовскаго и Мурзанова. Работа послѣдняго пріобрѣтена въ альбомъ. Въ маіоличномъ классѣ (преп. классный художникъ Кремеръ) первая премія присуждена г-жѣ Терпиловской, малая премія — г. Долгову. Въ этомъ классѣ почти всѣ выставленныя работы распроданы.

—

Обществомъ устроителей народныхъ гуляній за Невскою заставою, во главѣ котораго стоитъ г. Варгунинъ, устроенъ зимній театръ въ селеніи Императорскаго фарфороваго завода. Лѣтъ 15 тому назадъ, въ этомъ зданіи помѣщался театръ и ресторанъ г. Сосова. Нынѣшнее же помѣщеніе театра заново ремонтировано и сдѣланы новыя пристройки. Въ обширномъ саду устроены ледяныя горы, кегель-банъ, стрѣльба въ цѣль, на пруду же сада — катокъ. По праздничнымъ днямъ будетъ играть оркестръ военной музыки. Входъ въ садъ будетъ по 10 коп., въ театрѣ же цѣны отъ 20 коп. до 1 рубля, включая сюда и плату за храненіе верхняго платья. Устройство театра, горъ, катка обошлось около 11 тысячъ.

—

Въ видахъ улучшенія постановки преподаванія пѣнія и музыки въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія—для обсужденія и всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса образована особая коммиссія изъ спеціалистовъ. Къ участію въ трудахъ означенной коммиссіи приглашены извѣстные русскіе композиторы и знатоки музыкальнаго дѣла: П. И. Чайковскій, А. С. Фаминцынъ, В. И. Главачъ, Д. Н. Соловьевъ и др.

—

„Нов. Вр.“ получило отъ С. Разсохина слѣдующее письмо: „Въ № 5647 вашей газеты, въ отдѣлѣ „Театръ и музыка“, былъ помѣщенъ разборъ комедіи „Обрывъ“, исполненный на сценѣ Приказчичьяго клуба, въ бенефисъ г. Соколовскаго, причемъ передѣлка этой комедіи изъ романа И. А. Гончарова почему-то приписывается мнѣ и даже на афишѣ значилась моя фамилія. Считаю нужнымъ заявить, что я „Обрыва“ И. А. Гончарова въ пьесу никогда не передѣлывалъ, передѣлка же эта всецѣло принадлежитъ Н. М. Сѣдельникову, по адресу котораго и должны быть отнесены всѣ тѣ отзывы, кои были сдѣланы петербургскими газетами по поводу бенефиса г. Соколовскаго“.

Въ отвѣтъ на это г. Соколовскій прислалъ слѣдующее письмо: „Въ № 5658 „Нов. Вр.“ помѣщено письмо г. Разсохина, въ которомъ онъ увѣряетъ, что не онъ передѣлалъ для сцены извѣстный романъ И. А. Гончарова „Обрывъ“, а г. Сѣдельниковъ; между тѣмъ, въ каталогѣ пьесъ Общества драматическихъ писателей (изд. 1887 г.), на страницѣ 146, противъ пьесы „Обрывъ“ значится:—„соч. С. Разсохина“, каковая пьеса и была поставлена въ Приказчичьемъ клубѣ 15-го ноября, въ бенефисъ моей жены, г-жи Соколовской“.

Провинціальная хроника.

Извѣстная пьеса нѣмецкаго драматурга Зудермана „Честь“, переведенная на польскій языкъ г. Глинскимъ, была поставлена съ большимъ успѣхомъ на сценѣ **варшавскаго** польскаго театра, такъ же, какъ и пьеса Мельяка „Ma cousine“!

Русское Общество любителей сценическаго искусства въ Варшавѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, продолжаетъ знакомить своихъ членовъ съ произведеніями отечественной музыки. Въ нынѣшнемъ сезонѣ оно поставило „Русалку“ Даргомыжскаго. Опера дана была въ первый разъ 26-го декабря и имѣла очень хорошій успѣхъ.

— Съ курьезнымъ ходатайствомъ обратились варшавскіе садоводы и торговцы живыми цвѣтами къ дирекціи мѣстныхъ казенныхъ театровъ. Дѣло въ томъ, что сцена вновь перестроеннаго Большого театра въ Варшавѣ устроена такъ высоко, что изъ оркестра никакъ нельзя дѣлать артистамъ и артисткамъ какихъ-либо подношеній. Вслѣдствіе этого, подношенія, въ особенности живыхъ цвѣтовъ, на открытой сценѣ выходятъ въ Варшавѣ изъ моды, что, конечно, вредно отражается на дѣлахъ садоводовъ и торговцевъ цвѣтами. Это обстоятельство и побудило послѣднихъ обратиться съ ходатайствомъ о перестройкѣ сцены (!?) или, по крайней мѣрѣ, объ устройствѣ особой лѣстницы изъ оркестра на сцену. Стоимость устройства лѣстницы садоводы готовы даже принять на свой счетъ.

Воронежъ. 26 декабря въ залахъ женской гимназіи открыта дамскимъ комитетомъ Краснаго Креста выставка картинъ мѣстныхъ художниковъ и любителей; сборъ назначенъ въ пользу голодающихъ.

Въ **Гельсингфорсѣ** труппа г. Семибратова, драматическая и оперетточная дѣлаетъ хорошія дѣла. Репертуаръ: „Татьяна Рѣпина“, и „М-lle Нитушъ“, „Вторая молодость“, „Красное солнышко“, „Гроза“ и т. д. Шумный успѣхъ, имѣютъ г-жи Энглундъ и Стрѣльская (Р. А.), Изъ мужского персонала, публика очень сочувственно принимаетъ артистовъ гг. Семибратова, Фролова, Печорина, Горскаго и Корсакъ.

Въ **Казани** открылась выставка картинъ. Всѣхъ картинъ около 200, причемъ большинство изъ нихъ доставлены, принадлежащимъ городу Лихачевскимъ музеемъ. Сборъ предназначается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Между кіевскими гласными возникла мысль объ учрежденіи въ **Кіевѣ**, при посредствѣ субсидіи отъ города, музыкальной консерваторіи.

Предполагается, что если городъ выдастъ субсидію, то можно будетъ кіевское музыкальное училище Императорскаго Музыкальнаго Общества расширить и преобразовать въ консерваторію. За это неоднократно высказывался А. Г. Рубинштейнъ.

Интересующимся судьбою и матеріальнымъ положеніемъ П. Ѳ. Солонина, находящагося на излѣченіи въ больницѣ д-ра Коршуна въ Кіевѣ, можемъ сообщить, что денегъ, пожертвованныхъ въ его пользу и отосланныхъ д-ру Коршуну, хватило только для уплаты за содержаніе и лѣченіе П. Ѳ. до 14-го января. Въ театрѣ г. Корша въ Москвѣ 8 февраля устраивается музыкально-литературный вечеръ въ пользу г. Солонина.

— Въ **Кишиневѣ** находится замѣчательная рѣдкость—горельефъ работы Леонардо да-Винчи, изображающій „Тайную вечерю“. Горельефъ сдѣланъ на бронзѣ. Эта вещь,—какъ сообщаютъ *Бессарабскія Губерн. Вѣдомости*,—была пріобрѣтена за границею архитекторомъ Монферраномъ, имущество котораго продавалось съ аукціона, и горельефъ попалъ къ старьевщику на Апраксинскій рынокъ. Случайно его замѣтилъ тамъ проживающій нынѣ въ Кишиневѣ, генералъ-лейтенантъ Шумлянскій. Прельстившись изяществомъ работы, онъ пріобрѣлъ горельефъ за 60 руб. Впослѣдствіи г. Шумлянскому предлагали за эту драгоцѣнность 25,000 р., но онъ не уступилъ.

Одесское городское общественное управленіе возбудило ходатайство о продленіи срока права взиманія городомъ налога въ с ою пользу съ увеселеній и зрѣлищъ, такъ какъ срокъ этотъ истекаетъ 1 іюля настоящаго года. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ „Нов. Тел.“, получено извѣстіе о томъ, что ходатайство это отклонено въ виду предстоящаго пересмотра городового положенія.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ новаго **рижскаго** „Музыкальнаго Общества Вагнера“.

Въ **Таганрогѣ** покончилъ съ собой пѣвецъ г. Ріенци (баритонъ), подвизавшійся на провинціальныхъ сценахъ.

Самарская газета сообщаетъ, что театръ въ **Уфѣ** сгорѣлъ.

Небезызвѣстная Москвѣ артистка А. А. Бренко открыла въ **Харьковѣ** школу подъ фирмой: „Первая южная драматическая школа“.

Ѳеодосія. На устроенной И. К. Айвазовскимъ изъ его новыхъ произведеній лотереѣ-аллегри въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая выручено чистаго сбора до 1,300 руб. Выигрыши состояли изъ 4 картинъ масляными красками и 16 акварельныхъ рисунковъ. Подобныя же лотереи въ непродолжительномъ времени будутъ устроены имъ и въ другихъ портовыхъ городахъ.

Заграничная хроника.

— Въ **Амстердамѣ** на городскія средства устраивается новый музей для голландскихъ картинъ новѣйшаго происхожденія.

Въ **берлинскомъ** Lessing Theater поставлена новая пьеса барона фонъ-Робертсъ „Удовлетвореніе“ („Befriedigung“). По отзывамъ нѣмецкихъ газетъ, пьеса г. Робертса „Удовлетвореніе“ наводитъ на мрачныя мысли и обнаруживаетъ въ авторѣ пессимистическое настроеніе. Въ этой пьесѣ г. Робертсъ, между прочимъ, особенное вниманіе обратилъ на дуэль, вызванную „оскорбленіемъ чести“. Герой пьесы, отказавшійся отъ дуэли и пострадавшій вслѣдствіе этого, спустя нѣкоторое время, самъ вызываетъ одно лицо на поединокъ. Авторъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на послѣдствіяхъ поединка, а также и на душевномъ состояніи дуэлиста. Пьеса г. Робертса имѣла большой успѣхъ.

Въ берлинскомъ Friedrich-Wilhelmstädtisches Theater дается теперь новая оперетта гамбургскаго композитора Германа Цумпе, подъ заглавіемъ „Польское хозяйство“ („Polnische Wirtschaft“). Либретто оперетты составлено Вестомъ и Женсе.

Берлинская Freie Bühne ставитъ исключительно пьесы, имѣющія литературный характеръ или поэтическое достоинство. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году сыграны были: „Врагъ народа“—Ибсена, народная трагедія Геббеля — „Марія-Магдалина“ и, наконецъ, „Ревизоръ“, Гоголя. Врядъ-ли когда-либо одержала эта восхитительная комедія болѣе полную побѣду, при болѣе невыгодныхъ условіяхъ, какъ на берлинской „Свободной“ сценѣ, говоритъ корреспондентъ „Нов. Вр.“. Труппа театра Belle alliance, исполняющая пьесы, выбранныя устроителями этого частнаго кружка, вообще плоха. Лучшей достать невозможно, за отсутствіемъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ, доставляемыхъ лишь необыкновенно дешевымъ членскимъ взносомъ—50 пфениговъ въ мѣсяцъ.

Нѣмецкія пьесы идутъ еще туда-сюда — съ грѣхомъ пополамъ, особенно когда тотъ или другой изъ знаменитыхъ актеровъ соглашается участвовать въ спектакляхъ, ради добраго начинанія. Такъ, напримѣръ, „Марія-Магдалина“ Геббеля прошла прекрасно, благодаря любезности г. Рейхера, взявшагося за отвѣтственную главную роль столяра Антона. Но бѣда иностраннымъ пьесамъ потрудней, а ужь особенно „Ревизору“, съ его одинаково важными ролями. Подобныя задачи окончательно не по силахъ актерамъ, но главное режиссеру театра Belle alliance—г. Штольбергъ.

Одни лишь гг. берлинскіе критики получили вдругъ и всѣ разомъ необыкновенно единодушное мнѣніе и обширныя свѣдѣнія о Гоголѣ и его безсмертной комедіи, но почтенный режиссеръ Штольбергъ остался при своемъ недальнемъ пониманіи и рѣшилъ, что пьеса эта—„въ сущности, представляетъ собою полное отсутствіе естественности и сцѣпленіе всякихъ невозможностей, какъ по фабулѣ, такъ и по характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ“, и должна быть, „въ виду сихъ недостатковъ“, исполнена въ духѣ излюбленныхъ нѣмцами шутокъ (Posse), т.-е. сломя голову, со всевозможными балаганными прибавленіями и ухватками! Всѣ персонажи „Ревизора“, отъ городничаго и до „Мишки“, превращеннаго многоученымъ режиссеромъ изъ мужского въ женскій полъ (ибо имя „Мишка“ оканчивается на букву *а*, а буква *а* есть окончаніе словъ женскаго рода), бормотали свои роли, точно на пожаръ спѣшили! Разобрать что-либо среди ихъ бѣшеной скороговорки оказывалось крайне затруднительнымъ! При этомъ жесты городничаго походили на ломанье извѣстныхъ бумажныхъ арлекиновъ; Осипъ сотворилъ себѣ физіономію по образцу (?) „русскаго мужика“, съ космами волосъ по плечи, курносымъ носомъ и длинной нечесаной бородой, при этомъ онъ похлопывалъ не только своего барина, но даже и городничаго по плечу и фиглярилъ не хуже любой

обезьяны. А ужь самъ Хлестаковъ въ исполненіи геніальнаго режиссера превзошелъ всякое описаніе. Довольно того, что для придачи особой естественности своей игрѣ, г. Штольбергъ плевался во время всей первой сцены, говоря о своемъ апетитѣ. О костюмахъ и объ обстановкѣ нечего и говорить. Можно было бы играть ревизора не въ модномъ пиджакѣ и чиновниковъ тридцатыхъ годовъ не наряжать огуломъ въ длинныя бороды. А что сдѣлалъ умный режиссеръ съ текстомъ, какія урѣзки, перемѣны и прибавленія! Просто волосы дыбомъ становятся! Переводъ г. Ланге и безъ того куда плохъ, а ужь въ передѣлкѣ г. Штольберга становилось пошло слушать. Слова: „война съ турками“ и „французъ гадитъ“, остроумно были замѣщены словами: „война будетъ съ французами“ и „пусть нѣмцы злятся“ и все въ этомъ родѣ! Недуренъ тоже переводъ фразы городничаго: „онъ (Держиморда) для порядка всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами и правому и виноватому“— по-нѣмецки значится буквально: „онъ долженъ всѣмъ приличнымъ и неприличнымъ свой фонарь подъ носъ подносить—для того, чтобы всѣ чувствовали вниманіе, съ которымъ онъ занимаетъ свой постъ!“ Такихъ курьезовъ можно насчитать дюжины. И, несмотря на все безобразіе перевода и исполненія, геній Гоголя одержалъ побѣду. Публика приходила въ восторгъ отъ его комедіи, слѣдила съ жаднымъ вниманіемъ за дѣйствіемъ и отъ души хохотала надъ каждымъ остроумнымъ словомъ! Какъ видно, никакое коверканіе не въ состояніи вполнѣ уничтожить настоящаго поэтическаго дарованія. Въ антрактахъ царило въ театральныхъ корридорахъ полное оживленіе. Вмѣстѣ съ восторженными отзывами о пьесѣ слышались удивленныя разсужденія о томъ, „какъ это-де въ Россіи цензура позволяетъ играть столь безпощадную сатиру надъ чиновничествомъ!“ Соціалъ-демократическіе устроители „Свободнаго театра“, гг. Вилле, Вильдбергеръ и т. д. не могли отрицать, что, несмотря на пресловутую „безцензурность“ Германіи, не только что императорскій театръ, но и ни одна частная нѣмецкая сцена не рѣшилась бы поставить комедію, въ родѣ „Ревизора“.

Знаменитая пьеса испанскаго драматурга Эчегарая „Galeotto“ въ Берлинѣ выдержала 400 представленій, въ Вѣнѣ 300 и въ Голландіи свыше этой цифры.

Послѣ чествованія памяти Моцарта въ Германіи, начали чествовать память Мейербера.

А. Г. Рубинштейнъ съ громаднымъ успѣхомъ концертируетъ въ Берлинѣ.

17-го декабря скончался въ Берлинѣ драматургъ и театральный рецензентъ Тигусъ Уллрихъ.

Парижскія газеты сообщаютъ, что на берлинскомъ оперномъ театрѣ идутъ теперь репетиціи новаго балета „Терпсихора на землѣ“. Либретто, подписанное Э. Раттебероме, будто-бы сочинено Вильгельмомъ II.

—

Одна изъ вновь проложенныхъ улицъ въ **Бостонѣ** получила въ честь нашего знаменитаго виртуоза названіе улицы Рубинштейна. Замѣчательно, что въ Бостонѣ, вообще, много улицъ, называющихся по фамиліямъ знаменитыхъ музыкантовъ. Такъ, напр., тамъ имѣются уже улицы: Вагнера, Шумана, Мендельсона, Гайдна, Листа, Гольдмарка, Шуберта и друг.

Близъ **бельгійской** границы, въ окрестностяхъ Кіевреня, одинъ французскій земледѣлецъ, вскапывая картофельное поле, вырылъ длинный деревянный ящикъ, въ которомъ оказался тщательно свернутый холстъ въ 10 метровъ высоты. Крестьянинъ на другой-же день продалъ его за 40 франк. антикварію, который не замедлилъ сбыть его за 10,000 франк. одному коллекціонеру. На холстѣ замѣчательная копія „Преображенія“ Рафаэля. Полагаютъ, что монахи какого-нибудь аббатства изъ окрестностей зарыли этотъ холстъ во время французской революціи.

—

Вѣна. Во время музыкальной и театральной выставки въ Вѣнѣ предполагается созвать конгрессъ лицъ, причастныхъ театральному дѣлу; конгрессъ соберется въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Театръ выставки достроенъ до самой крыши. Архитекторы приступили уже къ отдѣлкѣ внутренняго помѣщенія. Нѣсколько дней тому назадъ, началась постройка большой концертной залы, въ которой будутъ даваться во время выставки симфоническіе и народные концерты. Въ настоящее время многіе экспоненты уже вызвались доставить множество рѣдкихъ и цѣнныхъ предметовъ. Предстоящая выставка обѣщаетъ быть одною изъ самыхъ значительныхъ и любопытнѣйшихъ въ своемъ родѣ. Наибольшее участіе въ ней принимаютъ Германія и Италія. Въ Италіи уже составилось съ этою цѣлью 18 комитетовъ—въ Анконѣ, Ареццо, Бергамо, Брешіи, Болоньѣ, Флоренціи, Ливорно, Мантуѣ, Миланѣ, Моденѣ, Неаполѣ, Падуѣ, Палермо, Парме, Римѣ, Туринѣ, Венеціи и Веронѣ. Почти во всѣхъ этихъ городахъ во главѣ комитетовъ стали городскіе мэры и музыкальныя знаменитости. Верди и Масканьи, какъ говорятъ, прибудутъ на выставку въ Вѣну и будутъ дирижировать нѣкоторыми изъ своихъ композицій въ концертной залѣ.

Дирекція Императорскихъ театровъ, какъ нами уже было сообщено, дала свое согласіе на участіе въ вѣнской театральной выставкѣ. Дирекція предполагаетъ поставить въ Вѣнѣ декорацію съ головою изъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“.

На театральной выставкѣ, собираются со всего свѣта образцы машинъ, декорацій, костюмовъ, бутафорскихъ вещей и прочихъ сценическихъ принадлежностей. Кромѣ выставокъ моделей театровъ, портретовъ знаменитыхъ или извѣстныхъ театральныхъ дѣятелей, рисунковъ и чертежей, предполагается сформировать изъ лучшихъ артистическихъ силъ труппы, которыя исполнятъ нѣсколько оперныхъ и драматическихъ спектаклей—одну и ту же избранную совѣтомъ оперу классическую трагедію поочередно на итальянскомъ, англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, причемъ спектакли состоятся при обстановкѣ на сценѣ со всѣми новѣйшими приспособленіями въ декоративномъ, машинномъ, акустическомъ и пожарномъ отношеніяхъ. На выставку ожидаются изъ Россіи модели нѣсколькихъ театровъ: изъ прежнихъ: московскаго частнаго театра, принадлежавшаго въ 70-хъ годахъ князю Урусову и г. Танѣеву, а изъ нынѣшнихъ: Московскаго Большого, новаго Одесскаго и новаго Варшавскаго. Для спектаклей во время выставки предполагается выстроить временный театръ, въ качествѣ образцоваго. Въ комитетъ выставки уже поступили проекты такого театра изъ Австріи, Германіи, Италіи и Франціи.

Одному изъ жителей Вѣны, г. Аустерлицу, выпало счастіе найти въ рукописяхъ никому неизвѣстныя произведенія Бетховена, Гайдна и Моцарта; такихъ вещей оказалось до тридцати, и между ними особенно интересны двѣ: чрезвычайно изящное скерцо Бетховена и небольшой квартетъ Моцарта. За право сыграть послѣдній, придворный капельмейстеръ Гельмесбергеръ заплатилъ 100 гульденовъ, подтвердивъ его подлинность.

Совершенно забытая юношеская опера Моцар-

та „La finta giardiniera“ („Садовница по любви“) будетъ поставлена на-дняхъ въ вѣнскомъ придворномъ театрѣ съ новымъ либретто австрійскаго драматурга Кальбека и нѣкоторыми музыкальными передѣлками (!?) придворнаго вѣнскаго капельмейстера Фукса.

25-го декабря (6-го января) въ вѣнскомъ придворномъ Бургъ-театрѣ была исполнена драма въ четырехъ дѣйствіяхъ „Раскольниковъ“ (сюжетъ заимствованъ изъ романа Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“) съ г. Бономъ въ заглавной роли. Пьеса шла въ первый разъ и вызвала большой интересъ.

На шестидесятомъ году жизни умеръ одинъ изъ самыхъ популярныхъ авторовъ небольшихъ комедій и шутокъ—Юдій Розенъ. Имя это извѣстно и русской публикѣ, благодаря многочисленнымъ переводамъ и передѣлкамъ произведеній Розена, идущимъ на нашей сценѣ. Розенъ по происхожденію былъ чехъ, его настоящая фамилія—Дюссенъ; родился онъ въ Прагѣ. Отецъ его былъ пѣвцомъ и музыкантомъ при мѣстномъ театрѣ. Молодой Дюссенъ изучалъ сначала философскія и юридическія науки въ пражскомъ университетѣ, потомъ долго служилъ по администраціи и, наконецъ, перенесъ свою дѣятельность въ область театральнаго искусства: былъ режессеромъ и директоромъ многихъ нѣмецкихъ сценъ, въ томъ числѣ управлялъ одно время городскимъ театромъ въ Вѣнѣ и потомъ въ Гамбургѣ. Пять лѣтъ тому назадъ болѣзнь сердца заставила Розена оставить службу, но литературная дѣятельность его не прекращалась до самой смерти и создала ему широкую популярность и за предѣлами Австріи.

На объявленный управленіемъ намѣстничества въ **Галичинѣ** конкурсъ на лучшую пьесу на малороссійскомъ языкѣ прислано было 8 пьесъ. Жюри конкурса, засѣдавшее во Львовѣ, не нашло, однако, въ числѣ этихъ пьесъ ни одной достойной преміи. Вслѣдствіе этого, объявленъ новый конкурсъ, рѣшеніе котораго должно состоятся въ концѣ года.

21-го января (3-го декабря) въ **Гамбургѣ** была исполнена опера Гейчеля „Des Königs Schwert“ и имѣла блестящій успѣхъ.

—

— *П. И. Чайковскій*, прогостившій до конца декабря въ Кіевѣ, уѣхалъ въ Варшаву, чтобы дать тамъ нѣсколько концертовъ. Первый концертъ его тамъ состоялся 2-го января. Изъ Варшавы г. Чайковскій направился черезъ Берлинъ въ Гамбургъ, гдѣ состоялось 1-го января въ первый разъ представленіе „Евгенія Онѣгина“ (на нѣмецкомъ языкѣ). Далѣе онъ поѣдетъ въ Амстердамъ и Гаагу, гдѣ устроено будетъ по одному симфоническому концерту. Наконецъ, г. Чайковскій поѣдетъ въ Прагу, чтобы руководить постановкой на тамошней сценѣ „Пиковой Дамы“. Нашъ композиторъ думаетъ вернуться въ Россію въ концѣ февраля мѣсяца.

—

Въ **Дрезденѣ** въ полномъ ходу приготовленіе къ третьей международной акварельной выставкѣ.

— Эчегарай, извѣстный **испанскій** драматургъ, пишущій пьесу, растянутую на три года, разъяснилъ корреспонденту „Imparcial“ свою задачу въ данномъ случаѣ. Пьеса называется „Комедіей безъ развитія“. Авторъ имѣетъ въ виду показать на сценѣ, что такъ-называемая политика складывается изъ вопіющихъ заблужденій, что она есть своего рода „болѣзнь“, средство для интригующихъ дипломатовъ, для сокрушенія „солидныхъ зданій“, чтобы на ихъ развалинахъ водворить свое господство. Эчегарай—сторонникъ той старой истины, что міръ управляется небольшимъ запасомъ мудрости и что „занятія политикой портятъ характеръ и возбуждаютъ опасныя страсти“. Главнымъ персонажемъ его новой драмы выставляется ученый, погибающій отъ политики, тогда какъ противникъ его, пустоголовый политикъ, торжествуетъ.

Китайская оффиціальная газета въ **Кантонѣ** увѣщеваетъ не ставить въ театрахъ пьесъ, которыя знакомятъ зрителей съ худыми дѣлами и безнравственными поступками, а избирать пьесы для исполненія съ примѣрами, достойными подражанія.

Въ Константинополѣ давала представленія „русская труппа“, составленная подъ дирекціей г. Козлова изъ артистовъ Майорова, А. Лизинскаго, Козлова и артистокъ—„дѣвицы Станиславы (артистки варшавскаго театра) и Надины Степановой“. Составъ какъ будто бы болѣе говоритъ объ еврейскомъ, чѣмъ о русскомъ происхожденіи труппы, но какъ бы то ни было — но отзываютъ константинопольскихъ газетъ—„русская труппа“, дававшая свои представленія въ театрѣ Верди (въ Перѣ), очень понравилась. Театръ (небольшой) былъ биткомъ набитъ публикой, любопытствующей видѣть русскіе, малороссійскіе танцы, пѣніе и живыя картины. Мѣста всѣ были заняты, и многія лица изъ публики, чтобы удовлетворить свое любопытство, стояли, занявъ самые узенькіе уголки, и всѣ были въ восхищеніи. Успѣхъ танцевъ и пѣсенъ, исполняемыхъ труппою Козлова, былъ, повидимому, настолько шуменъ, что ожидалось ея приглашеніе во дворецъ султана. Тѣмъ не менѣе, знатоки мѣстныхъ условій предупреждаютъ, что на прочный и продолжительный успѣхъ въ Константинополѣ никогда нельзя разсчитывать: эстетическій вкусъ у гражданъ не развитъ и на театръ они не любятъ тратить деньги.

Въ Константинополѣ, 17-го декабря скончался старѣйшій изъ нашихъ акварелистовъ профессоръ *Людвигъ Осиповичъ Премацци*. Уроженецъ Милана (род. 1818 г.), получивши художественное образованіе въ миланской Академіи Художествъ, онъ въ 1848 г. пріѣхалъ въ Россію и, поступивъ учителемъ рисованія въ домъ княгини Гагариной, въ 1850 г. обратилъ вниманіе Императора Николая Павловича на свои рисунки; вскорѣ ему былъ данъ высочайшій заказъ по исполненію видовъ въ Александріи. Исполненный имъ видъ внутреннихъ покоевъ императрицы Александры Ѳеодоровны въ Царскомъ селѣ былъ первой изъ тѣхъ перспективныхъ его акварелей императорскихъ дворцовъ, которыми прославился послѣдній. Втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ Л. О. получалъ заказы отъ всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи и многихъ аристократическихъ домовъ. Въ 1854 г. Академія Художествъ избрала его академикомъ, а въ 1861 г. дала ему званіе профессора. Наиболѣе интересны изъ его работъ: внутренніе виды Эрмитажа, собственныхъ покоевъ Государя и Государыни, коллекція видовъ бывшаго дома барона Штиглица, альбомъ станцій желѣзныхъ дорогъ. Съ 1860 г. Л. О. сталъ предпринимать лѣтнія экскурсіи въ Крымъ и съ тѣхъ поръ ежегодно дѣлалъ акварелью виды съ натуры въ Ливадіи, Ореандѣ, Алупкѣ, Массандрѣ, Бахчисараѣ, Алуштѣ, Балаклавѣ и Севастополѣ. Имъ же исполнено немало видовъ Кавказа, по заказу Великаго Князя Михаила Николаевича. Л. О. подготовилъ многихъ акварелистовъ, одно время преподавалъ акварельную живопись въ Академіи Художествъ и потомъ въ школѣ рисованія барона Штиглица. Въ 60—70 гг. онъ считался модными акварелистомъ, едва поспѣвая исполнять многочисленные заказы Августѣйшихъ Особъ и аристократическихъ фамилій.

Въ **Коньэ** 60-ти лѣтъ скончался весьма извѣстный англійскій художникъ Варсонъ.

Лейпцигъ. Въ лейпцигскомъ городскомъ театрѣ была исполнена въ первый разъ драма Кармэнъ Сильвы (королевы Елисаветы румынской) „Meister Manoli“, съ Фридрихомъ Миттервурцеромъ въ заглавной роли.

Изъ **Мадрида** сообщаютъ о громадномъ успѣхѣ новой оперы молодого испанскаго композитора Санта-Маріа. Опера озаглавлена „Raguel“. Либретто передѣлано изъ классическаго произведенія виконта Гарпія-де-ля-Гуэрта, сюжетъ котораго—любовь еврейки къ христіанину.

Въ **Миланѣ** открывается пріютъ для балеринъ. Въ пріютъ будутъ приниматься неспособныя, вслѣдствіе старости или болѣзни, къ труду на поприщѣ хореографіи лица женскаго пола безъ различія національности и вѣроисповѣданія, но, въ случаѣ большого наплыва кандидатокъ, преимущество будутъ имѣть итальянки. Учредители пріюта надѣются, что скромныя пока средства на это учрежденіе вскорѣ значительно увеличатся крупными пожертвованіями корифеекъ балета.

— На сценѣ миланскаго театра La Scala будутъ пѣть двѣ русскія пѣвицы—г-жи Вѣра Астафьева и Наталія Попова.

Мюнхенъ. Шестая международная художественная выставка въ Мюнхенѣ откроется 20-го мая (1-го іюня) 1892 г., а закроется въ концѣ октября.

Въ мюнхенскихъ придворныхъ театрахъ опять возстановлено аплодированіе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, дирекція театра запретила публикѣ аплодировать, артистамъ-же выходить на аплодисменты, но многочисленныя жалобы со стороны публики вынудили дирекцію отмѣнить запрещеніе. По словамъ берлинскихъ газетъ, первымъ лицомъ, воспользовавшимся правомъ аплодировать, былъ не кто иной, какъ... принцъ-регентъ баварскій, который въ одно изъ посѣщеній театра хлопалъ самымъ усердными образомъ.

Музыкальная консерваторія въ **Нью-Іоркѣ** объявляетъ большой музыкальный конкурсъ: во-первыхъ, на оперу, съ преміею въ 1,000 долларовъ; во-вторыхъ, на либретто для комической оперы, съ преміею въ 500 долларовъ; въ третьихъ,—на симфонію, съ преміею въ 500 долларовъ; въ четвертыхъ,—на ораторію, съ преміею въ 500 долларовъ; въ пятыхъ, — на сюиту, съ преміею въ 300 долларовъ, и, наконецъ, въ шестыхъ, — на концертную пьесу для скрипки, съ преміею въ 200 долларовъ. Къ участію въ конкурсѣ будутъ допущены только композиторы старше 35 лѣтъ. Срокъ конкурса 1-го сентября 1892 г.

Изъ Нью-Іорка сообщаютъ по телеграфу въ польскія газеты, что извѣстная артистка Морджевская скоропостижно умерла въ Нью-Іоркѣ.

Опроверженія письма В. В. Верещагина на счетъ картины Милле „Angelus“ не прекращаются. Директоръ парижскаго „Guide de l'amateur d'oeuvres d'Art“ Анри Гарнье заявляетъ, что сообщеніе г. Верещагина о вздутости цѣнъ на эту картину лишено всякаго основанія. Гарнье ссылается на недавно появившуюся книгу Пруста „L'Art sous la République“, гдѣ авторъ сообщаетъ, что на аукціонѣ картинъ Секретана онъ самъ пріобрѣлъ „Angelus“ за 582,650 фр., но такъ какъ палата депутатовъ не приняла эту покупку за счетъ государства, то онъ былъ вынужденъ уступить картину Джемсу Сутону, президенту „American Art Association“, который внесъ помянутую сумму парижскому банкиру Дрексель и К°. Гарнье прибавляетъ, что нѣсколько позже онъ, по порученію Шошара, перекупилъ „Angelus“ у Сутона.

Въ письмѣ къ редактору „Русск. Вѣд.“, В. В. Верещагинъ пишетъ: „М. г. Въ одной газетѣ было помѣщено заявленіе парижскаго эксперта, г-на Гарнье, по поводу моего письма о беззастѣнчивости спекуляціи картинами.

Будьте добры напечатать выдержку изъ моего отвѣта г-ну Гарнье:

...Позволяю себѣ дать два совѣта г. Гарнье, эксперту:

1) Обратиться къ моему *comissitory* въ Нью-Іоркѣ, который не откажется разсказать ему о продажѣ картины „Angelus“, и можетъ быть нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ картинъ, вещи совершенно невѣроятныя, хотя и вполнѣ справедливыя. 2) Не ручаться за спекуляціи г. Сутона, президента American Art Association, того самаго, который такъ хорошо *купилъ* и *перепродалъ* „Angelus“, который продалъ также и мои картины.

Этотъ господинъ, въ виду того, что картины мои раньше никогда не продавались въ Америкѣ, предложилъ моему довѣренному устроить по поводу этой продажи колоссальную плутню, при помощи искусственнаго поднятія цѣнъ, черезъ подставныхъ покупателей и объявленія публикѣ фантастическихъ цифръ продажи. Вы услышали бы, напримѣръ, что одна моя картина продана за 50, другая за 60,000 и т. д., что дало бы возможность перепродать ихъ потомъ уже не за фиктивно, а за дѣйствительно высокія цѣны.

Г. Сутонъ имѣлъ дерзость угрожать мнѣ потерею моей художественной репутаціи, если я не соглашусь вступить съ нимъ въ этотъ заговоръ противъ публики.

Когда эти угрозы не подѣйствовали, онъ объявилъ, что за всю свою дѣятельность въ первый разъ принужденъ отказаться *отъ большого, совершенно обезпеченнаго успѣха* (буквально). Вотъ на этого-то рода *успѣхи* я и хочу обратить вниманіе г. эксперта Гарнье, а также и вашихъ читателей, г. редакторъ“.

В. В. Верещагинъ во всѣ нѣмецкія газеты разослалъ письмо свое о вздываніи цѣнъ на картины американскими торговцами. Въ этомъ письмѣ утверждается, между прочимъ, что за извѣстную картину Милле „Angelus“ никогда не платилось американцами ни 550.000 фр., ни 700.000 фр. французомъ, обратно купившимъ ее изъ Америки. Оказывается, что г. Верещагинъ ошибается въ данномъ случаѣ. Въ „Frankf. Zeit.“ одинъ знатокъ искусства, добросовѣстность котораго не подлежитъ сомнѣнію, напечаталъ интересную замѣтку о галлереѣ Шошара, гдѣ теперь находится „Angelus“, и со словъ самого Шошара заявляетъ, что за картину Милле заплачено не 700.000 а 800.000 фр. Не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что при первомъ аукціонѣ директоръ изящныхъ искусствъ въ Парижѣ Прустъ, котораго едва-ли можно заподозрить въ спекулянтствѣ, предлагалъ отъ нѣсколькихъ патріотическихъ любителей искусства за ту же картину 500.000. Иной вопросъ, стоитъ-ли этихъ денегъ „Angelus“, но его не касается и г. Верещагинъ.

Романиста и драматурга Біёрнстіерна Біёрнсона въ **Норвегіи** предполагается чествовать торжественно по случаю 60-лѣтней его годовщины.

Парижъ. Въ артистическихъ кружкахъ много толковъ о предстоящей постановкѣ драмы гр. Льва Толстого „Власть тьмы“. Какъ извѣстно, она уже была однажды поставлена въ Парижѣ, на сценѣ „Свободнаго театра“, но, въ виду неудачнаго исполненія, успѣха не имѣла... Теперь же „Власть тьмы“ будетъ поставлена на сценѣ одного большого театра и въ ея главной роли выступитъ талантливая артистка г-жа Брандэсъ.

Извѣстный французскій писатель Эдмонъ де-Гонкуръ, увлекшійся за послѣднее время идеями графа Толстого, написалъ весьма интересную пьесу,

подъ названіемъ: „Долой прогрессъ!“ Въ этой пьесѣ французскій писатель намѣренъ показать, какъ и гр. Толстой въ „Плодахъ просвѣщенія“, что лица, увлекающіяся прогрессомъ, часто впадаютъ въ крайности и лишь вызываютъ насмѣшливую улыбку. Изъ бесѣды его съ однимъ парижскимъ журналистомъ видно, что „пьеса эта нѣсколько длинна“, что въ ней только одинъ актъ. „Я,— говоритъ Гонкуръ,—написалъ сатиру на наши нравы послѣдняго двадцатилѣтія, на наши вкусы и преувеличенныя тенденціи о всемъ, что соприкасается съ наукой и прогрессомъ. Я нападаю на нынѣшнюю форму правленія и на внѣдреніе политики во всѣ умы. Я не изображаю никакихъ опредѣленныхъ лицъ, но въ рѣзкихъ выраженіяхъ не стѣсняюсь“. Три лица дѣйствуютъ въ пьесѣ: старый романическій живописецъ, молодая дѣвушка—слѣпокъ покойной Маріи Башкирцевой, и плутъ-политикъ. Пьесу авторъ предполагаетъ поставить не раньше, чѣмъ будетъ порѣшено во Франціи съ вопросомъ о театральной цензурѣ. Если послѣдняя будетъ уничтожена, то пьеса пойдетъ на субсидируемой правительствомъ сценѣ, въ противномъ случаѣ—въ „Théâtre Libre“

Парижскій „Свободный театръ“, гдѣ, по-прежнему, состоитъ директоромъ энергичный г. Антуанъ, продолжаетъ ставить интересныя пьесы. Послѣднею новинкою была одноактная комедія Марселя Прево (Marsel Prevost). Знакомый съ духовнымъ міромъ и воспитавшійся въ іезуитской коллегіи, Прево выбралъ сюжетомъ комедіи страницу изъ жизни одного аббата. Пьеса молодого автора носитъ названіе: „Аббатъ Петръ“. Нѣкая г-жа Ледру, по милости своей служанки, переживаетъ далеко не веселыя минуты: со всѣхъ сторонъ она слышитъ лишь одни насмѣшки, упреки и позорныя обвиненія. По деревнѣ прошелъ слухъ, что 50-ти-лѣтняя г-жа Ледру, выдававшая себя за образецъ нравственности, имѣетъ любовника. Г-жа Ледру до послѣдней минуты отрицаетъ эти слухи и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ пріѣзда брата, аббата Петра, который долженъ положить конецъ всѣмъ этимъ сплетнямъ и надругательствамъ. Дѣйствительно, вскорѣ и пріѣхалъ аббатъ Петръ, отличающійся прямымъ, честнымъ характеромъ и свѣтлымъ, глубокихъ умомъ. Г-жа Ледру, со слезами на глазахъ, объясняетъ брату все дѣло и свѣтуетъ на людскую несправедливость, но братъ угадываетъ истину; его сестра падаетъ предъ нимъ на колѣни и сознается въ совершенномъ ею грѣхѣ. Аббатъ глубоко возмущенъ поступкомъ сестры, но, въ концѣ концовъ, прощаетъ ее. Этимъ кончается небольшая комедія г. Прево. По словамъ французскихъ газетъ, въ пьесѣ прекрасно обрисованы типы, а сцена объясненія г-жи Ледру съ аббатомъ вызвала громкія одобренія многочисленной публики. Роль аббата Петра исполнилъ директоръ театра, г. Антуанъ.

Для спектакля, третьяго въ этомъ сезонѣ, г. Антуанъ, директоръ „Свободнаго театра“, поставилъ комедію Ансея „La Dupe“. Ансей дебютировалъ въ „Свободномъ театрѣ“ года три тому назадъ весьма веселой комедіей нравовъ „Школа вдовцовъ“. Послѣ того онъ далъ въ Одеонѣ „Бабушку“. Всего въ новой комедіи четыре дѣйствующихъ лица: m-me Bio, богатая вдова и ея двѣ дочери: Адель, героиня пьесы, и Марія, лицо, довольно слабо очерченное, и нѣкій Альберъ, пройдоха, служащій въ какомъ-то Обществѣ для застрахованія отъ пожаровъ. Вотъ этому-то пройдохѣ богатая Bio отдаетъ свою дочь съ большимъ приданымъ, и только потому, что это ей позволитъ перемѣнить занимаемую ею квартиру на болѣе удобную (?). Адель не хочетъ покидать отцовскій домъ: она не чувствуетъ никакой привязанности къ своему жениху, но ее насильно выдаютъ замужъ. Во второмъ актѣ Адель, наоборотъ, очень счастлива. Она привязалась къ своему мужу. Но сестра ея, Марія, передаетъ ей сплетню, что будто Альберъ еще до женитьбы находился въ связи съ какой-то Каролиной и теперь продолжаетъ тратить на нее взятое имъ за женой приданое. Адель начинаетъ допрашивать его. Альберъ огрѣчаетъ ей грубымъ французскимъ словечкомъ:

— Zut! Ты мнѣ надоѣла. Ну да, у меня есть любовница...

Между мужемъ и женой происходитъ страшная сцена, оканчивающаяся тѣмъ, что Адель падаетъ въ обморокъ. Альберъ преспокойно уходитъ къ своей Каролинѣ, со слѣдующимъ восклицаніемъ по адресу жены:

— Ничего, она очнется!

Въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ Альберъ воруетъ, чтобы угодить своей Каролинѣ, и Адель не только не покидаетъ его, но заставляетъ свою мать уплатить долги Альбера. Наконецъ, дѣло доходитъ до того, что Альберъ начинаетъ угощать Адель пощечинами.

Публика сильно протестовала противъ этой драки.

Послѣ избіенія, Адель уходитъ отъ мужа и начинаетъ жить отдѣльно отъ него. Денегъ у нея больше нѣтъ, и она живетъ на 500 франковъ въ мѣсяцъ, которые ей соглашается выдавать ея мать. Но Альберъ ея не оставляетъ и приходитъ просить у нея денегъ не для себя, а для Каролины. Адель отдаетъ ему триста франковъ, потому что отъ поры до времени онъ будетъ приходить и къ ней!..

Парижскій „Théâtre de la Comédie Française“ сдѣлалъ сборовъ въ нынѣшнемъ году на 2.408,727 франк. Это—наибольшая сумма со времени основанія театра.

Арманъ Сильвестръ окончилъ новую пьесу подъ названіемъ „Le commandant Lasipète“, предназначенную авторомъ для сцены театра Palais-Royal.

Въ Парижскомъ театрѣ „Ambigu“ поставлена новая пьеса, подъ названіемъ „l'Auberge des Mariniers“. По словамъ французскихъ газетъ, пьеса г. Моро имѣла большой, вполнѣ заслуженный успѣхъ.

Парижская „Большая опера“ въ ноябрѣ дала 16 представленій, изъ нихъ 10 разъ „Лоэнгринъ“, и сдѣлала сборовъ 305,000 франковъ.

Въ Парижѣ на-дняхъ открылъ двери новый театръ, подъ названіемъ „Le Théâtre d'Art“. Для открытія спектаклей была поставлена одноактная пьеса извѣстнаго бельгійскаго писателя Метерлинка „Слѣпые“.

Директоръ Императорскаго Эрмитажа, проф. Кондаковъ, предпринялъ въ прошломъ году изданіе большого французскаго сочиненія о византійскомъ искусствѣ. На-дняхъ въ Парижѣ вышелъ второй томъ этого сочиненія, заключающій въ себѣ 13 роскошныхъ гравюръ, снятыхъ съ рѣдкихъ художественныхъ миніатюръ изъ собранія Эрмитажа. Въ томъ помѣщено также предисловіе лейпцигскаго профессора Шпритера, извѣстнаго знатока византійскаго искусства.

— Скульпторъ г. Антокольскій, проживающій въ Парижѣ, устроилъ недавно въ своей мастерской выставку своихъ произведеній за послѣдніе годы. Давая краткій отчетъ объ этой выставкѣ, Temps перечисляетъ работы г. Антокольскаго, раздѣляя ихъ на двѣ группы. Къ первой относятся статуи, изображающія борцовъ и мучениковъ за идею: „Христіанская мученица“ и „Умирающій Спиноза“. Ко второй, болѣе многочисленной, относятся статуи, изображающія дѣятелей русской исторіи: „Иванъ Грозный“. „Петръ Великій“, „Ермакъ“, „Лѣтописецъ Несторъ“, „Ярославъ“. На выставкѣ имѣется также серія бюстовъ:—Великаго Кня-

зя Алексѣя Александровича, Половцева, Боткина, Тургенева и графа Толстого.

Предполагаемая въ маѣ выставка картинъ покойнаго живописца Мейсонье можетъ не состояться въ Парижѣ, такъ какъ у вдовы его (второго брака) начался большой споръ съ дѣтьми отъ перваго брака относительно дѣлежа оставшихся картинъ. Вдова желала устроить постоянный музей произведеній своего мужа, а Мейсонье-сынъ и его сестра, г-жа Мекилле, не соглашаются на это.

Извѣстный Петербургу слѣпой піанистъ г. Викторъ Дениссель давалъ здѣсь недавно концертъ въ залѣ Плейель. Вся парижская печать отозвалась съ самой большой и сердечной похвалой о прекрасной игрѣ даровитаго артиста.

1-го января первое представленіе пьесы А. Биссона: „La famille Pont-Biquet“: имѣло наибольшій успѣхъ нынѣшняго сезона.

Въ числѣ послѣднихъ новинокъ парижскаго музыкальнаго рынка слѣдуетъ отмѣтить двадцать стихотвореній Ришпена съ музыкою нашего извѣстнаго композитора г. Кюи. Парижскіе музыкальные журналы отзываются съ большими похвалами объ этихъ пѣсняхъ, называя ихъ „союзомъ французской поэзіи съ русскою музыкою“.

На-дняхъ, недалеко отъ Парижа, въ городѣ Nemours, скончался авторъ извѣстныхъ оперъ: „Почтальонъ“ и „Цампа“—Шолле, 94-хъ лѣтъ отъ роду. За послѣднее время, подверженный серьезному недугу, онъ жилъ въ полномъ уединеніи.

Умеръ одинъ изъ редакторовъ французской газеты Figaro—Альберъ Вольфъ. Вольфъ по происхожденію былъ изъ Германіи, родился въ Кельнѣ въ 1827 году. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ переселился въ Парижъ и писалъ первое время корреспонденціи въ Аугсбургскую газету, бывшую въ то время руководящимъ органомъ такъ называемой „молодой Германіи“. Потомъ Вольфъ поступилъ секретаремъ къ А. Дюма и, немного спустя, сталъ сотрудничать въ Figaro. Его блестящія „хроники“ читались нарасхватъ и сильно помогли популярности газеты. Въ послѣднее время Вольфъ управлялъ, главнымъ образомъ, театральнымъ отдѣломъ и написалъ много статей по остальнымъ отраслямъ искусства.

Въ **Пештѣ** поставили его оперу „Аліенора“ Губая, съ выдающимся успѣхомъ. Въ основаніе сюжета либретто положено бретонско-французское сказаніе о героѣ Мерлинѣ и его фантастическихъ похожденіяхъ. Опера снабжена балетомъ.

Одинъ собиратель картинъ въ Пештѣ замѣтилъ на толкучкѣ маленькую картину, изображающую группу фехтующихся всадниковъ. Любитель купилъ невзрачную картину и передалъ ее для подновленія реставратору Моретти. Послѣдній, удаливъ съ нея грязь, обнаружилъ на ней монограмму Мейсонье. Владѣлецъ картины отправился въ Парижъ и получилъ за нее 30,000 франковъ.

На сценѣ нѣмецкаго театра въ **Прагѣ** шла 29 ноября (11-го декабря), въ первый разъ историческая драма „Sophia Dorothea“, Фридриха Шютца.

— Уполномоченные отъ **римскихъ** Академіи Художествъ и художественныхъ Обществъ представили петицію итальянскому министру народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы частныя галлереи картинъ и художественныя коллекціи, поступающія въ продажу, пріобрѣтались государствомъ, такъ какъ иначе цѣнныя сокровища **Рима** будутъ уходить за границу.

Въ Римѣ умеръ недавно 60-ти лѣтъ отъ роду одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ итальянскихъ художниковъ Никколо Барабино.

— Въ **Стокгольмѣ** умерла 77 лѣтъ извѣстнѣйшая и за границей шведская художница Амалія Линдегренъ, членъ шведской Академіи Художествъ, не разъ пользовавшаяся успѣхомъ и въ парижскомъ Салонѣ, писавшая преимущественно на сюжеты изъ народной жизни.

Туринъ. Прима-балерина туринскаго театра Джузеппина Боббіа участвовала 19-го ноября въ „Соннамбулѣ“; только что началось третье дѣйствіе, какъ Боббіа упала у самой рампы и скончалась отъ разрыва сердца.

Въ **филадельфійскомъ** театрѣ „Аврора“ практикуется упрощенный способъ подношенія артисткамъ цвѣтовъ. Согласно заключенному двумя артистками, г-жами Уольслей и Кригольнъ, контракту, директоръ театра обязался поднести втеченіе сезона каждой артисткѣ 8 букетовъ и 2 вѣнка. Каждое „подношеніе“ должно было производиться публично, на сценѣ, во время спектакля и имѣть видъ „подношенія отъ публики“. Все это теперь открылось, благодаря процессу директора театра съ артистками по поводу нарушенія другихъ параграфовъ контракта.

Г-жа Софія Ментеръ, концертировала на-дняхъ въ **Цюрихѣ** и познакомила мѣстную публику съ цѣлымъ рядомъ музыкальныхъ произведеній русскихъ композиторовъ, о которыхъ въ Цюрихѣ до сихъ поръ имѣли очень слабое понятіе. Піанистку принимали съ восторгомъ и заставили ее сыграть сверхъ программы чуть не цѣлый новый концертъ.

Въ **Чикаго** приступлено къ постройкѣ двухъ грандіознѣйшихъ концертныхъ залъ. Первая изъ нихъ разсчитана на 15,000 слушателей; концертная эстрада этой залы приспособлена для 5,000 артистовъ. Обѣ залы строятся исключительно для предстоящей въ Чикаго выставки.

Эдинбургъ. Эдинбургскій университетъ пригласилъ на каѳедру музыки Фридриха Никса, автора извѣстнаго сочиненія о Шопенѣ.

ОПЕЧАТКИ:

Въ прошломъ № 19 журнала въ ст. „Французская живопись“, на стр. 72, въ 23 строкѣ втораго столбца, вмѣсто слова *разноголосицъ*, напечатано *безголосицъ*. Кромѣ того, на стр. 88 въ 4-й стр. (снизу) втораго столбца послѣ словъ: „Въ средѣ людей, признающихъ оскудѣніе“...—пропущено слово: „идей“.

Изданія Русскаго Музыкальнаго Магазина

НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕТВЕРУХИНА

въ гор. ТИФЛИСѢ, Головинскій просп., № 5.

„КАВКАЗСКІЯ НОВОСТИ".

		Р.	К.
Магарадзе.	„Моей звѣздѣ", (Грузин. и руск. текстъ)	—	20
Misandari.	Deux petites valses. Dédiée à M-me Pitoeff	—	60
Палієвъ.	Росси—вальсъ	—	50
Pellino.	op. 5. Elise. Gavotte	—	20
„	op. 15. La Tentation valse	—	50
„	op. 16. „Мнѣ жаль тебя". Романсъ	—	20
„	op. 18. Звѣзда Россіи. Гавотъ, посвящ. Антону Рубинштейну, по случаю пребыванія его на Кавказѣ	—	40
Четверухинъ.	Эрзерумскій Турец. маршъ	—	30
„	Воспоминаніе пансіон. Тифлисскій вальсъ	—	30
„	Нарзанъ—вальсъ (въ Кисловодскѣ)	—	30
„	„Замокъ коварства и любви" вальсъ (въ Кисловодскѣ)	—	40
„	Коджорская полька	—	25

ОБЪЯВЛЕНІЯ

гг. артистовъ, ищущихъ ангажемента:

С. Я. Глѣбскій, помощникъ режиссера только въ опереткѣ, актеръ на небольшія роли въ драмѣ и опереткѣ. Г. Харьковъ, до востребованія.

А. М. Истоминъ, 2-й любовникъ и резонеръ, ищетъ ангажемента на лѣтній сезонъ—г. Керчь, до востребованія А. Ф.

М. Е. Пермяковъ на баритонныя партіи русской и итальянской оперы. Адресъ въ редакціи.

Фанни Пермякова, контральто русской оперы, свободна на лѣтній и зимній (будущій) сезоны. Адресъ въ редакціи.

НОВАЯ КНИГА

СКРИПКА,

АЛЬТЪ, ВІОЛОНЧЕЛЬ, КОНТРАБАСЪ И ГИТАРА.

Полное руководство къ устройству, починкѣ и храненію, съ чертежами. О скрипкахъ извѣст. итальянскихъ мастеровъ, **соч. Можэнъ и Менъ, пер. съ франц. Инякина** (258 стр.), продается въ столичн. музык. и книжн. магазинахъ. Складъ изданія въ Твери у учителя гимназіи Инякина. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 15 коп.

МАГАЗИНЫ
ПАРФЮМЕРНОЙ ФАБРИКИ
БРОКАРЪ и К°
ВЪ МОСКВѢ.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
НА ИЛЬИНКѢ, РЯДОМЪ СЪ БИРЖЕЙ,
домъ Купеческаго Общества.

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ:
1. На НИКОЛЬСКОЙ, д. Бостанжогло.
2. На КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ, д. Михайлова.
3. На ТВЕРСКОЙ, д. Гинзбурга.

НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМ.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
на ШОССЕ, Большой овощный рядъ,
№ 15 и 16.

РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ
ВЪ ПАССАЖѢ ГЛАВНАГО ДОМА, № 15 и 16.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ
БРОКАРЪ и К°.

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА разныхъ запаховъ.
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА съ узорами.
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.
ЭКСТРАКТА изъ цвѣтовъ персидской сирени и резеды.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Большой спросъ и громадная извѣстность нашихъ спеціальностей заставляютъ конкурентовъ нашихъ подражать не только названіямъ, но и внѣшней отдѣлкѣ нашихъ произведеній, дабы этимъ вводить въ заблужденіе публику и такимъ образомъ увеличить сбытъ своихъ произведеній; а потому просимъ почтеннѣйшихъ покупателей при покупкѣ нашихъ произведеній обращать тщательное вниманіе на нашу фирму.

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ
ПАРФЮМЕРНОЙ ФАБРИКИ
БРОКАРЪ и К°
ВЪ С.-Петербургѣ.

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИНЪ:
Невскій, № 30.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ:
Садовая, Толмазовъ пер., №1—24.

ВЪ ВАРШАВѢ
У КРЕМКИ и К°, Лешно, № 1.

ВЪ ОДЕССѢ
У РОЗЕНШТЕЙНЪ, Соборная площадь, домъ Папудовой.

ВЪ ПАРИЖѢ
У ВАНДЕНЪ АБЕЛЬ, улица Мартель.

ВЪ ВѢНѢ
У НЕГЕЛЬ и ШТРУБЕЛЬ.

ВЪ ДРЕЗДЕНѢ
У РОШКОВСКАГО.

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ
У Е. АБЕЛЕСЪ.

ВЪ НИЦЦѢ
У АСТРОДО.

ВЪ БРЮССЕЛѢ
У НОРБЕРТЪ ДЕКИНЪ.

Изданія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

и

книжнаго магазина П. К. ПРЯНИШНИКОВА.

Даніель де Фо. **ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ЙОРКСКАГО МОРЯКА, РАЗСКАЗАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.** Новый полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго, одобренный Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. П. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. М., 1889 г. Цѣна за 2 тома 4 руб., пересылка по разстоянію за 3 фунта, въ роскошномъ переплетѣ 4 руб. 75 коп.

Тысяча одна ночь. **АРАБСКІЯ СКАЗКИ.** 3 тома. Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ, съ 450 рисунками въ текстѣ. М. 1890 г. Цѣна I-го тома 3 р. 15 к., на велен. бумагѣ 3 р. 50 к. Цѣна II тома 2 р. 75 к., на велен. бумагѣ 3 р. Цѣна III т. 2 р. 75 к., на велен. бумагѣ 3 р. За роскошный переплетъ каждаго тома прибавл. 75 к. Пересылка каждаго тома за 3 ф. по разстоянію. При второмъ томѣ помѣщена статья академика профессора А. Н. Весловскаго, написанная для этого изданія.

Джонатанъ Свифтъ. **ПУТЕШЕСТВІЯ ЛЕМЬЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА.** Новый полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко, съ біографіей Свифта и примѣчаніями Вальтеръ Скота, Шеридана, Кука Тейлора, Текерея и др. Томъ I: Путешествіе въ Лилипуту и путешествіе въ Бробдиньягъ. Томъ II: Путешествіе въ Лапуту и къ Гуигнгнмамъ. Съ 164 рисунками, рѣзанными въ Лондонѣ. Цѣна за 2 тома 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 75 коп.

Издатели просятъ не смѣшивать трехъ предъидущихъ изданій съ безчисленными передѣлками, не имѣющими, кромѣ фабулы, ничего общаго съ оригиналами этихъ классическихъ произведеній, появляющихся въ полномъ переводѣ въ первый разъ.

Монгомери. **СИНЯЯ ВУАЛЬ.** Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ, съ 12 рисунками. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 75 коп. Перес. за 2 ф. по разстоянію.

Вольтеръ. **ДЖОНА МОРЛЕЯ.** Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей профес. А. Кирпичникова. М. 1889 г. Цѣна 2 руб. Пересылка за 2 ф. по разстоянію.

Джонъ Тиндаль. **ТЕПЛОТА,** разсматриваемая какъ особый родъ движенія. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. А. Шимкова, съ 120 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. М. 1889 г. Цѣна 3 руб. 75 коп., съ перес. 4 руб. Книга рекомендована Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ, мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, а также для библіотекъ учительск. институтовъ и городскихъ училищъ.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. Т. I. Замокъ Вильпре, переводъ Доппельмайеръ, цѣна 1 руб. 75 к.

Джьованни Боккаччьо. Декамеронъ. Полный переводъ академика профессора А. Н. Веселовскаго. Роскошное иллюстрированное изданіе. М. 1891 г. Т. I и II. Цѣна за оба тома 10 руб. Пересылка за 5 фун.

Поступила въ продажу:

Жанъ-Жакъ Руссо. Юлія или Новая Элоиза, или Письма двухъ любовниковъ, живущихъ у подножья Альпъ. Т. I.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. Лермонтова.

ВЪ ДВУХЪ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ

съ 40 фототипіями и 120 рисунками въ текстѣ.

Рисунки исполнены исключительно для этого изданія художниками: *И. К. Айвазовскимъ, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Е. Е. Волковымъ, Н. Н. Дубовскимъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровинымъ, В. К. Менкъ, В. Е. Маковскимъ, В. Д. Поленовымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, К. А. Савицкимъ, В. А. Серовымъ, В. И. Суриковымъ, К. А. Трутовскимъ, И. И. Шишкинымъ.*

Текстъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ по рукописямъ поэта, согласно указаніямъ нашего извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова. Біографія поэта и критическая статья объ его произведеніяхъ написаны И. И. Ивановымъ.

Цѣна 5 руб. за оба тома (пересылка по разстоянію за 5 фун.).

Съ требованіями обращаться въ книжный магазинъ П. К. Прянишникова (Москва, Петровскія линіи, № 15) и магазинъ книгъ и канцелярскихъ принадлежностей Т-ва И Н. Кушнеревъ и К°. (Москва, Никольская ул., д. Чижовыхъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ“

Программа изданія:

1) Статьи по исторіи русскаго искусства (архитектура, скульптура, живопись и гравюра). 2) Матеріалы къ исторіи русскаго искусства: письма художниковъ, ихъ мемуары, записки, дневники, воспоминанія о нихъ, или о ихъ произведеніяхъ. 3) Матеріалы по исторіи искусства другихъ странъ, насколько это отразилось на русскомъ искусствѣ. 4) Описаніе галлерей и другихъ собраній произведеній русскаго искусства. 5) Современная лѣтопись: краткія сообщенія о событіяхъ въ художественной жизни Россіи. 6) Библіографія. Книги по исторіи искусства, выходящія въ Россіи и по исторіи русскаго искусства, выходящія за границей. 7) Снимки съ произведеній русскихъ художниковъ и съ ихъ портретовъ. 8) Объявленія. Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 года. Всѣхъ выпусковъ въ году будетъ шесть, по одному выпуску въ два мѣсяца, тетрадями in 4°. въ 10 печатныхъ листовъ текста и 10 таблицъ фототипическихъ снимковъ, такъ что годовое изданіе дастъ 60 листовъ текста и роскошный альбомъ въ 60 листовъ фототипій.*)

Цѣна безъ пересылки и доставки въ Москвѣ . . . . . 10 руб.
„ съ пересылкой во всѣ города Россіи и съ доставкой въ Москвѣ . 12 „

Для желающихъ дѣлается разсрочка: при подпискѣ вносится 4 руб., затѣмъ при полученіи второго и третьяго выпуска по 3 руб. и при полученіи четвертаго выпуска, въ случаѣ подписки съ пересылкою и доставкою—2 р. Кромѣ того, для любителей печатается всего 25 экземпляровъ особенно-роскошнаго изданія, изъ котораго въ продажу поступитъ только 20 экземпляровъ. Цѣна такому экземпляру съ пересылкой и доставкой 25 руб.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. А. Александровъ, И. Н. Божеряновъ, Ѳ. А. Бронниковъ, Ѳ. И. Булгаковъ, К. М. Быковскій, Дм. Вас. Григоровичъ, М. Г. Деменни, И. Е. Забѣлинъ, Б. И. Иверсенъ, Д. И. Иловайскій, М. Ѳ. Каменская (рожд. гр. Толстая), А. М. Мироновъ, И. М. Остроглазовъ, А. И. Сомовъ, Н. С. Тихонравовъ, К. А. Трутовскій, И. В. Цвѣтаевъ. М. А. Чижовъ, К. Д. Чичаговъ, С. С. Шайкевичъ, Е. Ѳ. Юнгэ (рожд. гр. Толстая), К. С. Шиловскій.

Вышелъ и разсылается подписчикамъ 1-й выпускъ новаго журнала

«РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ»

СОДЕРЖАНІЕ 1-й КНИЖКИ:

Текстъ: Дѣтство и юность гр. Ѳ. П. Толстого. Ст. Е. Ѳ. Юнгэ. М. Д. Быковскій. Сообщено сыновьями его, К. М. и Н. М. Быковскими. Дневникъ и письма Н. А. Рамазанова. Письма А. И. Иванова къ сыну, А. А. Иванову. Матеріалы къ описанію галлереи П. М Третьякова. Сост. А. Новицкій. Библіографія Ст. И. М. Остроглазова и ст. К. Ч. Современная лѣтопись. Объявленія.

Рисунки внѣ текста: Рѣдкая гравюра Іордана съ Чиголе. Эскизъ Шебуева. Рождество Христа Эскизъ Шебуева. Воскресеніе Христа Эскизъ Брюллова. Распятіе. Семейный барельефъ, гр. Толстого. Его же, дѣтскіе рисунки. Портретъ М. Д. Быковскаго, работы Скотти. Портреты А. И. Иванова и его жены, работы самого художника. Смерть Фидельки. эскизъ Ѳеодотова. Послѣдствія смерти Фидельки, его же.

Редакторъ **А. П. Новицкій.** Издатель **В. А. Головинъ.**

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Пречистенка, Полуэктовскій пер., д. Рожкова, въ отдѣленіи конторы: Москва, Петровскія линіи, антикварный магазинъ П. П. Шибанова, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ фотографіи К. А. Фишеръ (бывш. Дьяговченко), Москва, Кузнецкій мостъ.

*) Въ концѣ года будетъ разослано гг. подписчикамъ приложеніе „Письма Н. А. Рамазанова изъ-за границы“ съ рисунками автора въ текстѣ. Для гг. заграничныхъ подписчиковъ будетъ прилагаться объяснительный текстъ къ рисункамъ на французскомъ языкѣ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ИЗДАННАЯ КНИГА

„ОТКЛИКЪ“

ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ.

Всѣ вырученныя отъ продажи этого сборника деньги поступаютъ полностью, безъ всякаго вычета расходовъ по изданію, въ пользу голодающихъ.

Складъ изданія въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи „Одесскаго Листка“.

Цѣна съ наложеннымъ платежомъ 2 руб. 40 коп.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

АРТИСТЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ

ОРИГИНАЛЫ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

А. И. Алексѣева	„Женская головка“	150 руб.
Н. Г. Богданова	„Дѣти у палатки“	225 „
И. А. Вельца	„Весна“	150 „
В. Г. Казанцева	„Послѣдній лучъ“	200 „
„	„Листья опадаютъ“	200 „
П. Е. Крачковскаго	„Паркъ на рѣкѣ Сенѣ“	250 „
К. Е. Маковскаго	„Испанка“	300 „
М. Л. Маймана	„Рыбакъ-любитель“	150 „
А. И. Мещерскаго	„Кавказскій видъ“	250 „
„	„Окрестность г. Нарвы“	250 „
А. А. Писемскаго	„Жигулевскія горы“	125 „
	„Весна“	125 „
Ю. И. Феддерсъ	„Пейзажъ“ (Лифляндская Швейцарія)	60 „

Гг. иногородніе, желающіе ознакомиться съ картинами, могутъ получать фотографическіе снимки съ означенныхъ картинъ, уплачивая по 2 р. за каждый снимокъ.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и раздается подписчикамъ 2-я книжка журнала

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.“

СОДЕРЖАНІЕ: **ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ**. I. „ЗОЛОТО“, романъ. Часть II. **Д. Мамина-Сибиряка.**— II. „САФО“, стих. **Як. Ивашкевича.**—III. „НЕУРОЖАИ ВЪ РОССІИ И ИХЪ ГЛАВНЫЯ ПРИЧИНЫ“ **Л. Весина.**— IV. „СОРРЕНТО“, стих **Д. Мережковскаго.**— V. „СЕВИЛЬЯ“ (миражи, впечатлѣнія, легенды) **В. И. Немировича-Данченко**.—VI. СТИХОТВОРЕНІЕ **З. Гиппіусъ.**— VII. ШВЕЙЦАРСКІЕ РАЗСКАЗЫ Эдуарда Рода: I. Жена Бускатэ, II. Семейство Кни. **А. В. Весной.**—VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ **Н. Минскаго.**—IX. „ПИСАТЕЛИ ДЛЯ НАРОДА ИЗЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ“. Очеркъ I. Князь В. Ѳ. Одоевскій. **Е. Некрасовой.**—X. „ДНЕВНИКЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ“ (перев съ франц.).—XI. „ХЛѢБА И ЗРѢЛИЩЪ“, стихотвореніе **Вл. Ладыженскаго.**— XII. „ЗАКОННЫЯ ЖЕНЫ“. (Очеркъ I. Вспышка. **Ольги Шапиръ.**—XIV. „ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ“ проф. **С. Муромцева.** — **ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ**. I. „ПОПЫТКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ ВЪ XVII вѣкѣ“ проф. **И. Лучицкаго**.—II. ОБЛАСТНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) ЭКОНОМИЧЕСКІЯ МѢРОПРІЯТІЯ МОСКОВСКАГО ЗЕМСТВА **В. Крандіевскаго**; 2) МИНУСИНСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ И БИБЛІОТЕКА **И. Вѣлоконскаго**. — III. НОВЫЯ КНИГИ: 1) Публицистика и поэзія; 2) Медицина; 3) Общественныя науки; 4) Педагогическая литература и изданія для народа. Иностранныя книги: 1) Литература; 2) Исторія.—IV. „ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА“. (Письмо I, перев. съ рукописи.) **Robert de Serisy.**—V. „ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ“. Женское высшее и профессіональное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. **В. Макъ-Гаханъ.**— VI. СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛІЯ. **Giovanni Perosio.** — ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. Продовольственные запасы, имѣющіеся на лицо въ пострадавшихъ губерніяхъ.—Количество хлѣба, подлежащаго еще пріобрѣтенію.—Обсужденіе земскими собраніями вопросовъ, относящихся къ поднятію уровня земледѣльческой культуры.—Проекты общественныхъ работъ.— Фактическое ихъ осуществленіе.—VI. СОБЫТІЯ И НОВОСТИ. Памяти въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Константина Николаевича.—Положеніе продовольственнаго вопроса.— Дѣятельность Особаго Комитета Наслѣдника Цесаревича.—Организація женскихъ домашнихъ работъ.—Проекты снабженія безлошадныхъ крестьянъ пострадавшихъ губерній рабочими лошадьми. — IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Новые вѣстники мира.— II. Ложная тревога въ Европѣ.—III. Ложная тревога въ Африкѣ и Азіи. Проф. **А. Трачевскаго.**— X. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. „Смѣна“, романъ А. И. Эртеля.—„Разсказы“ г. Коронина.—„Учитель жизни“.—Нѣсколько словъ о г. Потапенко. **А. Волынскаго.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ,

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
		Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала. .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи. .	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей. . . .	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто **разсрочки** годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. С.-Петербургъ: Троицкая улица, д. № 9.

Издательница **Л. Я. ГУРЕВИЧЪ.** Редакторъ **М. И. АЛЬБОВЪ**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ,

напечатанныя въ №№ 1—19 журнала „Артистъ“ и №№ 1—10 журнала „Театральная Библіотека“.

	№№ кн. „Артистъ“	№№ кн. „Т. Библ.“
„Автора въ театрѣ нѣтъ“, ш. въ 1 д. **И. Л. Щеглова.** (Къ представленію разрѣшено безусловно см. „Правит. Вѣстн.“ 91 г. № 176)	—	3
„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. **В. М. Михеева**	19	—
„Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-фарсъ въ 4 д. перед. изъ ком. **Залевскаго Н. А. Тихановымъ** (Пр. В. 91 г. № 144)	—	2
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. **А. Н. Канаева** (90 г. № 202)	7	—
„Безъ кинжала“, ш. въ 1 д. **В. Р. Щиглева** (90 г. № 202)	7	—
„Богатѣй“ (Кротость—что бѣлая зорька) ком. въ 4 д. **Е. П. Гославскаго** (92 г. № 7)	18	—
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. **П. Д. Боборыкина.** (90 г. № 12)	4	—
„Борьба за существованіе“, піеса въ 5 д. **А. Додэ**, пер. **Э. Э. Матерна.** (90 г. № 12)	4	—
„Братъ и сестра“, пьеса въ 1 д. **В. Гете**, переводъ **Э. Э. Матерна** (92 г. № 7)	18	—
„Вамъ такія сцены не знакомы?“ Сценка въ 1 д. Соч. **Дрейфуса** Перев. **Н. А Тиханова.** (91 г. №№ 144 и 176)	—	4
„Василекъ“, ком. въ 4 д. **В. А. Крылова.** (90 г. № 283)	11	—
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго.** (90 г. № 12)	3	—
„Вольная волюшка“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго.** (91 г. № 31)	12	—
„Вольная пташка“, ком. въ 3 д. **Е. П. Карпова** (91 г. № 276)	—	7
„Вотъ такъ водевиль“, шутка въ 1 г. **Г. Н. Грессера** (91 г. № 276)	—	7
„Встрѣча“, карт. въ 1 д. **П. П. Гнѣдича** (91 г. № 276)	17	—
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. **Н. В. Казанцева.** (90 г. № 202)	5	—
„Въ лунную лѣтнюю ночь“, этюдъ въ 1 д. **А. Степановой** (92 г. № 7)	—	8
„Въ мутной водѣ“, ш. въ 1 д. **Н. С. Семенова** (91 г. № 144)	—	1
„Въ неравной борьбѣ“, др. въ 4 д. **Влад. А. Александрова.** (91 г. №№ 233 и 120)	16	—
„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 актѣ **Грене-Данкура**, перев. съ французск. **Ѳ. А. Куманина.** (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	8	—
„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. **И. Я. Гурлянда.** (90 г. № 202)	8	—
„Въ старые годы“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго.** (89 г. № 258)	1	—
„Гастролерша“, шутка въ 1 дѣйствіи **Ивана Щеглова.** (90 г. № 228)	9	—
„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. **А. Р. Г.** (91 г. № 144)	—	1
„Гость“, др. въ 2 д. **Эдуарда Брандеса**, переводъ **П. Ганзена**	19	—
„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д **И. А. Салова.** (90 г. № 283)	11	—
„Дармоѣдка“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ **И. А. Салова.** (90 г. № 202)	8	—
„Докторъ Штокманъ“, др. въ 5 д. **Г. Ибсена**, перев. **Н. Мировичъ.** (91 г. №№ 120 и 233)	15	—
„Долгъ чести“, драма въ 1 д. **П. Гейзе**, перев. **Э. Э. Матернъ.** (91 г. № 176)	—	3
„Донъ Карлосъ инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. **Шиллера.** Приспособленный для сцены переводъ **И. Н. Грекова.** Съ рисунками костюмовъ **гр. Ѳ. Л. Соллогуба**	1—4	—
„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, траг. въ 5 д. **Кальдерона**, перев. **Н. Ѳ. Арбенина** (91 г. № 94)	12—14	—
„Дочь невѣста“, ком.-шутка въ 4 д. **В. М. Михеева** (91 г. № 276)	—	7
„Душа потемки“, сцены въ 3 д. **М. П. Садовскаго.** (91 г. № 233)	—	5
„Жизнь Илимова“, будничная драма въ 5 карт. **В. С. Лихачова.** (91 г. № 233)	15	—
„Жить надоѣло“, ш. въ 1 д. **В. В. Билибина.** (91 г. № 176)	—	3
„Жоржинька“, комедія-фарсъ въ 2 д. **Чека.** (91 г. № 94). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 120)	14	—
„Жрица искусства“, ком. въ 4 д. **Е. П. Карпова.** (91 г. № 59)	14	—

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“
„Заяцъ“, комедія-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго (92 г. № 7)	—	8
„Золотая рыбка“, ком. въ 3-хъ д. И. А. Салова и И. Н. Ге. (90 г. № 12)	3	—
„Интересная больная“, шутка въ 1 д. В. Холостова. (91 г. № 233)	—	6
„Искорка“, ком. въ 1 д. Пальерона, перед. для русск. сцены А. Н. Плещеевымъ. (91 г. № 233)	—	5
„Камень при распутьи“, ком. въ 3 д. кн. Н. П. Урусова. (91 г. № 176)	—	4
„Кайсаровы“, пьеса въ 4 д. Влад. А. Александрова	—	9
„Комикъ по натурѣ“, шутка въ 1 д. Ив. Щеглова	—	9
„Компаньоны“, ком. въ 4 д. П. М. Невѣжина (91 г. № 276 и 92 г. № 7)	18	—
„Кража“, драм. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Муравлина). (90 г. № 228)	9	—
„Лебединая пѣсня“ („*Калхасъ*“), др. вт. въ 1 д. А. П. Чехова. (89 г. № 274)	2	—
„Мамаево нашествіе“, ком.-шут. въ 3 д. Ивана Щеглова. (90 г. № 283)	10	—
„Mamaп“, ком. въ 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы). (90 г. № 12)	3	—
„Медвѣдь“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	6	—
„Мельхіоръ“, ком. въ 1 д. С. Меллера, перев. Н. Г. (91 г. № 233)	—	5
„Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина. (91 г. № 31)	12	—
„Мышеловка“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (89 г. № 258)	1	—
„На своихъ мѣстахъ“, комедія въ 4 д. Ник. Вл. Казанцева (92 г. № 7)	—	8
„Не всякому какъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д. Е. П. Гославскаго. (91 г. № 59)	13	—
„Не въ добрый часъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова. (91 г. № 233)	—	5
„Нежданный гость“ (Жакъ Дамуръ), др. въ 1 д. Энника (передѣлано изъ романа Эмиля Золя), переводъ съ франц. И. Л. Щеглова. (90 г. № 202)	5	—
„Незадачный денекъ“, ш. въ 1 д. Н. Каменскаго. (91 г. № 233)	—	5
„Незваный гость“, небывалый анекдотъ въ 1 д. Н. Г. Леонтьева. (91 г. 233)	—	6
„Не лги“, фарсъ въ 3-хъ д. И. И. Мясницкаго, передѣланъ изъ ком. Шамберта „Iedénácte prîkázání“	—	10
„Ненастье“, ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича. (91 г. № 59)	11	—
„Новое дѣло“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко. (90 г. № 283). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 31)	10	—
„Обухъ“ („Ни съ того, ни съ сего“) („Nowy dziennik“), ком. въ 3 д. Балуцкаго. Перед. для р. сц. Е. М. Б—аго. (91 г. № 176)	—	4
„Озимь“, др. въ 4 д. А. А. Луговаго (90 г. № 202)	7	—
„Опасные люди“ („Два полюса“), драма въ 4 д. К. В. Назарьевой. (91 г. № 176)	—	3
„Осень“, ком. въ 3 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	—	2
„Осколки минувшаго“, ком. въ 5 д. и 6 картинахъ, передѣлана изъ повѣсти Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) „*Въ ожиданіи лучшаго*“ И. Н. Ге. (91 г. № 233)	16	—
„Отставка“, шутка въ 1 дѣйст. (91 г. №№ 144 и 176)	—	4
„Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича. (90 г. № 12). (Въ отд. изданіи нашего журнала—90 г. № 228)	4	—
„Плагіатъ“, ком. въ 1 д. К. С. Баранцевича. (90 г. № 202)	6	—
„Подвижной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. Н. П Неймана (91 г. № 144)	—	1
„Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. И. Н. Ладыженскаго (89 г. № 274)	2	—
„По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 дѣйст. Г. Н. Грессера. (90 г. № 283)	10	—
„По ревизіи“, эт. въ 1 д. М. Л. Кропивницкаго. (91 г. № 94)	14	—
„Порывъ“, др. въ 4 д. Н. О. Ракшанина (91 г. № 31)	12	—
„Послѣднее сокровище“, др. эт. въ 2 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	—	1
„Послѣдняя воля“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко	—	9
„Похищеніе Сильфиды“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина. (91 г. № 233)	—	5
„Предложеніе“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 12)	3	—
„Привѣтствіе искусствъ“, лирическая сцена Шиллера, перев. Н. Ѳ. Арбенина.	2	—
„Приступомъ“, сцены въ 2 д. И. В. Шпажинскаго. (90 г. № 202)	5	—
„Рабочая слободка“, драма въ 4 д. Е. П. Карпова. (91 г. № 276)	17	—
„Разладъ“, др. въ 4 д. В. А. Крылова (89 г. № 274)	2	—
„Ранняя осень“, драма въ 4 д. Е. П. Карпова. (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	13	—
„Ревнивый актеръ“, монологъ въ стихахъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба. (89 г. № 258)	1	—
„Револьверъ“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина. (90 г. № 283)	10	—
„Самъ у себя подъ стражей“, ком. въ 3 д. Донъ Педро Кальдерона дель Барка, приспособл. къ сценѣ С. А. Юрьевымъ. (91 г. № 276)	15—17	—
„Сарданапалъ“, трагедія Байрона, переводъ О. Н. Чюминой (90 г. № 283)	9—11	—
„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, шутка въ 1 д. Хеля, перев. Н. Ѳ. Арбенина. (90 г. № 202)	6	—
„Симфонія“, комедія въ 5 дѣйств. Модеста И. Чайковскаго. (90 г. № 228)	9	—
„Скитальцы“, сцена въ 5 д. Н. С. Генкина. (90 г. № 202)	6	—
„Старая погудка на новый ладъ“, к. въ 1 д. въ стихахъ О. Н. Чюминой (90 г. № 202)	6	—
„Стоячія воды“, картинки соврем. жизни въ 3 дѣйств. П. П. Гнѣдича. (90 г. № 228)	9	—
„Съ бою“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина. (91 г. № 59)	13	—
„Счастливецъ“, пьеса въ 4 д. Влад. И. Немировича-Данченко	—	10
„Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинскаго (91 г. № 176)	—	3
„Театральный воробей“, комедія-шутка въ 2 д. Ивана Щеглова	—	10
„Трагикъ по неволѣ“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова. (90 г. № 202)	7	—
„Три встрѣчи“, монологъ въ стихахъ М. И. Лаврова (91 г. № 144)	—	1
„Турусы на колесахъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	7	—
„Уголокъ Москвы“, ком. въ 4 д. Вл. А. Александрова. (91 г. № 276)	17	—

	№№ кн. „Артистъ“.	№№ кн. „Т. Библ.“.
„Уѣздный Шекспиръ“, ком. въ 1 д. **И. Я. Гурлянда.** (90 г. № 202)	6	—
„Федра“, траг. **Ж. Расина**, перев. **М. П. С—го.** (90 г. № 202)	5—7	—
„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. **Э. Э. Матерна.** (90 г. № 202)	6	—
„Цѣпи“. др. въ 4 д. **кн. А. И. Сумбатова.** (89 г. № 258)	1	—
„Честь“, ком. въ 4 д. **Зудермана**, перевод. съ нѣмецк. **Н. К.** (91 г. № 233).	16	—
„Чуданъ“ ком. въ 4 д. **И. Л. Щеглова.** (91 г. № 233)	—	6
„Школа гостепріимства“, ш. въ 2 д. **А. Н. Канаева.** Сюжетъ заим. изъ пов. **Д. В. Григоровича.** (91 г. № 233) . . .	—	6
„Эллида“, др. въ 5 д. **Г. Ибсена**, перев. **В. М. Спасской.** (91 г. № 94).	14	—

Отдѣльные №№ журнала **„Артистъ“** продаются по **2** рубля. — **„Театральной Библіотеки“** по **1** рублю. (Цѣна тома „Театральной Библіотеки“ (4 книги) — 3 руб.).

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры № 4 журнала **„Артистъ“** всѣ распроданы. („Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича напечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна **1** р. **50** к.)

Вышепоименованныя піесы разрѣшены къ представленію безусловно— соотвѣтствующіе №№ „Правительственнаго Вѣстника“ указаны въ скобкахъ.

Сѣверные богатыри.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Генрика Ибсена.

Переводъ **Н. Мировичъ.**

(Стихотворныя мѣста переведены **Ю. А. Веселовскимъ**).

Къ представленію дозволено 23 января 1892 г. № 543.

Одобрена Театрально-Литературнымъ Комитетомъ для представленія на Императорскихъ театрахъ и поставлена въ 1-й разъ на сценѣ московскаго Малаго театра 14 января 1892 г. въ бенефисъ г-жи Ѳедотовой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Орнульфъ съ фіордовъ, исландскій вождь . . . . . г. *Рыбаковъ.*
Сигурдъ Храбрый, викингъ. . . . . г. *Южинъ.*
Гуннаръ, богатый владѣлецъ на Гельголандѣ. . . . . г. *Ленскій.*
Торольфъ, младшій сынъ Орнульфа. . . . . *Учен. театр. учил.* г. *Юрьевъ.*
Дагни, дочь Орнульфа . . . . . г-жа *Ермолова.*
Іордисъ, его пріемная дочь. . . . . г-жа *Ѳедотова.*
Корэ, крестьянинъ гельголандскій . . . . . г. *Васильевъ.*
Эгиль, сынъ Гуннара 4-хъ лѣтъ. . . . . .
6 старшихъ сыновей Орнульфа . . . . . .
Слуги Орнульфа и Сигурда. . . . . .
Гости, слуги, бродяги. . . . . .

Дѣйствіе происходитъ въ эпоху Эрика (Кровавой сѣкиры) около 933 года, близъ дома Гуннара, въ Гельголандѣ, въ сѣверной Норвегіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Скалистый берегъ, круто спускающійся къ морю. Налѣво шалашъ; направо скалы и сосновые мыса. Въ бухтѣ виднѣются мачты 2-хъ кораблей. Далеко направо океанъ, усѣянный скалами и скалистыми островами; море бурное; сѣрый зимній день. Сигурдъ идетъ отъ кораблей вверхъ по берегу. На немъ бѣлый камзолъ съ серебряными поясомъ, голубой плащъ, и желѣзный шлемъ, съ боку виситъ короткій мечъ. За нимъ изъ-за скалъ вскорѣ появляется Орнульфъ, одѣтый въ тунику изъ темнаго бараньяго мѣха, панцырь и латы, шерстяные чулки и обувь изъ недубленой кожи. На плечи наброшенъ плащъ изъ коричневой байки, на желѣзный шлемъ накинутъ капюшонъ, такъ что лицо его частью скрыто. Онъ высокаго, массивнаго сложенія, съ длинной бѣлой бородой, но нѣсколько согнутъ подъ тяжестью лѣтъ; оружіе его—круглый щитъ, мечъ и копье.

Сиг. (*входитъ первый, осматривается кругомъ, видитъ шалашъ, быстро подходитъ къ нему и пытается отворить дверь*).

Орн. (*появляется на скалѣ, вздрагиваетъ при видѣ Сигурда, видимо, узнаетъ его, спускается и говоритъ громкимъ голосомъ*). Посторонись, викингъ.

Сиг. (*обертывается и схватывается за мечъ*). Никогда ни передъ кѣмъ не отступалъ я.

Орн. Посторонись, говорю тебѣ. Мнѣ нуженъ пріютъ для моей продрогшей дружины.

Сиг. А мнѣ для уставшей женщины.

Орн. Женщины твои не стоятъ моихъ людей.

Сиг. Дорого же цѣнятся разбойники въ Гельголандѣ!

Орн. Дорого поплатишься ты за слова эти.

Сиг. Берегись, старикъ! (*Орнульфъ бросается на него, Сигурдъ защищается.* **Дагни и нѣсколько воиновъ** *Сигурда приближаются съ берега; на скалахъ направо появляются* **6 сыновей Орнульфа.**)

Дагни (*впереди остальныхъ, одѣта въ красную епанчу, голубой плащъ. Взываетъ по направленію къ кораблямъ*). Сюда, воины Сигурда! Мужъ мой сражается съ чужестранцемъ!

Сыновья Орн. Помогите Орнульфу! (*Спускаются.*)

Сиг. (*своимъ людямъ*). Стойте! Я справлюсь съ нимъ одинъ.

Орн. (*своимъ сыновьямъ*). Оставьте меня! (*Бросается на Сигурда.*) Ты поплатишься своей кровью!

Сиг. Но сперва прольется твоя! (*Ранитъ его въ руку, копье его выпадаетъ изъ рукъ.*)

Орн. Мощно разишь ты, боецъ,
Мѣтко ты въ цѣль попадаешь.
Даже могучій Сигурдъ
Былъ бы тобой посрамленъ.

Сиг. (*улыбаясь*). Срамъ его обратился бы въ славу.

Сыновья Орн. (*восклицаютъ въ изумленіи*). Самъ Сигурдъ! Сигурдъ Храбрый!

Орн. Но еще мѣтче былъ ударъ твой въ ту ночь, какъ ты увезъ дочь мою Дагни. (*Откидываетъ капюшонъ.*)

Сиг. и его воины. Орнульфъ съ Фіордовъ!

Дагни (*обрадованная, но смущенная*). Отецъ мой и братья мои!

Сиг. Не подходи, за мною стань!

Орн. Нужды въ защитѣ нѣтъ твоей. (*Подходя къ Сигурду.*) Тебя узналъ я тотчасъ, какъ увидѣлъ твое лицо, и съ умысломъ затѣялъ споръ: хотѣлъ узнать, справедлива-ли молва, будто ты—храбрѣйшій воинъ во всей Норвегіи. Отнынѣ миръ да будетъ между нами.

Сиг. Да, такъ было-бъ лучше.

Орн. Вотъ моя рука. Поистинѣ ты—добрый воинъ; такими ударами меча ни съ кѣмъ еще не обмѣнивался старый Орнульфъ!

Сиг. (*схватывая протянутую руку*). Удары эти пусть будутъ послѣдними, и ты самъ разсуди наше дѣло. Согласенъ ты?

Орн. Да; мы сейчасъ уладимъ нашу ссору. (*Къ другимъ.*) Пусть же другіе узнаютъ въ чемъ дѣло: пять зимъ тому назадъ явились въ Исландію викинги,—Сигурдъ и Гуннаръ; они пристали къ берегу по близости дома моего. И тогда Гуннаръ насильно и коварно увлекъ пріемную дочь мою—Іордисъ. Но ты, Сигурдъ, взялъ Дагни, родную мою дочь, и увезъ ее. За это осужденъ ты заплатить 300 серебряныхъ монетъ—и тѣмъ искуплена будетъ вина твоя.

Сиг. Справедливъ твой судъ, Орнульфъ; 300 серебряныхъ монетъ заплачу я и прибавлю къ нимъ шелковый плащъ съ золотымъ кружевомъ. Это даръ Этельстана, короля англійскаго; дороже плаща нѣтъ во всей Исландіи.

Дагни. Пусть будетъ такъ, мой доблестный мужъ; благодарю тебя, отецъ. Теперь какъ легко будетъ на моей душѣ. (*Пожимаетъ руки отца и братьевъ и говоритъ съ ними вполголоса.*)

Орн. Итакъ, скрѣпленъ между нами договоръ, и отнынѣ Дагни оказанъ будетъ такой же почетъ, какъ если-бъ она была законно отдана тебѣ съ согласія родныхъ ея.

Сиг. А мнѣ довѣриться ты можешь, какъ сыну.

Орн. Я въ томъ увѣренъ, и теперь же хочу испытать твою преданность.

Сиг. Я готовъ; скажи, чего желаешь ты?

Орн. Чтобъ словомъ и дѣломъ ты мнѣ помогъ. Я пришелъ сюда въ Гельголандъ, чтобы отыскать Гуннара и потребовать возмездія за Іордисъ.

Сиг. (*въ изумленіи*). Гуннаръ!

Дагни (*такъ же*). И Іордисъ,—гдѣ-жь они?

Орн. Въ домѣ Гуннара, думаю я.

Сиг. Гдѣ же?

Орн. Въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ отсюда; ты не зналъ?

Сиг. (*съ сдерживаемымъ волненіемъ*). Далеко ходилъ я въ море и служилъ многимъ иноземнымъ королямъ въ то время, какъ Гуннаръ жилъ дома. На разсвѣтѣ, гонимые бурей, приплыли мы сюда; я, правда, зналъ, что родина Гуннара здѣсь на сѣверѣ, но...

Дагни (*къ Орнульфу*). Такъ это привело тебя сюда?

Орн. Да. (*Къ Сигурду.*) Встрѣча наша—дѣло великихъ небесныхъ силъ; то была ихъ воля. Если-бъ я и хотѣлъ тебя встрѣтить, то не зналъ бы, гдѣ искать.

Сиг. (*задумчиво*). Такъ, такъ... Но съ Гуннаромъ: скажи, Орнульфъ, какъ думаешь ты поступить? Будешь добиваться возмездія, добромъ иль зломъ?...

Орн. Я долженъ такъ поступить. Слушай, Сигурдъ, что я скажу. Прошлымъ лѣтомъ я сидѣлъ въ палатѣ и пилъ съ людьми своего племени; зашла бесѣда о похищеніи женщинъ; и пришлось мнѣ услышать немало оскорбительныхъ словъ за то, что ту обиду я такъ долго оставилъ безъ отмщенія. Тогда я въ гнѣвѣ поклялся отправиться въ Норвегію, отыскать Гуннара и не возвращаться, пока я отъ него не получу удовлетворенія.

Сиг. Если такъ, то ты щадить его не долженъ.

Орн. Да, но я буду справедливъ; а Гуннаръ слыветъ за человѣка высокой чести. И радъ я, что предпринялъ это дѣло. Скучно стало

мнѣ тамъ, въ Исландіи. На волнахъ морскихъ состарѣлся и посѣдѣлъ я. У меня было предчувствіе, что придется еще разъ побывать на морѣ, прежде чѣмъ... Да, да... давно ужь умерла Бертгора, моя добрая жена. Старшіе сыны мои каждое лѣто ходили въ море; когда же подросъ Торольфъ...

Дагни (*радостно*). Торольфъ съ тобой? Гдѣ онъ?

Орн. На кораблѣ. (*Указываетъ направо.*) Ты не узнаешь брата,—такъ выросъ онъ и возмужалъ. Онъ будетъ могучимъ воиномъ, Сигурдъ; настанетъ время, когда онъ сравняется съ тобой.

Дагни (*улыбаясь*). Я вижу и теперь, какъ прежде, Торольфъ всѣхъ ближе сердцу твоему...

Орн. Онъ—младшій и похожъ на мать...

Сиг. Но скажи... съ Гуннаромъ... ты думаешь сегодня же?...

Орн. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Вознагражденіе потребую я въ мѣру... Не согласится онъ—пусть на себя пеняетъ!

Крестьянинъ **Корэ** *поспѣшно входитъ справа; на немъ байковый плащъ и войлочная шляпа съ широкими полями, въ рукѣ у него сломанная палка.*)

Корэ. Привѣтъ вамъ, викинги!

Орн. Рѣдко къ добру бываетъ встрѣча съ викингами.

Корэ. Если вы—люди честные, то не откажетесь укрыть меня; слуги Гуннара гонятся за мною, грозятъ убить!

Орн. Гуннаръ?

Сиг. Такъ вѣрно ты зло ему нанесъ?

Корэ. Я въ своемъ правѣ. Стада наши паслись вмѣстѣ на островѣ у самаго берега; люди Гуннара увели моихъ лучшихъ быковъ, и одинъ изъ нихъ издѣвался надо мной, называя меня рабомъ. Тогда я поднялъ руку противъ него и убилъ его.

Орн. То была законная месть.

Корэ. Но сегодня утромъ люди его въ злобѣ задумали напасть на меня. Къ счастью, я во время узналъ и ускользнулъ; но не надолго; враги мои преслѣдуютъ меня по пятамъ—и не будетъ мнѣ отъ нихъ пощады.

Сиг. Плохо вѣрится мнѣ! Въ былые дни я зналъ Гуннара не хуже самого себя и, клянусь, никогда онъ зла не дѣлалъ мирному человѣку.

Корэ. Гуннаръ непричастенъ тому дѣлу; самъ онъ на югѣ; нѣтъ,—то дѣло жены его Іордисъ...

Дагни. Іордисъ!

Орн. (*про себя*). Да, это похоже на нее!

Корэ. Я предложилъ Гуннару выкупъ за раба; онъ согласился; но затѣмъ пришла Іордисъ и обидными словами раздражала мужа и не дала намъ помириться. Потомъ Гуннаръ отправился на югъ; сегодня же...

Сиг. (*смотритъ налѣво*). Къ намъ приближаются путники. Не онъ-ли?

Корэ (*скрывается за людьми*). Самъ Гуннаръ!...

Орн. Не бойся! Мнѣ думается, я могу примирить васъ.

(**Гуннаръ,** *въ сопровожденіи* **нѣсколькихъ людей** *входитъ справа. На немъ коричневая туника, голубой плащъ и шляпа съ широкими полями; единственное оружіе его—небольшая сѣкира.*)

Гун. (*останавливается въ изумленіи и недоумѣніи при видѣ присутствующихъ*). Орнульфъ съ Фіордовъ!—Его-ль я вижу!...

Орн. Да, не ошибся ты.

Гун. (*подходя къ нему*). Такъ будь желаннымъ гостемъ на землѣ моей, если ты приходишь съ миромъ.

Орн. Если мыслишь ты, какъ я,—не будетъ ссоры между нами.

Сиг. (*выступая впередъ*). Привѣтъ мой тебѣ, Гуннаръ!

Гун. (*радостно*). Сигурдъ, мой боевой товарищъ! (*Пожимаетъ его руку.*) Ты здѣсь,—теперь увѣренъ я,—съ миромъ пришелъ сюда Орнульфъ. (*Къ Орнульфу.*) Дай мнѣ руку твою, старикъ! Не трудно угадать, что привело тебя сюда на сѣверъ: ты хочешь видѣть Іордисъ, пріемную дочь твою.

Орн. Вѣрно ты сказалъ. Да, тяжкое оскорбленіе нанесъ ты мнѣ, когда, безъ воли моей, увезъ ее изъ Исландіи.

Гун. Ты правъ; и за ошибку юноши готовъ отвѣтить зрѣлый мужъ. Давно тебя я ожидалъ, Орнульфъ; и если выкупъ можетъ успокоить тебя, мы скоро поладимъ.

Сиг. То же думаю и я. Орнульфъ будетъ сговорчивъ.

Гун. (*горячо*). Нѣтъ, нѣтъ!... И знай, Орнульфъ, когда бы ты хотѣлъ взыскать съ меня цѣну ей равную,—было-бъ мало всего, что я имѣю.

Орн. Не отступлю я отъ обычая и закона,—не сомнѣвайся въ томъ. Но теперь о другомъ. (*Указывая на Корэ.*) Знаешь-ли ты человѣка этого?

Гун. Корэ! (*Къ Орнульфу.*) Такъ ты знаешь, что мы съ нимъ въ ссорѣ?

Орн. Люди твои похитили скотъ его, а похищеніе требуетъ возмездія.

Гун. И убійство тоже; онъ убилъ одного изъ моихъ слугъ...

Корэ. Тотъ издѣвался надо мной.

Гун. Я предложилъ тебѣ условія мира.

Корэ. Но Іордисъ отвергла ихъ, и сегодня утромъ, какъ ты уѣхалъ, она напала на меня и ищетъ меня убить.

Гун. (*гнѣвно*). Правду-ль говоришь ты? Ужель она...

Корэ. Клянусь, все правда!...

Орн. Вотъ почему крестьянинъ этотъ обратился къ моей защитѣ, и я его не выдамъ.

Гун. (*послѣ минутнаго раздумья*). Ты честно поступилъ со мной, Орнульфъ, и потому я долженъ уступить желанію твоему. Слушай, Корэ: пусть зачтется тебѣ нанесенная обида за убитаго тобой слугу.

Корэ (*протягивая руку Гуннару*). Справедливо твое рѣшеніе; я доволенъ.

Сиг. (*указывая направо*). Гляди, Гуннаръ!

Гун. (*съ безпокойствомъ*). Іордисъ!

Орн. Съ вооруженными людьми!

Корэ. Она ищетъ меня!

(*Входитъ* **Іордисъ съ толпой слугъ**. *Она одѣта въ черное: на ней епанча и плащъ съ капюшономъ. Люди вооружены мечами и сѣкирами. Въ рукахъ у нея небольшое копье.*)

Іор. (*останавливаясь у входа*). Много собралось васъ здѣсь, какъ вижу я.

Дагни (*бросаясь къ ней навстрѣчу*). Привѣтъ тебѣ и миръ, Іордисъ!

Іор. (*холодно*). Благодарю. Я знала, что ты здѣсь по близости. (*Выступаетъ впередъ, недоброжелательно оглядывая всѣхъ присутствующихъ.*) Гуннаръ... и Корэ, врагъ мой... Орнульфъ и сыновья его... и... (*При видѣ Сигурда едва замѣтно вздрагиваетъ, молчитъ съ минуту, но овладѣваетъ собой и говоритъ.*) Многіе изъ васъ знакомы мнѣ... но того не знаю я, кто другъ, кто недругъ мнѣ.

Орн. Мы всѣ тебѣ друзья.

Іор. Если такъ, ты не откажешься выдать Корэ мужу моему.

Орн. Нѣтъ, выдавать его нѣтъ нужды.

Гун. Между нами теперь миръ и дружба.

Іор. (*съ сдерживаемымъ презрѣніемъ*). Дружба? Да, я знаю,—ты—осторожный человѣкъ, Гуннаръ, Корэ нашелъ могучихъ друзей и понятно—ты считаешь безопаснѣе...

Гун. Неумѣстны насмѣшки твои, Іордисъ. (*Съ достоинствомъ.*) Коре въ мирѣ съ нами.

Іор. (*сдерживаясь*). Довольно. Если ты слово далъ быть въ мирѣ съ нимъ, — то слово должно быть сдержано.

Гун. (*сильно, но безъ гнѣва*). Да, и я сдержу его.

Орн. (*обращаясь къ Іордисъ*). До твоего прихода другой договоръ почти уже былъ заключенъ между нами.

Іор. (*рѣзко*). Между тобою и Гуннаромъ?

Орн. Да, онъ касается тебя.

Іор. Въ чемъ дѣло—угадать не трудно; но вотъ тебѣ слово мое, названный отецъ: не потерплю я, чтобъ сказали о Гуннарѣ, что онъ устрашился, когда ты, вооруженный, пришелъ на островъ. Если-бъ ты мирнымъ путникомъ, одинъ, пришелъ въ нашъ домъ, легче было-бы примиреніе.

Гун. Орнульфъ и сыновья его пришли съ миромъ.

Іор. Быть можетъ, но не то скажетъ народная молва. И ты самъ, Гуннаръ, вчера не очень разсчитывалъ на миръ, когда услалъ на югъ Эгиля, сына нашего, какъ скоро слухъ прошелъ, что Орнульфъ съ дружиной стоитъ въ Фіордѣ.

Сиг. (*обращаясь къ Гуннару*). Ты услалъ сына твоего на югъ?

Іор. Да, чтобы онъ былъ въ безопасности на случай нападенія.

Орн. Ты издѣваешься напрасно, Іордисъ: Гуннаръ мудро поступилъ... Если бы ты не дала намъ помириться...

Іор. Что бы ни случилось, я скорѣй готова умереть, чѣмъ спасти жизнь позорнымъ миромъ.

Дагни. Сигурдъ согласился на выкупъ и никто его за это не осудитъ.

Іор. Сигурду лучше знать, что можетъ допустить честь его.

Сиг. Да, и никому нѣтъ нужды мнѣ о томъ напоминать.

Іор. Славные подвиги совершилъ Сигурдъ; но смѣлѣе всѣхъ былъ подвигъ Гуннара, когда онъ убилъ бѣлаго медвѣдя, сторожившаго мою спальню.

Гун. (*въ замѣшательствѣ взглядывая на Сигурда*). Довольно, не станемъ говорить о томъ!

Орн. Да, то былъ самый смѣлый подвигъ, когда-либо совершенный въ Исландіи, и потому...

Сиг. И потому Гуннаръ можетъ уступить, не опасаясь прослыть трусомъ.

Іор. Если такъ, удовлетвореніе должно быть обоюдно. Вспомни, Гуннаръ, о твоей клятвѣ!

Гун. То была клятва необдуманная; или ты хочешь меня принудить?..

Іор. Да,—если ты желаешь, чтобы я осталась съ тобой подъ однимъ кровомъ. Знай, Орнульфъ, когда ты требуешь выкупъ за похищеніе твоей пріемной дочери,—и ты долженъ дать удовлетвореніе за убійство Іокула, отца моего, и за захватъ его имущества.

Орн. Іокулъ былъ убитъ въ честномъ бою; родственники твои нанесли мнѣ большее оскорбленіе, отправивъ тебя въ Исландію, они обманомъ заставили меня усыновить тебя; я не зналъ, кто ты родомъ.

Іор. То было не оскорбленіе, а честь для тебя, когда ты усыновилъ дочь Іокула.

Орн. Одни раздоры внесла ты въ домъ мой...

Іор. Худшее грозитъ тебѣ, если...

Орн. Не для того я здѣсь, чтобъ перекидываться словами съ женщиной. Гуннаръ, вотъ послѣднее мое слово: согласенъ-ли ты дать мнѣ удовлетвореніе?

Іор. (*къ Гуннару*). Помни свою клятву!

Гун. (*къ Орнульфу*). Ты слышишь—я далъ клятву и долженъ требовать...

Орн. (*въ гнѣвѣ*). Довольно! Никогда про ме-

ня не скажутъ, что я далъ выкупъ за убійство въ честномъ бою.

Іор. (*съ силою*). Если такъ, мы бросаемъ вызовъ тебѣ и родичамъ твоимъ!..

Орн. (*съ возрастающимъ гнѣвомъ*). Кто-же имѣетъ право требовать удовлетвореніе за Іокула? Гдѣ родственники его? Нѣтъ ни одного въ живыхъ!—Гдѣ законный его отмститель?

Іор. Гуннаръ, мой мужъ!

Орн. Гуннаръ! Да, когда-бъ онъ взялъ тебя съ моего согласія, и далъ за тебя выкупъ,— тогда онъ былъ бы законнымъ отмстителемъ, но...

Дагни (*испуганно и умоляя*). Отецъ, отецъ!

Сиг. (*поспѣшно*). Остановись!

Орн. (*возвышая голосъ*). Нѣтъ, пусть всѣ слышатъ! У похищенной жены не можетъ быть законнаго мужа!

Гун. (*запальчиво*). Орнульфъ!

Іор. (*въ припадкѣ безумнаго гнѣва*). Безчестіе и позоръ!.. (*Дрожащимъ голосомъ.*) Ты... ты раскаешься въ этихъ словахъ!

Орн. (*продолжая*). Похищенная жена, по закону—не болѣе какъ наложница! Если ты хочешь возстановить поруганную честь твою, ты должна...

Іор. (*сдерживаясь*). Нѣтъ, Орнульфъ, мнѣ лучше знать, какъ поступить. Если я не болѣе какъ наложница Гуннара,— онъ новымъ подвигомъ долженъ возвратить мнѣ честь,—и подвигомъ такимъ, чтобъ его слава искупила позоръ мой! Но отнынѣ, Орнульфъ,— берегись! Дороги наши разошлись. Я буду врагомъ тебѣ и дому твоему; не будетъ безопасности, ни тебѣ, ни... (*Гнѣвно взглядывая на Корэ*) Корэ! Орнульфъ заступился за тебя, и между нами миръ, но мой совѣтъ тебѣ,—не возвращаться пока въ домъ твой; есть кому отмстить за убитаго тобою... Ты предупрежденъ и знаешь, что грозитъ тебѣ.— Пойдемъ, Гуннаръ, пора намъ готовиться къ бою. Смѣлый подвигъ совершилъ ты въ Исландіи, но великія дѣла ты долженъ совершить здѣсь, чтобъ искупился позоръ твоей... наложницы.

Гун. Сдержи себя, Іордисъ; не пристало тебѣ говорить такъ.

Дагни (*умоляющимъ тономъ*). Остановись, сестра; я съумѣю смягчить гнѣвъ отца.

Іор. (*не слушая ее*). Домой, домой! Нѣтъ, мнѣ никто еще не предрекалъ, что суждено мнѣ прожить свой вѣкъ презрѣнною любовницей. Но если я должна снести хоть одинъ день такой постыдной жизни—пусть-же совершитъ мой мужъ такое дѣло, которое поставитъ его выше всѣхъ мужей. (*Уходитъ направо.*)

Гун. (*тихо*). Сигурдъ, обѣщай, что переговоришь со мной, прежде чѣмъ оставишь страну нашу. (*Уходитъ съ своими людьми направо. Буря тѣмъ временемъ прекратилась; показывается красный дискъ полуденнаго солнца, низко, на краю моря.*)

Орн. (*угрожающимъ тономъ*). Дорого поплатишься ты за слова твои!

Дагни. Отецъ, отецъ! Ты вѣдь не сдѣлаешь ей зла!

Орн. Оставь меня! Теперь, Сигурдъ—теперь никакой выкупъ не можетъ примирить насъ съ Гуннаромъ.

Сиг. Что думаешь ты предпринять?

Орн. Не знаю; но далеко разнесется вѣсть о томъ, какъ Орнульфъ пришелъ въ домъ Гуннара.

Сиг. (*съ спокойной рѣшимостью*). Быть можетъ; но знай, Орнульфъ, пока я живъ, никогда не поднимешь ты руки противъ него.

Орн. Что говоришь ты?! А если я такъ хочу?

Сиг. Не будетъ этого, какъ бы ни была сильна воля твоя.

Орн. (*гнѣвно*). Хорошо; иди, пристань къ врагамъ моимъ; я съумѣю справиться со всѣми!

Сиг. Выслушай меня, Орнульфъ: никогда не настанетъ тотъ день, когда врагами мы встрѣтимся съ тобой. Между нами честный миръ. Дагни мнѣ дороже оружія и золота, и никогда я не забуду, что ты къ ней всѣхъ ближе.

Орн. Въ словахъ этихъ я узнаю тебя, мой храбрый Сигурдъ.

Сиг. Но Гуннаръ — мой боевой товарищъ; другъ другу поклялись мы въ вѣрности и дружбѣ. Въ бою и въ мирѣ вмѣстѣ пытали мы съ нимъ счастья, и изъ людей онъ мнѣ дороже всѣхъ. Онъ храбръ, но любитъ въ мирѣ жить, а я—всѣ это знаютъ, я не боюсь войны. И между тѣмъ, я здѣсь стою передъ тобой, Орнульфъ, и умоляю,—сохрани миръ съ Гуннаромъ. Исполни мое желаніе!

Орн Я не могу; посмѣшищемъ сталъ-бы я для всѣхъ добрыхъ воиновъ, если-бъ съ пустыми руками возвратился въ Исландію.

Сиг. Съ пустыми руками не возвратишься ты. Здѣсь въ заливѣ — мои два корабля; они нагружены богатствами, добычей, захваченной въ походахъ. Немало у меня драгоцѣнныхъ даровъ отъ иноземныхъ королей, оружія и всякаго добра. Бери одинъ изъ кораблей, который хочешь; со всѣмъ, что есть на немъ,—пусть это будетъ выкупъ за Іордисъ, — только отпусти Гуннара съ миромъ.

Орн. Доблестный Сигурдъ, ты хочешь сдѣлать это для Гуннара?

Сиг. Для вѣрнаго друга всѣмъ можно пожертвовать.

Орн. Отдать половину всего имущества!!..

Сиг. (*убѣдительно*). Бери все, возьми оба корабля,—все возьми, что я имѣю, и дозволь мнѣ возвратиться въ Исландію бѣднѣйшимъ изъ воиновъ. Что отдано, то можно вновь пріобрѣсти; но если ты пойдешь съ оружіемъ противъ Гуннара, не будетъ болѣе радости для меня.

Орн. (*раздумчиво*). Два добрыхъ корабля!..

оружіе... и драгоцѣнности... Чѣмъ болѣе добра у человѣка, тѣмъ лучше!.. Но... (*Запальчиво.*) Нѣтъ, нѣтъ! Іордисъ угрожала мнѣ; я не согласенъ! Безчестно было-бы мнѣ брать твое имущество!..

Сиг. Но прежде выслушай...

Корэ (*подходя*). Сигурдъ даетъ тебѣ совѣтъ изъ дружбы, но если ты хочешь своего добиться, я лучшій дамъ тебѣ совѣтъ. Не помышляй о выкупѣ, пока за Іордисъ будетъ послѣднее слово; но ты можешь отмстить, если послушаешь меня.

Орн. Отмстить? Что-жь ты совѣтуешь?

Сиг. Недоброе, я знаю.

Дагни (*къ Орнульфу*). О, не внимай ему!

Корэ. Іордисъ грозитъ мнѣ; хитростью будетъ она домогаться моей жизни; но если ты обѣщаешь защитить меня, сегодня-же въ ночь сожгу я домъ Гуннара. Согласенъ ты?

Орн. (*спокойно*). Знаешь-ли ты, Корэ, на что я болѣе согласенъ? (*Громовымъ голосомъ.*) Отсѣчь носъ твой и уши, презрѣнный рабъ! Мало-же ты знаешь стараго Орнульфа, если въ немъ думаешь найти помощника въ такомъ позорномъ дѣлѣ!

Корэ (*отступая назадъ*). Если не нападешь ты на Гуннара, онъ, безъ сомнѣнія, нападетъ на тебя.

Орн. Есть у меня оружіе и сила, чтобы отразить нападеніе.

Сиг. (*къ Корэ*). А теперь—прочь отсюда! Съ тобой водиться—позоръ для честныхъ людей!

Корэ (*уходя*). Хорошо, я иду.—Видно, самому придется защищать себя. Но одно скажу: не раскаяться бы вамъ, если вы такъ необдуманны. Я знаю Іордисъ, и знаю, чѣмъ взять ее! (*Уходитъ къ берегу.*)

Дагни. Онъ замышляетъ месть. Сигурдъ, нужно предупредить его.

Орн. (*съ раздраженіемъ*). Нѣтъ, оставь, она не заслуживаетъ лучшаго.

Дагни. Отецъ, что говоришь ты! Вспомни,— она пріемная дочь твоя.

Орн. Въ роковой часъ принялъ я ее въ домъ свой! Сбываются слова Іокула.

Сиг. Слова Іокула?

Орн. Да, отца ея. Когда я смертельно его ранилъ, онъ упалъ на землю, устремилъ взоръ свой на меня и сказалъ:

«Родъ Іокула убійцѣ его
Много бѣдъ впереди приготовитъ!
Того, кто возьметъ себѣ кладъ старика,
Борьба и раздоръ ожидаютъ.

Сказавъ это, онъ смолкъ, потомъ захохоталъ, и вскорѣ умеръ.

Сиг. Зачѣмъ вспоминаешь ты эти слова?

Орн. Кто знаетъ? Преданіе говоритъ, что Іокулъ однажды волчьимъ сердцемъ накормилъ дѣтей своихъ, чтобъ сдѣлать ихъ свирѣпыми; и Іордисъ, навѣрно, получила свою долю... (*Смотритъ направо.*) Гуннаръ! — Или суждено намъ опять встрѣтиться съ тобой!

Гун. (*входя*). Орнульфъ, что бы ни подумалъ ты обо мнѣ, я не могу съ тобой разстаться врагомъ.

Орн. Что-жь ты хочешь?

Гун. Протянуть тебѣ дружески руку, прежде чѣмъ ты удалишься. Выслушайте меня: приходите ко мнѣ всѣ и будьте гостями въ домѣ моемъ. О ссорѣ нашей не будетъ рѣчи ни сегодня, ни завтра.

Сиг. Но Іордисъ?...

Гун. Она подчиняется волѣ моей; по дорогѣ домой она одумалась и теперь вмѣстѣ со мной надѣется, что всѣ мы примиримся, если вы согласитесь быть гостями нашими.

Дагни. Да, да; пусть будетъ такъ.

Сиг. (*съ сомнѣніемъ*). Но я не знаю...

Дагни. Гуннаръ—твой товарищъ, не можетъ быть, чтобъ ты отказался.

Гун. (*обращаясь къ Сигурду*). Ты былъ мнѣ другомъ, куда-бъ мы ни ходили съ тобою вмѣстѣ; ужель теперь противъ меня ты будешь?

Дагни. Покинуть этотъ островъ, оставить Іордисъ съ ненавистью въ сердцѣ,—нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

Гун. Я сдѣлалъ Орнульфу великое зло; пока не загладится оно, не буду я въ мирѣ съ самимъ собою.

Сиг. (*горячо*). Все, кромѣ этого, готовъ я сдѣлать для тебя, Гуннаръ,—но здѣсь я не останусь! (*Сдерживается.*) Я на службѣ короля Этельстана и до весны долженъ возвратиться къ нему въ Англію.

Дагни. Время еще не ушло.

Гун. Не знаетъ человѣкъ, какая его ожидаетъ судьба; быть можетъ, мы встрѣтились съ тобой въ послѣдній разъ, Сигурдъ, и ты раскаешься, что не остался мнѣ другомъ до конца.

Дагни. Долго ты не увидишь радости на лицѣ моемъ, если уѣдешь сегодня.

Сиг. (*рѣшительно*). Хорошо, я согласенъ! Пусть будетъ по желанію вашему, хотя... Но довольно; вотъ рука моя; я буду на пиру у тебя и у Іордисъ.

Гун. (*пожимая ему руку*). Благодарю тебя, Сигурдъ, никогда не сомнѣвался я въ тебѣ. А ты, Орнульфъ, согласенъ также?

Орн. (*не умиротворенный*). Подумаю... Жестоко оскорбила меня Іордисъ. Сегодня я не дамъ отвѣта.

Гун. Хорошо, старый воинъ! Сигурдъ и Дагни съумѣютъ смягчить тебя. Теперь я долженъ позаботиться о пирѣ! Миръ вамъ, и будьте почетными гостями въ моемъ домѣ! (*Выходитъ направо.*)

Сиг. (*про себя*). Іордисъ одумалась, говоритъ онъ. Мало знаетъ онъ ее; мнѣ думается,

она скорѣе замышляетъ... (*Прерываетъ рѣчь и обращается къ своимъ людямъ.*) Слѣдуйте за мной на корабли; я выберу дары для Гуннара и его домочадцевъ.

Дагни. Мы одаримъ ихъ лучшимъ изъ того, что имѣемъ. А тебя, осецъ, я не оставлю въ покоѣ, пока ты не смягчишься. (*Уходитъ съ Сигурдомъ и его воинами, направляясь къ кораблямъ.*)

Орн. Мнѣ—смягчиться? Да, если-бъ не было женщинъ въ домѣ Гуннара!.. О, если-бъ знать, какъ подойти къ ней! Торольфъ,—ты здѣсь?

Тор. (*быстро вошелъ*). Какъ видишь. Правда-ли, что ты встрѣтился съ Гуннаромъ?

Орн. Да.

Тор. И что ты съ нимъ во враждѣ?

Орн. Гм... да, по крайней мѣрѣ—съ Іордисъ..

Тор. Такъ будь покоенъ; вскорѣ ты будешь отмщенъ!

Орн. Отмщенъ? Кто отмститъ за меня?

Тор. Слушай. Въ то время, какъ я стоялъ на кораблѣ, пробѣжалъ мимо незнакомый человѣкъ съ палкою въ рукѣ и закричалъ мнѣ: «Если ты изъ дружины Орнульфа, передай ему привѣтъ Корэ и скажи, что я отмщу за обоихъ насъ». Затѣмъ онъ вскочилъ въ лодку и отплылъ со словами: «Двадцать изгнанниковъ пристали къ берегу фіорда; съ ними направлюсь я на югъ и еще до вечера Іордисъ будетъ бездѣтна».

Орн. Онъ сказалъ это! Понимаю: Гуннаръ отослалъ на югъ своего сына; Корэ во враждѣ съ нимъ...

Тор. И теперь онъ ушелъ на югъ, чтобы убить мальчика!

Орн. (*съ внезапной рѣшимостью*). Вставайте всѣ! Мы вырвемъ у него добычу!..

Тор. Что сдѣлаешь ты?

Орн. Не спрашивай меня; отмщу я, а не Корэ!

Тор. Я за тобой!

Орн. Нѣтъ, ступай съ Сигурдомъ и съ сестрой въ домъ Гуннара.

Тор. Съ Сигурдомъ? Развѣ онъ на островѣ?

Орн. (*показывая въ сторону моря*). Отсюда можешь ты видѣть корабли его; мы съ нимъ въ мирѣ,—ступай съ нимъ.

Тор. Къ твоимъ врагамъ?

Орн. Ступай къ нему на пиръ. Теперь узнаетъ Іордисъ стараго Орнульфа! Но помни, Торольфъ,—ты никому не долженъ говорить о томъ, что я намѣренъ сдѣлать; слышишь? никому!

Тор. Я обѣщаю.

Орн. (*беретъ его за руку и смотритъ на него съ любовью*). Прощай же, дорогой мой мальчикъ; будь со всѣми вѣжливъ на пиру, чтобъ я тобою могъ гордиться. Берегись пустой болтовни; но пусть будетъ все, что скажешь ты, мѣтко, какъ ударъ меча. Будь привѣтливъ къ тѣмъ, что встрѣтятъ тебя съ дружбой; но если кто посмѣется надъ тобой, обиды не прощай! Пей не болѣе того, что можешь выпить, но не отказывайся отъ кубка, когда тебѣ предложатъ въ мѣру, — чтобъ малодушнымъ не назвали тебя.

Тор. Будь покоенъ.

Орн. Такъ ступай на пиръ къ Гуннару. И я приду, но такъ, какъ они не ожидаютъ. (*Весело, обращаясь къ остальнымъ.*) Пойдемте, волчата мои. Точите зубы ваши; теперь отвѣдаете вы крови. (*Уходитъ со старшими сыновьями направо. Сигурдъ и Дагни возвращаются съ кораблей, богато одѣтые для пира. За ними слѣдуютъ двое людей; они несутъ ящикъ, ставятъ его и уходятъ.*)

Тор. (*слѣдя взглядомъ за отцомъ*). Всѣ идутъ на бой, а я долженъ остаться; да тяжело быть младшимъ въ домѣ.—Дагни! Привѣтъ тебѣ, сестра моя!

Дагни. Торольфъ! Небесныя силы! Какъ ты выросъ!

Тор. Пять лѣтъ уже прошло...

Дагни. Да, правда!

Сиг. (*протягивая ему руку*). Доблестнаго воина въ тебѣ найдетъ Орнульфъ, если не ошибаюсь я.

Тор. Если-бъ онъ только захотѣлъ испытать мои силы!

Дагни (*улыбаясь*). Онъ щадитъ тебя болѣе, чѣмъ по сердцу тебѣ? Вѣдь ты былъ ему всегда дороже всѣхъ.

Сиг. Куда же удалился онъ?

Тор. На корабли; онъ вскорѣ возвратится.

Сиг. Я жду своихъ людей; они готовятъ корабли и сносятъ на берегъ товары.

Тор. Такъ я помогу имъ. (*Уходитъ къ берегу.*)

Сиг. (*послѣ минутнаго раздумья*). Дагни, жена моя, мы одни, и я хочу тебѣ повѣрить то, чего нельзя долѣе скрывать.

Дагни (*удивленная*). Что хочешь ты сказать?

Сиг. Намъ можетъ угрожать опасность у Гуннара.

Дагни Опасность? Или ты думаешь,—Гуннаръ?..

Сиг. Нѣтъ, Гуннаръ — мужъ доблестный и честный, но лучше было-бъ покинуть островъ, не перешагнувъ порога его дома.

Дагни. Мнѣ страшно, Сигурдъ! Что случилось?

Сиг. Сначала отвѣчай мнѣ: гдѣ золотой обручъ, что я далъ тебѣ?

Дагни (*показывая его*). Здѣсь, на рукѣ моей; ты мнѣ сказалъ носить его.

Сиг. Брось его на дно морское такъ глубоко, чтобы ничей взоръ не могъ его увидѣть; онъ можетъ быть гибелью для многихъ!

Дагни. Обручъ!?

Сиг. (*вполголоса*). Помнишь-ли тотъ вечеръ,

когда мы похитили дочерей отца твоего,—помнишь?

Дагни. Помню-ли!

Сиг. Объ этомъ я поведу рѣчь.

Дагни *(встревоженная).* Что же? Говори!

Сиг. Ты помнишь, въ тотъ вечеръ былъ большой пиръ; ты рано удалилась, но Іордисъ осталась съ нами за столомъ. Кубокъ быстро переходилъ отъ одного къ другому и немало произнесено было клятвъ. Я поклялся, что увезу съ собой прекрасную дѣвушку изъ Исландіи. Гуннаръ далъ такую же клятву и кубокъ передалъ Іордисъ. Она взяла его и, вставши, поклялась, что лишь тотъ будетъ ея мужемъ, кто убьетъ бѣлаго медвѣдя у ея опочивальни и унесетъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Дагни. Да, да; я знаю.

Сиг. Всѣ рѣшили, что это невозможно,—медвѣдь былъ необыкновенно лютъ; никто, кромѣ Іордисъ, не подходилъ къ нему, онъ былъ силенъ, какъ вмѣстѣ двадцать человѣкъ.

Даг. Но Гуннаръ убилъ его и подвигъ тотъ прославилъ его во всѣхъ странахъ.

Сиг. *(вполголоса).* Онъ прославился, но... подвигъ совершенъ былъ м н о ю!.

Дагни *(вскрикивая).* Тобой!

Сиг. Когда разошлись всѣ гости, Гуннаръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Іордисъ дороже мнѣ всѣхъ женщинъ въ мірѣ, безъ нея не могу я жить».—Я отвѣтилъ: «Такъ ступай къ ея спальнѣ; ты слышалъ ея клятву». Но онъ сказалъ: «Жизнь дорога тому, кто любитъ; сомнителенъ исходъ борьбы моей съ медвѣдемъ, а съ жизнью мнѣ разстаться тяжело,—вѣдь тогда разстался бы я съ Іордисъ»... Долго мы съ нимъ говорили; затѣмъ Гуннаръ снарядилъ свой корабль, а я, съ мечемъ, одѣтый въ броню Гуннара, пошелъ къ опочивальнѣ.

Дагни *(съ гордостью и радостно).* И ты,—ты убилъ медвѣдя!

Сиг. Я убилъ его. Ночь была черна, какъ крыло ворона; Іордисъ думала, что подлѣ нея сидитъ Гуннаръ,—она разгорячилась отъ меднаго напитка и, снявъ обручъ съ руки своей, она его дала мнѣ, — обручъ этотъ теперь ты носишь.

Дагни *(запинаясь).* И ты... провелъ всю ночь у Іордисъ?..

Сиг. Мечъ мой лежалъ между нами. *(После короткаго молчанія.)* Не разсвѣло еще, когда унесъ я Іордисъ на корабль Гуннара; она не догадалась о нашей хитрости, и онъ увезъ ее съ собою. Тогда пошелъ я въ твою комнату и нашелъ тебя среди женщинъ твоихъ; что было далѣе,—ты знаешь: я отплылъ изъ Исландіи съ прекрасной дѣвушкой, какъ поклялся, и съ того дня была мнѣ ты вѣрной подругой.

Дагни *(тронутая).* Мой доблестный Сигурдъ. И ты совершилъ тотъ подвигъ!—О, я должна была объ этомъ догадаться; кто другой отважился бы такое дѣло совершить! И ты избрать бы могъ гордую и неприступную Іордисъ, и все-таки избралъ меня! Съ этихъ поръ ты сталъ бы мнѣ во сто кратъ дороже, если-бъ ужь не былъ дороже всего въ мірѣ.

Сиг. Дагни, дорогая моя, теперь ты знаешь все,—что знать должна. Мнѣ нужно было предупредить тебя: обручъ этотъ—Іордисъ никогда не должна видѣть его! Если-бъ ты согласилась исполнить мою волю, то бросила-бъ его далеко на дно морское.

Дагни. Нѣтъ, Сигурдъ, онъ слишкомъ дорогъ мнѣ; не твой-ли это даръ? Но будь покоенъ, я скрою его отъ человѣческаго взора и никогда не обмолвлюсь о томъ, что ты сказалъ мнѣ. *(Горольфъ возвращается съ людьми Сигурда.)*

Тор. Все готово; пора идти на пиръ.

Дагни. Пойдемъ же, Сигурдъ,—благородный, доблестный мой воинъ!

Сиг. Молчи, Дагни, будь осторожна! Отъ тебя теперь зависитъ,—миромъ или кровопролитіемъ кончится пиръ. *(Весело, обращаясь къ остальнымъ.)* Идемъ на пиръ къ Гуннару! *(Уходитъ съ Дагни направо; остальные слѣдуютъ за ними.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Палата въ домѣ Гуннара. Въ глубинѣ сцены—главная входная дверь; по сторонамъ—другія двери. Направо, на возвышеніи,—почетное мѣсто; напротивъ, справа, такое же, нѣсколько ниже. Посреди зала—пылающій очагъ.— Въ глубинѣ, по обѣимъ сторонамъ сцены, скамьи для женщинъ. Между 2-мя почетными мѣстами, параллельно стѣнѣ, стоитъ длинный столъ со скамьями вокругъ него. На дворѣ темно; огонь очага освѣщаетъ комнату. Іордисъ и Дагни входятъ справа.

Дагни. Нѣтъ, Іордисъ, я тебя не понимаю. Ты показала мнѣ весь домъ; не знаю, чего не достаетъ тебѣ,—все у тебя—богато и красиво; почему же недовольна ты судьбой своей?

Іор. Запри орла въ клѣтку, онъ будетъ кусать рѣшетку, хотя бы и золотую

Дагни. Въ одномъ, по крайней мѣрѣ, ты меня богаче: у тебя есть сынъ—Эгиль.

Іор. Лучше не имѣть сына, рожденнаго въ позорѣ.

Дагни. Въ позорѣ?

Іор. Иль ты забыла слова отца твоего? Эгиль—сынъ наложницы. То были слова его.

Дагни. Слова, сказанныя въ гнѣвѣ,—зачѣмъ внимать имъ?

Іор. Нѣтъ, нѣтъ, Орнульфъ правъ. Эгиль слабъ тѣломъ; не таковы свободно рожденныя дѣти.

Дагни. Іордисъ, какъ можешь ты?...

Іор. (*не слушая ее*). Такъ всасывается въ кровь позоръ,—какъ ядъ змѣинаго жала. Иначе созданы свободные сыны великихъ воиновъ. Одна королева, говорятъ, взявъ своего сына, пришила крѣпко къ его тѣлу нагрудникъ, и мальчикъ ни разу не вздрогнулъ. (*Съ жестокимъ взглядомъ.*) Дагни, я испытаю это съ Эгилемъ!

Дагни (*въ ужасѣ*). Іордисъ, Іордисъ!

Іор. (*со смѣхомъ*). Ха-ха-ха! Ужели ты думаешь—я не шучу? (*Измѣняя тонъ.*) Но повѣришь ты мнѣ, или нѣтъ,—бываютъ дни,—когда такія дѣла меня точно манятъ къ себѣ; вѣрно это въ крови у меня,—вѣдь, говорятъ, я изъ племени Іотуновъ...*) Пойди, присядь здѣсь, Дагни. Въ далекихъ странахъ побывала ты въ эти пять долгихъ лѣтъ; скажи мнѣ—часто была ты гостьей въ палатахъ королей?

Дагни. Много разъ, и болѣе всего—у Этельстана, короля Англіи.

Іор. И вездѣ ты была почетной гостьей и занимала первое мѣсто за столомъ?

Дагни. Конечно, такъ. Какъ жена Сигурда..

Іор. Да, да... велика слава Сигурда... но Гуннаръ превзошелъ его.

Дагни. Гуннаръ?

Іор. Гуннаръ совершилъ одинъ великій подвигъ, котораго свершить не могъ Сигурдъ... Но оставимъ это!—Скажи мнѣ,—когда ты странствовала съ Сигурдомъ и слышала звонъ мечей во время боя и когда кровь потоками лилась,—не чувствовала-ли ты неодолимаго желанія броситься въ бой? Не надѣвала-ли броню, не брала-ли оружіе въ руки?

Дагни. Никогда! Какъ можешь ты такъ думать? Я — женщина!

Іор. Женщина, да, женщина!.. Кто знаетъ, на что способна женщина! — Но одно ты, вѣрно, скажешь мнѣ, Дагни... ты это, безъ сомнѣнія, знаешь: когда мужчина прижимаетъ къ своей груди женщину, которую любитъ—правда-ли, что кровь въ ней загорается, и сердце бьется,—и замираетъ она, дрожа отъ счастья?

Дагни (*краснѣя*). Іордисъ, какъ можешь ты?..

Іор. Скажи, скажи...

Дагни. Безъ сомнѣнія,—сама ты испытала...

Іор. Да, однажды, всего однажды. То было въ ночь, когда Гуннаръ вступилъ въ мою опочивальню; онъ схватилъ меня и унесъ въ своихъ объятіяхъ, и тогда, тогда!..

Дагни (*вскрикиваетъ*). Какъ!—Сигурдъ!..

Іор. Сигурдъ? Я назвала Гуннара,—въ ту ночь, какъ онъ увлекъ меня...

Дагни (*опомнившись*). Да, да, я помню... знаю...

Іор. И то было лишь однажды; никогда болѣе! И я была такъ очарована; какъ могъ Гуннаръ такъ обнять женщину... (*Останавливается и взглядываетъ на Дагни.*) Что съ тобой? Ты блѣднѣешь и краснѣешь!

Дагни. Нѣтъ, нѣтъ—ничего!

Іор. (*не обращая на нее вниманія*). Мнѣ должна бы выпасть на долю веселая жизнь викинга; было-бъ лучше для меня и, быть можетъ,—для насъ всѣхъ. То жизнь,—полная, счастливая!.. Не странно-ли тебѣ, Дагни, видѣть меня живущей здѣсь? Не страшно-ли тебѣ одной со мною здѣсь и въ этомъ мракѣ? Не кажется-ль тебѣ, что я умерла, и что-то призракъ мой стоитъ передъ тобою?

Дагни (*сильно потрясенная*). Пойдемъ... туда... гдѣ всѣ...

Іор. (*схватывая ее за руку*). Нѣтъ, останься! Не странно-ль тебѣ, Дагни, что женщина можетъ жить еще послѣ пяти такихъ ночей?

Дагни. Пяти ночей?

Іор. Здѣсь, на сѣверѣ, каждая зима подобна длинной, темной ночи. (*Быстро, съ измѣнившимся выраженіемъ.*) Все же хороша эта страна! Ты увидишь здѣсь много такого, чего не видала и въ палатахъ короля Англіи. Мы будемъ вмѣстѣ, какъ сестры, пока ты здѣсь со мною; мы къ морю спустимся во время бури; и волны станутъ на берегъ бросаться, точно дикіе бѣлогривые кони; ты увидишь, какъ вдали, въ открытомъ морѣ, киты,—какъ рыцари въ блестящихъ броняхъ, сражаются между собой! — О, какое было-бъ счастье быть волшебницей, и на хребтѣ кита нестись,—нестись быстрѣе корабля,—и бурю вызывать, и пѣснями волшебными въ пучину заманивать людей!

Дагни. О, Іордисъ, какъ можешь ты такъ говорить!

Іор. Умѣешь-ли ты пѣть волшебныя пѣсни, Дагни?

Дагни (*съ ужасомъ*). Я!

Іор. Я такъ думала; чѣмъ-же ты Сигурда заманила?

Дагни. Постыдныя рѣчи говоришь ты, Іордисъ; пусти меня!

Іор. (*удерживая ее*). Вѣдь я шучу. Нѣтъ, слушай до конца!—Подумай, Дагни, какъ хо-

*) Великаны или титаны скандинавской миѳологіи.

рошо сидѣть здѣсь у окна, когда смеркается, и слушать какъ несутся мертвецы въ Валгаллу;—ихъ путь лежитъ вѣдь мимо насъ, на сѣверъ. То воины храбрые, что пали въ битвѣ, и жены сильныя; онѣ не влачили безцвѣтно жизнь свою, какъ ты, да я; въ бурную ночь онѣ несутся на черныхъ коняхъ, со звономъ и свистомъ!.. (*Обнимаетъ Дагни, дико прижимая ее къ себѣ.*) О, Дагни! — Совершить послѣдній путь свой на такомъ конѣ,—подумай, какое счастье!..

Дагни (*порываясь вырваться отъ нея*). Іордисъ, Іордисъ! Пусти меня! Я не хочу слушать рѣчей твоихъ!

Іор. (*со смѣхомъ*). Слаба ты сердцемъ и пуглива!

(**Гуннаръ** *входитъ изъ глубины сцены съ* **Сигурдомъ** *и* **Торольфомъ**.)

Гун. Поистинѣ сегодня счастливый день. Въ тебѣ, Сигурдъ, нашелъ я снова брата и друга, какъ въ былое время; сынъ Орнульфа подъ моимъ кровомъ, и старикъ самъ скоро послѣдуетъ за нимъ; не такъ-ли?

Тор. Онъ обѣщалъ.

Гун. Лишь одного недостаетъ мнѣ — Эгиля моего.

Тор. Какъ дорогъ тебѣ сынъ твой! Ты такъ часто говоришь о немъ.

Гун. Да, я люблю его; онъ у меня одинъ и обѣщаетъ вырости добрымъ и красивымъ.

Іор. Но воиномъ онъ не будетъ.

Гун. Не говори такъ, Іордисъ.

Сиг. Дивлюсь я, что ты рѣшился отослать его!..

Гун. Напрасно я это сдѣлалъ! (*Вполголоса.*) Но ты знаешь, Сигурдъ, кто слишкомъ любитъ, тотъ не всегда способенъ твердымъ быть. (*Вслухъ.*) У меня было мало людей въ домѣ, а ничья жизнь не была въ безопасности, когда пронеслась вѣсть, что Орнульфъ къ берегу присталлъ съ своимъ кораблемъ.

Іор. Я знаю, что должно прежде всего охранять...

Тор. Что-же именно?

Іор. Честь свою и доброе имя.

Гун. Іордисъ!

Сиг. Никто не скажетъ, что Гуннаръ запятналъ этимъ честь свою.

Гун. (*строго къ Іордисъ*). Не вызвать тебѣ раздора между мною и домомъ Орнульфа.

Іор. (*улыбаясь*). Скажи мнѣ, Сигурдъ, можетъ-ли корабль твой плыть при всякомъ вѣтрѣ?

Сиг. Да, если искусно направлять его.

Іор. Хорошо! И я искусно направлю корабль свой и приведу его куда хочу. (*Удаляется въ глубину сцены.*)

Дагни (*съ безпокойствомъ, вполголоса*). Сигурдъ, удалимся отсюда скорѣе,—въ эту же ночь...

Сиг. Теперь ужъ слишкомъ поздно, не ты-ль сама желала...

Дагни. Тогда Іордисъ была мнѣ дорога; теперь-же!.. Какія рѣчи отъ нея я слышала!.. Я содрогаюсь при одномъ воспоминаніи.

(*Входятъ* **люди Сигурда съ другими гостями, мужчинами и женщинами, слугами и прислужницами**).

Гун. (*послѣ короткой паузы, во время которой всѣ обмѣниваются привѣтствіями*). Теперь сядемъ за столъ. Мой главный гость, Орнульфъ съ фіордовъ, прибудетъ позднѣе. Такъ обѣщалъ Торольфъ.

Іор. (*къ прислугѣ*). Относите кругомъ медовые напитки и пиво, чтобы весельемъ наполнились сердца и развязались языки.

(*Гуннаръ ведетъ Сигурда къ почетному мѣсту направо. Дагни садится направо отъ Сигурда, Іордисъ напротивъ него, съ другой стороны того-же стола. Торольфа сажаютъ за другой столъ, противъ Гуннара, занимающаго главное, почетное мѣсто. Остальные садятся далѣе, въ глубинѣ сцены.*)

Іор. (*послѣ короткой паузы, во время которой всѣ пьютъ за здоровье другъ друга и мирно разговариваютъ*). Не часто бываетъ чтобъ за однимъ столомъ собралось столько храбрыхъ воиновъ; кстати было бы сегодня вспомнить обычай древній: пусть каждый назоветъ свой главный подвигъ, чтобы всѣ могли судить, кто доблестнѣе всѣхъ.

Гун. Худой то обычай за трапезой; онъ нерѣдко возбуждаетъ распри.

Іор. Не думала я, что Гуннаръ трусливъ.

Сиг. Никто и не подумаетъ этого; не скоро дошли-бъ мы до конца, если-бъ каждый сталъ разсказывать подвиги свои. Гуннаръ пусть лучше намъ разскажетъ, какъ онъ ходилъ въ Біармію; немалый подвигъ проникнуть такъ далеко на сѣверъ, и мы бы рады были его послушать.

Іор. Поѣздка въ Біармію — дѣло торговое, недостойное вниманія храбрыхъ воиновъ. Нѣтъ, ты начни, Сигурдъ, или я подумаю, что непріятно тебѣ слышать хвалу моему мужу! — Говори-же; какое изъ своихъ дѣлъ считаешь ты славнѣйшимъ?

Сиг. Что-жь, когда меня ты принуждаешь, пусть будетъ по твоему!—Однажды я присталлъ къ Оркнейскимъ островамъ; на насъ напали враги; тогда мы съ кораблей сошли, и я сразился одинъ противъ восьми.

Іор. Достойный подвигъ; но ты въ полномъ былъ вооруженіи?

Сиг. Да,— при мнѣ были сѣкира, копье и мечъ.

Іор. Все-же, то былъ смѣлый бой. За тобой очередь, мужъ мой. Теперь ты долженъ разсказать славнѣйшій изъ своихъ подвиговъ.

Гун. (*неохотно*). Я убилъ двухъ морскихъ разбойниковъ, захватившихъ купеческій корабль; затѣмъ, я отпустилъ плѣнныхъ купцовъ домой, возвративъ имъ корабль, безъ выкупа. Король Англіи похвалилъ меня; онъ сказалъ,

что я поступилъ, какъ честный человѣкъ, благодарилъ меня и наградилъ дарами.

Іор. Поистинѣ, Гуннаръ, ты могъ бы похвалиться еще большимъ дѣломъ.

Гун. (*горячо*). Ни чѣмъ другимъ не стану я хвалиться! Отплывъ въ послѣдній разъ отъ береговъ Исландіи, я жилъ мирно и занимался торговлей. Теперь довольно о томъ!

Іор. Когда ты хочешь умолчать о твоей славѣ, о ней разскажетъ твоя жена.

Гун. Молчи, Іордисъ,—я тебѣ повелѣваю!

Іор. Сигурдъ сразился съ восьмью врагами, въ полномъ вооруженіи; Гуннаръ же темной ночью пошелъ къ моей бесѣдкѣ и убилъ медвѣдя, сильнаго, какъ двадцать человѣкъ,—и съ небольшимъ мечемъ въ рукѣ.

Гун. (*въ сильномъ волненіи*). Жена, — ни слова болѣе!

Дагни (*тихо*). Сигурдъ,—уже-ль потерпишь ты?..

Сиг. (*тихо*). Молчи!

Іор. (*обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ*). И теперь, доблестные воины, скажите, кто отважнѣе—Сигурдъ или Гуннаръ?

Гун. Молчите!

Іор. (*громко*). Говорите; я вправѣ требовать сужденія вашего.

Старикъ (*изъ числа гостей*). Если молвить правду—подвигъ Гуннара славнѣе всѣхъ свершенныхъ людьми; Гуннаръ — славнѣйшій изъ воиновъ, и Сигурдъ—второй послѣ него.

Гун. (*взглянувъ черезъ столъ*). О, Сигурдъ, Сигурдъ, если-бы ты зналъ!..

Дагни (*тихо*). Это слишкомъ...— даже для друга!

Сиг. Молчи, жена! (*Громко обращаясь къ остальнымъ.*) Да, Гуннаръ—славнѣйшій изъ всѣхъ; такимъ считалъ бы я его до конца дней моихъ,— если-бъ даже никогда не совершилъ онъ подвига того; подвигъ тотъ цѣню я менѣе другихъ.

Іор. То зависть говоритъ въ тебѣ, Сигурдъ.

Сиг. (*улыбаясь*). Какъ ошибаешься ты, Іордисъ! (*Добродушно обращаясь къ Гуннару, пьетъ за его здоровье.*) Привѣтъ тебѣ, благородный Гуннаръ! Дружба наша будетъ неизмѣнна, кто-бъ ни пытался разорвать ее.

Іор. Никто, сколько я знаю, не помышляетъ о томъ.

Сиг. Не говори; сдается мнѣ, что ты затѣмъ и позвала насъ сюда, чтобы поднять ссору между нами.

Іор. Мысль достойная тебя, Сигурдъ; теперь ты въ гнѣвѣ, оттого что не можешь считаться самымъ славнымъ воиномъ здѣсь за трапезой.

Сиг. Всегда почиталъ я Гуннара выше себя.

Іор. Такъ, такъ... второе мѣсто послѣ Гуннара все же почетное мѣсто, и... (*искоса взглянувъ на Торольфа*) если-бъ Орнульфъ былъ здѣсь, онъ сидѣлъ бы третьимъ.

Тор. Низкое-же мѣсто занялъ бы Іокулъ, отецъ твой; ему пришлось бы уступить Орнульфу. (*Дальнѣйшій споръ ведется съ обоихъ сторонъ, съ возрастающимъ, но еще сдерживаемымъ раздраженіемъ.*)

Іор. Неправы слова твои! Орнульфъ—скальдъ; люди говорятъ, что онъ приписывалъ себѣ дѣла славнѣе тѣхъ, что совершилъ.

Тор. Горе-же тому, кто говоритъ это такъ громко, что слова его доходятъ до слуха моего!

Іор. (*улыбаясь, съ вызывающимъ видомъ*). Ужь не хочешь-ли ты мстить?

Тор. Да,—и такъ, чтобъ всюду разнеслась молва о моей мести!

Іор. Такъ я осушу кубокъ за то, чтобы сперва выросла у тебя борода.

Тор. Не пристало и безбородому юношѣ вступать въ споръ съ женщиной.

Іор. Но не подъ силу ему съ воинами сразиться. Вотъ почему отецъ твой оставляетъ тебя дома у очага, въ то время, какъ братья твои въ походахъ.

Тор. Хорошо, когда-бъ онъ и тебя такъ охранялъ; тогда ты не оставила-бъ Исландію обезчещенной женщиной.

Вмѣстѣ { **Гун. и Сиг.** Торольфъ!
Дагни. Братъ!

Іор. (*тихо, дрожа отъ бѣшенства*). А!.. Берегись!..

Тор. (*протягивая руку Гуннару*). Не гнѣвайся, Гуннаръ; злыя рѣчи наверпулись на уста мои,—но ихъ вызвала жена твоя!

Дагни (*умоляющимъ голосомъ*). Сестра,—во имя прежней дружбы нашей,—не поднимай раздора!

Іор. (*смѣясь*). Шутки нужны на пиру; онѣ веселятъ гостей.

Гун. (*говорившій вполголоса съ Торольфомъ*). Ты—храбрый юноша! (*Протягивая ему мечъ, висящій около его сидѣнья.*) Возьми, Торольфъ, достойный тебя даръ; владѣй имъ съ честью,—и останемся друзьями.

Іор. Неосмотрительно не раздавай оружіе твое, Гуннаръ; не сказали-бъ люди, что отдаешь ты то, чѣмъ самъ владѣть не можешь!

Тор. (*осмотрѣвшій, между тѣмъ, мечъ*). Благодарю за даръ твой, Гуннаръ; мечъ этотъ никогда не будетъ обнаженъ за дѣло недостойное.

Іор. Если крѣпко слово твое, то ты не дашь меча въ руки братьевъ твоихъ.

Гун. Іордисъ!

Іор. (*продолжая*). И не повѣсишь его въ домѣ отца твоего; тамъ онъ висѣлъ бы рядомъ съ оружіемъ презрѣнныхъ людей.

Тор. Правда твоя, Іордисъ; тамъ уже много лѣтъ виситъ сѣкира и мечъ отца твоего.

Іор. (*сдерживаясь*). Всегда ты напоминаешь, что Орнульфъ убилъ отца моего, но если слухи вѣрны, подвигъ тотъ не такъ славенъ, какъ ты думаешь.

Тор. О какихъ слухахъ говоришь ты?

Іор. Я не отважусь повторить ихъ, чтобы твой гнѣвъ не пробудить.

Тор. Такъ молчи-же... лучше мнѣ не знать о томъ. (*Отвертывается отъ нея.*)

Іор. Да нѣтъ,—зачѣмъ мнѣ не сказать? Правда-ли, Торольфъ, что отецъ твой, въ женскомъ одѣяніи, три ночи просидѣлъ, колдуя съ чародѣйкой,—прежде чѣмъ дерзнулъ сразиться съ Іокуломъ? (*Всѣ встаютъ; сильное волненіе среди гостей.*)

Гун., Сиг. и Дагни. Іордисъ!

Тор. (*вспыливъ*). Столь гнусной лжи никто не говорилъ объ Орнульфѣ съ фіордовъ! Твой это вымыселъ!—На столь неслыханную ложь лишь тотъ способенъ, кто такъ-же ядовитъ, какъ ты. Страшное обвиненіе взводишь ты на отца моего. (*Бросая мечъ.*) Гуннаръ, возьми обратно даръ твой; ничего не могу я взять въ домѣ, гдѣ позорятъ моего отца!

Гун. Торольфъ, выслушай меня...

Тор. Я не останусь здѣсь! Но берегитесь оба—и ты, и Іордисъ. Знайте: въ это мгновеніе во власти моего отца тотъ, кто всего дороже вамъ обоимъ!

Іор. (*вздрогнувъ*). Какъ, твой отецъ?...

Гун. (*восклицаетъ*). Что говоришь ты!

Сиг. (*горячо*). Гдѣ Орнульфъ?

Тор. (*усмѣхаясь*). Отправился на югъ,—съ братьями моими.

Гун. На югъ?

Іор. (*вскрикиваетъ*). Гуннаръ! Орнульфъ убилъ сына нашего, Эгиля!

Гун. Убилъ!... Убилъ Эгиля! Такъ горе Орнульфу и всему дому его!—Говори, Торольфъ; то правда-ль?

Сиг. Гуннаръ, Гуннаръ,—выслушай меня!

Гун. (*Торольфу*). Говори,—если тебѣ жизнь дорога!

Тор. Я не страшусь тебя! Вотъ, подожди,—придетъ мой отецъ; онъ возвратится врагомъ твоего дома. А тебѣ, Іордисъ, я повторю въ утѣшеніе слова, что сегодня я слышалъ: «еще до вечера Гуннаръ и Іордисъ останутся бездѣтны»! (*Уходитъ въ глубину сцены.*)

Гун. (*пораженный*). Убитъ... убитъ! Мой дорогой Эгиль убитъ!

Іор. (*дико*). И ты... ты отпустилъ Торольфа?... Оставилъ Эгиля, родного сына, безъ отмщенія!... Ты прослывешь послѣднимъ трусомъ, если...

Гун. (*внѣ себя*). Скорѣе мечъ... сѣкиру! Пусть же эта вѣсть его будетъ послѣднею! (*Выхватываетъ сѣкиру у одного изъ присутствующихъ и бросается вонъ.*)

Сиг. (*хочетъ слѣдовать за нимъ*). Гуннаръ, остановись!

Іор. (*удерживая его*). Оставь, оставь! Люди разлучатъ ихъ; я знаю Гуннара!

(*Крикъ раздается въ толпѣ, бросившейся къ главному выходу.*)

Сиг. и Дагни. Что случилось?

Голосъ въ толпѣ. Торольфъ палъ.

Сиг. Торольфъ! О, пустите меня! (*Въ то время, какъ онъ хочетъ броситься вонъ, толпа разступается.*)

Дагни. Братъ мой! братъ! (*Входитъ Гуннаръ и бросаетъ сѣкиру у двери.*)

Гун. Свершилось! Эгиль отмщенъ!

Сиг. Хорошо, если не слишкомъ поспѣшною была рука твоя.

Гун. Быть можетъ; но Эгиль, Эгиль, дорогой мой мальчикъ!

Іор. Теперь вооружиться должны мы и искать помощи среди друзей: за Торольфа есть кому вступиться.

Гун. (*мрачно*). Онъ самъ отмститъ мнѣ за себя: и днемъ, и ночью будетъ онъ стоять передо мною!

Іор. Торольфъ лишь получилъ возмездіе. Родные должны нести кару за дѣла своихъ кровныхъ.

Гун. Правда; но то я знаю, что прежде легче было на душѣ моей.

Іор. Потомъ ты обо всемъ забудешь... Орнульфъ, чтобы отмстить, прибѣгнулъ къ постыдному коварству; онъ не хотѣлъ открыто напасть на насъ; но, притворившись довольнымъ, напалъ на наше беззащитное дитя! Да,—я проницательнѣе васъ: я знала, что Орнульфъ коваренъ и таитъ враждебный умыселъ. Противъ него и его рода не даромъ тебя я подстрекала.

Гун. (*злобно*). Да, ты права! Ничтожна моя месть передъ преступленіемъ Орнульфа. Онъ потерялъ Торольфа, но шесть сыновей осталось у него;—у меня-же ни единаго!

Слуга (*входитъ поспѣшно съ задней стороны сцены*). Сюда идетъ Орнульфъ съ Фіордовъ! . . . . . .

Гун. Орнульфъ!

Іор. и нѣк. изъ присутствующихъ. Къ оружію! къ оружію!

Дагни (*одновременно*). Отецъ мой!

Сиг. (*какъ бы охваченный предчувствіемъ*). Орнульфъ!... О—Гуннаръ, Гуннаръ!

Гун. (*вынимая мечъ, къ своей дружинѣ*). За мной! Мщеніе за смерть Эгиля! (*Входитъ Орнульфъ, неся Эгиля на рукахъ.*)

Гун. (*вскрикиваетъ*). Эгиль!

Орн. Вотъ Эгиль—сынъ вашъ!

Всѣ. Эгиль! Онъ живъ!

Гун. (*роняя изъ рукъ мечъ*). Горе мнѣ! Что сдѣлалъ я!

Дагни. О, Торольфъ, братъ мой!

Сиг. Я зналъ это, я зналъ!

Орн. (*спуская съ рукъ Эгиля*). Гуннаръ, вотъ дорогой твой мальчикъ!

Эгиль. Отецъ, старый Орнульфъ мнѣ зла не сдѣлалъ, какъ ты думалъ, когда услалъ меня.

Орн. (*къ Іордисъ*). Теперь ты получила

возмездіе за смерть отца, Іордисъ; теперь возможенъ между нами миръ.

Іор. (*съ скрытымъ волненіемъ*). Быть можетъ!

Гун. (*какъ бы очнувшись*). Не сонъ-ли страшный гнететъ меня! Ты, ты привелъ домой Эгиля!

Орн. Какъ видишь; но близокъ былъ онъ къ смерти.

Гун. Да, я знаю.

Орн. Ужель не радуется твое сердце возвращенію его?

Гун. Когда-бъ онъ ранѣе возвратился,—поистинѣ, я былъ бы радъ. Но разскажи мнѣ все, что было!

Орн. Не долго разсказать. Зло замышлялъ противъ тебя крестьянинъ Корэ: съ другими негодяями онъ отправился на югъ въ погоню за Эгилемъ.

Гун. Корэ! (*Про себя.*)—Теперь понятны мнѣ слова Торольфа!

Орн. Я узналъ объ его умыслѣ и поклялся не дать злодѣйству совершиться. За Іокула выкупа давать я не хотѣлъ и былъ готовъ, когда-бъ на то пошло, въ поединкѣ убить тебя, Гуннаръ. Но твое потомство я обязанъ былъ спасти отъ гибели, и съ сынами моими я поспѣшилъ за Корэ.

Сиг. (*вполголоса*). Проклятое дѣло свершилось здѣсь!

Орн. Когда его настигъ я, стражи Эгиля лежали связанные; сынъ твой былъ уже въ рукахъ враговъ, и они не пощадили бы его. Жарокъ былъ бой! Рѣдко наносилъ я и получалъ столь мѣткіе удары. Корэ и двое изъ людей его бѣжали внутрь острова; остальные спятъ на мѣстѣ непробуднымъ сномъ.

Гун. (*взволнованный*). Но ты... ты Орнульфъ?...

Орн. (*мрачно*). Шесть сыновей пошли за мною въ бой.

Гун. (*прерывающимся голосомъ*). Но возвратилось... сколько?

Орн. Ни одного!

Гун. (*пораженный*). Ни одного! (*Вполголоса.*) И Торольфъ, Торольфъ!

(Всѣ присутствующіе глубоко тронуты. Іордисъ проявляетъ признаки сильной внутренней борьбы; Дагни безмолвно плачетъ. Сигурдъ стоитъ около нея въ глубокой печали.)

Орн. (*послѣ короткой паузы*). Тяжело раскидистой соснѣ въ одну бурю лишиться вѣтвей своихъ. Но люди умираютъ и нарождаются... Подайте кубокъ: я выпью въ память сыновъ моихъ. *(Одинъ изъ людей Сигурда подаетъ ему кубокъ.)* Привѣтъ вамъ, смѣлые сыны мои! Не скоро затворятся за вами мѣдныя врата: вы вступите въ Валгаллу въ сопровожденіи многихъ воиновъ. (*Пьетъ и возвращаетъ кубокъ.*) А теперь домой,—въ Исландію! То былъ послѣдній бой Орнульфа; у стараго дерева осталась одна лишь зеленая вѣтвь и надо охранять ее. Гдѣ Торольфъ?

Эгиль (*къ отцу*). Да,—покажи мнѣ Торольфа. Орнульфъ сказалъ, что онъ мнѣ вырѣжетъ кораблики и много воиновъ на немъ.

Орн. Благодареніе всѣмъ небеснымъ силамъ, что Торольфа не было со мною! Когда-бъ и онъ... какъ я ни силенъ, такой ударъ мнѣ былъ бы слишкомъ тяжекъ. Но почему онъ не идетъ? Всегда онъ первый встрѣчалъ отца; обоимъ намъ казалось, что другъ безъ друга и дня не можемъ мы прожить.

Гун. Орнульфъ, Орнульфъ!

Орн. (*съ возростающимъ безпокойствомъ*). Вы всѣ молчите... Что, что случилось?... Гдѣ Торольфъ?

Дагни. Сигурдъ, Сигурдъ,—то будетъ самый тяжкій для него ударъ!

Гун. (*борется съ собой*). Старикъ!... Нѣтъ... Но скрыть нельзя...

Орн. (*страстно*). Мой сынъ! Гдѣ онъ?

Гун. Торольфъ убитъ!

Орн. Убитъ! Торольфъ? Торольфъ? Лжешь ты!

Гун. Кровь свою тотчасъ отдалъ бы я, чтобъ жизнь возвратить ему.

Іор. (*къ Орнульфу*). Торольфъ самъ виновенъ въ томъ, что совершилось. Темными намеками онъ далъ понять намъ, что ты напалъ на Эгиля и убилъ его; въ непріязни мы съ тобой разстались,—да и прежде не разъ былъ ты виновенъ въ смерти родныхъ моихъ. Притомъ,—Торольфъ держалъ себя за пиромъ, какъ легкомысленный мальчишка, на шутки наши, съ сердцемъ много дерзкихъ словъ сказалъ. Тогда лишь Гуннаръ воспылалъ гнѣвомъ; тогда лишь поднялъ онъ руки на сына твоего; и мнится мнѣ, причинъ довольно имѣлъ онъ для того.

Орн. (*спокойно*). Какъ видно, что ты женщина; сколько словъ напрасныхъ тратишь ты. Къ чему? Торольфъ убитъ—и пѣсня его спѣта.

Эгиль. Если убитъ Торольфъ, не будетъ у меня воиновъ.

Орн. Да, Эгиль,—потеряли мы нашихъ воиновъ,—и ты, и я. (*Къ Іордисъ.*) Отецъ твой пѣлъ:

Родъ Іокула убійцѣ его
Много бѣдъ впереди приготовитъ...

Ты о томъ позаботилась, чтобъ оправдались слова его. *(Останавливается на минуту, затѣмъ обращается къ одному изъ людей своихъ.)* Гдѣ раненъ онъ?

Чел. Прямо въ лобъ.

Орн. *(довольный).* Хорошо: онъ не бѣжалъ. Но какъ упалъ онъ,—бокомъ или къ ногамъ Гуннара?

Чел. Въ полу-оборотъ къ Гуннару.

Орн. Это значитъ—месть на половину; такъ, такъ—увидимъ!

Гун. (*подходя*). Орнульфъ, я знаю — все

что я имѣю,—ничто въ сравненіи съ утратою твоей; но требуй у меня, что хочешь...

Орн. *(сурово прерывая его).* Отдай мнѣ тѣло Торольфа и оставь меня! Гдѣ лежитъ онъ? *(Гуннаръ молча указываетъ назадъ.)*

Орн. *(дѣлаетъ шагъ или два, затѣмъ оборачивается и говоритъ громовымъ голосомъ, обращаясь къ Сигурду, Дагни и другимъ, которые, въ печали, хотятъ слѣдовать за нимъ).* Останьтесь! Или думаете вы, что Орнульфу, какъ слабодушной женщинѣ, нужна толпа плакальщиковъ? Останьтесь, говорю я!... Одинъ я донесу Торольфа моего. *(Спокойно, но твердо.)* Да, сына я лишился и одинокимъ ухожу отсюда; но не будетъ сказано, что я палъ духомъ. *(Медленно удаляется.)*

Іор. *(съ неестественнымъ смѣхомъ).* Что-жь, — пусть уходитъ! Не много понадобится намъ людей, если-бъ снова къ намъ явился онъ съ враждою! Но мнѣ сдается, Дагни, что съ замысломъ такимъ едва-ли твой отецъ опять сюда прибудетъ изъ Исландіи.

Сиг. *(съ негодованіемъ).* О, стыдись, Іордисъ.

Дагни *(такъ же).* И ты можешь издѣваться надъ нимъ... теперь... послѣ всего, что было!

Іор. Разъ дѣло сдѣлано, мы вправѣ имъ похвалиться. Сегодня утромъ клялась я отомстить Орнульфу; убійство Іокула—я могла забыть; я все могла забыть,—но оскорбленіе снести я не могу. Онъ назвалъ меня наложницей; пусть такъ,—теперь нѣтъ мнѣ позора въ томъ; Гуннаръ славнѣе твоего отца, славнѣе и сильнѣе самого Сигурда, мужа твоего!

Дагни *(въ порывѣ негодованія).* Неправду говоришь ты, Іордисъ,—и теперь-же пусть всѣ узнаютъ, что ты живешь подъ кровомъ труса.

Сиг. *(горячо).* Дагни, что ты хочешь сдѣлать!

Гун. Я—трусъ!

Іор. *(презрительно усмѣхаясь).* Безумны слова твои.

Дагни. Скрывать я долѣе не стану; я молчала, когда ты издѣвалась надъ отцомъ моимъ, надъ братьями моими, что пали въ битвѣ; молчала при Орнульфѣ—чтобы не узналъ онъ, что недостойною рукою былъ пораженъ Торольфъ. Теперь-же не смѣй превозносить Гуннара за тотъ подвигъ въ Исландіи; онъ—трусъ. Мечъ, что лежалъ между тобою и похитителемъ твоимъ, былъ мечъ Сигурда, мужа моего, и обручъ, что ты сняла съ руки, ты отдала Сигурду. *(Снимаетъ его и показываетъ.)* Вотъ онъ—смотрите!

Іор. *(дико).* Сигурду!

Толпа. Сигурдъ! Сигурдъ совершилъ тотъ подвигъ?

Іор. *(дрожа отъ волненія).* Онъ... онъ!... Правда-ль то, Гуннаръ?

Гун. *(съ спокойнымъ достоинствомъ).* Все правда. Лишь то неправда, что я—трусъ или злодѣй.

Сиг. *(тронутый).* Ты правъ, Гуннаръ! Трусомъ никогда ты не былъ! *(Къ остальнымъ.)* Пойдемте, удалимся отсюда!

Дагни *(у двери, обращаясь къ Іордисъ).* Скажи теперь, Іордисъ, кто выше и славнѣе всѣхъ—мой мужъ иль твой? *(Уходитъ съ Сигурдомъ и воинами его.)*

Іор. *(въ сторону).* Теперь одно мнѣ остается и объ одномъ должна я помышлять: иль я умру, или умретъ Сигурдъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Палата въ домѣ Гуннара. День. Іордисъ одна сидитъ на скамьѣ противъ высокаго сидѣнья и плететъ тетиву. На столѣ лежитъ лукъ и нѣсколько стрѣлъ.

Іор. *(пробуя крѣпость тетивы).* Готова тетива; она упруга и крѣпка. *(Взглянувъ на стрѣлы).* И стрѣла тяжелая и острая... *(Роняя руки на колѣна.)* Но гдѣ найти мнѣ руку, которая съумѣла бы... *(Страстно.)* Осмѣяна, обманута—имъ... Сигурдомъ! Болѣе всѣхъ его должна я ненавидѣть, я это знаю, но пройдетъ немного дней и я... *(Задумывается.)* Да, но гдѣ рука,—та рука, которая свершила бы это дѣло?... *(Входитъ Гуннаръ, молчаливый и задумчивый.)*

Іор. *(послѣ небольшой паузы).* Что скажешь о себѣ, мужъ мой?

Гун. Нехорошо мнѣ, Іордисъ; не могу забыть я того, что вчера свершилось; тяжело лежитъ оно на душѣ моей и нѣтъ мнѣ облегченья.

Іор. Послѣдуй примѣру моему; займись дѣломъ.

Гун. Да, ты права. *(Пауза. Гуннаръ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, замѣчаетъ, что дѣлаетъ Іордисъ, и подходитъ къ ней.)* Что дѣлаешь ты?

Іор. *(не поднимая глазъ).* Иль ты не видишь? Готовлю тетиву.

Гун. Тетиву—изъ твоихъ собственныхъ волосъ?

Іор. *(улыбаясь).* Великія дѣла творятся теперь ежечасно; вчера убилъ ты названнаго брата моего, а я, на разсвѣтѣ, тетиву сплела.

Гун. Іордисъ, Іордисъ!

Іор. *(поднимая глаза).* Что-же?

Гун. Гдѣ была ты прошлой ночью?

Іор. Прошлой ночью?

Гун. Тебя не было въ опочивальнѣ.

Іор. Ты замѣтилъ?

Гун. Я долго спать не могъ; потомъ въ тре-

вожныхъ снахъ метался я... все представлялся мнѣ Торольфъ.—Онъ здѣсь былъ съ нами... и я проснулся. Въ домѣ носились звуки,—пѣніе такое странное и чудное, я всталъ; неслышно къ двери подошелъ и тамъ тебя увидѣлъ у очага,—въ немъ пламя вспыхивало, и синее и красное,—а ты сидишь и стрѣлы ладишь, и пѣсни волшебныя поешь.

Іор. Я занята трудомъ полезнымъ; крѣпка та грудь, которую моя стрѣла пронзитъ сегодня.

Гун. Я понимаю—ты хочешь смерти Сигурда.

Іор. Быть можетъ.

Гун. Не бывать тому! Съ Сигурдомъ я останусь въ мирѣ, сколько бы ни старалась ты насъ поссорить.

Іор. (*улыбаясь*). Ты думаешь?

Гун. Я это знаю!

Іор. (*протягивая ему тетиву*). Скажи мнѣ, Гуннаръ,—развяжешь-ли ты этотъ узелъ?

Гун. (*пробуя*). Нѣтъ, онъ слишкомъ искусно и крѣпко связанъ.

Іор. (*вставая*). Хитрѣе того плетутъ Норны; распутать ткань ихъ—никто не можетъ.

Гун. Да, теменъ путь небесныхъ силъ; ни ты, ни я, мы ничего о томъ не знаемъ.

Іор. Одно я знаю: Сигурдъ обоимъ намъ несчастіе готовитъ.

(*Пауза. Гуннаръ стоитъ, задумавшись.*)

Іор. (*молча наблюдавшая за нимъ.*) О чемъ ты думаешь?

Гун. О снѣ, что видѣлъ я недавно. Снилось, что совершилъ я дѣло, котораго ты жаждешь: Сигурдъ, моей рукой убитый, на землѣ лежалъ; ты около стояла, и смертельно-блѣдно было лицо твое. И я сказалъ: «Довольна-ль ты, что я исполнилъ твою волю?» Но ты съ усмѣшкой молвила: «Была-бъ довольнѣе я, когда бы не Сигурдъ, а ты, Гуннаръ, лежалъ бы здѣсь».

Іор. (*съ насильственнымъ смѣхомъ*). Меня ты плохо знаешь, когда способенъ безумный сонъ остановить тебя.

Гун. Скажи мнѣ, Іордисъ, какъ нравится тебѣ жилище наше?

Іор. Сказать поистинѣ, Гуннаръ, подчасъ сдается мнѣ, что тѣсно въ немъ.

Гун. Да, да... и я не разъ такъ думалъ; одинъ изъ насъ тутъ лишній.

Іор. Быть можетъ,—двое.

Гун. (*не слышавшій послѣднихъ словъ ея*). Но это поправимо; я средство знаю...

Іор. (*смотритъ на него вопросительно*). Поправимо? Ты думаешь?...

Гун. Да, снарядить суда и уйти въ море; возстановить хочу я честь, утраченную мною изъ-за любви къ тебѣ?

Іор. (*задумчиво*). Ты хочешь удалиться? Да, быть можетъ, такъ лучше будетъ для обоихъ насъ.

Гун. Съ того-же дня, какъ мы покинули Исландію, я видѣлъ, что не будетъ намъ съ тобою счастья. Твой духъ и гордъ, и силенъ; порою я почти боюсь тебя; и странно,—потому такъ дорога ты мнѣ. Невѣдомая сила изъ тебя исходитъ... и сила та полна плѣнительныхъ и грозныхъ чаръ; мнѣ думается, что этой силой и къ злодѣянію могла бы ты меня склонить, и что мнѣ стало бы казаться хорошимъ все, о чемъ бы ты ни просила... Да, таинственны велѣнья Норнъ; Сигурду слѣдовало быть твоимъ мужемъ.

Іор. (*вскрикиваетъ*). Сигурду!

Гун. Да, Сигурду. Когда бы ненависть и жажда мести тебя не ослѣпляли, ты лучше цѣнила бы его. Будь я Сигурдъ—свѣтлѣе была бы твоя жизнь.

Іор. (*въ сильномъ волненіи, но сдерживаясь*). Такъ Сигурдъ... ты думаешь...

Гун. Онъ духомъ силенъ и гордъ, какъ ты.

Іор. (*съ силой*). Если такъ... (*Опомнившись.*) Нѣтъ, нѣтъ!... (*Дико.*) Гуннаръ, убей Сигурда!

Гун. Никогда!

Іор. Обманомъ, хитростью досталась я тебѣ, Гуннаръ,—но и это я забуду! Пять безотрадныхъ лѣтъ я въ этомъ домѣ прожила; все, все забуду съ того дня, когда Сигурдъ погибнетъ!

Гун. Нѣтъ, на Сигурда не подымется рука моя!... (*Невольно отступая.*) Іордисъ, Іордисъ,—не искушай меня!

Іор. Такъ я найду другого, кто за меня отмститъ. Не потерплю я долѣе, чтобы надъ тобой и мной Сигурдъ могъ издѣваться... (*Ломая руки въ припадкѣ бѣшенства.*) Быть можетъ, онъ съ слабоумною женой теперь сидитъ вдвоемъ, болтая и смѣясь надъ нами; разсказываетъ о томъ, какое оскорбленіе нанесъ онъ мнѣ, когда обманомъ меня похитилъ; и какъ лукаво онъ смѣялся надъ хитростью своей, когда, неузнанный, во мракѣ стоялъ подлѣ меня.

Гун. Нѣтъ, нѣтъ—Сигурдъ на это не способенъ!

Іор. (*твердо*). Сигурдъ и Дагни умереть должны! Я не могу дышать свободно, пока они на свѣтѣ! (*Подходитъ къ нему съ сверкающими глазами и говоритъ страстно, шепотомъ.*) Когда-бъ ты въ этомъ мнѣ помогъ, Гуннаръ, я стала-бъ жить въ любви съ тобой; я обнимала бы тебя такъ горячо и страстно, какъ и не снилось никогда тебѣ!

Гун. (*колеблясь*). Іордисъ! Ужели ты...

Іор. Соверши то дѣло, Гуннаръ,—и дни тяжелые пройдутъ. Не стану я изъ дома уходить, услышавъ шаги твои; не стану говорить тебѣ жестокія слова и на устахъ твоихъ гасить улыбку въ минуты радости. Одѣнусь я въ мѣха и дорогія ткани и за тобою на войну пойду, и на конѣ, съ тобою рядомъ, всюду сопровождать тебя я буду. За пиромъ праздничнымъ твой кубокъ я стану наполнять, и пить съ тобою, и чудной пѣснью твое сердце веселить!

Гун. (*поколебленный*). Ужели ты?...

Іор. Болѣе того я сдѣлаю, повѣрь, гораздо болѣе! Отмсти лишь за меня! Отмсти Сигурду и Дагни, и я... (*Останавливается, при видѣ отворяющейся двери.*) Дагни, ты—здѣсь!

Дагни (*у порога двери*). Поспѣши, Гуннаръ! Зови людей твоихъ къ оружію!

Гун. Къ оружію! Противъ кого?

Дагни. Крестьянинъ Корэ приближается съ толпой бродягъ; онъ замышляетъ зло противъ тебя; Сигурдъ на время преградилъ ему дорогу; но кто знаетъ...

Гун. (*тронутый*). Сигурдъ то сдѣлалъ для меня!

Дагни. Сигурдъ, какъ и всегда,—твой вѣрный другъ.

Гун. А мы, Іордисъ,—а мы что замышляли!... Да, вѣрно я сказалъ,—въ словахъ твоихъ таится невѣдомая сила, и всякій поступокъ кажется мнѣ великимъ, когда ты его требуешь.

Дагни (*удивленная*). Что хочешь ты сказать?

Гун. Нѣтъ, ничего! Благодарю за вѣсти твои, Дагни; иду собирать людей моихъ. (*Направляется къ двери, но останавливается и возвращается.*) Скажи мнѣ,—что Орнульфъ?

Дагни. (*опуская голову*). Не спрашивай. Вчера онъ тѣло Торольфа перенесъ на корабль; теперь готовитъ онъ курганъ на берегу, и сыновей своихъ туда положитъ. (*Гуннаръ удаляется, не говоря ни слова.*) До вечера бояться нечего. (*Подходя къ Іордисъ.*) Есть у меня другое дѣло; Іордисъ, я къ тебѣ пришла.

Іор. Ко мнѣ? Послѣ всего, что вчера было?

Дагни. Да, потому я и пришла. Іордисъ, сестра моя, ко мнѣ ты злобы не питай; забудь слова, что злые духи и горе мнѣ въ уста вложили; прости все зло, что причинила я тебѣ. Вѣрь мнѣ, теперь—я во сто кратъ несчастнѣе тебя.

Іор. Несчастна ты!—Жена Сигурда!

Дагни. Во всемъ, что свершилось—въ ссорѣ и смерти Торольфа, и въ оскорбленіяхъ, что нанесли Гуннару и тебѣ,—во всемъ повинна я! Горе мнѣ! Какъ счастлива была я! Но отнынѣ мнѣ радости ужь болѣе не видать.

Іор. (*какъ бы охваченная внезапной мыслью*). Но прежде—въ тѣ пять долгихъ лѣтъ; все это время,—была-ль ты счастлива?

Дагни. Ужель ты можешь сомнѣваться?

Іор. Вчера не сомнѣвалась я; но...

Дагни. Что разумѣешь ты?

Іор. Нѣтъ,—ничего; но о другомъ теперь.

Дагни. Нѣтъ, Іордисъ, скажи мнѣ!...

Іор. Къ чему? Но, если хочешь... (*Лукаво.*) Помнишь; было то въ Исландіи,—мы пошли съ отцомъ твоимъ Орнульфомъ въ Совѣтъ, и, по обычаю, тамъ съ подругами сидѣли. Тогда вошли въ Палату двое чужестранцевъ.

Дагни. Сигурдъ и Гуннаръ.

Іор. Они съ привѣтствіемъ къ намъ обратились, и съ нами сѣли на скамью, и повели мы съ ними веселую бесѣду. И многимъ узнать хотѣлось, зачѣмъ къ намъ прибыли тѣ два викинга: затѣмъ-ли, чтобъ выбрать себѣ женъ на нашемъ островѣ? Сигурдъ сказалъ: «Нелегко мнѣ по душѣ найти жену» Орнульфъ же, усмѣхнувшись, отвѣчалъ: «Немало дѣвушекъ въ Исландіи, знатныхъ и богатыхъ». На это возразилъ Сигурдъ: «Воину нужна жена съ высокимъ духомъ. Та, которую я изберу, не удовольствуется смиренной долей. Къ величію, къ почестямъ она должна стремиться; охотно въ поле бранное идти со мною, носить броню и панцырь, побуждать меня къ великимъ подвигамъ, и дрогнуть не должна, какъ засверкаютъ мечи въ кровавой битвѣ. А малодушная жена не много мнѣ чести принесетъ». — Не правда-ль, такъ говорилъ Сигурдъ?

Дагни (*нерѣшительно*). Да, правда, но...

Іор. Такая лишь жена могла украсить жизнь его; и затѣмъ... (*презрительно улыбаясь.*) затѣмъ тебя избралъ онъ!

Дагни (*вздрогнувъ*). Что хочешь ты сказать?

Іор. Но, безъ сомнѣнія, себя ты показала гордой и сильной духомъ; ты требовала себѣ отъ всѣхъ почета, чтобы изъ-за тебя Сигурду также воздавали честь: не такъ-ли?

Дагни. Нѣтъ, Іордисъ, но...

Іор. Ты поощряла его на великія дѣла, за нимъ въ одеждѣ бранной въ битву шла и туда стремилась, гдѣ жарче разгорался бой,—не правда-ли?

Дагни (*взволнованно*). Нѣтъ, нѣтъ!

Іор. Такъ ты являлась слабой духомъ и Сигурду лишь безчестье принесла?

Дагни. (*подавленная*). Іордисъ, Іордисъ!...

Іор. (*презрительно улыбаясь*). И, между тѣмъ, ты счастлива была всѣ эти годы; ты думаешь, что то же скажетъ о себѣ Сигурдъ?

Дагни. Молчи, молчи!... О горе мнѣ! Ты слишкомъ ясно показала мнѣ, кто я!

Іор. Пустая шутка,—и ты уже въ слезахъ. Не думай болѣе о томъ. Взгляни, что сдѣлала я нынче. (*Беретъ нѣсколько стрѣлъ со стола.*) Смотри какъ онѣ крѣпки и остры! Я стрѣлы точить умѣю,—не такъ-ли?

Дагни. И метать ихъ также; да, ударъ твой мѣткокъ, Іордисъ! Все, что сказала ты... Я ранѣе никогда не думала о томъ... (*Горячо.*) Но чтобъ Сигурдъ!... Чтобъ въ эти годы жизнь его со мной была тяжелой и безславной?! Нѣтъ, нѣтъ, неправда!... я не вѣрю!...

Іор. Успокойся, Дагни; безъ сомнѣнія, то неправда. Если-бъ Сигурдъ остался такимъ, какъ прежде,—то было-бъ правда; тогда онъ всѣми мыслями и дѣломъ стремился стать первымъ воиномъ въ странѣ,—теперь-же доволенъ онъ и болѣе скромной долей.

Дагни. Нѣтъ, Іордисъ; Сигурдъ такой-же, какъ и былъ. Я—недостойная ему подруга;—

теперь мнѣ стало ясно. Онъ это отъ меня скрывалъ, но этого не будетъ.

Іор. Что-же думаешь ты сдѣлать?

Дагни. Я долѣе тяжелымъ бременемъ не буду для него; не буду я помѣхой въ его жизни.

Іор. Такъ ты хочешь?...

Дагни. Молчи; идутъ! (*Входитъ слуга.*)

Слуга. Сигурдъ викингъ идетъ сюда.

Іор. Сигурдъ! Такъ позови Гуннара!

Слуга. Гуннаръ пошелъ сзывать сосѣдей; крестьянинъ Корэ хочетъ...

Іор. Хорошо, я знаю; ступай! (*Слуга уходитъ. Къ Дагни, которая собирается уходить.*) Куда-жь идешь ты?

Дагни. Я не хочу встрѣтить Сигурда. Я знаю, мы должны разстаться, но теперь съ нимъ встрѣтиться... нѣтъ, нѣтъ, я не могу! (*Уходитъ налѣво.*)

Іор. (*глядя ей вслѣдъ*). И ее-то я хотѣла... (*Доканчиваетъ свою мысль, взглядывая на тетиву.*) Какая жалкая была бы месть!... Теперь стрѣла попала глубже! Тяжело бываетъ умирать, но жить подчасъ тяжеле! (*Входитъ Сигурдъ.*) Гуннара ищешь ты; садись, онъ скоро возвратится. (*Хочетъ уйти.*)

Сиг. Нѣтъ, останься; тебя я ищу болѣе, чѣмъ его.

Іор. Меня?

Сиг. И хорошо, что я нашелъ тебя одну.

Іор. Если ты издѣваться надо мной пришелъ, не помѣшала бы тебѣ толпа народа.

Сиг. Да, я знаю, что думаешь ты обо мнѣ.

Іор. (*горько*). Быть можетъ, я къ тебѣ несправедлива? Нѣтъ, нѣтъ, Сигурдъ, ты былъ отравой всѣхъ дней моихъ. Вспомни, какъ постыдно, какъ коварно ты поступилъ со мной! Не ты-ли, сидя близъ меня въ опочивальнѣ, коварно смѣясь въ душѣ, сулилъ мнѣ вѣчную любовь? Потомъ съ презрѣніемъ Гуннару бросилъ, какъ жену годную лишь для него; затѣмъ съ любимой женщиной покинулъ островъ.

Сиг. Сильна во многомъ воля человѣка, но надъ великими дѣлами властна одна судьба. Такъ было съ нами, Іордисъ...

Іор. Правда; злыя Норны правятъ міромъ, но ничтожна власть ихъ, когда имъ нѣтъ опоры въ сердцѣ нашемъ. Счастливъ тотъ, у кого есть сила бороться съ ними—я попытаюсь.

Сиг. Что хочешь ты сказать?

Іор. Хочу помѣриться я силой съ тѣми—кто сильнѣй меня. Но довольно; немало у меня сегодня дѣла. (*Садится за столъ.*)

Сиг. (*послѣ короткой паузы*). Хорошее оружіе готовишь ты Гуннару.

Іор. (*съ спокойной улыбкой*). Не для Гуннара,—противъ тебя готовлю я его.

Сиг. Это одно и то же.

Іор. Да, быть можетъ; если я одолѣю Норнъ, такъ рано-ль, поздно-ль Гуннаръ и ты... (*Прерываетъ себя, отклоняется къ столу и говоритъ измѣнившимся голосомъ.*) Знаешь-ли, что со мной бываетъ? Порой въ мечтаніяхъ сижу я, закрывши очи, и возстаютъ передо мной прекрасныя видѣнія: вотъ идетъ Сигурдъ непобѣдимый; онъ хочетъ сжечь нашъ домъ, меня и мужа погубить. Всѣ люди Гуннара пали; въ живыхъ остались двое—онъ, да я. Вотъ загорается ужь крыша: «Скорѣе лукъ!» кричитъ Гуннаръ,—«одинъ лишь выстрѣлъ и спасены мы...» Но рвется тетива. «Скорѣй, Іордисъ, сплети другую изъ пряди волосъ твоихъ, лишь въ томъ спасенье наше!..» Но я смѣюсь въ отвѣтъ. «Пусть жжетъ, пусть губитъ—жизнь и пряди волосъ не стоитъ!

Сиг. Странная сила во всѣхъ рѣчахъ твоихъ. (*Подходитъ къ ней.*)

Іор. (*глядитъ на него холодно*). Ты хочешь сѣсть со мною рядомъ?

Сиг. Ты думаешь, что ненавистью полно мое сердце?—Іордисъ, то послѣдняя бесѣда наша; есть нѣчто, что меня терзаетъ, какъ болѣзнь злая; такъ разстаться съ тобой я не могу; ты ближе должна узнать меня.

Іор. Что разумѣешь ты?

Сиг. Я сагу разскажу тебѣ.

Іор. Печальную?

Сиг. Печальную, какъ сама жизнь.

Іор. (*горько*). Что знаешь ты о печали жизни?

Сиг. Суди сама, когда услышишь мою сагу.

Іор. Такъ говори; а я работать буду. (*Сигурдъ садится на низкую скамейку, направо отъ нея.*)

Сиг. Въ Норвегіи жили два молодыхъ викинга. Однажды они пустились въ путь искать богатства и славы, и обмѣнявшись клятвой въ дружбѣ, стояли честно другъ за друга, куда-бъ ни заносила ихъ судьба.

Іор. И назывались тѣ юные викинги Сигурдъ и Гуннаръ, не такъ-ли?

Сиг. Да, назовемъ ихъ такъ. И прибыли они въ Исландію; тамъ поселился старый вождь, что прибылъ туда изъ Норвегіи во времена Гаральда. Подъ его кровомъ жили двѣ красивыя дѣвицы, но прекраснѣе была одна, дочь пріемная его; она была умна и сильна духомъ; и много викинги говорили о ней между собой, и оба въ томъ согласны были, что не встрѣчали дѣвушки прекраснѣй.

Іор. (*возбужденно*). Оба? Иль ты смѣешься надо мной?

Сиг. Гуннаръ и день и ночь о ней лишь думалъ,—не менѣе думалъ и Сигурдъ; молчали оба, и никто сказать не могъ, пришелся-ли по сердцу ей Гуннаръ; но что не по сердцу ей былъ Сигурдъ,—то было ясно.

Іор. (*прерывающимся голосомъ*). Продолжай, прошу тебя!...

Сиг. Тѣмъ болѣе мечталъ о ней Сигурдъ, и никому о томъ не говорилъ. Но вечеромъ однажды, за столомъ, та гордая дѣвица по-

клялась, что назоветъ ее своей лишь тотъ, кто подвигъ совершитъ, —какого она потребуетъ. Отъ радости забилось сердце у Сигурда; онъ силу чувствовалъ въ себѣ тотъ подвигъ совершить; но Гуннаръ отвелъ Сигурда въ сторону и о любви своей сказалъ ему; Сигурдъ смолчалъ и ночью пошелъ...

Іор. (*страстно*). Сигурдъ, Сигурдъ! (*Сдерживаясь.*) И сага та—не вымыселъ?

Сиг. Нѣтъ, истинная правда! Уступить другому долженъ былъ одинъ изъ насъ. Гуннаръ былъ другъ мнѣ: не могъ я поступить иначе. Такъ стала ты женой Гуннара, а я другую взялъ.

Іор. И полюбилъ ее!

Сиг. Цѣнить ее я научился; но одна лишь женщина была Сигурду дорога,—та женщина, что оттолкнула его при первой встрѣчѣ. Конецъ тутъ моей сагѣ; теперь разстанемся. Прости, жена Гуннара; мы болѣе никогда не встрѣтимся съ тобой.

Іор. (*вскакивая*). Остановись! О горе обоимъ намъ.—Сигурдъ, что сдѣлалъ ты?

Сиг. (*вздрогнувъ*). Что сдѣлалъ?.. Я?.. Іордисъ, что съ тобою?

Іор. И это лишь теперь ты мнѣ повѣдалъ!.. Но нѣтъ... не вѣрю... не можетъ быть!..

Сиг. Въ послѣдній разъ мы говоримъ съ тобою, и правдивы всѣ слова мои. Я не хотѣлъ, чтобъ обо мнѣ ты думала худое, и потому я все сказалъ тебѣ.

Іор. (*невольно всплеснувъ руками, глядитъ на него въ безмолвномъ изумленіи*). Любилъ... ты... ты любилъ меня! (*Страстно, близко подходя къ нему*). Не вѣрю я тебѣ! (*Пристально смотритъ на него и разражается припадкомъ дикаго отчаянія.*) Да, правда, правда,—на горе намъ обоимъ! (*Закрываетъ лицо руками и отвертывается отъ него.*)

Сиг. (*пораженный ужасомъ*). Іордисъ!

Іор. (*тихо, борясь со смѣхомъ и слезами*). Нѣтъ, ты меня не слушай! Я... только думала... (*Кладетъ руку на плечо его.*) Сигурдъ, ты сагу не досказалъ: та гордая дѣвица, о которой говорилъ ты... она тебя любила!

Сиг. (*отступая*). Ты?

Іор. (*спокойно*). Да, Сигурдъ, теперь я вижу—я тебя любила. Ты говоришь, я къ тебѣ непривѣтлива была; но дѣвушкѣ приличноли держать себя иначе? Могла-ли я къ тебѣ съ моей любовью подойти,—была-ли бъ я тогда достойна тебя? Всегда ты мнѣ казался лучшимъ и славнѣйшимъ изъ мужей; но ты избралъ себѣ другую—съ той поры печаль закралась въ мое сердце, и я сама того не разумѣла.

Сиг. (*глубоко тронутый*). Да, зловѣщей сѣтью опутали насъ Норны!

Іор. Въ томъ ты самъ повиненъ; мужу подобаетъ отважно и твердо поступать. Когда тяжелое условіе я ставила тому, кто хочетъ меня назвать своей, я о тебѣ лишь думала... А ты!..

Сиг. Гуннаръ въ сердечныхъ мукахъ томился; я это зналъ; одинъ я могъ ему помочь; другого выхода у меня не было. Но если-бъ я тогда узналъ, что знаю я теперь... я за себя не отвѣчаю... Несокрушима власть любви.

Іор. (*съ увлеченіемъ*). Но теперь, Сигурдъ! Ошибка роковая насъ долго разлучала; теперь развязанъ узелъ; другіе дни настанутъ и прошлое мы позабудемъ.

Сиг. (*отрицательно качая головой*). Не можетъ быть того; мы вновь должны разстаться, Іордисъ.

Іор. Нѣтъ, не должны. Я люблю тебя,—теперь могу я безъ стыда признаться въ томъ: любовь моя—не прихоть, не игра, какъ любовь слабой женщины; и будь мужчиной я,—клянусь, тебя любила-бъ такъ же, какъ теперь! Сигурдъ! одинъ лишь смѣлый шагъ,—и счастливы мы будемъ; стоитъ захотѣть—и мы свободны, и побѣда за нами!

Сиг. Свободны? Что разумѣешь ты?

Іор. Что Дагни для тебя? чѣмъ можетъ быть она тебѣ? Не болѣе, чѣмъ мнѣ Гуннаръ. И много-ль значитъ, если погибнутъ двѣ ничтожныя жизни?

Сиг. Іордисъ, Іордисъ!

Іор. Гуннаръ пусть остается здѣсь. Дагни съ отцомъ возвратится въ Исландію, а я, съ оружіемъ въ рукахъ, въ бронѣ,—за тобою послѣдую, куда бъ ты ни направилъ путь. (*Сигурдъ дѣлаетъ движеніе.*) Женой твоею я не буду; другому я принадлежала, и та, которую избралъ ты, жива. Нѣтъ, Сигурдъ, я за тобой послѣдую, подобно безстрашнымъ валкиріямъ,—и жажду великихъ дѣлъ въ тебѣ я буду разжигать, чтобы повсюду прогремѣло твое имя. Въ потѣхахъ бранныхъ я буду вблизи тебя; въ походахъ, въ бурномъ морѣ,—буду съ твоими воинами дѣлить опасность. Когда-жь о доблестяхъ твоихъ раздастся пѣснь, вмѣстѣ назовутъ Сигурда и Іордисъ.

Сиг. То была, когда-то, завѣтная моя мечта. Теперь-же поздно. Между нами стоятъ Гуннаръ и Дагни,—и по праву. Я подавилъ мою любовь ради Гуннара; какъ ни тяжко мнѣ, того ужь измѣнить нельзя. А Дагни... съ какимъ довѣріемъ оставила она свой домъ, родныхъ! Нѣтъ, ей и сниться не должно, что близъ нея, въ ея объятіяхъ, я думалъ объ одной Іордисъ!

Іор. И изъ-за этого такое бремя хочешь ты нести всю жизнь! Не для того даны тебѣ и мощь и сила, и съ ними всѣ дары высокіе души! Ужель ты думаешь, что я могу подъ кровомъ Гуннара оставаться? Нѣтъ, вѣрь мнѣ, такому мужу, какъ ты, судьбой назначены великія дѣла. Эрикъ царствуетъ въ Норвегіи—возстань противъ него! Немало добрыхъ воиновъ за тобой пойдутъ и клятву вѣрности дадутъ тебѣ; съ непобѣдимой силой устремимся мы впередъ, и отдыха не будемъ знать, пока не сядешь на престолѣ ты Гарфагара!

Сиг. Іордисъ, то пылкой юности моей былъ сонъ; пусть онъ забудется... не искушай меня, Іордисъ!

Іор. (*внушительно*). Воля Норнъ, чтобъ мы съ тобою шли вмѣстѣ; измѣнить того нельзя. Я поняла теперь, къ чему назначила меня судьба: тебѣ всесвѣтную доставлю славу я. Вѣдь каждый мигъ и часъ стоялъ ты передо мной. И какъ я силилась твой образъ вырвать изъ сердца моего!.. Напрасно! Силъ не стало. Къ чему теперь заботиться о томъ, когда я знаю, что меня ты любишь.

Сиг. (*съ притворной холодностью*). А если такъ, то знай... тебя любилъ я прежде; то дѣло прошлое, то время я забылъ.

Іор. Сигурдъ, не правду говоришь ты! Того я вѣрно стою, чтобъ, полюбивши разъ, меня ты не забылъ.

Сиг. (*съ силой*). Забыть я долженъ и хочу забыть!

Іор. Быть можетъ, только ты не позабудешь. Противиться ты станешь мнѣ, я знаю; но говорю тебѣ: еще до вечера узнаютъ обо всемъ Гуннаръ и Дагни.

Сиг. Ужель на такое дѣло рѣшишься ты?

Іор. Да, я исполню мое слово!

Сиг. Иное думалъ о тебѣ я; высокій духъ въ тебѣ я полагалъ.

Іор. Дни скорби порождаютъ и мысли злыя. Не въ мѣру на меня ты положился. Съ тобой на встрѣчу жизни, въ бой хочу идти я... мнѣ слишкомъ низокъ кровъ Гуннара.

Сиг. (*внушительно*). А честь, что такъ высоко ты цѣнила. Немало есть у насъ съ Гуннаромъ причинъ раздора. Скажи,—теперь, когда-бъ онъ отъ руки моей погибъ, ты все позѣдала-бъ и поступила-бъ, какъ сказала?

Іор. (*вздрагивая*). Зачѣмъ это тебѣ?

Сиг. Нѣтъ, прежде дай отвѣтъ. Что сдѣлала бы ты, когда-бъ я мужа твоего убилъ?

Іор. (*пристально глядя на него*). Тогда-бъ хранила я молчаніе и не нашла-бъ покоя, пока сраженнымъ не увидѣла тебя.

Сиг. (*улыбаясь*). Такъ, Іордисъ, я такъ и зналъ.

Іор. (*поспѣшно*). Да, но этого не будетъ никогда.

Сиг. Но это будетъ; сама ты жребій бросила о жизни нашей—Гуннара и моей! (*Гуннаръ съ нѣсколькими слугами входитъ изъ глубины сцены.*)

Гун. (*мрачно; къ Іордисъ*) Вотъ смотри, какъ всходитъ хорошо тобою брошенное сѣмя!

Сиг. (*подходитъ къ нему.*) Что съ тобою? Что случилось?

Гун. Сигурдъ, ты это?.. Что случилось? То, что я предвидѣлъ.—Какъ принесла мнѣ Дагни вѣсть о Корэ, я тотчасъ на коня и бросился къ сосѣдямъ, прося ихъ помощи.

Іор. (*возбужденно*). И что-же?

Гун. Куда-бъ ни обратился я, вездѣ одинъ отвѣтъ: не къ чести для себя веду я распрю съ Корэ; говорили и другое, но повторять не стану.—Вездѣ одно презрѣніе; въ поступкѣ гнусномъ меня винятъ,—безчестіемъ считаютъ имѣть со мною дѣло.

Сиг. Не долго же будетъ это слыть безчестіемъ. Еще до вечера людей не мало будетъ у тебя, чтобъ встрѣтить Корэ.

Гун. Сигурдъ!

Іор. (*тихо, торжествуя*). Ха, я знала.

Сиг. (*съ напускной рѣшительностью*). Но отнынѣ и между нами нарушенъ миръ. Внимай словамъ моимъ, Гуннаръ,—за то, что брата жены моей, Торольфа, ты убилъ, я завтра, на зарѣ, тебя на поединокъ вызываю. (*Іордисъ, сильно потрясенная, бросается къ Сигурду, но сдерживается и стоитъ неподвижно въ продолженіи слѣдующей сцены.*)

Гун. (*въ крайнемъ удивленіи*). На поединокъ!.. меня!.. шутишь ты, Сигурдъ!

Сиг. На поединокъ вызванъ ты законно; на жизнь или смерть. Одинъ изъ насъ на мѣстѣ остаться долженъ!

Гун. (*съ горечью*). А, понялъ я теперь. Ты съ Іордисъ говорилъ одинъ, когда вошелъ я; снова оскорбила она тебя.

Сиг. Быть можетъ. (*Въ полуоборотъ къ Іордисъ.*) Да, женщина съ высокимъ духомъ всегда честь мужа охранять должна. (*Обращаясь къ людямъ въ глубинѣ сцены.*) А вы идите къ сосѣдямъ и возвѣстите имъ, что завтра со мной на поединокъ онъ выходитъ; увидимъ, кто дерзнетъ того позорить, кто съ мечемъ въ рукахъ идетъ противъ Сигурда викинга. (*Люди выходятъ въ заднюю дверь.*)

Гун. (*быстро подходитъ къ Сигурду и въ сильномъ волненіи жметъ его руки*). Сигурдъ, мой храбрый братъ, теперь тебя я понялъ; ты жизнь готовъ отдать за мою честь, какъ нѣкогда за счастіе мое.

Сиг. Свою жену благодари. Всѣхъ болѣе она причастна въ этомъ. Такъ завтра, на зарѣ...

Гун. Мы встрѣтимся съ тобою. (*Съ нѣжностью.*) Братъ, добрый мечъ не примешь-ли ты отъ меня? То цѣнный даръ.

Сиг. Благодарю тебя; пусть останется на мѣстѣ онъ... кто знаетъ, придется-ль мнѣ владѣть имъ завтра.

Гун. (*жметъ ему руку*). Прости, Сигурдъ!

Сиг. Прости еще. Да будешь счастливъ ты! (*Они расходятся. Гуннаръ идетъ направо, Сигурдъ бросаетъ взглядъ на Іордисъ и уходитъ черезъ заднюю дверь.*)

Іор. (*молчитъ, потомъ тихо и задумчиво*). Завтра встрѣтятся они! Который изъ двухъ падетъ? (*Молчитъ, потомъ вскрикиваетъ съ твердой рѣшимостью.*) Кто-бъ ни погибъ... Сигурдъ и я,—мы будемъ вмѣстѣ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Берегъ моря. Вечеръ; мѣсяцъ по временамъ свѣтитъ между темныхъ грозовыхъ тучъ. Позади чернѣетъ могильный холмъ. Орнульфъ съ непокрытой головой сидитъ на камнѣ впереди съ правой стороны. Онъ упирается локтями на колѣни. Лицо склонено на руки. Его люди устраиваютъ холмъ; нѣкоторые свѣтятъ факелами. Спустя немного, Сигурдъ и Дагни выходятъ изъ шалаша. Внутренность шалаша освѣщена пламенемъ костра.

Дагни (*тихо*). Вотъ онъ,—все сидитъ тамъ. (*Удерживая Сигурда.*) Нѣтъ, оставь, не говори съ нимъ!

Сиг. Да, ты права; еще не время; оставимъ его въ покоѣ.

Дагни (*переходитъ на правую сторону и съ тихою грустью глядитъ на отца*). Какъ силенъ онъ былъ вчера, какъ бодро несъ онъ тѣло Торольфа! Потомъ съ людьми сталъ рыть могилу. Когда-же положили всѣхъ ихъ и засыпали землею, внезапно имъ овладѣла скорбь и силы оставили его. (*Отирая слезы.*) Скажи, Сигурдъ, когда ты думаешь отплыть домой въ Исландію?

Сиг. Когда утихнетъ буря и мы покончимъ съ Гуннаромъ счеты.

Дагни. И тогда ты землю купишь, и построишь домъ, и въ море болѣе ходить не будешь?

Сиг. Да, да,—я обѣщалъ.

Дагни. Сигурдъ, неправду сказала Іордисъ, что недостойна я твоей женою быть?

Сиг Будь покойна, Дагни, положись на слово мое.

Дагни. Такъ я теперь спокойна и постараюсь все забыть, что совершилось здѣсь. И дома, вечеромъ въ бесѣдахъ нашихъ, мы будемъ вспоминать Гуннара и Іордисъ, и...

Сиг. Слушай, Дагни, если хочешь, чтобъ намъ отнынѣ хорошо жилось, никогда въ бесѣдахъ нашихъ не поминай ты имени Іордисъ.

Дагни (*съ тихимъ упрекомъ*). Какъ ненавидишь ты ее! Сигурдъ, Сигурдъ, какъ непохоже это на тебя!

Одинъ изъ людей (*подходя*). Курганъ готовъ.

Орн. (*встрепенувшись*). Курганъ?.. Развѣ?.. да-да...

Сиг. Поговори теперь съ нимъ, Дагни.

Дагни (*подходя къ отцу*). Отецъ, здѣсь холодно, а къ ночи будетъ буря.

Орн. Гм., что-же въ этомъ! Курганъ засыпанъ плотно; имъ въ немъ тепло...

Дагни. Да, но тебѣ...

Орн. Мнѣ? Мнѣ не холодно.

Дагни. Ты ничего не ѣлъ сегодня. Пойдемъ домой, тамъ ужинъ ждетъ.

Орн. Пусть, я не голоденъ.

Дагни. Но, отецъ, сидѣть такъ неподвижно — не хорошо, повѣрь; ты не привыкъ къ тому!

Орн. Да, да... мнѣ что-то давитъ грудь—дышать такъ трудно... (*Онъ опять склоняетъ лицо на руки. Молчаніе.*)

Дагни (*садится около него*). Скажи, не думаешь-ли завтра снарядить корабль свой и домой въ Исландію вернуться?

Орн. Что мнѣ тамъ дѣлать? Нѣтъ, я хочу къ сынамъ.

Дагни (*съ грустью*). Отецъ!

Орн. (*поднимая голову*). Иди домой,— я здѣсь останусь. Пусть буря надъ головой моей бушуетъ! День, другой—и кончено!

Сиг. Орнульфъ! Ужели сдѣлаешь ты это?

Орн. Дивишься ты, что я покоя жажду? Я кончилъ свое дѣло: въ могилу положилъ сыновъ... (*Запальчиво*) Оставь меня! Иди, иди! (*Прячетъ лицо въ руки.*)

Сиг. (*тихо Дагни, которая встала*). Пусть посидитъ немного.

Дагни. Нѣтъ, еще одно слово скажу ему. Его я знаю. (*Къ Орнульфу.*) Отецъ, ты кончилъ свое дѣло, говоришь ты? Нѣтъ, не такъ. Ты сыновей своихъ въ могилу положилъ;—но развѣ ты не скальдъ? Ужели въ память ихъ ты не споешь плачевной пѣсни?

Орн. (*качаетъ головой*). Пѣть? Нѣтъ, нѣтъ; вчера я могъ бы пѣть—сегодня не могу... состарѣлся.

Дагни. Отецъ, не говори такъ. Ты долженъ пѣть. Развѣ не доблестные воины были всѣ сыны твои? Не подобаетъ ли ихъ чествовать хвалебной пѣснью? Изъ нашихъ родичей, самъ знаешь, некому, кромѣ тебя.

Орн. (*вопросительно глядитъ на Сигурда*). Пѣть?.. Сигурдъ, что скажешь ты?

Сиг. Орнульфъ, она сказала вѣрно.

Дагни. А сосѣди твои въ Исландіи что скажутъ, какъ узнаютъ, что хоть справляли по сынамъ Орнульфа тризну, а пѣснь про нихъ не сложена. Иль не успѣешь ты послѣдовать за ними?

Орн. Такъ, такъ, я попытаюсь, а ты, Дагни, внимай, чтобъ сохранить ту пѣснь для потомства. (*Люди приближаются съ факелами и окружаютъ его; онъ молчитъ, погруженный въ думу; потомъ начинаетъ пѣть.*)

**
*

Богъ могучій скальдовъ
Пѣсенъ даръ открылъ мнѣ;
Такъ звучи-же громко
Пѣснь о долѣ тяжкой!

(*Встаетъ*).

Мою жизнь разбила
Въ гнѣвѣ дикомъ Норна;
Закатилось счастье,
Нѣтъ сокровищъ лучшихъ!
* *
*
Семь бойцовъ отважныхъ
Мнѣ сынами были,—
А теперь остался
Я одинъ на свѣтѣ
* *
*
И тоскую горько
По героямъ славнымъ,
Что толпой могучей
Окружали старца...
* *
*
Мои дѣти пали,
Не вернется счастье!
Опустѣлый домъ мой
Грустенъ и безмолвенъ.
* *
*
Не избѣгнулъ смерти
Даже ты, мой Торольфъ,
Ты, изъ храбрыхъ храбрый,
Ты, послѣдній сынъ мой!
* *
*
Какъ цвѣтокъ весенній,
Ты былъ свѣжъ и молодъ,
И бойцомъ отважнымъ
Былъ ты мнѣ на радость.
* *
*
Ты погибъ, мой Торольфъ,
Отъ смертельной раны,
И тоска по сынѣ
Мнѣ терзаетъ сердце.
* *
*
Если-бъ былъ я молодъ,
И остеръ былъ мечъ мой,
Съ ненавистной Норной
Я въ борьбу вступилъ-бы
* *
*
И сурово, страшно
Отомстилъ-бы Норнѣ,
Что лишила старца
И надеждъ, и счастья...
* *
*
Но ужель лишился
Я всего на свѣтѣ?
Нѣтъ! Горжусь однимъ я
Несравненнымъ даромъ.
* *
*
(*Съ возрастающимъ восторгомъ.*)
Въ своей пѣснѣ вольной,
Полной вдохновенья,
Все излить могу я,
Чѣмъ душа томится.
* *
*
Такъ звучи же громко,
Пѣснь невзгодъ и горя,
Надъ могилой храбрыхъ
Раздавайся смѣло!
* *
*
И снеси въ могилу
Моимъ дѣтямъ славнымъ
Отъ отца ихъ, старца,
Ты привѣтъ прощальный!
* *
*
Вамъ, сыны-герои,
Что несетесь гордо
Въ чудный край, къ Валгаллѣ,
Возглашаю славу!
* *
*
И смягчаютъ боги
Мою скорбь и горе;
Подъ напѣвъ прощальный
Я воспрянулъ духомъ!...

(*Онъ глубоко вздыхаетъ, откидываетъ волосы со лба и говоритъ спокойно.*) Да, да... теперь Орнульфъ снова бодръ и силенъ. (*Обращаясь къ людямъ.*) Друзья, пойдемте ужинать; тяжелая нынѣ была работа. (*Входитъ въ шалашъ, люди за нимъ.*)

Дагни. Хвала богамъ всесильнымъ, что научили меня сказать ему хорошее слово. (*Сигурду.*) Ты развѣ не взойдешь?

Сиг. Нѣтъ. Скажи мнѣ, Дагни, все ли на завтра готово?

Дагни. Да, готово. Тамъ на скамьѣ лежитъ покровъ; я его шелковымъ кружевомъ обшила, но, я знаю, Гуннару не одолѣть тебя, и за работой я не плакала.

Сиг. Молю небесныя силы, чтобъ никогда тебѣ не лить слезъ изъ-за меня. (*Останавливается и слушаетъ.*)

Дагни. Что слушаешь ты?

Сиг. Развѣ не слышишь? тамъ... (*Показываетъ налѣво.*)

Дагни. Тамъ, надъ моремъ, разыгралась буря.

Сиг. Гм, и здѣсь быть бурѣ нынѣшнею ночью. (*Кричитъ.*) Кто тамъ?

Корэ. (*снаружи, слѣва.*) Люди знакомые тебѣ, Сигурдъ викингъ.

Корэ съ толпой вооруженныхъ людей (*входитъ слѣва.*)

Сиг. Куда вы?

Корэ. Къ дому Гуннара.

Сиг. Какъ враги?

Корэ. Въ томъ можешь положиться на меня. Ты уже помѣшалъ мнѣ разъ; теперь, я думаю, мѣшать не станешь.

Сиг. Быть можетъ.

Корэ. Узналъ я, что ты Гуннара вызвалъ; если все пойдетъ такъ, какъ я хочу, безсильно будетъ оружіе его, когда придетъ часъ встрѣтиться съ тобою.

Сиг. Опасное дѣло затѣялъ ты, берегись!

Корэ (*съ вызывающимъ смѣхомъ*). То мое дѣло... А сегодня ночью, какъ станешь ты корабль снаряжать, мы посвѣтимъ тебѣ. (*Лю-*

дямъ.) Идемъ, идемъ!.. (*Уходятъ направо въ глубину сцены.*)

Дагни. Сигурдъ, Сигурдъ—ужель допустишь ты свершиться такому дѣлу!

Сиг. (*быстро подходитъ къ двери шалаша и зоветъ*). Орнульфъ, вставай! Мстить надо Корэ.

Орн. (*выходитъ съ остальными*). Крестьянинъ Корэ,—гдѣ онъ?

Сиг. Идетъ къ дому Гуннара. Онъ замыслилъ сжечь его.

Орн. Ха, ха!.. пусть жжетъ!.. такъ свершится месть моя противъ Гуннара и Іордисъ. А Корэ не уйдетъ отъ рукъ моихъ.

Сиг. Нѣтъ, не дѣло говоришь ты; лишь нынче въ ночь настигнешь ты его; свершивши злодѣяніе, онъ удалится въ горы. Гуннара вызвалъ я на поединокъ и отъ тебя онъ не уйдетъ,—развѣ я самъ... но не въ этомъ дѣло. Въ эту ночь Гуннара ты долженъ защитить; не пристало тебѣ уступать свою месть злодѣю.

Орн. Ты правъ. Сегодня я долженъ заступиться за убійцу Торольфа, но завтра онъ долженъ умереть.

Сиг. Онъ или я,—не сомнѣвайся.

Орн. За мной! идемъ отмстить за сыновей Орнульфа. (*Выходитъ съ своими людьми въ глубину сцены направо.*)

Сиг. Дагни, иди туда, за ними. Я здѣсь останусь; ужь разнесся слухъ о поединкѣ нашемъ; до времени не долженъ я встрѣчаться съ Гуннаромъ. Ты-же за отцомъ блюди—онъ съ честью долженъ свое дѣло совершить. А у Гуннара въ домѣ немало женщинъ,—Іордисъ и другія; оградить ихъ надо отъ бѣды.

Дагни. Иду за ними. Заботишься ты даже объ Іордисъ, благодарю тебя.

Сиг. Иди, иди, Дагни!

Дагни. Иду, но не тревожься. У Іордисъ есть оружіе и за себя она съумѣетъ постоять.

Сиг. Такъ думаю и я; но поспѣши; не оставляй отца, блюди за всѣми—и за женой Гуннара!

Дагни. Я все исполню, будь увѣренъ. До свиданья! (*Уходитъ.*)

Сиг. Впервые стою я безоруженъ, когда грозитъ тебѣ опасность, Гуннаръ, братъ мой. (*Прислушивается.*) Я слышу крикъ и звонъ мечей;— они ужь тамъ. (*Идетъ направо и отступаетъ въ удивленіи.*) Іордисъ! Она идетъ сюда!

(*Входитъ* **Іордисъ**. *На ней короткая красная епанча, съ позолоченнымъ оружіемъ: шлемъ, панцырь и проч. Волоса распущены, за спиной колчанъ, у пояса виситъ небольшой щитъ. Въ рукахъ лукъ съ натянутой тетивой изъ ея волосъ.*)

Іор. (*быстро оглядываясь назадъ, какъ бы въ страхѣ преслѣдованія, стремительно подходитъ къ Сигурду, схватываетъ его за руку и шепчетъ.*) Сигурдъ, Сигурдъ, гляди... ты видишь?

Сиг. Что?... Гдѣ?...

Іор. Волкъ... вотъ, за мною... онъ стоитъ неподвижно... глаза горятъ... какъ пристально глядитъ онъ на меня. То смерть моя, Сигурдъ! Три раза ужь онъ мнѣ являлся; то предвѣщаетъ, что мнѣ сегодня умереть!...

Сиг. Іордисъ, Іордисъ!

Іор. Вотъ онъ исчезъ, сквозь землю провалился... Да,—то предвѣщаетъ смерть!...

Сиг. Іордисъ, ты больна. (*Показываетъ на плечо.*) Пойдемъ, иди сюда за мной!

Іор. Нѣтъ, не пойду; мнѣ мало времени осталось.

Сиг. Скажи мнѣ, что съ тобой? Иль что случилось?...

Іор. Со мной?.. сама не вѣдаю; но правду ты сказалъ, что между нами стоятъ Гуннаръ и Дагни. Уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ отъ жизни; тогда мы будемъ вмѣстѣ!

Сиг. Мы? Но какъ-же!...

Іор. (*съ достоинствомъ*). Въ тотъ день, когда другую ты избралъ, лишилась я отчизны. Неправое тогда свершилъ ты дѣло. Все воленъ человѣкъ отдать своему другу,—все, кромѣ женщины любимой. Тогда онъ разрываетъ сокрытую нить Норны и сокрушаются двѣ жизни. Да, вѣрный голосъ говоритъ мнѣ: я создана была, чтобъ въ дни невзгоды сильнымъ духомъ ободрять и укрѣплять тебя; а ты рожденъ былъ для того, чтобъ все великое и славное нашла я въ одномъ мужѣ. И знаю я, Сигурдъ, когда бы насъ судьба соединила, ты сталъ бы славнѣе, а я счастливѣй всѣхъ людей на свѣтѣ.

Сиг. Сокрушаться теперь не время. Или ты думаешь, меня ждетъ радость въ жизни? Изо дня въ день быть съ Дагни и притворяться въ любви къ немилой сердцу? Но такъ должно быть—измѣнить того нельзя.

Іор. (*съ возрастающей страстью*). То должно измѣниться! Мы уйдемъ отъ жизни,—оба! Видишь эту тетиву; она не дастъ мнѣ промахнуться; не мало заклинаній свершила я надъ ней!! (*Кладетъ стрѣлу на натянутый лукъ.*) Слышишь! Какъ въ воздухѣ шумитъ? То мертвецы въ Валгаллу мчатся: я чарами ихъ собрала сюда, и мы съ тобой послѣдуемъ за ними!

Сиг. Іордисъ, Іордисъ... я боюсь тебя!

Іор. (*не слушая его*). Отнынѣ не властны надъ нами никакія силы!.. Да, лучше такъ!.. Что въ томъ, что стала-бъ я твоей женой и, сидя дома, пряла и ткала-бъ на тебя, рождала бы дѣтей!.. Какой позоръ!...

Сиг. Молчи, остановись! Отъ заклинаній умъ помрачился твой, Іордисъ! (*Съ ужасомъ.*) Гляди, гляди!.. Домъ Гуннара... онъ пламенемъ объятъ!...

Іор. Пусть, пусть горитъ! Тамъ въ облакахъ есть палаты прекраснѣе жилища Гуннара!

Сиг. Но Эгиль, твой сынъ... его убьютъ!

Іор. Пусть убиваютъ... Съ нимъ умретъ и мой позоръ!

Сиг. А Гуннаръ—твой мужъ... онъ гибнетъ!

Іор. Что мнѣ до того! За лучшимъ мужемъ пойду я вслѣдъ!... Да, такъ должно быть, Сигурдъ... Здѣсь, на землѣ нѣтъ счастья мнѣ. Идетъ на сѣверъ свѣтлый богъ; его я встрѣтить не хочу. А старые наши боги—утратили свою силу; ихъ сонъ объялъ, они теперь лишь тѣни. Мы вмѣстѣ съ ними въ бой пойдемъ, бороться будемъ. Сигурдъ, уйдемъ, оставимъ землю!... Тамъ, на небѣ, я царскій дамъ тебѣ престолъ и около тебя возсяду! *(Страшные порывы бури.)* Слышишь, слышишь!... Вотъ мчатся всадники!.. видишь, кони черные?.. Они для насъ съ тобою! *(Натягиваетъ лукъ и стрѣляетъ.)* Иди-жь въ послѣдній путь свой!

Сиг. Не промахнулась ты, Іордисъ! *(Падаетъ.)*

Іор. *(въ дикомъ восторгѣ бросается къ нему).* Братъ мой, Сигурдъ,—теперь ты мой на вѣки!

Сиг. Я менѣе твой теперь, чѣмъ прежде. Расходятся здѣсь наши пути: я—христіанинъ.

Іор. *(въ ужасѣ).* Ты!—О, нѣтъ, нѣтъ!...

Сиг. Свѣтлый Богъ сталъ моимъ Богомъ. Его открылъ мнѣ Этельстанъ король; къ нему теперь иду я.

Іор. *(въ отчаяніи).* А я!... *(Роняетъ лукъ.)* О горе! Горе мнѣ!..

Сиг. Тяжела мнѣ стала жизнь съ того часа, какъ отъ сердца моего тебя я оторвалъ и уступилъ Гуннару. Благодарю тебя, Іордисъ; теперь легко мнѣ,—я свободенъ. *(Умираетъ.)*

Іор. *(спокойно).* Умеръ! Погубила я свою душу. *(Буря усиливается. Іордисъ въ безумномъ ужасѣ кричитъ.)* Они идутъ! Я чарами сюда ихъ вызвала! Нѣтъ, не пойду я съ вами! Нѣтъ, безъ Сигурда не пойду!... Все напрасно... они увидѣли меня, смѣются, манятъ; вотъ коней погнали, мчатся! *(Бросается назадъ къ краю скалы.)* Ужь они близко... куда бѣжать?... Куда мнѣ скрыться!.. Туда, туда, въ морскую бездну!.. *(Бросается со скалы.)*

(Орнульфъ, Дагни, Гуннаръ съ сыномъ *входятъ съ правой стороны; за ними люди* **Сигурда и Орнульфа.)**

Орн. *(обращаясь лицомъ къ кургану).* Теперь усните съ миромъ; за васъ я отомстилъ.

Дагни *(входитъ).* Отецъ, отецъ... какъ страшно мнѣ... кровавый бой и буря; — слышишь, слышишь?..

Гун. *(несетъ сына).* Миръ и убѣжище моему сыну!

Орн. Гуннаръ!

Гун. Да, Орнульфъ, сожженъ домъ мой и убиты мои люди; я въ твоей власти, твори со мной, что хочешь!

Орн. То будетъ дѣломъ Сигурда. Идемъ, укрыться надо! здѣсь опасно!

Дагни. Да, да, идемъ! *(Идетъ къ шалашу и, увидѣвъ тѣло Сигурда, вскрикиваетъ.)* Сигурдъ!.. Мужъ мой!.. Онъ убитъ! *(Бросается къ нему.)*

Орн. *(быстро подходитъ къ ней).* Сигурдъ!

Гун. *(спуская съ рукъ сына).* Сигурдъ! умеръ!

Дагни *(въ отчаяніи глядитъ на собравшихся вокругъ тѣла.)* Нѣтъ, нѣтъ, не умеръ... онъ живъ. *(Замѣчаетъ лукъ.)* Что это? *(Встаетъ.)*

Орн. Вѣрно ты сказала, дочь моя... Сигурдъ убитъ.

Гун. *(осыненный внезапной мыслью).* А Іордисъ!.. Была Іордисъ здѣсь?..

Дагни *(тихо, сдерживая горе).* Не знаю я, но то я знаю, что здѣсь былъ лукъ ея.

Гун. Да, такъ я и думалъ!

Дагни. Молчи, молчи! *(Про себя.)* О, какъ ненавидѣла она его!

Гун. *(въ сторону).* Она его убила... и наканунѣ поединка; любила, стало быть, меня. *(Всѣ присутствующіе содрогаются отъ ужаса. Въ воздухѣ слышенъ топотъ коней, на которыхъ павшіе герои несутся въ Валгаллу.)*

Эгиль *(въ ужасѣ).* Отецъ! Гляди, гляди!..

Гун. Что?... Гдѣ?...

Эгиль. Тамъ высоко на небѣ...Все кони черные!..

Гун. То несутся тучи...

Орн. Нѣтъ, то мертвые мчатся въ Валгаллу.

Эгиль *(вскрикиваетъ).* Съ ними мать моя!

Дагни. Силы небесныя!

Гун. Дитя, что говоришь ты?

Эгиль. Тамъ впереди.... на черномъ конѣ! Отецъ, отецъ!.. *(Онъ въ ужасѣ прижимается къ отцу; краткое молчаніе; буря утихаетъ; тучи разступаются, мѣсяцъ мягкимъ свѣтомъ освѣщаетъ сцену.)*

Гун. *(съ тихой грустью).* Теперь я знаю—Іордисъ умерла!

Орн. Мнится мнѣ, что такъ, Гуннаръ;—ей мстилъ я больше, чѣмъ тебѣ, и дорого съ тобой мы поплатились за эту встрѣчу... Дай руку; миръ и дружба пусть будетъ между нами.

Гун. Благодарю тебя, Орнульфъ! А теперь, въ море! И я въ Исландію съ тобой!

Орн. Да, въ Исландію! Насъ долго не забудутъ здѣсь!

Въ пѣсняхъ, въ сагахъ вдохновенныхъ
Величать насъ будутъ скальды,
И по сѣверу далеко
Разнесутся ихъ напѣвы...

* *
*

Славя храбрыя дѣянья,
Смѣлость нашего похода,
Будутъ жить тѣ пѣсни скальдовъ
Долго въ памяти народа!..

Конецъ.

Женскій вопросъ!

Фарсъ въ двухъ дѣйствіяхъ,

Людвига Фульда.

Переводъ **Н. Ф. Арбенина.**

Къ представленію дозволено 3 января 1892 года, № 15.

Пьеса одобрена Театрально-Литературнымъ Комитетомъ и шла въ первый разъ въ Императорскомъ Московскомъ Маломъ театрѣ, 14 января 1892 года, въ бенефисъ Г. Н. Ѳедотовой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Людвигъ Кернеръ, помѣщикъ.
Эрна, его дочь.
Баронъ фонъ-Фирнгофъ, его сосѣдъ.
Поль Штейнбергъ, драматургъ.
Хильнеръ, профессоръ исторіи литературы.
Людмила, его жена.
Dr. Георгъ Краузенекъ, журналистъ.
Гретхенъ, его жена.
Бруно Петерсонъ, молодой филологъ.
Dr. Розенталь, профессоръ филологіи.
Фотографъ.
Англичанинъ, корреспондентъ газеты.
Яковъ. } прислуга у Кернера.
Мина. }
Члены Общества «Пропаганда печатнаго слова».

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни, въ окрестностяхъ Дрездена, въ имѣніи г. Кернера.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена—большая, уютно меблированная комната. Противъ зрителя дверь на балконъ; за балкономъ виднѣется садъ. По бокамъ двери—окна. Съ правой стороны двѣ двери, съ лѣвой стороны одна дверь. На авансценѣ, съ правой—окно; съ лѣвой—каминъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Яковъ *при поднятіи занавѣса сидитъ въ креслѣ и глубокомысленно читаетъ газету. Изъ передней боковой двери съ правой стороны выходитъ* **Эрна**, *она озирается и останавливается въ дверяхъ.*

Эрна (*тихо*). Яковъ!

Яковъ (*недовольно всталъ*). Чего изволите?

Эрна. Г. Штейнбергъ вставалъ?

Яковъ (*не слушая*). Давно гулять пошелъ—къ Шиллеровскому клену.

Эрна (*въ сторону*). Что-то онъ скажетъ мнѣ о моей пьесѣ... (*Якову.*) А гдѣ папа?

Яковъ. Извѣстно гдѣ—въ библіотекѣ...

Эрна. Когда выйдетъ—скажи мнѣ... Я буду въ моей комнатѣ.

Яковъ. Слушаю. (*Эрна уходитъ. Недо-*

вольно.) Хмъ!... То тотъ, то другой—ни минуты покоя! (*Садясь.*) А статья интересная... (*Читаетъ.*) «Въ политико-экономическихъ сферахъ этотъ вопросъ аб-со-лют-но...»

(Изъ средней двери выходитъ Фирнгофъ. Онъ въ охотничьемъ костюмѣ, за плечами ружье).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Яковъ и Фирнгофъ.

Фир. Здравствуй, Яковъ!

Яковъ *(всталъ, недовольно).* Здравствуйте, т. баронъ.

Фир. Фу, усталъ! (*Снимаетъ шляпу, обтираетъ платкомъ лобъ, садится и закуриваетъ сигару.*) Кернеръ вернулся изъ города?

Яковъ Вернулся—вчера еще.

Фир. Не знаешь, сигары привезъ?

Яковъ. Сигары? Не могу знать. Человѣка вотъ привезли, да не одного, двухъ разомъ.

Фир. Какого человѣка?

Яковъ. Г. Штейнберга—театральнаго писателя.

Фир. А! знаю: драматурга дрезденскаго театра?

Яковъ. Такъ точно... А другой—тоже театральщикъ—г-нъ Гинсбургъ... Этотъ пообѣдалъ у насъ, да вчера-же уѣхалъ обратно въ Дрезденъ.

Фир. Сбѣжалъ? Отъ «библіотеки» что-ли? (*За сценой голоса Кернера и Мины.*)

Яковъ. А вотъ и г. Кернеръ!

(*Кернеръ быстро выходитъ изъ лѣвой боковой двери, у него въ рукахъ каталогъ книгъ. За нимъ Мина.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Фирнгофъ, Яковъ, Кернеръ и Мина.

Мина. Завтракъ въ саду накрыли.

Вмѣстѣ { **Кер.** Въ саду такъ въ саду—все равно!
Мина. Кофе не прикажите-ли.

Кер. Не хочу, не надо. (*Мина уходитъ*) Номеръ 6424 — сочиненія Ауэрбаха,—номеръ 6425...

Яковъ. Слышали, г. Кернеръ, въ экономическихъ сферахъ...

Кер. Отстань!... «Сочиненія Лессинга... (*Голосъ Мины:* «Яковъ! Яковъ!») Номеръ 6426—сочиненія Шопенгауэра...

Яковъ. Г. Кернеръ!

Кер. Отстань, тебѣ говорятъ! (*Одновременно голосъ Мины:* «Яковъ!»)

Яковъ (*сердито*). Иду, иду! (*Уходитъ.*)

Фир. Здравствуй, Людвигъ!

Кер. (*мимоходомъ*). Здравствуй, Максъ! А номера 6427-го нѣтъ... (*Садится и просматриваетъ каталогъ.*)

Фир. Ты былъ въ Дрезденѣ?

Кер. Ну, былъ, былъ, былъ! Что ты пристадъ ко мнѣ?

Фир. Что новаго?

Кер. Шкапъ № 10, полка № 6...

Фир. Лошадь купилъ?

Кер. Рядъ № 3...

Фир. Не купилъ? Что такъ? (*Молчаніе.*) Знаешь, Людвигъ, сегодня ровно 15 лѣтъ, какъ мы съ тобой ежедневно встрѣчаемся!

Кер. (*сердито уставился на Фирнгофа*). Ну, 15 лѣтъ?! Что-же дальше?

Фир. Да, 15 лѣтъ—могу тебѣ показать въ моемъ дневникѣ.

Кер. (*перебивая*). Который ты аккуратно ведешь съ 47-го года.

Фир. Да, съ 47 года.

Кер. Это ты мнѣ говоришь каждое утро.

Фир. Это семейная традиція: съ 47 года веду я его, и мой отецъ...

Кер. И твой дѣдъ.

Фир. И мой дѣдъ аккуратно исполняли это. Сегодня, ровно 89 лѣтъ тому назадъ мой дѣдъ убилъ трехъ зайцевъ.

Кер. Съ чѣмъ его и поздравляю!! (*Опять смотритъ въ каталогъ.*)

Фир. Да, трехъ зайцевъ. Что-же ты дѣлалъ въ Дрезденѣ?

Кер. Ну, чего ты пристадъ ко мнѣ?.. Книги закупалъ!

Фир. Вотъ скука!

Кер. Скука?! А твое безцѣльное шатаніе по полямъ и по болотамъ—не скука? нѣтъ? Не скука, спрашиваю я тебя, не скука? Не скука?

Фир. Ну, чего-же ты кипятишься?

Кер. Не скука?! За 5 лѣтъ убилъ всего на всего три галки, да подстрѣлилъ ногу собственной собакѣ — справься-ка въ дневникѣ.... Охотникъ!

Фир. Ты сегодня не въ духѣ... Прощай, Людвигъ!

Кер. Прощай, Максъ!

(*Фирнгофъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Кернеръ (*одинъ*).

Кер. (*указывая въ ту сторону, куда ушелъ Фирнгофъ*). Фу, и такъ каждый Божій день! Хорошъ разговоръ! Нѣтъ, кончено! Заберу библіотеку—и перебираюсь въ городъ...

(Изъ передней боковой двери съ правой стороны выходитъ Эрна.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Кернеръ и Эрна.

Эрна. Съ добрымъ утромъ, папочка! Но, что съ тобой?

Кер. Призадумаешься, другъ мой, призадумаешься. 15 лѣтъ! Такъ жить нельзя!

Эрна. О чемъ ты говоришь? Я тебя не понимаю.

Кер. Не понимаешь? Какъ не понимаешь?

Эрна (*улыбаясь*). Не понимаю, о чемъ ты сокрушаешься?

Кер. (*чувствуется, что онъ повторяетъ чужія слова*). А вотъ о чемъ—только прошу тебя, не перебивай меня — я, какъ старый эгоистъ, забылъ о твоемъ существованіи! (*Эрна дѣлаетъ движеніе.*) Да, да, да! пора встряхнуться! пора въ Дрезденъ! кого ты здѣсь видишь? Какое общество тебя окружаетъ?

Эрна (*важно*). Но, папа, я занимаюсь, читаю...

Кер. (*сдѣлалъ довольное выраженіе лица, но вдругъ спохватился*). Въ то время, какъ твои сверстницы пользуются молодостью, веселятся...

Эрна (*важно*). Полно, полно, папочка, увѣряю тебя, что я имъ нисколько не завидую. (*Улыбаясь*) И все это ты говоришь со словъ добрѣйшей тетушки—сознайся... (*Во время этихъ словъ Эрны Кернеръ отмахивается отъ нея руками и закрываетъ себѣ уши. Эрна присаживается къ нему.*) Самъ ты очень любишь, когда я читаю, когда занимаюсь...

Кер. (*забылся; ей въ тонъ*). Люблю—ты у меня умница, вся въ меня... (*Спохватился.*) Тьфу! тьфу! тьфу!

Эрна. Поперхнулся? А потому—прекратимъ этотъ разговоръ.

Кер. Какъ прекратимъ? Я главнаго и не сказалъ.

Эрна. Тетушка велѣла?

Кер. Нѣтъ, самъ, самъ... совершенно серьезно... Видишь-ли, Эрна... (*Путается въ словахъ.*) Какъ бы это? твое сердце... опасный періодъ... новое чувство... сердце забьется... встрѣтишь человѣка...

Эрна. Папа!

Кер. (*вскочилъ*). Ну, какъ съ тобой толковать! Опасный періодъ, сердце забьется! Предупреждаешь! Новое чувство! а... а... а... ты сердишься! (*Въ сторону.*) Вотъ такъ поговорилъ, нечего сказать—отличился, исполнилъ порученіе!

(*Изъ средней двери входитъ Штейнбергъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Штейнбергъ.

Шт. Здравствуйте, г. Кернеръ!

Кер. (*не замѣчая его, сердито*). Здравствуйте! (*Обернулся.*) А, г. Штейнбергъ,—гулять изволили?

Шт. (*Эрнѣ*). Съ добрымъ утромъ!... Да, мѣста у васъ здѣсь дѣйствительно прелестныя! Красота!

Кер. Не правда-ли? Не даромъ же великій Шиллеръ восхищался ими! (*Весь воодушевился.*) А кленъ его видѣли?

Шт. (*въ сторону*). Ну, попалъ въ колею!

Кер. Какже, какже, нашъ великій поэтъ частенько посѣщалъ эти мѣста. Это не выдумка, все основано на достовѣрныхъ фактахъ... Видите-ли, тутъ неподалеку отъ меня живетъ помѣщикъ Фиригофъ — у него былъ отецъ— вообще у нихъ въ семействѣ традиція писать дневники—такъ вотъ, въ дневникѣ его отца вы часто встрѣчаете имя великаго поэта; есть даже указаніе, что онъ здѣсь гостилъ по нѣсколько дней, и—писалъ, замѣтьте—писалъ!! А знаете-ли, гдѣ было его излюбленное мѣсто? Въ моей библіотекѣ! въ моей библіотекѣ! Да, г. Штейнбергъ, вотъ ужь чѣмъ могу похвастаться, такъ этой библіотекой—семь тысячъ томовъ, всѣ классики, какъ римскіе, такъ и греческіе, вся литература среднихъ вѣковъ, англійская, французская, итальянская, испанская, вся нѣмецкая литература отъ древнѣйшихъ временъ...

(*Входитъ Яковъ изъ задней боковой двери, справа.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же и Яковъ.

Яковъ (*въ рукахъ газета*). Тамъ...

Кер. Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ...

Яковъ. Тамъ...

Кер. Лопе, Сервантесъ, Данте, Кальдеронъ...

Эрна. Папа, Яковъ...

Кер. Мюссе, Дюма, Лассаль, Гуцковъ...

Эрна. Яковъ...

Кер. Сейчасъ! Гейне, Шлоссеръ, Маколей...

Яковъ. Тамъ управляющій.

Кер. Отстань! Шелли, Тассо, Теккерей...

Яковъ. Говоритъ...

Кер. Отстань! Братья Шлегель, Грисъ, Гервинусъ...

Яковъ. Говоритъ, очень нужно.

Кер. Аристотель...

Яковъ. Очень нужно.

Кер. Фу! провалитесь отъ меня! Ни минуты покоя! Поговорить не дадутъ!

(*Кернеръ быстро уходитъ въ заднюю дверь справа, Яковъ слѣдуетъ за нимъ.*)

Шт. Однако, вашъ папа большой любитель словесности!

Эрна (*тихо*). Вы прочли мою пьесу?

Шт. Да, мнѣ необходимо поговорить съ вами о вашемъ «Женскомъ вопросѣ».

(*Входитъ Кернеръ.*)

Эрна. Тсъ! Помните, что это тайна! Папа этого не знаетъ!

Кер. На чемъ я остановился? Маколей... Теккерей... Нѣтъ, сбили! Пойдемте въ библіотеку—тамъ намъ никто не помѣшаетъ. (*Беретъ Штейнберга подъ руку и быстро уводитъ его въ боковую дверь слѣва.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Эрна (*одна*).

Эрна. Ну, теперь папа не скоро отпуститъ его! А я просто сгораю отъ нетерпѣнія услы-

шать его отвѣтъ! Только бы скорѣй Гинсбургъ провелъ пьесу въ цензурѣ и прислалъ мнѣ цензурованный экземпляръ... *(Слышенъ шумъ отъ подъѣзжающаго экипажа. Эрна идетъ къ двери и останавливается.)* Кто-то ѣдетъ... *(Прислушивается.)*

(Входитъ Яковъ изъ средней двери.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Эрна и Яковъ.

Яковъ *(съ газетой)*. Тамъ пріѣхалъ какой-то молодой человѣкъ—спрашиваетъ...

Эрна. Меня?

Яковъ. Нѣтъ, г. Кернера.

Эрна. Какой онъ изъ себя?

Яковъ. Такъ... невзрачный.

Эрна. Конторщикъ какой-нибудь?

Яковъ. Нѣтъ, — говоритъ, ученый... фи... *(Припоминая)* ло-локъ.

Эрна. Ученый? Проси.

Яковъ *(выходитъ на балконъ)*. Пожалуйте! *(Входитъ Петерсонъ изъ средней двери. Яковъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Эрна и Петерсонъ *(небрежно одѣтъ, носитъ большія очки, очень неловокъ. Увидавъ* **Эрну**, *онъ страшно сконфуженъ.)*

Пет. Простите, сударыня, мнѣ казалось— я только хотѣлъ—я думалъ, г. Кернеръ...

Эрна. Г. Кернеръ сейчасъ придетъ. Я, я— его дочь. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе...

Пет. Петерсонъ — Бруно Петерсонъ—филологъ. Позвольте, моя визитная карточка... *(Ищетъ въ карманахъ.)* Впопыхахъ, должно быть, забылъ...

Эрна *(улыбаясь)*. Не безпокойтесь, я вамъ и такъ вѣрю. Садитесь, пожалуйста.

Пет. Вы очень любезны... *(Садится. Продолжительное молчаніе.)* Я вамъ не мѣшаю?

Эрна. Нѣтъ, нѣтъ...

Пет. Мнѣ крайне неловко—я осмѣлился... Дѣло вотъ въ чемъ: я хочу писать диссертацію... Простите, что я говорю про себя...

Эрна. Пожалуйста, пожалуйста. И такъ, вы собираетесь писать диссертацію; на какую же тему?

Пет. При всемъ желаніи, я вамъ этого сказать не могу, такъ какъ она еще не написана. Разумѣется, я бы охотнѣе всего коснулся Шиллера, моего любимаго поэта.

Эрна *(восторженно)*. Шиллера!

Пет. *(такъ же)*. О, что это за геній! Что же можетъ быть выше его Донъ Карлоса, этого литературнаго памятника, выше его лирическихъ произведеній, его «Перчатки», «Художниковъ», «Пѣсни о колоколѣ»...

(Декламируетъ съ пафосомъ, отбивая каждый стихъ.)

Благодатный
Льется съ тучи,
Дождь могучій
Но и молній страшный лучъ
Съ тѣхъ же тучъ!
Чу! на башнѣ, бьютъ набатъ!
То пожаръ!
Словно жаръ!
Небо рдѣетъ,
Но не утро то алѣетъ.
Чу! тревога...
Стукъ и громъ...
Дымъ кругомъ.
Стеколъ трескъ и дребезжанье
Матерей, дѣтей рыданье,
Стоны, крики,
Безпокойный
Ревъ звѣрей, вой бури дикій
Все слилося въ шумъ нестройный.

(Совершенно растерялся.) Простите, я, кажется, увлекся! Но это такъ хорошо!

Эрна. О, да, это прелестно! Какой странный господинъ!

Пет. Не правда-ли? *(Восторженно.)* И вотъ когда я сегодня въ 195 номерѣ «Дрезденскаго Обозрѣнія» прочелъ величайшее извѣстіе, способное составить эпоху, что здѣсь, въ вашемъ имѣніи, скрывается драгоцѣнный кладъ — неизданное и неизвѣстное произведеніе божественнаго Шиллера...

Эрна. Здѣсь?

Пет. Да, здѣсь.

Эрна *(въ сторону)*. Что это значитъ?

Пет. *(вынимая изъ кармана газету, восторженно читаетъ)*. Вотъ, вотъ! *(Читаетъ.)* «Намъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ что въ деревушкѣ Лошвицъ, въ пяти часахъ ѣзды отъ Дрездена, сохранился одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ отечественной литературы — неизданный и неизвѣстный манускриптъ Шиллера. Какъ извѣстно, великій поэтъ часто посѣщалъ эти мѣста. Что касается г. Кернера, настоящаго владѣльца этого имѣнія, то намъ сообщаютъ, повторяемъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что это—всесторонне образованный человѣкъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радушнѣйшій хозяинъ, который съ радостью откроетъ двери своего дома и своей библіотеки каждому любителю словесности».

Эрна. И вы?

Пет. Да—я осмѣлился... Прочитавъ это извѣстіе, я побѣжалъ къ моему почтенному профессору, доктору литературы Хильнеру... Вы, навѣрно, знакомы съ именемъ этого великаго знатока словесности?

Эрна. Да, кажется, слышала... Не написалъ ли онъ книгу?

Пет. Какже, какже! «О вліяніи повареннаго искусства на производительность поэта». Замѣчательнѣйшій трудъ!

Эрна. Да, да!.. И вы рѣшились насъ посѣтить...

Пет. О, да — если только вашъ многоуважаемый батюшка будетъ такъ добръ — дозволитъ мнѣ заняться изслѣдованіемъ вашей библіотеки. Моя благодарность — разумѣется — я бы упомянулъ объ этомъ въ предисловіи къ моей диссертаціи.

Эрна. Вы слишкомъ любезны... *(Въ сторону.)* Ничего не понимаю! *(Петерсону.)* Такъ не хотите-ли пройти въ библіотеку? *(Звонитъ).*

Пет. Въ библіотеку? Господи! и вы еще спрашиваете...

(Входитъ Яковъ изъ средней двери, въ рукахъ газета.)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Яковъ.

Эрна. Проведите г. ученаго въ библіотеку и снесите его багажъ въ угловую комнату, во второмъ этажѣ.

Яковъ. *(осматриваясь).* Багажъ? Гдѣ же онъ у нихъ.

Пет. *(сконфуженно).* Пожалуйста, не безпокойтесь... У меня весь багажъ въ боковомъ карманѣ сюртука... я захватилъ только самое необходимое... Простите...

Эрна *(въ полномъ недоумѣніи).* До свиданія... желаю успѣха...

Пет. Имѣю честь .. моя благодарность... я беру смѣлость... *(Удаляется, пятясь къ двери съ лѣвой стороны, у которой стоитъ Яковъ; спотыкается и уходитъ съ Яковомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Эрна *(одна).*

Эрна. Что это значитъ? Тутъ, ясно, какое-нибудь недоразумѣніе. Гдѣ же, однако, папа... *(Голосъ Кернера:* Эрна! Эрна!) Наконецъ-то! *(Входитъ Кернеръ изъ средней двери.)*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Эрна и Кернеръ.

Кер. Эрна, ты не видала Штейнберга? Сталъ ему показывать дневникъ Фирнгофа, а его и слѣдъ простылъ! Да, знаешь, сегодня ровно 99 лѣтъ тому назадъ Шиллеръ ночевалъ въ нашемъ домѣ.

Эрна. А я, папа, хотѣла тебѣ сообщить удивительную новость.

Кер. Новость? Какая-нибудь интересная книга...

Эрна. Нѣтъ, выслушай, папа... Въ 195 номерѣ «Дрезденскаго Обозрѣнія» напечатано извѣстіе изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ нашей библіотекѣ находится неизданный манускриптъ Шиллера.

Кер. Что?—а я этого до сихъ поръ не зналъ! *(Кидаясь къ Эрнѣ.)* Эрна, Эрна, вотъ радость!

Эрна. Папа, успокойся... Быть можетъ, это ошибка.

Кер. Ошибка! Что ты! Что ты! изъ достовѣрныхъ источниковъ! Въ «Дрезденскомъ Обозрѣніи!» Но откуда же ты узнала?

Эрна. Къ намъ пріѣхалъ какой-то молодой человѣкъ, филологъ.

Кер. Филологъ?! Гдѣ же онъ?

Эрна. Яковъ провелъ его въ библіотеку.

Кер. Въ библіотеку! Бѣгу къ нему... *(Возвращаясь къ Эрнѣ.)* Эрна! дитя мое! Я этого не переживу! *(Быстро уходитъ въ дверь налѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Эрна, вскорѣ Штейнбергъ.

Эрна. Ужели это правда? *(Изъ средней двери входитъ Штейнбергъ.)*

Шт. А, вы здѣсь, m-lle Эрна...

Эрна. Васъ сейчасъ искалъ папа.

Шт. Вашъ отецъ?.. Простите, я убѣжалъ отъ него: онъ чуть-ли не въ сотый разъ разсказываетъ мнѣ о Шиллерѣ и о своей библіотекѣ. Притомъ, мнѣ необходимо поговорить съ вами о вашемъ «Женскомъ вопросѣ».

Эрна *(суетится, любезно).* Да, я съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта...

Шт. Увы, онъ неблагопріятенъ: ваша пьеса не можетъ быть принята...

Эрна. Что? не можетъ быть принята?

Шт. *(садясь).* Ваша пьеса преслѣдуетъ такую тенденцію, или, вѣрнѣе говоря, такъ преслѣдуетъ эту тенденцію, что она въ глазахъ публики едва-ли встрѣтитъ сочувствіе...

Эрна *(постепенно увлекаясь, но въ то же время чувствуется что-то напускное, вычитанное изъ книгъ).* Едва-ли встрѣтитъ сочувствіе? Почему же, почему? Я защищаю права женщины, я отстаиваю ея самостоятельность.

Шт. Прекрасно... Но публика не повѣритъ такому... простите, наивному выраженію этихъ требованій и, говоря откровенно, я также.

Эрна *(иронизируя).* Однако, вы очень отдаляетесь отъ главнаго предмета нашей бесѣды — постановки моей драмы.

Шт. Въ такомъ случаѣ, охотно сознаюсь, что я бесѣдую не съ авторомъ «Женскаго вопроса», т.-е. Эрнстомъ Браузеветтеромъ—вашимъ псевдонимомъ, а съ моимъ старымъ и добрымъ другомъ, m-lle Эрной... Я готовъ держать пари, что не далекъ тотъ день, когда вы сами отвернетесь отъ того, что теперь такъ горячо проповѣдуете...

Эрна *(смѣется).* Ха, ха, ха! Такое пари я бы могла принять съ чистой совѣстью: вы бы его проиграли,

Шт. Прекрасно! Я держу его. Вы согласны?

Эрна. Согласна.

Шт. Предупреждаю — главное условіе: наша

взаимная честность — невинная военная хитрость дозволяется.

Эрна. И когда я выиграю это пари, вы обѣщаете...

Шт. Только не постановку «Женскаго вопроса».

Эрна (*въ сторону*). Хм! Увидимъ! (*Съ лѣвой стороны входитъ Кернеръ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ-же и Кернеръ; *затѣмъ* **Яковъ.**

Кер. А, г. Штейнбергъ! Очень радъ! Вы, разумѣется, говорите о манускриптѣ?

Шт. Какъ-же, какже!

Эрна (*въ сторону*). Я не успѣла предупредить его, что папа еще не знаетъ о моемъ «Женскомъ вопросѣ».

Кер. Какъ вы думаете, удастся намъ?

Шт. Едва-ли, г. Кернеръ, я уже сообщилъ объ этомъ m-lle Эрнѣ. (*Эрна дѣлаетъ Штейнбергу знаки, но онъ ихъ не замѣчаетъ.*)

Кер. Все-таки надо попытаться—это нашъ долгъ, наша священная обязанность.

Шт. Но такія стремленія все же не могутъ быть настоящимъ призваніемъ вашей дочери.

Эрна (*въ сторону*). Что мнѣ дѣлать? (*Дѣлаетъ знаки.*) Одинъ говоритъ о Шиллерѣ, другой обо мнѣ!

Кер. Моей дочери? Что вы этимъ хотите сказать? Если она употребитъ всѣ усилія, чтобы открыть этотъ кладъ, то это ей сдѣлаетъ честь.

Шт. Кладъ? (*Въ сторону.*) Ничего не понимаю.

Кер. Но если мы не найдемъ его?

Шт. Не найдемъ? (*Въ сторону.*) Что съ нимъ? (*Кернеру.*) Но вѣдь оно существуетъ въ двухъ экземплярахъ.

Кер. Въ двухъ экземплярахъ? Это для меня новость.

Шт. Лучше всего, если мы оставимъ это дѣло.

Кер. Оставимъ? (*Въ сторону.*) Онъ рехнулся!

Эрна. (*Въ сторону*). Какъ быть?

Кер. Но надѣюсь, вы все-таки прогостите у насъ нѣсколько дней.

Шт. Благодарю васъ. Я васъ только попрошу послать кого-нибудь въ мое имѣніе, чтобы мнѣ переслали письма и бумаги...

Кер. (*звонитъ*). Съ величайшимъ удовольствіемъ. (*Изъ средней двери входитъ Яковъ. Кернеръ ему что-то говоритъ. Яковъ уходитъ въ дверь слѣва.*)

Шт. (*тихо Эрнѣ*). Чтобы выиграть пари.

Эрна. Развѣ вы не видите, что тутъ... моя пьеса...

Шт. Должна быть уничтожена. (*Входитъ Яковъ изъ боковой двери слѣва.*)

Яковъ. Молодой ученый все еще въ библіотекѣ.

Шт. Какой ученый?

Яковъ. Фи-ло-лóкъ!

Эрна. Филологъ, пріѣхавшій тоже по поводу этого прозведенія...(*Въ сторону.*) Господи! что-то будетъ. (*Яковъ уходитъ въ среднюю*).

Шт. По поводу этого произведенія? Откуда же онъ узналъ?

Кер. Разумѣется, изъ «Дрезденскаго Обозрѣнія», откуда и вы узнали.

Шт. Я?—нѣтъ. Я узналъ объ этомъ отъ... (*встрѣтивъ взглядъ Эрны*) Эрнста Браузеветтера. Если позволите, я пройду наверхъ; напишу записку моему управляющему.

Кер. Пожалуйста, пожалуйста, будьте какъ дома.

Шт. До скораго свиданія!

Эрна (*Штейнбергу тихо*). Я вамъ должна кое-что сообщить.

Шт. Черезъ 10 минутъ къ вашимъ услугамъ.

Эрна. Но... ради Бога! молчите—ни слова.

Шт. О нашемъ пари? разумѣется, разумѣется—будьте покойны. (*Штейнбергъ уходитъ въ заднюю дверь справа.*)

Кер. Теперь пойду, навѣщу моего филолога... Малый съ головой—хочетъ писать диссертацію... (*Удаляется и сейчасъ же возвращается къ Эрнѣ, указывая на дверь, куда ушелъ Штейнбергъ.*) Ты поняла, что онъ собственно хотѣлъ сказать?

Эрна. Не знаю, папа...

Кер. (*указывая на лобъ*). Что-то у него тутъ... не въ порядкѣ... какъ-бы не сошелъ съ ума! Жаль! Жаль! (*Уходитъ налѣво; слышенъ шумъ отъ подъѣзжающаго экипажа.*

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Эрна, Яковъ, *вскорѣ* **Краузенекъ и Гретхенъ,** *затѣмъ* **Кернеръ.**

Эрна. Однако, этотъ Штейнбергъ—ужасный человѣкъ! Я до сихъ поръ не могу придти въ себя. (*Входитъ Яковъ изъ средней двери.*)

Яковъ. Какой-то господинъ и какая-то дама.

Эрна. Какъ? Еще?

Яковъ. Вотъ карточки.

Эрна (*читаетъ*). Dr. Георгъ Краузенекъ. Гретхенъ Краузенекъ. Проси! (*Яковъ уходитъ. Входятъ Dr. Краузенекъ и Гретхенъ изъ средней двери.*)

Крауз. Сударыня! Если не ошибаюсь, имѣю честь говорить съ дочерью хозяина дома?

Эрна. Къ вашимъ услугамъ.

Крауз. Я пріѣхалъ по поводу манускрипта. Популярнѣйшій иллюстрированный журналъ «Вокругъ свѣта и далѣе», поручилъ мнѣ заняться изслѣдованіемъ этого великаго произведенія. Редакція не остановится ни передъ какими расходами. Этотъ трудъ будетъ носить красивое заглавіе: «Новое произведеніе Шил-

лера, издано подъ редакціей Dr. Георга Краузенека».

Грет. Ахъ, это будетъ восхитительно!

Крауз. Я сегодня же приступлю къ моимъ изслѣдованіямъ. Простите, что я взялъ съ собой мою жену; она очень неохотно разстается со мной!

Грет. Очень неохотно!

Крауз. Мнѣ-бы хотѣлось повидать г. Кернера.

Эрна. Онъ сейчасъ придетъ.

Крауз. А, между тѣмъ, я попрошу вашего лакея снести нашъ багажъ въ какую-нибудь комнату. Мы съ благодарностью принимаемъ ваше гостепріимство. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Грет. Что вы скажете объ этомъ знаменитомъ человѣкѣ?

Эрна. Я?

Грет. Не правда-ли, какой великій умъ?! Нѣтъ, вы замѣтили, какъ у него мѣняются складки на лбу, когда онъ говоритъ? Его имя, разумѣется, давно уже вамъ извѣстно?

Эрна. Къ сожалѣнію...

Грет. Теперь вамъ выпадаетъ счастливый случай познакомиться съ нимъ лично. Это еще не поздно – онъ стоитъ на высотѣ своего призванія. Его «Розы и Жасмины» вышли нѣсколько дней тому назадъ вторымъ изданіемъ. Позвольте вамъ преподнести одинъ экземпляръ... (*Вынимаетъ изъ кармана маленькую книжку и благоговѣйно отдаетъ ее.*)

Эрна. Благодарю васъ.

Грет. Попросите его только вписать вамъ свой автографъ. У него такой дивный почеркъ! Гдѣ-же онъ, однако? (*Идетъ къ двери; съ лѣвой стороны входитъ Кернеръ.*) Если не ошибаюсь, г.Кернеръ? Къ вамъ пріѣхалъ Dr. Краузенекъ!

Кер. Очень радъ.

Грет. А я—его жена. Вы скоро будете имѣть честь его видѣть. О, что это за человѣкъ, г. Кернеръ! (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Кернеръ и Эрна.

Кер. Это кто-же такой?

Эрна. Какой-то журналистъ съ женой. Они безъ дальнихъ разговоровъ заняли комнату.

Кер. Знаменитости №№ 3 и 4! Мой филологъ блаженствуетъ въ библіотекѣ, копается въ самыхъ старыхъ запыленныхъ книгахъ. Теперь побѣгу къ журналисту. Голова идетъ кругомъ. (*Быстро уходитъ.*)

Эрна. Ну, теперь скорѣй въ садъ! Этотъ извергъ долженъ, наконецъ, узнать, что тутъ рѣчь о Шиллерѣ, а не обо мнѣ... (*Убѣгаетъ въ заднюю боковую дверь, справа. Слышенъ шумъ отъ подъѣзжающаго экипажа.*)

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Хильнеръ, Людмила и Яковъ.

(*Входятъ Хильнеръ, Людмила, Яковъ. У Хильнера черезъ плечо дорожная сумка, которую Яковъ помогаетъ снять. Людмила — короткіе волосы; носитъ очки; черное платье.*)

Яковъ. Пожалуйте, г. Кернеръ сейчасъ выйдетъ.

Хил. Доложите ему, что пріѣхалъ профессоръ Хильнеръ.

Люд. Доложите ему, что пріѣхала профессорша Хильнеръ.

Хил. Я по поводу манускрипта Шиллера.

Люд. Я по той-же причинѣ.

Яковъ (*уходя въ среднюю дверь, вторую*). Точно съ цѣпи сорвались!

Хил. Ты видишь—мы первые.

Люд. (*говоритъ отчеканивая каждое слово*). Это пока—вопросъ. Твои умозаключенія, по обыкновенію, очень быстры и неосновательны.

Хил. Людмила, но этотъ вѣчный упрекъ, въ концѣ концовъ...

Люд. Въ концѣ концовъ одержитъ побѣду. Несмотря на то, что я твой конкурренть, у меня, все-таки, самостоятельное стремленіе сдѣлать изъ тебя великаго ученаго.

Хил. Я думаю, что въ области науки...

Люд. Ты стоишь выше меня? Я это безусловно отрицаю.

Хил. Жена, перестань.

Люд. Твоя мысль никогда не касается сущности вопроса. Вчера, напримѣръ, ты доказалъ это самымъ наглядымъ образомъ: ты говорилъ Петерсону, что извѣстіе о манускриптѣ не имѣетъ никакого основанія.

Хил. Я это сказалъ нарочно, чтобы его отговорить.

Люд. Довольно, довольно!

Хил. Я самъ хочу сдѣлать это открытіе. Что изъ него можетъ создать какой-то несчастный Петерсонъ?! Я, по крайней мѣрѣ, напишу трехтомное сочиненіе.

Люд. Если ты его только найдешь—но этому не бывать, такъ какъ честь открытія будетъ принадлежать мнѣ. Я думаю ограничиться сочиненіемъ въ два тома.

Хил. Но развѣ нельзя издать его сообща?

Люд. Никогда! Съ этимъ я положительно не согласна. Я не признаю сотрудничества въ научномъ трудѣ, особенно-же тамъ, гдѣ такъ расходятся въ принципахъ, какъ мы съ тобой.

Хил. (*тяжело вздохнувъ, садится*). Ахъ! Ты все-таки жена моя!

Люд. Да, жена, согласна! Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что я должна тебѣ принести въ жертву мою научную самостоятельность? Ты знаешь, какъ я смотрю на бракъ?

Хил. Къ сожалѣнію, знаю.

Люд. Я тебѣ всегда говорила: одна столовая, одна спальня, два кабинета.

Хил. Съ этимъ я согласенъ. Потому я и нашелъ въ тебѣ олицетвореніе того идеала, который я тщетно очень долго искалъ. Ахъ, гдѣ первыя недѣли нашего знакомства, когда мы въ березовой бесѣдкѣ читали «Ифигенію».

Люд. Причемъ ты имѣлъ совершенно ложный взглядъ на характеръ Ореста!

Хил. Ахъ, мой другъ, и на характеръ Ифигеніи.

Люд. Которая была я.

Хил. (*со вздохомъ*). Которая была ты. (*Молчаніе.*)

Люд. Однако, никто не идетъ.

Хил. Да, надо позвонить.

Люд. Это неловко. Выйдемъ лучше на балконъ. (*Идутъ. Изъ средней двери выходитъ Кернеръ.*)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Хильнеръ, Людмила, Кернеръ.

Кер. Фу! Хочу немного отдохнуть! Господи! Еще двое!

Хил. Если не ошибаюсь, хозяинъ дома?

Люд. Мы давно васъ дожидаемся.

Кер. Очень радъ. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Люд. Я—профессорша Хильнеръ!

Хил. Я—профессоръ Хильнеръ!

Люд. И я, и онъ—историко-литераторы.

Кер. И вы? И онъ?

Хил. Мы пріѣхали изслѣдовать манускриптъ Шиллера.

Люд. Разумѣется, каждый совершенно самостоятельно.

Хил. Наша работа имѣетъ чисто научную цѣль.

Люд. Скорѣе чисто національную цѣль.

Кер. Г. профессоръ, г-жа профессорша, мнѣ очень лестно, что двое такихъ знаменитыхъ ученыхъ находятся подъ моимъ кровомъ. Ваше имя, г. профессоръ, разумѣется, мнѣ знакомо.

Хил. А! Вы, навѣрно, читали мою книгу, «О вліяніи повареннаго искусства на производительность поэта вообще, и въ частности, на Шиллера»?

Люд. Но, навѣрно, читали и разбивающую эту книгу критику, которую я написала на это, болѣе чѣмъ слабое, произведеніе?

Кер. Разумѣется, разумѣется.

Хил. Надѣюсь, что мы первые васъ посѣщаемъ съ этой высокой цѣлью, и поле изслѣдованія для насъ открыто?

Кер. Увы, эта надежда неосуществима, вы числитесь подъ пятымъ и шестымъ номеромъ.

Люд. Я тебѣ говорила!

Кер. Сюда идутъ ваши соперники (*Въ сторону.*) Долженъ сознаться, что я положительно таки теряю голову! (*Входятъ Краузенекъ и Гретхенъ изъ задней бокозой двери, справа.*)

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же, Краузенекъ, Гретхенъ.

Крауз. Ну, теперь мы устроились—я могу приняться за работу.

Грет. Георгъ Краузенекъ примется за работу!

Крауз. А, г. профессоръ, и вы здѣсь?

Хил. Мое почтеніе. (*Гретхенъ и Людмила холодно кланяются.*)

Крауз. Тоже по поводу манускрипта?

Вмѣстѣ.
- **Хил.** Разумѣется.
- **Крауз.** Я пріобрѣту его для нашего журнала.
- **Хил.** Я напишу о немъ трехтомное сочиненіе.
- **Люд.** Но прежде всего необходимо его отыскать!
- **Грет.** Георгъ Краузенекъ его отыщетъ!

(*Изъ лѣвой двери быстро выходитъ Петерсонъ. Онъ очень возбужденъ; увидавъ незнакомыя лица, онъ останавливается и пятится.*)

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же и Петерсонъ.

Петер. О, я мѣшаю.

Кер. Нѣтъ, нѣтъ, г. Петерсонъ.

Хил. Какъ? Петерсонъ здѣсь?

Люд. Вотъ тебѣ! Еще опроверженіе твоей методы!

Петер. Ахъ, г. профессоръ, простите—я не думалъ...

Хил. Хорошо, хорошо! (*Тихо.*) Я пріѣхалъ только для того, чтобъ доказать, что вся эта рукопись—чистѣйшій вздоръ.

Петер. Однако, я напалъ на слѣдъ этого достопримѣчательнаго манускрипта. Я прибѣжалъ сообщить о томъ г. Кернеру.

Вмѣстѣ.
- **Кер.** Что?
- **Люд.** Вретъ!
- **Крауз.** Чортъ возьми!
- **Хил.** Не ожидалъ!

Петер. Я нашелъ въ одномъ очень старомъ изданіи конспектъ письма, которое прежній владѣлецъ написалъ великому поэту. Изъ этого кое-что вытекаетъ, но пока молчаніе—простите.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и Штейнбергъ *затѣмъ* Яковъ.

Штейнб. Ба! кого я вижу... (*Рукопожатіе.*) Нашъ достойный профессоръ, нашъ любезный журналистъ и двѣ очаровательныя дамы.

Людм. (*въ сторону.*) Очаровательныя! глупое выраженіе.

Крауз. И вы по поводу этой рукописи?

Штейнб. Разумѣется. И вы также?

Крауз. Мы всѣ.

Штейнб. Непостижимо!

Хил. Отчего же? Мы всѣ крайне интересуемся этимъ произведеніемъ.

Штейнб. Въ такомъ случаѣ, вы очень разочаруетесь.

Хил. Развѣ вамъ что нибудь извѣстно?

Штейнб. Разумѣется, я читалъ это произведеніе.

Всѣ. Что? Читалъ! *(Большое движеніе.)* Читалъ.

Штейнб. Что же васъ такъ удивляетъ? *(Шумъ отъ подъѣзжающаго экипажа.)*

Крауз. *(Что-то записывая.)* И вы еще спрашиваете?

Петер. О, моя диссертація! *(Входитъ Яковъ.)*

Яковъ. Еще профессоръ! *(Въ комнату вбѣгаетъ въ шляпѣ и въ пальто Розенталь. Яковъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же и Розенталь.

Роз. Что? Нашли?

Всѣ. Нашли, нашли!

Роз. Прекрасно! Прекрасно!

Люд. Но какъ же оно называется?

Всѣ. Какъ оно называется?

Штейнб. И это вамъ неизвѣстно?.. «Женскій вопросъ». *(Краузенекъ записываетъ).*

Хил. Этого я не ожидалъ.

Крауз. *(отводитъ Штейнберга).* Нельзя-ли взглянуть на него хотя бы однимъ глазкомъ. Даю вамъ честное слово...

Штейнб. Въ такомъ случаѣ, вы должны обратиться къ единственному владѣльцу рукописи.

Керн. Ну, это—я.

Штейнб. Простите, не совсѣмъ: владѣлецъ Эрнстъ Браузеветтеръ.

Всѣ. Эрнстъ Браузеветтеръ!

Крауз. *(записывая.)* Объ этомъ надо сейчасъ телеграфировать въ редакцію.

Роз. Прекрасно! Прекрасно!

Крауз. Гретхенъ, ты со мной?

Гретх. Хоть на край свѣта!

Крауз. *(уходя.)* Я дамъ депешу!

Гретх. Онъ дастъ депешу! *(Уходятъ.)*

Кер. Объясните, ради Бога.

Всѣ. Объясните! объясните!

Роз. Прекрасно! Прекрасно. *(Въ передней двери справа появляется Эрна.)*

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же, Эрна; *затѣмъ* **Яковъ, англичанинъ и фотографъ.**

Штейнб. Вы, кстати, м-lle Эрна! Господа, прошу васъ, обращайтесь къ ней...

Кер. Что? къ Эрнѣ? Что это значитъ?

Эрна *(быстро Штейнбергу)* Я васъ искала въ саду.

Штейнб. *(тихо).* Представьте, всѣ эти ученые пріѣхали ради вашей пьесы.

Эрна. Нѣтъ! Нѣтъ! Объ этомъ я и хотѣла сказать вамъ. Тутъ недоразумѣніе—читайте! *(Передаетъ ему газету.)*

Штейнб. *(прочитавъ.)* Ха, ха, ха! Ха, ха, ха!

Кер. Но, Эрна, объясни намъ, ради Бога!

Хил. Вы знаете Эрнста Браузеветтера?

Всѣ *(кидаются къ Эрнѣ).* Вы знаете Эрнста Браузеветтера? Кто? Кто Эрнстъ Браузевветеръ?

Эрна *(растерянно.)* Господа... *(Въ сторону.)* Этимъ я обязана ему!

Штейнб. *(въ сторону)* Недоразумѣніе, которое мнѣ очень въ руку, чтобы выиграть пари!

Вмѣстѣ.

Хил. *(Эрнѣ.)* Нельзя-ли отъ него достать эту рукопись? *(Шумъ усиливается.)*

Люд. Не слушайте моего мужа, онъ, по обыкновенію, придерживается совершенно ложной методы.

Роз. Прекрасно! Прекрасно!

Кер. Я съ ума сойду. *(Входитъ Яковъ.)*

Яковъ Какой-то англичанинъ и фотографъ.

Кер. Чортъ возьми! Что же имъ отъ меня надо?

Яковъ. Да Богъ его знаетъ, чего онъ хочетъ... не разберешь. *(Яковъ уходитъ.)*

Кер. Не надо! не надо! Гдѣ же я ихъ помѣщу. *(Входятъ англичанинъ и фотографъ.)*

Англ. You are m-r Kerner? J believe Allow me to introduce myself. S am correspondent for several important papers in England and in the united states of America. This is my card. J have now come here to interview you and acquire all possible information about m-r Schiller's manuscript.

Кер. Не принимать, не принимать! Не надо! Довольно! *(Всѣ удивленно смотрятъ на Англичанина, а затѣмъ накидываются на Эрну съ вопросами:* «Кто Эрнстъ Браузеветтеръ? Вы знаете Эрнста Браузеветтера!»)

Роз. Прекрасно, прекрасно!

Кер. Не надо! Не надо! *(Общій переполохъ, занавѣсъ быстро падаетъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляетъ библіотеку,—освѣщается она большими висячими лампами съ жестяными абажурами. Въ глубинѣ дверь. Все остальное пространство снизу доверху занято книгами. Съ лѣвой и правой стороны по рабочему столу—они завалены книгами и бумагами. На заднемъ планѣ справа маленькій круглый столъ. Передъ полками нѣсколько библіотечныхъ мѣстницъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

(*По открытіи занавѣса, всѣ сидятъ на мѣстницахъ, роются въ шкафахъ и перелистываютъ книги,* **Розенталь** *на заднемъ планѣ, спиной къ публикѣ;* **Хильнеръ**, *съ правой, на авансценѣ;* **Людмила** *съ лѣвой на авансценѣ;* **Петерсонъ** *на второмъ планѣ съ правой;* **Краузенекъ** *на второмъ планѣ съ лѣвой;* **Гретхенъ**, *на нижнихъ ступенькахъ мѣстницы, Краузенека; она восторженно смотритъ на него. Нѣмая игра. Затѣмъ изъ средней двери выходятъ на цыпочкахъ* **Кернеръ** и **Фирнгофъ**).

Кер. Тсъ! тсъ! тише! тише!

Фир. (*долго осматриваясь*). Удивительно!

Кер. Что, братъ?

Фир. (*развелъ руками*). Ничего не понимаю. Я пишу мой дневникъ-съ...

Кер. Съ 47 года.

Фир. Да, съ 47 года, но такихъ курьезовъ въ немъ не встрѣчаю.

Кер. Но вѣдь не каждый день находятся новыя произведенія Шиллера.

Фир. Развѣ недостаточно полнаго собранія его сочиненій? Кому охота читать всю эту матерію?

Кер. (*зажимая ему ротъ*). Ради Бога, тише! Если-бъ они услыхали это!

Фир. Что же они тамъ дѣлаютъ?

Кер. Изслѣдуютъ. Я совершенно разстроенъ. Вчера вечеромъ вышелъ на минуту въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ, возвращаюсь, и что же? оказывается, что англичанинъ успѣлъ содрать въ угловой комнатѣ со всѣхъ стульевъ матерію, разумѣется, по той причинѣ, что на нихъ когда-то сидѣлъ Шиллеръ. Однако, я его выгналъ. Фотографъ еще здѣсь, снимаетъ видъ за видомъ. Впрочемъ, я тебя сейчасъ со всѣми познакомлю. (*Подводитъ къ ученымъ.*) Позвольте, господа, вамъ представить—баронъ фонъ-Фирнгофъ, мой сосѣдъ. (*Ученые отвѣчаютъ наклономъ головы.*) Профессоръ Хильнеръ, молодой филологъ Петерсонъ, dr. Розенталь. (*Розенталь какъ будто очнулся*: «Прекрасно! прекрасно!».) Журналистъ, dr. Краузенекъ съ супругой, профессорша Хильнеръ —все изслѣдователи Шиллера.

Фир. (*Хильнеру*). Очень пріятно! Фамилія Хильнеръ встрѣчается также въ дневникѣ моего дѣда.

Хил. (*самодовольно*). Да, это старинная ученая фамилія.

Фир. Нѣтъ, тотъ Хильнеръ былъ ночнымъ сторожемъ. Сегодня, ровно 90 лѣтъ тому назадъ...

Люд. (*отводитъ Фирнгофа въ сторону*). Вашъ дѣдъ писалъ дневникъ?

Фир. Какже, это—семейная традиція.

Люд. Быть можетъ, я тамъ найду кое-какія указанія относительно пребыванія Шиллера въ этихъ мѣстахъ!

Фир. Весьма возможно.

Люд. Не пришлете-ли вы мнѣ этотъ дневникъ! Разумѣется, я вамъ даю слово, что онъ будетъ въ цѣлости...

Фир. Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ. Однако, долженъ васъ предупредить, что тамъ попадаются частенько такія любовныя похожденія, и я, право, не знаю...

Люд. Полноте, что значитъ этотъ бредъ юности предъ лицомъ науки?

Фир. (*испуганно*). Предъ лицомъ науки? Да, да... я вамъ его пришлю. Прощай, Людвигъ!

Кер. Прощай, Максъ!

Фир. Мое почтеніе, господа! (*Идетъ къ двери; Гретхенъ его останавливаетъ.*)

Грет. Возьмите на память о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя вы провели съ dr. Георгомъ Краузенекомъ—его «Розы и Жасмины». (*Отдаетъ книгу.*)

Фир. Весьма, весьма благодаренъ. (*Гретхенъ отворачивается, Фирнгофъ кладетъ книгу на маленькій столикъ.*) Точно въ сумашедшемъ домѣ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же, *кромѣ* **Фирнгофа.**

Кер. Ну, господа, какъ подвигается работа?

Крауз. Я сдѣлалъ все, что зависѣло отъ меня. Моя телеграмма помѣщена во вчерашнемъ номерѣ «Сморчка». (*Вынимаетъ газету.*) Вы позволите?

Кер. Пожалуйста, пожалуйста!

Крауз. (*читаетъ*). «Таинственное произведеніе Шиллера найдено. Оно носитъ интересное заглавіе: «Женскій вопросъ»;—и находится въ настоящее время въ рукахъ Эрнста Браузеветтера, который показывалъ рукопись нѣкоторымъ, заслуживающимъ довѣрія, лицамъ. Мы скоро будемъ имѣть возможность сообщить подробности».

Кер. Но кто же этотъ Эрнстъ Браузеветтеръ?

Всѣ. Кто? Кто Эрнстъ Браузеветтеръ?

Кер. Я положительно таки рѣшаюсь обратиться къ содѣйствію полиціи—необходимо навести справки относительно этой темной личности.

Крауз. Опубликованіе моей замѣтки, какъ мнѣ думается, броситъ на это дѣло желанный свѣтъ!

Грет. Желанный свѣтъ! Какъ это онъ хорошо сказалъ!

Кер. Этотъ Штейнбергъ просто таки меня бѣситъ. Пойдемте, онъ сидитъ въ залѣ—попробуемъ, подступимъ къ нему еще разъ соединенными силами. (*Всѣ слѣзаютъ съ мѣстницъ, за исключеніемъ Розенталя.*)

Всѣ. Пойдемте, пойдемте! (*Доходятъ до мѣстницы Розенталя.*)

Хил. Г. докторъ! Г. докторъ! (*Розенталь храпитъ.*)

Кер. Оставьте—старичекъ утомился—спитъ!

Хил. (*влѣзая на мѣстницу*). Г. докторъ! Г. докторъ!

Роз. (*просыпаясь*). Прекрасно! Прекрасно!

Хил. Пойдемте къ Штейнбергу! (*Снимаетъ его съ мѣстницы.*)

Роз. Нашли? Прекрасно! Прекрасно!

Крауз. (*въ то время, какъ другіе удаляются, Гретхенъ*). Останься здѣсь,—мнѣ надо тебѣ сказать нѣсколько словъ.

Грет. Говори, говори! Какъ очаровательно ты читалъ телеграмму!

(*Всѣ уши въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Краузенекъ и Гретхенъ.

Крауз. Я долженъ тебѣ серьезно замѣтить, что твои вѣчные возгласы, при малѣйшемъ удобномъ случаѣ, когда я что-либо дѣлаю или говорю,—нельзя не назвать наивными, если не дѣтскими. Ты ставишь меня передъ всѣми въ самое глупое положеніе.

Грет. Ну, что-же мнѣ дѣлать, когда ты такъ прекрасно выражаешься?

Крауз. Я тебѣ повторяю, что это меня выведетъ изъ терпѣнія. Ты повсюду такъ меня восхваляешь, что люди, познакомившись со мной, остаются въ полномъ недоумѣніи.

Грет. (*сквозь слезы*). Ты меня больше не любишь!

Крауз. Пожалуйста, сдѣлай одолженіе, не плачь! Вмѣсто того, чтобы меня безпрестанно восхвалять и превозносить до небесъ, ты бы поступила очень умно, если-бъ попробовала сдѣлаться другомъ и помощникомъ моихъ духовныхъ стремленій.

Грет. О! Какъ я несчастна!

Крауз. Ну, Гретхенъ, успокойся!

Грет. Нѣтъ, нѣтъ, недостойна я тебя! Я—жалкое созданіе, а ты—великій ученый, и ты хочешь отнять у меня право, чтобы я... (*Рыдая, уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Краузенекъ, *затѣмъ* **Хильнеръ.**

Крауз. (*ей вслѣдъ*). Гретхенъ! Гретхенъ! Ну, теперь она побѣжала въ свою комнату—будетъ тамъ плакать! (*Входитъ Хильнеръ.*)

Хил. А, г. Краузенекъ! Вы еще здѣсь? Этотъ Штейнбергъ...

Крауз. Опять отказалъ?

Хил. Вообразите себѣ только,—я, человѣкъ науки, присоединяю свои просьбы къ голосамъ другихъ почтенныхъ ученыхъ—и все напрасно! Наконецъ, онъ обѣщалъ одного изъ насъ, замѣтьте, только одного, посвятить въ эту тайну, но этого «одного» онъ наотрѣзъ отказался назвать при всѣхъ. Что вы объ этомъ скажете?

Крауз. Скажу, что онъ подъ этимъ избраннымъ разумѣетъ васъ.

Хил. И я такъ думалъ, но моя жена не постыдилась публично осмѣять меня.

Крауз. (*вздохнувъ*). Господи! Какой вы счастливецъ!

Хил. Я, напротивъ, былъ того мнѣнія, что вы—счастливѣйшій изъ супруговъ.

Крауз. Я? Вы смѣетесь надо мной! Моя жена боготворитъ меня, но вы думаете, что она способна принимать участіе въ моей духовной жизни? Напротивъ, ваша...

Хил. Принимаетъ въ ней слишкомъ большое участіе, слишкомъ большое. Скажу вамъ откровенно, тяжело, страшно тяжело вести безпрестанно научную борьбу съ собственной женой. Это какъ-то давитъ, уничтожаетъ человѣческую личность. Да что! Не только дома, во всѣхъ періодическихъ журналахъ моя Людмила набрасывалась на меня, такъ, что въ концѣ концовъ, я былъ вынужденъ выступить въ «Пространствѣ», и работаю тамъ до сихъ поръ подъ псевдонимомъ Сципіона.

Крауз. (*улыбаясь*). Однако, это вамъ не помогло. Сколько мнѣ помнится, во «Времени» на этого Сципіона горячо нападалъ какой-то Аннибалъ.

Хил. Да, да, и я до сихъ поръ не знаю, какой негодяй скрывается подъ этой маской. Но тутъ я, по крайней мѣрѣ, могу защищаться; я обратился съ просьбой къ прокурору, затѣялъ литературный процессъ. Вообразите, этотъ Аннибалъ обругалъ меня ученымъ дуракомъ. Но я узнаю, кто этотъ негодяй!

Крауз. Скажу вамъ по секрету—это ваша жена.

Хил. Что?.. Аннибалъ?..

Крауз. Ваша жена.

Хил. Этого недоставало! И она-же еще публично осмѣиваетъ меня!

Крауз. А вы думаете, что моя не дѣлаетъ того-же? Раздаетъ всѣмъ мои «Розы и Жасмины», публично называетъ меня великимъ человѣкомъ... (*Входитъ Штейнбергъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же и Штейнбергъ.

Шт. Что такъ печальны, господа? (*Краузенеку.*) Вашу телеграмму въ «Сморчкѣ» я имѣлъ удовольствіе читать; думаю, что она произведетъ должное дѣйствіе.

Краус. Вы смѣетесь?

Шт. Помилуйте! Вы такимъ путемъ, навѣрно, узнаете, кто собственно этотъ пресловутый Эрнстъ Браузеветтеръ.

Краус. Я употреблю всѣ усилія.

Хил. И я.

Шт. Желаю вамъ полнаго успѣха!

Хил. (*уходя, Краузенеку*). Въ высшей степени опасный человѣкъ! Послушайте, вы не шутя думаете, что этотъ избранный—я?

Краус. Разумѣется, разумѣется! (*Уходятъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Штейнбергъ *одинъ; затѣмъ* **Яковъ.**

Шт. Все идетъ хорошо. Одно меня крайне интересуетъ: откуда этотъ слухъ о неизвѣстной рукописи Шиллера въ существованіе которой я положительно таки не вѣрю — проникъ въ Дрезденъ? Однако, что бы тамъ ни было, это недоразумѣніе возникло какъ нельзя болѣе кстати: оно заставило меня играть роль, которую я доведу до конца. (*Входитъ Яковъ, въ рукахъ письмо.*)

Яковъ. Вамъ письмо съ нарочнымъ изъ вашего имѣнія. (*Яковъ уходитъ.*)

Шт. Штемпель изъ Дрездена. Отъ кого-бы это? (*Разрываетъ конвертъ и читаетъ подпись.*) «Вашъ Гинцбургъ». Отъ нашего декоратора. (*Пробѣгаетъ.*) Мм... (*Читаетъ про себя.*) Ха, ха, ха! Такъ вотъ оно откуда! Ларчикъ, оказывается, открывается очень просто! (*Читаетъ.*) «Не знаю, какъ быть? Ужасно глупое положеніе! Этимъ достовѣрнымъ источникомъ являюсь я! Чортъ бы побралъ этихъ бумагомаракъ. Сидѣлъ мирно въ ресторанѣ, разсказываю о нашемъ пребываніи у г. Кернера, про библіотеку, про Шиллера—и вотъ, оказывается, вдопался! Кто этому подлецу говорилъ про эту несчастную рукопись—не знаю, только не я». Ха, ха, ха, ха! Ха. ха! Прекрасно, превосходно! Теперь къ дѣлу! Я натравлю всѣхъ этихъ милыхъ ученыхъ на моего Эрнста Браузеветтера и заставлю его сбросить маску—и такимъ образомъ выиграю пари. Ну, почтенные изслѣдователи Шиллера, вы еще попляшете по моей дудкѣ! (*Вынимаетъ изъ кармана тетрадь.*) «Женскій вопросъ»—драма въ одномъ дѣйствіи. Подъ этимъ—«Эрнстъ Браузеветтеръ». (*Идетъ къ столу.*) Измѣненіе очень просто. Послѣ слова «дѣйствіи» есть свободное мѣсто. Вписываю большое Х—точка, большое Ф—точка, большое Ш—шесть точекъ! Затѣмъ провожу подъ этимъ толстую черту, накладываю промокательную бумагу и литературный подлогъ совершенъ! (*Увидавъ Петерсона.*) Филологъ! Самъ чортъ посылаетъ его въ мои объятія! (*Прячетъ тетрадь въ карманъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Штейнбергъ, Петерсонъ, *затѣмъ* **Эрна.**

Пет. Я вамъ не помѣшаю, если буду здѣсь продолжать мои изслѣдованія?

Шт. (*сидитъ*). Нѣтъ, нѣтъ! Пусть мое присутствіе не препятствуетъ вашимъ всемірно-историческимъ открытіямъ!

Пет. (*вздохнувъ*). О, нѣтъ! Я потерялъ всякую надежду! Но тамъ, наверху, сгруппированы очень интересные писатели 16-го столѣтія. (*Входитъ на ту же мѣстницу, на которой сидѣлъ прежде.*)

Шт. Кто знаетъ? Великое достается часто совершенно неожиданно!

Пет. (*съ мѣстницы*). Не я, разумѣется, не я. О, г. Штейнбергъ, все великое уже сдѣлано, и все интересное уже написано! Вотъ «Женскій вопросъ» былъ-бы какъ разъ подходящимъ для меня дѣломъ—но когда вы сегодня объявили, что только одного изъ насъ посвятите въ эту тайну, то мнѣ стало ясно, что я этимъ «однимъ» никогда не буду—и я окончательно упалъ духомъ.

Шт. А если-бъ именно вы были этимъ избранникомъ!

Пет. (*роняя на полъ нѣсколько книгъ*). Если я?! Простите—я! Ахъ! (*Сползаетъ.*) Это... это... была-бы эпоха въ моей жизни!..

Шт. Итакъ, безъ дальнихъ словъ... (*Вынимаетъ тетрадь*) вотъ «Женскій вопросъ» возьмите! (*Отдаетъ тетрадь.*)

Пет. «Женскій вопросъ!»—я держу его въ рукахъ!—я! (*Падаетъ на стулъ.*) Простите—первое впечатлѣніе!

Шт. Успокойтесь, успокойтесь! Когда вы придете въ себя, откройте первую страницу.

Пет. Первую страницу? Да. «Женскій вопросъ!» Драма въ 1-мъ дѣйствіи... Х. Ф. Ш... Христоферъ Фридрихъ Шиллеръ... внизу: Эрнста Браузеветтера — фамилія владѣльца... Я тотчасъ догадался, что Эрнстъ Браузеветтеръ—вы... О, это лучшая минута въ моей жизни!

Шт. Вы видите, это копія: оригиналъ навѣрно, потерянъ.

Пет. (*углубившись*). Совершенно стиль Шиллера!

Шт. Да, разумѣется, я даю вамъ эту рукопись подъ однимъ условіемъ: вы можете ее только показывать, но, никоимъ образомъ, не передавать въ другія руки.

Пет. Да, да,—положитесь на меня! (*Входитъ Эрна.*)

Эрна. Опять за работой, господа?

Шт. Что это, m-lle Эрна, — вы принялись за шпіонство?

Эрна (*увидавъ свою тетрадь*). Г. Петерсонъ, какимъ образомъ эта тетрадь попала къ вамъ? Это—рукопись...

Пет. Таинственнаго Эрнста Браузеветтера.

Эрна. Пожалуйста, дайте мнѣ эту тетрадь!

Пет. О, требуйте отъ меня все, только не эту рукопись. И что бы вы съ ней стали дѣлать? Вы бы не могли написать диссертаціи.

Эрна (*испуганно*). Вы хотите...

Пет. Хочу-ли я? развѣ вы не чувствуете, что въ моихъ рукахъ великое произведеніе Шиллера!

Эрна. Господи!

Пет. (*смотритъ въ рукопись*). Въ каждой строкѣ, въ каждой буквѣ чувствуется незабвенный Шиллеръ! Простите, сударыня, если я на короткое время предпочту эту тетрадь вашему обществу... Въ противномъ случаѣ, ничто въ мірѣ—т.-е. я хотѣлъ сказать—простите... я-я долженъ... (*Быстро уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Штейнбергъ и Эрна.

Эрна. Знаете-ли вы, милостивый государь, что вы... ужасный человѣкъ!

Шт. Вы находите?

Эрна. Со вчерашняго утра, я не вижу минуты покоя. Сначала, боязнь, что вы выдадите мою тайну, затѣмъ наше пари, затѣмъ эти пресловутые изслѣдователи Шиллера, которые преслѣдуютъ меня съ вопросомъ: «кто Эрнстъ Браузеветтеръ, кто Эрнстъ Браузеветтеръ?..» и во всей этой путаницѣ, проскальзываетъ, какъ змѣя, — кто-же? извѣстный драматургъ г. Поль Штейнбергъ!

Шт. Вы слишкомъ превозносите мои дѣйствія. Кстати, соблаговолите прочитать коротенькую замѣтку въ «Сморчкѣ» (*Вынимаетъ газету.*) Пожалуйста, прочтите то, что очерчено синимъ карандашемъ.

Эрна (*прочитавъ*). И все это устроили вы? одни вы?

Шт. Положеніе, какъ видите, является довольно таки запутаннымъ!

Эрна. Вы должны мнѣ протянуть руку, чтобы я могла выпутаться изъ него.

Шт. Въ такомъ случаѣ, я на время постараюсь забыть, что мы съ вами ярые враги. Но я знаю для васъ только два выхода.

Эрна. Именно?

Штейнб. Первый—вы публично объявите, что «Женскій вопросъ» принадлежитъ вамъ.

Эрна. Нѣтъ, теперь это невозможно.

Штейнб. И я-бы не совѣтовалъ этого. Второй—вы убьете однимъ махомъ Эрнста Браузеветтера вмѣстѣ съ его произведеніемъ,

Эрна. Посредствомъ ауто-да-фе?

Штейнб. Родъ смерти въ вашемъ распоряженіи.

Эрна. Значитъ, это капитуляція!

Штейнб. Ни болѣе, ни менѣе!

Эрна. Никогда!

Штейнб. Тогда я снова перехожу на военное положеніе.

Эрна. Т.-е., еще разъ натравите на меня этихъ ученыхъ?

Штейнб. Но, вѣдь вы сами же выразили желаніе вступить въ борьбу съ вѣтрами и бурями жизни...

Эрна. Тогда не удивляйтесь, что я открыто вступаю съ вами въ бой!

Штейнб. Я приготовился ко всему. (*Протягивая руку.*)

Эрна. Вы встрѣтите меня въ полномъ вооруженіи. (*Штейнбергъ цѣлуетъ ея руку.*)

Штейнб. (*уходя*). Она очаровательна, эта маленькая Жоржъ-Зандъ!

Эрна (*смотря ему вслѣдъ*). Въ сущности, онъ—прекрасный человѣкъ! (*Штейнбергъ уходитъ въ среднюю дверь. Сейчасъ же выходитъ Людмила, съ рукописью.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Эрна и Людмила.

Люд. (*не замѣчая Эрны*). Ну, теперь дневникъ этого помѣщика въ моихъ рукахъ... очень важный источникъ... (*Садится къ столу справа и раскрываетъ книгу.*)

Эрна (*про себя*). На войнѣ необходимы союзники. (*Робко подходитъ къ Людмилѣ.*) Здравствуйте, г-жа профессорша!

Люд. (*пряча книгу*). Здравствуйте!

Эрна. Вы все работаете!

Люд. Это мое призваніе.

Эрна (*серьезно*). Разумѣется, смѣшны тѣ, кто утверждаютъ, что духовный трудъ не можетъ быть достояніемъ женщины.

Люд. Это утвержденіе не смѣшно, а глупо! Ужь не супругъ-ли мой вамъ это проповѣдуетъ!

Эрна. О, нѣтъ! Я всегда была того мнѣнія, что бракъ...

Люд. Бракъ, сударыня, вообще учрежденіе, которое слишкомъ восхваляется. Я знаю, только одну разумную форму брака—бракъ съ научной цѣлью.

Эрна. Вы думаете!

Люд. Я думаю, что субъектъ мужескаго пола, связавшій себя съ субъектомъ женскаго пола имѣетъ высшее назначеніе — совокупно вступить въ борьбу съ главными задачами и теченіями науки.

Эрна. Но это...

Люд. Но это было бы возможно, если-бъ существовали субъекты мужескаго пола, которые были бы способны забывать свое ми-

зерное «я»—но такихъ субъектовъ мужескаго пола нѣтъ, и я сама не нашла себѣ такого.

Эрна. Тогда должна сознаться, что...

Люд. Что вы о моемъ мужѣ были болѣе высокаго мнѣнія? (*Идетъ къ лѣстницѣ справа въ глубинѣ.*) Простите, мнѣ надо навести кое-какія справки.

Эрна. Пожалуйста! (*Печально.*) Это рисуетъ мнѣ многое въ совершенно иномъ свѣтѣ! (*Людмила влѣзаетъ на лѣстницу; изъ средней двери входитъ Краузенекъ, въ рукахъ тетрадь.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-же и Краузенекъ.

Крауз. Какъ я радъ, что застаю васъ здѣсь!

Эрна. Что случилось? Что это у васъ въ рукахъ?

Крауз. Что у меня въ рукахъ! Все все! У меня «Женскій вопросъ!»

Эрна (*падая на стулъ*). Этого недоставало!

Крауз. Мнѣ прислалъ его изъ Дрездена режиссеръ театра. Послушайте, что онъ пишетъ. (*Читаетъ.*) «Многоуважаемый Краузенекъ! Когда я часъ тому назадъ прочелъ въ «Сморчкѣ» вашу телеграмму, я вспомнилъ, что я два дня тому назадъ передавалъ въ цензуру отъ имени Эрнста Браузеветтера драму «Женскій вопросъ». Быть можетъ, онъ совпадаетъ съ тѣмъ произведеніемъ, о которомъ вы телеграфируете. Примите и пр... Что вы теперь скажете?

Эрна. Я! Я ничего болѣе не скажу.

Крауз. Да, все это болѣе, чѣмъ странно. Одно—личность этого Эрнста Браузеветтера и его цѣли до сихъ поръ покрыты мракомъ неизвѣстности. Безъ сомнѣнія, это большой негодяй!

Эрна. Вы думаете?

Крауз. Мерзавецъ, какихъ свѣтъ не создавалъ. Но мы найдемъ его!

Эрна (*про себя*). Пріятная перспектива!

Крауз. Теперь все зависитъ отъ быстроты моихъ дѣйствій. Я сейчасъ же напишу въ редакцію «Вокругъ свѣта и далѣе». Да, необходимо послать портретъ вашего отца, какъ единственнаго законнаго владѣльца этой рукописи; я уже говорилъ съ фотографомъ. (*Садится къ столу слѣва.*)

Люд. (*слѣзая съ лѣстницы, про себя*). До сихъ поръ полнѣйшій мракъ! (*Садится справа.*)

Эрна (*про себя*). Чѣмъ это все кончится? (*Отходитъ въ глубину сцены. — Справа выходитъ Хильнеръ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Хильнеръ.

Хил. (*про себя*). И здѣсь нѣтъ Штейнберга! Онъ долженъ мнѣ, наконецъ, сказать... (*Замѣтивъ жену, которая быстро прячетъ книгу.*) Аннибалъ!.. Людмила, что это ты тамъ прячешь?

Люд. Разумѣется, то, чего ты не долженъ видѣть.

Хил. Возможно-ли! Штейнбергъ тебѣ отдалъ «Женскій вопросъ»!

Люд. Для этого мнѣ не надо Штейнберга.

Хил. Значитъ, у тебя?

Люд. Прежде всего—молчаніе!

Хил. (*про себя*). Этого только недоставало! (*Садится съ правой стороны стола.— Изъ средней выходитъ Петерсонъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Петерсонъ.

Петер. (*быстро Эрнѣ*). О, сударыня! Я читалъ, т.-е. я пробѣгалъ, т.-е. я лихорадочно поглощалъ. Что это за произведеніе! (*Продолжаетъ разговаривать; изъ средней двери Штейнбергъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же и Штейнбергъ.

Шт. А, великое собраніе Шиллерцевъ здѣсь! Не надо ничего дѣлать наполовину. Я написалъ нашему режиссеру, чтобы онъ мнѣ выслалъ другой экземпляръ «Женскаго вопроса»—осчастливлю имъ Хильнера!

Хил. (*замѣтивъ Штейнберга, спѣшитъ къ нему*). А, г. Штейнбергъ. Мнѣ необходимо поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ предметѣ. (*Отводитъ его на авансцену.*)

Шт. Къ вашимъ услугамъ!

Хил. Скажите, ради Бога, какимъ образомъ у моей жены очутился «Женскій вопросъ?»

Шт. У вашей жены?

Хил. Если только она нашла его — я погибъ! Поэтому я хотѣлъ васъ покорнѣйше просить...

Шт. Достать вамъ эту рукопись? Завтра утромъ вы будете имѣть единственный вѣрный экземпляръ «Женскаго вопроса».

Хил. Весьма, весьма благодаренъ! Вы мой спаситель! (*Спѣшитъ къ Людмилѣ.*) Теперь побѣда на моей сторонѣ!

Люд. Это было-бы въ первый разъ!

Шт. (*наблюдая за ними*). Подѣйствовало!

Пет. (*Эрнѣ, въ глубинѣ сцены*). Я такъ долго злоупотребляю вашимъ вниманіемъ... Быть можетъ, я мѣшаю?

Эрна (*довольно громко*). О, нѣтъ, г. Петерсонъ. Вы такой умный, образованный, начитанный. (*Въ сторону Штейнбергу*). Что получили?

Шт. (*Въ сторону*). Маленькая змѣйка прибѣгаетъ къ ревности. Это заслуживаетъ на-

казанія. Теперь мнѣ необходима дама, за которой я могъ-бы немного поухаживать. Полъ царства за даму! (*Справа Гретхенъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Гретхенъ.

Грет. (*бросаясь къ Штейнбергу*). Г. Штейнбергъ, я васъ всюду ищу!

Шт. (*про себя*). Спасенъ! (*Ей.*) Чѣмъ могу...

Грет. Вы должны мнѣ помочь... (*Отводитъ его въ сторону.*)

Крауз. (*работавшій до сихъ поръ, прислушиваясь*). Моя жена! Что это у нея за тайна?

Грет. Ахъ, г. Штейнбергъ, я очень несчастна!

Шт. (*довольно громко*). Какъ! Такая прекрасная, такая любезная дама?!

Крауз. (*про себя*). Она спокойнѣйшимъ образомъ позволяетъ за собой ухаживать!

Эрна (*про себя*). Онъ хочетъ мстить! Сдѣлаю видъ, что ничего не замѣчаю. (*Разговариваетъ съ Петерсономъ, но безпрестанно наблюдаетъ за Штейнбергомъ,—во время этой сцены Эрна нѣсколько разъ отходитъ отъ Петерсона, повидимому, желая услышать о чемъ говоритъ Штейнбергъ; но встрѣчая взглядъ Штейнберга, она опять приближается къ Петерсону.*)

Грет. Представьте себѣ! мой мужъ упрекаетъ меня въ томъ, что я ему не настоящая спутница въ жизни!

Шт. Непростительно!

Грет. И я теперь рѣшилась принимать участіе въ его духовныхъ трудахъ — поэтому я васъ убѣдительно прошу передать мнѣ рукопись Шиллера.

Шт. Если найду возможнымъ!

Грет. О, какъ я вамъ благодарна! Возьмите на память эти «Розы и Жасмины». (*Отдаетъ книгу.*)

Крауз. (*про себя*). Я ясно видѣлъ, какъ она ему что-то передала.

Эрна (*про себя*). О чемъ они такъ долго говорятъ? Нѣтъ, это ужь слишкомъ. (*Петерсону.*) Г. Петерсонъ, будьте добры, отыщите мнѣ № 29599.

Пет. О, приказывайте—я... т. е. я... простите—(*перелъзаетъ съ одной мѣстницы на другую и ищетъ.*)

Крауз. (*подходитъ къ Гретхенъ*). Ты какъ будто не замѣчаешь моего присутствія?

Грет. Ахъ, дѣло касается нашего обоюднаго счастія!

Крауз. Что? Неужели зашло такъ далеко?

Грет. Скоро ты увидишь!

Крауз. Я видѣлъ довольно, слишкомъ довольно. (*Отводитъ ее къ столу слѣва и продолжаетъ говорить.*)

Эрна (*подошла къ Штейнбергу*). Милостивый государь, прошу васъ обратить ваше благосклонное вниманіе на мое присутствіе.

Шт. Неожиданное нападеніе непріятеля! Надо взяться за оружіе.

Эрна. Ваша военная тактика заходитъ все дальше и дальше.

Шт. C'est la guerre!

Эрна. Вы не только обстрѣливаете меня всѣми этими учеными, вы даже выказываете свои симпатіи... дамѣ, въ такой формѣ, что я...

Шт. Что вы почти, что ощущаете маленькую ревность?

Эрна. Ревность! Мнѣ кажется, что вы себѣ воображаете...

Шт. Что во враждебномъ лагерѣ очень пекутся о цѣлости моего сердца.

Эрна. Вы систематически выдаете мою пьесу за трудъ Шиллера. Въ тотъ мигъ, когда настоящая рукопись будетъ найдена, вы разбиты.

Шт. Скажемъ: уничтоженъ!

Эрна. Такъ знайте и дрожите: оно найдено, и найдено мною!

Шт. Ужасно, ужасно! Вы видите, какъ я дрожу!

Эрна. Вы скоро получите доказательства.

Шт. Впередъ радуюсь вашему успѣху. (*Изъ задней двери выходитъ Кернеръ, за нимъ Яковъ съ подносомъ, на которомъ бутылки и стаканы.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же, Кернеръ и Яковъ (*съ бутылкой рейнвейна и стаканами на подносѣ*).

Кер. Неслыханное прилежаніе господъ изслѣдователей должно быть вознаграждено.

Шт. (*Эрнѣ*). Вашъ батюшка! Я ему сейчасъ сообщу о вашемъ открытіи.

Эрна. Вы этого не сдѣлаете!

Шт. Но я прошу васъ! Такая важная новость!

Эрна (*про себя*). Чудовище!

Кер. (*Якову*). Предложи господамъ ученымъ. Стаканчикъ рейнвейна, господа! (*Оглядываясь.*) А гдѣ-же dr. Розенталь?

Хил. Спитъ сладчайшимъ сномъ!

Кер. Утомился, бѣдняжка! (*Яковъ относитъ, затѣмъ ставитъ подносъ на маленькій столикъ въ глубинѣ и уходитъ.*) За ваше здоровье, милѣйшій г. Штейнбергъ! Скажу вамъ по душѣ, пора раскрыть карты. Неужели вы хотите эгоистично сохранить этотъ кладъ единственно для себя?

Шт. Это вообще болѣе не въ моей власти. Ваша дочь мнѣ сейчасъ сообщила, что ею найдено единственное достовѣрное произведеніе Шиллера.

Эрна (*вспыхнувъ*). Я этого не говорила.

Кер. Что? Эрна! Ты? Но, дитя мое, скажи мнѣ!

Эрна. Я... пока ничего не могу сказать.

Кер. Опять не можетъ? Эта таинственность сведетъ меня съ ума!

Эрна (*Штейнбергу*). Я этого никогда не забуду!

Шт. Неправда-ли, какая восхитительная атака съ моей стороны? (*Продолжаетъ разговоръ.*)

Пет. (*который, между тѣмъ, смѣзъ съ лѣстницы*). № 29599 я не нашелъ.

Кер. Какого?

Пет. № 29599.

Кер. Такого и не было, вы съ ума сошли.

Пет. Я такъ и думалъ. (*Взявъ стаканъ.*) За ваше здоровье, г. Кернеръ!

Кер. (*недовольно*). Благодарю васъ!

Пет. Ваше гостепріимство увѣнчалось неслыханнымъ успѣхомъ.

Кер. Въ какомъ смыслѣ?

Пет. «Женскій вопросъ» найденъ!

Кер. (*про себя*). Онъ у Штейнберга, онъ у Эрны... Это третій.

Пет. Но пока—молчаніе!

Кер. И вы? Нѣтъ, пора этому положить конецъ! (*Энергично подходитъ къ стому съ правой стороны.*) Господа! мнѣ кажется, мы достигли желанной цѣли...

Люд. По крайней мѣрѣ, недалеко отъ нея.

Кер. Ради Бога, скажите, и у васъ...

Люд. Эта книга у меня. Но пока—молчаніе!

Кер. Какая-то шарада!

Люд. (*тихо*). Въ скоромъ времени я разобью этого Хильнера...

Кер. (*отводитъ Хильнера*). Г. профессоръ, «Женскій вопросъ» у вашей супруги?

Хил. Я самъ страшусь этой мысли.

Кер. 4-й! «Женскій вопросъ», должно быть, растетъ на деревьяхъ!

Хил. Не безпокойтесь — я обращу мою супругу въ бѣгство. Она можетъ фантазировать, сколько ей угодно—настоящій экземпляръ будетъ въ моихъ рукахъ...

Кер. Что? И у васъ? Объясните-же мнѣ...

Хил. Пока—молчаніе!

Кер. Молчаніе и молчаніе!

Грет. (*подходя къ Кернеру*). Вы, можетъ быть, думаете, что я только и умѣю, что восхищаться моимъ мужемъ?

Кер. Я вообще больше ничего не думаю.

Грет. Я также могу работать и дѣйствовать въ его пользу. Я ему достану эту рукопись.

Кер. И вы?

Грет. Пока — молчаніе! (*Мимоходомъ, Штейнбергу.*) Вы обѣщали...

Крауз. (*про себя*). Опять ему что-то шепнула. (*Подходитъ къ Кернеру съ запечатаннымъ конвертомъ.*) Видите вы этотъ пакетъ, г. Кернеръ?

Кер. (*читая надпись*). Дрезденъ въ редакцію «Вокругъ свѣта и далѣе». Чортъ возьми, быть можетъ, и у васъ...

Крауз. «Женскій вопросъ»? Разумѣется!

Кер. Тогда я васъ убѣдительно прошу...

Крауз. Пока—молчаніе!

Кер. (*падая въ кресло, тяжело дыша*). Я съ ума сойду!

Эрна. Папа, тебѣ дурно?

Кер. Дурно, Эрна, дурно! Эта рукопись продается фунтами, пудами, она во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, во всѣхъ библіотекахъ, у всѣхъ букинистовъ. Господа! если мнѣ теперь скажутъ, что Шиллеръ сидитъ рядомъ въ моей столовой и пишетъ тамъ драмы, я этому повѣрю, клянусь вамъ, повѣрю, повѣрю!

Эрна. Папа, обратись только къ г-ну Штейнбергу — онъ все знаетъ, ему все извѣстно до мельчайшихъ подробностей. (*Тихо Штейнбергу.*) Посмотримъ, какъ вы теперь выкарабкаетесь изъ этой петли. (*Уходитъ.*)

Кер. (*Штейнбергу*). Имѣйте состраданіе къ старику, къ моимъ годамъ, къ моимъ сѣдинамъ. Объясните мнѣ этотъ бумажный потопъ Шиллеровскихъ произведеній.

Шт. Скоро все разъяснится само собой. Пока—молчаніе! (*Въ сторону.*) Лучше всего дамъ тягу изъ этой комнаты. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ же, *безъ Эрны и Штейнберга; въ концѣ* **Фотографъ и Розенталь.**

Кер. Молчаніе! Молчаніе! Тутъ самъ чортъ ничего не разберетъ. Всѣ имѣютъ эту рукопись, всѣ въ заговорѣ противъ меня—они меня бѣсятъ, выводятъ изъ терпѣнія, поставили вверхъ дномъ весь мой домъ, исковеркали мебель, кричатъ во все горло: «Шиллеръ! Шиллеръ!»

Хил. Да здравствуетъ Шиллеръ!

Всѣ. Да здравствуетъ Шиллеръ!

Кер. Довольно! Довольно молчанія! Довольно тайнъ! Мое терпѣніе лопнуло! (*Становится посреди сцены.*) Многоуважаемые ученые! Пора окончить эту комедію—къ чорту ее! Шиллеровская рукопись существуетъ не въ одномъ экземплярѣ, она существуетъ въ сотняхъ, въ тысячахъ...

Всѣ. Что?

Хил. Да здравствуетъ г. Кернеръ! (*Изъ средней двери выходитъ Розенталь; вслѣдъ за нимъ, съ маленькимъ аппаратомъ,—фотографъ. Послѣдній дѣлаетъ приготовленія.*)

Роз. Ну, что? Нашли?

Всѣ. Да здравствуетъ г. Кернеръ! Ура! ура!

Кер. (*падая въ кресло*). Этого я не переживу!

Фот. (*направляя аппаратъ на Кернера*). Одну секунду... одну секунду... смирно... я начинаю.

Кер. (*внѣ себя*). Что вамъ отъ меня надо?

Фот. Я сниму васъ, какъ владѣльца рукописи Шиллера. Прошу васъ... веселое выраженіе лица...

Кер. (*вскакивая съ поднятыми кулака-*

ми). Убирайтесь къ чорту! Провалитесь отъ меня, окаянные! Не надо, не надо! Провалитесь! *(Падаетъ въ кресло.)*

Всѣ. Да здравствуетъ г. Кернеръ! (*Изъ средней двери выбѣгаетъ Фирнгофъ.*)

Кер. Провалитесь отъ меня! Вонъ! Вонъ! (*Изъ боковой двери выбѣгаютъ Эрна и Штейнбергъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ-же, Фирнгофъ, Эрна и Штейнбергъ. *Затѣмъ* **Яковъ и 12 членовъ «Общества пропаганда печатнаго слова»**

Эрна. Папа, успокойся!

Кер. Оставь меня! Ты въ заговорѣ съ ними.

Эрна. Да,—пора сказать всю правду...

Кер. Ну?

Эрна. Авторъ «Женскаго вопроса»—я!

Кер. Что-о? Часъ отъ часу не легче!

Всѣ. Женскій вопросъ! Женскій вопросъ!

Шт. Наконецъ, разрѣшился; г. Кернеръ, прошу у васъ руки вашей дочери! (*Входитъ Яковъ.*)

Яковъ. Пропагандисты печатнаго слова—всѣхъ 12 человѣкъ!

Кер. Вонъ! вонъ! Не принимать!

(*Въ комнату вбѣгаютъ 12 человѣкъ съ восклицаніями:* «Нашли? Шиллеръ! Рукопись! г. Кернеръ!» *Общее движеніе, занавѣсъ быстро падаетъ*).

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходныя.	Число дѣйствій. Названія пьесъ и декорацій.	Число ролей.			
		Старыхъ.		Молодыхъ.	
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.
4 м., 2 ж.	**Вотъ такъ учитель,** ком. А. Дмитріева.—Комната. *Примѣчаніе.* Эта же пьеса въ другой передѣлкѣ назыв.: „Докладъ земству“.	1.	—	1 л., 2.	1 gr. d., 1 ing.
2 м., 2 ж.	**Вотъ, что значитъ влюбиться въ актрису,** ком.-вод. съ куплетами, перед. съ фр. Н. Перепельскаго.—Комната.	1 ком.	—	1 л.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком.
3 м., 2 ж.	**Все для женщинъ, или Изъ огня да въ полымя,** вод., перев. съ фр. К. Тарновскаго.—Комната.	—	—	1 рез., 1 пр., 1.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком.
1 м., 3 ж.	**Все я!** вод. К. Вѣгичева.—Комната. *Примѣчаніе.* Этотъ водевиль въ другой передѣлкѣ наз. „Который изъ трехъ“.	1 ком.	1 ком.	—	2 ing. ком.
1 м., 1 ж.	**Вспышка у домашняго очага,** вод. съ нѣмецк. М. Ѳедорова.—Комната.	—	—	1 ком.	1 gr. d. ком.
4 м., 2 ж.	**Встрѣча,** карт. П. П. Гнѣдича.—Склонъ горы, въ глубинѣ хатка. (Арт. № 17).	1 ком.	—	2 люб., 1 ком.	1 ing. др., 1 ing. ком.
1 м., 2 ж.	**Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ,** вод. съ нѣмецк, перед. съ фр. К. Тарновскаго и М. Лонгинова.—Комната.	—	—	1 пр.	2 ing. ком.
6 м., 2 ж.	**Въ мутной водѣ,** сценка М. С. Семенова.—Комната. (Театр. Библ. № 1).	3 ком.	1 ком.	2 ком., 1 ф.	1 ing. ком.
3 м., 3 ж.	**Въ своемъ халатѣ, да въ чужой палатѣ,** шутка—Комната.	1 ком.	—	1 пр., 1 люб.	3 ком.
1 ж.,	**Въ слѣдующій разъ,** сценка-монологъ Гренэ Данкура, пер. съ франц. Ѳ. А. Куманина.—Комната. (Арт. № 8).	—	—	—	1 ing. ком.
10 м., 2 ж.	**Выпуриль!** шутка Г. Гресперъ и С. Чирикова.—Комната.	3 ком.	1 ком.	3 ком., 2 рез., 1 л., 1 нѣм.	1 ing. нѣм.
1 м., 1 ж.	**Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминишна,** опереткa-вод., перед. съ фр. Д. Т. Лонскаго.—Сцена разгорожена на 2 комнаты.	—	—	1 пр. (нѣм.)	1 ing. ком. (нѣм.).
5 м., 3 ж.	**Гастролерша,** шутка И. Щеглова.—Комната. (Арт. № 9).	2 ком.	1 ком.	1 ф., 2 ком.	1 gr. d., 1 ing.
2 м., 3 ж.	**Гдѣ любовь, тамъ и ссора,** вод. съ нѣмецк Л. Яковлева.—Комната.	—	—	1 пр., 1.	2 gr. d. ком., 1.
5 м., 1 ж.	**Генеральша, или Домашнія дѣла,** ком. съ купл., пер. съ франц.—Комната.	2 ком.	—	2 л., 1.	1 gr. d. ком.
5 м., 2 ж.	**Геркулесъ,** шут., перев. съ нѣм. П. Новикова.—Комната.	1 ком.	—	3 ком., 1 пр.	1 ing. ком., 1 ing.
3 м., 1 ж.	**Герой нашего времени,** случай изъ обыкновенной жизни. Н. Ермолова.—Комната.	—	—	1 пр., 1 рез., 1.	1 gr. d.
3 м., 8 ж.	**Говорунъ,** ком. въ стихахъ Хмѣльницкаго.—Комната.	—	6 gr. d. ком.	1 л., 1 пр., 1.	1 gr. d., 1 ing. ком.
3 м., 1 ж.	**Голь на выдумки хитра,** вод. съ нѣм., П. Баташева.—Комната.	—	—	1 л., 1 пр., 1.	1 ing. ком.
2 м., 3 ж.	**Гони любовь хоть въ дверь, она влетитъ въ окно,** вод., пер. съ фр. П. Ѳедорова.—Часть парка, въ немъ 2-хъ этажный домъ съ балкономъ. *Примѣчаніе.* Этотъ же водевиль, въ переводѣ С. Соловьева назыв.: „Маленькое облачко пыли, или Что поссорило, то и помирило“.	1 рез. ком.	1 gr. d. ком.	1 л.	2 ing. ком.
2 м., 1 ж. Выход. 1 м.	**Горящія письма,** ком. Гнѣдича.—Комната.	1 рез.	—	1 люб.	1 gr. d.

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходныя.	Число дѣйствій. Названія пьесъ и декорацій.	Число ролей. Старыхъ. Мужскихъ.	Старыхъ. Женскихъ.	Молодыхъ. Мужскихъ.	Молодыхъ. Женскихъ.
3 м., 2 ж.	**Грибъ съѣлъ**, ком. Д. Дмитріева.—Комната.	2 ком.	—	1 л.	2 ing. ком.
4 м., 1 ж.	**Громоотводъ**, ком. Поля, пер. И. Булацель.—Комната.	—	—	1 л., 2 ком., 1.	1 gr. d. ком.
4 м., 2 ж.	**Губернскій секретарь Тупичка**, шутка Д. Гарина-Виндингъ.—Комната.	2 ком.	1 ком.	1 пр., 1.	1.
2 м., 1 ж.	**Дайте мнѣ старуху**, фарсъ-вод. В. Савинова.—Комната.	2 ком.	—	—	1 ком.
3 м., 4 ж.	**Дамскій вагонъ**, шут., перев. съ фр. М. Ѳедорова.—Комната.	1 ком., 1 рез.	1 gr. d. ком.	1 люб.	1 ing. ком., 1 ing., 1.
4 м., 1 ж.	**Двадцать пять рублей серебромъ награжденія**, вод. съ куплетами, перед. съ фр. Ѳ. Руднева.—Комната.	—	—	2 пр., 1 ком., 1 рез.	1 gr. d.
3 м., 2 ж.	**Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся**, шутка-вод., заимств. съ фр. С. Байковымъ.—Комната.	1 рез. ком.	1 gr. d. ком.	1 пр., 1 рез.	1 gr. d.
4 м., 2 ж	**Двѣ гончія по одному слѣду**, шутка-вод., перед. съ фр. А. Шенка.—Комната.	2 ком.	—	2 пр.	2.
2 м., 2 ж. 1 мал. 15 л.	**Двѣ капли воды**, вод., перед. съ франц. Ѳ. Руднева.—Комната.	—	—	2 ком.	2 ing. ком.
3 м., 4 ж.	**Демокритъ и Гераклитъ, или Философы на Пескахъ**, ком.-вод. съ куплетами.—Садъ.	2 ком.	2 ком., 1.	1 люб.	1 ing. ком.
2 м., 2 ж.	**Дипломатія жены**, ком. съ пѣніемъ, подражан. франц. Н. Крестовскаго.—Комната.	—	—	1 люб., 1.	2 gr. d.
2 м., 1 ж.	**Добрый баринъ**, шутка А. Н. Островскаго.—Комната.	1 рез.	—	1 люб.	1 ing. ком.
3 м., 3 ж.	**Довольно!** оригинальный вод., съ куплет. П. Ѳедорова.—Комната.	1 ком., 1 рез. ком.	1 gr. d. ком., 1.	1 люб.	1 ing. ком.
2 м., 1 ж.	**Докторъ-паціентъ**, ком.—Комната.	1 ком. рез.	—	1.	1 gr. d.
2 м., 2 ж. Выход. 4 м.	**Домъ на Петербургской сторонѣ, или Искусство не платить за квартиру**, вод. П. Каратыгина, съ куплетами.—Комната.	1 ком.	1 ком.	1 пр.	1 ing.
3 м., 2 ж.	**Дорого обошлось**, ком., перед. съ фр.—Комната.	1 ком.	—	2 люб.	1 ing. ком., 1 gr. d. ком.
3 м., 3 ж.	**Дочка его благородія**, шут.-вод.—Комната.	3 ком.	2 ком.	—	1 ing. ком.
2 м., 1 ж.	**Дочь русскаго актера**, шутка-вод. съ пѣніемъ П. Григорьева.—Комната.	2 ком.	—	—	1 ing. ком.
2 м.	**Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полѣзай**, шут.-вод., перев. съ фр. Ѳ. Бурдина.—Комната.	1 ком.	—	1 ком.	—
5 м., 2 ж.	**Дѣло въ шляпѣ**, ком. перед. съ фр. И. Лашкевича.—Комната.	1 ком. крест.	—	1 пр., 3.	1 gr. d., 1 ком.
4 м., 2 ж.	**Дядюшка на трехъ ногахъ, или Думали солгать, а сказали правду**, ком. П. Каратыгина.—Комната.	3 ком.	1 gr. d. ком.	1 люб.	1 ing. ком.
2 м., 1 ж.	**Дядюшка разсудитъ**, ком.—Комната. *Примѣчаніе.* Эта комедія въ другой передѣлкѣ называется „Розовая записочка“.	1 ком.	—	1 ком.	1 ком.
4 м., 2 ж.	**Его превосходительство, или Средства нравиться**, ком.-вод. Коровкина.—Комната.	2 ком.	1 gr. d. ком.	1 люб., 1.	1 ing. ком.
1 м., 1 ж.	**Если женщина рѣшила, такъ поставитъ на своемъ**, ком.—Комната.	—	—	1 рез., 1.	1 ing. ком.

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходныя.	Число дѣйствій. Названія пьесъ и декорацій.	Число ролей.			
		Старыхъ.		Молодыхъ.	
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.
4 м., 1 ж.	**Жена или карты,** ком.-вод. съ куплетами П. Григорьева.—Комната съ роялью.	1 рез. ком.	—	1 люб., 1 пр., 1.	1 gr. d. ком
2 м., 6 ж.	**Женихъ! женихъ!** фарсъ А. Канаева.—Комната.	—	1 ком., 1.	1 люб., 1 рез.	1 ing. ко . (пѣв.), 1.
3 м., 2 ж.	**Женихъ изъ долговаго отдѣленія,** ком. И. Чернышева.—Комната.	1 рез. ком. 1 ком.	1 gr. d. ком.	1 пр.	1.
3 м., 2 ж.	**Женскія слезы,** ком.—Комната.	—	—	1 пр., 1 люб., 1 ком.	1 gr. d ком., 1 ing. ком.
5 м., 2 ж.	**Женщины арестанты,** шут.-вод. съ пѣніемъ, пер. съ фр. Н. Куликова.—Внутренность гауптвахты.	1 ком., 1.	—	1 люб., 2.	2 ing. ком.
5 м., 3 ж.	**Жены наши пропали, или Maiоръ bon vivant,** ком. съ куплетами П. Григорьева.—Комната.	1 ком. рез., 1 ком.	—	1 ком., 1 пр., 1 люб.	2 gr. d. ком., 1 ing. ком.
2 м., 2 ж.	**Женя,** ком. П. П. Гнѣдича.—Комната.	1 ком.	1 gr. d.	1 люб.	1 ing.
3 м., 2 ж.	**Живчикъ,** водев. съ куплетами, перед. съ фр. К. Тарновскаго и Ѳ. Рудневa.—Комната.	1 ком.	—	1 пр., 1 ком.	2 ing.
3 м.	**Жидъ за печатью,** шутка съ пѣніемъ Оникса.—Комната.	—	—	1 ком. жидъ, 2.	—
4 м., 3 ж.	**Жилецъ съ тромбономъ,** шут.-вод., съ пѣніемъ, заимств. съ фр. С. Байковымъ.—Комната.	2 ком.	1 gr. d. ком.	1 пр., 1.	1 ing. ком. 1.
3 м., 1 ж.	**Жить надоѣло,** шут. И. Билибина.—Комната. (Театр. Библ. № 3).	—	—	3 ком.	1 ing. ком.
10 м., 1 ж.	**Завтракъ у предводителя,** ком. И. Тургенева.—Комната.	1 рез. ком., 1 рез.	1 gr. d. ком.	2 рез. ком., 1 рез., 3 ком., 2.	—
4 м., 3 ж. Дѣт. 1 мал. 10 л.	**Заемныя жены,** вод. съ пѣніемъ, перед. съ франц. П. Каратыгина.—Комната.	1 рез. ком.	1 gr. d., 1 ком.	1 л., 1 пр., 1.	1 ing. ком.
8 м., 2 ж.	**Закатъ солнца, или Должникъ въ тискахъ,** вод. съ пѣніемъ, перев. съ франц. Л. Яковлева.—Комната.	2 ком. рез.	1 gr. d. ком.	2 л., 2 пр., 1 рез., 1.	2 ing. ком.
2 м., 3 ж.	**Заколдованная яичница, или Глазъ видитъ да зубъ нейметъ,** вод. съ пѣн., перев. съ фр.—Комната.	1 ком.	—	1 пр.	1 gr. d. ком., 2 ing. ком.
3 м. Дѣт. 2 м. 13—14 л.	**Залъ для стрижки волосъ,** вод. П. Григорьева.—Комната.	—	—	1 ком., 1 нѣм. ком., 1 фр. ком.	—
2 м., 1 ж.	**Заплатилъ да не купилъ,** шут.-вод В. Владимірова.	1 ком. куп.	—	1 люб.	1 ing. ком.
3 м., 2 ж.	**Запутанное дѣло, или съ больной головы на здоровую,** вод., перев. съ фр.—Комната.	2 ком.	—	1 пр.	2 gr. d. ком.
5 м., 5 ж.	**За рюмочку,** картины будничной жизни. В. Щигрова.—Комната.	1 ком., 1 ком. рез.	1 gr. d. ком., 1 gr. d.	1 рез., 2.	2 ing. ком., 1 ком.
3 м., 1 ж.	**Застрахованная жена,** ком.-шут. актера А. Плещеева.—Комната.	1 ком.	—	1 люб., 1.	1 gr. d. ком.
1 м., 1 ж. Выход. 1 ж.	**За стѣной,** ком., перев. съ фр. А. М.—Садъ, сзади стѣна. *Примѣчаніе.* Эта же пьеса, въ другой перед. назыв. „Знать приспѣло времячко“.	—	—	1 люб.	1 ing. ком.
4 м., 4 ж.	**За ушко да на солнышко, или Люби смородинку, люби и оскоминку,** шут., перед. съ нѣмец. М. Каріѣва.—Комната.	—	—	1 рез., 1 пр., 2.	2 gr. d. ком., 2.
2 ж.	**За хитрость хитрость,** ком., перед. съ фр. А. Плещеева.—Комната.	—	—	—	2 gr. d. ком.
3 м., 2 ж.	**Зачѣмъ иные люди женятся,** ком. съ куплетами П. И. Григорьева.—Комната.	1 рез.	—	1 ком., 1 рез.	1 gr. d. ком., 1 ing.

Ж-Д-I-55

ЧЕРЕЗЪ КОНТОРУ НАШЕГО ЖУРНАЛА МОГУТЪ БЫТЬ ВЫПИСЫВАЕМЫ:

„Въ память С. А. Юрьева“. сборникъ изданный друзьями покойнаго. Цѣна 2 руб. 50 коп. (Осталось небольшое количество экземпл.).

Собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, новое изданіе въ 10 томахъ Цѣна 16 р.

„Сборникъ въ пользу голодающихъ“, изданіе редакціи журнала **„Русская мысль“**. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

„Въ слѣдующій разъ“, монологъ въ 1 д. **Грене д'Анкура**, перев. съ французскаго **Ѳ. А. Куманина**. Цѣна 30 коп.

„Въ сонномъ царствѣ“, ком. **И. Я. Гурлянда**. Цѣна комплекта въ 12 экз. (по числу ролей)—6 руб.

„Для публичнаго чтенія“, стихотворенія П. И. Кичеева. („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Жоржинька“, ком.-шутка въ 2 д. **Чека**. Цѣна 50 к.

„Жрица искусства“ (Свободная художница), комедія въ 4 д. **Е. П. Карпова**. Цѣна комплекта въ 16 экз. (по числу ролей)—8 руб.

„Звѣзда Севильи“, трагедія **Лопе де-Вега**, переводъ **С. А. Юрьева**. Цѣна 1 руб.

„Изъ жизни мелкихъ людей“, Юмористическіе очерки **П. М. Невѣжина**. Цѣна 1 руб.

„Ксенія и Лжедмитрій“, драма въ 5 д. и 7 карт., въ стихахъ. **Н. Пушкарева**. („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Ликвидація“, ком. въ 1 д. **Пальерона**. Перед. Э Маттернъ („Европейскій театръ № 1“). Цѣна 1 руб.

„Милостники и опальные“, драма въ 4 д. и 5 карт. въ стихахъ **М. И. Лаврова**, Цѣна 2 руб.

„На земской нивѣ“, др. въ 5 д. **Е. П. Карпова**. Цѣна 50 коп.

„Немезида“, ком. въ 4 д. **Николая Александровича**. („Европейскій театръ“ № 1“). Цѣна 1 руб.

„Перекати поле“, ком. **П. П. Гнѣдича**. Цѣна 1 руб. 50 коп.

„Ранняя осень“, др. **Е П. Карпова**. Цѣна комплекта въ 10 экз. (по числу ролей)—5 руб.

„Сильнодѣйствующее средство“ или **„Лучше поздно, чѣмъ никогда“** („Doktor Klaus“), ком. въ 5 д. **Аронжа**, передѣл. съ нѣмецкаго Ѳ. А. Куманинымъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., для подписчиковъ нашего журнала—1 руб.

„Тяжкая доля“, др. въ 4 д. и 5 карт. **Е. П. Карпова**. Цѣна 50 коп.

„Цитварный ребенокъ“, вод. въ 1 д. **В. Холостова**. Цѣна 40 коп.

„Честь“ ком. въ 4 д. **Г. Зудермана** переводъ **Н. К.** Цѣна комплекта (по числу ролей) 8 руб.

Фотографическіе кабинетные портреты артистовъ **Н. А. Никулиной, М. К. Заньковецкой, А. И. Южина** и **Н. И. Музиля**. Цѣна по 1 руб.,для подписчиковъ по 65 к.

и всѣ драматическія произведенія существующія въ продажѣ.

Гг. подписчики на журналъ „АРТИСТЪ“ за пересылку не платятъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 19 день Мая 1889 года ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на открытіе при Комитетѣ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе **въ городѣ Москвѣ памятника** покойному драматическому писателю

А. Н. ОСТРОВСКОМУ.

О такомъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМЪ соизволеніи Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ поставляя въ общую извѣстность, покорнѣйше проситъ адресовать денежныя пожертвованія въ Москву казначею Общества д. с. с. Аполону Александровичу Майкову.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, высылать слѣдуемые взносы своевременно—согласно объявленнымъ условіямъ разсрочки, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ книгъ.

Запасные фонды.
1651.
1929.

Продолжается подписка на 1892 годъ

И СЕЗОННАЯ НА 189½ Г.

на Театральный, Музыкальный и Художественный иллюстрированный журналъ

„АРТИСТЪ“.

(ГОДЪ 8-Й).

ПРОГРАММА:

1. **Правительственныя распоряженія**, касающіяся театра и музыки. Списки пьесъ дозволенныхъ драматическою цензурою.—2. **Драматическія произведенія**, оригинальныя, и переводныя, преимущественно тѣ, которыя исполняются на столичныхъ сценахъ, **съ снимками** съ декорацій, планами сценъ, **портретами** артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ и проч.—3. **Либретто** оперъ и балетовъ.—4. **Режиссерскій отдѣлъ**, постановка пьесъ, указанія авторовъ, виды и планы декорацій, монтировки, костюмы (съ рисунками), статьи по гриму (съ рисунками), снимки съ извѣстныхъ артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ, снимки съ картинъ и портретовъ историческихъ лицъ. Виды и планы театровъ. Устройство театровъ съ чертежами и смѣтами.—5. **Критическія статьи** по всѣмъ вопросамъ искусства.—6. **Историческія статьи** и очерки эпохъ, изъ коихъ взяты сюжеты для историческихъ драматическихъ произведеній, статьи по исторіи театра и друг. искусствъ, біографіи артистовъ, ихъ воспоминанія, записки, дневники, автобіографіи и проч. съ приложеніемъ портретовъ, видовъ и проч.—7. **Хроника**, корреспонденціи, свѣдѣнія о произведеніяхъ искусства въ Россіи и на западѣ Европы, статистическія свѣдѣнія, отчеты разныхъ артистическихъ и художественныхъ обществъ и проч.—8. **Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.**—9. Библіографія.—10. Смѣсь. **ПРИЛОЖЕНІЯ**: *а)* **оригинальные рисунки, снимки съ картинъ, портреты** артистовъ и писателей и т. п., исполненные фототипогравюрой, фототипіей, автотипіей, хромолитографіей, фотохемиграфіей и фотоцинкографіей и *б)* **музыкальныя произведенія** для пѣнія и игры на инструментахъ: отрывки изъ оперъ романсы и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Влад. А. Александровъ, Н. Ѳ. Арбенинъ, А. Ѳ. Арендсъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, В. В. Билибинъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. А. Веселовская проф. П. Г. Виноградовъ, Н. С. Генкинъ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), С. С. Голоушевъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, И. Н. Грековъ, Г. Н. Грессеръ, И. Я. Гурляндъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ. А. А. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, А. Н. Канаевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, М. Л. Кропивницкій, С. Н. Кругликовъ, Ѳ. А. Куманинъ, А. С. Кушнеревъ, Ц. А. Кюи, М. И. Лавровъ, И. Н. Ладыженскій, О. Я. Левенсонъ, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ) проф. И. А. Линниченко, В. С. Лихачовъ, А. П. Лукинъ, Н. С. Лѣсковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттернъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, Е. С. Некрасова, Влад. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, проф. Н. А. Осокинъ, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, И. Н. Потапенко, Н. А. Римскій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, П. М. Свободинъ, А. А. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, проф. Н. И. Стороженко, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, С. Н. Терпигоревъ (Атава), А. А. Тихоновъ (Луговой), проф. Н. С. Тихонравовъ, кн. А. И. Урусовъ, А. А. Фетъ, А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, К. С. Шиловскій, И. В. Шпажинскій, К. К. Штепанекъ, В. Р. Щиглевъ, С. Ф. и А. А. Ѳедотовы, А. А. Ярцевъ и друг. **Художники:** В. Н. Бакшеевъ, Н. А. Богатовъ, Ѳ. А. Бронниковъ, А. Д. Кившенко, А. А. Киселевъ, бар. М. П. и Н. А. Клодтъ, А. П. Ленскій, В. Е. Маковскій, К. Е. Маковской, Н. В. Невревъ, В. В. Переплетчиковъ, Л. О. Пастернакъ, В. Д. Полѣновъ. Д. П. Поляковъ, И. М. Прянишниковъ, И. Е. Рачковъ, И. Е. Рѣпинъ, Г. Ѳ. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, А. С. Степановъ, К. А. Трутовскій, И. И. Шишкинъ, С. И. Ягужинскій и друг.

Подписка принимается
съ января *на годъ* или съ сентября *на сезонъ* (съ сентября по апрѣль).

Подписная цѣна за годъ (7 книгъ «Артиста» и 5 кн. «Дневника Артиста») **10** р., съ перес. и доставк. **12** р., за границу **14** р., а на сезонъ (7 книгъ «Артиста»)—**9** р., съ перес. и доставкою **10** р., за границу **12** р.,

вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“ на годъ (7 книгъ „Артиста“, 5 кн. „Дневника Артиста“ и 12 книгъ „Театр. Библіотеки“) 13 р., съ перес. 16 р., а на сезонъ (7 книгъ „Артиста“ и 12 кн. „Театр. Библіотеки“) 12 руб., съ пересылкою 14 руб.

Подписная цѣна на сезонъ на «Артистъ» на зеленевой бумагѣ (сто особыхъ нумерованныхъ экземпляровъ) 16 р., съ перес. 18 р.; въ изящныхъ переплетахъ 25 р., съ перес. 30 р.

Для учащихся въ спеціально театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на «Артистъ» за годъ **8** р., съ перес. **10** р., а за сезонъ **7** руб., съ перес. **8** руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается при подпискѣ на „Артистъ“ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей суммы.

Отдѣльные нумера „Артиста“ по 2 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $^1/_4$ и 5 р. за $^1/_8$ страницы.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются **въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ)**, въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

Отъ редакціи.

Редакція и **контора** (Москва, Кудринская Садовая, домъ Бартольсъ) **открыта** ежедневно, отъ 11 до 3-хъ часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 1 часу.—Личныя **объясненія съ редакторомъ** по четвергамъ отъ 12 до 1 часу дня.—Редакція **отвѣчаетъ только на тѣ письма**, къ которымъ приложены почтовыя марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. **Билеты на полученіе журнала высылаются** только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются **исключительно** въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. **Кредита** и **разсрочекъ** по доставленнымъ ими подпискамъ **не допускается.**

Доставленныя въ редакцію **статьи** должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—**Гонораръ** уплачивается **только** за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и уплачивается по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. **Авансы не выдаются.**—Сочиненія, принятыя для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, **сокращенію** и **исправленію.**—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, **возвращаются** авторамъ безъ объясненія причинъ.—**Обратная пересылка** такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, **хранятся** въ редакціи втеченіе **шести** мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста нашего журнала, храненію не подлежатъ.

Правомъ безплатнаго полученія журнала пользуются только постоянные сотрудники.

Гг. артисты, ищущіе ангажемента, благоволятъ присылать въ редакцію свои заявленія, которыя будутъ **безплатно** печататься въ нашемъ журналѣ.

Издатель **Ѳ. А. Куманинъ.** Отвѣтственный редакторъ **И. И. Петровъ.**